В. В. КОБКО

СТАРООБРЯДЦЫ ПРИМОРЬЯ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ

(середина XIX в. – 30 гг. XX в.)

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ
ПРИМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

В. В. Кобко

СТАРООБРЯДЦЫ ПРИМОРЬЯ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ (сер. XIX в. — 30 гг. XX в.)

Владивосток
2004 г.

В. В. Кобко

СТАРООБРЯДЦЫ ПРИМОРЬЯ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ (сер. XIX в. — 30 гг. XX в.).

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Э. В. Ермакова,** Дальневосточный государственный университет.
кандидат исторических наук **М. Б. Сердюк,** Дальневосточный государственный университет.

Редакционно-издательская группа:
Г. А. Алексюк, Н. Б. Керчелаева, А. Т. Храмцова.

В монографии использованы фотографии: В. В. Кобко, Н. Б. Керчелаевой, А. М. Паничева, Н. А. Каторжных, В. Кобзаря, В. Асмирко.

Рисунки и чертежи выполнены: М. Головковой, Е. Копытовой, Н. Бойко.

Монография является первой книгой, специально посвященной истории старообрядчества Приморья. В ней на обширном материале полевых исследований ПГОМ им. В. К. Арсеньева, на архивных документах, опубликованных источников исследуются проблемы этнической истории старообрядческого населения края, истории дальневосточного пустынножительства, этноконфессиональные особенности. Особое внимание в монографии уделено таким малоисследованным вопросам как хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев Приморья.

Впервые автором вводится в научный оборот ценнейший полевой материал, накопленный за время музейных экспедиций 1986–2004 гг.

Книга предназначена для историков, музейных работников, преподавателей и студентов высшей и средней школ, а также для всех интересующихся историей освоения Дальнего Востока.

Издано по решению Научно-методического совета Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева.

Приморский Государственный Объединенный музей им. В. К. Арсеньева выражает благодарность главе администрации Тернейского района Владимиру Алексеевичу Усольцеву, приморской региональной общественной организации «Крейсерская слава», «Приморсклеспрому» за всестороннюю поддержку в научных исследованиях истории старообрядчества Приморья.

© 2004, Приморский Государственный Объединенный музей им. В. К. Арсеньева.

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждой книги своя история появления на свет...

История этой книги началась еще в 80-х гг. теперь уже прошлого века. К тому времени наши скудные знания о старообрядцах края ограничивались, пожалуй, лишь статистическими сведениями «Обзоров Приморской области» да статьей Г. П. Михайлова, в которой автор убедительно обосновывал исключительную роль старообрядцев-первых колонизаторов Уссурийского края.

Изучение нашего собственного музейного собрания было более чем кратким: почти за столетний период существования музея среди 400 000 тысяч экспонатов мы обнаружили чуть больше десятка предметов по этой теме! Словно и не было никогда на приморской земле староверов, или ушли они с этой земли, не оставив о себе памяти... Сожалеть о жестких временах атеизма в коммунистическом государстве можно было долго, но на дворе уже конец XX столетия и нужно было поторопиться, если мы хотели еще успеть хоть что-нибудь собрать.

Наивно было полагать, что мы сможем реконструировать историю формирования старообрядческого населения в одном из самых отдаленных уголков России только с помощью полевых наблюдений: фактологический материал требовал уточнения, ведь память человеческая не совершенна. Да и вряд ли мы могли надеяться на встречу со старожилами, помнившими события более чем столетней давности. Социальные потрясения в государстве на протяжении 70 лет не способствовали сохранению памяти. Поэтому за вопросом: «Что сохранилось?» последовал вопрос: «Где?». На какие источники мы могли рассчитывать в те времена?

Дальневосточные исследователи долгое время были лишены главной источниковой базы — Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, вывезенного в г. Томск еще перед войной в связи с ухудшением политической ситуации на восточных границах страны. В Государственном архиве Приморского края мы смогли обнаружить интереснейшие документы по истории старообрядчества края, но это была только часть истории, с 1917 г. архив УФСБ, тогда еще КГБ, был недоступен для широкого круга исследователей.

К счастью, ситуация стремительно менялась. В 1991 году, после известных событий с ГКЧП решением правительства был открыт доступ к какой-то части ранее секретных архивов КГБ. В начале 90-х гг. по инициативе краеведа Бориса Алексеевича Дьяченко началось движение за возвращение государственного исторического архива Дальнего Востока из Томска во Владивосток. В 1994 г. во Владивосток прибыл первый вагон с бесценными документами, и в том же году архив начал принимать исследователей. Полевые материалы музея, а также материалы архивов стали основой нашей работы.

А начинать нужно было с чистого листа. Специалисты-музейщики знают, что создание экспозиции может длиться годами, но мы и не предполагали, что даже 18 лет полевой работы будет явно недостаточно. Цели, которые мы поставили перед собой, на начальном этапе, казались нам вполне реальными: разведка, уточнение информации о расселении старообрядческих общин в Приморье, уточнение мест выхода старообрядцев, переселившихся в край. Традиционно важной задачей музея была работа по сбору вещественных памятников. Во время первых интервью мы даже не пытались ограничить информацию, записывали все, что нам рассказывалось, пелось, показывалось. К тому же нас подстегивало и вполне понятное опасение, что ситуация в стране могла вновь круто измениться. По результатам первых экспедиций постепенно складывалось представление о местной старообрядческой культуре в целом.

Дальнейшие экспедиции требовали более тщательной подготовки, разработки серии специальных вопросников (сведения об информаторе с определением по принадлежности к согласию, анкета по населенному пункту, по жилищу, по хозяйственным постройкам, по одежде и т. д.)

Мы побывали почти во всех местах традиционного расселения старообрядцев в крае: Чугуевском, Тернейском, Анучинском, Кавалеровском, Красноармейском районах. В связи с тем, что одни старожильческие поселения старообрядцев (Петропавловка, Богословка) уже не существуют, в других старообрядцы уже не живут (Ильинка, Осиновка), мы решили начать нашу полевую работу с Чугуевского района. Он активно заселялся старообрядцами — выходцами из Алтая, Сибири, Урала, Поволжья в 80–90 гг. XIX в. Именно здесь еще сохранилось наибольшее количество старообрядческих поселков. В этом районе и в г. Арсеньеве мы работаем ежегодно в течение всех лет...

Полевые дневники — серьезный документ, первоисточник. Но это еще и увлекательное чтение особого жанра, ведь самые яркие стороны экспедиционной жизни, встречи с людьми, подарившими нам подчас бесценную информацию, остаются лишь на страницах полевых записей.

Каждый полевой сезон мы проживаем со своими героями их жизни, жизни их предков, зная подчас их родословия лучше, чем свои. Невозможно не откликнуться сердцем, не привязаться навсегда душой к этим людям. Обман и корыстные отношения (со стороны исследователя) здесь невозможны. Рано или поздно это станет очевидным, и обернется худшим из всего, что может произойти в нашей работе — утратой доверия...

Безусловно, для любого ученого важен результат работы, но сам процесс поиска — едва ли не самая интересная и захватывающая часть работы. Как часто сюжеты архивных материалов находили свое продолжение в полевой работе. Экспедиции дали нам уникальную возможность встретиться и познакомиться с героями архивных документов или их потомками.

Музеи исторические, краеведческие в отличие от других хранилищ первоисточников — явление уникальное. В них сосредоточиваются и изучаются источники самых разных типов: документальные, изобразительные, вещественные. Все вместе они позволяют не только документировать историю, но, что не менее важно для музея, создать ауру времени, зримые образы давно ушедшего... В результате экспедиционных работ был создан комплекс источников, насчитывающий больше 1000 ед. хр. Среди них чудом сохранившиеся фотографии, документы, вещественные памятники, аудио и видеозаписи...

У этой книги не один автор. В течение всех лет полевых исследований рядом была моя коллега, главный хранитель музея Нина Бесланович Керчелаева. Наш маленький состав экспедиции практически не менялся. Многолетняя совместная работа в музее только помогала: мы понимали друг друг с полуслова. Наша реакция на факты, людей иногда была кардинально противоположной, но зато во время споров рождался единственно правильный вывод. Мы глубоко признательны директору нашего музея — Галине Александровне Алексюк за своевременную поддержку и определение этой темы исследования в качестве одной из приоритетных тем в научно-исследовательской работе музея. Благодаря Галине Александровне мы имели возможность иногда по 2–3 раза в год выезжать в «поле». Как и на что ухитрялась она отправлять нас в очередную поездку, остается ее секретом.

Мы с благодарностью вспоминаем наших коллег, спутников, помощников, друзей, кто делил вместе с нам все радости, трудности, разочарования наших полевых дорог: операторы С. В. Куликов, В. В. Асьмирко, В. Г. Патрушев, водители А. А. Егоров, К. К. Мусофронов, Н. В. Семенцов, художник А. В. Камалов, ученый А. М. Паничев, глава Тернейского района В. А. Усольцев., С. В. Шалимов. и многие другие.

Невозможно назвать здесь фамилии всех наших бескорыстных помощников: тех, кто попутно подвозил нас на дорогах края, тех, кто вытаскивал из болотной грязи наши машины, кто делился с нами кровом и хлебом. Особая наша благодарность сотрудникам милиции края: к ним мы обращались в самых безвыходных ситуациях и всегда находили помощь и поддержку. К слову сказать, приятно сознавать, что слово «музей» имеет до сих пор магическое значение. На него бескорыстно откликались все, понимая, какую миссию выполняет музей в сегодняшнее сложное время. Мы помним всех. Их имена записаны в наших полевых дневниках и уже стали частью истории. Огромное спасибо главам районных администраций тех поселков, куда мы приезжали во время экспедиций, кто откликнулся на наши просьбы и смог выслать в адрес музея так необходимые при создании книги планы, чертежи старообрядческих поселков (с. Красный Яр, с. Варпаховка, с. Максимовка, с. Усть-Соболевка, с. Каменка, с. Кокшаровка).

Низкий поклон главным «виновникам» этой книги — нашим старообрядцам.

Наши более опытные коллеги из Москвы, Новосибирска, те, кто уже давно занимается исследованиями по этой теме, называют своих информаторов «благодетелями». Старое русское слово прекрасно выражает суть этих людей. Их помощью, вниманием, искренним желанием помочь и создавалась эта книга.

Мы искренне признательны сотрудникам архивов ГАПК (директоры: И.Г. Яцкова, Н.Г. Рубан), РГИА ДВ (директор А.А. Торопов), УФСБ России по Приморскому краю (начальники подразделения А.В. Пермяков, Э.А. Дроздов).

Книгу эту ни в коем случае нельзя считать подведением итогов, до них еще далеко... После многих лет накапливания информации и музейных материалов по истории старообрядческого населения Приморья появилась естественная потребность в осмыслении сделанного. Чтобы двигаться дальше, нужно заполнить обозначившиеся лакуны, ответить на поставленные вопросы, высказать свои предположения.

ВВЕДЕНИЕ

Открытый разговор о старообрядчестве в нашей стране стал возможен только в связи с начавшимися бурными политическими переменами, с начала 90-х гг. XXв. За весьма короткий период, пять-семь лет, по всей России от Петрозаводска до Владивостока прошли десятки научных конференций, симпозиумов, семинаров, выпущены десятки книг, журналов, посвященных проблемам истории старообрядчества. Политические перемены открыли огромные массивы ранее секретных архивных документов. Благодаря исследованиям ученых российскому обществу возвращены уникальные знания по истории старообрядчества, имена старообрядческих семей, родов, составлявших когда-то гордость России.

В поисках экономического и духовного возрождения российское общество уже не впервые в истории обращается к конкретным и весьма наглядным примерам стабильности и экономического процветания в старобрядческих общинах. Изучение опыта успешного хозяйствования старообрядческих общин дореволюционной России и современных общин за рубежом представляет насущный практический интерес для развития рыночной экономики, предпринимательства. Особая хозяйственная психология, хозяйственная этика, выработанная старообрядцами, сочетающаяся с инициативностью, особым чутьем к новейшим достижениям науки и техники, смогут оказаться полезными в решении конкретных экономических ситуаций, для воспитания нового типа российского предпринимателя, заботящегося не только о личном процветании, но страны и общества в целом.

Взаимоотношение личности и общества, личности и общины — одна из вечных философских, нравственных тем. Особенно актуально эта тема звучит сегодня, после крушения социалистических идеалов, рассматривавших человека в качестве «винтика» государственной машины. История старообрядчества наглядно демонстрирует особый подход к пониманию этой проблемы: сохранение принципиального персонализма при обязательной интеграции личности в общине. В наступившем царстве антихриста старообрядцы осознавали себя единственными защитниками истинного православия. И эта сверхзадача личной ответственности давала старообрядцам силы для преодоления всех жизненных трудностей [1].

Идеологически-нравственный кризис, характерный для российского общества начала 90-х гг., спровоцировал появление и весьма активную деятельность иностранных миссионеров. По мнению ученых, на Дальнем Востоке и Приморье отмечается самая высокая в стране концентрация и влияние неоориенталистских и неохристианских религиозных организаций. Приморье подверглось настоящей духовной экспансии со стороны США, Японии, Южной Кореи [2]. В поликонфессиональном регионе, каковым является Приморье, и где более 80% составляет славянское население, особенно важен разговор о защите традиционной религии, составлявшей когда-то основу славянской культуры, славянских традиций. Для молодого поколения старообрядцев, проживающих в Приморье и утративших по понятным причинам знание о своих корнях, особенно остро стоит проблема самоидентификации. Необходимые знания облегчат религиозно-нравственный выбор.

Остро востребованным становится обращение к старообрядчеству как носителю и хранителю национальной культуры и традиций. Миграционные пути привели на Дальний Восток, в Приморье русских переселенцев из Европейской России, Урала, Сибири. Они принесли сюда русскую культуру, вобравшую в себя особенности, накопленные за многие столетия освоения этих бескрайних территорий. За время привыкания, адаптации старообрядческого населения к новым природным и социальным условиям Дальнего Востока, сформировались местные варианты культуры, практически не изучавшиеся до сегодняшнего времени.

Приморское старообрядчество представляет собой важный пласт религиозного, исторического, культурного наследия российского старообрядчества. Без анализа общероссийских исследований (исторические исследования до 1917 г., исторические исследования советского периода, исторические исследования с 80-х г XX в. по сегодняшний день), посвященных принципиальным вопросам истории старообрядчества, невозможно приступать к изучению темы.

Попытке определения сущности старообрядчества и серьезному изучению причин раскола в исторической науке с середины XIX в., было посвящено немало исследований. Впервые диссертационная работа А.П. Щапова на фоне господствующего в литературе обличительного направления была посвящена анализу социальных причин раскола [3]. Историками народнического направления был сделан большой вклад в раскрытие идеологии старообрядчества [4]. Прорыв в изучении истории русского раскола был сделан профессором Московской духовной академии Н.Ф. Каптеревым [5], которому удалось впервые доказать полную преемственность и сохранение русским старообрядчеством древневизантийских обрядов. Проблемы, поднимаемые в исследованиях И. А Кириллова [6], известного писателя из старообрядческой среды, касались социально-экономической стороны движения: старообрядчество и власть, государство, старообрядчество и промышленный капитал, старообрядчество и семья. До сих пор эти проблемы не потеряли своей актуальности.

В послереволюционной исторической науке тема старообрядчества долгие годы была либо неким «идеологическим табу», либо само старообрядчество оценивалась как враждебная, реакционная сила. Среди немногочисленных исследований советского периода внимания заслуживают работа Н.М. Никольского [7] по истории и периодизации русской православной церкви, которая содержит весьма ценные сведения об антицерковных движениях, в том числе старообрядчества. Классовая позиция советского историка по отношению к старообрядчеству не исказила достижений дореволюционной исторической науки в отношении причин раскола Русской православной церкви. Ученому удалось верно акцентировать внимание на основных этапах старообрядческого движения.

Значительным явлением в историографии стала изданная в 60-е г. XX в. в Мюнхене книга С.А. Зеньковского [8], крупнейшего специалиста по истории духовной культуры России, представителя первой волны русской эмиграции, — «Русское старообрядчество». Впервые исследование было переиздано в России только в 1995 г. Он продолжил объективное исследование трагедии русского религиозного раскола и его последствий.

Тем не менее и в России уже в 60–70-е гг. появляются труды этнографов, литературоведов, историков, серьезно оппонирующих традиционной идеологической заданности взгляда на старообрядчество [9]. Вследствие специфики старообрядческой культуры в эти годы чрезвычайно огромное значение приобретает работа по собиранию, описанию, изучению кириллической книги, хранителями традиций которой были старообрядцы. Эта работа положила начало новому направлению в науке — полевой археографии, основной задачей которой становится «собирание и изучение кириллической книги в живой среде ее бытования» [10]. Она же способствовала тому, что центры полевой археографии (научные, учебные заведения г. Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Перми, Нижнего Новгорода) со временем превратились в центры по изучению старообрядчества с различной спецификой подхода к основному предмету изучения. Накопленный за эти годы богатый фактический материал, возможность работы с ранее закрытыми архивными фондами, возможность общения ученых Европы, Азии, Америки, Австралии, изучающих старообрядческую диаспору за рубежом, позволили науке о старообрядчестве сделать значительный рывок вперед [11].

Помимо археографических исследований ученые сегодня стремятся к комплексному исследованию феномена старообрядчества и уделяют не меньшее внимание вопросам изучения материальной культуры, музыкальной культуры, фольклора этой конфессиональной группы.

Выявление местной традиции старообрядческого населения невозможно также без знания исследований по истории и культуре этого населения регионов, давших основную массу переселенцев на Дальний Восток, в Приморье: Волго-Вятский, Урал, Сибирь, Алтай, Забайкалье [12].

История приморского старообрядчества неотделима от истории заселения и освоения дальневосточного региона в целом, поэтому не случайно первые упоминания о них мы находим в трудах тех, кто был причастен к процессам переселения на Дальний Восток: чиновников, облеченных высшей государственной властью, чиновников Переселенческого управления Приморской области, землемеров. Работы, в большой степени описательного характера, знакомят нас в основном с теми природными, климатическими, социально-экономическими условиями, с которыми пришлось встретиться первым переселенцам, в том числе и старообрядцам [13]. В небольшой по объему работе Г. Михайлова «Староверы как колонизаторы Уссурийского края» [14] впервые в историографии Дальнего Востока, как самостоятельная и весьма злободневная в условиях хозяйственного освоения территории, была поднята тема старообрядчества.

В советское время о старообрядчестве можно было говорить только с позиций антирелигиозной пропаганды. На этом фоне положительная оценка В.К. Арсеньевым вклада старообрядцев в дело хозяйственного развития края выглядит скорее исключением [15]. О расселении старообрядцев упоминается в работе филолога А.П. Георгиевского [16].

В региональной историографии более позднего советского периода важное значение имеют обобщающие коллективные труды, посвященные истории дальневосточного крестьянства. В работах В.М. Кабузана и Л.Л. Рыбаковского, посвященных историко-демографическому анализу миграционных процессов на Дальнем Востоке есть упоминания о расселении старообрядцев в Приморье [17].

В.Ф. Лобанов одним из первых дальневосточных исследователей обратился к теме старообрядчества. В последующих исследованиях более углубленно им разрабатываются темы миграционных процессов забайкальского и дальневосточного старообрядчества, государственная политика по отношению к старообрядчеству, конфессиональный состав старообрядчества и др. Интересные факты о деятельности старообрядцев по освоению и обживанию Уссурийского края приводит в своей работе В.П. Бянкин [18].

Активный процесс изучения исторических судеб старообрядческих общин в Приморье начался с нач. 90-х XX в. Состоявшаяся в 1994 г. первая международная конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» впервые в регионе поставила вопрос о необходимости комплексного изучения старообрядчества и объединила научные силы Дальнего Востока.

За 1994–2004 гг. исследователи смогли продвинуться достаточно далеко в осмыслении роли приморского старообрядчества в русле общей истории этого российского движения. Начата разработка самых различных сторон такого многопланового явления как старообрядчество: этническая история, традиции и новации в хозяйственной деятельности, сфере материальной культуры. Книга Ю.В. Аргудяевой стала первым монографическим исследованием старообрядчества Дальнего Востока. В основных центрах дальневосточного региона появились исследователи, занимающиеся изучением различных аспектов старообрядческого движения [19]. По-прежнему малоизученными остаются такие важнейшие проблемы культуры как язык, литература, обрядность, певческие традиции русского старообрядчества. К весьма злободневной и востребованной теме современного состояния старообрядческих общин и их интегрированности в современное общество по-прежнему ученые обращаются чрезвычайно редко [20]. В последние годы оформляется новое направление в изучении дальневосточного старообрядчества: генеалогические исследования. Созданный в 1993 г. в музее клуб «Родовед» оказывает исследователям теоретическую и практическую помощь [21].

Основной задачей данного исследования является описание традиционной культуры старообрядческого населения Приморья, выявление его исторических корней. Крестьянская колонизация Дальнего Востока явилась финалом таких глобальных по времени и пространству явлений как продвижение России на восток, освоение Урала, Сибири. Общеизвестно, что в этом процессе старообрядцы сыграли роль первопроходцев. В процессе миграций на новые земли переносятся этнокультурные черты, которые изменяются в результате процесса приспособления к новым условиям. Возникает в связи с этим необходимость описания заселения старообрядцами Приморья, выявление причин и механизма миграций, этапов освоения края. На полевом и архивном материале мы попытались проследить формирование и развитие конфессиональной группы в новых природных условиях, новом иноэтническом окружении, выявить этнокультурные особенности, проявляющиеся в традиционных занятиях крестьян-старообрядцев и их материальной культуре (жилище, одежда, пища).

Хронологические рамки охватывают период с середины XIX в., начала освоения Приамурья, Приморья и появления этой конфессиональной группы в Южно-Уссурийском крае до 30-х гг. XX в., начала процесса разрушения старообрядческой цивилизации в связи с массовыми репрессиями.

В этой книге впервые наиболее полно представлена история старообрядческого населения Приморья — конечного географического пункта и завершающего этапа в многовековом продвижении русских к берегам Тихого океана. Впервые автором вводится в научный оборот ценнейший полевой материал, накопленный за время музейных экспедиций за 1986–2004 гг. Достаточно широкий круг архивных и полевых источников позволили проследить региональные и этнические корни старообрядцев, пришедших в Южно-Уссурийский край в сер. XIX в. Материал исследования убедительно доказывает связь и преемственность между миграционными движениями, происходившими на вновь осваиваемых и заселяемых территориях от Европейской части России до Дальнего Востока, а также этнических культурных традиций, перенесенных на Дальний Восток переселенцами и особо стойко сохраняющихся в материальной культуре. В условиях приспособления к жизни нового приморского региона выработались локальные особенности культуры. Впервые в контексте общей истории приморского старообрядчества автором наиболее глубоко изучены такие важные направления как история наиболее крупных старообрядческих согласий в крае, история дальневосточного пустынножительства и его связь с урало-сибирскими центрами, эсхатологические воззрения приморских крестьян-старообрядцев. Многолетние полевые наблюдения позволили автору сделать выводы об общей сохранности традиционной культуры и современном состоянии старообрядческих общин в крае.

Материалы по истории старообрядческого населения края, собранные в ПГОМ, широко используются учеными, краеведами в научно-исследовательской работе, просветительской, экспозиционной работе музеев: в лекционной, экскурсионной работе, при создании временных выставок и постоянных экспозиций, проведении конкурсов, олимпиад, работе библиотек, а также общественных организаций края. Фактический материал работы востребован и используется в работе государственных органов, занимающихся работой с религиозными организациями края, а также старообрядческих общин дальневосточного региона. Комплекс материалов по данной теме также широко используется в работе средств массовой информации.

ЧАСТЬ I.
История формирования старообрядческого населения Приморья.

Глава I.
«...в восточные пределы...»

Говорить о истории появления старообрядцев на Дальнем Востоке было бы сложно, не предварив ее кратким описанием двухвекового пути приверженцев старой веры на восток.

Победные походы Ермака с конца XVI в. открыли для российского государства путь к Тихому океану. Огромные неизведанные пространства лежали за Уралом. Тяжесть денежных, натуральных поборов, бремя все растущих повинностей, кажется, вконец истощили силы российского крестьянства, а рассказы о земле и воле за Уральским «камнем» были так притягательны... С этого времени начинается массовый исход крестьян из европейской части России в Сибирь. Именно им предстояло сыграть решающую роль в освоении сибирского края. Поначалу к земледельческому освоению Сибири привлекалось ссыльное и ясачное население, но этого было явно недостаточно. Дальнейшее более массовое заселение происходило за счет потока русских крестьян, уходивших от крепостного гнета. Из этих поселенцев и сложилась основная часть населения Сибири, которая осела в полосе, пригодной для земледелия: район Тобольска, Верхотурья, Тюмени, в меньшей степени Томска, Енисейска, Красноярска, по Ишиму, верховьям Лены, в районах Нерчинска, Иркутска.

Постоянная опасность набегов воинственных племен не позволила русским крестьянам осваивать более плодородные лесостепные и степные участки Южной части Сибири. На север Алтая, Минусинска, Прибайкалья, Забайкалья русские пришли лишь в самом конце XVII — нач. XVIII в. С ликвидацией Казанского, а затем Сибирского ханства устранены наиболее опасные препятствия на пути продвижения России на Восток. Уже в начале XVII в. российские землепроходцы достигли пределов Восточной Сибири. Был основан Ленский острог, будущий Якутск.

К концу первой четверти XVIII в. русские составили уже 70% населения Сибири, а возделанные пашни появились на всем протяжении российских земель за Уралом. Вопрос о ввозе хлеба в восточные пределы государства отпал.

В XVII в. основной поток русских шел из северо-русских областей (Поморье) через Урал в Сибирь, позднее старожильческое население пополнялось за счет переселенцев из Поволжья, центральных, среднерусских, южных губерний европейской России.

К концу XVII в. в Европейской части России сформировались основные духовные старообрядческие центры на р. Выг в Олонецкой губернии и на р. Керженец в Нижегородской губернии. К 1680 г. на р. Керженец насчитывалось около ста старообрядческих скитов и более 2000 монахов [1]. Разгром в 20-х гг. XVIII в. керженских скитов стал началом исхода многих тысяч сторонников «старой веры» на Урал, в Сибирь. С XVI в. Приуралье становится крупным перевалочным пунктом в колонизационном движении из Поморья. Уральский регион стал связующим звеном между севером России и Сибирью [2]. Известно, что на Пермской земле стрельцы-старообрядцы появляются уже в конце XVII в., затем к ним присоединяются кержаки с Волги. Более интенсивное заселение старообрядцами северного Приуралья начинается с XVII в. (во владениях Строгановых, Камском левобережье) [3]. С конца XVII в. юго-западное Прикамье — самый значительный ареал расселения старообрядцев. Преимущественно они расселялись в тех районах, заселение которых происходило с XVII–XVIII вв. В составе этого населения были разные переселенческие компоненты. В основном, это были выходцы из Европейского Севера, центральной России, Поволжья. Самым значительным и многочисленным районом расселения старообрядцев был Осинский уезд. Эта территория была тесно связана с Сарапульским уездом Вятской губернии [4].

Становление отечественной металлургической промышленности связано с именами горнозаводчиков Демидовых, Осокиных, Строгановых. К концу XVIII в. «империя» Демидовых производила треть чугуна и железа, производимого в России. Вряд ли возможно было такое стремительное развитие собственного дела у предприимчивых заводчиков, если бы не тысячи беглых крестьян, ставших основным ресурсом рабочей силы для заводов. Первый весьма крупный протест старообрядцев в сибирской Таре и последовавший за этим «розыск», обнаружил на огромных пространствах от Уральских гор до Томской тайги и Кузнецкого уезда многочисленные «тайные убежища старообрядцев» [5]. Некоторое время благодаря покровительству Демидовых, Осокиных беглым раскольникам урало-сибирского горнозаводского округа удавалось избегать переписи и открытого столкновения с государственной властью. Тайные лесные кельи, скиты пустынножителей становились духовными центрами, которые обрастали такими же тайными крестьянскими поселениями. Уже тогда официальные документы называли уральских старообрядцев «керженцами» [6].

30-е гг. XVIII в. были отмечены новым наступлением на старообрядческие центры, существовавшие к тому времени на Ветке (Польша), Поморье (Выговская пустынь), Урале. Тем не менее, карательные экспедиции, предпринятые правительством на Урале в 1735–1736 гг., не смогли уничтожить старообрядцев в этом регионе.

Продвижение русских на юг Западной Сибири, к верховьям Оби стало возможным только после вхождения Алтая в состав России. Богатые рудные месторождения положили начало промышленному освоению края. Инициатива Демидовых по разведыванию месторождений имела достойное продолжение: им было разрешено строить заводы на реках Чарыш, Алей. Количество предприятий быстро увеличивалось. На какое-то время беглые крестьяне вновь стали основным источником рабочей силы на государственных и частных заводах Алтая. «Вольная крестьянская колонизация бассейна р. Бухтармы создала интереснейший мир „каменщиков"- беглых крестьян, солдат, бергалов, искавших в горах, в „камне", убежища от налогов, заводской барщины, военной службы, церковных притеснений» [7]. Сразу несколько довольно острых проблем: земледельческое освоение новых территорий, охрана границ, обеспечение промышленных предприятий рабочими руками, правительство решило за счет административного, насильственного переселения старообрядцев из Польши (Ветка). Вновь прибывшие старообрядцы — «поляки» расселялись как в уже существующих деревнях, так и во вновь созданных на территории Владимирской, Убинской, Риддеровской, Чарышской, Ануйской, Алтайской, Алейской волостей. Теперь им предсто-

яло в кратчайший срок обжиться на новом месте и вместе со старожильческим русским населением внести свой вклад в освоение Сибири.

К концу XVII в. в Восточной Сибири насчитывалось лишь несколько сотен старообрядцев. Ссылка и насильственное переселение были основными путями попадания старообрядцев в эти суровые места. 60-е гг. XVIII в. ознаменовались важнейшим событием в жизни этого региона. После окончательного разгрома Ветки сюда была отправлена другая, большая часть старообрядцев из Польши, получивших название «семейских»: это был первый опыт высылки в Сибирь семьями. Переселение заметно увеличило население восточно-сибирских регионов России. Только в Забайкалье сразу было переселено более 4 000 человек [8]. Они были расселены компактно на территории Верхнеудинского округа (Тарбагатайской, Куналейской, Мухоршибирской, Урлукской волости). В середине XIX в. в связи со строительством Аянского тракта несколько сот старообрядческих семей, изъявивших желание, были переведены из Забайкалья в Якутскую область, где за весьма короткий срок ими было построено несколько десятков станций, селений. Поля, раскорчеванные и засеянные ими в зоне вечной мерзлоты, давали неплохие урожаи.

Забайкалье станет впоследствии ключевым районом в заселении и хозяйственном освоении Дальнего Востока. Уже совсем скоро забайкальцам предстояло снова оставить обжитые места и двинуться в неведомые края Приамурья и Приморья.

Но этому предшествовал ряд географических открытий. В 1639 г. экспедиция Ивана Москвитина, томского казака, вышла к Охотскому морю и совершила плавание до устья Амура. Экспедиция Семена Дежнева нашла пролив, отделяющий Азию от Америки. Одновременно с освоением северо-восточной части Сибири шло продвижение России в южном направлении. Экспедиция Василия Пояркова по Зее вышла к Амуру и сплавилась по нему до океана. Ерофей Хабаров достиг Амура другим путем, по Олекме на Шилку. Все эти события положили начало освоению Приамурья и Приморья. В 70-х гг. XVII в. Приамурье было уже около 300 пашенных крестьян [9]. И крестьяне, и казаки намерены были обустроиться на этих землях надолго: появились остроги, крепости и крестьянские слободы.

Появление русских на юге Дальнего Востока вызвало обеспокоенность и агрессию Цинской династии маньчжуров. С 1652 г. почти сорок лет с переменным успехом шла борьба Российского государства с Цинской династией за обладание Приамурьем. Нерчинский договор 1689 г. приостановил продвижение Китая в Сибирь, но и Россия вынуждена была уйти из Приамурья. Уже начавший осваиваться русскими дальневосточный край был обречен на запустение в течение полутора веков. Окончательное присоединение Приамурья и Приморья, оформление русско-китайской границы произошло в результате подписания Пекинского договора 2 ноября 1860 г.

Эти земли были родными для немногочисленных племен тунгусо — маньчжуров и палеоазиатов: гольдов (нанайцев), орочей, удэгейцев, нивхов, обитавших на этих землях с древнейших времен. Местное население признало власть России и платило ясак русскому царю. По весьма приближенным данным численность коренных народов Приамурья и Сахалина к сер. XIX в составляла не более 20 тыс. чел [10]. Соседями старообрядцев на этой земле станут также китайцы и корейцы. Китайцы проникают в район Приамурья лишь с началом массового переселения славян на Дальний Восток. Малоземелье, нищета, голод, несмотря на препятствия со стороны правительства, толкали их на поиски любой временной работы. С обоснованием здесь русских у них появляется такая возможность. Земледельческого оседлого китайского населения в Приамурье и Приморье было много меньше, чем сезонных рабочих, прислуги и торговцев.

Корейского населения на Дальнем Востоке до прихода сюда русских не было. Все то же малоземелье, перенаселение, разразившийся в 1863 г. голод, наводнения стали причиной массового переселения корейцев на Дальний Восток. Корейцы быстро осваивали сначала самые южные участки Уссурийского края, позднее перебрались в Приханкайскую низменность и на северное побережье, нынешний Тернейский район. В отличии от китайской иммиграции, корейцы переселялись в эти районы навсегда. Русское и корейское правительство вынуждены были признать это фактом и подписать соглашение, по которому корейцы, переселившиеся до 1884 г., признавались российскими гражданами. По переписи 1897 г. корейцев в Приморской области уже насчитывалось 24,5 тыс [11].

Говорить об окончательном закреплении за Россией присоединенных окраин можно было лишь после их земледельческой колонизации. Поэтому присоединение к Российской империи дальневосточных земель «де юре» обозначало лишь, что вся громадная работа по освоению этих пустынных пространств в кратчайшие сроки была впереди.

Приамурье и Приморье, как в недалеком прошлом и Забайкалье, стали пограничными районами. Этим определялась вся дальнейшая стратегия государства: во-первых, заселение в кратчайшие сроки новых территорий, во-вторых, оборона границ. Эти две серьезные проблемы, казалось, могли быть легко разрешены российским правительством путем принудительного (по примеру Забайкалья) переселения сюда казаков (опять же с ближайшей к Приамурью территории — Забайкалья) и «штрафованных» нижних чинов из гарнизонных батальонов, расквартированных в европейской части страны [12].

Переселение казаков на Дальний Восток начинается в 1855 г. Исследователи выделяют 2 основных этапа переселения казачества: старожильческий (до 1895 г.) и новосельческий (после 1895 г). Первый этап связан был с переселением забайкальских казаков и расселением их по Амуру и Уссури. Второй — с переселением казачества из других регионов России: Оренбурга, Дона, Кубани [13].

К 1862 г. в уже образованной Амурской области насчитывалось 67 казачьих станиц с населением 11,8 тыс. человек, а в Приморской области на р. Уссури — 23 станицы с населением 5 тыс. человек [14].

С 1879 г. начинается массовое переселение казаков в Южно-Уссурийский район. За очень короткий срок (около года) была заселена наиболее проблемная территория — вдоль русско-китайской границы. В пограничной полосе было основано 10 поселков. С началом строительства Транссибирской магистрали вдоль русско-китайской границы основная обязанность по ее охране вновь ложится на плечи казаков. В 1895 г. в Уссурийский казачий округ прибыло самое большое за предыдущие и последующие годы число казаков — 2061 чел. из европейской России — в основном, из Донского и Оренбургского казачьих войск, а также Кубанского, Терского [15].

Казачество было одним из самых привилегированных слоев податного населения России. Тем не менее, казаки переселившиеся на Дальний Восток вместе со своими семьями, получили от правительства еще и щедрые дополнительные льготы: надел рядового казака равнялся 30 десятинам земли на мужскую душу, в душевую норму не входили земли, расчищенные от деревьев и кустарников, осушенные от болот. Такими участками казаки имели право пользоваться до 40 лет, независимо от выделенного им надела [16]. Офицерский состав получал от 200 до 400 десятин земли. Казаки освобождались от земских повинностей на 3 года и от станичных повинностей на 1 год, от службы в первоочередных частях на 5 лет. Им была положена ссуда на домообзаведение в 600 руб. В течение года после прибытия полагалось провиантское довольствие [17].

В результате номинально в пользование казачеству были переданы огромные территории: Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам до 15 млн десятин. Фактически же землеустройство Амурского и Уссурийского казачьих войск оставляло

желать много лучшего: размежевание, начавшееся в 1877 г. не было закончено и к концу XIX в. Процент обмежеванной территории составлял всего 4,7% общей территории [18]. Из этого следовало, что огромные территории плодородной земли оставались не обработанными, а привилегии не позволяли передать их крестьянам. Такое положение вещей сдерживало земледельческую колонизацию юга Дальнего Востока.

Практике переселений хорошо известны две основные формы: принудительная и добровольная. Как я уже отмечала, на первых порах казачья колонизация Дальнего Востока носила принудительный характер. Такие меры, как показывает история, были малоэффективны: из 2,5 тыс. штрафных солдат, насильно сосланных на Дальний Восток и причисленных опять же насильно к казачьему сословию, большая часть, как только стало возможно, вышли из казачьего сословия и покинули пределы Дальнего Востока [19]. И все же такая форма колонизации помогла разрешить проблему охраны приграничного края, отчасти заселения, но не смогла разрешить проблему земледельческой колонизации — главной задачи российского правительства в то время. Да и водворение семьи казаков обходилось казне 1,5 тыс. руб., а переселение крестьянской семьи — 200–300 руб., т. е. в шесть раз дешевле [20].

Вступление России в эпоху капитализма, освобождение крестьян от крепостной зависимости, казалось бы, счастливо совпали по времени с присоединением новых восточных территорий к России: можно и нужно было решить главную проблему земледельческой колонизации Дальнего Востока за счет переселения государственных крестьян из густонаселенных районов европейской России. И хотя в центральных черноземных губерниях страны, на Украине явно ощушался аграрный кризис, «Положение» от 19 февраля 1861 г., признав крестьян свободными, пока никак не оговаривало их прав на переселение. А вот появившиеся в том же 1861 г. «Особые правила» о заселении Приамурского края, а позднее и Южно-Уссурийского (1866 г.) открывали новые возможности перед крестьянским населением России.

Амурская и Приморская области были открыты для заселения крестьянам, не имевшим земли. Льготы, дарованные правительством переселенцам, были значительны: крестьяне могли получить крупный надел земли, не более 100 дес. на семью, кроме этого, приобретать землю в собственность по 3 руб. за 1 десятину. Крестьяне освобождались от подушной платы и на 10 лет от рекрутской повинности [21]. Переселение на Дальний Восток должно было осуществляться за свой счет.

Ход миграций выглядел как волнообразное движение переселенцев с длительными остановками, в ходе которых осваивались заселяемые территории, приспосабливая традиционный опыт хозяйствования, культуры к новым условиям. Естественно было бы предположить, что заселение необжитых территорий начнется из близлежащих, смежных районов: переселяться в близлежащие районы легче, чем в удаленные, малообжитые места бросить проще, чем насиженные. Да и переселяться скорее всего будут люди, уже имевшие однажды опыт переселения. Так, ранее для заселения Сибири первых переселенцев дало Предуралье, Урал, Зауралье. Енисейская и Томская губернии давали переселенцев для Забайкалья. Опыт прошлых переселений, без сомнения, учитывался официальными государственными чиновниками на первых этапах казачьей и крестьянской колонизации: забайкальские казаки, крестьяне из Забайкалья, Якутии, Иркутской губернии стали первопоселенцами Приамурья.

Крестьяне, переселяющиеся через Сибирь или из Сибири, оседали сначала в более близкой к этим районам — Амурской области. Так, с 1858 г. по 1869 г. туда переселилось 8080 человек, но лишь незначительная их часть добралась в Приморскую область [22].

В Приморье, как мы сможем убедиться позднее, переселялись потомки тех крестьян, чьи родственники жили в Предуралье, Енисейской, Томской губ. Амурской обл., Забайкалье. Особенно наглядным примером могут служить большие старообрядческие роды. Так, по многочисленному роду Черепановых-дальневосточников можно попытаться установить этапы продвижения рода на восток и расселения волго-вятской группы старообрядцев по Приморью.

Черепанов Феоктист Романович родился в Вятской губернии д. Черемиски-Ляшмара; Черепанов Исак Семенович родился в Томской губернии, Бийского округа, д. Большой Бащелак; Черепанов Алимпий Трифонович родился в д. Петропавловке Софийского округа Приморской области; Черепанов Александр Кириллович родился в Приханкайском районе (согласно записи в анкете арестованного деревни, в которой родился, не помнит. Почти с уверенностью можно сказать, что это была Петропавловка Ханкайская); Черепанов Николай Дементьевич родился в с. Осиновка Суйфунского округа; Черепанов Козьма Александрович родился в с. Петропавловка Ивановской волости; Черепанов Андроник Алимпиевич родился в с. Амгу Маргаритовской волости; Черепановы Алимпий Трифонович, Леонтий Иванович арестованы были в 30-х гг. XX в. в с. Лалулю, Черепанов Андроник Алимпиевич — в с. Междуречье [23].

Формирование старожильческого населения юга Дальнего Востока происходило в период 1861–1900 гг.

Первые крестьяне переселенцы прибыли на Амур в 1855 г., еще до отмены крепостного права. В 60-е XIX в. крестьяне обустраивались на жительство в основном в Амурской обл. Так, в 1863 г. в Амурскую обл. переселилось 936 крестьян, в Софийский округ Приморской области только — 9. Южно-Уссурийский край еще не стал объектом активной колонизации [24].

В 60-г. XIX в. население Южно-Уссурийского края продолжало увеличиваться за счет крестьян из Амурской обл. и северных округов Приморской области, переселенцев из Вятской, Пермской, Воронежской, Астраханской губерний.

С течением времени становится ясно, что Южно-Уссурийский край наиболее благоприятен для земледелия по сравнению с севером Приморской и Амурской областей. В 1864 г. в Южно-Уссурийский край переселяется 382 человека, в том числе из северного Софийского округа 224, 125 — из Николаевска, 33 — из Сибири [25]. В последующие годы более активно начинают прибывать переселенцы из Амурской области. Так, в последующие 5 лет из Амурской области переселилось в Южно-Уссурийский край — 1,4 тыс. чел. [26]. Ими были основаны русские деревни — Фудин, Пермская, Воронежское. Наиболее многочисленный прирост крестьян-переселенцев наблюдался в Южно-Уссурийском крае [27].

Если говорить об этническом составе переселенцев, то на начальном этапе заселения дальневосточного региона явно преобладало русское население, как среди казачества, так и крестьян (Астраханская, Самарская, Воронежская, Вятская, Пермская, Тамбовская губернии).

В конфессиональном отношении русское население юга Дальнего Востока состояло из представителей официального православия, старообрядцев, представителей старорусских сект. Среди них особую роль в хозяйственном освоении края сыграли конфессиональные группы старообрядцев и молокан

С 60-х гг. XIX в. начинается колонизация Южно-Уссурийского края старообрядцами. Ими были основаны селения: Алмазовка, Ильинка, Петропавловка, Красный Яр и др.

Начальный этап крестьянской колонизации Южно-Уссурийского края традиционнно связывается исследователями с переселением двух больших групп старообрядцев-семейских. Переселение сразу 78 многодетных семей, безусловно, стало хорошим началом в заселении пустынных районов края. Их появление в Приморье описано еще Ф. Ф. Буссе, а более под-

робная и документированная предыстория их появления на Дальнем Востоке стала известна благодаря новым исследованиям сибирского ученого Ф. Ф. Болонева [28].

Откликнувшись на просьбу генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, забайкальские старообрядцы (в основном из Мухоршибирской и Куналейской волостей) с 1852 г. успешно осваивали Якутско-Аянский тракт. В связи с географическими открытиями и возникновением новых портов в южной части Дальнего Востока, заселенный и уже процветавший заботами забайкальских староверов, Якутско-Аянский тракт был признан неперспективным. Перед аянскими староверами встал вопрос выбора: вернуться назад или остаться в Якутии. Многие из аянских старообрядцев решили еще раз испытать судьбу на самом краю России.

Итак, датой первого появления старообрядцев в крае назван самый конец 60-х гг. — 1870 г., а первыми старообрядцами, пришедшими в край, считаются забайкальцы [29]. Долгое время эта дата не вызывала сомнения и у меня [30]. Результаты сопоставления уже известных фактов и новых, появившихся за время полевой работы, теперь не совсем укладывались в рамки этой версии. По нашему предположению, дата первого появления старообрядцев в крае все же сдвигалась в сторону начала-середины 60-х гг. XIX в. Наверное, определение даты с точностью до одного года не столь важно и вряд ли документально однозначно доказуемо. Документов, противоречащих самим себе, достаточно много на начальном этапе заселения. Известно, что достоверной официальной статистики старообрядческого населения не существовало из-за нежелания старообрядцев обнаруживать свое вероисповедание. Так, в одной из первых партий русских православных переселенцев из Вятской губернии, прибывших на Дальний Восток, оказалось много старообрядческих семей.

Но не разница в 5–8 лет в этом случае нас волновала, а региональный состав крестьян-старообрядцев, первыми пришедших в край. Нам кажется, что пальму первенства здесь следует отдать переселенцам из Волго-Вятского региона (Самарская, Вятская губернии). Я вполне осознаю фрагментарность своих знаний и источников, поэтому предлагаю лишь свою версию. Одну из нескольких. Вполне возможно, что новые, пока не известные нам факты, смогут подтвердить или исправить ее.

По официальной версии, массовое переселение аянских старообрядцев началось в 1870 г.: 33 семьи переселились сухопутно через Якутск и Иркутск, 45 семей прибыли в Южно-Уссурийский край морем. В ту же осень 1870 г. 10 семей из этой группы аянских старообрядцев обосновались на р. Монгугай в д. **Алмазовка**. Новое поселение получило свое название по имени военного клипера, экипаж которого оказал значительную помощь староверам при постройке изб и обустройстве. Просуществовало село весьма недолго, слившись в одно сельское общество с д. Богословка [31].

А. Меньщиков называет время официального отведения участка для **Богословки** — 1888 г., а годом основания селения семейскими старообрядцами — 1873 г. [32]. Архивные источники уточняют: «Село Богословка Янчихинской вол. Южно-Уссурийского округа основано в 1874 г. крестьянами Забайкальской обл. с Аяна; расположено на речке Монгугай, от Никольска 1098 верст. Дворов 18, жителей м. п. 22, ж. п. –14» [33]. Первоначально на этом месте поселилось 5 семей староверов, затем подселились остальные [34]. Подселившимися крестьянскими семьями и были, скорее всего, жители покинутого с. Алмазовка. Как старообрядческое село, Богословка тоже просуществовала недолго. После подселения иноверцев староверы ушли в Ильинку и Петропавловку Ханкайскую [35].

Остальные старообрядческие семьи из морской партии переселенцев, по сведениям Буссе, решили двинуться в путь из Владивостока только весной следующего года. По сведениям Ф. Ф. Буссе, ими — то и были основаны **с. Красный Яр, Ильинка, Петропавловка (Ханкайская),** [36] хотя в две последние деревни, на наш взгляд, забайкальцы только подселились.

Исследователи называют разные даты основания с. **Красный Яр** Никольск-Уссурийского уезда Суйфунской волости: по архивным источникам — 1870 г., по информации Ф. Ф. Буссе –1871 г., по информации В. М. Кабузана — 1868 г. [37]. Более раннюю дату подтверждают данные переписи 1895 г. Так, Лука Николаев род. в 1869 г. в с. Красный Яр. В семье Ефимова Дорофея сын Федор род. в 1867 г. в Алдане Якутской области, Александр там же в 1868 г., Нестор в 1869 г. во Владивостоке [38].

Датой основания **с. Ильинка** чаще всего называли 1870 г. Эта дата подтверждалась и нашими полевыми исследованиями [39]. Тем не менее, всем исследователям этой темы знакомы архивные документы, которые, во-первых, увеличивали возраст с. Ильинка на 5 лет — 1865 г., а во-вторых, кардинально меняли региональный состав основателей села: если верить документу, то основана Ильинка была «несколькими семьями из Самарской губ». В конце 60-х гг. в село были «приселения: в 1869 г. — 1 семья, в 1870–24 семьи, в 1875 г. — 6 семей...» [40]. Скорее всего забайкальцы и были этими давдцатью четырьмя семьями, подселившимися в 1870 г. Счесть ошибкой дату «1865» вряд ли возможно: она как минимум дважды повторяется в разных документах. А вдруг за этой «ошибкой» с Ильинкой могла стоять новая информация и несколько иная версия событий? Обойтись констатацией факта или попытаться как-то объяснить его появление в архивной документации? Я все же попыталась...

Итак, согласно документам, с. Ильинка основано переселенцами из Самарской губернии. О появлении в Амурской области русских крестьян-переселенцев из Самарской губ. впервые упоминается в 1864 г. В 1865 г. ими основано с. Самарское [41]. Без уточнения конфессиональной принадлежности упоминаются русские переселенцы из Самарской губернии, основатели с. Шкотова, с. Пермского, Ильинки [42]. Вряд ли самарские крестьяне, основавшие Ильинку, могли быть последователями официального православия. В таком случае сомнительно было бы подселение к ним забайкальских старообрядцев, которые не только не покинули село в следующий же год, но обосновались здесь надолго? А если предположить, что основателями села все же было «несколько семей» крестьян-старообрядцев из Самарской губернии, то остается немногое — найти их следы.

Первыми нашими «подозреваемыми» стали Калугины. Семьи Калугиных и Андреевых, как первопоселенцев на Ханке, называют наши информаторы. Регионом выхода обоих родов было Поволжье. Так, Андреев Феопен род. в 1859 г. в д. Давыдовка Самарской губернии [43]. Из воспоминаний Владимировой Нины Родионовны (внучка Терентия Афанасьевича Калугина по женской линии): «Прадеды наши (Калугины, Андреевы — авт.) из Самарской губ., добирались сюда 3 года. Жили на Ханке, очень там нравилось им, но почему-то ушли на Даубиху в Петропавловку. В Петропавловке почти все самарские были» [44]. Слова Нины Родионовны подтверждаются еще одним архивным документом: «с. Петропавловка, Ивановской волости Южно-Уссурийского округа основано в 1887 г. на р. Даубихе... Дворов 40, жителей 105 душ мужского пола и 103 женского, староверы из Самарской губернии. Подселений не было» [45]. Кстати, тоже пока не совсем понятная для нас информация: по нашим сведениям, в Петропавловке было куда больше выходцев из Вятской и Пермской губерний.

Итак, одна из ветвей Калугиных была самарской (ветвь Терентия Афанасьевича Калугина). Даже после отъезда из этих мест Терентий Афанасьевич с сыном Василием неоднократно возвращались на Хайкан порыбачить, в 20-х гг. XXв. ездили туда на заработки: помогали крестьянам делать рисовые чеки [46]. Следы Калугиных на Ханке, помимо воспоминаний наших информаторов, зафиксированы и документально. Заимка Калугиных как одно из самых ранних частных владений на о.

Ханка упоминается еще Н. А. Крюковым [47]. Интересная информация упоминается в одном из архивных документов. Одним из крупных владельцев земли в Ханкайской волости назван Г. Калугин. Его 298 десятин были якобы подарены ему наследником — цесаревичем. К сожалению, подтвердить этот факт мы не смогли. Фамилия Калугиных как владельцев 200 десятин земли на Ханке упоминается еще в одном документе, к сожалению, снова не названы имя, отчество владельца [48].

Обнаружить других самарских старообрядцев среди крестьянских семей, обосновавшихся на Ханке, нам пока не удалось. Остается пока не ясным, пришли ли Калугины и Андреевы на Ханку самостоятельно или были в составе других партий переселенцев, переселившихся в Уссурийский край. Во всяком случае в дальнейшем на протяжении многих десятилетий семьи Андреевых, Калугиных связаны с группой семей, основавших Петропавловку (Ханкайскую). Во всех выявленных нами архивных документх по семейному составу с. Петропавловки (в том числе миграциях этой группы по краю) называются и семьи Андреевых, Калугиных.

Не все понятно и с основанием с. Петропавловки. По опубликованным сведениям, село **Петропавловка** было основано также в 1870 или 1871 гг. Правда, Ф. Ф. Буссе уточняет, что Петропавловка появилась на месте бывшей д. **Тарубаровской**, основанной в 1867 г. «весьма состоятельными» (5 семей, 38 душ) переселенцами из Амурской обл., р. Завитая. Другие 8 семей из этой же завитинской партии переселенцев основали в том же году еще одно село на Ханке — с. Троицкое (50 душ). Упразднилась Тарубаровская следующей же весной по обычной для тех мест и времени причине: поселился в окрестностях тигр и погубил много скота. Это, якобы, и заставило их перейти в с. **Троицкое** [50]. То есть, по времени основание Петропавловки можно отнести и к 1868 г. Были ли жители д. Тарубаровской старообрядцами, остается пока не ясным, но район р. Завитой — один из районов Амурской обл., наиболее густо заселенных старообрядцами. Кстати, и статистика за 1870 г. зафиксировала наличие старообрядцев в **с. Троицком.** По сведениям Кабузана В. М., село основано в 1866 г., старообрядцев беспоповцев было 22 мужского пола, 11 женского пола [51].

Дополнительные факты, полученные из разных архивных документов, свидетельствуют в пользу еще более раннего основания с. Петропавловки на Ханке. Что особенно важно, все это семьи, не упоминавшиеся ни в одном из документов, связанных с (аянскими) забайкальскими семейскими, считающимися первопоселенцами в Южно-Уссурийском крае: Верещагины, Андрееевы, Селедковы, Черепановы [52].

На деле выходило, что эти семьи появились на Ханке раньше аянских старообрядцев и даже раньше «завитинских» переселенцев? Действительно, фамилии Селедковых, Черепановых, Мартюшевых, Бортниковых встречаются среди большой группы переселенцев, прибывших на Дальний Восток из Вятской губернии [53]. Факт переселения этой партии, сформированной еще в 1859 г., хорошо известен исследователям и традиционно упоминается в связи с начальным этапом колонизации севера Приморской области. О трудностях, связанных с обустройством ее на Дальневосточной земле, упоминалось еще их современниками, в том числе и Ф. Ф. Буссе. Поселившись поначалу вместе с новообрядческими семьями, прибывшими вместе с ними из Вятской губернии, в с. Сарапульском Приморской обл., старообрядческие семьи, как это всегда бывало, покинули Сарапульское и основали новое село Петропавловка (Софийского округа) в 1861 г. [54]. Находилось оно рядом с с. Воронежским, жители которого, по словам Ф. Ф. Буссе, особенно бедствовали по причине неудобного расположения деревни, находящейся на лесистом берегу реки, где распашка очень затруднена. Безвыходное положение побудило их в 1862 г. просить генерал-губернатора о переселении на берег о. Ханка, о котором они имели сведения от нижних чинов [55]. Безусловно, эти сведения были известны и старообрядцам из с. Петропавловки, которые, вполне вероятно, отправили ходоков на Ханку. Возможно также, что эти несколько семей и появились на Ханке тайно, переселившись туда без регистрации. Это вполне отвечало обычной практике тайных миграций старообрядцев. Ф. Ф. Буссе, действительно, отмечает имевшие место случаи тайного отселения крестьян [56]. Топоним же «Петропавловка» был перенесен старообрядцами с прежнего места жительства — из Софийского округа.

Массовое переселение из Петропавловки (Софийский округ) в Петропавловку Ханкайскую происходит позже, в 1872–1873 гг. Об этом свидетельствуют все те же статистические отчеты. В 1868 в Петропавловке Софийской значилось 52 мужского пола и 42 женского пола. Приблизительно равное этому количество человек регистрируется в 1871, 1872 гг., а вот в 1873 г. количество жителей резко сократилось — 9 мужского пола, 11 женского. «Число раскольников уменьшилось по случаю переселения их в Южно-Уссурийский край», — так объяснялась разница в показателях [57].

Итак, вполне вероятно, что первыми в Южно-Уссурийский край из Софийского окр. самостоятельно и скорее всего тайно переселились крестьяне старообрядцы, чьей родиной была Вятская и Самарская губернии. Забайкальские старообрядцы переселились позднее — в 1870–1871 гг.

Тем не менее вопросы оставались: если первопоселенцы с. Петропавловки Ханкайской были старообрядцы, то почему ушли «завитинские» крестьяне-старообрядцы? Уже упоминавшийся нами архивный статистический документ уточняет, что в 1870 г. в с. Троицком Южно-Уссурийской округи жило 22 мужского пола и 11 женского пола крестьян-старообрядцев беспоповцев, не признающих браков. Возможно, еще и по этой причине, а не только из-за появления тигра, они не смогли ужиться с семьями Черепановых, Верещагиных, Селедковых, обосновавшихся здесь несколько ранее и принадлежащих к часовенному согласию.

Просуществовала Петропавловка на Ханке совсем недолго: предположительно с начала 60-х гг. по 1879 г: жители Петропавловки, уступая место казакам ст. Платоново-Александровской, передвинулись на приток Лефу и образовали д. Осиновка, сохранив старое название. А в 1879 г. 2615 казаков Уссурийского казачьего округа переселилось на территорию Ханкайского окр. и образовали 9 новых поселений, в том числе и Платоно-Александровскую [58].

Установить хотя бы примерный состав жителей Петропавловки (Ханкайской) было не очень сложно. Известно, что жители с. Петропавловка (Ханкайской), уступая место казакам, почти всей сельской общиной меняли местожительство несколько раз: сначала это была Петропавловка, ставшая после ухода из нее староверов Осиновкой [59], потом Петропавловка на р. Даубихе и, наконец, Таежка. Это подтверждалось и нашими полевыми данными.

Основное ядро жителей Петропавловки Ханкайской составляли семьи Черепановых, Калугиных, Бортниковых, Андреевых, Селедковых, Мартюшевых, Поповых, Верещагиных [60]. Удивительно стойко сохранялся семейный состав этой группы переселенцев. По тому обширному материалу, который дали нам, в основном, следственные и полевые материалы, мы смогли проследить передвижение этой группы семей, их потомков, начиная от Осиновки и Петропавловки Даубихинской, далее Таежка, Халаза, Семеновка, г. Арсеньев, Виноградовка. Из этих мест они разделились на 2 группы: одна из них переселилась в Амгу, на наш взгляд, в связи с уже ощущавшимся в центральных районах края, малоземельем. Это было молодое поколение детей старожилов-старообрядцев, обзаведшихся своими семьями. Старообрядческие семьи другой группы, старшей по возрасту, также в связи с начавшейся коллективизацией, но по времени несколько позднее, уходит в верховья р. Иман, обосновавшись в селах и хуторах.

Региональный состав этой группы первопоселенцев края складывался из выходцев из Волго-Вятского региона (Самарской, Вятской губерний, причем, в количественном отношении явно превосходит Вятская губерния).

Уже на начальном этапе заселения края старообрядческие семьи из этой группы породнились с забайкальцами. Безусловно, установлению межродственных связей способствовал дефицит невест и женихов, но только ли этим можно объяснять тесные контакты с забайкальскими старообрядцами? Есть свидетельства, говорящие в пользу более давних связей с забайкальцами. Так, переселенцы из Вятской губ. Селедковы породнились с Наумовыми, выходцами из Иргиза — одного из известнейших центров и районов расселения ветковских старообрядцев в европейской России. Известны также Селедковы, переселившиеся в свое время из Забайкалья с. Алтай (н?) Акшинского уезда и происходившие из забайкальских казаков [61]. Семьи Бортниковых породнились с семьями семейских старообрядцев Николаевых, Ефимовых. По воспоминаниям же Бортниковых, по пути следования на Дальний Восток, их семья останавливалась у родственников в Забайкалье [62].

Подводя итог первым десятилетиям заселения Южно-Уссурийского края, следует сказать, что переселение в эти годы осуществлялось двумя способами: насильственным (ссыльнопоселенцы, отставные солдаты, забайкальские казаки) и добровольным (крестьяне-переселенцы). Переселения 1859–1861 гг. совершались за государственный счет, в дальнейшем — за счет переселенцев. Так, переселение в 1859 г. большой группы крестьян (в том числе и старообрядцев) из Вятской, Тамбовской, Пермской, Воронежской губерний (230 семей) осуществлялось на казенный счет. На казенный счет были переселены и обе партии семейских старообрядцев из Якутии. Заселение огромных территорий требовало все больших затрат, государственных вложений явно не хватало.

Миграционное движение на Дальнем Востоке развивалось по существующим канонам переселений: происходило медленное смещение населения из Амурской обл. и северных районов (Софийской округ) Приморской области в Южно-Уссурийский край.

Несмотря на неточность сведений о старообрядцах, статистические материалы позволили определить концентрацию старообрядческого населения в этот период времени в Уссурийском крае. Наибольшая плотность старообрядцев наблюдалась в долинных районах края, либо в районах, находящихся вблизи уже заселенных местностей: Ханкайский участок, Суйфунский участок. Это было характерно и для остального населения края.

В эти годы у переселившихся старообрядческих семей происходит узнавание новой территории, накапливание знаний о ее природных условиях, знакомство с другими старообрядческими общинами, живущими рядом, поиск возможностей будущих брачных контактов. Все это способствовало активно начавшимся миграциям старообрядческих семей. Одна из основных причин, подталкивающих старообрядческие поселения к переходу на новое место жительства, все более увеличивающийся приток переселенцев и подселение их в старообрядческие поселки.

В первые десятилетия статистика чрезвычайно редко фиксировала конфессиональные различия между обосновавшимися в крае старообрядческими общинами. Согласно архивной и полевой информации, большинство старообрядческого населения края в эти годы принадлежало к беспоповскому направлению (часовенные).

Участились брачные контакты с семейскими старообрядцами. Несмотря на это, заметного смешения групп не происходит. По-прежнему, в крае существуют две самодостаточные старообрядческие группы (1 — выходцев из Забайкалья, семейских и 2 — выходцев из Волго-Вятского региона России), обосновавшихся в разных селах. Вновь прибывающие в край старообрядческие семьи подселялись в уже существующие села по принципу родства, землячества. Этот принцип останется определяющим в процессе формирования старообрядческого населения.

Глава II.
«Из деревни российской в город Ассирийскай...»

Экономические причины были, безусловно, решающим обстоятельством в крестьянском переселении на пустынные берега Тихого океана с необъятными земельными просторами. В том случае, когда речь идет о переселении старообрядцев, нельзя забывать и о другом важнейшем факторе — религиозной свободе.

Переселению на Дальний Восток старообрядцев, а также сектантов, во многом способствовало Положение, принятое 4 июля 1860 г. и разрешившее переселение на окраину России всем категориям раскольников, кроме скопцов. Оно оказалось как нельзя кстати и впервые открывало легальный путь старообрядцев на Дальний Восток. Слухи о религиозной свободе, которой они не пользовались в других местах, были чрезвычайно заманчивы для сектантов и раскольников и послужили одним из сильнейших толчков к переселению. Еще довольно длительное время местные власти будут демонстрировать лояльное отношение к «раскольникам». В сложных условиях освоения дальневосточных территорий, пожалуй, у них и не было альтернативы.

Во время интенсивных миграций и освоения все новых просторов на востоке страны исключительное значение приобретают легенды о далеких землях. Утопическая легенда тесно переплеталась с реальностью колонизационных и социальных процессов. Любой исторический анализ обязан учитывать специфику социально-утопических легенд [1].

Пожалуй, ни одна из утопических легенд не была так притягательна для русского крестьянства, как легенда о Беловодье. Она появилась в период самого интенсивного освоения Сибири и способствовала продвижению русских крестьян на восток. Согласно текстам всех «Путешественников» страна древнего благочестия Беловодье размещалась где-то на островах Тихого океана или в «Опоньском царстве» — Японии. Со времени присоединения Приамурья и Приморья и установлением дипломатических отношений с Японией появляется, наконец, реальная возможность проверить правильность этих текстов и слухов. В 1898 г. решив добраться до Японии морским путем, в кругосветное путешествие отправляются уральские казаки-старообрядцы [2]. Но мираж так и не стал действительностью.

Нам представлялось интересным проанализировать состояние Беловодской легенды в среде современных приморских старообрядцев, опираясь на устную традицию (воспоминания, слухи, предания, легенды).

Учитывая особое географическое положение Приморья и уже известные публикации, мы смели надеяться на хорошие полевые результаты. Но каково же было наше недоумение и разочарование, когда в течение нескольких лет работы нам ни разу не удалось услышать утвердительного ответа на вопрос о Беловодье.

Впервые, как это ни странно, нам удалось записать рассказы о Беловодье не в старожильческих селах, а в молодом таежном селе Ясное, Чугуевского района, где с сер. 60-х гг. нынешнего столетия обосновалась небольшая группа старообрядцев — репатриантов из китайской провинции Западный Синьцян. Как оказалось, о Беловодье слышали и знали все без иск-

лючения синьцзянцы, правда, в самых общих чертах. Подробностей маршрутов в Беловодье не знал никто. О Беловодье говорили как о праведной, благочестивой земле, но рассказывали об этом, что также удивило нас, с явным скепсисом. То, что именно этой группе старообрядцев была известна легенда о Беловодье, объяснялось просто: все они были выходцами из района Рудного Алтая, р Бухтармы, потомками так называемых «каменщиков». Среди мест выхода информаторами называются с. Фыкалка, Погуляйка, Мяконька, Уймон, Печи, Верх Уймон и др. Именно в этих местах появилась и сравнительно долго просуществовала вольная бухтарминская община. Слухи о вольной мужицкой земле быстро распространились среди европейских и сибирских губерний и еще долгие годы подпитывали и наполняли реальным смыслом утопическую легенду о Беловодье. Реальная часть маршрутов известных текстов «Путешественников» обрывается на Бухтарме, учитывая таким образом историю алтайских «каменщиков» XVIII в. [3]. Отсюда же начиналась легендарная часть маршрута через Китай в Беловодье. Часть семей из уже упомянутой нами группы старообрядцев перебралась в Западный Синьцзян из района Бухтармы еще до революции, часть — уже в годы начавшейся коллективизации. Район Западного Синьцзяна — это район р. Черный Иртыш, городов Урумча, Кульджа, где, по документированным источникам, в 60 г. XIX в. происходили наиболее интенсивные поиски Беловодья. Таким образом, устная традиция не была прервана, и слухи о Беловодье, хотя в очень упрощенном виде продолжают сохраняться и у нынешнего поколения синьцзянцев, правда, только у людей пожилого возраста. Молодежь, родившаяся и выросшая в Приморье, уже ничего о Беловодье не знает.

Два года назад экспедиционные дороги привели меня в п. Единка на северном побережье края. В прошлом большое старообрядческое село, сегодня — пустынное, умирающее. Один из жителей села Кирик Логинович Давыдов рассказал о том, как дед его Григорий Давыдов «долго искал счастливые земли... На Сыр-Дарью ходил, в Японии побывал» [4]. Радость моя при этом известии была все же несколько омрачена тем, что более никаких подробностей Кирик Логинович вспомнить не смог, уточнил, правда, что поездка деда в Японию состоялась уже после того, как семья переселилась сначала в Амурскую область, а затем уже переехала на северное побережье Приморья в нач. XX в. Родом Григорий Давыдов был из Самарской губернии с. Черные Ключи. Упоминание о путешествии Григория Давыдова на Сыр-Дарью в поисках счастливых земель так же не было случайным. К. В. Чистов в известной своей работе о Беловодской легенде упоминает и другие социально-утопические предания, появившиеся в XIX в., среди которых малоизвестная и неизученная легенда о р. Дарье. После неурожая 40-х г. XIX в. между крестьянами некоторых губерний России распространился слух о массовом переселении на р. Дарью с сытяной водой, кисельными берегами. Эту же легенду упоминает и П. И. Мельников-Печерский в «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии». Оба автора отмечают, что легенда о р. Дарье была распространена в основном в приволжских губерниях [5].

Совсем недавно в музей поступил интереснейший источник — письмо Нагорнова Климентия Филипповича, одного из старожилов северного побережья Приморья. В числе прочих важных событий он упоминает и поиски местными старообрядцами истинного священства: решением одного из всероссийских соборов старообрядцы отправились искать истинное священство, «которое будто бы есть в Абиссинии, в Японии... там русские православные церкви сушествуют мол в полном благолепии. В Абиссинию (ныне Эфиопия) ездили, ничего там не нашли. Поехали в Японию. Из наших самарских я знал Давыдова Ефима Никитича. Кое что слышал от него самого. С ним ездил тоже Давыдов Фадей Лазаревич. Кто был из Черепановых? Надо полагать, Олимпий Трифонович, но хорошо я не знаю, а ездили Давыдовы не вдвоем, а может быть Фунтиков Егор Иннокентьевич, но я точно не знаю. Поездка эта состоялась в 1903 или 1904 г... А найти священников по этим легендарным статейкам не удалось и в Японии... А статейки писались от руки в книгах, называемых „Цветниками“. В Цветники писались выдержки из священных книг, хорошо известные молитвы и между ними помещались статейки кем-то выдуманные... писали... о картофеле бесовском, о чае идоложертвенном...» [6].

История, рассказанная Нагорновым К. Ф., очень похожа на историю о поездке уральских казаков в 1898 г. в поисках Беловодья и истинного священства. По всей видимости, сам факт посещения уральскими казаками Японии был известен рассказчику. К. В. Чистов в своей известной работе уточняет, что поездка уральских казаков связана не только с поисками Беловодья, сколько со стремлением проверить достоверность грамот Аркадия «Беловодского» [7]. В 70–90 гг. XIX в. в связи с легендой о Беловодье появился некий Аркадий, выдававший себя за архиепископа «беловодского поставления» (подлинная фамилия его А. С. Пигулевский). Он побывал в северных, центрально-русских губерниях России, а также Пермской, Вятской, Оренбургской, повсюду распространяя грамоты с описанием своего путешествия в Беловодье (морского путешествия!), получения там чина и последующего возвращения в Россию [8]. Возможно, именно эти грамоты Аркадия Беловодского и имел в виду Нагорнов К. Ф., называя их «легендарными статейками». Состав приморских искателей Беловодья, безусловно, требует уточнения. Дело в том, что Давыдовы появятся на северном побережье только в 1910–1911 гг. До этого, по нашим сведениям, они жили какое-то время в Амурской обл. Фунтиковы и Черепановы — старожилы Улахинской долины, переселятся на северное побережье также примерно в это же время, тем не менее мы не исключаем возможности переселения улахинцев на северное побережье немногим ранее.

Уже после окончания русско-японской войны в поисках Беловодья отправляются в Японию еще несколько старообрядческих семей из Владивостока. Об этом важном и интересном для нас факте мы узнали из статьи «Староверы в Японии» японского ученого Е. Накамура. Семьи Савельевых и Васильевых поселились в местности Сасанагарэ, рядом с горячим источником, «но Япония оказалась не похожей на утопию — страну с молочными реками» [9]. Разочарование наступило довольно быстро и через некоторое время семьи постепенно переселяются в северную Америку. Для нас чрезвычайно важно было знать, откуда переселились семьи Савельевых в Приморье. Долгое время мы не могли найти подтверждений о пребывании этих семей здесь. И только материалы дела о старообрядческих волнениях 1932 г. на северном побережье края смогли расставить все точки над «i». Оказалось, что и этот интереснейший факт опять — таки связан с семьей Давыдовых. Во время следствия выяснились связи жителя с. Кхуцин — Давыдова Ивана Ефимовича (сына того самого Давыдова Ефима, которого упоминает К. Ф Нагорнов) с «японскими интервентами». Более того оказалось, что в Хакодате у него живет сестра Ксения Ефимовна с мужем Фадеем Савельевым! «С сестрой моей и ее мужем, — рассказывает Иван Ефимович, — не виделся (Давыдов И. Е. побывал в Японии в 1921 г. для перезаключения договора по поставкам леса — авт.), правда, делал попытки, но мои старания ничем не увенчались, т. к. они жили в 80 км от порта Отару в п. Хакодате. Зять мой Савельев выехал в Японию в 1914 г. весной как верующий, желающий пробраться в Америку-Канаду. К своим староверам, но почему-то застряли и остались на жительство в этом порту. Известно из писем, что он содержал там молочных коров и сдавал молоко. После 1924 г. он писал брату, что имеет большое молочное хозяйство до 20 коров и живет там хорошо, туда не звал. И у меня стремления не было» [10].

Итак, Приморье конца XIX в. — нач. XX в. связано было, судя по публикациям, уже с заключительным этапом жизни Беловодской легенды, когда все чаще появлялись рассказы о том, как искали и не нашли Беловодье.

За время экспедиционной работы на северном побережье нам удалось записать две легенды, связанные с поисками счастливых земель. Обе легенды записаны в с. Усть-Соболевка от старообрядцев урало-сибирского происхождения.

«У нас рассказывали, плыл как-то корабль. Буря случилась, а у них вода кончилась, а земли не видать. Слышат только, колокол бьет. Ну, поплыли туда, увидели остров. Примкнули к острову. К ним люди все в белом пришли, дали им воды и наказали никому не говорить об этом острове. А Петр Первый всех заставил искать этот остров и присоединить его к России. Стали искать, да не нашли. Бог прикрыл этот остров» [11].

«У нас тут другое рассказывали. Бежало много царских чиновников с разодетыми женами. Они уплыли на пароходе. Куда уплыли, никто не знает, но один мужик заблудился в море, и его прибило к острову, где он увидел, как хорошо они там живут. Море прикрывало этот остров» [12]. В этих легендах явно позднего происхождения есть некоторые приметы, сближающие их с другими социально-утопическими легендами и Беловодской легендой в том числе. Согласно почти всем текстам редакций «Путешественника» Беловодье расположено за морем, на 70 и более островах или на берегу океана. Островное положение счастливых земель не случайно («Остров Утопии» Т. Мора, «Остров Солнца» Кампанеллы). По мнению Ю. М. Лотмана, в средневековой системе мышления сама категория земной жизни противостоит жизни небесной. Поэтому и земля как географическое понятие входит в оппозицию «земля-небо» и получает не свойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение. Те или иные земли воспринимаются как праведные или грешные. Праведные земли, прекрасные земли, как правило, наиболее удаленные, исключенные из сферы плохой, грешной действительности. Признак географической удаленности был обязательным в утопических легендах. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, в раю, нижняя в аду [13]. В связи с темой символики пространства вспоминается факт реально существовавшего в Приморье места под названием «Рай». В русской утопии существует понятие особой географии, особого климата [14]. Рай — это место особенно благодатное, с приспособленным для жизни человека климатом. В раю плодородная почва, все растет само в изобилии (так и в Беловодье, этом земном рае). По всем приметам х. Новокаменский, Чугуевской волости, видимо, подходил под это определение как нельзя более. Он был основан несколькими старообрядческими семьями еще задолго до революции и просуществовал до коллективизации. Хутор находился за рекой, в уютной, очень живописной долине с плодородными почвами (650 га пахотной земли), рядом богатейшая уссурийская тайга, река, целебные ключи, безбедное житье вдали от властей. Здесь селились наиболее крепкие в вере христиане. Совсем недалеко отсюда находились тайные скиты пустынников. Словом, благословенные Богом места. Не случайно, хуторяне повесили на раскидистое дерево перед въездом в хутор табличку с надписью «Рай». Многие старообрядцы еще вспоминают об этом сегодня [15].

Итак, счастливые или праведные земли могли быть расположены только вдалеке от реальной действительности, исключены из нее. В нашей легенде, возможно, остров и находится где-то рядом (на лодке далеко не уплывешь), но «море прикрывает остров», он невидим для всех остальных.

Примечательно, что народная фантазия в одной из записанных нами легенд, помещает на этот остров не мужиков (лишь одному из них случайно удается побывать на острове), а «царских чиновников с женами», тогда как во всех редакциях «Путешественника» подчеркивается, что Антихриста в Беловодье нет и не может быть, т. е. нет и не может быть царя, армии, помещиков, чиновников, представителей светской власти [16]. На мой взгляд, здесь произошла фольклоризация реальных событий, наложение легенды на реальные события 20–30-гг. XX в. в Приморье. В 1922 г., навсегда покидая родину, уходили из Владивостока последние пароходы с белоэмигрантами. Старообрядцы, возможно, сочувствуют им как людям, пострадавшим от безбожной антихристовой власти и символизирующим добрые старые времена. Народное сознание помещает их на таинственный остров, где они продолжают жить счастливо. Характерно, что в этой легенде не говорится об острове как о праведной и благочестивой стране. Последние строчки легенды создают впечатление недостижимости счастливой жизни. Подобный интересный вариант наложения Беловодской легенды на реальные факты миграции алтайских крестьян-старообрядцев упоминает Н. Н. Покровский [17].

Пожалуй, больше всего вопросов поставила передо мной информация, услышанная от старообрядцев-федосеевцев, переселившихся в нач. XX в. из Житомирской губ. С этого времени и до середины 30-х гг. старообрядцы — федосеевцы согласно статотчетам проживали в сс. Стольное и Ивановичи Южно-Уссурийского края. В связи с начавшейся коллективизацией большинство жителей этих сел переселились во Владивосток, где поселились компактно в районе современных улиц Громова, Окатовой. Разговаривая с одной из старообрядок, я вдруг услышала от нее совершенно незнакомый для меня топоним — «Сирищино». Я уточнила: «Так называлось село, место, куда вы переселились?» «Нет, — ответила она, — так старики называли Дальний Восток, Приморье, когда собирались переселяться сюда. Поедем, говорят, в Сирищино. Жизнь тут свободная была, спастись можно. Когда стали жить здесь, то больше так не называли» [18]. Очень соблазнительно было связать этимологию этого топонима с птицей Сирин, птицей-девой, фантастическим существом, образом, пришедшим на Русь с Востока, олицетворявшей солнце. Солнце же, как источник света, тепла является с восточной стороны. Для христианской религии характерна восточная ориентация в пространстве: расположение храма, расположение алтаря в храме, ориентация погребения, поведение духовенства во время службы. С Востоком же связаны мистические ожидания духовной благодати [19]. Такое прочтение топонима было бы вполне допустимо. Суффикс «ищ» обычен и типичен в словообразовании для обозначения места (селище, кладбище, топоним в Приморье — «Монастырище»), но, по мнению многих филологов, согласно правилам словообразования слово «Сирищино» от слова «Сирин» образовать нельзя, т. к. буква «н» основы должна была бы остаться, замена ее на «щ» тоже невозможна. Нужно было искать другое объяснение. Снова возвращаюсь все к той же Беловодской легенде. Почти во всех редакциях «Путешественника» есть упоминание о христианах — «асирянах»: «асиряне от папы римского гонимы были из своей земли отлучились на 500 лет...», в Беловодье «церквей сирских... сущих христианских российских церквей 44, и христианские у них митрополиты занялись от сирского патриарха» [20]. «...170 церквей имеют православного патриарха антиохийского поставления...» [21]. Вряд ли ко времени появления легенды можно было встретить на тихоокеанских островах или в Японии ревнителей древнего благочестия. На Курилах, Алеутских островах, Сахалине жили, в основном, язычники, в Японии с XVI в. наступает период гонений на христиан. И все же эти сведения о живущих в Беловодье ассирянах имели под собой некоторое легендарно-историческое обоснование. Представление о том, что где-то на Востоке живут христиане могло возникнуть на почве воспоминаний о несторианах, последователях учения ереcиарха сирийского Нестория о Христородице. Большинство несториан было сосредоточено в Антиохии, затем от жестоких гонений вынуждено было бежать в Персию, из нее распространилось в Средней Азии, Индии, Китае. В X–XI в. на северо-востоке Китая существовало государство киданей Ляо, в котором христиане играли решающую роль [22]. Несториане говорили на древне-сирийском, сирском языке и долго сохраняли его в качестве церковно-обрядового и книжного языка. В связи с сирским языком, мне кажется, необходимо вновь вернуться к Аркадию Беловодскому. Для большей убедительности самозванец распространял среди на-

селения «ставленные грамоты», в которых он рассказывал о своем путешествии в Беловодье, получении там чина. К этим грамотам, написанным полууставом, прилагался рукописный, якобы подлинный, вариант на «сирском» языке. Использование Аркадием Беловодским «сирского» языка в качестве аргумента в доказательстве подлинности документа так же не случайно. Еще в сказании «О письменах» Черноризца Храбра утверждается, что Бог первоначально сотворил именно сирийский язык, что на этом же языке говорил Адам и все люди до Вавилонского столпотворения. В пользу этого высказывался также Феодорит Кирский в своем толкования на книгу Бытия, ссылаясь на сирийское происхождение библейских имен Авель, Каин, Адам, Ной [23]. Под сирийской литературой исстари принято понимать только христианскую. С именем одного из знаменитых отцов сирийской церкви и известного писателя (особенного популярного в среде старообрядцев) Ефрема Сирина связывают начало расцвета сирийской литературы. Наконец, с древнейших времен Сирия известна как одна из стран, где возникает монашество, основной идеей которого является служение Богу. Сравните, Беловодье — страна древнего благочестия.

Позднее рассказ еще одного информатора из той же общины подтвердил нашу версию. «В нашем селе, — рассказала она, — еще на Украине жил мужчина один, он много по России ходил, когда вернулся все ходил по соседям, рассказывал, приходил к моим родителям, говорил: Россия большая, дошел я до самой Сирии. После этого многие семьи поехали на Дальний Восток [24]». Итак, Сирия, возможно, это еще одно название Беловодья?

Благодаря помощи Л. Е. Фетисовой удалось обнаружить еще один источник, свидетельствующий в пользу нашей версии. Журнал «Старообрядческая мысль» (№ 4 за 1914 г.) опубликовал небольшой материал о встрече на одной из железнодорожных станций автора со стариком-крестьянином. На груди у старика на шнурке вместе с нательным крестом, бережно завернутая в несколько холщовых тряпочек, хранилась записка, в которой был указан конечный пункт путешествия старика: «Горад Асирийскай близу тихава моря-акияна въ деревню благодатную» [25]. Записку с таким маршрутом дал старику странник, наказывающий хранить ее пуще глаза, «по ней придешь в такую страну, в которой леса могучие, речки многорыбные, земли урожайные, просторные... В Расеи жить стало невозможно. Муть какая-то пошла. Пришли времена последние. Брат восстал на брата и сын на отца. Того и гляди придет Антихрист. А в городе том, сказывал тот человек Божий, все не так, все по-хорошему. Нет ничего эдакого» [26]. Упоминания старика об Антихристе, последних временах, позволяют предположить принадлежность его к старообрядцам, в среде которых, как мы уже упоминали, популярна была легенда о Беловодье. Но самое главное, что железнодорожный билет у того старика был взят до г. Никольск-Уссурийска! Наличие в топониме «Никольск-Уссурийский» имени святителя Николы, имени занимающего исключительное место в русском религиозном сознании, но более того, фонетическое созвучие топонимов «Ассирийский»-«Уссурийский», по видимому, были признаками весьма знаменательными и служили для старика важными аргументами в доказательстве правильности маршрута в поисках «Асирийского города». «Господа все хотят скрыть, утаить от нашего брата, да только не удастся. Нет! И города такого нет и страны нет... Не может такого быть, чтобы не было. Безпременно есть! Как же иначе?» [27].

Подытоживая сказанное, можно отметить, что в отсутствии архивных материалов фиксация фольклора имеет чрезвычайно важное значение. Смеем надеяться, что наша информация отчасти расширяет круг источников по Беловодской легенде, подтверждает уже известные сведения о бытовании, распространении легенды в определенных районах России, знакомит с новыми подробностями бытования легенды на Дальнем Востоке, в Приморье.

Глава III.
Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае

Южно-Уссурийский край стал крайней точкой на пути продвижения забайкальских старообрядцев на восток России от Ветки и Стародубья. За столетний период их трудами пролягут в глухой сибирской северной и дальневосточной тайге тысячи верст дорог, будут построены сотни новых селений, разработаны хлебные поля. Самыми крупными селами с компактным проживанием забайкальских старообрядцев стали сс. Красный Яр и Ильинка.

Среди забайкальцев, пришедших первыми на Ханку, было несколько семей Спиридоновых. По семейным преданиям, Спиридоновы когда-то были выведены из Польши, но еще раньше жили на Дону. «И фамилия-то у нас такая — Спири-доновы, значит Спиря с Дона». Из Польши добирались через Тобольск. С ними шло большое количество семей, которые придя в Амурскую область, разделились. Одна часть семей повернула на Зею, другая — на Ханку. Места были дикие, так что приходилось времянки огораживать частоколом выше человеческого роста — так спасались от тигров, которых много было в этих местах... «Лапы у них были как тарелки. С добычей, жеребенком или теленком, запросто перемахивали через заборы. Первый сруб поставили в день святого Ильи, поэтому и село назвали Ильинкой. В 1871 г. у Спиридонова Луки родился сын Иван» [1]. Лилиана Михайловна Островская хорошо запомнила рассказы своей прабабушки из рода Спиридоновых о Ильинке: «Не смотря на опасности, жизнь там была изобильной. Озеро, реки кишели рыбой, сомы водились такие, что запросто целиком утку проглатывали. Черепах было множество. Запримечивали места, где они яйца зарывали, откапывали, варили и ели» [2]. Прабабушка, Евдокия Васильевна Спиридонова или в обиходе Лучиха, «...была очень строгой, во всем у нее был порядок, который соблюдался неукоснительно. Вот, когда она возвращалась домой в Ильинку откуда-нибудь из поездки, положено, чтобы во дворе дома в ее честь стреляли». Отец Степаниды, матери Евдокии, был, по рассказам, еще в Якутии богатым купцом, торговал пушниной, в Ильинку привез с собой мешок серебра. Мать Степаниды умерла еще в Якутии. В Ильинку Степаниду с восемью сестрами привез то ли отец, то ли дед. Пока, к сожалению, не удалось выяснить, из какого рода происходила Степанида. Здесь ее насильно выдали замуж за Могильникова Федора. До самой смерти Степанида служила при моленной с. Красный Яр белошвейкой [3].

По сведениям об оседлых поселениях Южно-Уссурийского округа за 1894–1895 г. в с. Ильинка Ханкайской волости дворов было — 36, хозяйственных дворов — 33, число брачных пар — 35 рабочих и 3 нерабочих. Молитвенный дом деревянный, из кедрового леса. Школы нет [4].

По состоянию на 25 июня 1896 г. в с. Ильинка проживало 35 старообрядческих семей: Федора Могильникова, Савелия Николаева, вдовы Евдокии Борисовой, Никифора Борисова, Ильи Борисова, Федора Николаева, Мокея Николаева, Дмитрия Каминского, Сергея Рыжакова, Иннокентия Каминского, Ивана Рыжакова, Марко Рыжакова, Афанасия Спиридонова, Афанасия Чистякова, вдовы Евдокии Спиридоновой, Григория Ревцова, Демида Филлипова, Григория Рыжакова, Василия Филиппова, Якова Буд (т) ковского, Гаврилы Буд (т) ковского, Корнея Малютина, Федора Черных, Екима Ефимова, Федора Ефимова, Мануйлы Малютина, Ивлий (?) Евстих (ф) еева, Моисея Малютина, Ивана Спиридонова, Федора Спиридонова, Якова

Спиридонова, Клима Спиридонова, Игната Ревцова, Афанасия Герасимова, Харлампия Мальцева. Все они, согласно документу, прибыли в Южно-Уссурийский округ в 1870 г. из Якутской области, за исключением семьи Афанасия Герасимова, водворенного в Ильинку в 1884 г. из запасных [5].

С 1897 г. начинается постепенное переселение старообрядцев в с. Красный Яр. Чем было вызвано это переселение? По рассказам стариков, кто-то из ильинцев съездил в Красный Яр, очень там понравилось, вот и решили перебраться туда [6]. Возможно, поводом могли стать активные подселения в Ильинку новообрядцев в 1895 г. — 6 семей из д. Усачи Ханкайской волости, [7] в 1896 г. — 11 семей [8]. В 1898 г. в с. Красный Яр уже переселилось 12 семей из Ильинки, в их числе семьи Бутковского Якова, Ивлия Евстафеева, Ефмова Ефима, Ефимова Федора, Малютина Корнея, Мальцева Харлампия, Николаева Моисея, Николаева Федора, Рыжакова Григория, Спиридонова Якова, Спиридонова Клима, Чистякова Афанасия [9]. Со временем в Красный Яр перебрались все забайкальцы.

Старинное старообрядческое село Красный Яр... Именно ему предстояло сыграть в судьбе забайкальских староверов особую роль. Ему довелось пережить и период расцвета, объединения большинства семей забайкальских старообрядцев в Южно-Уссурийском крае, и трагический для многих семей период внутриобщинного раскола. С началом коллективизации и уходом последних старообрядческих семей Красному Яру, как старообрядческому селу, увы, уже не суждено было возродиться.

К счастью, сохранилось подробное описание этого старожильческого села, составленное А. Меньщиковым. Мы попробуем следовать этому повествованию, сопровождая его воспоминаниями бывших жителей села.

«Селение образовалось, — пишет Менщиков, — в 1870 г. из староверов, которые, по предложению иркутского генерал-губернатора Корсакова, переселились в количестве 75 семей из Якутской области. Из этого количества 30 семей прибыли в Приамурье морем через Аянский порт и обосновалися на месте, где ныне находится Красный Яр...» [10]. Подавляющее большинство жителей села Красный Яр были уроженцами Забайкальской области (Нерчинский, Верхне-Удинский округ) и Якутской области (Усть-Майского и Алданского округов) [11]. Вместе с тем, были и переселенцы из Томской губ., мест, традиционно заселявшихся «поляками». Родом из тех мест была семья Могильникова Матвея (Томская губ. Колывановский уезд), Пухарева Василия (Томская губерния, Барнаульский округ). Последним местом жительства семьи Калугиных, живущих на заимке под Красным Яром, до переселения на Дальний Восток была Томская губерния Каинский уезд [12]. Этот факт не вызывает удивления, а вот появление среди семейских старообрядцев выходцев из с. Верх-Уймон вызвал недоумение. Так, семья Шарыповых, живших в селе, по всей видимости, с начала его основания — переселенцы из Томской губернии с. Уймон [13]. Уймонская же долина на Алтае — место расселения уймонских или аргутских «каменщиков», еще одной этнокультурной группы старообрядцев. По словам внучки одного из братьев Шарыповых, Александры Савельевны Хариной, в семье все поминали, что Шарыповы из семейских. Бабушка по отцу всегда как-то с неуважением говорила «эта семейщина» [14]. Если учесть, что местом выхода основателя шарыповского рода был Уймон, то почему все же «семейщина»? Возможно, из-за совместного проживания с семейскими в Красном Яре? Но возможно также, что Шарыповы из «поляков», живших в «Камне»? Такие случаи известны [15]. Вполне возможно, что родственные или дружеские связи между «поляками» и семейскими Забайкалья продолжали сохраняться. Вообще фамилия старообрядцев Шарыповых была довольно известной в крае. О самом Диомиде Шарыпове, главе семейства, известно не очень много: у него было пятеро сыновей, трое из которых участвовали в Кхуцинском старообрядческом восстании 1932 г. Сыновья Гермоген, Терентий были арестованы в 1933 г. и расстреляны, Ефтифий арестован в 1938 г. и отбывал срок на Колыме. Сам Диомид был арестован в 1937 г.: ему припомнили сыновей, принимавших участие в восстании, заодно приписали и контрреволюционную агитацию. В том же году 77-летний Диомид был расстрелян [16]. Один из сыновей Диомида — Ефтифий в 1899 г. в с. Амгу, на северном побережье, с братьями Бортниковыми создал крупное хозяйство по разведению пятнистых оленей, которое в годы коллективизации было уничтожено. По воспоминиям А. С Хариной, дед был человеком удивительным. К женщинам в семье особенно к жене, относился с почтением, жалел, всю работу по дому старался сам делать, словом, не гнушался женской работы. Оставил внучке несколько заповедей: не осуди, не наведи человека на грех, делись всегда, делай добро. Он был удивительно здоровым человеком, зимой и летом ходил в одной рубашке. Все удивлялись, принимали вроде как за святого, возили его даже во Владивосток на исследование. Он никогда не жаловался на болезни, спал только на полу, под голову клал кирпич. Знал прекрасно лечебные травы и оленей в хозяйстве лечил только сам. Прожил 104 года [17].

Из наиболее знаменательных событий в жизни села А. Меньщиков упоминает разразившуюся в 1902 г. в крае оспу, «от которой умерло до 60 душ, преимущественно детей, в возрасте до 14 лет. Во время эпидемии приезжали врачи, но их не приняли, и больные остались без медицинской помощи» [18]. Уже упоминавшаяся нами строгая Лучиха, Евдокия Васильевна Спиридонова, невестку свою Евдокию (Могильникову) избила скалкой за то, что та сделала прививку от оспы во время эпидемии старшей дочери Дарье. Дарья выжила, выросла черноволосой красавицей с яркими голубыми глазами. Ее и выбрали в числе других самых красивых девушек для встречи в Никольск-Уссурийске (семья к тому времени жила уже в Красном Яре) цесаревича, будущего царя Николая II. В память об этом событии ей была подарена золотая брошь [19].

Село Красный Яр «раскинулось на увале, окруженном с трех сторон реками; на востоке-Суйфун, и в него впадают: с севера Оленевка и с юга — Ивановка... В 2-х верстах от селения находится разъезд „89 верста“, Уссурийской железной дороги» [20]. Позднее разъезд стал называться ст. Партизан. По маньчжурскому поезду, который всегда очень точно подходил к станции и который хорошо был виден из села, жители Красного Яра сверяли часы. «Бабушка, бывало кричит: „Подтяни гирю на часах, маньчжурский прошел“» [21]. «Водой селение пользуется из р. Суйфуна и из общественных колодцев, коих в селении 12... Через селение проходят дороги: из г. Никольск-Уссурийска в с. Тереховку (там тоже жило несколько старообрядческих семей — авт.), на хутор Калугина, в с. Линевичево и в казенные лесные дачи, откуда вывозится почти весь лес, потребляемый г. Никольск-Уссурийском» [22]. Это место жители называли Кедровой падью. Леса сначала было, действительно, много. На это указывает и сравнительная стоимость построек в Южно-Уссурийском округе на 1895 г. Суммы варьируются в пределах 60 до 1000 руб. Самые дорогие в староверческом хуторе Сионском — 1000 руб. Самые дешевые — в Красном Яре — до 350 руб [23]. Зато позднее, — отмечает А. Меньщиков, — лес почти весь хищнически вырублен жителями г. Никольск-Уссурийска [24].

Пожалуй, стоит несколько слов сказать и о упомянутой здесь заимке Калугиных. Она была обозначена на карте Южно-Уссурийского края 1905 г. и расположена верстах 8–10 от с. Красный Яр. Хозяевами ее были Калугин Иван Михайлович, 30 лет, и его брат Григорий Михайлович, 29 лет, уроженцы Томской губернии. Вместе с ними на заимке проживали их семьи. Всего 18 мужчин и 10 женщин [25]. Дополнительную информацию о заимке Калугиных дали «Статистические сведения о раскольниках, проживающих в Никольск-Уссурийском уезде на 1903 г». Согласно этому документу «старообрядцы проживают в частных домах, лишь 1 заимка под Красным Яром. Кладбищ старообрядческих в уезде 7, одно из них на заимке Калугиных, в 8 верстах от Красного Яра» [26].

Пожалуй, 1890-е гг. XIX–1900-е гг. XX в. были для жителей села наиболее спокойными. В 1909 г. 75 семей, проживающих в селе, имели по 100 десятин на семью. Земли удобной было 7587 десятин [27]. Население занималось, в основном,

земледелием и скотоводством. «Сеют, — пишет Менщиков, — пшеницу, ярицу, овес, ячмень, гречиху, картофель и бобы... Семена обновляют, покупая их у китайцев в Маньчжурии... Все хлеба преимущественно жнут... Огороды засеваются всевозможными овощами, включая дыню, тыкву, арбуз, помидоры, стручковый перец, хмель, мяту... Садоводство приносит доход; для продажи имеют сливы, малину, смородину черную и красную. В садах растут, кроме указанных, яблоня — ранетка и антоновка, вишня, дикая груша, малина и крыжовник» [28]. Почти у каждого у дома был сад. По воспоминаниям жителей села, сады просуществовали до 1939 года — времени массового подселения в село переселенцев с Украины. Они селились в сохранившиеся от староверов дома и сразу же уничтожили непривычные для них высокие крепкие заборы, заменив их плетнем. Сады, к сожалению, тоже вырубались и освободившаяся площадь засаживалась картофелем [29].

Условия для развития животноводства в селе были неплохие: хорошие пастбища, чистая вода. Удивительно, вспоминают старообрядцы, но при обилии скота в селе ни одна речка, ручей не были загрязнены отходами. Горная речка Ивановка с чистейшей водой была почти уничтожена уже через несколько лет после создания колхозного стада, животноводческой фермы. Коров в каждом хозяйстве было достаточно много, у Евдокии Федоровны Спиридоновой 18 коров, но были личные стада свыше 25 коров. По рассказам Л.М. Островской, после окончания Первой мировой войны в село приехал бывший пленный австриец или немец (к сожалению, имя его пока не установлено), который и открыл небольшой молочный заводик, молоканку, как называли его жители села. Все село сдавало ему молоко. Платил он золотом, хорошие деньги давал, никого не обижал. Напротив, все, кто хотел приобрести специальность или просто подработать, приходили на завод. Евдокия Ивановна Спиридонова приобрела профессию мастера — сыровара именно там. Местные сыры пользовались огромным успехом, поставляли их в рестораны и магазины Владивостока, а вкуснейшее сливочное масло отправляли даже в Англию. Сыворотку использовали для вскармливания скота [30].

В 90-е гг. XX в. на Дальнем Востоке остро ощущалась проблема нехватки лошадей, так необходимых для военных и крестьянских нужд. Это стало главной заботой местного коннозаводства. В Никольск-Уссурийске, «как в центре наибольшего крестьянского населения» решено было создать конюшню, где будут содержаться породистые лошади и куда был бы «возможный доступ всем нуждающимся в улучшении и развитии лучших пород лошадей» [31]. Его Императорским Высочеством с этой целью было подарено 12 голов племенных лошадей (персидско-арабской, рысистой, битюгской породы). Лошади были доставлены в конюшню в 1901 г. знаменитым приморским предпринимателем, одним из основателей дальневосточного коннозаводства, М.И. Янковским. Среди тех крестьян, кто поддержал начинания М.И. Янковского, были старообрядцы из с. Красного Яра. Уже в 1902 г. только из этого села было привезено 7 маток. Владельцами их были Спиридонов Николай, Спиридонов Климентий, Николаев, Матвеев. Для случек использовались чаще всего казенные жеребцы персидско-арабской породы и рысистой [32]. По воспоминаниям Л.М. Островской, у некоторых в селе были свои выездные экипажи, в том числе и у Спиридонова Ивана Лукича.

Не помнят уже, к сожалению, старообрядцы и имени владельца паровой мельницы и маслобойки, которыми тоже пользовалось все село.

Почти каждая семья держала в хозяйстве романовских овец. Это самые шерстистые и стойкие к морозам овцы. Шерсти было много, делали сукна, катали валенки. Скот покупали и продавали, как правило, в Никольск-Уссурийске на сенном базаре. Сена для скота требовалось немало. Многие в селе были мастерами метать, укладывать листовое сено, ценившееся больше другого. Евдокия Федоровна Спиридонова была одной из лучших мастериц делать зароды. «Травка к травке, ни капли дождя не просачивалось. Лет пять стоит такой зарод, а трава все как свежая. Бывало, бабушка скажет: „Иди, надергай белоголовника из зарода...“ Чай заваришь... Так вкусно и полезно!» Птицы, кур у каждого в хозяйстве было множество, у нашей бабушки больше 200 штук [33].

Село, как я уже упоминала, было расположено в долине в окружении рек Суйфун, Ивановки, Оленевки. Современное село Красный Яр сохранило в основном старую планировку: село формировалось вдоль дороги, идущей из Никольск-Уссурийска. Планировка уличная, в основном, характерная для старожильческих поселений Южно-Уссурийского края. Дома были расположены вдоль двух улиц — Верхней, которая и представляла основную трактовую дорогу, и Нижней, соединявшихся переулками. Фанзы корейцев и китайцев были расположены за селом, за огородами ближе к Суйфуну. Родственники (это характерно для старообрядцев) расселялись и жили по соседству: Бутковские, Спиридоновы, Воробьевы. Все дома в селе были покрыты цинковым железом. Дома-пятистенки с открытыми верандами, были и 2-хэтажные дома, например, у Егора Спиридонова [34]. О том, как выглядело большинство домов в селе, можно судить о единственном сохранившемся в современном Красном Яре доме, предположительно принадлежавшем Федору Дорофеевичу Ефимову. Дом построен из крупных плах, сложенных в чистый угол, с двухскатной стропильной крышей. Дом, по словам его нынешних хозяев остается очень теплым, светлым и потребует минимального наружного ремонта. Предположительно, постройка 10-х гг. XXв.

Среди забайкальских семейских были старообрядцы различных направлений: беспоповцы, беглопоповцы, поповцы. Судя по архивным и полевым материалам, старообрядцы, прибывшие в край из Забайкалья, принадлежали к часовенным. Еще статистические сведения за 1909 г. сообщали, что в с. Красный Яр — одна община старообрядцев, неприемлющих священство, «состоящая из 83 семей с 1 наставником, в селе имеется 1 моленный дом и 1 школа» [35]. А всего через 3 года статистика утверждала, что в селе старообрядцев, приемлющих священство (белокриницкая иерархия) — 78; 1храм; старообрядцев, не приемлющих священство 213, 1 моленный дом [36]. Подселений за этот период старообрядцев белокриницкой иерархии не было, поэтому вряд ли сложно предположить, что же произошло в некогда единой общине... Внутриобщинный раскол. Архивные материалы, переписка жителей села с Приамурским генерал-губернатором Н. Гондатти, подтвердили догадку. «До 1910,-пишет крестьянский начальник Холодцов, — с. Красный Яр было заселено исключительно старообрядцами — безпоповцами, которые жили мирно и в полном согласии между собою. Но с указанного времени среди беспоповцев или, как они себя называют, не приемлющих священство, произошел раскол: часть безпоповцев приняла „священство“, примкнув к австрийскому толку Белокриницкой епархии» [37]. Казалось бы, этот эпизод, оборвавший спокойную жизнь общины, должен был хорошо сохраниться в памяти потомков краснояровцев. Как ни парадоксально, но за 15 лет эспедиционной работы нам не удалось записать у старообрядцев бывшей общины Белокриницкой иерархии ни одного воспоминания, рассказа об этом факте. Более того, все они были уверены в том, что их предки всегда принадлежали к этому направлению в старообрядчестве. Зато удалось записать свидетельства об этом у старообрядцев-беспоповцев. «Прадед мой, Пантелей Николаев, сам был из Польши, наставником был. Сын его, Викул, привезен был в Якутию. Детей у него четверо было, среди них моя мама, Агафья, а еще Тимофей, Анисья, Артемий (Артамон). (По воспоминаниям других Николаевых, были еще 2 сына Селифон и Кондрат. — авт.). Жили сначала все в Красном Яре, потом у них раскол произошел. Приехал откуда-то не то Маслов, не то Масленников. Он всех собирал в белокриницкую веру. Мама рассказывала, дед Пантелей так плакал, не хотел идти в эту австрию, но все же пошел, и дядя Артемий, и тетка Анисья, а дядя Тимофей даже священником во Владивостоке

стал, долго им оставался» [38]. Узнать о Масленникове мне почти ничего не удалось. По воспоминаниям Анны Ивановны Спиридоновой, в Красном Яре жил Масленников Петр, он был служителем в старообрядческой церкви приблизительно до 1912 г. [39]. Его имя уже позднее, вплоть до 1919 г., встречается в записях метрической книги о родившихся старообрядцах 1916–1923 г. Владивостокской городской управы Приморской области.

Пока же вернемся в 1912 г. в Красный Яр. Раскол внес в «среду до того мирных крестьян враждебное отношение и ненависть» [40]. Поводом для большего раздора послужило начало строительства в селе белокриницкими старообрядцами своей церкви... на том же месте, где находилась беспоповская часовня, построенная 15 лет назад. Крестьянский начальник Холодцов был явно на стороне австрийцев, беспоповцы уже давно мешали ему: «они три года тормозили мне открытие школы в селе». Холодцов забыл, что против совместного строительства в селе министерского училища в январе того же, 1912 г., забыв о разногласиях, дружно выступили обе общины, опасаясь «растлевающего влияния» образа жизни православных на «сердца и умы подрастающего поколения» [41]. Личное мнение крестьянского начальника о беспоповцах было довольно жестким: «Я твердо уверен, что безпоповцы или примут священство или уйдут из Красного Яра. Жалеть об этом не придется. Напротив, это даже желательно, т. к. место староверов не по близости города, а в тайге, где они способны выполнять единственно для них доступную культурную роль — очищать тайгу для будущих засельщиков» [42].

Есть в прошении старообрядцев — часовенных казалось бы неожиданная фраза: «Мы, как тоже приемлющие священство, постройкой своей часовни предназначили место для церкви и лишь в силу того, что у нас не найден еще священник, признаваемо правильно крещеным, мы называем постройку свою часовней, пока без священника» [43]. Фраза эта заключает в себе гораздо больший смысл, чем желание слукавить, зная различное отношение официальных властей к старообрядцам, приемлющим и не приемлющим священство. Она зафиксировала сложный путь, пройденный старообрядцами-часовенными. Согласие это родилось на поповском Керженце в нач. XVIII в. и сильно пострадало во время старообрядческих погромов, предпринятых Николаем I, лишившись священства. В дальнейшем пути продвижения согласия на восток России предпринимались попытки найти священников правильного рукоположения, но со временем пришлось отказаться от таких поисков. Происходило постепенное усиление роли нерукоположенных членов общины, которым поручалось руководить богослужением. Богослужение совершалось в часовнях без алтарей. Это и дало название согласию. Впоследствии многие беспоповские представления вошли в практику часовенных [44]. Итак, будучи по происхождению действительно поповским согласием, часовенные все больше по практике склонялись к беспоповству, что и было официально утверждено на Екатеринбургском соборе 1840 г.

Но вернемся к нашим документам. Как и следовало ожидать, просьба беспоповцев была оставлена Приамурским генерал-губернатором Н. Гондатти «без последствий», а старообрядцы-поповцы получили возможность выстроить новую церковь на желаемом ими месте. Последствия раскола общины были очевидны уже в том же 1910 г.: «...Красноярское сельское общество состоит из трех враждующих между собою групп-безпоповцев (30 сем.), австрийцев (17 сем.), и православных (35 сем)» [45]. Естественно предположить, что раскол не произошел в один день 1910 года, споры, полемика между членами общины длились скорее всего не один год. «К 6 октября 1909 г. в Ольгинский район выбыло из Красного Яра 26 семей, и еще имеют такое намерение 11 семей в сем году» [46]. Тогда перебрались на северное побережье семьи Герасимова Афанасия, Евстифеева Андрея, Евстифеева Ивойлы, Матвеева Алексея, Матвеева Фаддея, Матвеева Кузьмы, Мальцева Ерофея, Малютина Сидора, Малютина Порфирия, Малютина Николая, Малютина Григория, Малютина Корнея, Малютина Моисея, Минаева Гргория, Николаева Василия, Рыжакова Игната, Рыжакова Поликарпа, Рыжакова Ивана, Спиридонова Якова, Чистякова Трофима, Шарыпова Демида, Шарыпова Терентия, Шарыпова Ефтифия, Малютина Ипата [47]. Этот всплеск массового переселения старообрядцев мог быть вызван вероятнее всего именно уже начавшимся расколом. А вот освободившиеся в Красном Яре наделы поступали в распоряжение новых переселенцев [48]. Вот отсюда и появившиеся в 1910 г. 35 семей переселенцев-новообрядцев. Со временем почти все беспоповцы покинули Красный Яр. До постройки во Владивостоке в 1917 г. своего старообрядческого храма, краснояровская церковь объединяла единоверцев Никольск-Уссурийска, Владивостока, близлежащих сел и хуторов.

Революционные события, коллективизация и пришедшие вслед за ней репрессии окончательно рассеяли краснояровцев по всему свету. Вспоминает И.В. Перловская, внучка Гаврилы Трофимовича Бутковского: «У нас все забрали, остались только куры да собака. Мама очень переживала, прошло какое-то время, и она пошла на скотный двор и все забрала назад. Но ненадолго, потому, что задавили налогами и пришлось вернуться в колхоз... Тех, кого раскулачили, им пришлось уехать в Сибирь, в Канск...» [49].

О том, что происходило с теми, кто еще оставался в селе, вспоминает Ф.М. Казанцев (старообрядческая семья Николаевых-Казанцевых): «Отец в колхоз не пошел, смог уехать во Владивосток, устроился на работу в Акционерное Камчатское общество. Следом за нами поехали Николаевы, Спиридоновы, Калугины, Воробьевы, Киселевы. Селились больше на Угольной, 2–3 семьи на 14 километре, Калугины, Киселевы — на Седанке. Наша семья поселилась на ст. Океанская... А позднее пошехонцы пошли. Это староверы-беспоповцы, с северного побережья бежали, от властей убегали» [50]. До начала 30-х г. молиться собирались в старообрядческой церкви во имя святителя Николы, что во Владивостоке на 1 Речке. Когда собираться в ней стало опасно, был арестован священник, стали ездить на Угольную. Вот тогда-то, кажется в 1936 или в 1937 г. был рукоположен в Москве новый священник, тот самый Тимофей Викулович из большой семьи Николаевых, бывших часовенных старообрядцев. По воспоминаниям дочери Тимофея Викуловича — Александры Тимофеевны, ныне живущей на ст. Весенняя, отцу пришлось поколесить по краю. Жили в Спасске, Кокшаровке, потом в Красном Яре. Пятистенный дом отец построил в Кедровке, небольшом хуторе вблизи Красного Яра. Тимофей вместе со своим братом Артамоном перегоняли скот из Спасска в Красный Яр. Во время коллективизации в колхоз вступать не захотел, купил дом на Угольной. Все ездили молиться к нему. Он очень грамотный был, голос красивый, пел хорошо. Старики его упросили стать священником. Деньги на поездку в Москву собирали по копейке, кто сколько мог. В его ведении находились Хабаровский и Приморский края. Он много ездил, много ходил пешком, всегда с вешевым мешком, в котором лежали книги. Часто в те дома, где собирались на моленье старообрядцы, приходили милиционеры и разгоняли верующих [51]. Умер Тимофей Викулович в 97 лет на Угольной. Могила его сохранилась, за ней ухаживают родственники.

Итак, внутриобщинный раскол и революционные преобразования в стране способствовали тому, что в 30-е гг. XXв. с. Красный Яр как одно из крупнейших в крае компактных поселений забайкальских старообрядцев по сути прекращает свое существование. Потомки забайкальских старообрядцев живут сегодня во Владивостоке и его пригородах, Уссурийске, Партизанске, Арсеньеве, Амгу, Максимовке, Усть-Соболевке. Сегодня Красному Яру, одному из красивейших сел Приморья, более 130 лет.

О старообрядцах же, людях, основавших его, сегодня напоминает лишь единственный сохранившийся в селе дом да несколько полуразрушенных могил на бывшем старообрядческом кладбище...

Глава IV.
«...охотно в дебри уходили...»

Оживление в 80-е гг. XIX в. переселенческого движения на Дальний Восток по сравнению с 70-гг. XIX в. стало весьма заметно после предпринятых правительством мер по ускорению заселения дальневосточной окраины. В 1882 г. правительство издает закон «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», подготовленный по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, и была организована доставка крестьян-переселенцев морем по новой линии Одесса-Владивосток за казенный счет. Трехгодичные льготы стали дополнительным стимулом, и темпы заселения Приамурья и Приморья значительно возросли. В это время Южно-Уссурийский край осваивается активнее, чем север Приморской или Амурская областей, т. к. с появлением морского пути он становится ближе для переселенцев из Европейской России, чем Западная и Восточная Сибирь. В эти годы набор переселенцев производится в малоземельных и густонаселенных местностях [1]. В более выгодном положении в этот период оказались малороссийские губернии. Именно им, более других регионов страдавшим от малоземелья, оказывалось предпочтение при переселении, да и порты Черного моря находились весьма близко. Морской путь теперь соединил западные, самые густонаселенные районы России, с восточными, самыми пустынными. В эти годы на смену русским переселенцам из центрального черноземного района, Приуралья, Поволжья, Сибири пришли крестьяне из Украины: из Черниговской губернии — 74%, из Полтавской губернии — 15% [2].

Нужно отметить, что казеннокоштное переселение продолжалось совсем недолго, и с 1886 г. при сохранении всех льгот переселенцам, оно было заменено на своекоштное.

С 1897 г. у переселенцев появляется новая возможность добраться до Дальнего Востока — по железной дороге. В этом году завершилось строительство железной дороги до Владивостока. Таким образом «сухопутное и морское переселенческие движения постепенно сливаются воедино, так как морские переселенцы... проходят иногда к низовьям Уссури и далее на Амур к своим землякам, а сухопутные... не находя себе места по нраву, двигаются в Южно-Уссурийский край» [3].

С 1902 г. с окончанием постройки Китайской Восточной железной дороги перевозка переселенцев морем была прекращена. С этого времени большая часть крестьян добиралась до Дальнего Востока по железной дороге и исключительно за свой счет.

В эти годы продолжается переселение старообрядцев из Европейской России и колонизация ими наиболее простых по доступности и плодородных районов Южно-Уссурийского края (Ханкайская долина, долина реки Суйфун и ее притоки). Крестьянские семьи двигались на Восток уже известными пешими маршрутами, затрачивая на дорогу по нескольку лет.

Совершенно классическим подтверждением страниц учебников о продвижении крестьян-переселенцев по сибирским и дальневосточным путям, стали семейные воспоминания Н.И. Селедкова о том, как добиралась из Вятки до Южно-Уссурийского края их семья: «А мама (из рода Наумовых- авт.) рассказывала, что ей было 7 лет, когда ее родители поехали на Дальний Восток из Вятской губернии Сарапульского уезда (в 1885 г. — авт.)...Ехали 3 года. Летом едут на телегах, а зимой останавливались в деревне на квартире и нанимались в работники. Вот так заезжали наши дедушки на Дальний Восток. Мама рассказывала, что их через Байкал перевезли на пароходе. От Читы до Сретенска плыли на плотах, от Сретенска на пароходе по Амуру, потом по Уссури, с Уссури по реке, которая берет начало из о. Ханка. Мама сказывала, что пароход плыл по речке до тех пор, пока у колес лопасти не обломались. Пароход был 2-х колесный. Потом их выгрузили, и они поехали снова на телегах. Заехали в место под Ивановкой на речушку, Лифинка называется, и деревушка, где поселились, тоже Лифинка называлась» [4]. Если следовать воспоминаниям Селедковых, то, сделав нехитрые подсчеты, можно предположить, что семья прибыла в Лифинку в 1888 г.

Селение **Лефинское,** что на реке Лефу, притоке р. Суйфун, было одним из тех сел, где старообрядцы как компактная группа не задержались надолго. По сведениям Меньщикова, отвод земельного участка произведен был для общества в 1896 г., годом основания села Меньщиков называет 1894 г., правда, делает оговорку, что раньше в с. Лефинском жили 7 семей староверов, котрые все ушли в другие селения Приморской обл. [5]. По различным архивным документам среди проживающих в селе в 1897 г. упоминаются семьи земляков Селедковых — Ивана, Филиппа Лазаря Мартюшевых, а также семьи Могильниковых [6].

Жили в с. Лифинском также и несколько семей Калугиных (Никона, Елисея, Ивана) [7]. Последним местом проживания семей этой ветви стало таежное с. Сидатун (ныне с. Мельничное) Верхний хутор, оттуда семьи староверов (оставшихся женщин и детей) с началом репрессий переселили ниже Сидатуна на 2 км. [8].

Уже в 80-хг. XIX в. назрела необходимость рекогносцировки срединных таежных участков Южно-Уссурийского края с тем, чтобы точно знать возможности расселения там прибывающих переселенцев. Рекогносцировка в 1887 г. проводится Ф.Ф. Буссе и в 1888 г. Крапоткиным (Ф.Ф. Буссе в силу разных причин не смог принять участия в этих работах).

В первую очередь необходимо было решить две основные проблемы:

— определить площадь земель, годных для заселения;

— выяснить возможности сообщения между деревнями, расположенными на восточном берегу о. Ханка с населенными пунктами по р. Даубихе [9].

Архивные документы дают представление о почвах, климате этих мест. Ф.Ф. Буссе называет места будущих расселений, на месте которых стоят пока еще одинокие китайские фанзы: «Нотохоуза», «Сандогоу», «фанза Хоулаза». Правый берег р. Даубихе представляет, по словам Буссе, подгорья со слоем чернозема не более 1–1/2 вершков чернозема. Между горными увалами и вдоль них идут сухие удобные места, но весьма ограниченные площади, едва достаточные для небольших хуторов. Ниже р. Шкляевой до устья р. Даубихезы, береговая полоса на расстоянии 38 верст представляет прекрасное место для заселения. Пахотная земля занимает вдоль реки, под горами, вдоль ручья хорошие покосы [10].

Долина р. Улахе была значительно уже и «не давала перспектив для заселения, более того представляла большие затруднения в этом отношении, тем более, что сообщение между двумя долинами ограничено двумя вьючными тропами. Обе тропы весьма гористы и покрыты вековым лесом, в долинах...болота» [11].

Впоследствии в более удобной и обширной, пригодной для земледелия долине р. Даубихе появятся села украинских переселенцев — Достоевка, Варфоломеевка, Покровка, Марьяновка, Гордеевка, а наиболее сложное для выживания место — долина р. Улахе, будет обживаться старообрядцами. Почти все верховья и срединная часть этого района — заняты старообрядческими поселками нынешнего Чугуевского района, основанных в кон. 90-х гг. XIX. — 900 г.: Янмутьхоуза, Архиповка, Бреевка, Уборка, Соколовка, Чугуевка, Каменка, Ново-Каменка, Кокшаровка, Калиновка, Саратовка, Лужки.

Но все это еще впереди, а в 1887 г. Ф. Ф. Буссе предполагал, что заселение Даубихи, вероятно, совершится в течение 2–3 ближайших лет, и немалым подспорьем тому служит совершающееся там переселение крестьян д. Петропавловки в окрестностях Шкляевой [12]. Район этот постоянно подтапливался, поясняет Буссе, и желавшие туда переселиться крестьяне вынуждены были уйти в д. Гордеевка и Варваровка. Поселение здесь староверов должно было убедить крестьян в безопасности этого места. По словам манз, оно подтапливалось 1 раз в 15 лет. Выгоды от урожайности были так велики, что такие хорошие хозяева как крестьяне Петропавловки не боятся убытков от высокой воды [13]. И все же именно вода погубит Петропавловку. В 1895 г. село накрыло сильнейшее наводнение, после очередного наводнения в 1924 г. крестьяне окончательно покинули эти места.

Наиболее перспективными для заселения землями, по мнению Ф. Ф. Буссе, были долины рек Вака и Имана. Однако, старообрядцы поселятся в этих глухих таежных местах сравнительно поздно. В верховьях этих рек и их притоков: р. Синанча, Сибичи, Сандо-Вака, Тудо-Вака появятся села Сидатун, Санчихеза, Лаулю, Дальний Кут, Сибичи, Картун, Ивановичи, Утазы.

О приморском районе сведений чрезвычайно мало, сообщает Буссе, и по ним невозможно судить о залегающих там землях. Сообщение между Сучаном и Ольгинским районом производится лишь по тропе, идущей вдоль морского берега, т. е. в полосе, подверженной туманам, вредно влияющим на посевы, особенно пшеницы, но, «насколько мне известно, никто не поднимался по долинам вверх и не знакомился с урожайностью разных хлебов, в фанзах, расположенных далеко от моря» [14].

О долине р. Судзухе, продолжает Буссе, мы имеем, к сожалению, неутешительные сведения: зимой с 1886 г. на 1887 г. пошли туда 3 крестьянина с. Халкидонского с целью построить избы и поднять землю в ожидании прибытия своих односельчан... для водворения, но эти ходоки оставили свой план переселения, убедившись, что манзы не сеют пшеницу, вследствие неудовлетворительных ее урожаев и вляния туманов (на х. Халкидон жили семьи староверов Калугиных — авт.) [15]. Но через 10 лет и в этом сложнейшем районе появится старообрядческое село Батюково. Здесь начнут отстраиваться переселенцы с Алтая и появятся села: Вангоу, Мономахово-Алтайское, Сокольчи, а на побережье — х. Новосионский.

Первыми долину р. Даубихе стали заселять жители с. Петропавловки. По словам Ф. Ф. Буссе, к моменту проведения упомянутых нами рекогносцировочных работ петропавловцы уже начали переселение. Причина нового переселения была довольно проста: обеспокоенные частыми подселениями в их села иноверцев, старообрядцы спешат покинуть обжитые места с единственным намерением обезопасить себя от пристального внимания администрации и уберечься от мирских соблазнов и «баловства».

Массовое переселение старообрядцев в таежные районы центральной части Приморья начинается из с. Осиновка. Сохранился архивный документ за 1887 г., сообщающий, что «крестьяне староверы с. Осиновское с разрешения Военного Губернатора Приморской области переселяются всем обществом на левый берег р. Даубихе... образуя общество села **Петропавловское**» [16]. Судя по списку жителей с. Петропавловское Ивановской волости основное ядро его жителей составляли семьи Калугиных, Черепановых, Андреевых, Бортниковых, Селедковых [17].

Место для поселения все же было выбрано неудобное: «как дождь в верховьях, так деревню топит», — вспоминали старообрядцы [18]. Село большей частью было расположено на увале, а меньшей — в долинной части р. Даубихи. Позднее в 1895 г. именно эти семьи пострадали во время сильнейшего наводнения и переселились на р. Халаза, куда простирались дальние поля и выгоны петропавловских жителей [19]. Это дальнее поселение по обычаю стали называть «Петропавловскими выселками». Именно туда, поближе «к своим», старались поселиться вновь прибывшие семьи. Петропавловка, как и многие старообрядческие деревни, отстроилась быстро. По архивным данным, в селе было 40 дворов, 105 душ мужского и 103 души женского пола [20]. Дома стояли в 3 порядка, были паровая мельница и моленная, которую строили всем миром [21]. Все располагало к спокойной жизни на долгие годы. Уже стали забываться тяготы переездов. Да вот река стала напоминать о себе все чаще. После очередного крупного наводнения 1924 г. всем миром решили перебраться на новое место жительства. Борьба петропавловцев со стихией реки закончилась в пользу последней. Старое (как оказалось, не очень счастливое) название села — «Петропавловка» решили оставить в покое. Новому селу дали имя — Таежка, хотя долго его еще по привычке называли Петропавловкой, некоторые продолжают называть Таежку Петропавловкой и до сих пор. Дома на новом месте ставили в 2 порядка вдоль длинной-предлинной сквозной улицы, километра на четыре. Улица эта в свою очередь тянулась вдоль р. Таежки. За рекой стояло несколько домов — Калугиных, Верещагиных. Добирались они в случае необходимости до села по мелководью, бродами. Почти все, у кого сохранились дома после наводнения, перевезли их в Таежку. Первыми двинулись в 1925 г. Поносовы, Рыжаковы, Верещагины, Калугины, Вьюжанины, Игановы, Андреевы, Селедковы. Моленную отстроили новую. Стояла красиво, на возвышении, рядом с родником, вода которого, как говорили, обладала чудодейственными свойствами.

Мы довольно часто наезжали в Таежку, благо она находится совсем рядом с г. Арсеньев. В здешних местах при явном преобладании равнинного пейзажа ранообразия для глаза все же хватало: небольшие возвышения, поросшие деревьями и кустарниками, речка, озеро, уютные, опрятные дома. В начале 90-х гг. мы застали там картину, типичную для многих деревенских поселений этого времени. Уже заметно было, что деревня не живет больше по старым социалистическим правилам: опустели поля, улицы. Многие жители в поисках работы оставили Таежку. Закрыты магазины, не работает общепит (за время экспедиционной работы у нас были «пристрелены» несколько любимых деревенских столовых, где можно было поесть дешево и вкусно. За год-два смутного времени перестройки такие столовые исчезли, к нашему сожалению, навсегда. Мы долго потом приноравливались к новому режиму питания всухомятку, если работали с выездом от основной базы). Опустели, разрушены дома. Тот самый родник с чудодейственной водой мы обнаружили с трудом под осевшей землей. Зато с нахальством заявляли о себе строившиеся новыми русскими вычурные дома с нелепыми бельведерами. Из основателей Таежки почти никого не осталось. Еще в 60-х гг. XX в. здесь сохранялась община, проходили тайные богослужения. Настоятелем был Егор Тихонович Борисов, из забайкальских староверов. В начале 90-х гг. в селе проживало лишь несколько старообрядческих семей: Поносовы, Кирьяновы, Бариновы, Рыжаковы.

Точной даты образования х. **Халаза** пока обнаружить в архивных документах не удалось: самой ранней датой стал 1900 г. — год образования переселенческого участка Халаза — 1900 г. [22]. На картах 1905 г. уже довольно обжитой х. Халаза все еще обозначен как «фанза Хоулаза». Китайцев там жило, действительно, немало. «А название-то хутора знаете отчего такое?» — поинтересовалась у нас Соломония Леонтьевна, — «У китайцев, что там жили, девочка было по имени Халаза, так она утонула в этой речке. Вот и назвали по ее имени» [23]. К 1905 г. на хуторе жило уже больше 3 десятков семей. Воспоминания наших знакомых позволяют уточнить время образования хутора. По всей вероятности, в Петропавловку перебрались не все семьи, какое-то время некоторые из них еще оставались в Осиновке и перебрались чуть позднее на х. Халаза. Со-

ломония Леонтьевна Гуменная (девичья — Бортникова) рассказывает: «На Халазу вся наша семья с дедами, родственниками переехала сразу из Осиновки, мы не жили в Петропавловке. Тут в Халазе родители и поженились, тяте лет 17 было, а маме — 16 было, а на семнадцатом уж Евдоксей родился, там же на Халазе. Как только родился Евдоксей, от родителей отделились, срубили из осины домик и ушли» [24]. Дату рождения Евдокима Леонтьевича — 1893 мы смогли узнать все из того же дела по восстанию [25]. Нетрудно подсчитать, что заселяться Халаза начала с 1892 г. С 1895 г. начинают подселяться единоверцы из Петропавловки: семьи Тимофея Селедкова (оба его сына Василий и Федор родились на Халазе. С их трагической судьбой, равно как и с судьбами многих жителей хутора, мы еще познакомимся — авт.) Владимировы, Вьюжанины, семьи Зиновия и Савелия Калугиных, Полунина Никона, Бутковских Трофима и Анастасии, Мартюшева Нефеда Сергеевича и Акулины, Царевых Матрены и Никифора [26].

Вполне понятно, что региональный состав х. Халазы почти не отличался от состава с. Петропавловки. Основу их составили выходцы из Самарской, Вятской губ., породнившиеся уже к тому времени с семьями забайкальских старообрядцев Ефимовых, Бутковских. Соломония Леонтьевна вспоминает: «Дед Иван (Бортников) ветеринаром был, ездил по селам часто. В Красном Яре познакомился с Николаевыми, маминым родителями. Сказал: „Девчонку эту мы заберем“. Сосватали ее за отца да и привезли на пестрой неделе уже на Халазу». Старшая сестра Соломонии — Апполинария вышла замуж за Ефимова Карпа Федоровича [27].

Жило в селе и несколько старообрядческих семей из Курской губ. «Кураки», как называли их местные жители, компактно обосновались в с. Шкляево. Все они были одного согласия-поморского. Из Шкляево несколько семей уехали и жили в Петропавловке, Халазе: Царевы, Безъязычные, Богачевы [28].

Только в 2003 г. нам удалось, наконец-то, посетить бывший х. Халазу. От большого поселения сохранилось сегодня лишь два дома, стоящих на небольшом увальчике, с которого и начался хутор. И это место тоже имело свое название — Ефимов хутор, где обосновались родственники — Бортниковы, Ефимовы, Бутковские. Пригорок этот вмещал домов 5–6 с небольшими огородами. Рядом с домами из-под земли бьют ключи с чистейшей вкусной водой (до сих пор арсеньевцы специально приезжают по воду к эти ключам — авт.). Остальная часть хутора обосновалась в низине. «Внизу было озерцо. Гусей на нем всегда было! Оно аж белое от них. В озере черепах много. Они этих гусей все за ноги хватали. Мы, детьми помню, яйцами черепашьми кидались... Я однажды принесла их домой да и зарыла в кадку с цветком. Мама все цветок поливала да поливала, черепашки-то и вылупились и побежали в разные стороны... Мама в крик, сильно испугалась...» [29].

В 1900 г. недалеко от места впадения в р. Даубихе речки Халазы, на правом ее берегу поселилась семья Семена Гурьева, которого и считают основателем с. **Семеново или Семеновки**. Точных сведений о том, что он был старообрядцем, нет. За непростой характер староверы прозвали Семена Чуруканом [30]. Кстати, в одном из архивных дел встречается фамилия Гурьева Ивана Даниловича 1888 г. р., переселенца из Харьковской губ, с. Гурьев Казачок (?). В 1932 г. он жил в с. Шома, куда переселился с отцом в 1910 г. [31]. Возможно, он был родственником Семена? Во всяком случае, странности в его поведении отмечены были: сам старовер, но детей не крестил.

«В Семеновке старообрядцы селились по улице Павловской, или Павлова. Улица была длинной, дворов много. Здесь же стояла и моленная. Дед мой, Зиновий Федорович, был настоятелем, настоятелем был недолго, лет 10: умер молодым от малярии).», — вспоминает Клавдия Феопеновна Христюк (дев. Калугина). Семья Зиновия Федоровича Калугина и его пяти сыновей (Семен, Петр, Иван 1, Иван 2, Феопен) переселилась в Семеновку, как и многие другие жители, из Петропавловки уже в 1916 г. Хозяйство у Зиновия было большое: земли много было, пасека большая, скота много держали, сеялки, веялки, мельница водяная, охотничали. Бабушка, Меланья Калугина (дев. Бортникова) молочные продукты: масло, творог, ездила продавать в Никольск-Уссурийский, на вырученные деньги покупала невесткам платки, ткани. Наемных рабочих держали, да и сами умели работать — семья — то 20 человек! [32].

Золото — любимая тема разговора среди бывших жителей х. Халаза. В ближних ручьях и речке Даубихе водилось и рассыпное золото, поэтому почти все в деревне промышляли с лотками на реках. «В округе у нас ох и много „золотистов“ было. Бабушка Меланья закопала в сарае четверть золотого песка, а в ночь бежать пришлось от ареста. Так то золото неизвестно где и лежит теперь. Рыли многие на том месте, но так ничего и не нашли», — вспоминает Клавдия Феопентовна Христюк [33]. Халазинским невестам было принято дарить золотые кольца. В 30-х гг. ГПУ в домах обыски делали: золото искали. Кстати, подобный интересный факт приводит в своей статье директор музея истории г. Арсеньева К. Ф. Кресс. Аверьян Терентьевич Андреев вспоминал: «Когда моя мать выходила замуж, то ее отец, помимо земельного надела, скота, сельскохозяйственного инвентаря, преподнес ей небольшой мешочек золотого песка для „зачину“» [34]. Семейные предания об исчезнувших дедовских кладах рассказали нам и сестры Владимировы.

Виноградовка еще одно из сел, расположенных на притоке р. Даубихе — р. Тудагоу (ныне р. Арсеньевка). Рассказы о ней нам приходилось слышать в самых разных концах Приморья.

Село, по сведениям Меньщикова, было основано в 1900 г. Первозасельщиками были выходцы из Амурской области (12 семей), место для него выбрано крестьянином того же селения — Калугиным [35]. И хотя Меньщиков и не назвал имени Калугина, понятно, что речь шла о Терентии Афанасьевиче Калугине. Именно он приобрел в 1895 г. здесь землю под заимочное хозяйство [36].

Впервые о Калугине Терентии Афанасьевиче мы услышали от сестер Владимировых еще в самом начале 90-х гг. XX в. С большим сомнением слушали рассказ Нины Родионовны о ее деде — Терентии Афанасьевиче — крестьянине, занимавшемся научной деятельностью — энтомологией, селекцией растений. Более того, по роду своих занятий, оказалось, что он был знаком и с Михаилом Ивановичем Янковским. По рассказам Елизаветы Родионовны, Терентий Афанасьевич не раз бывал в Америке. Оказывается, он сопровождал туда партии лошадей Янковского для продажи. Увлекался Калугин и коллекционированием бабочек, часть которых, возможно, собирал специально для Янковского. Вся большая коллекция бабочек, оставшаяся после смерти Терентия Афанасьевича, по воспоминаниям Елизаветы Родионовны, была разорена маленькими внуками, ею в том числе. «Помню коробки с бабочками, которые мы с ребятишками таскали по улицам» [37]. К сожалению, все дальнейшие поиски сведений о деловых отношениях М. И. Янковского и Т. Калугина пока результатов не дали: слишком много прошло времени, сменилось лиц и событий. Не смог помочь и Валерий Юрьевич Янковский. О Т. Калугине от родителей ему слышать не приходилось. Был знаком Терентий Афанасьевич и с В. К. Арсеньевым. В одной из своих книг Владимир Клавдиевич опубликовал фотографию Калугина, сделанную им самим с подписью «Т. Калугин — старовер-энтомолог из Анучина».

Видимо, Терентий Афанасьевич перебрался в эти места из Петропавловки в середине 90-х гг. XIX в, поскольку земли под заимочное хозяйство в этих местах были им приобретены еще в 1895 г. В Виноградовке им было налажено многоотраслевое хозяйство, для своего времени великолепно технически оснащенное. Была большая заимка, где высевались самые раз-

нообразные зерновые культуры, одна из крупнейших в Приморье пасек, фруктовый сад, ферма, водяная мельница, которую построил он сам, кузница [38].

Более подробно о Виноградовке и ее обитателях нам рассказали бывшие ее жительницы — Ксения Трифоновна Коробейникова из Уссурийска и Соломония Леонтьевна Гуменная [39].

«Сама Виноградовка — большая деревня, за Варваровкой и сейчас стоит. Деревня — то большая, а покосов не было, тесно все же было, только пашни»; «Дома ставили в 2 ряда у речки: по первому ряду жили Мирошниченко Иван и Александра (Красных), Василий Терентьевич Калугин, Иван Петрович Калугин, Бортникова Агафья Викуловна с дочерью Соломонией жила у сына Евдокима (Николаева Забайкалье), Черепанов Матвей и Глафира. Во втором ряду: Выголов Карп, Трифон Васильевич Калугин с Христиной, Голодяев Петр, Красных Гаврила и Ульяна, Калугин Иван Васильевич и Авдотья Павловна, братья Мартыновы Фома и Петр — переселенцы из Саратовской губ. Вольского у., с. Петропавловка, Ефимовы Федор Дорофеевич и Матрена Пантелеймоновна, Ефимовы Карп и Апполинария, Мартюшевы. В селе все жили одной веры и моленную строили всем селом. Над ней креста не было, вроде дома обычного стояла. Настоятелем был Михаил Викторович Павлов. Очень строгий был и никого не боялся. Когда гонять начали, милиционер приходит, кричит, а Михаил Викторович пока не дочитает — на него внимания не обратит. Жалко: убило его лесиной случайно. Богато все жили. Потом коммуну строить начали. Женщина была у нас председателем коммуны, руки в боки стоит и кричит: „Товарищи!..“, а тетка Агафья ей: „Какие мы вам товарищи, вы вон с кулаками“. Разогнали староверов. Большинство ушло в Дерсу, Артем, имущество у всех поотобрали». С Коробейниковой Ксенией Трифоновной познакомилась я сначала по телефону, а уж потом приехала к ней в Уссурийск. Оказалось, что Калугин Терентий Афанасьевич ее дед по линии отца. А вот по матери — она из рода Мартыновых, волжских старообрядцев, переселенцев из Саратовской губ. У Мартыновых в Виноградовке было свое дело: в складчину с Мартюшевым Яковом и Выголовым Иваном создали торговую компанию, а проще, бакалейную лавку [40].

Соломония Леонтьевна помнила, что у Мартыновых своих лошадей много было, техники много. А Ксения Трифоновна вспоминала, как они пострадали за ту технику: «Трактор отец с дедом Калугиным купили еще до 20-х гг., на нем ездили часто подзаработать на Ханкай, делали рисовые чеки. А потом уж, когда коллективизация началась, отец сидел на вокзале (ехал куда-то) и услышал, что по радио передают новости: „У кулака Калугина отобрали трактор“. А Калугины все мастеровущие были. Дед Василий Терентьевич сам сделал мельницу, крупорушку. Он даже лопату, если начнет делать — тридцать раз подойдет к человеку, примерит по росту, удобно ли, ошкурит, как бархатную. Кузня у них своя была. Отец и дед кузнечили. Сами ковали все сельскохозяйственные орудия, инструменты. Дед Василий знаменитый был кузнец. У бабушки Прасковьи все зубы болели, так дед Василий выковал щипчики для удаления зубов. Сад во дворе у Калугиных знаменитый был, Василий Терентьевич списывался с Мичуриным, тот ему рекомендации давал по выращиванию клубники, смородины. И пчеловодством-то он тоже занимался. У него ульи долго колодные были, именно почему-то колодный мед ценился. Этот мед только в Китай возил продавать, а рамочный сами ели. Из рода Мартыновых интерес к медицине все время проявлял Егор Мартынович Мартынов. Одно время в Виноградовке эпидемия черной оспы случилась. Много тогда людей умерло... Егор сам написал в Петербург, еще до революции это было, и ему прислали вакцину. От чужих не принимали прививку, а от него некоторые все же согласились, но не все, конечно... Коллективизация застала нас всех в Виноградовке. Страх был ужасный. Убежали в Сибичи, там еще несколько лет прожили хорошо» [41].

Итак, последним по времени основания селом в долине р. Даубихе стала Виноградовка. Основана она была все теми же семьями, переселившимися из Софийского окр. в начале 60-х гг. XIX в. Среди них знакомые уже нам семьи Калугиных, Черепановых, Мартюшевых, Бортниковых — старожилов Приморской обл., выходцев из Самарской, Вятской губерний. Как мы уже говорили, в группе прочно сохранялись родственные связи с семейскими старообрядцами Ефимовыми, Николаевыми, Бутковскими.

В 1904 г. к ним подселяются из Томской губ. семьи Красных и Выголовых. Через несколько лет, в 10-х гг. XX в. в Виноградовку подселяются несколько семей из Саратовской губ. Вольского у.: братья Мартыновы Фома и Петр с семьями, Голодяевы, Маленковы, Федосеевы [42].

С самого конца 90-х гг. XIX в. (1898–1900) почти одновременно начинается заселение огромной территории Южно-Уссурийского края — долин рек: Улахе, Уссури, Судзухэ (ныне р. Киевка- авт.). Значительная часть поселений на этой территории была основана старообрядцами. Именно здесь будет сосредоточена большая часть старообрядческого населения края и именно этот район в свое время станет источником формирования населения самого северного района Приморья.

Основу населения этих долин составили старообрядцы, переселившиеся из Амурской области. Вместе с этой группой в край пришел иной региональный состав переселенцев-старообрядцев.

Так, только в 1899 г. решили перебраться в Южно-Уссурийский край крестьяне из амурских сел: Новая — 1 семья, Листвянка — 12 семей, Верх-Белая — 9 семей, Заливная — 1 семья, Круглая — 7 семей, Куликовка — семьи, Николаевка — 1 семья, Гуран — 1 семья, Райчиха — 1 семья, Загорная Селитьба — 12 ходоков [43].

Зав. переселенческим делом Уссурийского края Н. Л. Гондатти видел в этом положительную сторону: крестьянские семьи весьма зажиточны и будут способствовать развитию края, особенно селясь на Сучанском и Ольгинском участках, наименее пустынных к этому времени районах, поэтому запретительные меры были бы, по его мнению, весьма неразумны. С другой стороны, такое активное передвижение крестьян вызвало и обеспокоенность: свободных долей на переселенческих участках в крае могло не хватить «для настоящих переселенцев из Европейской России». Пытаясь разобраться в ситуации, чиновники переселенческого управления то упрекают переселяющихся в корысти: попользовавшись в течение 20 лет землями и вытянув из них все, что можно, крестьяне-старообрядцы передают их в аренду, взамен получая новые плодородные земли, а впридачу еще и плату за аренду. То объясняют переселение вполне объективными причинами: количество крестьянских владений уменьшилось по причине отведения участков Амурскому казачьему войску (Гуран, Загорная Селитьба), а также невозможностью образования брачных пар вследствие близких родственных отношений между семьями этих поселений [44].

С историей расселения большей части амурских старообрядцев по краю знакомит Г. Михайлов: «В 1898 г. около 30 семей староверов из Амурской области решили переселиться в Уссурийский край. Они облюбовали себе место в долине р. Улахе, в 82 верстах от ближайших русских селений. Менее громоздкое имущество староверы завезли вьюком по тропе, идущей по берегам р. Уссури и Улахе, и частью загнали на лодках по названным рекам», для провоза громоздких вещей (плугов и т. п.) задумали идти другим путем «Из д. Петропавловки переправились через р. Дайбихе, староверы повезли свой скарб через горы по вьючной тропе. Этот путь более удобный, был... тем не менее настолько труден, что на один переезд через горы от р. Дайбихе к р. Улахе употребили более 2 недель времени... Пробравшись с величайшими трудностями в основанную ими деревню, названную **Каменка**, а в следующем 1899 г. ими было разделено 94 десятины пашни, что при 15 семьях в де-

ревне составляет по 6 с лишним десятин на семью. Вообще они в 1–2 года устроились так, как малорос не устроился бы и в лет 5». Другая часть староверов, не выдержав трудностей этого пути, «в числе 13 семей не дошла до долины р. Улахе и осела на берегу р. Уссури, близ д. Бельцовой, образовав **д. Подгорную**» [45]. По сведениям Меньщикова, селение Подгорное основано было в 1898 г... «До 1907–1908 гг. здесь жили староверы, но после большого наплыва переселенцев, ушли к своим единоверцам в другие селения Приморской области...» [46].

Старожил этих мест, наш давний знакомый Иван Евстафьевич Фефелов вспоминает события этого времени по родительским рассказам почти с документальной точностью: «На участке, никем не заселенном, проходила железная дорога с Хабаровска на Владивосток. Там была образована железнодорожная станция по названию Шмаковка, а от станции в 20 верстах с левой стороны Уссури — село большое называлось Успенкой. В нем была волость, был волостной староста, и поселковый староста, и был писарь, и урядник, и пристав, и еще был начальник переселенческого отдела... А в верстах 20 от Успенки, вверх по Уссури с правой стороны была деревня, называлась Подгорная» [47].

Благодаря воспоминаниям того же Ивана Евстафьевича, нам удалось установить семейный состав с. Подгорного. «В селе нашем, — вспоминает Иван Евстафьевич Фефелов, — жили одни староверы, примерно дворов 40: мои родители (Казаковы-Фефеловы), а также Зубарев Василий, Третьяковы Галактион и Трофим, Бобыльские Максим, Гаврила, Данила, Сотниковы Никанор и его сын Феодот, Гостевских Исак, Плешков Иван, Казаков Михаил, Цыганцевы» [48].

В Подгорной старообрядцам не удалось пожить долго: «Когда стали заселять район переселенцы с Украины, староверы решили покинуть свою деревню Подгорную», — вспоминает Иван Ефстафьевич. «Часть их поехала в Чугуевскую волость, она была почти не заселена. Вот там они подселились на новые участки — Кокшаровку, Варпаховку и Каменку, а оставшиеся в Подгорной 14 семей решили занять новый участок **Степное.** Это было осенью 1907 г. Заняли участок, избрали место под деревню, размерили усадьбы, навели улицы и переулки. На усадьбы — пол-десятины (постройки, огород). А пахотную землю обмерили и делили на мужицкий пол... Той же осенью настроили себе, кто — землянки, кто — времянки... Ну, а зимой уже переехали семьи. И вот я родился первым на этом участке в 1908 г. — Фефелов Иван Евстафьевич» [49].

О ныне уже покойном Иване Евстафьевиче Фефелове мы храним самые добрые воспоминания, царство ему небесное. С первых минут общения мы попали под обаяние мудрости и доброты, исходивших от него. Шелковистая, с волной совершенно белая борода до самого пояса. Голубые, чуть выцветшие глаза, подсвечивались косовороткой ярко-бирюзового цвета. Во время службы на нем был всегда изящный, точно пригнанный по фигуре, даже шеголеватый, черный кафтан, сшитый его невесткой. Иван Евстафьевич очень гордился своей невесткой, познакомиться лично с ней нам пока не удалось, но ее нежное отношение к старику мы всегда отмечали про себя: по его ухоженному, всегда опрятному виду, по тому, что приготовлено ему на несколько дней пребывания в Арсеньеве (Иван Евстафевич жил в Бельцово, но несмотря на преклонный возраст, неудобства дорожного быта, нездоровье не пропускал практически ни одной службы), по тому как заботливо продумано и упаковано все, что может понадобиться ему в дороге. А разговаривать было с ним, что мед пить. На мою просьбу написать воспоминания о селе, он вскоре прислал мне несколько листков, исписанных с обеих сторон уже трудно читаемым почерком. Рукопись почему-то называлась «Опись возрождения бывшего села Степного», в котором, как он любил говаривать, «был первым и последним жителем, и где прошла вся его жизнь».

Село Степное разрасталось быстро: дети вырастали и старшие сыновья отделялись от стариков. «В 1911 г. моего отца взяли на действительную службу, пока он служил, поженились меньшие братья. Отец вернулся со службы в 1914 г. в июне, а в августе началась германская война. Тут уж забрали всех трех сынов. Остались старик со старухой да снохами, да нас четверо внучат. Вот эти 3 снохи и работали, пахали, сеяли, убирали, молотили. А когда вернулись сыны все, слава Богу, живы и здоровы, стали делиться. Это было где-то в начале 20-х гг. Участок был заполнен 20 дворами, все были староверы. В 1927 г. было сильное наводнение, на улице большая шла вода, примерно полтора метра, повредила постройки, городьбу. И вот стал народ продавать дома и уезжать на морское побережье. Груз везли на лошадях через Кавалерово в бухту. А там — кто куда пароходами. Наши степновцы дома продали корейцам. А мы остались с ними жить» [50].

Теперь самое время вернуться к началу истории и вспомнить о том, что другая половина амурских старообрядцев, преодолев все тяготы пути, добралась до заранеее облюбованного места и назвала его Каменкой.

Официальной датой основания с. Каменка считается 1898 г., и, по большому счету, она не вызывает сомнения. Наша полевая информация подтверждала эту дату, но несколько архивных документов, впервые обнаруженных Н.В. Бутковской, позволяют говорить о куда более раннем появлении старооообрядческих семей в этих местах. И вот почему. В течение ряда лет несколько организаций, в чье ведение входила регистрация переселенцев (Переселенческое управление Приморской обл., канцелярия военного губернатора Амурской обл, волостные правления, крестьянские начальники), выясняли судьбу увольнительных приговоров нескольких старообрядческих семей, выбывших из Завитинской волости д. Малиновка на поселение в с. Каменка: Зернина Дениса Леонтьевича, Малахова Гаврилы Андреевича, Сотникова Петра Авдеевича, Зубакина Филиппа Тимофеевича. Ситуация с увольнительными приговорами, наверняка, как-то разрешилась. Во всей этой переписке удивило другое: по словам крестьян, подтвержденных крестьянским начальником Варпаховским, они поселились в этом месте в 1889 г. с разрешения Заведующего переселенческим делом в Южно-Уссурийском крае. Вряд ли указанная Варпаховским дата водворения могла быть опиской, поскольку она повторяется дважды, в начале и конце документа: «они (вышеперечисленные семьи — авт.) прочно водворились и прибыли в край в 1889 г» [51]. Каких-либо опровержений этой информации у меня не нашлось. Остается констатировать, что за 9 лет до официально зарегистрированной даты основания села Каменка, в 1889 г., здесь уже жило несколько старообрядческих семей. Такая миграционная практика с выдвижением передового отряда на новые территории была очень характерна для старообрядцев. И косвенным подтверждением тому было упорство, с которым двигалась остальная группа к явно известной ей цели в долину р. Улахе. Возможно есть иные точки зрения, иные, пока не известные нам документы...

В фондах музея нашего филиала в с. Чугуевка хранится интересный документ, который называется «Проект и описание участка образованного в 1900 г. под названием **„Каменка“**, уезд Южно-Уссурийский, волость Ивановская» [52]. Любопытно, какое же место выбрали для жительства староверы, рискнувшие добраться сюда, преодолев столько трудностей на своем пути?

«Участок является совершенно изолированным, вследствие полного отсутствия дорог, по которым было бы возможно колесное сообщение... Участок расположен по долине р. Улахе и носит лесо-степной характер... большая часть его площади занято лесом, а остальное представляет степь, причем лесныя и степныя угодья резко разграничены между собой: вся степь расположена по долине, почти весь лес по горам. Долина... ограничена с востока и запада горами... Она представляет собой совершенно ровную местность... за исключением одного увала...находящегося как раз по средине участка, по правой стороне реки и имеющего вид искусственно сделанной насыпи с совершенно ровной поверхностью, площадью около 2 верст. На

этом увале прибывшие в 1898 г. из Амурской обл. крестьяне-староверы и воздвигли свою деревню Каменку, единственную русскую деревню по всей долине р. Улахе ...Увал... не затопляется водой во время самых больших разливов реки. Это и послужило поводом к тому, что прибывшие сюда крестьяне-переселенцы, имея полную возможность выбора, поселились именно здесь, не смотря на то, что в отношении качества угодий в долине были и лучшие места...Селение распланировано на 38 дворов... Участок имеет достаточное количество луговых пространств... Река (Улахе) изобилует рыбой. Особенно осенью в нее идет для метания масса зубатки, ловля которой является хорошим подспорьем в хозяйстве местных крестьян» [53]. Имеющаяся в достаточном количестве мягкая пашня, хорошие почвы, быстро высыхающие и хорошо проветривающиеся, позволяют крестьянам высевать яровые хлеба: рожь, пшеницу, овес, гречиху, картофель, на огородах арбузы, тыквы и т. д. И вправду, место крестьянами было выбрано чудесное, даже современные колхозные постройки его не испортили.

Первая наша поездка к старообрядцам Чугуевского района состоялись в 1986 г. Записи в первом нашем полевом дневнике возвращают нас в это время.

«25 ноября 1986 г. 9 часов 50 минут. Выехали составом Керчелаева Н.Б., гл. хранитель, Кобко В.В., с. н. с., Максудов Х.К., водитель. Температура: –8 градусов, ветер 20 м/сек, влажность 95%. В салоне холодно, началось обледенение лобового стекла... На перевале снегопад усилился, гололед, машину заносит. В Чугуевку добрались в 21–00.

26. Ноября 1986 г. 11–00. Каменка. Председатель сельсовета Лосюк Людмила Федоровна...» [54]. Людмила Федоровна запомнилась нам как человек фантастической работоспособности и энергии. Она сразу приняла в нас живейшее участие, для начала отправив в сохранившиеся в поселке старообрядческие дома. «Из староверов почти никого и не осталось у нас. Дома вот сохранились. Строили-то их староверы, только сейчас там другие семьи живут... Ну, посмотрите, может, что и найдете для музея...» В первом же доме мы увидели замечательный резной иконостас. Нынешняя хозяйка дома, видимо, из пьющих, поставила туда известную журнальную иллюстрацию, на которой молодой Владимир Ульянов давал матери клятвенное обещание пойти другим путем. Несмотря на все наши уговоры, подарить или продать музею иконостас хозяйка отказалась наотрез. В результате мы лишились редкого экспоната, а в дневнике остались рисунок дома, иконостаса и наша возмущенная запись: «К Н. возвращались дважды. Даже после беседы председателя сельсовета она вела себя грубо, даже бранилась нецензурно. Утверждала, что иконостас она оставит сыну, который в прошлом году осужден на 8 лет» [55].

Теперь через много лет можно сознаться, что первую нашу «добычу» в виде роскошной огромной деревянной ступы с пестом мы попросту выкрали. Правда в свое оправдание мы можем сказать, что взяли ее в заброшенном старообрядческом доме, стоявшем на краю чьей-то усадьбы. Безусловно, по правилам нам нужно было найти нынешних хозяев дома и просить их о передаче ступы в музей, но... хватательный рефлекс музейщика сработал быстрее, чем благоразумие. На улице уже были густые сумерки, нам нужно было уезжать назад в Чугуевку... А ступа — вот она рядом... Через минуту она может быть нашей, музейной, или... долгие выяснения, просьбы... И не известно еще, как решат ее судьбу новые, нынешние хозяева (валялась же она до сих пор на улице). Если не согласятся — пропадет через год-два ступа от снега, дождя. Удерживать себя мы не стали, и через минуту ступа лежала в нашей маленькой машинке, занимая почти все свободное пространство. Мы устроились, как смогли... Да разве в этом дело? О своей «краже» мы все-таки признались Людмиле Федоровне. Правда, только в следующий наш приезд. А ступа-то уже больше 15 лет «работает» в постоянных экспозициях музея. Больше такого мы себе не позволяли никогда.

Летом следующего года мы познакомились в Каменке с Ниной Андроновной. Голохвастовой. Сама она из семьи старожилов края — забайкальских казаков. В Каменку ее привезли в еще в 1925 г, одиннадцати лет. «Из староверов никого уж и не осталось, — рассказывала Нина Андроновна, — а дома их стоят вот...» Несколько еще хорошо сохранившихся домов явно выделялись на фоне остальных домов улицы прежде всего своей основательностью: бревнышко к бревнышку, с множеством больших окон с резными наличниками. Когда-то такие красавцы — дома староверов стояли в 2 порядка вдоль широкой улицы, которой старожилы дали бесхитростное название — «Первая».

Нина Андроновна вспомнила почти всех, кто жил на этой улице. Дома родственников ставили рядом: несколько семей Зубакиных, Мартюшевых Савина, Ивана, Сотникова Нигерия, несколько семей Иродовых, Красиловы, Ревтовы, Язовский Панфил, Поздеевы, Басаргиных Степана, Киприяна, Фотея, Карабановы, Малаховы, несколько семей Плотниковых, Зубаревы, Фунтикова Егория, Зубакиных Дорофей и Федул и другие [56]. Архивные документы дополнили этот список новыми именами: Ермолай Плотников, Куликов Исак, Куликов Викул, Иродов Дементиян, Степан Басаргин, Фотей Басаргин, Киприян Басаргин, староста Сидор Иродов. Если добавить поселившихся ранее Сотникова Петра Авдеевича, Зерниных Архипа и Дениса Леонтьевичей, Малахова Гаврилу Андреевича, Зубакина Филиппа Тимофеевича, то оба списка будут почти одинаковы [57].

Сведения о том, что из Амурской обл. шли в Приморье зажиточные хозяева, были достоверными. У первопоселенцев с. Каменки Зерниных, Сотниковых, Малаховых, Зубакиных, «исправно несущих все повинности, как денежные, так и натуральные», в 1903 г. имелось уже хорошее хозяйство: построены избы, амбары, рабочих лошадей от 1 до 4, крупного рогатого скота от 8 до 15 голов, у всех имеются средства передвижения — сани, телеги от 1 до 4, распахано под посев от 3 десятин до 9 [58]. По воспоминаниям Евдокии Спиридоновны Юринок (дев. Красилова), у них в Каменке было хорошее хозяйство: больше 500 ульев, мед возили на продажу в Спасск на лошадях, земли очень много было. «Дед как-то лет 7 не сеял, столько хлеба убрали» [59].

Наводнения все чаще стали беспокоить старожилов. Во время одного из очередных наводнений Красиловы разом лишились всей пахоты: унесла река. Пришлось совсем уезжать из села на новое место — **Нижние Лужки,** где в течение нескольких лет жили в одиночестве, затем к ним переселились семьи Селедковых, Сотниковых, Басаргиных, Малаховых [60].

В 20-х гг. с началом коллективизации почти все старообрядческое население Каменки перебралось на северное побережье края. «Ушли веру спасать, да и от коллективизации» [61].

В ту первую нашу поездку в Каменку с помощью Людмилы Федоровны и в сопровождении нашего проводника, совсем молодого милиционера, смогли добраться до **х. Новокаменского**. Холодная **зима** того года явно было не на нашей стороне, намерзлись мы тогда здорово, зато наш музейный автобус, носящий почему-то название «Автоклуб» (выпускалась такая серия автобусов в 80-е. гг. XX в.) без проблем по льду переправился через реку. В общем-то, хутора мы тогда и не увидели: все утопало в снегу. Мы смогли пробраться лишь к развалинам одного дома на сопке, подняли валявшийся рядом с домом оконный наличник, и с этой добычей вернулись в Каменку.

Следующее наше посещение Новокаменского хутора произошло только в 1992 г., летом. Нас сопровождал один из старожилов Каменки и самого хутора Воробьев Игнат Симонович, царство ему небесное. На этот раз нам пришлось переплывать реку на пароме. Благополучно преодолев все сложности «вползания» на паром и «сползания» с него, наш автобус сразу же застрял у парома в грязи. Нам всем пришлось идти пешком, но никому, даже маленьким внукам Игната Симоновича, увя-

завшимися за нами, не пришлось пожалеть об этом. В здешней природе всего в меру. От реки к хутору дорога идет сначала полем. Лес — вот он, рядом, и в тоже время довольно пространства, чтобы глаз отдыхал. Чуть дальше синеют сопки. «Там, дальше к сопкам, рассказывает Игнат Симонович ключи били из-под земли. Один назывался „Старушечий", там монахини жили, другой — „Батенькин" — монахи жили, „бати"-старцы». Потом дорога идет по краю леса: спасительная тень, легкий ветерок. Путь по лесу недолгий. К широкой тропке с обеих сторон подступает высокая трава с небычно крупными цветами. Кажется, вот сейчас, за деревьями откроется нашему взору уютная деревенская улочка... Уродливые строения с черными глазницами окон сразу возвращают к действительности. Внутри изба, лишенная половиц, выглядят как старческий рот с провалами десен, и только русская печь единственным коренным зубом белеет в нем. Игнат Симонович молча сидел на пороге своего дома, с отрешенным лицом, наблюдая за тем, как мы и внуки исследовали подвал дома. Где были его мысли?.. Потом все же решил показать товар лицом, подробно объясняя секреты строительства. Нижние огромные балки, стены были еще целехоньки, печь можно было хоть сейчас растопить, и если бы не растащили крышу да пол — заезжай да живи! От хутора осталось сегодня домов 8 относительно целых. А ведь когда-то при въезде на хутор вместо названия кто-то повесил доску с надписью «Рай».

По словам Игната Симоновича, хутор начал активно застраиваться в 1916–1918 гг. Переселялись сюда, в основном, те же жители Каменки. Семьи разрастались, сыновья, женившись, отделялись от родителей: Караванов Зиновий Константинович, Красов, Григорий Никонович, Никаноров, Язовский Панфил Петрович, Куликов Финоген Исакович, Куликов Никита Викулович, Якушев Панфил, Деревяшкин, Колабин, Мартюшев Иван Филлипович, Малахов Тимофей, Калугин Прокоп [62]. Сам Игнат Симонович по национальности мордва, в эти края переселился в 1926 г. его отец (1880 г. р.) из Самарской губернии Бугурусланского уезда д. Куваевка как спецпереселенец [63]. Дворов на хуторе было 18–20, все староверы. Настоятелем новокаменской общины был Язовский П. П. [64]. На соборах не раз общиной пытались решить вопрос о вступлении в колхоз, но мнения по этому поводу разделились. Одни говорили, что нужно заходить в колхоз, мол, все равно вступать придется, другие — надо подождать, поживем пока единолично, ведь не известно, что там дальше-то будет. Многие на хуторе хотели спастись от коллективизации, да куда там: налогами быстро задавили. Тогда решили сделать свой, староверческий колхоз, построить водяную мельницу, купить трактор [65]... Не вышло: всех мужиков забрали в один день, 17 человек. Осень была, дождь, все они на поле были, сою убирали, сопровождать их некому было. «Идите сами в Яковлевку! — велело начальство. Все и пошли, а тятя и Караванов — на лодках домой, за сухарями...Ну, а потом, как положено, в тюрьму, сами пришли. Все хуторские почти сейчас на кладбище» [66]. Среди густого кустарника даже с нашими проводниками мы с трудом нашли ушедшие в землю, покосившиеся деревянные кресты ...Неужели все в прошлом?

Крестьянское население Улахинской долины быстро прирастало, деревни появлялись с разрывом в 2–3 года. К уже переселившимся из Амурской области семьям подтягивались новые, расселяясь поблизости в той же долине р. Улахе. Так, в 1903 г. появляются Кокшаровка, Варпаховка, в 1906 г. — с. Саратовка, в 1908 г. — с. Архиповка, Бреевка [67]. Наряду с Каменкой Варпаховка и Кокшаровка становятся крупнейшими селами долины.

В Кокшаровку мы возвращаемся не впервые, еще многое нам предстоит здесь выяснить, уточнить.

Кокшаровка стоит в стороне от основной трассы. Как только вы свернете на таежную дорогу, каждый крутой ее поворот подарит вам незабываемые впечатления. Старая дорога шла по долине реки Улахе, во время паводков всякое сообщение между селами прерывалось, поэтому новую дорогу проложили высоко над рекой. Справа — крутая сопка со скальными породами, слева, внизу — молодой лес спешит занять новое жизненное пространство бывшей дороги, река. Есть у нас на этой дороге свое любимое место, мы обязательно останавливаемся там, усаживаемся на нашем большом камне и фотографируемся. Теперь с каждой новой фотографией все заметнее, как быстро летит время...

В. К. Арсеньев вспоминает о посещении этого таежного села: «Мы сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и ее окрестностях. Они рассказали, что Кокшаровка основана в 1903 г., что в ней 22 двора и что это последнее русское селение. Далее по Фудзину живут только китайцы, которые занимаются исключительно жень-шенем и соболеванием» [68].

Мы не застали в живых уже никого из стариков, кто хорошо помнил бы об этом времени. Директор средней школы № 4 с. Кокшаровка Белоусова Людмила Викторовна протянула нам единственный сохранившийся альбом по истории села, составленный школьниками. Мы прочитали старательно переписанные детской рукой воспоминания Василия Иосифовича Селедкова: «Отец мой и я, мне шел 10-й год, в 1901 г. прибыли сюда из Ивановки. На месте нынешнего торгового центра стояло 2 избы — Лыкова и Полынина. Наш дом стал третьим. К реке тянулось болото с кочкой в пояс высотой. За домами стояла тайга. В 1903 г. были поделены земельные участки, поселок получает название Кокшаровка...» [69]. Топоним Кокшаровка, как полагают многие, связан с особенностями рельефа, болотными кочками, в изобилии произраставшими здесь. Есть еще одно, может быть и маловероятное предположение. Т. С. Мамсик анализируя антропонимы огромной территории Зауралья и Сибири, среди множества зауральских антропонимов называет деревню Кокшарову (Кошкарову). Она прослеживает продвижение семейного клана Кокшаровых, а вместе с ним и антропонима от Урала до Алтая: с Кокшарова Тюменского округа, с. Кокшарова Ишимского округа, с. Кошкарова при оз. Долгом, район Кулундинской степи. Кстати, фамилия Кокшаровых упоминается как в одном из архивных следственных дел, так и в нашем полевом материале (переселенцы Урала, Сибири) [70]. Поселок расстраивался очень быстро, вскоре в селе уже 3 улицы: Калугинская — первая улица. Она и сегодня продолжает оставаться главной улицей Кокшаровки. Широкая, прямая как стрела... Такими уличными просторами могут похвалится не все дальневосточные старообрядческие поселения. На улице и сегодня красуются 3 калугинских дома. С их фамилией здесь связано немало мест. Старожилка села — Агафья Николаевна Россомахина (токаревское согласие), пожалуй, единственная, кто еще помнил старую Кокшаровку, Калугиных: «Это место называлось Калугинским краем... Калугины все стариковщинской, не нашей веры. В этих домах жили Миней, Иван 1, у него 9 дочерей было (я у них в няньках-то и была), Иван 2, Савелий, Анисим, Дементьян. Анисима дом не сохранился, его в Уборку (село в Чугуевском р-не — авт.) увезли. Богато жили, но и работали, как никто... А там дальше речка Калужиха, Калугин ключ» [71].

Две другие улицы Набережная и Сплавная (нынче это Пролетарская) находятся на значительном расстоянии от Калугинской. Помню, нам, обвешанным видеоаппаратурой и сумками со всевозможными самыми необходимыми вещами и документами, было совсем не просто пешком перебегать с одного края села на другой. Особенно, когда между интервью время на переходы как-то не учитываешь, кажется, деревня, все рядом... В такие моменты, наверное, мы выглядели очень забавно: вылетаем из калитки дома и мчимся, как нам кажется, самым коротким путем в нужном направлении... Через минут 15, оказывается, мчимся мы не в том направлении. На возвращение времени не остается, поэтому в надежде, что в деревне мы все равно куда-нибудь выйдем, продолжаем нестись со всей нашей поклажей дальше. В результате в Кокшаровке иногда в день накручивали пешком километров по 10... Для деревенских жителей мы представляли, наверное, весьма забавный объект наблюдения.

Рядом с Кокшаровкой было несколько хуторов и заимок.

Хутор **«Полыниха»**, как называют его местные жители, принадлежал одному из кокшаровских первопоселенцев — Полынину. Владелец хутора (никто из наших информаторов уже не вспомнил имени Полынина), по рассказам, был одним из самых богатых староверов в поселке. «В Кокшаровке у него было два 2-х этажных дома. Он держал косяк лошадей. На хуторе и пасека была» [72]. Семья Тита Полынина и его сына Василия, а также семьи Щербинина Фомы, Гребенщикова Ивана были в числе первозасельщиков этих мест. В 1903 г. они уже водворились в Кокшаровке. Сами Полынины какое-то время уже пожили в Амурской области, Завитинской волости д. Куликовка, их спутники переселялись из Бийского и Барнульского уездов Томской губернии. Уже в 1904 г. все они имели неплохое хозяйство [73].

Другой крупный хутор назывался **Мерьга**. Землю в нем разделили на 7 семей: Щегловых, Антоновых, Савельевых, Каширкиных, Щаповых. Нам удалось пока найти сведения только о Щегловых. Иван Иванович с женой Евдокией Ивановной (девичья Никитина) с детьми приехали в Варпаховку из Томской губернии, с. Мезенцево относительно поздно в 1927 г., через короткое время переехали в Кокшаровку, жили на х. Мерьга [74]. В 30-е гг. с началом коллективизации почти все жители хутора ушли в Кокшаровку.

В окрестностях Кокшаровки располагались также заимки Цивилева, х. Орлова, х. Маленков, рыбалки Орлова, Васенина. Цивилевский хутор был в качестве приданого подарен Мелентию Ушмаркину его тестем. «Как наметили уже свадьбу, собрал Иван Ананьевич Цивилев всех родственников своих и объявил: „Хутор — Мелентию отдаю“» [75].

Население с. Кокшаровки формировалось вплоть до кон. 20-х гг. XX в. Лишь с началом коллективизации старообрядческие семьи начинают уезжать из родных мест.

Выяснение регионального состава переселенцев из Амурской обл. представляло определенную сложность. Массовый материал о месте рождения дали нам архивные материалы репрессированных в 1932–1938 гг. Нужно учитывать, что средний возраст арестованных составлял 35–55 лет, поэтому, если родители арестованных были родом из Амурской обл., то чаще всего этой информацией и ограничивались наши знания о местах выхода крестьян. Более глубоких сведений из родословных при допросах не требовалось.

С полевым материалом возникали все те же сложности и прибавлялись новые: большинство наших информаторов воспитывались в советское время, когда интересоваться происхождением родителей было не безопасно, потом стало не принято, потом — не интересно, потом — не важно...Да мало ли какие «не» возникали за эти годы. Нашими собеседниками-информаторами чрезвычайно редко припоминались рассказы родителей, дедов о том, из каких российских мест они переселились.

И тем не менее, соединение этих источников дало свои результаты. Судя по информации, которую нам удалось выявить о местах выхода амурских переселенцев (жителей с. Подгорное, Степное, Каменка, Варпаховка, Кокшаровка) в Уссурийский край пришла группа более или менее однородная по своему региональному составу. Большинство крестьянских семей были выходцами из Сибирского региона (Томской и Енисейской губерний.).

Основателями сел **Подгорное, Степное и Каменка** были семьи амурских переселенцев: Третьяковых, Сотниковых, Бобыльских, Гостевских, Плешковых, Казаковых, Цыганцевых, Фефеловых, Иродовых, Зубакиных, Зерниных, Басаргиных, Плотниковых, Мурачевых, Фунтиковых, Куликовых, Столбиковых [76].

Первыми поселенцами с. **Варпаховки** были семьи Попова Александра, Власова Ивана, Бодунова Петра, Кокорева Ильи [77]. Эти семьи как бы предопределили региональный состав с. Варпаховки. Среди старожилов с. Варпаховки — были переселенцы из сибирского региона: Томская губерния (Поповы, Соломенниковы, Басаргины, Иродовы, Чепкасовы, Мурачевы), Енисейская губерния (Власовы, Бодуновы, Кокоревы, Новожиловы, Лукиных, Мелкомуковы). Среди более поздних подселений — старообрядческие семьи из волжских губерний — Черняевы, Гуськовы [78].

Среди старожилов с. **Кокшаровки**: Селедковы, Калугины, Шавкуновы, Калашниковы, Крашенины, Щербинины, Поповы, Коростины, Лямзины, Полынины, Цивилевы, Иродовы, Серебряковы, Семенихины [79].

Кроме того, во всех названных селах проживали семьи из старожильческой Волго-Вятской группы, также переселившейся в 60-е гг. XIX в. с севера Приморской области: Мартюшевы, Калугины, Селедковы, уроженцы Волго-Вятского региона России

Среди этой группы амурских переселенцев преобладали выходцы из Западной Сибири — Томской губернии Бийского округа (старожильческие села: Шипуново Кураниха, Б. Ануй, Большая Речка, Язовая, Айская, Тайны, Кутора, Шульгин Лог, Покровка, Усть-Уба, Уймон, Кукораболь (?), Иня и Барнаульского округа (старожильческие села Ворониха, Корчино, Поваренки).

Села Бийского округа расположены в южной части Томской губ. в долинах рек Алей, Чарыш, Ануй, Катунь, Сузун, Уба, Бухтарма. Эти населенные пункты обозначили основные пути продвижения русских на юг Алтая в район Верхнего Приобья и далее в долины рек Убы, Бухтармы. Первые русские поселения появились в Западной Сибири в самом конце XVII-начале XVIII вв. Из районов самой ранней колонизации (Среднее Приобье р. Бердь) и территории бассейна рек Томь и Иня (Кузнецкий округ) русские переселенцы, двигались двумя потоками в южном направлении. От левобережья Оби крестьяне двигались также еще и в направлении р. Карасук и Кулунды. Ученые полагают, что одними из первых на Алтай пришли переселенцы из соседних регионов Зауралья и Сибири — Туринского, Тарского, Тобольского округов, которые в свое время заселялись выходцами из северусского, Вятского регионов, Предуралья [80]. Процесс формирования старожильческого населения в Томской губернии происходит до конца XVIII в. Алтай стал территорией совместного проживания двух крупных этноконфессиональных групп. Одна из них, «бухтарминские каменщики», сформировалась, как мы уже говорили, из старожильческого населения Северного и Южного Алтая в 60–70 гг. XVIII в. в долине р. Бухтармы, верховьях Убы и Ульбы, Катуни, Уймону и Коксе. Основными регионами выхода «каменщиков» исследователи считают северорусские и Пермскую губернии [81]. В 60-е гг. XVIII в. в этот район Алтая была переселена большая группа ветковских старообрядцев — «поляков». Крестьянские семьи подселялись как в старые, уже существующие поселения, так создавали и новые. По сведениям М.В. Швецовой, среди поляков были выходцы из Вятской, Тверской, Новгородской губерний [82]. К 80-гг. XIX в. Бийский округ стал основным переселенческим районом, здесь осело 68,2% всех переселявшихся, тогда как в Барнаульском — 28,6% [83]. Ко времени массовых переселений на Дальний Восток, региональный состав Бийского округа еще более усложнился. В Алтайский округ прибывали переселенцы из многих губерний европейской России, но по-прежнему более всего — из Пермской и Вятской, а также из Тамбовской и Воронежской губерний. Население южной части Алтая пополнялось и за счет переселенцев из малоземельных центрально-черноземных губерний, поволжских губерний, перенесших в 1891 г. голод: Самарской, Саратовской губерний [84].

Однозначно ответить на вопрос, были ли старообрядцы, переселившиеся из Томской губернии, потомками старожильческого населения этой губернии, сегодня пока невозможно. Однако, среди них есть фамилии, которые неоднократно упоминаются исследователями в числе первых засельщиков Алтая, переселенцев из северорусских губерний, Урала. Так, Плотни-

ковы неоднократно упоминаются исследователями как переселенцы из урало-сибирского региона на южный Алтай [85]. Среди Плотниковых, пришедших на Дальний Восток были выходцы из Сибири (Томская губерния), по неподтвержденным пока данным, более раннее место выхода Плотниковых-Урал, Вятская губерния. О передвижении семейного клана Плотниковых внутри Томской губернии свидетельствуют места их проживания: Барнаульский округ д. Ворониха и Бийский округ д. Большая Речка. Род Плешковых, выходцев из Поморья, жителей Бердского острога, затем Бийской крепости упоминается с 1720 г. [86]. У дальневосточных Плешковых местами выхода названы с. Кураниха и с. Шипуново все того же Бийского округа. Первые упоминания о роде Быковых обнаружены в 1695 г.: Стенька Лукин Быков, пришедший с Устюга, числится в одной из деревень, расположенных под Тюменью. Позднее ветви этого семейного клана жили и в Ишимском окр., в Кулундинской степи, на р. Алей [87]. На Дальний Восток пришли две ветви Быковых: из Томской губернии Барнаульского округа д. Поваренки и из Енисейской губернии [88]. Аналогичный путь прошли и потомки старинного рода Поповых.

Дальневосточный материал подтверждает выводы сибирских ученых о важнейшем значенин семейно-родовых, земляческих связей в колонизационном движении русского населения на восток. Но не только родственно-земляческие связи, а целая цепь конфессиональных, хозяйственно-экономических связей «эффективно действовала на протяжении целого ряда сменявших друг друга поколений сибиряков-старожилов. Именно она придавала колонизации непрерывный, „ползучий характер". В новые районы уходили не всем клановым союзом, а группами, к которым постепенно присоединялись родственники...» [89]. На Дальний Восток переселилось несколько ветвей рода Третьяковых. Одна из них переселилась из Тобольской губ, Ялуторовского у. под Бийск. Позднее их семьи переселились непосредственно на северное побережье края. Другие Третьяковы двигались на восток с длительными остановками из Томской губернии Барнаульского округа сначала в Енисейскую губернию и только потом на Дальний Восток. Старейшины рода Столбиковых Иван Иванович и Александр Иванович из Екатеринбургской губернии з-д Касли переселились в Томскую губернию Бийский округ с. Покровка. Семья Александра Ивановича была среди основателей с. Каменка, а вот семья Ивана Ивановича Столбикова позднее сразу переселилась на северное побережье, минуя Каменку.

Нужно отметить, что «ползучая» миграция позволяла определить в лучшем случае два последних места проживания семьи переселенца. Определить материнскую территорию рода нам чаще всего удавалось по экстренным переселениям. Такие переселения к дальневосточным родственникам чаще всего происходили в послереволюционные годы, годы коллективизации, годы массовых репрессий. Так, семьи братьев Сотниковых-выходцев из Томской губ., Бийского округа переселились в Амурскую область и Южно-Уссурийский край. Старший же их брат оставался на родине в Самарской губернии. И только в 30-е гг. XX в., минуя Алтай, переселился в Приморье. Варпаховские семьи Соломенниковых переселились из Томской губернии. Позднее Алексей Соломенников переселяется на Пею. Остальные Соломенниковы из Пермской и Вятской губерний переселяются сразу на северное побережье в 30-х гг. XX в.

Нам удалось выявить более ранние места выхода у двадцати семи семей — жителей Улахинской долины, переселенцев на Дальний Восток из районов Сибири, Алтая. Цифры распределились следуюшим образом: 53,8% — семей переселились в районы Сибири с Урала (Пермская, Екатеринбургская губернии), 30,7% — из Вятской губернии (Сарапульский уезд), 11,5% из — Поволжья (Саратовская, Самарская, Нижегородская губернии) и 7,7% из северорусских территорий.

Таким образом, региональный состав переселенцев из Амурской области, поселившихся в Улахинской долине, в какой-то степени отразил миграционные процессы, происходившие в урало-сибирском регионе.

В 80–90 гг. XIX в. в составе семей старообрядческих поселений Улахинской, Даубихинской долин появляются и некоторые семьи забайкальцев (Николаевых, Борисовых, Спиридоновых, Ефимовых) из с. Красный Яр, Ильинка. К этому времени они уже успели породниться с семьями первых двух групп.

Группа переселенцев из Амурской обл., со временем значительно выросшая в количественном отношении, дала жизнь многим старообрядческим поселениям Приморья. Тем не менее, следует отметить, что фамильный (а значит и родственный) состав амурских переселенцев стойко сохранялся на протяжении долгих лет. Этому в немалой степени содействовало конфессиональное единство, территориальная общность, земляческие связи.

Лет через двадцать за этой группой прочно закрепилось название — «улахинцы». Это название, по-видимому, весьма широко бытовало: мы часто его слышали от наших информаторов, оно использовалось и в письменных воспоминаниях старожилов. «Кузнецово так же не знаю, когда образовалось... но заселяли его тоже улахинцы...» [90]. Другое название этой группы — «уссурийцы» я встретила лишь в однажды в деле о восстании [91]. «Амурскими» староверами стали называть новоселов — большую группу крестьянских семей, уходивших от коллективизации из Амурской обл. на северное побережье Приморья в самом конце 20 — начале 30 гг. XX в.

В крупнейших улахинских селах — Варпаховке, Каменке, Кокшаровке сложились наиболее сильные в экономическом отношении общины, с многочисленными зажиточными семьями. В то же время эти обшины выделялись крепостью веры, истовостью, особой строгостью. Известные в Приморье начетчики, знатоки книжности, наставники, участники Соборов и авторы Соборных уложений вышли из старообрядческих общин Каменки, Варпаховки, Кокшаровки: Кокорин Артамон, Казарин Ефим, Чистяков Ермолай, Старков Феодот, Новожилов Наум, Сидоренко Николай, Бодуновы Петр и Филипп, Басаргины Венедикт, Евсей, Иродовы Юрковы, Фунтиковы, Куликов Моисей, Плотников. «Где крестьяне зажиточнее, там более раскола», — утверждал в свое время П.И. Мельников-Печерский: семейный капитал сосредоточивался в руках старейшин большой патриархальной семьи, — это было неплохой сдерживающей силой в случае отделения менее стойких от веры, от общины. Нам не известно пока доподлинно, но, по воспоминаниям нескольких старожилов этих мест, именно здесь, в Чугуевской волости, недалеко от Каменки, Варпаховки появились и первые старообрядческие скиты. Под влиянием обстоятельств наиболее влиятельные семьи из Варпаховки (Новожиловы, Кокорины, Чепкасовы, Соломенниковы, Фай, Куликовы, Быковы) в 1914 г. почти одновременно переселились в более глухой таежный район р. Пеи и Канц, подготовив таким образом почву для появления здесь в 1917 г. монастыря, возглавляемого известным сибирским игуменом о. Силуяном.

Старообрядческое население улахинской долины в конфессиональном отношении было более или менее однородным: подавляющее большинство населения составляли старообрядцы часовенного согласия. В отличие от Каменки и Варпаховки в конфессиональном отношении Кокшаровка представляла собой довольно пеструю картину. Какое-то время одно из главных пожеланий кокшаровских жителей (часовенное согласие) — не подселять к ним лиц другой веры- администрацией Приморской области соблюдалось. В 1914 г. в эти места попытались переселиться крестьяне-старообрядцы, приемлющие белокриницкую иерархию. Кокшаровское сельское общество, понимая, что возражения их, видимо, не будут приняты властями, выделили для них самый проблемный участок общинных земель [92]. Поселились ли старообрядцы-поповцы на новом месте, нам пока не известно. По некоторым сведениям, в Кокшаровке все-таки жило несколько старообрядческих семей, приемлющих священство, однако, зафиксировать какой-то конкретный факт, связанный с ними, пока нам не удалось.

Существование по соседству с Кокшаровкой двух крупных сел Саратовки, Калиновки, заселенных старообрядцами поморского согласия (федосееевского толка, токаревцами, самокрестами) также давало о себе знать: здесь обосновалось несколько семей этого согласия. Так, большая семья самокрестов Семенихиных переселилась в Кокшаровку из Томской губернии, Бийского округа с. Гробница после русско-японской войны [93].

Если продвигаться от с. Кокшаровки вниз по р. Улахе, то следующими селами на нашем пути будут с. Саратовка и Калиновка, основанные старообрядцами в начале XX в.

с. Саратовка. Уже само название говорит, что основателями его были переселенцы из Саратовской губ. (село основано в 1906 г.) [94]. По рассказам наших информаторов, основателями села были старообрядцы поморского согласия (федосеевцы). «В Саратовке самокресты жили и бракоборы» [95]. Никого из этих общин в Саратовке. к сожалению, найти уже не удалось. А вот о федосеевцах, или «бракоборах» нам удалось записать воспоминания сразу двух информаторов — Гуськовой Федосьи Пименовны и Коротковой Елизаветы Петровны, бывших жительниц Саратовки.

Недалеко от Саратовки был **Маленков хутор**, где жило несколько семей, переселенцев с Поволжья, Маленковых (г. Вольск), и Гуськовых (Саратовская губ. Хвалынский у. д. Селитьба), старообрядцев часовенного согласия. По приезде в 1906 г. Маленковы поначалу поселились в Саратовке, но, оказавшись в меньшинстве и не желая соседствовать с иноверцами, отселились на хутор. Елизавета Петровна Короткова, урожденная Голодяева, из семьи старообрядцев-федосеевцев, вспоминала, что родители ее отца Голодяева Петра Андреевича решили перебраться на Дальний Восток из-за безземелья. Семья обосновалась в Самарке [96].

«На Маленковом хуторе жили все часовенные, — рассказывала Короткова Е. П. (дев. Голодяева). Маму мою (Маленкову Дарью Григорьевну) родители сговорились отдать за одного старовера в Кокшаровке, а она к этому времени познакомилась с Петром Голодяевым, он тоже из Вольска, только веры другой. Мама тайно решила бежать. Договорилась с корейцем из фанзы на берегу р. Нотта, взяла юбку, кофту и убежала на берег к лодке. Отец на другом берегу ждал. Братья мамы бросились вдогонку на лошадях. А мама с отцом потерялись, разминулись... она ночевала в чьей-то бане, он всю ночь искал ее... нашел уже поутру... Родители потом простили их, но если бы братья встретили его — застрелили бы, уж это так. Брачить их не могли, они ведь разной веры. А тут и я родилась в 1923 г., крестить надо. А где крестить? У кого? Делать нечего. Отец сначала поехал крестить в Самарку, к хохлам, церковным. Сам купель долить хотел: она неполная была. Его так наругали за самоуправство, он расстроился не стал там крестить. Поехал искать другую веру, нашел в Кокшаровке, разговаривал с настоятелем, их приняли в братию, там и сбрачили. А жить-то они остались на хуторе, построили свой дом. 18 детей у мамы родилось. В 1936 г. переехали в Кокшаровку, позднее в Арсеньев» [97].

Из Саратовской губ. Хвалынского у. д. Селитьба переселилась на Дальний Восток семья Якова Гуськова (брат Егор Гуськов жил в Варпаховке). Семья Якова была из зажиточных. «У мужиков штаны с пуговицами были» — вспоминает внучка Якова, Гуськова Федосья Пименовна. По линии матери Федосьи Пименовны дед, Куликов Варфоломей Куприянович с тремя братьями Поликарпом, Федором, Ануфрием переехали на Дальний Восток из Томской губ. (Викул Куликов из Каменки также их родственник). Обустроились сначала в Амурской обл., на Бурее, в д. Куликовка. К 20-м гг. XX в. поехали в Южно-Уссурийский край в с. Каменку. Жили какое-то время у родственников — Карабановых (бабушка по матери из рода Карабановых), но надолго и здесь не задержались. Уехали в Саратовку на Маленков хутор, где старались селить только своих — переселенцев из Поволжья или родственников. Устинью Куликову замуж отдали за Гуськова Пимена. Он старше был, но Куликовы бедно жили, поэтому выбирать не приходилось. В семье у нас часто вспоминали: «Продали Устинью за мешок муки» [98].

Ближе к верховьям р. Улахе, за Чугуевкой, мы побываем в селах Архиповке, Тополевое, Ясное и познакомимся с их историей.

Село **Архиповка** почти утратила свой первоначальный облик. Оно стало похожим на множество приморских деревень образца 60-х гг. XX в. Не осталось почти ни одного старого дома. Жилой фонд почти полностью обновлен, старые дома снесены, построены новые, двухквартирные. Старожилов почти не осталось, разве что 2–3 семьи.

А вот среди архивных документов мне попалось на глаза сразу несколько дел репрессированных жителей с. Архиповки, несколько десятков человек. Это был неплохой массовый источник, характеризующий жизнь старообрядческой общины не только в 20–30 гг., но и дающий экскурс в прошлое села.

Архиповка заселялась старообрядцами почти одновременно с остальными селами Чугуевского района — в начале XX в. Почти до конца 20-х гг. XX в. в ней сохранялось несмешанное население, состоящее преимущественно из старообрядцев часовенного согласия. По воспоминаниям старожилки села — Калугиной А. С. (девичья Комова), в Архиповке жили в основном «вятские и томские» [99]. Ее сведения подтверждались и архивными материалами. Село было основано переселенцами из Томской губернии. Подселение старообрядческих семей из Вятской губ произошло гораздо позднее. Наш более подробный анализ регионального состава выявил, что среди переселенцев Архиповки много крестьянских семей из старейших алтайских сел: Плешковы (с. Шипуново, Кураниха), Посновы (Усть-Козулиха), Туневы (В. Боронча), Сухановы (Шульгин Лог), Долгановы (Белая Лунь, Белый Ануй), Красиловы (Хабаровка), Проскуряковы (Пьянково), Минуховы (Платово), Комовы-Огневы (Туманово), Шишкины (Караган?) — мест расселения старожильческого населения Алтая — кержаков, а также локальных групп, «поляков» и «бухтарминцев» [100].

В начале 20-х гг. XX в. в Архиповку подселились родственники старообрядцев Комовых, Огневых (Солонешенский р-н, с. Туманово) [101]. Из Айротской автономной области с. Товран переселилась семья Воробьева Макара Карповича [102].

Из ближайших сел — Варпаховки, Кокшаровки переезжают в Архиповку семьи Проскуряковых, Килиных.

С нач. 30-х гг. начинается вторая волна переселения, связаннная, как и в других районах, с началом коллективизации на территории европейской России и Сибири. В эти годы переселилась в Архиповку большая группа семей из Сарапульского и Воткинского района Уральской области (до революции Вятская губерния). В их числе: 5 семей Белокрыловых (д. Светлая, Романовка), семья Варламова Антона Лукьяновича (с. Гусево), Мельникова Фоки Родионовича (с. Ольхов Починок), Фонарева Викула Ивановича (д. Захарки) [103].

Итак, основу населения с. Архиповка составили переселенцы из Томской губернии (старожильческие села Бийского уезда) и Вятской губернии.

Хутор **Янмутьхоуза,** (п. Тополевый). С этого поселка когда-то и началась наша полевая работа. Уж не помню, почему в том далеком 1986 г. мы вырвались в экспедицию только зимой. Маршрут экспедиции мы определяли по всем возможным и доступным для нас в то время источникам. Мы пробрались по зимним таежным дорогам в самые глухие уголки Чугуевского района в надежде найти старообрядцев. Полевого опыта — никакого. Иногда мы точно знали, что разговариваем со старообрядцами, но разговора не получалось. Бог знает, сколько бы мы еще колесили по району... К нашей огромной радости самый последний день экспедиции подарил долгожданную встречу...

Мы возвращались из самой южной точки Чугуевского района молодого поселка Ясное. В 3-х километрах от Ясного вдоль дороги уютно расположилась небольшая деревенька, которую мы по пути на Ясное и не заметили. Совершенно случайно выглянув из заиндевелого окна автобуса мы увидели высокого старика с длинной бородой, ладящего забор. Так мы и познакомились с Ануфрием Андреевичем Комовым. Наша дружба с ним длилась больше 15 лет. Старик пригласил нас в дом. Нам показалось, что мы попали в лучшем случае в прошлое столетие. Это была настоящая русская изба: низкий потолок с матицей, широкие некрашенные плахи пола, множество окон. Почти все пространство избы занимала русская печь, слева плита, за занавеской кровать, иконостас напротив печи, под ним столик с книгами и свечами. На столе у окна горела свеча: в Тополевом не было электричества. Хозяйка дома — маленькая, но крепкого сложения женщина, нимало не удивилась нашему приходу. Видимо привыкшая к неожиданным гостям, пригласила нас сесть, словно мы были знакомы много лет. Потом мы узнаем, что Евдокия Родионовна была замечательной охотницей, случалось, одна ходила на медведя. В отличие от своей жены, молчавшей почти все время нашего визита, словоохотливый хозяин без единого нашего наводящего вопроса за полтора часа рассказал нам историю своей жизни так, словно ему приходилось делать это не впервые. Вообще житейская мудрость, острый ум и артистичность — особенности его характера. Никогда ранее и не слышавший о видеокамере, он вел себя в присутствии ее так, словно родился режиссером или актером. Как-то еще в самом начале нашего знакомства мы предупредили его, что завтра хотели бы записать на видеопленку его рассказ о жизни. На следующий день нам оставалось только подчиняться его толковым распоряжениям и в очередной раз удивляться актерскому дару. Им было продумано все: рассказ был поделен на сюжеты, где были продуманы «декорации», мизансцены, проходы, стиль речи, даже все необходимые атрибуты. Его речь менялась от размеренной и даже эпической, видимо, по его мнению, соответствующей моменту, до яркой, озорной, с прибаутками. Для рассказа об охоте он повел нас в ближайший лесок, где уже была заготовлена ловушка. «Ловушка типа „кулемка“», — торжественно провозгласил он, — и тут же, как фокусник, извлек из штанов заготовленную заранее шкурку соболя. Для рассказа о традиционных играх им уж были заранее сделаны бита и «чижи». Он вывел нас на улицу, и мы незаметно для себя с удовольствием включились в эту игру.

Природная любознательность, желание дойти до всего самому сыграли в судьбе Ануфрия Андреевича добрую службу: грамоте, по его словам, он научился сам. Совсем маленький, он уже помогал родителям, подрабатывал пастухом. Учиться было некогда, а так хотелось... Решил сам учиться грамоте. Бумаги не было, так он по старинке, на бересте буквы писал, потом слова, задачки сам себе составлял. Это уж потом, много позднее, в 1929 г. в селе появился учитель, который помог Ануфрию в его обучении. Экстерном сдал он за пять классов, а потом всю жизнь проработал в колхозе «Власть Советов», от бухгалтера до председателя сельсовета.

С нами он вел себя покровительственно, а иногда и очень строго. Как то перед Пасхой мы приехали в Тополевый и забежали к Ануфрию Андреевичу утром, (он тогда настоятелем был) попросить разрешения присутствовать на службе. К вечеру, уж не помню, по какой надобности снова заглянули к нему. Ануфрий Андреевич, уже одетый по случаю предстоящего праздника в малиново-красной атласной рубахе сидел за столом за открытой служебной книгой, видимо, готовясь к службе. Не повернув даже головы в нашу сторону, он так прицыкнул на нас, что мы пулей вылетели из избы.

С вещами, которые мы выпрашивали у него для музея, он расставался легко. Помню, только самокатанную войлочную шляпу, в которой он ходил на рыбалку в течение лет 40, он наотрез отказался отдавать. Мы несколько раз заводили разговор о ней, но он пропускал наше нытье мимо ушей. И только год назад он согласился расстаться со своей любимицей. Тогда мы приехали в Тополевый специально показать фильм, который сделали с участием тополевских староверов. Ануфрий Андреевич, конечно, был главным героем фильма. Телевизоров и видемагнитофонов в селе не было, поэтому мы все привезли с собой из Чугуевского музея. За машину и помощь огромное спасибо от нас и всех тополевцев начальнику Чугуевского РОВД А.К. Свирловскому и сотруднику милиции А. Куприянову. Внучки Ануфрия Андреевича обежали все село, и через минут двадцать изба уже была полна народу: сидели на полу, на печи. Ануфрий Андреевич на правах хозяина и главного героя — впереди. Он, не поворачивая головы, комментировал фильм, рассказывая о тех, кто уже ушел из жизни и тополевской молодежи был знаком только по воспоминаниям родственников. Фильм смотрели раза три подряд. Все разошлись довольные. На прощанье хозяин протянул нам войлочную шляпу. Совсем недавно я получила письмо из Тополевого с горестным известием: умер Ануфрий Андреевич. Царство ему небесное.

В ту пору, когда на хуторе начали селиться старообрядцы, он назывался Янмутьхоуза. Сведения о происхождении этого топонима были противоречивы: кто-то говорил, что здесь когда-то было китайское поселение, кто говорил, что хутор получил название по фамилии китайца, жившего в этих местах. Ануфрий Андреевич сказал, что название переводится с китайского как «долина больших тополей», поэтому его позднее и назвали Тополевый. Мы сверились со «Словарем китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока», в котором сообщалось: «Название китайское, образовано компонентами: ян — тополь, му — дерево, да — большой, гоу — падь, цзы — суффикс. Янмутьхоуза является искаженным китайским топонимом Янмудагоуцзы — Большая тополевая падь» [104]. Так что объяснение Ануфрия Андреевича вполне соответствовало истине. Даже по очертаниям и расположению основных дорог и проулков хутор удивительно напоминал огромное дерево. Непривычное китайское название тополевцы сократили до короткого «Мат Хаус», теперь звучащего явно на английский манер.

По воспоминаниям старожилов, первым в эти места приехал некто Коваленко. По воспоминаниям И.Е. Юркова, Коваленко были из самокрестов [105]. Земля в округе, якобы, принадлежала ему. Позднее у него большую часть земли купил Кондратий Иванович Булатов, переселившийся с семьей с южного Урала Оренбургского у. Челябинской вол. с. Ерофины [106]. Пока не известно, принадлежала ли семья Булатовых изначально к толку самокрестов, но мы точно знаем, что после раскола в с. Батюково, где впоследствии и осела его семья, К.И. Булатов примкнул к самокрестам. Семья Булатовых несколько раз меняла место жительства, то возвращаясь на Урал, то в Янмутьхоуза, и только в 30-х гг. окончательно обосновалась в с. Батюково на р. Судзухе. На хуторе осталась жить семья его дочери с мужем Денисовым Семеном Яковлевичем, и его сыном Иосифом. Приселившиеся позднее в Янмутьхоуза крестьянские семьи, землю уже не покупали, им ее нарезали без выкупа [107].

В числе самых первых поселенцев этих мест была семья Орлова Григория Юрьевича, переселившегося, по воспоминаниям односельчан, из Оренбургской губернии. Есть сведения, что семья Орловых также принадлежала к согласию старообрядцев-самокрестов, жену его в селе называли «поморкой» [108]. Нужно отметить, что фактов о пребывании в этих местах самокрестов сохранилось чрезвычайно мало, но они все же позволяют предположить, что первыми эти места осваивали именно они.

Кстати, рядом с Тополевым был хутор **Константиновский**, в котором жило две-три семьи Константиновых (к сожалению, нам не известны их имена), переселившихся позднее на северное побережье. Известные нам по Усть-Соболевке Константиновы — выходцы из Оренбургской губернии принадлежали к федосеевскому толку [109].

В 1918–1919 гг. в эти места начинают переселяться алтайские крестьяне-старообрядцы. Первыми из Солонешенского района с. Туманово приехали семьи Комова Андрея Васильевича и Паклиных. Затем по письмам стали переселяться родственники и земляки. Семейство Комовых переехало на Дальний Восток в 1918 г. «До Спасска добирались поездом, — вспоминает Ануфрий Андреевич Комов, — оттуда, как придется: где на лошадях, а где и пешком» [110].

В 1929–1930 гг. из тех же мест (с. Туманово) переселились семьи родственников: семья Комовых-Широносовых (семья Широносовых из Бийского уезда с. Комарово), семьи Комовых Григория Васильевича и его сына Савелия Григорьевича, семьи Максимовых — Комовых. Отца Ермолая Максимова, Степана, убили еще во время гражданской войны на Алтае, а мать Ермолая Степановича — из рода Пятковых. Максимовы хотели двинуться дальше, на северное побережье, да время было уже другое: переселение на северное побережье для староверов было невозможно [111].

Из уральских переселенцев в Янмутьхоуза в 20-е — 30-х гг. уже живут семьи Масасиных (Оренбургская область, Мишкинский уезд, с. Пестово), семья Поносова Никифора Федоровича [112].

Здесь, на Дальнем Востоке, Булатовы, Комовы породнились с Плешковыми. Старинный род Плешковых, выходцев из Поморья, как мы уже знаем, переселился из Томской губ в Амурскую обл., а затем и в Южно-Уссурийский край.

Семья Логина Ивановича Шейкина после наводнения в с. Батюково переселилась на хутор в 20-х гг. XX в. Место поселения выбрано не случайно: их родственники — Орловы уже жили здесь. Сами Шейкины выходцы из Самарской губернии [113]. Дом Логина Ивановича Шейкина до сих пор сохранился в Тополевом. Его дочь Федосья Логиновна знакомила нас с ним. На чердаке хозяйственного сарая мы нашли грубо сколоченный переносной аналой. Собственно на аналой он и похож-то не был: просто ошкуренный ствол дерева с висящей на одном гвозде фанеркой, вероятно выполнявшей роль столешницы. На наш недоуменный вопрос хозяйка, несколько замявшись, разъяснила, что использовали этот аналой родители еще в советские времена, когда молиться в доме было опасно. Молились в подполье и в сарае. При опасности аналой легко превращался просто в бревно.

Откуда переселилась в Янмутьхоуза семья Чаркиных, никто не смог уже вспомнить. Запомнилось односельчанам больше другое: «В Мат Хаусе у нас крепкие хозяйства были, единоличные. Ну, время пришло, пошли все в колхоз. В этом сильного греха нет: власть от Бога. А Чаркины считали это большим грехом. Мать и три дочери (Анна, Лизавета и Татьяна) ушли в лес ради спасения своей души. Замерзнуть решили. Дочери у них — красавицы. Люди радовались их красоте. Анна, старшая, записку жениху своему успела написать, прощай, мол, Автоном Григорьевич (Орлов — авт.), не быть нам с тобой никогда... Но Господь-то их спас. Нашли в лесу обмерзшими. Привели их в чувство. Потом они уехали, а в колхоз так и не вступили [114]».

Еще одна из дочерей Григория Васильевича Комова — Александра вышла замуж за Виноградова Никифора Максимовича. Поначалу они жили в Архиповке, позже переселились в Тополевый.

Семья старообрядцев Денисовых хорошо известна в Чугуевском районе. Появление их в Янмутьхоуза связано с романтической историей. Глава семьи Денисов Семен Яковлевич, бывший партизан, участник Волочаевских боев, привез смертельно раненого друга в Тополевый, к жене, детям. Друг вскоре умер, а Семен Яковлевич так и остался в Тополевом. Сначала заботился о семье друга, выполняя его предсмертную просьбу, а позднее женился на вдове, усыновив ее сына, потом родились свои. Всех детей подняли вместе. Старший Филарет, когда подрос и нужно было документы оформлять, отчество взял «Семенович», рассудив, что вырастил его и воспитал Семен Яковлевич. Со вторым сыном Семена Яковлевича — Филатом мы познакомились уже в нач. 90-х гг. Нам не трудно было подружиться с ним. Неугомонный, живой, он всегда в работе: то в огороде с женой, то в лесу, то по хозяйству. Руки золотые! Все-то он может сам! В его замечательном, широком, чистом дворе стоит старенький трактор, восстановленный им самим, мотоцикл и легковая машина, также собранные им. Охотник хоть куда! В доме все стены украшены рогами коз, оленей — охотничьими трофеями хозяина. Здесь же, по стенам в рамках, сделанных им же — многочисленные фотографии семьи. Филат Семенович любит рассказывать о прошлом, вспоминать, хоть всегда и приговаривается, что, мол, от меня вы узнаете, я с детства — то не строго следовал вере, многое забыл... Он живо тут же интересуется нашим мнением по поводу волнующих его вопросов. Ему необходимо дойти до всего самому. На все у него есть своя точка зрения, которую он не меняет, несмотря ни на что. Выросший и воспитанный в советском государстве, он не стесняется этого и даже гордится. «Детство трудное у нас было, учились в Сандагоу (ныне Булыго — Фадеево). Учиться хотелось, хоть и жили с сестрой в Сандагоу в людях, сами готовили, сами стирали. Война началась, а мы в 6 класс перешли... Кончилась на этом наша учеба. Нас, детей, на лошадей посадили, возили сено, косили его, я сметывал по 120 копен сена! После войны закончил в Чугуевке курсы трактористов, работал в заготконторе. У меня и знак есть „Отличник охотничьего промысла“. В 1957 г. охотников начали сокращать, пошел полевым бригадиром, не уработался: мне надо было больше с 1 га собрать урожая, а начальству быстрее. Работал потом и бондарем, и водомерным наблюдателем, и начальником метеостанции, и дорожным мастером... [115]».

Семен Яковлевич Денисов возглавил единственный в округе старообрядческий колхоз «Власть советов» в самые трудные годы. Сокращенное название колхоза звучало как «КВС». Старообрядцы же расшифровывали его для себя как «колхоз всех староверов». Колхоз всегда был в передовых, хозяйства у всех крепкие, даже электричество появилось здесь у первых в районе. Сами прокопали канаву вручную, пустили воду, генератор поставили, провода тогда еще медные были. Помощь большая от электричества была: муку мололи на мельнице, сено резали лошадям.

Все дети Семена Яковлевича убеждены были, что отец в старообрядчество перешел из никониан. «Два года тятя изучал христианство, ходил на соборы, потом покрестили, а уж потом и жениться разрешили...» [116]. О родителях самого Семена Яковлевича сохранилось немного воспоминаний. Филат Семенович вспоминал, что дед их из донских казаков, бежал в Турцию, потом — в Румынию. Его дети перед Первой мировой войной переехали в Хабаровский край, семья жила в Волочаевке, а дед Яков был в Хабаровске почтарем, возил почту. Семен Яковлевич от набора Колчака убежал в Китай, а потом был в партизанском отряде Шевчука [117]. Клавдия Семеновна Примачева (урожд. Денисова) рассказала: «Тятя родился в Румынии в с. Гончарка. Родители его Яков и Гликерия выехали из Румынии в 1906 г. Детей было семеро, все в Румынии родились. Почему приехали в Россию — не помню, может, тятя не рассказывал. Много тогда в Россию народа переехало, приехали в Нижнеспасово. Многие пожили там год, не понравилось им там и уехали обратно. Дедушка не вернулся, хотя в Румынии остались брат и сестра. В селе Денисовых Гончарскими называли, потому что из Гончарки, наверное» [118]. Несмотря на уверения родственников, что «тятя из никониан», нас смущало, что путь, пройденный семьей Денисовых по маршруту и времени совпадал с тем, что прошли старообрядцы, переселившиеся на Дальний Восток из Румынии. Случайным совпадением это вряд ли могло быть. Найти следы неизвестной Гончарки помог профессор из Румынии И. Евсеев: «Гончарка находится в северной Добрудже, у подножья очень старых гор, называемых „Горы Мэчина“. Возможно, что первоначально здесь жили русские старообрядцы казаки-некрасовцы, но в конце XVIII-начале XIX вв. их здорово потеснили запорожские

казаки. Между некрасовцами и запорожцами были кровавые столкновения, которые потребовали энергичного вмешательства турецкого султана» [119].

Рядом с Янмутьхоуза располагалось несколько небольших хуторов.

На хуторе **Березовом**, или в обиходе Березняки, жило несколько семей — Калашниковы и Семины. Место выхода семьи Семиных пока остается не известным. Односельчане отзывались о матери семейства с уважением. По их словам «...сначала они с мужем и детьми жили в Тополевом, но муж пил. Она ушла от него с детьми в Березовый. Всех шестерых детей для веры сохранила, сама учила их читать, петь, писать. Дочки вышли замуж за христиан, а сыновья не женились, ушли в пустынь куда-то в Сибирь [120]». Нужно сказать, что на северном побережье, недалеко от с. Ахобе находился х. Семинский. Жили там крепкие староверы Калашниковы, Шавкуновы, Зыряновы, Юрковы, Семины. Одиночные монашеские скиты в тайге находились, в том числе, и под их опекой [121]. Предположительно, что родиной Семиных была Вятская или Пермская губернии, поскольку именно из этих мест были жители хутора Семинского.

Семьи Калашниковых впервые появляются в Кокшаровке. Эта богатая сыновьями семья переселяется из Томской губ. в Амурскую обл. Томской вол. д. Заливка. Ветвь Егора Калашникова — Никита Егорович, позднее переселилась в окрестности Янмутьхоуза, на х. Березовый. В 1936 г. Никита Егорович был арестован, осужден тройкой за агитацию против советской власти, через месяц расстрелян [122].

Если в региональном отношении Тополевый был более или менее однороден — преобладали переселенцы из Томской губернии, то в конфессиональном отношении у маленького хутора были свои загадки. Думаю и остались, поскольку окончательный ответ на свои вопросы мы не получили до сих пор. Предположительно, семья Булатовых, а затем и подселившаяся сюда семья Орловых (также из Оренбургской губернии) принадлежала к поморскому согласию, самокрестам. Не случайно, видимо, обосновались рядом на хуторе семьи федосеевцев Константиновых, переселенцев из той же Оренбургской губернии. Не случайным было, наверное, и переселение Булатовых в Батюково, где к тому времени произошел раскол в старообрядческой общине: самокресты отделились от часовенных старообрядцев. Найти более прямых подтверждений нашим предположениям мы пока не смогли.

Итак, преобладающее большинство жителей Янмутьхоуза — переселенцы из Томской губернии Бийского уезда Солонешенской волости. Известно, что в Солонешенской волости обосновались и староверы, выведенные из Польши по указу Екатерины II, тем не менее есть сведения о том, что с. Топольное Солонешенской волости было основано в 1737 г. «раскольниками из Московской и Владимирской губ.», с. Туманово же было в свое время выселком с. Топольного [123]. Нынешние жители с. Тополевого, переселившиеся из с. Туманово, затруднялись идентифицировать себя с какой-то локальной группой алтайских старообрядцев, но и «поляками», видимо, себя не считают. Как-то в один из приездов привезли мы тополевским женщинам показать забайкальскую кичку, показали им, как платок повязывается. Смотрели они на этот головной убор без удивления, как на знакомый. На мой вопрос, не носили ли в их местах таких головных уборов, тополевские женщины сразу же ответили: «Это „поляки" носят, у нас не принято». Судя опять-таки по старинным фамилиям Плешковых, Паклиных, сюда переселилась старожильческая группа Алтая, те, кого на родине называли «кержаками».

Итак, региональный состав тополевцев был преимущественно алтайским, в то же время здесь жили выходцы и из Самарской и уральских губерний.

Формирование старообрядческого населения долины р. Улахе было завершено к 30-гг. XX в. Подселение именно в эти места в 70-х гг. XX в., (спустя целых 40 лет!) небольшой группы старообрядцев из китайской провинции Западный Синьцзян казалось нам случайным фактом.

Судите сами. Село Ясное, расположенное всего в трех километрах от с. Тополевого, совсем молодое, даже по дальневосточным меркам (основано в 60-х гг. XX в.). Еще в 80-гг. сюда стремились на заработки. Основным предприятием, где было занято почти все мужское население, долгое время оставался леспромхоз, занимавшийся валкой леса, частичной обработкой и вывозом. Детский сад, школа, магазин, клуб, столовая, пекарня — здесь работало женское население. Население этнически смешанное: основную часть его составляют русские и украинцы. Большая часть жителей поселка — люди среднего трудоспособного возраста, молодые семьи. Сам поселок по внешнему виду был похож на множество таких же леспромхозовских поселков периода развитого социализма: несколько улиц с новыми двухквартирными типовыми домами, крохотными двориками, небольшими приусадебными участками. Казалось странным, что в поселке, расположенном в живописнейших местах дальневосточной тайги, почти не было зелени. Огромные машины, груженные лесом, окатывали все вокруг клубами пыли. В центре села — двухэтажный дом с обычным набором служб — администрация села, почта, гостиница, магазин. Словом, ни деревня, ни город... Но ведь именно сюда и переселились старообрядцы — репатрианты из китайской провинции Западный Синьцзян. Что заставило небольшую группу семей оторваться от родственников, земляков, обосновавшихся, как и они, по возвращении из Китая в Казахстане и Киргизии, и двинуться на самый край земли, в таежный Чугуевский район?

Готовых ответов на эти вопросы не было. Лишь несколько лет экспедиционной работы в селе позволили составить более или менее ясную историю синьцзянских старообрядцев.

Число семей, как я уже сказала, совсем невелико, немногим больше десятка: Куртаковы, Никифоровы, Зайцевы, Шутовы, Выходцевы, Красковы, Ошлаковы, Матвеевы. Но если учесть хотя бы известные их самые близкие родственные линии, то количество фамилий увеличивается больше чем наполовину: Ивановы, Пятковы, Скороходовы, Рыжковы, Берсеневы, Анфилофьевы, Глазковы, Ядрошниковы, Плотниковы, Гановичевы, Осинины, Савельевы и т. д.

Родиной большинства из них были старожильческие села, расположенные на самом юго — западе Томской губернии, Рудном Алтае (в долинах р. Бухтарма, Уймон), Восточно — Казахстанской области: Фыкалка, Погуляйка, Мяконька, Сорвенки, Успенка, Печи, Владимировка, Верх-Уймон. Эти места издавна в народе называли «камнем», а жителей этих мест — «бухтарминскими» и «уймонскими» каменщиками.

Заселение этого региона происходило с 60-х гг. XVIII в. Способствовало этому обнаружение богатых месторождений и развитие горного дела. К тому времени это была нейтральная территория, к которой не проявляли интереса ни Россия, ни Китай. Благодаря этому она оказалась местом тайной колонизации [124]. Тайные крестьянские поселения начинают появляться здесь в 1740-е гг. К началу 90-х гг. XVIII в., по собственным показаниям крестьян, в горах насчитывалось уже около тридцати селений. Сюда, на ничейные земли, подальше от государевых властей бежали крестьяне, солдаты с ближайших северных территорий Алтая, а также сибирских округов Приуралья, Урала. Стремясь предотвратить крестьянский побег и максимально использовать на благо государства эти крестьянские семьи, указом Екатерины II была создана инородческая Бухтарминская волость, куда зачислены все существующие к этому времени деревни. Жители этой волости — «бухтарминские каменщики», получили значительные блага и послабления: освобождались от уплаты податей, натуральных повинностей, во-

инской повинности, не приписывались к заводам, облагаясь только ясаком [125]. Вольная крестьянская община «каменщиков» просуществовала несколько десятилетий. Слухи о свободной крестьянской жизни получили мощнейшую подпитку в виде легенды о существовании Беловодья. Распространявшиеся в крестьянской среде карты с указанием конкретных маршрутов к этой сказочной стране обязательно называли районы Бухтармы и Уймона. Отсюда на поиски Беловодья в XIX в. уходило много искателей счастья.

Исследователями не раз отмечалось, что в среде бухтарминцев, уймонцев особенно силен был северорусский компонент: местами выхода бухтарминских каменщиков были северные губернии Европейской части России, Пермской губерний [125].

Как особую группу исследователи выделяют среди населения южного Алтая «уймонских», или «аргутских каменщиков». Одни склонны видеть в ней отделившуюся часть бухтарминцев, ушедших в долину р. Уймон, другие полагают, что сюда зашли старообрядцы с вершин Енисея [127]. Вопрос о их происхождении пока остается открытым.

Все наши попытки определить место выхода синцзянцев до переселения семей на Алтай оказались безуспешными. Даже воспоминание 98-летнего Ксенофонта Акиндиновича Ошлакова о том, что деды «из Расеи, из Березовки» мало чем помогло. Некоторый материал мы получили при сравнительном анализе фамильного состава синьцзянской и улахинской групп.

При более подробном знакомстве с семейным составом синьцзянцев, я обнаружила среди них несколько фамилий, схожих с фамилиями забайкальских семейских, живущих в Приморье: Шарыповы, Ефимовы. Интересно, что местом выхода семейских и синьцзянских Шарыповых был... Уймон [128]. По полевой информации нам известно, что в с. Уймон проживало несколько семей Шарыповых. Дочь одного из уймонских Шарыповых, Василия Васильевича, вышла замуж за бухтарминца Зайцева. Родной брат Василия Шарыпова, Максим, женился на Ефимовой М. О., уроженке с. Белый Ануй, как мы предполагаем польского происхождения [129]. По воспоминаниям П. П. Красковой, на ее родине в с. Фыкалка жила еще одна семья Шарыповых: Соломея Сидоровна Шарыпова вышла замуж за Гановичева А. И. (из бухтарминских каменщиков) в д. Мяконьку [130]. Кстати, среди ближайших родственников семьи Гановичевых — Бердюгины, родившиеся в д. Черновой. В. А. Липинская называет Бердюгиных в числе основателей с. Уймон, и отмечает, что пришли они туда из Бухтарминской долины [131]. Возможно, что Шарыповы также пришли на Уймон с Бухтармы, а позднее кто-то из них породнился с «польскими» семьями, что было не редкостью в местах совместного проживания бухтарминцев и поляков. Не так давно в одном из дел репрессированных старообрядцев я обнаружила еще одного Шарыпова — Евлампия Осиповича, который родился в 1887 г. в Пермской губернии, Шадринского уезда, с. Сладко (по другой анкете — д. Спицына). Брат его Климентий Иосифович проживал в 1937 г. в Западно-Сибирском крае, Тогучинском р-не, д. Конева [132]. Этот пример свидетельствует о поэтапном заселении Бухтарминской долины выходцами из деревень приобского и еще ранее уральского регионов.

Среди приморских старообрядцев, выходцев из с. Уймон не так уж много: один из них — Черемнов Н. Г. [133], в 30-х гг XX в. он проживал в с. Кокшаровке все той же Улахинской долины. По воспоминаниям В. Н. Ошлакова, в Западном Синьцзяне, куда переселились бухтарминцы, настоятелем в с. Ком был Черемнов, к сожалению, имя и отчество его не сохранились в памяти В. Н. Ошлакова [134]. Польских корней в этих линиях мы пока не нашли. Таким образом, наш материал также свидетельствует в пользу версии о заселении долины р. Уймон старообрядцами, пришедшими с р. Бухтармы.

Старейшины синьцзянской группы уверяли нас в случайности своего выбора нового места поселения в Приморье (посоветовали врачи, пчелы ведутся лучше). По нашему же глубокому убеждению, их выбор был сделан не случайно. Переселение синьцзянской группы в Чугуевский район в 70-х гг. XX в. свидетельствовало в пользу нашей гипотезы об общих корнях улахинских и синьцзянских старообрядцев.

Особенно богатый материал для сравнения дала монография Мамсик Т. С. [135]. Если говорить о сходстве фамильного состава всей улахинской группы, убинско-бухтарминского списка, опубликованного в ее монографии, и синьцзянского, то оно очевидно. Мы зафиксировали более 30 совпадений между фамилиями бухтарминцев и улахинцев (Бочкаревы, Быковы, Долгановы, Зайков, Зайцев, Зотеев, Коробейников, Красков, Кузнецов, Кузьмин, Лыков, Лямкин (Лямзин), Макаров, Мингалев, Могильников, Наумов, Некрасов, Огнев, Орлов, Плотников, Попов, Сизиков, Черепанов, Шишикин, Шарыпов, Ивановы, Пятковы, Красиловы, Фоминых, Никифоровы. А из 19 известных нам фамилий синьцзянской группы более половины совпадает с фамилиями улахинской группы. Причем, треть из них падает на ближайшие к с. Ясное — Архиповку, Тополевый. Это еще одно свидетельство родственности обеих групп.

К сожалению, далеко не у всех семей улахинской группы, пришедших из Томской губернии, удалось установить более ранние районы выхода. Среди небольшого количества установленных семей, большинство было выходцами из Вятской губернии: Бочкарев, Наумов, Фоминых, Попов, Черепанов.

Более того, оказалось, что родственные связи между жителями с. Архиповки и бухтарминцами поддерживались, видимо, с давних времен. Во всяком случае, нам известно, что еще в 20-х гг. XX в. из с. Кутузово Восточно-Казахстанской области в Архиповку переселилась семья Семена Петровича Иванова к родственникам, уже давно жившим в селе [136]. В той же Архиповке обосновались Минуховы-переселенцы из Восточно Казахстанской области с Платово [137]. Именно в Архиповке и ближнему к ней х. Янмутьхоуза мы и обнаружили знакомые фамилии Красиловых, Пятковых, Огневых.

Итак, небольшая группа синьцзянцев в какой-то мере отразила этнический состав населения юго-восточной части Верхнего Приобья в период сер. XIX — нач. XX вв.: наличие в нем локальных этнокультурных групп (бухтарминские, уймонские каменщики) их контакты между собой, а также миграционные процессы, происходившие на юге Алтая в более ранний период XVIII–XIX веков.

Проследить историческую судьбу синьцзянцев нам помогли их воспоминания.

Переселение крестьян в Китай происходило в разное время. Наиболее ранним периодом, о котором наши информаторы сохранили воспоминания, был период начала XX в. «Границы были открытые. Семьи с Алтая стали кочевать в Китай по собственному желанию, со скотом ехали. А там наших уже жило сколько-то... Сначала в п. Колготон поехали. В нем жили, в основном, староверы... заселять его начали с 1904 г. С началом Дунгонской войны, бежали в Ком. Прижились там. Это староверческий тоже поселок на 100 дворов» [138]. «В Китай много народу поехало. Мы в 1912 г. двинулись из Владимировки... Китай принимал, места удобные, свободные для скота. Постепенно Алтайскую область Китая царь Николай захватил, и она перешла к России. Русские заселяли земли, там стояла Русская армия, а называлась она Алтайской. Давали переселенцам большие плуги, на 7 лошадей, захват земли большой, широкий пласт... Такие плуги туда специально посылали в первую очередь, чтоб быстрее землю занимали... Образовался п. Колготон. Китайцев там не было, староверы все. Много русских поселков было там: Колготон, Чомкур, Чубар-Чилик, Кильтекей» [139].

Революционные события 1917 г., подтолкнули многие старообрядческие семьи из южного Алтая к переселению в Китай. «Дед Шарыпов погиб еще на Первой мировой. Баба Зиновия осталась с Василием и Максимом в Уймоне. Такое нача-

лось... Бежали, чтобы душу и голову спасти... Шли втемную, не знали, куда идти. Баба сложила детей в сумы, Василия — в одну, Максима — в другую, так и ехала на лошади через перевал. Потом сунула ребятишкам по пряничку, чтоб молчали, когда пост переезжали... А на погранзаставе обстрел, спрятались в лесу. Сутки стояли, потом пошли через р. Ком, а там китайцы... Все ободрали с них, узнали, что много русских приехало, заставили их работать на себя» [140].

И наконец, следующая волна переселения старообрядцев из Восточного Казахстана была вызвана начавшейся насильственной коллективизацией и репрессиями.

«Когда границу закрыли, китайцы стали притеснять. Народ назад покочевал, в Россию. А там советская власть начала притеснять, народ назад побежал...» [141]. Информаторами названо довольно много населенных пунктов в провинции Западный Синьцзян, где население было русским (старообрядческим), или смешанным- казахи, монголы, китайцы. Среди них: Ком, Кильтекей, Ластай, Колготон, Чомкур, Чубаройка, Урумча, Шарасуме, Ченпилек, Кильтекей, Селифон-кала.

Основными занятиями крестьян в Китае было традиционное землепашество, охота, рыбалка. В новых местах продолжали сохраняться многие традиции в области материальной и духовной культуры. Чрезвычайно важную роль в жизни старообрядцев играла община, которая продолжала сохранять свои функции до начала коллективизации в Китае [142].

Массовая репатриация старообрядцев из Китая в Советский Союз, зачастую насильственная, началась после окончания Великой Отечественной войны, разгрома Квантунской армии и начала коллективизации в Китае (1956–1959 гг). Слухи о том, как принимали вернувшихся в Советском Союзе, доходили и до Китая. Многие решили не поддаваться на уговоры и не возвращаться в Союз. (Сегодня потомки их живут в Австралии, Южной и Северной Америке, Канаде). Такие решения принимались с болью. Многие семьи разрушились в эти годы. У Ивана Ефимовича Шутова отец с девятью дочерьми оказались в Аргентине. Вспоминает П. П. Краскова: «В 1959 г. мы все засобирались в Америку, а муж мой мне не разрешал, мама меня тайно оформила, но он прознал все же... Я осталась, а мама с родственниками уехала в Америку» [143]. Возвратившиеся семьи поселяются в Казахстане, Киргизии. Через некоторое время на Дальний Восток были посланы ходоки. После их положительного отзыва несколько семей переселяются в с. Ясное Чугуевского района.

Процесс адаптации репатриантов из Западного Синьцзяна на приморской земле проходил болезненно. Поселиться компактно возможно было в то время только в леспромхозовском поселке Ясное. Это имело свои минусы для старшего поколения, но зато за детей можно было оставаться спокойным: у них была работа, жилье. Никто не мог предвидеть скорых перемен... В связи с разорением и закрытием предприятий в ходе перестройки, пострадали в первую очередь люди среднего, самого трудоспособного возраста. Именно эта часть населения оказалась невостребованной. Многие молодые семьи перешли на иждивение пожилых родителей, либо вынуждены были покинуть родные места в поисках работы. Наркотики, алкоголь быстро довершили дело. Для многих старообрядческих семей Приморья, не только синьцзянцев, это обернулось настоящей трагедией, потерей детей.

Еще пять лет назад я писала, что костяк синьцзянских семей (5–6 семей) сохранялся. По большим религиозным праздникам они собирались вместе, в будни каждая семья молилась отдельно у себя в доме. К сегодняшнему времени умерло все старшее мужское поколение, прекрасно владевшее навыками чтения кириллических текстов, но не сумевшее и не успевшее передать эти навыки своим потомкам. Вместе с отъездом а затем и смертью одного из старейшин группы — почти 100-летнего Ксенофонта Акиндиновича Ошлакова ушло из района и самое большое книжное собрание, являвшееся предметом гордости и своеобразной библиотекой для всей общины.

Необходимо отметить, что несмотря на общность исторических корней, конфессиональную общность (часовенное согласие) тополевская и синьцзянская общины в молитве не смешивались.

Итак, следует сказать, что более чем за тридцатилетний период жизни в Китае старообрядцы сумели сохранить язык, традиционную культуру. Этому способствовала принадлежность к одной вере, относительная изолированность групп, натуральное ведение хозяйства, экономическая независимость, защищенность. После разорившей многие старообрядческие семьи российской коллективизации в Китае они сумели встать на ноги в кратчайший срок, благодаря прежде всего родственным связям, конфессиональным связям. К сожалению, период благополучия был краток.

За тот же тридцатилетний период жизни в Приморье община претерпела, на мой взгляд, уже необратимые изменения. Под влиянием современных социально-экономических условий произошел быстрый распад традиционной культуры, семейных связей.

Прибрежный Ольгинский участок уже в самом начале 60-х гг. XIX в. принимал переселенцев. Здесь появились первые немногочисленные пока русские поселения Пермское, Фудин. Прогноз, сделанный Ф. Ф. Буссе в 80-х гг. XIX в., по поводу перспектив заселения долины реки Судзухе, (ныне Киевка) и ее притоков, был неутешителен: первые попытки крестьян-ходоков старообрядцев Калугиных, относящиеся к 1886–1887 гг., обосноваться там, закончились неудачей. Но неблагоприятный для земледелия климат и трудности сообщения лишь ненадолго задержали заселение старообрядцами и этого района.

К 1897 г. сюда перебираются несколько старообрядческих семей с уже известного в крае х. Поносовых — Сионского.

Хутор **Сионский** был основан в Сучанской долине на реке Б. Сица в 1889 г. Вероятно, пермский мещанин Семен Яковлев Поносов обосновался там немного раньше, но именно в январе этого года было отправлено его прошение об отводе ему «в свое собственное владение 100 десятин пустопорожнего никем не занятого места на казенной земле в Сучанском участке... Жительство имею на указанном месте» [144].

Поносовы — известнейшая старинная уральская фамилия. Необычным своим для русского слуха звучанием она обязана пермяцкому происхождению. «Пон ыс» в переводе с пермяцкого означает «собака». Район северного Прикамья осваивался русскими в XVI–XVII вв. Здесь они встретились с коренным финно-угорским населением. Смешения и взаимовлияния на общей территории между народами были неизбежны. Старообрядцы появляются в северном Приуралье в XVIII в. Это были раскольники-стрельцы, которые после подавления бунта поселились в Очере, Сепыче, Лысьве. Позднее к ним подселились бежавшие с Волги кержаки, влившись в уже осевшее здесь русское население. Фамилия Поносовых как первопоселенцев неоднократно упоминается исследователями. Известно, что наряду с другими купеческими фамилиями старообрядцев Рукавишниковых, Серебренниковых, Беклемишевых они дали начало торговому дому в строгановском с. Ильинском. Эти торговые дома занимались хлебной торговлей в крае, имели свои пароходы, на которых отправляли товары и зерно по Каме. Потомки их до сих пор живут в этих местах [145].

В Южно-Уссурийском крае появляются несколько ветвей старообрядцев Поносовых, наверняка, связанные между собой близкими или дальними родственными связями. Все приморские Поносовы выходцы из Пермской губернии.

Семьи братьев Федора и Ювеналия Дмитриевичей Поносовых жили сначала в Пермской губернии д. Кузнецы, а позднее перебралась в г. Пермь, откуда и переселилась на Дальний Восток в период после 1877 г. К сожалению, пока не удалось выяснить точную дату появления их семей здесь. У старшего брата Федора родилось шестеро сыновей: Петр, Венедикт, Назар, Сте-

пан, Антон, Никифор и две дочери Фотинья, Агафья. Жизнь этой семьи связана с с. Петропавловкой, затем Таежкой. По рассказам Клима Назаровича Поносова, у деда был свой небольшой «заводик» по производству дегтя. Эта редкая специальность пользовалась тогда огромным спросом. Заводик разорили при аресте в 1932 г. До самого ареста Федор Дмитриевич был настоятелем в с. Таежка, сменил его Селедков Трофим. Другой брат-Ювеналий обосновался в с. Филаретовка, б. Джигит [146].

Больше всего загадок связано с другой ветвью семейного клана Поносовых — Семена Яковлевича. До революции эта фамилия была довольно известна жителям Южно-Уссурийского края и весьма часто упоминалась журналистами на страницах газет. Обживание новых мест шло не так легко. Жителям далекой окраины необходим был положительный пример, пример успешного хозяйствования в крае. Местная газета «Дальний Восток» сообщала своим читателям: «Сион знают почти все жители Сучанской долины. Много ходит хороших слухов про хозяйство староверов, и у них есть чему поучиться. По всему побережью Уссурийского залива и долинам реки Сучан не встречается у крестьян таких чистых, уютных и удобных домов, как в Сионе...» [147].

Газета «Рыбопромышленный Вестник», пожалуй, первая назвала имя хозяина хутора Сионского — Афанасий [148]. Это же имя вслед за газетой повторили многие исследователи, основываясь на самой доступной в те времена информации. Долгое время имя Афанасия Поносова ни у кого не вызывало сомнений. С возвращением во Владивосток архива РГИА ДВ все изменилось: оказалось, что ни в одном из обнаруженных исследователями архивных документов не упоминалось имя Афанасия Поносова. Напротив, владельцем хуторов Сионский, Новосионский назывался Семен Яковлевич Поносов, переселившийся на Дальний Восток из Пермской губ., Ильинской вол. с. Ильинское родившийся, судя по тем же архивным документам, в 1835 г. [149].

Интерес музейщиков к семье Поносовых весьма сильно подогревался еще и уникальной коллекцией старопечатных книг и икон, принадлежавших когда-то семье Поносовых и рассредоточенных сегодня по трем государственным хранилищам: Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева, Приморская картинная галерея, Общество изучения Амурского края. Единственная сохранившаяся в музее запись в главной инвентарной книге за 1931 г. была очень краткой и по сути мало что проясняла: «Предметы православного культа. Собраны краеведческим бюро г. Владивостока в д. Глазковка б. Валентин Ольгинского РИКа. Из частной коллекции гр-на Поносова. 82 предмета» [150]. Самому Семену Яковлевичу в 1931 г. уже было бы под 100 лет. Имя владельца снова не названо.

Вопросы остались... Какова дальнейшая судьба хозяина хуторов Семена Поносова? Кому принадлежало семейное достояние книг и икон, малая часть которых хранится сегодня в государственных хранилищах края? Сам ли он передал эти богатства, или все это было конфисковано? Что произошло с другими обитателями хутора? И, наконец, существовал ли реально человек по имени Афанасий Поносов? Если не существовал, почему именно это имя упоминается в газетных публикациях? А, может быть, не стоит искать сложностей там, где их нет, и предположить, что имя владельца хутора, старообрядца Семена Яковлевича, было изменено журналистом по просьбе самого Поносова.

Об уникальном хозяйстве хуторов у нас еще будет возможность поговорить, пока же вернемся к некоторым фактам истории семьи, обитателей хуторов.

Итак, х. Сионский был основан в Сучанской долине на реке Большая Сица в 1889 г. Семейный состав хутора был невелик: семьи Поносовых, Жуковых, Субботиных [151]. Фамилии Субботиных и Жуковых не встречались нам среди старообрядцев часовенного согласия. По нашему предположению, они могли принадлежать к поморскому согласию. В 1897 г. 62-летний Семен Яковлевич удочеряет 29 — летнюю племянницу Павлу Михайловну Щукину. Не известно, почему это было сделано. То ли потому, что у него никого не было из наследников, то ли еще по какой причине. Родственники у Павлы были живы: брат Семен Михайлович Щукин.

До 1905 г. семья Поносовых перебралась на новое место жительства, на побережье б. Кит. Состав семей несколько изменился: на новом месте обосновались семьи Прохора Егоровича Людских, Федора Филипповича Субботина, Сергея Романовича Васинских, Павла Яценко, Семена Михайловича Щукина [152]. К сожалению, пока нам не известны места выхода этих семей.

С. Юмбиши (Инбаши, Имбеши). Встречается разное произношение и написание названия этого селения, основанного старообрядцами, пришедшими в долину р. Судзухэ в 1899–1900 гг. (нам встречалось только произношение «Инбаши», «Имбаши»). По архивным документам известно совсем немного: основателями села считаются Могильниковы, вернее одна из ветвей этого многочисленного и известного в крае старообрядческого рода. Правда, есть сведения и о том, что первыми в этих местах появились Черепановы — семья Мефодия Трифоновича, жителя с. Каменка. Здесь в 1897 г. родился его сын Исай Мефодьевич [153]. К 1910 г. их семья уже перебралась в Кхуцин.

Одни из основателей села — семья Могильниковых. Матвей Иванович Могильников родился в 1848–1849 гг. в Енисейской губернии Канского округа, проживал в с. Красный Яр до конца 90-х гг. XIX в. и переселился в долину р. Судзухе [154]. Один из младших сыновей Матвея Ивановича Могильникова — Ефим родился уже в 1901 г. в Ольгинском у. д. Инбаши [155]. Вероятно, топоним был перенесен из Сибири. Нужно отметить, что местом рождения других Могильниковых указан созвучный топоним, но записанный как «Онбаш» Енисейской губ., Канского округа [156]. Неправильная запись топонимов, особенно непривычных русскому слуху, в следственных документах, писавшихся зачастую со слов крестьян, явление обычное, но мы посчитали нужным все же зафиксировать этот факт. Надолго в приморском Инбаши Могильниковы не задержались, и в 1907 г. восемь семей перебираются на новое место, побережье б. Джигит [157].

К 1910 г. участок Инбаши представлял еще довольно пустынное место. Администрация области определяла этот участок «исключительно для староверов» [158].

К сожалению, нам не удалось собрать достаточно сведений об этом селе. За все годы полевой работы лишь однажды оно было упомянуто нашим информатором, жительницей х. Юрковых (Чугуевская волость). «Мама наша украинка была, за тятю как вышла, многих порядков староверских еще не знала, не привычная была. Старики Басаргины настояли ее послать на весь пост в Инбаши учиться христианскому обычаю. В этой деревне сильно молились, много старцев жило...» [159].

Долины рек Улахе и Судзухе удобно сообщаются друг с другом с помощью притоков. Так, несмотря на то, что старообрядческие поселения по Судзухе (Батюково, Мономахово-Алтайское, х. Вангоу) и поселения в верховьях Улахе (Архиповка, Янмутьхоуза) находились в разных волостях, географически они были расположены рядом, и крестьяне по разным причинам довольно часто меняли место жительства, переходя из волости в волость. Так, Булатовы жили в х. Янмутьхоуза, затем перебрались в Батюково. Группа семей, связанных родственными узами (Килины, Мельниковы, Собины) жили и в Архиповке, и в Батюково, и в Вангоу.

Количество поселений, основанных старообрядцами в долине р. Судзухе, было небольшим. Самым большим селом было село Батюково в окружении небольших сел и хуторов: с. Мономахово- Алтайское, х. Вангоу, х. Канихеза и т. д.

Как и многих других старообрядческих поселений, с. **Батюкова** давно уже нет, и наше знакомство с его жителями произошло во время работы с архивными делами репрессированных старообрядцев. Одним из наиболее внушительных по объему было дело по обвинению К.И. Булатова. Географически оно охватывает старообрядческие села, расположенные в Киевской и Чугуевской волостях: Батюково, Вангоу, Киевское, Алтайское, Архиповку, Варпаховку, Н. Лужки.

Кондратий Иванович Булатов и 76 человек, проходивших вместе с ним по этому делу, обвинялись в создании старообрядческой тайной организации с целью свержения советской власти, возвращения конфискованного имущества, предоставления политических прав, свободной жизни для крестьян [160]. Анкеты арестованных и дали информацию о месте выхода старообрядческих семей этих сел.

Судя по количеству жителей, Батюково была довольно большой деревней: 5 семей Диевых, 2 семьи Долгановых, 2 семьи Кирьяновых, 2 семьи Казаковых, 2 семьи Малютиных, 2 семьи Токаревых и др. Местом выхода семей, пришедших в эти места была Томская губ., Бийский у., старожильческие села: Б. Ануй, Б. Куя, Тайны, Милонтуй, Алтайское, Шульгин Лог, Тейши, Кутора. Безусловное преобладание алтайских переселенцев в Батюково сохранялось до конца 20 — х гг. XX в. Начиная с этого времени, сюда переселяются несколько семей из Вятской, Пермской и Оренбургскогой губ. Нужно отметить, что до переселения на Дальний Восток все эти вновь прибывшие семьи некоторое время жили в Томской губернии: С.В. Кононов, Е.Е. Килин, М.Ф. Мельников, С.Р. Собин [161].

Конфессиональные разногласия в с. Батюково возникли по разным принципиально важным вопросам: вопрос о богоявленской воде, вопросы крещения, вопросы перехода из одной в другую. В конфликте верующих с. Батюкова нашли отражение известные споры о природе антихриста: «духовный антихрист», «чувственный антихрист», «расчлененный» [162]. По вопросу крещения община распалась на 2 партии: сторонники Горюнова и Диева. Первые продолжали ходить в моленную, другие — в дом к Диеву. Сторонники Диева даже стали вторично креститься. Сторонниками Диева стали Денисовы, Орловы, Булатовы. Они стали именовать себя «самокрестами». Отголоски этого конфликта, как мы уже знаем, докатились до маленького хутора Янмутьхоуза, где жили родственники Булатовых. Ни дети Кондратия Ивановича Булатова, ни односельчане сегодня уже не помнят, почему дочерей Кондратия Ивановича, живущих на хуторе Янмутьхоуза, не принимали молиться вместе с остальной братией хутора. «Булатовы как-то боком были к нам, молиться не ходили с нами» [163].

Рядом с с. Батюково было несколько хуторов. В них жили постояннно, либо наездами во время сезонных работ. Так, на **х. Канихеза** некоторое время жили отделившиеся от родителей сыновья Ивана Васильевича Кирьянова (переселился из Томской губернии Бийского округа с. Шульгин Лог), Леонтий и Мина. Здесь же начинали свою семейную жизнь Кондратий Иванович Кирьянов (будущий настоятель общины г. Арсеньева) с женой Екатериной Логиновной (Замятиной), переселенцами из того же округа, с. Белый Ануй. Родители Екатерины Логиновны в Батюково прожили недолго, вскоре в 1909 г. перебрались в с. Мономахово-Алтайское, расположенное в 12 верстах от с. Батюково [164].

С. Мономахово-Алтайское основано в 1908 г. исключительно алтайскими переселенцами [165]. По словам Екатерины Логиновны Кирьяновой (девичья Замятина), к моменту их переезда в селе уже было дворов 15. Там жили Микшины (переселенцы из Солонешенской волости д. Топольное, д. Белый Ануй), Казазаевы (Томская губерния Бийский округ с. Алтайское), Замятины (с. Белый Ануй), брат Кирьянова — Иван Васильевич (с. Шульгин Лог), Диевы (с. Б. Ануй) [166].

Село, по рассказам Екатерины Логиновны, было красивое, расположено в долине р. Алтайской. Все хозяйства были зажиточными. Сеяли хлеб, охотничали, рыбачили, занимались разведением коней, пятнистых оленей. В 1933 г. начались аресты по делу Булатова. Арестовали почти всех мужчин, семьи выселяли с хуторов якобы за помощь банде, перевозили во Владивосток и оттуда в товарных вагонах везли к местам поселения. Через 19 лет вернулось лишь несколько человек [167].

В небольшом **х. Вангоу** жило несколько старообрядческих семей: Кустовы, Мельниковы, Собины. Как мы уже отмечали, это были переселенцы из Пермской и Вятской губерний. Семья Кустовых: Роман Дмитриевич, Кирилл Степанович переселилась из Пермской губернии Осинского уезда д. Зипуново, где жили вместе с родственниками и единоверцами (часовенное согласие) Кочевыми до 1912 г. Затем семьи переселяются за Урал. Кочевы — в Солтонский район, х. Суворовский (на Дальний Восток они переедут только в 30-х гг. — авт.), а Кустовы — в Томскую губернию, Кинзяр-Чаинский район, Хакассию, но долго там не задержались и перебрались в Южно-Уссурийский край х. Вангоу [168].

Поскольку центром собора для ближних сел и хуторов было Батюково, то и проблема внутриобщинного раскола в селе не обошла стороной ни одну семью. Кирилл Степанович Кустов «уже в возрасте ушел в самокресты. Наши родители, вспоминает Кирилл Иосифович Кочев, — в том числе и другие старообрядцы его поступок не одобрили» [169]. Но, как часто это бывает, в перемене веры огромную роль играли браки. Известно, что жена Кустова Романа Дмитриевича — Аксинья Фотеевна и ее брат Максим Фотеевич Мельниковы — самокресты, переселились в Южно-Уссурийский край в с. Батюково несколько раньше Кустовых. Были ли Мельниковы самокрестами до переселения в Приморье, или присоединились к ним уже после раскола общины в с. Батюково, пока не известно.

Районы долин по рекам Иману и Ваку, как мы помним, Ф.Ф. Буссе считал перспективными для заселения, но процесс заселения этих долин старообрядцами растянулся более чем на 20 лет. Первыми в этих таежных местах появились старообрядцы-федосеевцы, переселившиеся из Житомирской губ. в начале XX в. Ими были основаны 2 села — Ивановичи и Стольное, где они долгое время проживали компактно и обособленно. Истории этих старообрядческих сел мы посвящаем отдельный рассказ в этой книге.

Со временем на берега Имана, Вака и их притоков (р. Синанча, Сибичи, Сандо-Вака, Тудо-Вака) придут старообрядцы часовенного согласия. Здесь появятся большие и маленькие деревни, хутора: Сидатун, Санчихеза, Лаулю, Дальний Кут, Сибичи, Картун, Ивановичи, Утазы. Одной и, пожалуй, главной причиной переселения в этот район старообрядцев из Улахинской долины стала коллективизация. С началом коллективизации, раскулачивания и репрессивных мер у старообрядцев не осталось надежды укрыться в таежной глухомани. Близость этих районов к китайской границе была, пожалуй, если не явной, то тайной причиной переселения: не удастся пересидеть в глубинке, придется уходить. Граница была рядом...

В долине р. Иман, ее верховьях, я совершенно случайно оказалась в 1996 г. Мы возвращались во Владивосток из экспедиции по Тернейскому району. Поездка в этот год было весьма удачной: ответы сразу на несколько архивных загадок нам удалось найти в «поле». Очень хотелось испытать удачу еще раз. В надежде попасть в один из отдаленных старообрядческих поселений — Лаулю, мы свернули на дальнереченскую трассу, и почти сразу поняли опсность нашего предприятия: очередной продолжительный тайфун опередил нас. Дороги были размыты, мосты снесены. И все же мы решили добраться хотя бы до **Мельничного** (бывшего п. **Сидатун**). Совершенно пустынная таежная дорога, казалось, никогда не кончится. Когда начали сгущаться сумерки, а никакого поселка не было и в помине, у меня появилось подозрение в том, что мы сбились с пути. Спросить дорогу было не у кого, бензина назад все равно бы не хватило, поэтому выбора не оставалось: мы продолжали двигаться вперед. И только, когда ближе к полуночи, впереди сверкнули огоньки поселка, радости моей не было пре-

дела. Наутро наши гостеприимные хозяева Шаровы показали мне дома старожилов, и я отправилась знакомиться с селом. Из староверов в селе почти никого не осталось, во всяком случае мне не удалось встретиться ни с одним из них. Старожилы-украинцы вспоминали, что до войны здесь жили староверы Калугины, Борисовы, Басаргины, Шавкуновы. После войны все переехали в Лаулю, Дальний Кут [170]. Старую и новую часть поселка соединяет довольно скучная без единого деревца дорога. В отличии от новой поквартальной застройки, старая часть поселка имела привычный деревенский вид с широкой улицей и домами, стоящими вдоль нее. Старых домов почти не сохранилось. Позднее по моей просьбе В. П. Шаров прислал план поселка и письмо, в котором дополнил скудную мою информацию о селе и его основателях. «До репрессий староверы жили на Верхнем хуторе, в 15 км выше по Иману. Во времена репрессий оставшихся в живых переселили в Сидатун, даже не в сам поселок, а ниже километра два. Место это и по сей день старожилы зовут Нижним хутором. Строений там давно уже нет, все распахано под огороды» [171].

Вероятно, пальму первенства в освоении этих мест нужно отдать старообрядцам Волго-Вятской группы. Старожилы х. Халаза, с. Виноградовки, Петропавловки основали здесь несколько селений, начали обживаться: Селедковы, Мартюшевы, Калугины, Черепановы, Верещагины, Голодяевы, Андреевы [172]. «Коллективизация застала всех нас в Виноградовке. Страх был ужасный. Бросили все хозяйство, избу и убежали в Сибичи, там еще несколько лет прожили хорошо. Здесь отца и арестовали. Мама, чтобы прокормить семью, вошла в колхоз, брат и сестра работали трактористами. Дед Василий хорошо знал китайский язык, свободно говорил на нем. В Китае у него было много друзей... Его приглашали тайно перевести в Китай, когда началась коллективизация. Дед не соглашался: вся власть от Бога. От чего бежать-то? В 1937 г. Василия Терентьевича арестовали» [173].

В одном из архивных следственных дел сохранилась важная информация о переселении в этот район улахинцев. С началом коллективизации в Яковлевском районе (1929–1930 гг.) на общем сходе зажиточных старообрядческих семей с. Кокшаровка, Варпаховка было принято решение уйти в тайгу, подальше от властей, поближе к границе. Уйти решили в верховья Имана, «где они как охотники знали о наличии пустовавших площадей. Ехать решили тайгой, для чего прорубали дорогу от Кокшаровки до Имана общей протяженностью 300 км. Ехали большим обозом». Среди семей, переселившихся на Иман (более 20): Черемновы, Реутовы. Мосоловы, Калугины, Поздеевы, Демидовы, Вавиловы, Зубакины, Серебряковы, Чебыкины [174]. По тем же архивным материалам в с. **Сидатун** проживали: Вавилов Хрисанф Архипович, Масалов Мартемьян Феопенович, Калугин Иван Елисеевич, Борисов Харлампий Ильич, Калугин Никон Алексеевич, Калугин Александр Елисеевич, Калугин Моисей Никонович, Кузьминых Куприян Григорьевич, Масалов Филипп Яковлевич, Серебряков Иван Степанович, Калугин Василий Елисеевич, Корытов Андрей Самойлович.

В с. **Сибичи**: Выголов Семен Григорьевич, Павлов Федор Олимпиевич.

В с. **Утазы**: Чебыкин Савелий Семенович, Демидов Харлампий Иванович, Калугин Василий Миронович, Черемнов Николай Григорьевич, Калугин Евгений Федотович, Шелепов Ермила Федорович.

В с. **Лаулю**: Селедков Мамонт Васильевич, Калугин Кирьян Никитович, Мартюшев Иван Нефедович, Мартюшев Ананий Савинович, Калугин Сидор Семенович, Селедков Тимофей Иванович, Калугин Терентий Никитович, Верещагин Федор Михайлович, Мартынов Агафон Георгиевич, Голодяев Григорий Петрович, Анджреев Вахромей Михеевич, Выголов Тимофей Фодорович, Калугин Тихон Куприянович, Селедков Евмений Акатьевич, Фролов Тихон Васильевич, Голодяев Егор Петрович, Калугин Василий Терентьевич, Черепанов Николай Дементьевич, Андреев Михей Феопенович, Черепанов Олимпий Трифонович, Выголов Григорий Тимофеевич.

х. **Личихеза**: Коровин Федот Маркелович.

Участок **Ситухе**: Сизов Тимофей Ильич [175].

Как можно видеть из приведенного материала, старообрядческие семьи из двух разных по региональному происхождению групп вновь расселяются по разным селам, сохраняя тот же принцип «вместе-отдельно». Даже связанные родственными связями между собой продолжают сохранять обособленность. Выходцы из Волго-Вятского региона обосновались в с. Лаулю, улахинцы — в Сидатуне, Сибичи, Утазы.

Итак, за 20 прошедших лет (1880–1900-е гг.) ситуация с колонизацией старообрядцами Уссурийского края существенно изменилась.

Весьма расширился район, осваиваемый старообрядцами. По мере быстрого роста населения в долинных районах Уссурийского края они начали движение в новые пустынные места таежного центра края. Причинами таких миграций служило не только стремление уйти из-под властного надзора, но и желание первыми обосноваться на лучших участках. Одна из старожильческих групп (из Волго-Вятского региона) покидает ранее освоенную землю (Петропавловку Ханкайскую, Осиновку) и устремляется на новое местожительства к таежной реке Даубихе.

В это же время в Южно-Уссурийский край из Амурской области переселяется новая большая группа старообрядческих семей, выходцев из урало-сибирского региона России. В 80–90 гг. XX в. центральная часть Южно-Уссурийского края (долины рек Улахе, Уссури, Судзухе) становится основной территорией, колонизуемой этой группой. За короткий промежуток времени крестьянами-старообрядцами было основано здесь более десятка больших и маленьких деревень. Так, к 1909 г. в самых крупных старообрядческих поселениях центральной области края (Петропавловка, Саратовка, Кокшаровка, Варпаховка, Каменка) насчитывалось 227 семей, 1332 души [174].

Произошли за эти годы существенные изменения в тех районах, заселение которых старообрядцами происходило в 60–70 гг. XIX в. Старожильческие села (Петропавловка Ханкайская, Осиновка, Богословка) были оставлены старообрядцами в связи с активным подселением иноверцев.

Происходят миграции и в группе семейских старообрядцев, проживавших компактно в селах Ильинка и Красный Яр. Старообрядческое населелеление к этому времени почти полностью покинуло с. Ильинку, переселившись к землякам в Красный Яр.

В этот период времени продолжается локализация старообрядческого населения по региону выхода: вновь прибывающие в эти годы в Южно-Уссурийский край старообрядческие семьи, подселяются к своим родственникам и землякам.

Старообрядческое население края этого периода представлевно было практически всеми основными согласиями (общины белокриницких, поморцев, часовенных), которые предпочитали селиться обособленно. Подавляющее большинство населения представлено старообрядцами часовенного согласия.

Глава V.
Поиски истинной веры

Совсем скоро после трагического собора, утвердившего раскол в российской церкви и обществе, последовали репрессии, направленные против защитников веры. Известные двенадцать статей царевны Софьи 1685 г., послужили сигналом к началу массовых гонений официальной государственной властью и церковью всех, кто сопротивлялся проведению церковных реформ. Отныне их несогласие наказывалось конфискацией имущества, ссылкой и смертной казнью. Такие весьма решительные меры привели к тому, что защитники старой веры огромными массами покидали Москву, крупные города европейской России и находили спасение и прибежище в лесах Керженца, Поморья, на Дону, Стародубье, Польше [1].

С конца XVII по конец XVIII вв. шел процесс разделения старообрядчества на поповское (признающее необходимость духовенства и существовавшее поначалу в форме беглопоповщины) и беспоповское (отрицающее необходимость духовенства) течения, складывания наиболее крупных их центров. С течением времени надежды на обретение иерархии исчезли, и представители беспоповского направления констатировали наступление последних времен с воцарением в миру антихриста, который истребил истинное священство и церковные таинства. Современные беспоповские общины сохранили лишь несколько таинств: крещение, исповедь, брак. В старообрядчестве беспоповское направление наиболее разнородное и сложное.

Наиболее влиятельным беспоповским центром стал монастырь на р. Выг в Олонецкой губернии (1694 г.). Вокруг монастыря за долгую его жизнь (150 лет) сформировалось несколько беспоповских направлений: поморский или даниловский, из которого выделилось более радикальное филлиповское согласие [2].

Центрами еще одного беспоповского согласия, федосеевского, были Польша, Псковская и Новгородская губернии. Разделение на многочисленные толки этого направления в старообрядчестве зафиксированы и до недавнего времени.

Главным центром поповского направления был Керженец. В начале 20-х гг. XVIII в. в Нижегородской губернии было зафиксировано более 122 тысяч старообрядцев. Позднее керженские скиты разделились на онуфриевщину, софонтиевщину, дьяконовщину [3]. Софонтиевщина в свою очередь становится главным поповским направлением Керженца. На востоке России последователи его стали называть себя часовенными.

Особенно много старообрядцев, в основном поповцев, нашло приют в Стародубье (Черниговская губерния). В конце XVII в. они были изгнаны и отсюда. Часть их ушла за пределы России в Польшу (Ветка). В начале XVIII в. Ветка становится крупнейшим поповским старообрядческим центром. С ослаблением Польши начались новые преследования, и за довольно небольшой промежуток времени Ветка пережила 2 «выгонки»: в 1735 г. и 1764 г. После окончательного разгрома духовных старообрядческих центров многочисленное их население было сослано за Урал. Алтай и Забайкалье стали территориальными центрами проживания ветковских старообрядцев [4].

Первоначально софонтиевцы исповедовали тезис о непресечении истинного священства и принимали беглых священников с перекрещиванием их через миропомазание. Со временем, когда становилось все более очевидным, что обрести истинное священство не удастся, софонтиевские общины все более прибегали к беспоповской практике. Закрепление этого явления произошло на Екатеринбургском соборе 1840 г. Часовенное (софонтиевское) согласие за Уралом, в Сибири и на Дальнем востоке стало одним из самых многочисленных старообрядческих согласий [5].

Сложность в определении вероисповедной принадлежности к различным толкам в Сибири состояла в том, что даже к середине XVIII в., считают ученые, «определенной границы между сибирскими староверами и остальным русским населением» не существовало [6]. Свою принадлежность к согласиям старообрядцы Восточной Сибири начали осознавать уже к концу XVIII в. [7].

Ко времени появления старообрядцев на Дальнем Востоке в середине XIX в. уже произошло основное разделение старообрядчества на согласия и толки. И тем не менее определение количественного соотношения старообрядцев различных толков в Приморье вызывало определенную сложность, поскольку официальная статистика реального сооотношения не давала и не могла дать по вполне понятным причинам.

Из 8 тысяч старообрядцев, пришедших в Амурскую область, 5,7 тысяч были беспоповцами [8]. Статистические сведения за 1909 г. констатировали в Приморской области старообрядческих поселений — 17, 605 семей, 3 573 души; приемлющих священство — 2 селения, 149 семей, 908 душ [9]. Статистические данные, приведенные выше, на наш взгляд, в целом подтверждаются местной статистикой, полевым материалом. По статистическим сведениям 1912 г. в Ключевской волости числилось 750 душ староверов часовенного согласия, 65 — поморского, белокриницкого — 40 [10]. Цифры отчетов вряд ли отражали реальное количество старообрядцев в крае, но в целом по ним можно судить о количественном соотношении между основными старообрядческими толками.

Полевой материал подтвердил наличие в крае толков, указываемых в статистической отчетности, а также места локализации тех или иных согласий. Нам интересно было сравнить наши полевые сведения с официальными сведениями. Так, поначалу мы с недоверием отнеслись даже к небольшой по количеству цифре «40» старообрядцев белокриницкого согласия, проживающих в Тернее, тем не менее, в нашем полевом материале есть сведения о небольшой группе старообрядцев этого согласия, проживающей на северном побережье [11]. В с. Ивановичи, с. Стольном по официальным сведениям большинство старообрядцев принадлежало к федосеевскому толку. Это также соответствовало реальному положению вещей и подтверждалось полевым материалом [12].

Если характеризовать основные группы старообрядцев, переселившихся в край по конфессиональному признаку, то можно сказать следующее.

Большая группа старообрядцев семейских была более или менее однородна и принадлежала часовенному согласию. Тем не менее, мы уже отмечали, что эта подвижность переходного этапа от беглопоповской практики к беспоповской еще явственно ощущалась и помнилась верующими. Исследователи отмечают, что большинство ветковских старообрядцев, переселенных на Алтай и в Сибирь, принадлежало к поповскому направлению и лишь незначительная — к беспоповскому. Поповщина у забайкальцев, как и в период проживания их в Польше, была представлена первоначально в виде беглопоповщины [13].

Группы старообрядцев, переселившихся из Волго-Вятского и Урало-Сибирского регионов принадлежали в основном, к часовенному согласию. Среди переселенцев из этих регионов выделялись довольно сильные общины **самокрестов,** проживавших как компактно, так и рассеяно в селах: Кокшаровка, Саратовка, Батюково Чугуевской и Киевской волостей, Нахтахе, Ахобе, Сваин Ключевской волости. Рядом с ними в Чугуевской волости в с. Калиновка, Кокшаровка, частично в Саратов-

ке проживали семьи старообрядцев-**токаревцев** (ранее принадлежали к поморскому согласию). Интересно отметить, что местом выхода семей самокрестов и токаревцев была Томская губерния, Бийский округ, села Боронча, Гробница, Солоновка. Их общим более ранним местом выхода, возможно, было Поволжье и Вятская губерния.

Две крупные общины старообрядцев **федосеевского толка**, выделившегося в свое время также из поморского согласия, проживали компактно в с. Стольное, Ивановичи Тихоновской и Саровской волостей. Переселились они в Приморье с Украины.

Старообрядцы **белокриницкого согласия** были сосредоточены в основном в крупных населенных пунктах, городах. Самая большая община находилась в г. Владивостоке и с. Красный Яр. Остальные малочисленные группы этого согласия жили рассеяно в больших и малых поселениях края.

«Разожгите сердце свое к познанию истины...» (старообрядцы-токаревцы Приморья)

Рассказы о с. Калиновке мы услышали еще в 1992 г. от жителей с. Кокшаровки. В тот год мы разыскали дом Ижболдиной Феклы Ивановны, к которой приехали с приветами из арсеньевской общины. Фекла Ивановна, рассказывая о себе, посокрушалась, что в Кокшаровке никого из часовенных почти и не осталось. Все разъехались, и ей самой приходится ездить на соборы в д. Уборку, что и сын вот не очень-то веры придерживается, женился на женщине другой веры. Невестка ее, Ульяна, женщина добрая, очень грамотная, из большой семьи Копытовых. Их (Копытовых) в Кокшаровке несколько сестер живет. Отца их летом в селе не бывает: он все время в Калиновке живет, за рекой, на пасеке. Самого села давно уж нет, переправу никто не содержит, чтоб добраться туда, нужна лодка.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы нанесли первый визит одной из сестер, Марии Копытовой. Ее считают странной в селе: живет очень бедно, а появится что у нее — тут же раздаст другим. Ребятишки сельские — те частые у нее гости, намерзнутся, бывает, зимой, на катке или на горке- греться к Марии бегут. Знают, что всегда там и чай, и ласку найдут. Помню, мы сами как-то человек 5 свалились к ней голодные. Это было в то перестроечное время, когда столовых уже не существовало, а в магазинах, особенно сельских, было совершенно пусто. Кроме хлеба купить было нечего. Время позднее, а до дома добираться еще часа 3. Пересилив стыд, пошли к Марии, хоть чаю горячего попросить. Мария тут же стол накрыла, поставила на стол все, что было в доме: картошки сварила, салат из зеленых помидоров, чай.

В том, как и что она делает, нет никакого насилия над собой, а уж тем более над другими. Кажется, больше всего на свете Мария боится согрешить, вольно или невольно. Она делает так, потому что не может иначе, она так воспитана: «Мама моя всегда говорила: „Что полюбится, то и грех“. Можно ведь привыкнуть к хорошей еде, к отдыху с телевизором (у Марии в доме нет ни радио, ни телевизора), дьявол искушает, а Господь вразумляет [14]». «Наш дед Савелий, который в Москве жил рассказывал... Брат у него был. Когда советская власть началась, Господи, не в осуждение пусть будет, но ведь и с бедных снимали последнее. Белые, красные заходили — все грабили. Какие-то забрали его, и повели на расстрел. Раздели, стоит он босой на снегу, и понял вдруг, что это Господь-то ему в наказание дал. Он ведь такой гуляка был, посторонних имел, пил. Дети, домашние — все молились за него, чтоб вразумил его Господь. Вот и вразумил. Стал он просить Святителя Николу. Вдруг видит, из лесу выехал на белом коне всадник красивый и строгим таким голосом сказал: „Это наш человек, не трогайте его“. Все в страхе разбежались, а человек тот исчез. Иоанн прибежал домой, молился долго. Так с этого времени совсем и отстал от грехов» [15].

Мария всегда смущается своих добрых поступков, словно боится, что кто-то похвалит ее. Она будто всегда ощущает себя виновной в том, что своей добротой вынудила человека на благодарность. Замечательный дом Копытовых, стоявший над протокой, недавно сгорел. Мария живет теперь с дочкой и внучкой в небольшом домике — комната и кухонька, но как всегда, гостеприимна и терпелива. Говорит Мария быстро, тихо, иногда, когда волнуется, очень сбивчиво. Первый раз, при знакомстве, нам приходилось переспрашивать, правильно ли мы поняли ее. Но удивительное дело, как только она начинала рассказывать жития святых — голос ее твердел, речь лилась плавно, не прерываясь, словно перед нами был совсем другой человек. Сестра Марии — Ульяна, такая же хлебосольная как сестра, внимательная, с острым умным взглядом, всегда в работе.

В том далеком уже 1992 г. мы, основываясь на первых, очень поверхностных наших наблюдениях, решили, что большая часть нынешних жителей с. Кокшаровки принадлежат к поморскому согласию. Будучи уверенными в правильности своих выводов, мы уже не старались уточнить их, тем более что в Кокшаровке удавалось быть не часто... А ведь сомнения были... Каюсь: как-то одного из жителей Владивостока, искавшего единоверцев из поморского согласия, я отправила в Кокшаровку. Он вернулся оттуда обескураженным: оказалось, община в Кокшаровке не его согласия. Шевельнулось во мне тогда чувство гордыни: мол, путает что-то человек, столько лет оторван был от веры. Но только позднее, это и другие, не насторожившие сразу, но оставшиеся в памяти мелкие разрозненные несоответствия, вопросы, нестыковки в свете полученных новых знаний вдруг выстроятся в единый доказательный ряд. В такие минуты ругаешь себя, как можно было не заметить того, что лежало на поверхности... Такие промахи не проходят даром: упущено столько времени... Люди старшего поколения, с кем мы не успели пообщаться, уже ушли из жизни... Вместе с ними ушли от нас и бесценные крупицы знания.

Самоназвание общины — «токаревцы» мы услышали совершенно случайно во время одного из интервью. Не знаю, заметил ли собеседник наши удивленно-обескураженные лица. Во всяком случае, мы едва сдержали себя от весьма вредных в подобных случаях поспешных расспросов и постарались быстрее завершить разговор с тем, чтобы хоть как-то осознать услышанное и порыться в собственной памяти и справочниках... К сожалению, не помогли ни память, ни справочники... Почти никакой информации об этом согласии мы не смогли обнаружить, и только немного позднее с помощью более опытных коллег из Москвы мы смогли получить сведения о самом Токареве [16].

Сведений, кстати сказать, было очень немного. «Деяния I Всероссийского собора христиан — поморцев, приемлющих брак» сообщали, что Собор российских поморцев, проходивший в 1905 г. в Самаре, осудил еретическое отрицание Токаревым поклонения изображению Бога Отца по видению Даниила Пророка в образе «Ветхого денми» [17]. Г. Е. Токарев призывал единоверцев следовать Григорию Двоеслову: «Отчь образ не пишем», поскольку «Не видим бо есть». И поскольку покаяния от Григория Евдокимовича не последовало, собор единогласно объявил Токарева отлученным от Церкви за распространение «развратного учения». Пожалуй, это единственные документированные и известные нам сведения о Григории Евдокимовиче Токареве, жителе с. Городца Нижегородской губернии, основателе нового согласия.

Один из авторитетных и уважаемых членов токаревской общины Ермила Матвеевич Пермяков так запомнил рассказы родителей: «В 1905 г.», — вспоминает Е. М. Пермяков, «- был собор в Москве всех староверов под председательством Льва Феоктистовича Пичугина, и там присутствовал Токарев. Он имел большую ревность о Боге... От всех собранных отцов там было 500 человек, но не все стояли в одно, некоторые были и против. Но собор утвердительно настоял и отлучают Токарева от церкви за непоклонение Отчего образа. Токарев же привел слово Иоанна Златоуста, сказанное так: „Если на соборе нет единогласия, хотя бы один кто-то противостоит, то не есть собор, но иудейское сонмище. Так и на меня не было у вас полного единого согласия". И не посчитал это за собор» [18].

Вопрос возможности изображения Божества не однажды поднимался на Руси. Изображение на иконах ветхозаветной и новозаветной Троицы обсуждалось на Стоглавом Соборе. Основные споры вызывал образ Бога Отца. Противники этого образа видели в нем попытку изобразить неизобразимое Божество — «сушество»; сторонники ссылались на то, что Бог Отец изображался по пророческим видениям. Со временем изображение Отчего образа вошло в церковную практику, в обычай, несмотря на осуждение его со стороны Большого Московского Собора. В более позднее время помимо этого основного аргумента защитников изобразимости образа Бога Отца появляются новые попытки обоснования: труды И. Н. Богословского, протоиерея о. Сергия Булгакова. Ученый-философ, знаток древнерусского искусства, Л. А. Успенский в опубликованном курсе иконоведения счел необходимым остановиться на более подробном анализе этих аргументов. Сопоставляя тексты Предания, святоотеческие, богослужебные тексты с иконописными канонами, убедительно доказывает, что «постановление Большого Московского Собора, его категорическое запрещение изображения неизобразимого Божества, является подлинно православным отзвуком святоотеческого богословия». Слова св. Киприана Карфагенского, процитированные Л. А. Успенским, как нельзя более характеризуют последователей... учения Токарева в их стремлении дойти до сути любого явления, не быть пленниками слепой веры: «незаметно вошедший у некоторых обычай не должен служить препятствием к победе и утверждению истины, ибо обычай без истины есть только старое заблуждение» [19].

Ермила Матвеевич Пермяков, излагая основы Токаревского учения, особое внимание уделяет объяснению главного отличия своей веры от «30 других и староверских вер». «...Причин и несогласий много, но основная одна. Все делят Святую Троицу на три существа, т. е. три образа: старый седой старик в образе старца, Исус Христос 33-х лет и голубь сизокрылый... Такое основание они выводят не от Святого Писания, а от своего мышления. Нельзя считать Отца более, чем Сына, умаляя Божество и описуя Отца телесным существом... А существо и естество — две большие разницы. Естество — это материал, из которого делается предмет, а существо — это качество этого предмета. Все мы созданы Богом одного естества, т. е. одинаковый материал из кожи, костей, крови, а существо в каждом человеке строго отделяется друг от друга, т. е. у каждого свое качество-сила, власть, воля, добро, зло...А на тех иконах естеств будет два (Отец и Сын, а голубь другого естества. А существ сколько? Три: в сыне — одно, в Отце — совершенно другое, а в голубе — третье...Вот и не соответствует истинному богословию, что Сын единосущен Отцу» [20].

Умение и желание размышлять — главная особенность токаревцев. Простыми, яркими и запоминающимися образами они просто объясняют философские понятия... «Мы говорим ведь, верую во Святую Троицу единосущную, неразделимую, неслиянную по составам, единопрестольную, равночестную, неописанную... Здесь и гадать нечего, как объяснить, что Бог един из 3-х составов. Как человек, например, фамилия, имя и отчество. Все разное, по отдельности, а человек этот един. Или солнце возьмем. Что это? Это круг, свет и тепло. Как же можно Дух свят рисовать? Можно у солнца круг нарисовать, а свет, тепло которые идут от его, как нарисуешь? А свет тот повсюду проникает, все освещает...» [21].

Последователей учения Токарева, так же как и всех старообрядцев отличает особое отношение к Книге. Ермила Матвеич Пермяков: «К кому же обращаться сейчас и где искать истину? Надо иметь дружбу с книгой, любить ее читать. В нее заложено то таинство от Святаго Духа, которое на пользу души. Книги наставляют нас на подвиги духовные. Что такое К. Н. И. Г. А.? Это: „ключ", „найти", „истину", „глаголом", „автора" Без ключа не зайдешь в квартиру, так без книги не познаешь истину» [22]. Помимо традиционно читаемых и чтимых «светильников» — Библии, Евангелия, произведений святых отцов Иоанна Златоуста, Кириллы Иерусалимского (они постоянно цитируются старообрядцами) непререкаемый авторитет среди членов общины имеют переписанные от руки два оригинальных сочинения — «Беседа Токарева» и «Беседа Токарева с Пичугиным», где изложены основы нового учения.

Время появления Г. Токарева на Алтае нам так и не удалось уточнить ни у приморских, ни у алтайских токаревцев. «Великий дар дан был ему (Токареву) Богом, во многих местах России удалось насадить ему зеленый сад благочестия: в Барнауле, в Алтайском крае многие пошли за ним. Мои родители жили в Солоновке Алтайского края, они знали о нем, но мало видели, в основном от грамотных слыхали...» [23].

В памяти приморских токаревцев о истории своего согласия сохранилась удивительная смесь из обрывков рассказов людей более старшего поколения. Мария Копытова изложила нам ее так: «Это, наверное, до советской власти было, когда Петр I разрешил старообрядцам переписку вести. Зла, говорит, вы не делаете, переписывайтесь друг с другом, т. е. спорьте друг с другом по вопросам веры, можете возвращаться в свои дома, в свои деревни, в свои моленные дома, только вот не учите никого. Они-то, християне, бежали из своих земель к морю, тех поморцами называли, а кержаки-те, значит, на реку Кержа. А буду я за то брать с вас две дани, с никониан-то одну брали. Ну, стали все возвращаться, кто от Никона уклонялся, стали собираться и решать, как быть, что дальше делать. Токарев узнал о истиной вере из книг. Настоящую веру люди в Иерусалиме сохраняли, туда и мои предки ходили, и Токарев с Нестором Кирилловичем (Шведчиков). Все у тех людей правильно, все книги выверены. Мама с тятей все помнили, потом людям на Алтае рассказывали. Рассказывали еще, что в Саратове или Самаре это, наверное еще до советской власти было, при ней-то уж не разрешали, старцы собрались и разбирали, как веру продолжить. Разные веры были: и бракоборы, и самокресты. Деды мои Токарева хорошо знали, переписывались с ним...» Сандалова З. Л.: «Бабушка моя много знала. Она про веру так рассуждала. Наша вера поморская, а кержаки образовались, когда Никон-то был. Наши убежали в Поморье, а стариковщина на р. Кержу, поэтому и кержаки» [24].

Алтайская часть истории токаревского согласия известна нам лишь по нескольким отрывочным воспоминаниям наших информаторов. По их словам, в алтайском селе Боронча (находилось недалеко от Бийска, ныне села не существует) жили старообрядцы одной веры — «борончинской», как полагаем мы, самокресты. Видимо, там и обосновался Г. Е. Токарев.

Ермила Матвеевич Пермяков связывает начало его деятельности с борьбой с ересями: «Токарев видел, какое нечестие распространилось в России, что староверы брачного согласия смешались в одно с бракоборами — федосиянами безбрачного согласия. Они не признавали браков, и дети рождались от блуда, а они не считали это за грех. Это есть ересь явная» [25]. По-видимому, это было временем бурных споров, активных поисков единственно правильной веры. Раскол был неминуем, и он произошел. В селе образовалось 2 общины: самокрестов и токаревцев. Так распорядилась судьба, что в Приморье переселились и сегодня живут потомки обеих этих общин, жителей с. Боронча и окрестных сел.

Ермила Матвеевич так вспоминает о том же периоде: «У моих родителей, в Солоновке часто были беседы. С ярмарки много стариков съезжалось, вели беседы... Собирались у них грамотеи всех вер до 30 человек, беседовали о вере... Наши наставники в беседах всех побеждали. Это были Нестор Кириллович Шведчиков, Рехтины Митрофан Фотеевич и Поликарп Фотеевич, Спрытин. Как наши старички появятся, так никто из иных вер не мог сказать ничего» [26].

Достойным их учеником стал ныне здравствующий Ермила Матвеевич Пермяков, житель Кемеровской обл. г. Новокузнецк. С ним приморские токаревцы поддерживают письменную связь, советуясь в особо сложных современных ситуациях. Ермила Матвеевич раньше часто приезжал к единоверцам на Дальний Восток, здесь живут его родственники, здесь жили и уже умерли его учителя.

«Мне по Божьей милости приходилось с детства беседовать со стариками. У нас в Сибири доходило до того, что боялись молиться, не умели вести дело служебное, — остался один старец — Алексей Абрамович Шмаков, вот он везде и ездил, поддерживал веру Христову, зажигал искру Богопознания. От него много християн встало на твердый путь. От него и я зажегся в познании веры. Мой учитель по пению был Федоров Георгий Степанович. Всю жизнь просидел он в тюрьме, а под старость лет его освободили. Он в Приморье поехал, а сюда специально приезжал петь нас поучить» [27]. Имена знаменитых наставников, преуспевших в богословии, сегодня еще помнят в токаревских общинах не только на Алтае, но и в Приморье. Оказалось, что отцом нашей давней знакомой Фионы Георгиевны и был знаменитый Георгий Степанович Федоров. Мы, к сожалению, не застали его в живых.

До сих пор. несмотря на возраст, Ермила Матвеевич жизнь имеет весьма подвижную: «Я в сентябре уезжал в Москву, побыл там 3 дня, был в староверческой церкви... был в Лодейном поле в монастыре Александра Свирского. Побывал в Ленинграде, там в староверской церкви был, но беседовать там сейчас можно сказать не с кем, богословию совершенно не знают. Ездил на Украину...», «Побывал в Бийске, Белокурихе, Барнауле и других близких местах...» [28].

Переселение токаревцев на Дальний Восток началось в 30-х гг. «Когда начались гонения по линии НКВД, многих сослали, посадили, — продолжает вспоминать Ермила Матвеевич, — Тогда из Сибири поехали все христиане, кто куда... Одни в Кызыл убрались, другие поехали на Восток. Християнство пополнялось там, где жизнь была потише и спокойнее от власти...» [29]. Последователи учения Токарева живут сегодня в разных уголках России, но большая часть их компактно проживает на Алтае и в Приморье. Первые более или менее подробные сведения о жизни токаревской общины в Приморье мы получили из рассказов Белоусовой Фионы Георгиевны.

Село Калиновка в Южно-Уссурийском крае — одно из редких сел с компактным населением старообрядцев не только одного согласия, но и выходцев из одного места — Томской губернии Бийского округа сел Боронча, Солоновка, Афонино, Солтон, Морочевка, Карпово.

Одними из первых из Борончи двинулись Белоусовы: «Бабушка приехала в 1909 г. в Приморье, посмотрела, вернулась, дала команду — все и поехали. А тятины братья, его мать приехали еще раньше. В Калиновке все наши были: Ложкины (Боронча), Соколовы (Солоновка), Белоусовы (Боронча), Россомахины (Боронча), Красковы, Попеляевы (Боронча), Кулятины (Боронча) Шведчиковы (Боронча), Зыковы (Боронча)» [30].

Два сезона мы безрезультатно пытались застать главу большой семьи Копытовых, Харлампия Павловича дома, в Кокшаровке. На лето он отправлялся за реку в Калиновку, где у него была пасека. Совсем отчаявшись, в 1993 г. мы взяли с собой ПСН, надувной плот, чтобы перебраться через реку. Заехали в Саратовку к нашей старой знакомой Фионе Георгиевне Белоусовой расспросить, где не так глубоко, чтоб проще перебраться. Старушка пыталась нас отговорить, но видя нашу решимость, побежала к внуку. Через десять минут у окна стоял трактор с прицепом, на котором уже сидели местные ребятишки, ни за что не желавшие упустить такой необычной прогулки. В Калиновку нас вызвались сопровождать внук Фионы Георгиевны — Миша. Они с женой в то время работали учителями Саратовской восьмилетней школы. Более или менее благополучно «переплыли» на тракторе по отмелям на другой берег. Не знаю, как ориентировался Миша, но мне показалось, что мы продираемся сквозь джунгли. Трава в рост человека не позволяла видеть ничего вокруг. Миша сделал крюк, завез нас на кладбище, которое еще напоминало о себе кое-где сохранившимися крестами. Неожиданно мы выехали на большую поляну с двумя полувросшими в землю домами. Хоть Харлампий Павлович и был наслышан о нас, но рамки времени (через 1,5 часа максимум Миша должен был вернуть трактор назад) никак не позволяли нам поговорить подробно и неспешно. Это, мягко говоря, суматошное посещение Калиновки не принесло удовлетворения и пользы. Память выхватывает лишь отдельные эпизоды, как кадры фильма. Что уж тут говорить о Харлампии Павловиче, с лица которого до конца нашего краткосрочного визита не сходило недоуменное выражение. Лишний раз убедились в том, что такие разговоры и встречи наспех бесполезны. Не многое нам удалось узнать в то посещение. Единственное, что успокаивало: мы лично познакомились с Харлампием Павловичем Копытовым и теперь могли рассчитывать на дальнейший разговор в Кокшаровке зимой этого года. Если бы мы могли знать, что это была первая и последняя встреча с Харлампием Павловичем... Через 2 дня мы попадем в дорожную аварию. Наша «Тойота», дважды перевернувшись, чудом осталась на краю обрыва... После аварии мы смогли выехать в поле лишь через 1,5 года. Харлампий Павлович умер [31].

Определение материнской территории у этой группы оказалось делом непростым. Лишь немногие могли вспомнить такие подробности. И тем не менее, названы были два района — Саратовская губерния и Вятская губерния. Так, дед Иосифа Анисимовича Орлова — Евтихий Орлов, его сын Анисим — переселенцы из Саратовской губернии, г. Саратов. Предки Сандаловых приехали в Борончу с Вятской губернии. «Бабушка любила говаривать „Я — вятская лопатка“», — вспоминает Зинаида Лукинична Сандалова [32].

С Калиновкой мы знакомы не только по рассказам, любительским фотографиям, а еще прекрасному плану-рисунку жителя Чугуевки — Ивана Семеновича Жданова. С семьей Ждановых нас познакомила наша коллега, директор чугуевского музея А. А. Фадеева, единственного мемориального музея писателя в России, — Людмила Викторовна Бадюк. Оказалось, что муж одной из ее сотрудниц из семьи Кулятиных-Ждановых, фамилий весьма известных в Приморье [33].

Иван Семенович оказался не только замечательным рассказчиком, но и рисовальщиком. Не успели мы посокрушаться о том, что так и не смогли составить даже отдаленное представление о столь любимой всеми старообрядцами Калиновке, Иван Семенович тут же пообещал отвезти нас туда летом и поводить нас по селу. А через две недели прислал великолепный рисунок, где на плане подробно изобразил село. Даже по рисунку сразу можно почувствовать, насколько уютной была эта небольшая долина, где раскинулась Калиновка. Вот та дорога, по которой, видимо Миша вез нас в Калиновку. При въезде — небольшое озеро (а мы его и не видели), рядом поскотина. Пройдешь чуть дальше, и прямо у дороги — Калинов ключ. Слева от дороги — сопки, лес, слева — балка, поляна и дальше поля. Дорога вдоль села тянется на 7 км. От дороги ныряют в стороны узенькие проулки.

Родственники старались селиться рядом: вот дома Белоусовых на одной стороне села, дома Ждановых и Кулятиных, дома Пухаревых.

Позднее в Калиновку подселили украинцев. «Поначалу они все вместе жили, в одном краю Калиновки. Это место „Отскочихой“ у нас называлось, а корейцы жили все на х. Кедровый» [34].

Сегодня нет уже на карте села с названием Калиновка. Старообрядческие семьи расселились по ближайшим деревням: Саратовке, Кокшаровке, Чугуевке. Возвращаются они в родные места только в воспоминаниях: Маша Копытова, как-то рассказывая сон, обмолвилась: «Вижу поле со цветами, а на нем белая овечушка со ягненком. И такая она мирная. И покой такой, как в Калиновке... Я шибко по Калиновке скучала...» [35].

Впервые мы смогли побывать на соборной службе несколько лет назад. Моленная, где собрались верующие — комната обычного жилого дома с привычным для нас сельско-городским интерьером. Единственное, что было необычным в этой комнате, большой иконостас да горка подручников. Привыкшие к традиционной моленной одежде старообрядцев часовенных: сарафанам, платкам, кафтанам, мы были немало удивлены тому, как одеты токаревцы. Это была обычная одежда: сарафаны, платья, юбки, кофты, правда, с длинными рукавами, головы женщин покрыты платками, завязанными привычным для каждого способом, специальных поясков мы не увидели почти ни у кого. На талии были обычные пояса или веревочка, у мужчин — ремни. Специальной одежды для моленья нет ни у женщин, ни у мужчин, хотя они еще помнят, что старшее поколение имело таковую. Ермила Матвеевич объясняет: «Специальной одежды у нас нет, потому что нет специальной моленной. Раньше и у меня кафтан был, но если нет специального места, то лучше простую одежду носить без соблазна для других. Лучше душевно за собой следить...» [36].

Нам позволили находиться в одной комнате с молящимися. Службу вела Ульяна. День был, будничный, и верущих собралось не так много. Большинство из собравшихся были, конечно, женщины, среди них были и молодые, даже подростки и малыши. Некторые из них пришли с дальнего хутора Полынихи пешком. Еще перед службой Ульяна предупредила нас, как бы извиняясь, что настоящего пения мы не услышим: поют не все, не все гласы знаем. Действительно, пели не все, но голос Ули очень чисто выводил мелодию. Улю и Машу учил петь «по солям» тот же Федоров Георгий Степанович. «Мы поем как наши деды пели», — любят говорить общинники.

Вообще семья Копытовых, во всяком случае ее женская половина, вся поющая. Как-то в один из вечеров нам удалось собрать вместе трех сестер: Веру, Марию, Евдокию. По тому, как звучали голоса, видно было, как искренне переживали сестры содержание стихов, не забывая пояснять и комментировать непонятные, с их точки зрения для нас, места.

Мы сразу обратили внимание на небольшое количество икон в домах токаревцев, очень часто их заменял изготовленный из дерева простой 8-конечный крест. «Мы не всем иконам поклоняемся. Нужно быть очень осторожными, ведь иконы могли быть сделаны неверным иконописцем. Покупать иконы нельзя, их только передают. Мы на крест покланяемся. Если нет креста — на окне нарисуй и молись (так, кстати, и сделал мой гость Иосиф Ермилович. Внимательно изучив мой небольшой домашний иконостас и сделав попутно несколько вежливых замечаний, он нарисовал по всем правилам восьмиконечный крест на листе клетчатой бумаги, прикрепил лист на восточную сторону и молился — авт.). В доме Марии еще при первой нашей встрече мы увидели нарисованную во всю стену икону Казанской Богоматери. Яркие, красные и желтые краски картины так и плеснули в глаза. „Это Лена Юрина рисовала“, — видя наше удивление, пояснила Маша, — „Она у художника училась рисовать. Нарисовала, как виденье ей было. Она потом в монастырь, я слышала, ушла или в Иерусалим паломником. Мы на икону эту не молимся. Святыни рисовать, да еще так ярко, не положено. Такие краски можно увидеть только как благодать. Человек их может увидеть только после Божьего суда. Иконописцы — люди непорочные, краски делают из растений, желтка, а Лена краски покупала в магазине. Наши иконы все темные“» [37].

Сегодня в приморской токаревской общине верующие избегают называть руководителя общины настоятелем. «Как простые люди мы не имеем прав на наставничество, это раньше наставника избирали... Наставников нет теперь у нас. Были когда-то грамотные очень наставники. Дедушка Соколов у нас был, Федоров Георгий Степанович, Копытов Харлампий Павлович... Теперь уж нет их... У нас теперь все грамотные, все наставники. Есть, конечно, кого просим крестить... Службы ведут, кто пограмотнее... У нас так положено: простецы выбирают из круга своих християн старшего, чтобы он мог немного поддерживать слабых и выполнять необходимые таинства — крещение и покаяние. Кто-то должен быть у руля этой многообразной машины, а то совершенно в сторону отвернет она и разобьется...», — объяснил мне по поводу наставников Ермила Матвеевич... [38].

Помимо знания, а главное, умения объяснить основные догматы своей веры, нам показалось, что обрядово-бытовая сторона не очень волновала токаревцев. «Душевную чистоту нужно прежде всего блюсти. Знать обычаи и обряды — это хорошо, но ведь самое главное — догмат веры, знать, как Бога понимать» [39].

Община на мирских и соборных не разделяется. Ульяна Харлампиевна объяснила нам, что «мы не можем выделить, кто боле или менее грешен, наставников нет, которые могли бы определить это. Мирские это те, кто ест с одной посуды с неверными». Зинаида Лукинична Сандалова рассказывала: «Бывает измирщишься, пойду к Маше под начал. Начал полжу, помолюсь — и опять немирская. Я пока работала, так измирщилась, пост не соблюдала» [40].

В токаревскую общину принимают только после полного перекрещивания, «даже если ты был в этой вере, но не можешь доказать, то все равно совершают полное крещение, а не довершают». Крестить может только благословленный человек. «У нас, когда крестят, ходят по солнцу и читают отрицание. Крестная должна сама воду натаскать, а после крещения вылить в особое место, где погани нет, где собаки не гуляют. После крещения в этом сосуде можно хранить только сухое — муку, зерно. Раньше, когда у нас молиться собирались, разделялись: впереди стояли грамотные, кто умеет читать. Когда наставник был — он впереди стоял. Сейчас все стоят вместе» [41].

К благам цивилизации общинники относятся по-разному. У Маши в доме нет ни радио, ни телевизора. «Телевидение и радио — это все от дьявола. Он старается уловить каждую человеческую душу, это он придумал телевидение. Знает, что не всякий пойдет в клуб, а уж телевизора никто не избежит. И для малого, и для старого найдется в нем упокоение, и для юношей, и для девиц прекрасных... Для старых — прекрасное пение. Хорошая ведь песня „Мама, милая мама...“ только житейское все это, нет в них божества, чтобы душу спасать. Только телевизор в дом внесут, он тут же всех уловит. Старым — честь воздадут или про обиду их расскажут. Это вроде утешения. Господь говорит: „Нельзя на чужую жену смотреть“ (раньше, бывало, только в банях подглядывали), а теперь — смотри. И работа — то никакая не делается, и на ум нейдет. А молиться-то станешь, а картинки из телевизора так перед глазами и скачут. Вот уж и я идолопоклонница, ведь телевидение, радио, газеты — это все печати антихристовы» [42].

Несмотря на малочисленность и вынужденную оторванность от своих единоверцев и духовных лидеров (общины токаревцев живут в Кемеровской области, на Алтае), приморская община токаревцев, на наш взгляд, вполне самодостаточна. Частично утратив традиционные обрядово-бытовые особенности, они сумели сохранить желание духовных исканий, что выражается в интересе прежде всего к книге. Ермилой Матвеевичем Пермяковым в 90-е гг. прошлого теперь уже века написано собственное оригинальное сочинение под названием «Книга Христианская Философия», вполне отразившее миропонимание его самого и единоверцев.

Общины старообрядцев — самокрестов в Приморье

Со временем главные беспоповские согласия распались на еще более мелкие толки. Самокресты, самокрещенцы, или «бабушкино» согласие историю имеют весьма запутанную. В исследовательской литературе содержится противоречивая информация об этом согласии и остается по-прежнему не выясненным вопрос о том, какое согласие послужило истоком для самокрестов [43]. В изучении истории этого согласия и на приморской земле предстоит сделать еще очень многое, слишком пока неясными и малочисленными воспоминаниями мы располагаем.

Нам не известно, когда впервые старообрядцы этого согласия появились в крае. Поскольку приморские самокресты принадлежали к согласиям признающих брак, то их в статистических отчетах не выделяли. Нам лишь известно, что небольшими группами или по отдельности семьи самокрестов с конца XIX — начала XX вв. селились в Чугуевской волости, часто мигрируя из одного села в другое: с. Саратовка, Кокшаровка, Янмутьхоуза, Батюково.

На северном побережье сс. Свайн и Нахтахе были, пожалуй, единственными селами, где старообрядцы этого согласия жили компактно, правда, недолго.

Село **Свайн** начали отстраивать севернее Аленты в устье реки Свайн. Из письма К. Ф. Нагорнова: «Деревню Сваин начали заселять Киршин Иван Лукьянович, Кармановы с Уфы да Иван Федорович, фамилию забыл — сибиряк. Они тоже старообрядцы, но особого толкования. Их мы звали самокрестами» [44]. Итак, одним из первых в этих краях появился Киршин Иван Лукьянович, чей род ведется из Уфимской губернии. По словам, Соболева Г. Ф., Киршины переселились в эти края во время гражданской войны 1918 г. [45].

Тем не менее, нужно сказать, что в Свайне уже в 1915 г. жило 5 семей, 18 душ, принадлежали ли они к самокрестам — не известно [46]. Помимо Киршиных в поселке обосновались его земляки Карманов Иван Михайлович, Шокуровы, Пастухов Семен, Вяткины, Костины, Катков Андрей Михайлович. Пастуховы по воспоминаниям свидетелей, приехали из Уфимской губернии вместе с Киршиными, Катковыми. Прибывшие старообрядцы были, в основном, зажиточными семьями. Иван Лукьянович Киршин «был предприимчивый человек, который строил водяные мельницы от Казани и кончая Саратовом. Под Уфой у него был барский дом, который он купил у разорившегося помещика». Семен Пастухов на родине имел мыловаренный заводик [47].

Родители Евдокии Титовны Дерябиной (урожд. Бредихиной) тоже из самокрестов, приехали на Дальний Восток из Томской губернии. Отправились на Восток «ради спасения души», искали единоверцев. Сначала жили какое-то время на Амуре, потом ушли оттуда в Сваин, потом в Кузнецово. Старшая из дочерей Татьяна вышла замуж за Бочкарева Григория в Нахтаху [48].

Поселок **Нахтахе** находился севернее р. Пеи на побережье.

Наша новая знакомая очень приветливая Матрена Филлиповна Семенихина живет во Владивостоке. Родом она из большой семьи Семенихиных — Бочкаревых. Мы уже упоминали старинный род Бочкаревых как первопоселенцев горного Алтая. В. А. Липинская упоминает их род еще и как активных зачинщиков поиска Беловодья. По семейным преданиям, семья Бочкаревых переселилась на Алтай из Вятской губернии. «Предки мои Семенихины и Бочкаревы когда-то приехали с Вятки. Бабушкина фамилия девичья Гуляева, родом из Вятской губернии. Дед и бабушка поженились там. Там и родственники живут наши» [49]. Кстати, и В. А. Липинская, рассказывая о первопоселенцах рр. Бухтармы, Уймона, упоминает Гордея Бочкарева из д. Вяткиной, названной, по видимому, так в память родных мест [50].

Отец Матрены Филипповны, Филипп Федорович, родился недалеко от Бийска в с. Уткуль. Семья впоследствии несколько раз меняла место жительства: с. Боронча, Гробница.

Матрена Филипповна Семенихина вспоминает: «Я слышала от бабушки, что в начале века в Боронче раскол произошел. Сильно по вере все спорили, на ноги вскакивали, ругались. А потом многие оттуда разъехались, кто-куда. Семенихины, например, они к тому времени уже в Гробнице жили, уехали на Дальний Восток, жили в Кокшаровке. Наш дед Бочкарев тоже уехал из этой Борончи в Гробницу» [51]. Напомню, что о бурных спорах о вере в Саратове нам рассказывали и токаревцы, переселившиеся в Приморье из этих же алтайских мест. Известно, что именно в Саратовской губернии наиболее всего был распространен самокрещенский толк. С 80-х гг. XIX в. в Саратове состоялось несколько поморских соборов по вопросам самокрешения, в результате не принявших самочинное крещение за благодатное и святое [52]. Раскол алтайских поморцев произошел, вероятно, уже в начале XX в. Так запечатлелись в памяти старообрядцев эти события. На основании наших сведений можно предположить, что алтайские токаревцы и самокресты имели общий корень — поморское согласие. Токаревцы рассуждают: «Так-то по обряду у нас с ними все одинаково. Но у них кто-то маленько отклонился, сам себя окрестил, а в вере ведь ни добавить, ни убавить...» [58].

После раскола и отправились в поисках правды, истины к Л. Толстому три ходока из д. Гробница: Филипп Бочкарев, Семен Жуков, Денис Коровин. В дом к великому старцу решился войти один Филипп Бочкарев. О чем разговаривал он с Толстым, Матрена Филипповна не знает: «Мне тогда об этом ни к чему было бабушку расспрашивать, мала была... Бабушка была очень набожной, а дед, видать, не очень... Раз довелось мне услышать, спорили они о смерти. Мне даже страшно было... Дед говорит: „Вот как умру, сгниет тело, дальше ничего не будет“, а бабушка: „А душа-то твоя куда девается?“ „Да никуда“, — отвечал дед, хлопнул дверью и вышел из дома. Дедушка всегда жил по одним заветам, которые и нам завещал: „Не врите людям, не обижайте людей, а главное, праздно не живите“. Маму мою он все учиться отправлял, она не схотела, работать по крестьянству ей нравилось. А вот мамин брат Григорий любил учиться, запирался в комнате, читал, даже отца туда не пускал» [54].

Вернувшись от Толстого, засобирались на Дальний Восток. Революционные события ускорили отъезд. Вынужденной задержкой стала эпидемия холеры. «Дед мой сам себя выходил чистой ключевой водой. Его не забрали в холерный госпиталь». «На новые земли отправились поначалу ходоки: Шишкин Олиферий с семьей, Кривоногов, Бочкаревы Кирилл Федорович, Селифон Федорович. Потом много других семей переехало: Бочкаревы Федор и Филипп, Семенихин Сидор, Сметанин Мамонт, Артамонов Михаил, Шведчиков Иван, Бабушкин, Жуков Семен, Коровин Денис. Сначала до Владивостока поездом добирались, потом пароходом сразу в Нахтаху. Те, кто поехал первыми, на коров и лошадей сена накосили, построили маленькие избушки, а людей-то в них, как селедок в бочке» [55]. В 1928 г. несколько семей (Василий Коровин, Филипп Бочкарев, Ефим Бочкарев, Елиферий Шишкин, Филипп Семенихин) отселились на хутор рядом с деревней. Назвали хутор — «Крепостной». В 1932 г. в связи с известными событиями хуторянам велено было возвращаться снова в Нахтахе. «Колхозы начались у нас в 1932 г. Дружбы не стало, земли мало... В селе вербованные появились: Дальлес командовал. Отца сделали председателем колхоза. Дед тоже вступил, он людям говорил: „Не ерепеньтесь, власть нужно слушать“. Все же многие в кол-

хоз нее вступили, ушли в Дальлес. А как стали кулачить, деда и раскулачили, отобрали все и на вольную выселку отправили: езжайте, мол, куда хотите. Он поехал во Владивосток, сходил в исполком. Ему бумагу дали, чтоб все вернули. Но он уже не вернулся на север, уехал на Алтай, там и умер, а мама здесь осталась» [56].

Родственники Семенихиных — Бочкаревых живут сегодня в Амгу. С Верой Ефимовной Вялковой (девичья Бочкарева) мы знакомы давно, еще со времени нашей первой поездки в Амгу в 1992 г. Она родилась в 1924 г. в Нахтахе. «Батя мой Бочкарев Ефим Матвеевич женился здесь на Ефросинье Денисовне Коровиной». Откуда переселились родители Вера Ефимовна не помнила. «Село стояло в устьях речки. В Нахтахе было 15–20 дворов, 2 улицы, в каждой два порядка домов. На реке стояла водяная мельница. Сначала жили Бочкаревых несколько семей, Коровины, Семенихины. Потом уж стали подселяться к нам в поселок другой веры. Мы с ними, понятно, не молились. В 40 км от Нахтахе была деревушка „Новый массив" (х. Крепостной — авт.) называлась. Вот туда потом нашей веры люди и отселились: Шишкины, Семенихины, Бочкаревы, Коровины. Первыми поехали туда Шишкины» [57].

По словам Н. А. Некрасова, Нахтахе перестало существовать в 1956 г. [58]. Сегодня последователи этого толка живут одиночными семьями по побережью, а так же в городах Приморья.

Общины старообрядцев-федосеевцев в Приморье

Впервые информация о федосеевцах появляется в статистических сведениях, обзорах Приморской области в 1909 г. «Доношу до Вашего сведения, что на участке Стольном Тихоновской волости вновь образовались два старообрядческих общества. 1 — беспоповское 325 душ, 2 — австрийского толка 22 души. У первых имеется наставник, а у второго священника нет» [59]. В 1910 г. заведующий Иманского подрайона сообщал, что «старообрядцы с. Мяо-Линь (в дальнйшем с. Ивановичи — авт.) ходатайствуют о разрешении им открыть на их участке на их общественные средства молитвенный дом» [60]. В 1912 г. уточняется количественный состав федосеевцев: «в с. Ивановичи Саровской волости 217 мужчин, 119 женщин, в с. Стольное Тихоновской волости — 379 человек» [61]. По воспоминаниям наших информаторов, переселение старообрядческих семей из с. Пятидуб, г. Мамедь Житомирской губернии на Дальний Восток началось в 1907 г. Поскольку наши информаторы почти ничего не смогли припомнить о своих более далеких исторических корнях мы пока сможем только предположить, что федосеевцы в Житомирскую губернию пришли из Польши, тем более, что в соседних селах на Украине жило много выходцев оттуда. Безусловно, основной причиной переселения их на Дальний Восток было малоземелье. «Нахвалили, что здесь земли много, лес, рыба, ягода» [62]. Были и другие причины. Пожалуй, легенда о Беловодье была наиболее притягательной для русского крестьянства и способствовала его продвижению на восток. Именно с этой легендой был связан очень неожиданный и интересный рассказ П. К. Черняевой: «Старики называли этот край (Приморье) — Сирищино, когда собирались сюда переселяться. Поедем, говорят, в Сирищино. Жизнь тут свободная, спастись можно» [63]. Информация оказалась не единичной. П. А. Кириллова рассказывала, что в их селе, «это еще на Украине было, жил мужик один, он много по России ходил, когда вернулся все ходил по соседям, рассказывал, приходил к моим родителям, говорил, что Россия большая, дошел я до самой Сирии. После этого многие семьи поехали на Дальний Восток» [64]. Возможно, Сирия стала еще одним названием Беловодья? Краткости ради я опущу подробности изложения этого предположения, тем более, что они описаны в одной из моих статей [65].

«Ехали на повозках, впереди шли лесорубы, рубили дорогу. Во Владивостоке им было предписано обживать эти таежные места. Мы хотели остаться в Имане, но нам не разрешили. Волки, зверья много было, рыбы... Земли можно брать сколько хочешь» [66]. Со временем появилось два больших старообрядческих села — Ивановичи, Стольное, небольшие хутора в округе. Население занималось хлебопашеством, охотой, рыболовством. Коллективизация разделила сельские общины: кто-то вынужден был вступить в колхоз, кто-то из последних сил пытался сохранить независимость, оставаясь, в сущности, изгоями нового общества, кто-то, бросая жилье, «забивая окна, двери, бежал. Наши ходили в Китай, у некоторых там родственники были». Большая часть мужского населения покидала села и становилась наемными рабочими (в основном, плотничали), принося домой живые деньги. «Тогда и хлеб стали есть досыта» [67]. «В 1937 г. отца забрали. Ему записку оставили в доме: явиться в НКВД в 10 часов. Ушел он и больше не вернулся». В каждой семье это происходило по-разному, но горе никого не обошло стороной.

Переселение старообрядческих семей из с. Стольное, Ивановичи началось в 30-е годы, продолжалось и в 1939 г., 1947 г., 1949 г., 1954 г. Уезжали по ближним хуторам и поселкам (Картун, Рощино, Новопокровка, Иман), Амурскую область. Большая часть старообрядцев оказалась во Владивостоке. «После войны все жители правдами и неправдами перебирались во Владивосток, селились в районе Луговой, Папанина, Куйбышева, на м. Чуркин в районе улиц Громова, Окатовой, Терешковой, Запорожской, Ростовской» [68]. Время, городская жизнь постепенно убивали традиционную набожность, службы проводились чрезвычайно редко, по большим праздникам, тайно. Возглавил общину (к тому времени она насчитывала около 20 человек) Елисей Прощенко, переселенец из Житомирской губернии, с. Пятидуб. Уже при жизни во Владивостоке он ездил в Москву на Преображенское кладбище, где был официально поставлен настоятелем во Владивосток. Молиться собирались опять же в доме Прощенко, где одна половина была жилая, в другой устроена моленная. Умер Прощенко во Владивостоке в 60-х гг. Утратив обособленность, в условиях религиозных преследований, община продолжала распадаться, продолжали размываться ее границы. После смерти наставника лишь пожилые общинники продолжали молиться, но уже каждый в своем доме. В начале 90-х гг. наиболее активные члены попытались возродить соборную «правильную» молитву, найти единоверцев, но не помня (а может быть, и не зная) названия своего согласия, не умея объяснить его особенностей, они присоединились к единственной действующей в то время во Владивостоке общине белокриницкого согласия. Разногласия в общине начались лишь через несколько лет с приходом нового официально рукоположенного священника, который предложил беспоповцам довершить чин крещения. Сегодня очень немногочисленной общине федосеевцев предстоит совершить нелегкий нравственный выбор: довершить крещение и окончательно раствориться в белокриницкой общине, либо сохранить традиционную веру предков, особенности своего согласия и передать их детям, которые уже входят в пору активного приобщения к религиозной жизни.

Вероучение и традиции согласия. Основатель согласия дьяк Феодосий Васильев из рода бояр Урусовых был главой Новгородской старообрядческой общины [69]. После 1694 г. он отправился в Польшу и основал там несколько беспоповских общин, получивших название федосеевских. Попытка создать федосеевские общины в России потерпела неудачу: они просуществовали в Великолукском и Дерптском уездах совсем недолго, распавшись под натиском репрессий. В 1711 г. Феодо-

сий был арестован и умер в Новгородской тюрьме. Созданные им в Польше общины продолжали действовать, позднее большая часть федосеевцев переселилась в Россию и образовала общины в Петербурге, Новгороде, Ярославле, Пскове, Риге. В Москве федосеевская община была учреждена одновременно с Рогожской. Во время эпидемии чумы московская федосеевская община отстроила Преображенское кладбище, часовню, моленный дом. Во второй половине XVIII в. федосеевцы были самыми крупными беспоповскими общинами, к началу XX в. они уступали в численности только часовенным. Разрыв с поморцами у федосеевцев произошел еще при жизни Феодосия, но в их взглядах, идеях оставалось много общего. Оба согласия считали, что царство Антихриста уже наступило, настоящего священства быть уже не может, отрицали все таинства, исполняемые обычно священником, кроме крещения и исповеди.

Главным для федосеевцев был всегда вопрос о браке. Первоначально они придерживались очень строгих правил: отрицали его полностью, поскольку, как уже было сказано, в мире нет настоящего священства, не может быть и самого таинства брака. Такие жесткие правила, свято соблюдаемые особенно московской общиной, вызывали раздражение, протесты верующих. С 1920 г. по 1950 г. происходил активный переход федосеевских общин к брачному состоянию, но споры по вопросу о браке не утихают до сих пор. Если сделать более точное предположение, то вероятнее всего, приморские федосеевцы принадлежали к одному из толков — польским федосеевцам, которые проживали в Ковенской, Сувалкской, Виленской, Витебской губерниях в разное время входивших в состав Польши [70]. Для этого толка характерны менее строгие правила относительно новоженов: бракосочетание и без обряда священника можно считать церковным таинством, для этого должно быть только благословение родителей и свидетелей, в присутствии которых совершается бракосочетание двух любящих людей. Повсеместная платоническая любовь и целомудрие противоречили законам природы, установленными Богом. И если во имя спасения веры отказываются от священников, заменяя их наставниками, на которых возлагается обязанность совершения таинств, то должно быть последовательным и не отвергать таинство брака. По воспоминаниям информаторов, и на Украине, и в Приморье молодые люди сходились и жили по любви, браки совершались только по благословению родителей [71]. Новорожденных детей крестил обычно в часовне наставник, иногда, по необходимости, крещение проводили в доме или в реке.

К сожалению, наши информаторы уже не могли вспомнить, как решались их общиной на родине такие важные вопросы, как догмат немоления за царя, освящения брашна, купленного на торгу.

Община, по рассказам федосеевцев, традиционно делилась на «рабских» и «мирских». Термин «рабские» мы не встретили ни в одной публикации, посвященной федосеевским общинам. Вероятнее всего, это еще одно название «соборных». Разделение общины на «соборных» и «мирских» возникло, видимо, как необходимая мера по сохранению веры в чистоте еще в XVII в. В обязанности «соборных» входило буквальное, очень строгое соблюдение устава, неукоснительное выполнение всех запретов, выбор наставника для общины. Старообрядцы рассказывали, что «рабскими» в их общине считались дети и люди пожилого возраста, когда мужчина «откажется от жены», т. е., когда мужчина и женщина уже не живут как муж и жена. После 6-недельного поста и правила (на каждый день отмолить по 10 лестовок) им присваивался другой статус, они становились «рабскими». Во время службы впереди стояли дети, за ними «рабские старики и старушки», затем уже все остальные. Кадили во время службы только «рабских» [72].

«К нам на исповедь Прощенко приезжал. Исповедались один на один. Поп перечисляет грехи, а я, если грешна, то кланяюсь в это время и говорю: „Прости меня, Господи“. Поп отвечает: „Бог простит“. Просфору и пить ничего не давали» [73].

Моленные дома были построены общинами в обоих селах (Ивановичи, Стольное). «В нашем селе (Стольное) была деревянная часовня со звонницей, звонарь был, потом там склад сделали. У папы двоюродный брат был, он прищел, взял меня на руки и понес в часовню. Пасха была... Так красиво там было, я запомнила это на всю жизнь... В часовне на стенах полки длинные, на них платки красивые кашемировые, иконы в рамах, передняя стена была такой же, как и другие, только с длинным закрытым столом вдоль нее, на нем стояло кадило, свечи...» «Нашу часовню (с. Ивановичи) китайцы строили, из дерева, обивали досками, потом их красили. Часовня со звонницей была, а колокола с Имана привезли...» «Часовню (Ивановичи) стали строить сразу в 1907 г. Крыша цинком крыта. Ограда была, дорога выложена камнем, деревянные ворота. К Пасхе все ходили мыть, убирать храм. С началом коллективизации иконы из часовни выбросили, кто успел, свои забрал. В часовне детские ясли сделали, потом клуб, потом развалили...» [74].

Память старообрядцев сохранила очень немногие имена наставников. «В Стольном у нас наставником был дед Герасим, потом приехал с Украины дед Макарек.», «В Ивановичах наставником был дед Алексеев Тарас...» Обучение детей славянской грамоте, пению велось при моленных. «Никита Денисович Никитин учил меня всему божественному. Я хорошо училась. Учили меня по часовнику, потом псалтирь, но самая первая азбучка. Никитин учил всех детей, потом они принимали участие в службе в часовне. И петь тоже учил» [75].

Таким образом, приведенные материалы кратко характеризуют почти столетний исторический путь федосеевских общин Приморья. Две крупные общины благодаря автономности сумели до начала 30-х г. XX в. сохранить все особенности своего согласия. С коллективизацией началось распыление общин. Несмотря на то, что основная часть общин расселилась компактно во Владивостоке, последователей согласия было явно недостаточно, чтобы восполнить уходившее поколение. Религиозные преследования быстро довершали процесс распада общин. Самой серьезной утратой для общин стала смерть последнего наставника, потеря молитвенного дома, а вместе с этим и соборной молитвы. В последние десятилетия община несмотря на благоприятные условия, к сожалению, почти полностью утратила конфессиональные особенности и, вполне вероятно, что какая-то ее часть будет ассимилирована белокриницкой общиной.

Общины старообрядцев часовенных в Приморье (Арсеньевская община)

После социальных потрясений и репрессий, происходивших за годы последовательно тоталитарной политики советского государства по отношению к вере, верующим людям, на территории современного Приморья осталось чуть больше пяти малочисленных старообрядческих общин часовенного согласия. Именно они, сумевшие все пережить и выстоять, остаются единственными хранителями веры и традиционной русской культуры. Современное состояние этих общин в полной мере отражает уровень сохранности культуры, обуславливаемый в первую очередь основой основ старообрядческого движения, «тремя китами» его — личности, книге, общине [76].

Со временем богатый старообрядческий х. Халаза стал окраиной молодого приморского г. Арсеньева — города молодой развивающейся и перспективной отрасли машиностроения. За короткое время в нем были построены 2 крупных завода — «Аскольд» и «Прогресс». Всему миру известны сегодня непревзойденные по техническому совершенству российские вертолеты «Черная акула». Тогда, в самом начале поиска нам и в голову не приходило искать старообрядцев в этом современном городе, но именно здесь находится самая большая по численности община старообрядцев-часовенных. Сформировавшись в нач. 60-х гг. XX в., она продолжает оставаться сегодня неофициальным центром среди старообрядцев-часовенных Приморья. Наше знакомство с общиной произошло уже более десятка лет назад. За эти годы нам удавалось приезжать туда иногда по нескольку раз в год, что, без сомнения, дало уникальную возможность познакомиться с членами общины ближе, наблюдать динамику ее развития в течение этих лет, сравнивая с другими общинами края. Арсеньевская община — самая крупная в крае. В большие праздники на собор в начале 90-х гг. собиралось больше 70 человек, правда, в это число входят и приезжие из ближайших районов, а также Уссурийска и Владивостока.

За время полевых исследований нам удалось побывать в пяти малочисленных и пока действующих общинах старообрядцев — часовенных края. Большинство этих общин находится в тех населенных пунктах, где они и были образованы в начале XX века. Ядро этих общин оставалось почти неизменным в течение многих лет. В связи с более поздним образованием арсеньевской общины региональный состав арсеньевской общины по сравнению с другими приморскими общинами поначалу показался нам весьма пестрым и отчасти случайным. Со временем удалось установить наличие в общине двух групп. Основу общины составляло коренное население бывшего х. Халазы, Семеновки, появившейся чуть позднее, а также близлежащих Петропавловки и Таежки, заселявшихся, как мы уже знаем, выходцами из Волго-Вятского региона России — потомками семей Андреевых, Бортниковых, Владимировых, Калугиных, а также связанных с ними родственными связями семейских старообрядцев — Ефимовых, Шарыповых, Николаевых, Борисовых, Рыжаковых. Все они проживают компактно в районе Интерната, частично в самом городе. Другая группа семей — переселенцы с северного побережья края, изгнанных оттуда после известных событий 1932 г. и поменявших перед приездом в Арсеньев уже несколько мест жительства. Это потомки урало-сибирской группы переселенцев, пришедших в Южно-Уссурийский край в 80–90 гг. XIX в. Они компактно проживают в районах ул. Камышовой, Заовражной. Средний возраст старообрядцев Арсеньевской общины — 50–70 лет. Наиболее активная часть старообрядческого населения — женщины, но нам еще удалось застать те времена, когда на праздничных службах собиралось около 20 мужчин. Сегодня их собирается едва ли больше 10 человек. Такая ситуация типична для Приморья.

В тот год, работая в Чугуевском районе, мы вырвались на один день в Арсеньев, чтобы навестить Клавдию Семеновну Примачеву, сестру нашего давнего знакомого из с. Ясное — Филата Семеновича Денисова. Узнав, что Клавдия Семеновна собирается на службу, мы умолили ее взять нас с собой. Строгая наша Клавдия Семеновна, к удивлению, согласилась сразу: «Хорошо, но чтоб одеты были как полагается, руки закрыты. Пойдете в моленную за мной. Не рядом, а немного позади. Доведу, а дальше уж ваше дело...знакомиться сами будете...» Приветливый дом с голубыми ставнями стоял в самом конце улицы и ничем не выделялся среди других домов, разве что двор был крытым с длинными проходами, в конце одного из них скрылась наша провожатая и откуда выходили уже успевшие переодеться в моленную одежду женщины. Мы даже не сразу поняли, откуда они появлялись. Все было довольно хорошо скрыто от любопытных глаз. Мы, конечно, ловили на себе вопросительные взгляды, но нас никто не собирался выгонять. Мы понемногу осматривались, не решаясь без позволения войти внутрь дома. Служба уже началась, и двор опустел. Лишь у крыльца в холодке осталась сидеть худенькая старушка с немного уставшими, необычайно добрыми глазами. «Жарко, в моленной-то душно, народу много, задыхаюсь я...», — словно извиняясь перед нами произнесла она, — «А вам у Ермилыча, настоятеля нашего спроситься надо. Вот как перерыв будет, так и подойдите к нему...» Наша новая знакомая Агриппина Тарасовна Спиридонова оказалась хозяйкой дома, где и находилась моленная. Говорить ей было, видимо, трудно, но интерес поговорить с новыми людьми пересиливал болезнь. Время в разговорах пролетело незаметно. Служба закончилась. «Вот настоятель наш, идите к нему», — отправила нас Агриппина Тарасовна. Мы никак не ожидали увидеть перед собой еще совсем не старого человека. Разве что красивая проседь в курчавой бороде и волосах выдавала возраст. «Пойдемте в моленну, там все сами и расскажете». Так мы впервые оказались в беспоповской моленной. Она занимала большую из комнат дома. Почти все алтарное пространство занимал иконостас, длинная полка с иконами, протянувшаяся вдоль всей восточной стены. К кромке иконостаса вертикально крепились высокие темно-желтые восковые свечи. Под иконостасом — такой же длинный во всю стену стол, покрытый до самого пола темной скатертью с древлеправославным антимисом в центре. На краю стояли деревянные подставки для книг, щипцы для снятия нагара со свеч и баночка для огарков, кадильница. Беспоповская кадильница — кацея весьма отличается от обычно используемой в церквях. Она представляет собой разъемный шар с крышкой-куполом луковичной формы, увенчанной восьмиконечным крестом, длинной, складной деревянной ручкой. Особенности каждения у старообрядцев-беспоповцев потом шутливо объясняла нам головщица Ирина Иосифовна: «У церковных кадило качается на цепях. Как говориться, хочешь нюхай — хочешь нет. А у нас кадило-то проносят перед всеми, мол, нюхайте все!». В переднем же углу стоял накрытый красивым платком выносной аналой. По периметру комнаты расставлены деревянные скамьи с «оборкой». По тому, как сидели в моленной верующие уже после службы, было понятно, что пространство строго делится на мужскую и женскую половину. Мы не были готовы публично объяснять цель нашего визита и никак уж не ожидали, что нам предстоит объяснять цель нашего появления в общине, поэтому, кажется, говорили довольно сбивчиво. Но первым, что порадовало и несколько успокоило нас было то, что мы не увидели испуганных или настороженных взглядов. Интерес, любопытство к незнакомым людям, желание общения быстро сгладили всю первую неловкость разговора. Но удивиться пришлось еще раз. Выслушали нас со вниманием, общинники, будто забыв о нашем присутствии, дружно стали обсуждать... вопрос, спасемся ли мы. И снова, к нашему приятному удивлению, в мнениях присутствующих не было единообразия. Категоричному мнению настоятеля о невозможности спасения вне единственной истинной древлеправославной веры возразила худенькая пожилая женщина в очках с толстыми линзами и костылями, стоявшими рядом. Это была головщица (руководитель хора) Ирина Иосифовна Кочева. Ирина Иосифовна была, пожалуй, одной из самых «грамотных по-духовному» членов общины. Образование и навыки правильного знаменного роспева и службы она получила еще в молодости в одном из женских монастырей в Туве. За желание учиться, прилежное учение и послушание она получила в подарок от матери Августы или матушки Егоровны, так чаще всего ее называли мирские, фату — девичий моленный головной убор, который Ирина Иосифовна подарила музею с условием никогда не стирать его в поганой воде. Без Аринушки, так ласково называли ее почти все в братии, голоса и без того малочисленного хора арсеньевской общины начинали звучать неуверенно, нестройно. Ирина Иосифовна с трудом передвигалась на костылях: в юности она застудилась и надорвалась, работая на шахте. Каждый наш приезд в общину г. Арсеньева начинался с посещения ее квартиры. Она искренне радовалась нашим визитам, терпеливо объясняла, учила. Несмотря на свое увечье, постоян-

ное нездоровье, никогда не чувствовалось ее искусственной отгороженности от мира, замкнутости. Она интересовалась всем, что происходило вокруг нее, никогда не подлаживалась ни под чье авторитетное мнение, не боялась сказать правду, пусть горькую. Но главное, пожалуй, что отличало ее внтреннюю суть — уважение к свободе личности, уважение к свободе выбора, праву сделать осознанный выбор... Мы очень хотели привезти Ирину Иосифовну во Владивосток на конференцию, но она с грустью отказывалась, боялась, что не перенесет трудностей дорожных. Сегодня Ирины Иосифовны уже нет среди нас. Царство ей небесное.

Сегодня моленная перенесена в другой дом, но мы с благодарностью вспоминаем тот дом, который давал кров старообрядцам, приходившим сюда в течение многих лет. За эти 10 лет и мы были довольно частыми гостями здесь. Здесь мы получили многие незабываемые уроки нравственности, мудрости. Мы с Ниной всегда вспоминаем одну из служб, во время которой Аганя Гордеева то ли не вовремя вступила в чтение, то ли не с той строки, чем вызвала гнев и окрик бывшего наставника общины Дементиана Егоровича Гуськова. После окончания службы, когда мы уже засобирались выходить, вдруг в центр моленной вышла Аганя и в пояс поклонилась недоумевающему Гуськову: «Прости меня Христа ради, Дементиан Егорович, что своим поведением навлекла тебя на гнев». Сконфуженный старик заерзал на лавке и пробормотал: «Бог простит и ты меня прости».

От прежнего большого и богатого когда-то х. Халаза осталось несколько домов, в которых живут сегодня другие люди. Когда-то заселенной старообрядцами улицы Павлова тоже не существует: там сейчас находятся очистные сооружения завода «Прогресс». Большинство старообрядческих семей общины по-прежнему проживают в одном районе в своих домах, с огородным участком, часть семей живет в многоэтажных домах в центре Арсеньева, часть — на противоположном конце Арсеньева. Добираться на службу многим приходится издалека, поэтому, если приходят на вечернюю службу, то уже остаются на утреннюю и ночуют в специально сооруженных во дворе моленной мужской и женской времянках. Помню, как ранней весной, не послушав уговоров остаться ночевать, после вечерней службы мы с Ниной пешком добирались оттуда до гостиницы. Неизвестно откуда сорвавшийся холодный ветер пронизывал нас до костей, не давал идти. Мы, обманутые дневным теплом, даже и не подумали захватить с собой что-нибудь тепленькое. Разделив по-братски 2 перчатки на двоих, застегнувшись на все пуговицы, мы с головой окунулись в темноту ночной дороги. Огромное звездное небо и луна были единственными, что освещали нам дорогу. К гостинице мы, уже полуокоченевшие, добрались часам к 11 ночи, посмеиваясь над собой: иногда люди замерзали и на пороге собственного дома.

Современные старообрядческие общины в Приморье остаются тем единственным, что консолидирует старообрядцев сегодня. После разгрома старообрядческих скитов на северном побережье традиция проведения ежегодных соборов (собраний представителей старообрядческих общин, скитов) общин в крае совершенно утрачена. Изредка, если это позволяет финансовое положение обшины, наставники посещают соборы единоверцев на Алтае, Туве. Привезенные оттуда соборные уложения читаются и обсуждаются в общине. Сказать, что приморские общины разобщены, было бы неверно. Каждая из сохранившихся на сегодняшний день общин самодостаточна, хотя к мнению арсеньевской общины прислушиваются.

Во главе каждой общины стоит наставник. Прежде ими становились только мужчины. Сегодня есть соборы, которые возглавляют женщины, хотя сами себя наставниками не называют, понимают, что это решение идет вразрез общепринятым нормам. Наставников своих старообрядцы помнят и поминают в молитвах. Нам удалось собрать сведения о всех наставниках старообрядческой общины г. Арсеньева, начиная с 30-х гг.

После Зиновия Федоровича Калугина, бывшего настоятелем на х. Халаза в 30-х гг. довольно длительное время, по словам староверов, была «безвольщина». На соборы ездили в Таежку. Настоятелем в Таежке в ту пору был Кондратий Иванович Кирьянов, 1909 г. р., родом из с. Шульгин Лог на Алтае. Моленная в Таежке была в доме Борисова Егора [77]. Он же был настоятелем в Таежке до Кондратия Ивановича. Лишь в конце 40–50-х гг. XX в. в Семеновке настоятелем был избран Климентий Федорович Кочев, двоюродный брат Ирины Иосифовны. В самом начале 60-х гг. в Арсеньев переезжает семья Гуськовых, переселенцев из Саратовской губернии. До переезда им пришлось довольно много покочевать по Приморью. Они жили и в Амурской области, затем переехали в Степное, Варпаховку. С Дементианом Егоровичем Гуськовым мы познакомились в первое же наше посещение соборной службы в Арсеньеве. Он выделялся среди других мужчин, присутствующих там, прежде всего ростом, статью, тонкими чертами лица и строгостью, с которой он следил за всем происходяшим на службе. Хорошо знающий службу, он не прощал малейшей оплошности или замешательства. Мы долго остерегались подойти к нему, боясь получить отказ. Потом, познакомившись ближе поняли, что он одинок и где-то в глубине души очень сентиментален. Помню, в первую встречу нас необычайно поразили его очень тонкие кисти рук и длинные пальцы, явно не приспособленные к крестьянскому труду. Дементиан Егорович, в общем-то и не скрывал, что хозяин из него был плохой, прожили всю жизнь в бедноте, да и мама его не приучена была к тяжелому труду: она была прекрасно образована и зарабатывала на жизнь тем, что читала «Сорокоусты» по покойникам. Сегодня еще многие помнят, что именно от нее получили первые навыки чтения. Свои знания смогла передать и сыновьям. Обучение свое Егор Дементианович продолжил у Климентия Федоровича и Кондратия Ивановича. В 1968 г. его выбрали настоятелем. 15 лет руководил он общиной. Вероятно, срок мог быть и более долгим, если бы не особые обстоятельства. Дементиан Егорович сам поведал нам о них: «Жена моя умерла, и я женился второй раз. Мне лет-то уж много было — 60, а по Уставу я не мог жениться после 50 лет. С настоятелей меня убрали, даже отлучить хотели, а Сазон Федорович (новый настоятель) сказал: „Ходи молиться, неотложно ходи“». Своей несвоевременной женитьбой Дементиан Егорович навлек грозу не только на себя: «другие общины перестали признавать наш собор, называли нас „блудным собором“, пока не убрали Гуськова» [78]. Во время нашего первого визита Дементиан Егорович познакомил нас со своей большой библиотекой. «Часть моих книг в соборе хранится. А эти я много лет собирал. Читаешь „Сорокоуст“, так обязательно одаривают книгой. Вот и собралось. Некоторые совсем было развалились, а я сам их поновлял». И хозяин принес из соседней комнаты странный предмет, представляющий собой широкую доску с 2 вертикальными стояками-планками по одной из сторон. Видя наши вопросительные взгляды и довольный произведенным впечатлением, он, наконец, объявил нам, что это и есть старинный станок для сшивания переплетов книг. Без долгих уговоров согласился нам продемонстрировать для видеозаписи сам процесс на примере сшивания подборки газет, как всегда, привычно покрикивая на наши неумелые действия. Кстати, после «обучения» без долгих раздумий Дементиан Егорович подарил станок музею. Навыки переплетного мастерства Дементиану Егоровичу передать в общине было некому, прервалась еще одна древнейшая традиция...

Новым настоятелем в 1988 г. был выбран Сазон Федорович Спиридонов. По семейным воспоминаниям, отец Сазона был из воронежских казаков, «из церковных». Женился на Мавре Ивановне Черемновой девушке из крепкой семьи старообрядцев, живших в Кокшаровке, сам принял веру «и больше уж к родственникам в Воронеж не возвратился» [79]. Сазон родился в 1912 г., в Кокшаровке, как пришло время, женился на Агриппине Тарасовне из рода Куликовых. Гуськовы и Спиридоновы были односельчанами, и первые навыки в чтении Сазон получил от матери Дементиана Егоровича: она обучала сла-

вянской грамоте кокшаровских ребятишек [80]. Судьба была благосклонна к Сазону Федоровичу: он, слава Богу, не был арестован. В 30-е гг., тяжело, как и многие в эти годы, работал в колхозе, на заготовке леса, на строительстве Комсомольска-на Амуре, строил там дома по ул. Пионерской, во время войны был шофером, возил маршала, не раз был ранен, но, видно, молитвами жены и детей жив остался. Его дочь показала мне трогательную фотографию. «Это мама специально для тяти на фронт сфотографировалась в 1941 г., а тятя ее назад с фронта привез». Агриппина Тарасовна сидела на стуле в окружении детей, а самый маленький, Иосиф, ему только годик, держит в руках большую фотографию отца. В Арсеньев семья Спиридоновых переехала уже в 60-е гг. XX в. «Староверов-то много было в эти годы в городе, да молились все больше по домам или в Таежку ездили. Своей моленной не было. Тятя и согласился взять собор к себе».

По совету жены, Агриппины Тарасовны Сазон Федорович смену себе готовил заранее, после его смерти наставником был выбран Григорий Иванович Гордеев. О нем Сазон Федорович хорошо отзывался: учился, мол, всему с желанием, Писание неплохо знал, хотя, любил говаривать: «святое Писание-морская глубина, всего знать невозможно». Григорий Иванович Гордеев, к сожалению, тоже пробыл наставником недолго (с 1986 г.). Через два года умер.

«После его смерти выборов уж никаких не было, собором просили стать настоятелем Иосифа», — рассказывала Ирина Иосифовна. С тех пор Иосиф Ермилович уже почти 20 лет руководит общиной. Строг, требователен. По его твердому убеждению без этого ему нельзя: община не выживет без дисциплины. Иногда нам со стороны казалось, уж слишком строг. Во время службы мы стояли, как и положено, в коридорчике, у порога. Вместе с нами регулярно во время службы стоял кто-то из старообрядцев. В основном, женщины. Поскольку люди иногда менялись, мы всякий раз любопытствовали, за что же их не допускают до общей молитвы. Чаще всего причина была одна: «Мужья у нас хохлы, не хотят в нашу веру переходить, а нам без службы никак нельзя, с детства приучены». На страдания одной из наших старых знакомых из семьи основателей х. Халазы. больно было смотреть. Прежним настоятелем она допускалась до соборной службы, а Иосиф Ермилович запретил, пока муж не обратится к истинной вере. Наши осторожные попытки уговорить Иосифа Ермиловича на одно — единственное исключение для нее, конечно, ни к чему не привели. Только время смогло разрешить ситуацию. В один из приездов мы увидели светящиеся радостью и счастьем глаза женщины, и поняли: она в братии. Возраст и болезни, к сожалению, поздно, но заставили ее мужа обратиться к вере. В каждой из приморских старообрядческих общин (приемлющих и неприемлющих священство) этот вопрос — святится ли неверный муж верной женой — продолжает оставаться одним из самых больных, насущных. Решается он не однозначно, но границы компромисса, безусловно, расширились. Уступки, смягчение дисциплины воспринимаются членами общин по-разному. Одна из очень пожилых и неизлечимо больных (часовенные старообрядцы) вынуждена была силой обстоятельств перейти в другое согласие и принять новое крещение. Через весьма короткое время женщина умерла. Факт перекрещивания приветствовало большинство членов общины, куда была принята новообращенная. Но не все. С одной из женщин у нас был долгий разговор на эту тему: «Я вот все думаю, а вменится ли ей ее крещенье?» после долгой паузы сама себе ответила: «Я думаю, нет. Креститься-то можно... Не зря ведь говорят, полна пазуха благословенья, полна река крещенья. Чтоб поверить, время нужно. А ведь у ней не было этого времени. Бог тогда вменяет, когда человек искренне поверит. Нужно, чтоб все искренне было. Разве ж Святой Дух может войти, если просто приперло и нет просто выхода...» [81].

Как я уже писала, специальных молельных домов не существует в старообрядческих общинах Приморья. Как правило, они размещаются в жилых домах. Содержать собор — тяжелейший труд и огромная ответственность. Множество дополнительных забот ложится на плечи хозяйки. Было ли у тебя время, здорова ли ты — все неважно. Нужно, чтоб всегда было чисто, натоплено. Вся-то жизнь на виду — не каждому это по силам. «Агриппина Тарасовна», — рассказывали нам женщины, «говорила: „Я держу собор, чтоб молчать и терпеть“. Это как бы послушание добровольное. Она своему мужу Сазону Федоровичу обещала содержать собор после его смерти и детям своим наказала держать собор после ее смерти» [82].

На содержание моленной уходит часть общинных денег. Побелка, покраска, покупка дров, поновление икон, покупка воска, оплата электричества — вот большая часть расходных статей общины. Вообще о финансовой стороне общинники говорят с осторожностью: денежный вопрос — всегда очень щекотливый, осторожность не помешает. «Соборные деньги? Да, жертвует, кто сколько в силах... Но и помогаем остро нуждающимся тоже...» На нашу просьбу принять деньги на нужды в арсеньевской общине настоятель ответил отказом: «Знаю, что вы от души даете, но не можем взять их от вас. Не по закону это. За ваш дар нужно отмолиться, а как же за вас молиться, если вы не наши?» В другой общине к нашей просьбе подошли по-другому. Одна из женщин сказала: «У нас в моленной коробка есть для тайной милостыни, вот туда вы можете положить ваши пожертвования. Мы воск на них купим».

Община выступает инициатором любой помощи. Таким образом продолжается традиция «помочей». Помочь управиться с хозяйством немощным, помочь материально — все заботы общины. Совсем недавно у наших арсеньевских знакомых беда за бедой: сначала сгорел стог сена, а через месяц загорелся дом. Часть дома сумели отстоять, а на обустройство всей общиной собирали деньги, кто сколько может, помогали строиться, кто досками помог, кто собственным трудом.

Как и во все времена, отношение к деньгам, к пенсиям, выплатам пособий за репрессированных родителей, родственников — остается одной из часто обсуждаемых проблем в общинах края. Есть достаточно много в Приморье старообрядческих семей, которые даже в сегодняшнее трудное время отказываются от получения пенсий и других выплат: «Деньги можно получать, если работаешь, а мы ведь не работаем сейчас. Не умираем с голоду. Сами по хозяйству справляемся, дети помогают. Проживем...» Одна из жительниц г. Арсеньева рассказывала: «Я могла бы получать деньги за отца репрессированного, уже и документы приготовила, а Иосиф Ермилович правильно сказал: „Не подавай документы, обходишься без денег и не хлопочи о них“. Я и выбросила все в печку. Сестра моя тоже хочет отказаться от пенсии и жить милостыней. С деньгами нужно осторожной быть, не цепляться за них. Я раньше молодая, глупая была. Какие деньги получу, милостыню подадут — я все за икону Николы прячу и говорю: „Святитель Христов Никола, охраняй!“ А деньги-то у меня как раз и украли из-за иконы. Я в соборе рассказываю женщинам. А они мне: „Разве ж можно деньги за икону? Святитель-то кровавыми слезами там обливался“» [83]. Другие считают, что «пенсию можно получать, ведь и раньше хозяин работника обязан был до смерти содержать. Он ведь уже отработал эти деньги, так и здесь государство отдает то, что уже нами заработано. Это невольный грех. Куда же нам деваться, если помогать нам некому, детей нет...» [84].

Адаптация общин к современной жизни не проходит для ее членов безболезненно. Что выбрать: компромисс или строгое следование Уставу? Все чаще общины выбирают компромисс. Почти во всех старообрядческих семьях есть радио, телевизор. В начале 90-х гг. в начале 11 часа дня можно было не сомневаться, что мы всех застанем дома у телевизора: в то время шел сериал «Богатые тоже плачут». Этот час выпадал из нашего рабочего графика, бесполезно да и невежливо было отрывать людей от телевизоров. Мы с нетерпением ждали, когда закончится сериал, надеясь со следующего года работать в полную силу. Но потом на телевидение пришла «Просто Мария», еще какие-то, названий которых невозможно упомнить.

Некоторые говорили нам, что они вынуждены мириться с телевизором, ведь это воля детей, с которыми они живут. Молодежь... Что здесь поделаешь! Соблазнишься, мол, иной раз, посмотришь. Ирина Иосифовна не скрывала, что смотрит телевизор. «Да, грех большой это, а ведь почти у всех наших есть в домах. Исповедуемся, наставник на правило нас ставит. Мы все наказание несем за это». Маша возражает ей: «А в Мухене за это отлучают. Но ведь с другой стороны электричество сейчас везде: утюг, холодильник, телевизор, хлеб и тот печется с помощью электричества. Так что же все выбросить?» [85].

Службы в арсеньевской общине проходят при электрическом освещении: читать трудно, многие уже плохо видят. А вот в Перетычихе до недавнего времени действовало весьма жесткое правило: молиться только при свечах. Огонь для затепливания свечей тоже добывают по-разному. В арсеньевской общине — с третьего огня. Первый — от спички, второй — на маленькие свечи и только третий — на большие свечи на иконостасе. Тем не менее, общинники всегда помнят и о более достойных примерах: так, в Амурской области, в Соколе, единоверцы огонь добывают до сих пор трением, горячие угли сохраняют в русской печи под золой. В Бирикчуле огонь для службы добывают с помощью кремня. Староверы с. Ясное (бухтарминские каменщики) вспоминают, что в их краях огонь для службы добывали с помощью кремня и кресала. Называли такой огонь — «добрым». «Так положено было и русскую печь затапливать. „Добрый огонь" умели сохранять по несколько лет» [86]. Уголь для кадильниц в арсеньевской общине делают специально. Вот уже несколько лет благословлен на этот труд А. М. Харин. «Поначалу разжигаю в печи огонь, жар должен быть сильным. Затем кладу туда липовую колотую чурочку (3х3х40), полную печку накладываю этих полешек. Нужно, чтоб огонь охватил все сразу. После того как обуглится все, выкладываю в чистый таз, закрываю крышкой и в землю закапываю. Там все еще томится сутки. Вот остынут — все и готово. Угли зажигают от свечи, кладут в кадильницу, раздувают, добавляют фимиам» [87].

Традиция обучения чтению кириллических текстов, к сожалению, прервана. Многие старообрядцы сегодня с благоговением вспоминают тех, кто еще в детстве учил их грамоте. Одной из важнейших забот общины было найти учителя для подрастающих детей. Сегодня в приморских старообрядческих общинах большинство пожилых людей читают с трудом, для себя. На службе так читать не положено. Маша Быкова сегодня — одна из лучших начетчиц в арсеньевской общине. А читать научилась быстро, помогло здоровое честолюбие. «Меня в собор Ксеня Иродова привела, она тоже там не очень давно была. Мне понравилась, а читать совсем не умела. Сестра сказала: „Молитву Богородичную знаешь? Вот по этим буквам и учись читать". Сначала читала маленькую книжку, а потом дали И. Златоуста. А я и не могу справиться. А тут мне сказали, что Ксеня Иродова уже читает. Вот я разозлилась. Ночью вставала и читала. Потом мне стали доверять понемногу во время службы читать, стала быстрее. Как-то на Пасху всю ночь отмолились, а днем и в следующий день некому было читать. Вот я и читала. Экзамен выдержала. Ирина Иосифовна сказала всем: „Маша — читает". Меня на службе никто не поправляет, старики довольны, а Иосиф, когда некому читать, иногда доверяет Поучение читать... Я считаю, правильно Дементиан Егорович сердился на тех, кто плохо читает. В соборе молиться нужно, а не учиться читать...» [88].

Общинная библиотека — по-прежнему главное богатство арсеньевской братии. Большая часть книг, а это в основном богослужебные книги, хранится в соборе. Часть — у наставника. Четные книги постоянно у кого-то из общинников на руках. С понятной осторожностью Иосиф Ермилович показывал нам книги в своем доме. Множество охотников за старинными книгами перебывало за эти годы в старообрядческих общинах. Кто-то не скрывал целей своего приезда: купить и перепродать. Кто-то бесстыдно называясь сотрудниками краеведческого музея, за копейки обирал верующих, прикрываясь благородными целями сохранения древнерусского книжного собрания. Мы всякий раз, когда бываем в экспедиции, терпеливо объясняем всем старообрядцам, что нельзя верить каждому, кто объявляет себя сотрудником музея, что музейный сотрудник должен иметь при себе соответствующий документ. На каждый предмет, который дарится музею или покупается, им составляются также соответствующие документы, в которых указаны адрес музея, телефоны, фамилия директора и научного сотрудника, который принимает вещь. Сегодня старообрядцы с грустью вспоминают об огромных общинных собраниях и домашних библиотеках. Большая часть их погибла в 30-е г. XX в.: во время «коммунистических гонений» книги закапывали в землю, прятали в пещерах, тайниках. Целые возы книг вывозили из старообрядческих сел сотрудники НКВД после разгрома старообрядческих скитов, конфискации имущества в зажиточных старообрядческих семьях... Следы этих книжных собраний утеряны. Уже в 40–50 гг. XX в. в общинах стал ощущаться настоящий книжный голод: не хватало самых распространенных когда-то книг — Псалтырей... В эти-то годы и оказался наиболее востребован труд переписчиков и реставраторов старопечатных и рукописных книг, чудом сохранившихся. Маша Быкова рассуждает: «У меня есть Псалтырь новой печати. Я его не читаю. Старый мне сестра дала, он мне больше внушает доверия, хоть текст и одинаковый. В новых книгах святости нет» [89]. Людей, владеющих искусством письма, уставным шрифтом, почти не осталось в крае. Община с благодарностью вспоминает имена этих людей.

Еще хуже обстоит дело с умением писать уставным шрифтом, письмом, полууставом. Можно почти с уверенностью сказать, что таких людей не осталось в старообрядческих общинах Приморья. Сегодня мы знаем несколько имен:

— Борисов Егор Тихонович, в 50–60 гг. XX в. настоятель с. Таежка;

— Кондратий Иванович Кирьянов, настоятель старообрядческой общины с. Таежка. В общинной библиотеке хранится Псалтырь, переписанный и переплетенный им.

— Степан Макарович Бортников. Его трудами сохранена не одна книга. Он был не только хорошим переписчиком, но и рисовальщиком: прекрасные заставки украшают переписанные им книги. Писал он еще гусиным пером и чернилами. Чернила делал сам из химического карандаша с добавками канифоли.

— Гуськов Дементиан Егорович, «последний из могикан». Переписчик и замечательный реставратор книг. Боюсь, что после его смерти, навыки этого ремесла утрачены в Приморье совсем.

— Черемнов Моисей Павлович. Сам про себя говорит: «Писарил немного. Писать учила меня бабушка — Ульяна Оборина, она в монастырях в Сибири сама научилась» [90].

Во все времена острейшей проблемой религиозной жизни был переход из веры в веру. Не менее болезненным он остается для верующих и сегодня. Своя вера большинством верующих осознается как единственно правильная. При этом мне не приходилось наблюдать и намека на агрессивность к чужой вере, которой переполнены чувства и действия миссионеров — сектантов, пытающихся насильно затащить в свою веру. Это никогда не свойственно было русскому человеку. Старообрядцы отчетливо сознают и гордятся тем, что их вера добровольная, иногда называя эту черту особенностью только старообрядческой веры. Вопросы о том, к какой вере принадлежим мы сами, конечно же, одни из самых частых в наших разговорах во время экспедиций. Наш ответ, — к русской православной церкви, — вызывает разную реакцию: непонимание, разочарование, удивление, но никогда: раздражение, озлобленность и желание агитировать за свою веру. Усиление и активность белокриницкой старообрядческой церкви почувствовали и беспоповские общины. «В австрию сейчас многие переходят, дочитались, что без священства нет спасения. Когда апостолы утверждали нашу веру, ходили везде, убеждали, строили церкви...

А народ-то в них не шел. Тогда апостолы написали: без священства нет спасения. Это чтобы в церковь все шли...Поморцы вот тоже осуждают нас, что ребенка при крещении к иконам поворачиваем, неправильно, мол. Помню, это еще в Ахобе было. Один свояк наш в поморскую веру перешел, все ходил к отцу, убеждал. Наберет полмешка книг: „Видишь, правильно здесь все, переходи к нам..." Отец день терпел, второй, потом говорит: „Слушай, Иван Маркович, вот, если я у тебя, к примеру, денег взаймы попрошу, так я встану перед тобой и поклонюсь... А давай по другому. Я задом к тебе встану, да и буду кланяться. Так и вы детей к иконам поворачиваете, а надо-то лицом". Тот за книги и бежать. Больше не приходил» [91].

Причиной перехода в белокриницкую церковь или новообрядческую у старообрядцев-беспоповцев чаще всего бывает какая-то безвыходная ситуация, когда из единоверцев не остается никого в округе, либо незнание, к какому согласию принадлежали предки. К сожалению, часто такой шаг оборачивается не меньшей бедой.

Смешение с мирскими сегодня остается самым распространенным и часто совершаемым грехом. По разному относятся к этому в приморских общинах. Так, у токаревцев «помешка» не считается тяжким грехом: «Есть мирские и немирские. Мирские те, что едят со всеми. Я в Уссурийск к сестре ездила, так с собой все привозила-воду, еду. Ну, бывает, конечно, измирщишься... Иду тогда к Маше: „Прими, Маша, под начал". Начал положу, помолюсь... и опять немирская» [92]. За такой грех в общинах старообрядцев часовенных накладывали строгую епитимью. Наши добрые знакомые, супружеская чета П., женили единственного сына. Невеста была из Хабаровска, и свадьбу решено было справлять в Хабаровске. Естественно, опасаясь «помешки» с миром, настоятель строго-настрого, пригрозив отлучением, запретил родителям ехать на свадьбу. И все же родители, взяв с собой свою посуду и питание, поехали к сыну. В результате как наказание последовала строжайшая епитимья. Без исполнения ее общей молитве не допускали. А здесь, по возвращении из Хабаровска, умер их крестный отец. Всю ночь, все утро отмаливали они наказание, чтобы смочь присутствовать на похоронах.

С грустью осознают старообрядцы постепенное оскудение людьми и умирание общины. «Молодежь к нам не идет. Больно строго... Учиться многому надо...», — вздыхают они. Как совершенно верно отметила И.В. Поздеева, «традиционная культура не может быть просто восстановлена и возвращена... если из сформулированного триединства: книга, личность, община, которое является залогом воспроизводства древней веры и традиционной культуры, выбить хотя бы одно звено, это сразу или через определенный период приведет к гибели всей системы» [93].

Глава VI.
«...на открытое море...»

Начало XX в. в России было ознаменовано весьма бурными событиями: чередованием промышленных подъемов и спадов, русско-японская война, усилением революционного движения и началом первой русской революции 1905 г., началом столыпинской реформы. Разорение, обнищание крестьянских масс в европейской части России, малоземелье — все это способствовало тому, что активность миграций в этот период времени возросла в несколько раз. Самая крупная волна переселений приходится на этот период [1].

Будучи прекрасно осведомленным о колонизационных способностях старообрядцев, правительство поддержало инициативу Н.И. Гродекова о заселении с помощью зарубежных старообрядцев (старообрядческая диаспора Румынии, Австрии, Болгарии, Турции) стратегически важной для России территории в северной Маньчжурии в связи со строительством КВЖД [2]. Работа по переселению зарубежных старообрядцев была проделана колоссальная, но вместо предполагаемых многих тысяч переселенцев на восток России переселилось едва ли более 2–3 тысяч старообрядцев, выходцев из Австрии и Румынии. Большая часть семей разместилась в Амурской области (Климоуцы, Семеновка, Слава) [3].

В 1900 г. были утверждены новые «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» [4]. Согласно им теперь переселенцы могли получить лишь 15 десятин удобной земли. Вновь прибывающие на Дальний Восток переселенцы стали отныне называться новоселами в отличие от старожилов-стодесятинников. С ростом капиталистических отношений изменился и социальный состав переселенцев. Если до 1900 г. преобладали крестьяне с крепкими хозяйствами, середняки, то теперь на Дальний Восток хлынула волна бедняков.

В отличие от первых этапов заселения в эти годы заселение Дальневосточного края происходило за счет украинских губерний. По сравнению с Амурской областью, оторванной от железной дороги, в Южно-Уссурийский край вселяется вдвое больше переселенцев. С 1900–1906 гг. в Амурскую область переселилось 21,8 тыс. человек, в Приморскую область — 42,7 тыс. человек [5]. В этот период происходит подселение новоселов в уже более освоенные западную и прибрежную части Южно-Уссурийского края, и начинается активное продвижение переселенцев в Северо-Уссурийский край.

Время с 1907–1917 г. было временем развертывания в стране столыпинской реформы. Царское правительство стремилось разрешить по-прежнему острую проблему малоземелья в центральных и западных районах страны, поэтому основной поток переселенцев продолжал двигаться из европейской России. Подавляющая их часть оседала в Амурской обл. и Южно-Уссурийском крае. С 1907–1910 гг. Приморская область приняла 68,96% общего числа переселенцев [6]. С 1904 г. в правилах «О переселении на казенные земли» были отменены все значительные льготы, предоставлявшиеся переселенцам на Дальний Восток. Окраинный район России уравнивался со всеми остальными колонизуемыми районами, поэтому естественно, что Дальний Восток постепенно начинает сдавать свои позиции. В более выгодном положении оказались близлежащие регионы-Западная Сибирь, Восточная Сибирь.

Новый район расселения старообрядцев вдоль береговой черты Приморья с юга на север формируется с начала XX в. и по начало 30-х гг. XX в. Взгляните на карту нашего края. Сихотэ-Алинские хребты разделяют территорию края на западную и восточную часть, причем весь массив этой горной страны приходится на его восточную часть. Здесь нет таких больших равнинных пространств, как на западе. Зато весь восточный склон Сихотэ-Алиня буквально изрезан руслами рек, несущих свои воды в Тихий океан. Небольшие речные долины и были единственно удобным плацдармом для начала освоения этих мест. Более того, стык ландшафтов удобно сочетал в себе земельные и древесно-растительные ресурсы. Отсутствие дорог к местам будущих расселений какое-то время компенсировалось множеством удобных бухт вдоль побережья, поэтому массовое заселение этих мест по преимуществу происходило морским путем, и не удивительно, что первые крестьянские поселения появились в том числе и на побережье.

В.К. Арсеньев — один из немногих, кому удалось не однажды побывать в первое десятилетие XX века в этом районе. Вот лишь несколько его наблюдений, весьма важных для нас. «В 1906 г. на восточном побережье к северу от залива Ольги

российских деревень не было, кроме старообрядческих деревень около р. Амагу»; «В 1906 г. в заливе Джигит еще ничего не было, а в 1907 г. здесь появляются крестьяне, выходцы с р. Суздухе. В настоящее время там две деревни, одна у моря, другая при р. Дунгоу» [7].

«На р. Сяокеме», — продолжает В.К. Арсеньев, — «поселилось две семьи староверов Бортниковых (отец и сын)»; «Больше всего староверов живет на р. Амагу... в 1901 г. сюда переехало семь семейств, но потом к ним все более и более перебирались земляки „одного согласия" из Западной Сибири, из Владивостока, из Европейской части России. Большая часть переселилась из д. Петропавловка, что на Даубихе около урочища Анучино» [8].

«Около 30 семей староверов летом 1908 г. поселяется на р. Кхусун, переселенцы эти приехали из Вятской и Пермской губерний. Дальше на р. Кузнецовой поселился сперва один крестьянин Долганов (3 года назад). В настоящее время около него стали понемножечку селиться приезжие из Западной Сибири. Теперь там уже живет семей около 20» [9].

Итак, четыре-пять населенных пунктов вдоль многокилометровой прибрежной полосы. К 1910 г. проблема незаселенности все еще пустующей прибрежной полосы Приморья вызывала особую обеспокоенность у чиновников Переселенческого управления. Власти Приморской области находились в сложной ситуации: рыболовная конвенция открыла широкий доступ японцам к нашему тихоокеанскому побережью, «близость к нашим пределам такой густонаселенной с предприимчивым пятидесятимиллионным населением страны как Япония, едва ли вообще даст нам возможность фактически отгородиться от ее подданых в нашей пустынной северной окраине, наконец, что население этих окраин... крайне нуждается в рынке сбыта... и что таким рынком может быть только Япония» [10]. После окончания русско-японской войны проблема освоения этих территорий стала еще более настоятельной. Тогда-то и появилось несколько проектов заселения этих мест, казалось бы учитывающих природные и хозяйственные условия районов. На побережье были переселены крестьяне-рыбаки из Астраханской губернии, позднее рыбаки-эсты из Прибалтики. Но попытки реализовать эти проекты успехом не увенчались. Еще в 1908 г. чиновник особых поручений С.П. Шликевич докладывал заведующему переселенческим делом в Приморской области, что следует с осторожностью подходить к переселению в эти районы пусть даже «привычных рыбаков, но не знакомых с условиями и приемами местных морских промыслов» [11], кроме того не будет достигнута главная цель переселения — земля останется невостребованной. «Рыбная ловля могла быть только подспорьем в крестьянском хозяйстве обычного земледельческого типа, но не главным источником для добывания... средств к жизни» [12]. И вновь, как и раньше, правительство возлагает надежды на старообрядцев. «При тех неблагоприятных для России условиях, которые сложились на Дальнем Востоке после войны с Японией переселенцы из старообрядцев должны быть признаны наиболее пригодным элементом (трудолюбие, неприхотливость быта, преданность исконным началам русской народности). Есть основания полагать, что старообрядцы явятся надежнейшим оплотом русской государственности на Восточной окраине России» [13].

Переселенческим управлением были составлены характеристики участков Ольгинского подрайона с рекомендациями для заселения этих мест. Восемь участков: Адими, Самаргинский, Перетычиха, Едибе, Ахобе, Лебедевский, Свайн, Шоми по качеству угодий представляли ценнейший земельный запас. Например, район Императорской гавани «может быть заселен только рыболовами и охотниками переселенцами из северной полосы», участок Адими «...почти весь... занят лесом хвойных пород, пригоден для выходцев северных и северо-восточных губерний» [14]. Учитывая успешный колонизационный опыт в Сибири, Амурской области, умение вживаться, приспосабливаться к новым условиям, власти все чаще называют старообрядцев наиболее желательным колонизационным элементом для этих мест: «Прибрежный подрайон предполагается заселить большей частью староверами, в некоторых случаях даже староверами, не приемлющих священства» [15]. С этого времени заселение старообрядцами северного побережья начинается более быстрыми темпами. В 1912 г. старообрядцев в Ключевской волости Ольгинского уезда уже было 855 человек, 815 из них — беспоповцы [16]. По сравнению со статистическими данными этого же года других волостей Приморской области лишь в Чугуевской волости, начавшей заселяться еще с 80-х гг. XIX в., показатели были несколько выше. Итак, по статистике на 1912 год старообрядцев, не приемлющих священство насчитывалось в крае:

Никольск-Уссурийск	— 18
Ключевская волость Ольгинский уезд	— 815
Суйфунская волость	— 213
Ивановская волость	— 141
Иманская волость	— 72
Саровская волость	— 336
Тихоновская волость	— 379
Чугуевская волость	— 1238
Тунгусская волость	— 8
Удская волость	— 28
Итого:	4256 человек [17].

Начало освоения и заселения северного побережья выпало на первые десятилетия XX века. Переселенческое движение набирало ход, и это, пожалуй, главное, что особенно тревожило старообрядцев. В облюбованных и обустроенных ими старожилых местах все чаще появлялись чужие. Вместе с собой они несли иную веру, нравы, обычаи. Войны и связанный с ними призыв в армию как никогда обеспокоили старообрядцев. Все это заставляло вновь задуматься о дороге, об уходе подальше, в тайгу. Их желания счастливо совпали с настойчивыми призывами администрации Приморской обл. к освоению северного побережья. Все было очень кстати: выросшим и желавшим отделиться детям старожилов не хватало земли, ведь теперь на свою долю земли претендовали и новоселы.

Поначалу нам казалось совершенно невозможно разобраться в сплошной круговерти беспорядочных миграций старообрядцев по территории северного побережья. И тем не менее, оказалось, что не раз уже испытанная логика формирования старообрядческого населения по родственному, территориальному и конфессиональному признакам снова действовала. Локализация крестьянских семей вокруг новых поселений происходила именно по этим признакам.

Заселение южной части Ольгинского уезда — долины р. Джигит по словам В.К. Арсеньева началось в 1907 г. с переселения староверческих семей с р. Судзухе. Слова путешественника подтверждаются и документально: есть прошение 1907 г., о том, что семьи Матвея Могильникова и Василия Пухарева желают переселиться из д. Батюковой в р-н б. Пластун [18]. Появление в этом районе семейских старообрядцев предопределило его заселение старообрядческими семьями из Красного Яра и Ильинки. Так, в феврале 1909 г. из Красного Яра просятся на переселение в район р. Пластун 10 семей (более 50 человек). Среди них семьи: Порфирия Малютина, Шарыповых Терентия и Демида, Николаева Василия, Рыжаковых

Ивана, Никифора, Ипата, Матвеевых Фаддея, Мартемьяна, Чистякова Трифона [19]. Новую деревню в 15 верстах от Филаретовки назовут — **Духово.** Те же официальные документы зафиксировали, что к осени 1909 г. в Ольгинский р-н из Красного Яра выбыло 26 семей и имеют намерение переселиться еще 11 в этом же году [20].

Таким образом, в Приморье появляется еще один район компактного поселения забайкальских семейских. В ближайшие годы сюда будут подселяться их родственники и земляки из Красного Яра, а также непосредственно из Забайкалья: Аверьян Бутковский (Забайкальская область Верхнеудинский округ с. Тарбагатай), Меркурий Герасимов (Забайкальская обл. с. Хонхолой), Тимофеев Михаил (Забайкальская обл. с. Тарбагатай), Пахом Баланев (Забайкальская обл. с. Куналей) [21]. Совсем не случайно среди новых поселений появляется село с забайкальским топонимом — Куналей. За короткое время в долине появилось несколько сел и хуторов: Филаретовка, Джигит, Ключи, Куналей, Жадонок, Иерусалимовка, Золотая Поляна, Духово, Курума.

При всем том, что район б. Джигит осваивался и заселялся в основном семейскими старообрядцами, оживилось и население Улахинской долины, подыскивая себе новые места жительства. Есть информация о кратком пребывании в этих местах переселенцев из Каменки. В 1907 г. семьи Афанасия Агаповича Килина и Наумовых переселилась из Каменки на побережье, но через три года перебрались к своим севернее — в Кхуцин [22].

По рассказам Акулины Петровны Калугиной (урожденной Ефимовой), их семья переехала из Красного Яра в Джигит в 1912 г. Деревня была на 40 дворов. Петр Дорофеевич Ефимов был некоторое-время настоятелем в Джигите [23]. Материалы дела по старообрядческому восстанию дали достаточно материала для того, чтобы увидеть, как распределились старообрядческие семьи на новых местах поселения.

с. Куналей. В Куналее поселились семьи Чебуниных Савелия, Федота, Чистяковых Иосифа, Владимира, Калистрата, Ефима, Степановых Филимона, Михаила, Митрофана, Артемия, Николая [24].

с. Ключи. Семьи Китаева Панфила, Матвеевых Мартемьяна, Трифона, Яковлевых Ефтифия, Филиппа, Ефирия, Дмитрия, Малютиных Семена, Михаила, Дмитрия, Рыжакова Симона, Григория Ефстифеева Петра, Чистякова Василия, Бутковских Никифора, Семена, Ефимова Арефия, Ткачевых Павла, Егора, Непомнящих Андриана, Борисова Ивана, Мальцевых Федора и Мартемьяна, Николаева Самсона [25].

Д. Курума. Кириллов Иван Илларионович, семьи Токаревых Ивана Александровича и Федора Ивановича, переселенцев из Томской губ. Колывановского у., семья Малютина Иллариона Порфирьевича, Попова Максима Ильича [26].

д. Жадонка (Жадонок). Находилась в 8 км от д. Курума. Здесь жили семьи Гордалионова Викула, Баланевых Петра, Родиона, Пахома, Филиппова Никона, Китаева Пахома, Токарева [27].

х. Золотая Поляна Семьи Чистякова Василия Михайловича, Федотова Алексея, Ивана, Петра, Фетисова Андрея, Яровикова Платона [28].

х. Иерусалимовка. семьи Голендухиных Андрея, Тита, Елуппы, Шишкина [29].

с. Духово. семьи Рыжаковых Никифора, Дениса, Матвеева Фаддея, Юркова Кирилла, Малютина Ивана Евменовича [30].

Участок севернее Тернея до б. Амгу был заселен редко. В устьях рек Белембе, Кемы, Кулумбе, Найны в первое десятилетие XX в. появляются всего несколько сел с одноименными названиями. История заселения этого района пока не ясна до конца. Если судить по архивным материалам, то район этот заселялся преимущественно выходцами из Самарской, Уфимской, Оренбургской губерний. Топоним «Белимбе», вероятно, и был перенесен из Уфимской губ. В бухтах Белимбе, Найна, Кема находились лесозаготовительные пункты. Сначала японские, затем советские. Появление старообрядческих семей в этих населенных пунктах фиксируется эпизодически, в основном, это поздние подселения. Из европейской России, Урала и Сибири староверы бежали от коллективизации и репрессий к берегам Тихого океана. Попасть сюда можно было по вербовке, или плановым переселениям. Во времена японских лесных концессий здесь можно было хорошо заработать, во времена советских лесозаготовок таким образом можно было избежать вступления в колхоз и не умереть при этом с голода. Евлампий Иванович Власов, уроженец Томской губернии, после службы в царской армии жил и работал в различных местах России, в Белимбе поселился с 1921 г., работал на рыбалках и лесозаготовках, в 1924 г. заключил договор с Дальлесом [31]. Брат Власова Евлампия Ивановича — Родион позднее из Белимбе переселился в б. **Найна [32].** Короткое время в б. Найна проживали несколько семей, родственников, переселенцев из одного заводского поселения — Ножовки, Пермской губернии: Бобылевы, Старцевы, Пермяковы. Они переселились на Дальний Восток в б. Найна в 1929 г. [33].

Пожалуй, единственным исключением компактного старообрядческого поселения в этом районе стала небольшая деревня Колумбе. По воспоминаниям старожилки села, ныне покойной, Калугиной Акулины Петровны (урожденной Ефимовой, семейские Забайкалья), родители ее мужа, Калугина Михея Игнатьевича, перебрались в д. **Колумбе** из Владивостока (род. в Петропавловке) в 1907 г. Добирались они сюда на шаландах. Деревни еще не было, стояло три дома, в которых жили ороч Синдига, Пермяковы и Тепловы. Невесту для сына, Акулину, выбрали в Джигите, куда семья Ефимовых переехала из Красного Яра в 1912 г. Впоследствии хутор разросся до 10 дворов. Сюда из Красного Яра переехали семьи Нестеровых. К 1915 г. в селе проживало 6 семей, 24 души [34].

Одним из крупных поселений, основанных старообрядцами на северном побережье, стало село — **Амгу.**

В Амгу мы смогли добраться лишь через 10 лет после нашего первого разведочного визита в 1992 г. У нас было больше времени познакомиться с самим поселком и составить общее впечатление о нем.

Чаще всего бывает, что историческая часть населенного пункта остается в центре, а село разрастается вширь. В Амгу историческая часть поселка не сохранилась. По воспоминаниям старожилов, первые дома поставили совсем близко от р. Амгу, под сопкой, и впоследствии это сыграло роковую роль в жизни поселка. Старый поселок почти весь уничтожило наводнение, разом смыв все дома.

На самой вершине сопки — мыс Белкина, под которой когда-то и стоял поселок, находится известнейший в крае маяк и небольшой маячный поселок.

Напротив мыса Белкина в море выдается другой мыс, называемый — Карыма, а чуть ниже у речки — несколько старых домов (в них живут и старообрядческие семьи) — все, что сохранилось от еще одного края поселка, называемого в обиходе «Рыбалкой». Почти в центре современного Амгу на красивой сопке сохранилась часть исторической застройки бывшего хутора Гугуй. Сейчас Амгу очень расстроился. Он расположен на самом берегу бухты в чаше между двумя мысами и соединил старый поселок и хутора воедино. По существу центральная часть села, находящаяся лишь в нескольких сотнях метров от моря, подвержена всем возможным и невозможным ветрам и туманам [35].

Лишь одна часть поселка, бывший хутор Бортниковых, расположена чуть в стороне от Амгу. В народе хутор этот известен больше как «Оленник». Место замечательно красивое и удобное: туманы туда почти не заходят, безветрие, пресная вода есть-маленькая речушка, а от большой воды далеко, значит, не так опасно. Здесь в начале 20-х гг. XX в. было создано круп-

ное оленеводческое хозяйство, объединившее нескольких владельцев: Евстафий Бортников (стадо 30 голов), Иван Бортников (30 голов), Антон Нестеров (30 голов), Евтихий Шарыпов (8 голов), Илларион Попов (18 голов), китаец Лю Мин (6 голов). По рассказам нашего нового знакомого Якова Леонтьевича Чужеумова, на оленнике жил и китаец — пантовар Ли До Га [36]. Во время коллективизации хозяйство было признано кулацким и уничтожено. Сегодня о бывших хозяевах напоминают лишь три красавца — дома. Домам этим уже около 100 лет, но выглядят они еще прекрасно. Даже крыша, крытая еще хозяевами оцинкованным железом, сохранилась, а под крышей — в три ряда, один под другим — резное деревянное кружево. В среднем ряду, вытянувшись в ряд, летят ласточки. В самом большом доме жила вся семья Бортниковых, в среднем доме была моленная. Золотыми руками построены эти дома, бревнышко к бревнышку. Они были так плотно подогнаны внутри, что смотрелись монолитом. Лет 20 назад страна зачитывалась историей о старообрядцах Лыковых, да и сегодня еще не потерян к ним интерес. Даже сами старообрядцы обязательно поинтересуются у нас, не слышно ли чего новенького об Агафье. К истории собственного края, дающей нам замечательные примеры рачительного хозяйствования на земле, к людям талантливым и даровитым, живших или живущих рядом с нами, интереса мы проявляем непростительно мало. А пока бывшие пастбища зарастают деревьями, а вместо оленей пасутся кони, которых, как говорят местные жители, пытались развести здесь, да просчитались: спроса на них нет.

Жители села Амгу занимались, как и все в здешних местах, землепашеством, охотой и, конечно, рыбалкой.

По полевой и архивной информации, основу старообрядческого населения с. Амгу составили 30 семей, переселившихся в эти места из Петропавловки. К началу. 30-х гг. здесь жили 3 семьи Бортниковых, 4 семьи Верещагиных, 2 семьи Вьюжаниных, 3 семьи Матвеевых, 3 семьи Нестеровых, 2 семьи Ревцовых, 2 семьи Чистяковых, Поповы, 5 семей Черепановых [37].

Сюда же переселились и многие уже породнившиеся с петропавловскими старообрядцами семьи забайкальских семейских (Матвеевы, Шарыповы, Ревцовы, Чистяковы, Некрасовы, Малютины), прошедшие по краю свой путь от Ильинки и Красного Яра до Амгу.

Вспоминает Попов Илларион Тихонович: «Я приехал сюда 23 года назад, здесь жила семья Бортникова Фирса Ивановича... с сыновьями, брат Фирса Филимон. Семья Бортниковых занималась охотой, скупала соболей, имели оленеводческое хозяйство вместе с Нестеровым Антоном до 80 голов... Потом тут жили Верещагины Константин и Иван Диомидовичи и их брат Павел» [38].

В числе первых переселенцев с. Амгу была большая семья Матвееева Гаврилы Игнатьевича с его взрослыми сыновьями Филаретом, Тимофеем, Алимпием, Игнатом, уроженцами с. Красный Яр. Судьба свела нас с потомками Филарета Гавриловича, у которого было многочисленное потомство: Куприян, Филарет, Иван, Сысой, Екатерина, Варвара, Ефросинья, Виктор. Еще в 1992 г., будучи впервые в Амгу мы познакомились с женой Куприяна Филаретовича Матвеева — Верой Евдокимовной. Она жила через стенку нашей гостиницы, и мы по разным хозяйственным надобностям частенько забегали к ней. По ее рассказам, семья Филарета Гавриловича из Красного Яра перебралась сначала во Владивосток. Там отец ее мужа занялся частным извозом, содержал легковые экипажи, а к 1912 г. перебрался на северное побережье [39]. Еще в 1992 г. нас немало удивило странное сооружение, стоящее как раз под окнами нашей гостиницы: четыре огромных столба с какими-то железными кольцами и длинными выступами... Вера Евдокимовна объяснила нам, что это ковочный станок (лошадей подковывать), их в селе несколько, все построил ее муж Куприян Филаретович. Вообще, нужно сказать страсть у Матвеевых к лошадям, видимо наследственная. Сыновья Ивана Матвеева (эта родственная линия обосновалась в Кхуцинской долине — авт.) какое-то время после отъезда из Красного Яра жили во Владивостоке, содержали свою биржу, работая легковыми извозчиками. Вспоминает Алексей Иванович Матвееев: «Я там работал до 19 лет. Потом купил свою лошадь и стал работать самостоятельно. Проработал 4–5 лет и выехал в Амгу... потом переехал в Кхуцин» [40]. Приехав в Амгу во второй раз, мы уже не застали в живых Веру Евдокимовну, да и бывшая наша гостиница сгорела. Наклонившийся почти до самой земли ковочный станок доживал последние дни... До музея мы бы его не довезли: сгнившие изнутри столбы не выдержали бы транспортировки, да и брать в музей «безнадежно больной» и от этого опасный предмет мы не имели права. И все же знакомство с этой семьей Матвеевых неожиданно имело продолжение. В прошлом году наши молодые сотрудники вернувшись из экспедиции по Тернейскому району, взахлеб рассказывали, с какими чудесными людьми им удалось познакомиться на заимке, недалеко от Амгу. Оказалось, что это была семья сына Куприяна Филаретовича — Александра Куприяновича. Мы пока знакомы с ним заочно, по переписке. Выбраться ему в город при его занятости очень сложно, правда во Владивостоке бывает его жена — Татьяна Дмитриевна. Она и рассказала подробно мне о планах их семьи. Задумали они с мужем восстановить родовое гнездо Матвеевых. У старообрядцев слово твердое: задумано — сделано. Сегодня уже отстроен дом, обрабатывают землю. В память родных мест родители назвали свой хутор «Исток». Его прадеды по линии матери из семьи семейских — Степановых. «Мой прадед прибыл из с. Исток из Бурятии. От своей матери я слышал, что дед или прадед моей бабушки был польским офицером. А прадед мой по отцу — Матвеев Гаврила Игнатьевич переехал из Красного Яра в Амгу в 1913 г. и поселился на горе „Гугуй“, у подножья ее стояли несколько фанз. Там же на горе стояли дома Бортниковых и Черепановых... Все сыновья Гаврилы Матвеева, кроме Игната, были раскулачены и высланы из Приморья. Мне думается, — пишет Александр Куприянович, — настоящее возрождение нашего народа наступит только после того, когда сыновья вернутся на родину своих отцов и дедов. Человек, живущий на земле своих предков и построивший своими руками дом, не бросит на землю бутылку или обертку, не станет уничтожать все вокруг... Люди катятся по миру как „перекати-поле“, вроде бы за лучшей долей, но оставляют за собой пустоту... Все это от беспамятства нашего...» [41].

Недалеко от Амгу находилось с. Сойон. Оно заслужило горькую славу: сегодня его вспоминают только как место, где находились подведомственные предприятия УЛОНа: одна из рыбалок Дальневосточного управления лагерей. Там (Сойон, Бобково, Нахтахе, Кюма) работало до 2 000 заключенных [42]. В конце 20-х гг. XX в. это было небольшое, дворов на 15, село. Жизнь там в эти годы бурлила: при посредстве японских концессий здесь активно велась заготовка леса. Способ транспортировки леса, механизация процесса заготовки леса японцами, надолго потрясли староверов: до сих пор они вспоминают о сборно-разборной железной дороге — «дековильке»: «это узкоколейка такая, шпалы у нее выгнутые. Ее можно вмиг свернуть и развернуть... Лес по ней возили прямо к морю, там по крутому желобу бросали в воду...» [43]. После концессий здесь обосновался Дальлес, поэтому сюда приезжали на работу по вербовке те, кто не хотел вступать в колхозы. В поселке жили все больше люди случайные, приезжавшие ненадолго. Семья Чужеумовых переселилась на Дальний Восток уже в 1924 г. из Бичуры: «От нищеты уехали, из рубашки в рубашку перебивались... Сначала в Кхуцине остановились, а потом сюда. Здесь разные жили Фурдыкины, Белоножкины, Калашниковы, Черновы, Воробьевы, Суворовы, Архиповы, Мотовиловы» [44].

К сожалению, нам не удалось побывать на Сойоне. Только на фотографиях мы увидели место, где стоял поселок: огромная без единого деревца поляна. Среди редких предметов, напоминающих о бывшем когда-то в этих местах лагере, проржавевшая кровать да огромный котел...

ДОЛИНА р. КХУЦИН

Одним из самых крупных районов расселения старообрядцев по побережью стала долина реки Кхуцин. Добраться до нее оказалось не просто и в 1992 г. В то относительно благополучное время авиасообщение с самыми северными районами нашего края было более или менее регулярным. Отработав в Усть-Соболевке положенное время, мы терпеливо ждали авиарейса на Максимовку, но самолеты, полностью загруженные в Светлой, словно гудящие огромные шмели, совсем низко проносились мимо Соболевки. Уехать, не добравшись до Максимовки, мы не хотели и поэтому в течение трех дней упорно сидели в здании аэропорта, пока, наконец, сроки командировки не расставили все точки над «i».

С тех пор утекло много воды, и дороговизна билетов, отсутствие надежного авиасообщения, казалось, заставили почти распрощаться с нашей мечтой. Поэтому, когда глава Тернейского района Усольцев Владимир Алексеевич без лишних уговоров согласился помочь музею и позаботиться о нашем продвижении до Максимовки, мы боялись поверить своему счастью и спугнуть надежду. «Вряд ли кто из глав районов стал бы с вами вообще говорить о таком проекте, кроме Усольцева. Но он, если обещал — сдержит слово», — ободряли нас люди, знающие его не один год. Владимир Алексеевич слово сдержал, и на день раньше намеченного срока мы отправились в экспедицию.

Оказалось, что главные препятствия были еще впереди. К нашему ужасу, на севере пошли дожди, и мы, хоть и отдаленно, представляя состояние раскисших болотистых лесных «дорог», невозможность преодолеть переполненные дождем, реки, холодели при одной только мысли, что все может сорваться снова. Амгу встретил проливным дождем. Казалось, все было против нас. Но мир не без добрых людей... Генеральный директор ОАО «Амгу» Шуликин Александр Георгиевич рассеял все наши терзания за одну минуту: «Дороги пока нормальные, доедете на моей машине» и распорядился доставить нас до вахты, где его предприятие тянет дорогу до Усть-Соболевки и строит мост через р. Максимовка. Дальше нас должны были отвезти до самого села на ЗИЛе, который сможет преодолеть лесной участок «дороги» и переправиться 2 раза через реку «вплавь». Но испытания не оставляли ни нас, ни тех, кто помогал нам. Огромное упавшее дерево преградило нам дорогу, и водителю Юре пришлось пилить бензопилой его на куски и растаскивать, чтобы ехать дальше. Уже на ЗИЛе, благополучно в первый раз «переплыв» реку, мы застряли в глубокой илистой колее, утопив в грязи оба моста машины. Выбраться самостоятельно — увы — было невозможно, хотя наш водитель Павел Петрович Газинский и проводник Володя Шульга пытались самоотверженно вручную откопать эти самые мосты... Володе все же пришлось вернуться назад за помощью, которая прибыла через несколько часов в виде мчавшегося на всей скорости через таежные заросли трейлера с лихим водителем Ваней Шарыповым и Володей Шульгой, каким-то немыслимым способом сидевшим верхом на трейлере, и трехлапой собаки, ни на шаг не отстающей от гремящей машины. С Божьей помощью и помощью ребят мы преодолели более или менее успешно остаток пути, затратив на 16 км пути 5 часов!

Увидев Максимовку с самого высокого места на сопке, мы задохнулись от восторга. Дождь перестал, и теперь каждая ветка, каждая травинка были усыпаны мерцающими на фоне все еще хмурого неба хрусталинками воды. Клоки уже разорванного тумана сразу обозначили излучины рек. Воздух после дождя был густ и необыкновенно вкусен. На Максимовку (нам показалось, что и на весь мир) опустился тихий ангел. Мы были вознаграждены за все испытания.

Место, где стоит сегодня село, когда-то было руслом реки: земля Максимовки просто усыпана мелкой речной галькой. «Был в селе ороч Пеонка», — вспоминает Иван Калинович Пугин, «- так он рассказывал, что „80 солнц проходи, речка обратно назад ходи". И действительно, несколько лет назад совсем было вернулась река, несколько метров не дошла, да преградили ей путь насыпью». Еще одной достопримечательностью села была огромная, прямо-таки миргородская лужа, которая занимала почти весь перекресток улиц Томской и Самары. Мы были уверены, что это последствие прошедших дождей, но оказалось, что лужа никогда не высыхает, ее помнили даже старожилы. «Здесь когда-то был теплый ключ, — пояснил Иван Калинович, — даже рыба водилась».

Кажется, село мало изменилось со времени своего основания — 1908 г. (а старожилы утверждают, что с 1907 г.). Улиц почти не прибавилось, увеличилась разве что их протяженность. Вот они две главные улицы села — Самарская или Самара и Томская (молодежь называет ее Пенсионерской, потому что там теперь живут, в основном, старожилы, а новое официальное название улицы — Пограничная). Названы они были так по родным местам выхода старообрядцев-основателей села: Самарской и Томской губерний. По Самаре стояли дома переселенцев с Волги, Предуралья, Урала (Уфимской и Пермской губернии): Давыдовых, Нагорновых, Санниковых, Заглядиных, Светляковых. На Томской селились как старожилы из Каменки, Варпаховки, Кокшаровки (выходцы с Алтая, Сибири и Забайкалья), так и старообрядческие семьи, переселявшиеся сразу из этих же регионов: Могильниковы, Некрасовы, Воробьевы, Черепановы, Фунтиковы, Селедковы, Наумовы, Гребенщиковы. Две разные по месту выхода группы, две непохожие улицы: одна, Самарская, узкая, дома стоят на ней почти окно в окно, другая, Томская, по-сибирски широкая, раздольная.

Ни в одном селе за все эти годы полевой работы мы не видели столько сохранившихся старых домов, сколько в Максимовке. Вот 3 больших дома, стоящих подряд — дома большой крестьянской семьи Давыдовых, переселившихся на Дальний Восток из Поволжья, Самарской губернии, в поисках легендарной страны — Беловодья. Как мы уже знаем, поиски ее довели Григория Давыдова даже до Японии. Так и не найдя этой благословенной страны, вернулся он в Приморье и некоторое время жил в Кхуцине. По словам старожила Максимовки Ивана Калиновича Пугина, они жили одной большой и дружной семьей — больше 30 человек. Детей не делил: женившимся сыновьям тут же рядом ставили дома — зато и по хозяйству было кому управляться. Сегодня из Давыдовых в селе не осталось никого: с наступлением смутных времен кто-то из них перебрался в Амурскую обл., кто-то на Пею, разбрелись по хуторам.

В одном из бывших давыдовских домов живет чета Пугиных — Иван Калинович с супругой Ксенией Калистратовной (урожденной Шахуриной), старожилов села. Дед Ивана Калиновича — Тит Трифонович Пугин, из Енисейской губернии с. Солнечно Тало был избран односельчанами ходоком. В первом десятилетии XX в. начиналась агитация за переселение на новые земли. О Дальнем Востоке много разговоров было: мол, и край благодатный, и земли много, льгот много давали, освобождали от налогов. До Владивостока добирались месяц. Из Владивостока пароход доставил их на север края до местечка со странным названием «Кхуцин» [45]. Об отце Ивана Калиновича — Калине Титовиче Пугине, его краеведческом таланте, мы уже были наслышаны давно от его сыновей Федора и Иллариона Калиновичей, живущих во Владивостоке. От многих старообрядцев мы слышали также, что собирал Калина Титович материалы по истории села, и тетрадочка у него была заветная, куда он все очень тщательно записывал. Да так и не нашли ту тетрадочку после его смерти наследники. Замечательная память его сына, Ивана Калиновича, сохранила тоже немало интересных подробностей о жизни села, поэтому именно с ним мы и отправились осматривать местные достопримечательности, фиксируя заодно месторасположение старых домов,

фотографируя их. С талантом заправского гида Иван Калинович начал наше знакомство с селом с самого главного — с места, где когда-то стояла моленная- часовня, рассчитанная на приход 50–70 человек. В 30-е годы моленной уже не было: ее разобрали по бревнышку и построили клуб. Это, действительно, лобное место села. Отсюда был виден каждый дом, и сама часовня была видна с любого места села. Одним из последних наставников был Давыдов Степан Лазаревич, а лучшего головщика, чем Калина Титович во всей округе сыскать было трудно, без него и службу не начинали.

Об одном из первых жителей села — волжанине Зиновии Даниловиче Светлякове мне рассказывали еще во Владивостоке от его родственников Санниковых: кажется родился где-то на Волге, получил высшее коммерческое образование, переехал на Дальний Восток в самом начале XX века, был торговым представителем японско-русской концессии, репрессирован вместе с женой. После заключения только жене его, Екатерине, разрешено было вернуться в родные места. Всю оставшуюся жизнь супруги прожили раздельно, она — в баньке, что когда-то стояла на краю их усадьбы, ожидая возвращения мужа домой. Он — где-то в Уссурийске. Она ждала его до конца жизни, приберегая на случай приезда мужа что-нибудь вкусное. Да не суждено им было больше увидеться... Дом Светляковых, который Зиновий с женой достроили как раз перед коллективизацией, сохранился до сих пор. Он и сегодня украшение села. В семейном альбоме Евгении Артемовны Санниковой, племянницы З. Д. Светлякова, мы увидели редчайшую подлинную фотографию, где на фоне уже знакомого нам дома с резными наличниками стоит красивый, статный бородач, держа под уздцы лошадь. На обороте факсимильная подпись — «З. Д. Светляков». Дом передали в собственность новым властям, в нем долгое время находилось местное отделение связи [46].

В 1927–1928 гг. семьи Пугиных, Санниковых переехали во вновь образованную д. Андреевка (вверх по р. Кузнецовой). «Родители мамы (Санниковы) хорошо жили: лошади, коровы, дом свой, пасека на 50 ульев, хлеб плохо родился, закупать приходилось. Когда началась коллективизация, деду предложили вступить в колхоз со своей пасекой. „Ссылайте куда хотите — в колхоз не пойду“, — сказал дед (Санников Арефий — авт.) Ну, его и сослали на золотые прииски, со всей семьей, 9 человек детей. старшему только 19 лет было. Андреевка опустела, позднее ее наводнением смыло» [47].

Много испытаний выпало на долю старообрядцев. Перебираю в памяти множество интервью, проведенных нами. Дети и внуки вспоминали расстрелянных, не вернувшихся из лагерей родителей, родственников, собственное сиротское детство. Были слезы, горечь, не оставившая их до сих пор, но, удивительно, никогда в этих рассказах не было чувства обозленности, озлобленности на весь мир, жалости к себе. «Дед наш, Арефий Виссарионович Санников, (по материнской линии) — вспоминает Илларион Калинович Пугин, — в жизни многое испытал: войну, коллективизацию, раскулачивание, высылку всей семьей (9 детей) в Сибирь. Но отцы наши всегда вспоминали слова, с которыми он провожал их на фронт во время Великой Отечественной: „Это с нами все паршивцы сделали, а на Родину вы не обижайтесь“. Сыновья хорошо воевали, с них потом сняли обвинение» [48].

Наша давняя знакомая из с. Усть-Соболевка, Лидия Николаевна Горкавцева (учитель истории в с. Усть-Соболевка, сама из старообрядческой семьи Пугиных — Лушниковых) и по специальности, и по призванию души — исследователь, историк, краевед. Исторический кружок, организованный ею в родном селе, давно известен своей деятельностью, находками и нашему музею, и институту истории ДВО РАН. Лидия Николаевна уже не в первый раз делится с нами интереснейшей информацией и передает музею ценнейшие реликвии: старообрядческий сарафан, старообрядческий нательный крестик, несколько интересных предметов, обнаруженных школьниками на месте удэгейских захоронений. В одну из наших последних поездок в Усть-Соболевку она передала в музей ценнейший первоисточник — письмо старообрядца Климентия Филипповича Нагорнова. Род Нагорновых — один из известнейших родов на Дальнем Востоке. Они известны не только как превосходные и трудолюбивые хозяева, но как люди, наиболее преданные своей вере. Мы с вами познакомимся еще с представителями этого рода на страницах книги. Письмо было датировано 1982 г. и адресовано Лидии Николаевне. Все 16 страниц письма посвящены истории заселения северного побережья. Отличная память Нагорнова сохранила для нас множество интереснейших и важнейших фактов: одни не были известны, другие — ставят перед нами новые вопросы.

По воспоминаниям Климентия Филипповича Нагорнова, первыми эти места в бухте Кхуцин присмотрели жители с. Каменка Черепановы, Фунтиковы, которые с Давыдовыми Ефимом Никитичем и Фаддеем Лазаревичем, проживавшими в то время в Амурской области, возвращались домой после поисков Беловодья в Японии в 1903 или 1904 гг. на пароходе «Олег». «Сильный шторм занес их в бухту Кхуцин. Шторм утих, и они вышли на берег. Природа и местность им понравилась, и они решили договориться с губернским начальством, которое тогда находилось... в посту святой Ольги, о заселении тех мест, Кхуцина и других бухт только старообрядцами» [49]. Такое развитие событий было бы вполне вероятным, но пока нами не обнаружено никаких документальных свидетельств о поселении в этих местах первыми крестьян с Улахе или Даубихе. Возможно, они, присмотрев места, по каким-то причинам оттягивали переезд? Во всяком случае, по архивным документам выходило, что улахинцы стали переселяться на северное побережье после 1911–1914 гг. А в 1908 г. в Кхуцине обосновываются на постоянное место жительства самарские и уфимские переселенцы — Давыдов Ефим Никитич, Давыдов Степан Лазаревич, Давыдов Григорий Лазаревич, Давыдов Лаврентий, Нагорнов Михаил Филиппович, Токарев Иван Владимирович, Заглядин Лев Андронович, Санников Фотей Митрофанович, Зиновий Светляков [50]. Значительная часть старообрядческих семей из Енисейской губернии Ачинского округа переселилась на северное побережье уже по столыпинской реформе с 1911–1914 гг.: семьи Пугиных, Попковых, Могильниковых, Лушниковых, Соболевых, Деминовых, Семешевых. Часть семей осталась в Кхуцине, другую часть сибирских семей не приняли по разным причинам, и они перебрались в Тахобе. Нужно отметить, что более ранним местом выхода у многих из этих семей была Вятская и Пермская губернии (Лушниковы, Соболевы, Деминовы, Могильниковы) [51].

Приселения в Кхуцин продолжались вплоть до 30-х гг. XX в. Теперь это были родственники или земляки тех, кто уже жил в Кхуцине. Вспоминает Климентий Филиппович Нагорнов: «Мой отец в 1916 г. из д. Крым — Сарай Самарской губ. ходоком поехал на Зеленый Клин. Добрался до Кхуцина, погостил у сына своего... купил домишко и за семьей поехал. Плыл на пароходе, и попали они в шторм. Многие стали молиться Николаю Угоднику о спасении, а матрос-китаец услышал и говорит: „Чо тебе проси Николка, Николка сам тюрма сиди...“ Ясно, что это был уже февраль 1917 г., а летом 1917 г. мы перебрались на Зеленый Клин. С нами ехали Паняевы, Казаковы, Осип Степанович Нагорнов, Григорий Лебедев...» [52].

Основная часть крестьян переселилась до 1920 г. После 1924 г. начинается переселение, связанное с коллективизацией, раскулачиванием в России. В 1926–1927 гг. по приглашению Зиновия Светлякова переселяются в Кхуцин его родственники- Санниковы из Уфимской губернии [53].

С этого же времени, с 1925 г., также в связи с началом коллективизации из Амурской обл. переселяются Зажигалкины, Мокроусовы, Храмовы, Никифоровы, Власовы, Лапенковы, Гуляевы [54]. Именно этих беженцев от коллективизации впоследсвии называли «амурцами». По воспоминаниям Никифорова Василия Афиногеновича, Мокроусовы, Никифоровы Власовы Лапенковы, Зажигалкины — выходцы с Волги [55].

Семейские старообрядцы: Некрасов А. С. с 3 сыновьями, Шарыповы, Матвеевы из Красного Яра переселялись в Кхуцин в первое десятилетие основания села. Переезд был связан, видимо, с начавшимся в 1909–1910 гг. подселением украинцев на освободившиеся наделы старообрядцев, уже покинувших село в связи с расколом. «От хохлов бежали», — вспоминает М. А. Некрасова [56].

Итак, региональный состав жителей с. Кхуцин представлен двумя большими группами крестьянских семей. Первая группа переселилась в начале века непосредственно из Волго-Вятского региона, Предуралья. Вторая группа урало-сибирского происхождения. Часть ее переселилась сразу из этих регионов (Томская и Енисейская губернии) по столыпинской реформе, часть — старожильческие семьи Южно-Уссурийского края, «улахинцы»и их потомки. Среди семей, подселившихся в Кхуцин из Улахинской долины преобладали выходцы из Волго-Вятского и Пермского регионов (Наумовы, Юрковы, Могильниковы, Черепановы).

В отличие от других рек побережья, долина р. Кхуцин была заселена почти по всей длине до верховьев. Заселение долины шло довольно быстро. Крестьянские семьи, прибывающие в нач XX в. в б. Кхуцин либо оседали в самом поселке, либо вынуждены были занимать новые свободные участки, продвигаясь по долине реки к ее верховьям.

Крестьянские семьи то покидали Кхуцин, то возвращались обратно. «Дорога шла вдоль Кхуцина (реки — авт.) километров на пятьдесят. Люди заселили всю долину от Кхуцина до Верхотуровки. Курсировали по речке... То там поживут, то в другом месте. Искали все, где лучше. Мы успели пожить в Некрасовке, Верхотуровке, Улунге и Кхуцине...», рассказывал нам Р. Я. Пермяков [57]. В смутные революционнные времена семья Пермяковых покинула Пермскую губ. и переселилась в более глухие места, в Туву к родственникам. Хорошо жили, но вскоре и тут стало неспокойно. Списавшись с родственниками Горбуновыми, жившими в Приморье, в 1928 г. перебрались в **Некрасовку**, зажили своим хозяйством. «Некрасовка деревушка небольшая, дворов на 6–7. Дома в Некрасовке ставили вразброс, благо место позволяло. Жили в ней Пермяковы, Сальниковы, Бабкины Антон и Степанида, Плотников Дементиян с сыном Денисом, Рязановы, Кобелевы...» [58]. Основан был хутор Некрасовыми. «Это был хутор моего отца — Антона Андрееевича Некрасова» [59], — вспоминает Николай Антонович Некрасов. К сожалению, нам не известно было место выхода Некрасовых, поэтому мы поначалу ориентировались только по месту выхода их родственников Горбуновых, проделавших долгий путь от Урала до Дальнего Востока. Последнее место жительства Горбуновых — Томская губерния, Бийский округ, Айская вол., д. Кутора [60]. Вполне вероятно, что Некрасовы прошли этими же дорогами из Пермской губернии в Туву, Амурскую область, Кхуцин, откуда разъехались по маленьким хуторам. Фамилия Некрасовых не однажды упоминается исследователями в числе первопроходцев и освоителей Зауралья, южного Алтая. Беглый графов Строгановых, Кузьма Афанасьевич Некрасов оказался одним из авторитетнейших идеологов раскола, посвященным в «чернецы» о. Иовом, руководителем часовенных Зауралья [61]. Не случайно опять-таки с Некрасовыми живут старожильческие алтайские семьи Плотниковых, а также переселенцы из Томской губернии — Бабкины, Кобелевы и Малаховы [62]. Позднее из Кхуцина уехали в Некрасовку Горбуновы, отделившиеся на свой хутор — Горбуновку.

Хутор **Горбуновка** (Озерное) был семейным хутором. Его основателями было несколько семей Горбуновых, выходцев из Томской губернии Бийского округа, Айской вол. д. Кутора. У Дементиана Севостьяновича было 5 сыновей (Ксенофонт, Дементиан, Василий, Ефрем, Иван) [63]. Очевидно, более ранним местом выхода Горбуновых была Пермская губ. Осинский у., д. Грязи. Одна из ветвей рода Горбуновых переселилась на Дальний Восток из Енисейской губернии, Минусинского округа, д. Осиновка [64].

В **Междуречье** обосновались потомки старожильческих семей (выходцы из Волго-Вятского региона) старообрядцев, заселявших край в самом начале 60-х XIX в. и прошедших путь от о. Ханка в долину р. Даубихе. Сюда переехали крестьянские семьи из Виноградовки, Петропавловки, Амгу: Вьюжанина Терентия Иосифовича, Красных Семена, Федула, Селедкова Ивана Евгеньевича, Черепановых Олимпия и его сыновей — Ануфрия и Акиндина, Верещагина Павла Диомидовича и др. На соборную службу по большим праздникам из окрестных деревень, хуторов Некрасовки, Верхотуровки собирались в молиться в Междуречье. Наставником был известный, пользующийся авторитетом и уважением Алимпий Черепанов [65].

В долине р. Кхуцин жило немало корейцев: с. Ханкиндон, Корейское Адо. Материальные свидетельства их жизни — каны, котлы еще неплохо сохранились на побережье. Старообрядцы вспоминают их как людей очень трудолюбивых и дружелюбных.

Русское Адо — расположено недалеко от Корейского. На хуторе жили старожильческие семьи «улахинцев» (с. Каменка, Кокшаровка) — Ивана Георгиевича и Дениса Георгиевича Фунтиковых, Ивана Осиповича Некрасова, Афанасия Агаповича Килина, выходцев из урало-сибирского региона [66].

В **Корейское Адо** после Великой Отечественной войны переселились две старожильческие семьи из Варпаховки и Каменки — Стариковых и Сухановых, переселенцев из Пермской и Томской губерний [67].

Семья Попковых переселялась вместе с другими старообрядческими семьями в 1911–1912 гг. по столыпинской реформе из Енисейской губ. В Кхуцине жили недолго, постоянным местом жительства выбрали верховья Кхуцина — **Улунгу (Кхуцинскую)**. «В Кхуцин мы приехали на маленьком пароходике, их „чифушками“ называли», — рассказывает М. К. Попков. — «Большой дом построили на Улунге, в 30 км от Кхуцина. Умели же наши старики выбирать красивые места! Село стояло на плато над рекой, внизу долина... В Улунге было незамерзающее озеро. Раскорчевали больше 1000 га, садили, сеяли. Потом к нашим подселились дед Бочкарев с сыном Григорием, Тимофей Варфоломееевич Лошкарев, Дементий, Денис Дементьевич Плотниковы, Остей Широносов, Иван Килин, Матвеевы, Исай Черепанов, Роман Пермяков. Многие перезжали с места на место: из Некрасовки, Адо, Кхуцина. Дворов 15–16 поначалу было. Одна улица в селе была, тянулась вдоль речушки Улунги, она в Кхуцин впадает, дома — вдоль дороги... Мельницу выстроили всем селом. В 30-х гг. Всех мужиков в Улунге забрали разом: велели всем жителям на собрание собраться, потом женщинам и детям приказали уйти, а мужиков утром на подводы посадили и увезли» [68].

Основываясь на весьма скудной информации о фамильном составе жителей Улунги, все-таки можно сказать, что в основе регионального состава села были все же семьи урало-сибирского происхождения, причем, материнской территорией некоторых семей была Вятская губ.: Бочкаревы, Лошкаревы, Килины, других — Пермская — Плотниковы, Пермяковы. Сюда же подселяются забайкальские семейские: Матвеевы, Шарыповы [69].

«Село **Верхотуровку** староверы основали на речушке Таличок. Ух, и холодная в ней вода, ключи из-под земли бьют. На зиму вода в речке не перемерзала. Воду только из нее брали. Домишки на бугре стояли, вдоль речки с одной стороны. На Таличке в устье обчеством и поставили водяную мельницу...» [70].

Сам топоним Верхотуровка явно уральского происхождения и после знакомства с региональным составом его жителей стало ясно, почему появился он на приморской земле.

Верхотуровка начала заселяться с 10-х гг. XX в. Судя по архивным данным, в 1912–1913 г. одной из первых в этих местах появляются семья Могильникова Савелия Матвеевича, переселившегося из Красного Яра. Его отец Матвей Иванович

Могильников родом из Томской губ. Колывановского уезда. В 1915 г. в Верхотуровке родился Агап Савельевич. В Верхотуровку переселяется и брат Савелия Матвееевича — Ефим. Позднее к Могильниковым подселяются ближайшие родственники — Некрасовы, Пермяковы Килины [71].

Среди более поздних подселений в Верхотуровку известно переселение сюда группы крестьянских семей из Уральской области, Воткинского района д. Заболота (до революции Вятская губерния) — четыре семьи Ильиных и две семьи Смольниковых [72].

Сюда же, в Верхотуровку, в 1930 г. переселяется группа семей из Айротской автономной области из старожильческого алтайского села Верх-Уймон: Аввакум Тимофеевич Огнев, Фома Куприянович Макаров, Ефим Денисович Чернов, Субботин, Григорий Бочкарев. По рассказам переселившихся, они уходили из родных мест от коллективизации, начавшейся там в 1928–1929 гг., списавшись с проживающими на северном побережье родственниками. Прибыв во Владивосток, использовали традиционный путь на северное побережье, завербовавшись на работу в Дальлес. Семьи Макаровых и Огневых поселились в Верхотуровке [73].

Исследователям хорошо известно, что история заселения долины р. Аргут и с. Верх-Уймон, связана с фамилиями старообрядческих семей Бочкаревых, Атамановых и Огневых [74]. Само село Верх-Уймон упоминалось во всех маршрутах «Путешественников», указывающих дорогу в легендарное Беловодье. Фамилии же Огнева и Бочкарева упоминались исследователями в качестве активных искателей этой легендарной земли [75]. Не однажды в делах по розыску беглецов упоминались фамилии жителей Верхуймонской деревни, старообрядцев поморского толка Прокопия Огнева, Авдея Бочкарева [76]. Один из вновь переселившихся в Приморье жителей с Верх-Уймон называет уже знакомые нам фамилии богатых односельчан — Атамановых, Огневых, Бочкаревых, ушедших в момент раскулачивания в тайгу [77]. По видимому, другая часть родственных семей переселилась в Приморье. Исследователями доказано, что значительное число предков бухтарминцев принадлежало к «инородческим» родовым гнездам. В частности фамилии Огневых, Некрасовых, Черновых могли быть коми-пермяцкого происхождения. «В XVI–XVII вв. пермяки, зыряне и близкие к ним этнически обитавшие в Приобье ханты и манси совместно с приходившими из-за Урала русскими (гулящими, ссыльными) осваивали Тюменско-Тобольский и Верхотурско-Пелымский районы... Миграции населения из Коми края в Сибирь продолжались в XVIII–XX вв... уже во втором поколении коми-переселенцы считали себя „настоящими сибирскими русскими“» [78].

Итак, если говорить о региональном составе населения Верхотуровки, то большинство семей было урало-сибирского происхождения (Могильниковы, Некрасовы, Пермяковы, Килины, Бочкаревы, Огневы, Макаровы, Черновы, Субботины). Вряд ли случайно перебираются в Верхотуровку семьи из Вятской губернии, (Ильины, Смольниковы), поскольку некоторые семьи, как мы уже отмечали, были выходцами из Вятской губернии [79]. В долине р. Кхуцин было расположено много очень маленьких, чаще одно-двухдворных хуторов. Так, недалеко от Кхуцинской Улунги в шести километрах находился хутор **Лебедевка**, по видимому, основанный Бочкаревыми. Позднее здесь, как и во многих небольших хуторах сделали колхозную пасеку, сенокосы.

В хуторе **Беамо** было 3 дома, в которых жили семьи Савелия Матвеевича, Моисея Матвеевича Могильниковых и Пермяковых Романа и Евдокии [80].

В 8 км от Верхотуровки находился хутор, в обиходе называемый **«Алексей Иванович»**, принадлежащий Матвееву Алексею Ивановичу. В архивных документах он назван **х. Еловый** [81].

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что в долине р. Кхуцин обосновались две группы старообрядческих семей, выходцев из Волго-Вятского региона (Самарская, Вятская губернии) и Урало-Сибирского (Уфимская, Пермская, Екатеринбургская, Тобольская, Томская, Енисейская губернии). В каждой из этих групп были старожильческие семьи Приморья или их потомки, переселившиеся на северное побережье. С семьями, вновь прибывшими на северное побережье, несмотря на землячество, отношения строились все по тому же принципу — старожил-новосел. Иногда старожильческие семьи выделялись на новом месте в отдельное поселение (старожилы из Петропавловки поселились в одном селе — Междуречье), иногда, как в Кхуцине, (старожильческая улахинская группа) селились отдельной улицей, отдельным краем.

ДОЛИНА р. ТАХОБЕ

Посещение **с. Усть-Соболевка** не входило в планы нашей экспедиции 1992 г. В том году мы работали в с. Амгу. Оказавшись впервые на северном побережье и ограниченные командировочными сроками, мы все же решили, что ни за что не простим себе, если не побываем хотя бы еще в одном старообрядческом поселке. Погода была замечательная: солнечные, безветренные, с прозрачным горьковатым от жженых листьев осенним воздухом дни располагали к путешествию. Подсчитав наши скромные командировочные ресурсы, рискнули взять билет на самолет до Усть-Соболевки (в 1992 г. перебои с горючим были еще в отдаленном будущем, билет стоил вполне приемлемо). Планируя через 3 дня вернуться в Амгу, мы отправились в дорогу. Аэропорт Усть-Соболевки в 2 км от самого поселка. Кто-то из местных жителей подбросил нас на мотоцикле. Главная улица села поразила нас: нигде раньше мы не встречали такую широкую, длинную и прямую улицу. В сельсовете нас встретили приветливо, и поселили в комнате для приезжих, находящуюся тут же, в самом здании. Сотрудники сельсовета предупредили, что свет в поселке включают по расписанию, с 13–14; с 18–21 часа, печку придется топить самим, столовой нет, ключ класть в секретное место под досками крыши (как оказалось, это секретное место знали все жители села, правда, к чести жителей села, ни одной кражи в сельсовете не было). В первый же вечер мы нанесли визит в местный книжный магазин. Это было время жесточайшего книжного дефицита, а в сельских магазинах еще удавалось найти хорошие книги. Здесь нам удалось купить нашумевшую к тому времени «Москва-Петушки», и в нарушение всех наших твердых установок подводить каждый вечер итоги работы и намечать планы на завтра, три вечера читали вслух при свечах и потрескивании дров в печи знаменитого Веничку. Смеялись взахлеб, в буквальном смысле, падая с кроватей.

Только через 10 лет (страшно подумать!) мы смогли снова приехать в Усть-Соболевку. Это стало возможным опять же только при содействии главы Тернейского района — Усольцева В. А.

Село Тахобе, по — нынешнему, Усть-Соболевка, было основано как и многие села северного побережья в начале XX в. Село стоит на берегу бухты в уютной, казалось бы, долине, огороженной с одной стороны красивым мысом. Мы наивно полагали, что здесь должен быть свой микроклимат. Но нет. Погода здесь, как и положено на морском побережье, меняется по нескольку раз в сутки. Здесь также досаждает ветер, появляющийся вдруг, и сразу со всех сторон. Не случайно, местные жители называют это место долиной ветров. Один из старожилов села, досадуя на «местные погоды»,

вспоминал: «Я к Столбикову старику подходил, говорил ему, чего вы место-то такое выбрали нехорошее, а он мне: „Раньше климат здесь совсем другой был“.» [82].

Со старожилами села, супругами Деминовыми Василием Илларионовичем и Мариной Егоровной, в девичестве Пугиной, мы познакомились еще в 1992 г. Марина Егоровна, к несчастью, прикована к постели уже многие годы, но такого ясного, живого ума, такого желания не просто быть, но жить, мы давно не встречали. Чего она только не знала и не помнила! Она могла поддержать любую тему в разговоре, сдабривая ее неожиданными жизненно-философскими комментариями и неизвестными нам подробностями. Она не поднималась с постели, но была в курсе всех последних новостей села: родственники, подруги, соседи — всегда забегали навестить старушку, поэтому можно было не сомневаться, что последние деревенские новости мы сможем узнать у Марины Егоровны... Еще в первое наше посещение она с удовольствием навспоминала нам множество кулинарных рецептов, которые вошли в первую нашу небольшую книжку о староверах Приморья. Словоохотливая, с характерной пугинской манерой быстро говорить, она была противоположностью своему мужу- Василию Илларионовичу, внешне очень сдержанному, молчаливому, но бесконечно доброму человеку. В селе он известный мастер на все руки, механик. В наш последний приезд мы застали его за работой: на подоконнике лежали разобранные будильники разных мастей, а Василий Илларионович с большой лупой и пинцетом, словно хирург, колдовал над пациентом. Труду и смекалке научился у отца, знаменитого на всю округу кузнеца. Тот даже турбину к мельнице сам выковал. Сегодня от кузницы, где его сын, Василий Илларионович проработал 26 лет сельским кузнецом, остались одни стены. Марина Георгиевна тайком от мужа жаловалась нам: если сходит в кузницу, сам не свой приходит, слезы на глазах, вздыхает все. Помимо таланта кузнеца Василий Илларионович одарен и многими другими. Он прекрасно выделывает кожи. Марина Егоровна велела принести из кладовой фасонистые ичиги из изюбря, в которых она щеголяла еще по молодости. «Вот муж сам сшил, ни у кого таких не было! И кольцо на нашу свадьбу сам сковал...». После долгих уговоров мы получили в подарок для музея не только ичиги, но и «лосинки» — специальные охотничьи штаны из изюбриной кожи. О «лосинках» мы слышали на протяжении долгих экспедиционных лет, да вот «живьем» даже увидеть не удавалось: снашивали охотники эту удобную одежду до клочьев. Кажется, нет такого крестьянского ремесла, которым бы ни владел Василий Илларионович: гнуть дуги, полозья, лыжи, делать лодки, сани, выпаривать соль... В один из наших приездов хозяин, видимо не без опаски и внутренне сопротивляясь, повел нас в свою мастерскую, где показал нам приспособление для отливки крестиков старинным способом «в землю». Долгую и добрую службу сослужило оно ему: крестиков нательных негде было брать в советские годы. Рисковал, конечно, немало Василий Илларионович. Легко себе представить, чем бы закончилась вся эта подпольная деятельность, не дай Бог, прознали бы власти.

Все три улицы нынешней Соболевки начинаются почти от самого моря. Первая улица села с обычным названием «Крайняя» была вытянута вдоль речки. Когда-то обезумевшая река вышла из берегов, снося все на своем пути: жилые дома, мельницу. Кстати, это была единственная мельница, которую строили вскладчину Деминовы и Столбиковы. После наводнения река покинула прежнее русло, сегодня о ней напоминает лишь большое количество гальки, которой усыпано бывшее дно реки. Две другие улицы расположены параллельно «Крайней» и застраивались уже после войны, когда стали подселять украинцев, с 1945 г. Колхоз построил новые дома, но почти никто из украинцев не остался в Усть-Соболевке [83]. Старых домов сохранилось в селе совсем немного: родовое гнездо Деминовых- небольшая изба, да крестовый дом Губушкиных. В нем сегодня живет один из потомков рода Соболевых — Филипп. Когда-то дома стояли в 2 порядка вдоль улицы, старались строиться «семейно», отделившимся сыновьям дома ставили рядом. Дом для моленной построили специально. Строили опять же братья Столбиковы. Потом в ней сделали пекарню, магазин, а потом дома и вовсе не стало: теперь на этом месте чье-то частное предприятие.

«Мы в эти места заехали в 1914 г. Из Ачинска добирались. Хотели в Кхуцине осесть, да там Фунтиковы командовали, — начал рассказывать Василий Илларионович, — отправили нас в Тахобе». Марина Егоровна добавила: «Нашим-то (Пугиным — авт.) удалось остаться в Кхуцине... покланялись они Фунтиковым, те и разрешили, оставайтесь, мол...» А потом полушепотом, чтоб муж не услышал добавила: «Деминовы-то мужики в картузах все приехали... Вот Фунтиков их сразу и завинил, пришлось им в Тахобу ехать...» [84].

Ко времени появления Деминовых в селе стояло уже два дома- Губушкиных и Столбиковых, которые поселились здесь, вероятно, в 1910–1911 гг. [85]. Место выхода семей первопоселенцев предопределило региональный состав жителей с. Тахобе. В основе своей они — выходцы из Енисейской и Томской губерний [86].

В числе основателей села можно назвать и Гостюхиных, Быковых, также переселившихся из Томской губернии Барнаульского округа [87].

Вслед за Деминовыми из Енисейской губ. переселились Третьяковы, Соболевы, Фоминых, Лошкаревы, Кузнецов Савелий Куприянович [88].

В 20-е-30 гг. население У-Соболевки продолжало формироваться за счет крестьянских семей, из Томской и Енисейской губ., бегущих от коллективизации из Енисейской губ.: Немкин Иван Васильевич, Полонянкин Фока Михайлович [89].

Стоит заметить, что в том случае, когда нам удавалось определить более раннее место выхода семей, то им чаще всего оказывались Урал и Вятская губерния: из девяти семей — семь переселенцы из Пермской губ, две — из Вятской). Енисейская губ. и Томская губернии были промежуточным этапом в продвижении крестьян-старообрядцев на Дальний Восток [90].

Сегодня Тахобе сменило название на новое — Усть-Соболевка, в честь большого и древнего старообрядческого рода Соболевых. Недавно у Соболевых появился свой летописец — Георгий Филиппович Соболев, живущий в г. Комсомольске-на-Амуре. На основе многочисленных воспоминаний своих предков, архивных документов Георгий Филиппович написал интереснейший историко-биографический очерк. Предки Соболевых попали в Москву из Костромской губернии еще с ополчением Минина и Пожарского: освобождали столицу от поляков. Корень соболевского рода — Иван позднее попал в стрельцы. Не приняв Никоновых новин, снова ушел на родину, в Костромскую губ. С началом гонений Соболевы ушли через Вятку в Пермские края, и наконец, в Ачинск. С оживлением горных разработок в районе Ачинска и быстрым увеличением населения семья Соболевых вместе с несколькими семьями ушла глубже в Сибирь к единоверцам и землякам в Канский у. село Солонечно Тало (там уже жили Пугины, Лушниковы), откуда в 1914 г. с теми же семьями решили пытать счастья на Дальнем Востоке, в Приморье. Местом поселения выбрали бухту Тахобе. Семья Порфирия Соболева была богата сыновьями. 10 сыновей с многодетными семьями — это уже небольшой поселок! По рассказам односельчан, Соболевы сначала, как и многие, попытались осесть в Кхуцине, но нарезать землю на 10 сыновей кхуцинская община отказалась, поэтому обосновались Соболевы в Тахобе [91]. Семья разрослась, сыновья начали отделяться, обзавелись хутором, который назывался поначалу Средний Луг, а потом Соболевкой. Хутор находился в 8–9 км вверх по реке Тахобе. Там была поставлена изба, омшанник, кожевня и на одном из притоков речки мельница. Пасека с годами разрослась до 400 ульев. Впоследствии появилась и звероферма, где содержали маралов для пантов [92]. По воспоминаниям В. И. Деминова, Соболевы пытались разводить породистых лошадей. Действительно, в хозяйстве Соболева Семена Порфирьевича упоминается племенной жеребец [93].

Сегодня не осталось и следа от родового соболоевского гнезда, трагически закончилась жизнь одних, разлетелись по свету другие... В Усть-Соболевке живут потомки нескольких сыновей Порфирия: Пелагея Анфимовна, Матрена Анфимовна, Филипп Кириллович со своими уже взрослыми детьми и внуками.

Гостюхинская заимка

До 1932 г. на северном побережье насчитывалось немало мелких хуторов и заимок. С началом колхозного строительства и массового вовлечения крестьян в колхозы, репрессий, многие заимки потеряли своих хозяев. Оставшиеся в одиночестве женщины с детьми на руках вынуждены были бросать обустроенные хозяйства и уходить к людям, вступать в колхозы: одной с хозяйством было не справиться. В 50–70 гг. XX в. уцелевшие заимки использовались администрацией колхозов в основном для организации на них пасечных хозяйств. Увидеть заимку хотя бы с частично сохранившимися строениями нам долгое время не удавалось. И вот, в одну из последних экспедиций в Усть-Соболеву мы смогли побывать на такой заимке. В окрестностях Тахобе тоже было несколько хуторов, заимок: х. Зайкова, Лаптевка, Березовый (Гостюхинская). Последняя относительно хорошо сохранилась до сегодняшнего времени.

Глава рода Гостюхиных — Евстрат Пахомович (1873 г. р.) перебрался с семейством из Томской губернии Барнаульского уезда сначала в Кузнецово, где в 1906 г. и родился его сын Герасим [94]. К 1911 г. Гостюхины перебрались в Тахобе. В самом начале 30-х гг., пытаясь скрыться от колхозов и мирской суеты, Герасим с женой Христиньей перебираются на заимку. Все на заимке Герасим построил своими руками. Когда стало понятно, что сберечь себя от новой, мирской жизни не удастся, пришлось войти в колхоз. Перевезли к ним на заимку колхозную пасеку, и Герасим с Христиньей смотрели за пчелами. Односельчане вспоминали, что в 30-е гг. Герасима было забрали, но продержали недолго и выпустили. Старики дожили до глубокой старости, а затем их увезли к себе дети. В сохранившемся после их отъезда доме живет местный охотник, который и разрешил нам посмотреть бывшие гостюхинские угодья.

Знакомство с хутором началось со встречи с двумя щитомордниками, одними из самых опасных и ядовитых змей на Дальнем Востоке. Они грелись на солнышке, лежа на пороге дома. При нашем приближении мгновенно скользнули в траву и исчезли. Все пространство двора поросло высоченной травой, так что от хозяйственных построек были видны только крыши. Для того, чтобы хоть что-нибудь увидеть и заснять на видеопленку, нужно было идти через эту самую высокую траву, где вполне могли быть змеи... Охота пуще неволи, и мы, положившись на Бога, рискнули.

Все на заимке было устроено разумно, удобно, с любовью. Дом стоит на небольшом холме. Большие бревна, тесовая крыша стали от времени красно-ржавого цвета, внутренность избы для двух человек была весьма просторной. Потолок низковат, зато 5 окон давали достаточно света. От старой обстановки не сохранилось уже ничего, кроме большой деревянной кровати. Этот дом, по словам соболевцев, относительно новый. Старый же маленький домишко стоял у самого леса. Он уже почти сгнил. Тропинка от него через мостик вела к ключу, для которого по традиции была сооружена крыша, деревянный вылив. Чуть в стороне в русле ключа был устроен «холодильник». Нам о таких много рассказывали. Это своего рода большой или маленький ящик с крышкой без дна, поставленный на ключе. В ящике могли быть сделаны полки, некоторые продукты ставили в глиняных горшках, кринках прямо в воду. Мы заглянули внутрь: там хранились, видимо, хозяйские припасы: сало, какие-то соленья, кетовая икра, соленое мясо. Налево от ключа — огромный, я таких и не видела никогда, омшаник (по воспоминаниям односельчан, на 130 ульев). Трава плотно подступала к стенам омшанника, зато крыша была хорошо видна. Она была покрыта довольно известным и распространенным в Приморье материалом, — корой дерева, материалом, использовавшимся семьями с небольшим достатком при строительстве времянок, или для хозяйственных построек. О таких крышах мы тоже не однажды слышали от наших информаторов, но видеть — не доводилось. Рядом, под косогором — площадка с навесом. Здесь хозяева качали мед. Дальше, говорят, когда-то стояла конюшня. Из других хозяйственных построек сохранилась еще баня с корьевой крышей [95].

Итак, очевидно, что долина р. Тахобе заселялась преимущественно урало-сибирскими переселенцами, выходцами из Пермской, Екатеринбургской, Томской и Енисейской губерний. Совсем немногочисленны были в этом районе переселенцы с Поволжья.

ДОЛИНА р. КУЗНЕЦОВА

В 2003 г. мне удалось увидеть место, где когда-то находилась д. **Кузнецово.** В том году в экспедицию удалось выехать только в конце февраля. Не самое лучшее время для путешествия по северному побережью. Но погода, надо сказать, сжалилась надо мной: все время стояли солнечные дни, почти безветренные, что особенно редко бывает в это время на морском побережье. В один из таких дней мы с сотрудником администрации Тернейского района — Шалимовым Сергеем Викторовичем решили добраться все же по зимнику до Кузнецова. Помогло нам в этом, как оказалось, трудно выполнимом и рискованном предприятии семейство Урода, жителей Усть-Соболевки, переселенцев с Украины. В путь из Усть-Соболевки мы отправились на стареньком, но еще на хорошем ходу ГАЗ-63. Любовь у Григория Павловича Уроды к старым машинам давняя: во время войны он был шофером. Перебраться вброд через Мельничный ключ с его высокими ледяными заберегами мы и не пытались: выручил внук — Саша, водитель огромного «Урала». У деда с внуком, как мне показалось, настоящая мужская дружба, основанная на искреннем уважении. Со стороны деда — никакой унижающей взрослого внука умильности или сюсюканья, но их неназойливая забота друг о друге чувствовалась в каждой мелочи: в том, как Саша торопился возвратиться засветло, чтоб дед не выехал встречать его, в том, что крутые забереги на Мельничном броде к нашему возвращению были уже посыпаны песком, чтобы внуку проще было въехать на лед из реки.

Даже зимой, место, где когда-то стояла деревня Кузнецово, было незабываемо красиво: неправдоподобно ярко-синее небо (небо такого цвета бывает только на северном морском побережье), блистающая под солнцем снежная огромная поляна с графически четкими силуэтами крупных деревьев на бело-синем фоне. Этот пейзаж не портили даже очертания нескольких полуразрушенных домов. Может быть, потому, что находились они ближе к лесу. От когда-то большой деревни чудом сохранилось три дома, в двух из них еще живут люди. Буквально за неделю до нашего приезда сгорел еще один дом. После осмотра домов мы добрались до самого побережья, и я впервые увидела красивейший мыс Олимпиада, на самой вершине которого в определенном ракурсе можно было увидеть некое человекоподобное существо с муравьиной головой инопланетянина, поддерживающего вершину мыса. От этого становится как-то не по себе, хотя прекрасно понимаешь, что все это результат работы ветра... Пока мыс не скрылся из вида я все-таки невольно оглядывалась на хозяина здешних мест. Хорошо, что ему было не до нас...

Как мы уже знаем, первым в долине р. Кузнецова появляется старообрядец Долганов, а к 1908 г. там проживало уже 20 семейств, подселившихся к нему из Западной Сибири [96].

Климент Филлипович Нагорнов пишет: «Кузнецово не знаю, когда образовалось. В 1907 г. там уже жил Долганов Логин... но заселили потом тоже улахинцы Карабановы, Безруковы, Сараевы, Булаевы Кузьма и Павел Трофимовичи, Кузьмины, Дьяконов, Слепушкин Андрей, Берсенев (Бартенев), Гостюхины, Попов Иона...» [97].

По другим источникам нам известно, что в 30-х гг. XX в. в Кузнецово проживали: Иван Кириллович Килин (Пермская губерния), Леонтий Сысоевич и Александр Леонтьевич Поварницыны (Пермская губерния), Ефим и Трофим Михайловичи Паньковы (Самарская, Томская губернии), Иван Маркович Чепкасов (Пермская губерния), Илья и Фома Дмитриевичи Кононовы (Томская губерния), Григорий Сергеевич Килин (Пермская губерния), Кондратий Максимович Бурдеев (Румыния), Семен Дмитриевич Вяткин (Татария), Иван Моисеевич Корнилов (Томская губерния), Финоген Андронович Никифоров (Амурская область), Поликарп Семенович Бартенев (Томская губерния), Сергей Антонович Елисеев (Амурская область), Пимон Макарович Караванов (родился в с. Кузнецово), Евдоким Тарасович Пучков (Томская губерния), Иван Кондратьевич Лошкарев (родился в д. Уссури) [98].

Большая часть этих семей знакома нам по семейному составу сел Каменка, Кокшаровка, Варпаховка. Известно также и то, что основу населения Улахинской долины составили переселенцы из урало-сибирского региона (Пермская, Екатеринбургская, Томская, Енисейская губернии). По месту же более раннего выхода преобладали опять же семьи из Вятской и Пермской губерний.

Старожилов с. Кузнецово на наших экспедиционных дорогах повстречалось нам совсем немного. Один из них наш давний знакомый Ф.В. Караванов. По словам Федора Васильевича, его предки одними из первых заселяли Кузнецово, куда переехали из Амурской обл., с. Кулустай в 1909–1910 гг. [99]. Карабановых приехало сразу несколько семей: Еремей, Федор, Сергей, Кирилл Михайловичи [100]. Точное место выхода Карабановых пока не известно. Скорее всего Карабановы имеют урало — вятские корни. По линии матери Федор Васильевич из рода Осиповых. Они поселились в Кузнецово, пожалуй, раньше всех, с 1905 г. [101]. Бабушка Караванова Ф.В. из семьи Безматерных, уроженцев Пермской губ. Осинского у., с. Дряхлы [102]. Мать Караванова Ф.В. из семьи Осиповых, происхождение которых можно определить пока только по косвенным сведениям, браку с Булаевыми, выходцами из Екатеринбургской губернии, завода Касли. В Кузнецово Карабановы прожили до 1929–1930 гг.

Бабушка Наталья Караванова вспоминала, что ко времени их появления в Кузнецово совсем немного семей там жило, по улице все больше зверье ходило [102].

С 1929–1930 гг. начался массовый исход старообрядческих семей из Амурской обл. Активное проведение советских мероприятий, в том числе и по коллективизации, встретилось с не менее активным сопротивлением со стороны зажиточного крестьянства, часть которых составляло старообрядческое население и сектантское население (старорусские секты). Отголоски этих событий, а также и более ранних, есть и в показаниях старообрядцев, переселившихся в с. Кузнецово. «В 1920 г. в нашей деревне (Николаевка) и Селитьбе, Ново-Листвянке и др. были отряды самообороны от красных партизан. Принимали участие почти все жители... В 1923 г. по Амуру было восстание, в котором участвовали большинство молокан... В 1929 г. у нас началась коллективизация на Амуре, и многие из Селитьбы, Николаевки стали выезжать на северное побережье. Либо уже раскулаченные, либо успели продать хозяйство...» [103]. Приезжие расселялись по всему побережью, многие из них осели в селах Алента, Свайн, в Кузнецово переселилось более 40 семей... Семья Логина Гуляева двинулась на Дальний Восток из-под Минусинска в числе самых первых, «когда Дальний Восток только начали осваивать», поселились в амурской деревне Заливка, а в 20-х гг. XX в. двинулись в Приморье, в Кузнецово. «Все сыновья приехали уже взрослыми — 5 сыновей, но сначала жили с дедом одним домом, Строиться сразу же стали, крестьянствовали... а потом все кончилось, все отобрали...» [104].

В целом, к началу 30-х гг. XX в. региональный состав с. Кузнецово в связи с поздними подселениями амурских старообрядцев кардинально не изменился, разве что пополнился семьями из Поволжья (Самарская, Саратовская губернии): семьи Ерофеевых, Зажигалкиных (Жигалкины), Лобовых, Нестеровых, Власовых [105].

В жизнь кузнецовских старообрядцев время от времени врывалась стихия. Как и многие приморские села, Кузнецово часто страдало от наводнений. После одного из крупных наводнений 1951 г. жители стали разъезжаться, пока окончательно к началу 60-х гг. поселок не перестал существовать [106]. Многие из жителей перебрались в Тахобе.

Дальше от побережья, в долине р. Кузнецова находилась еще одна деревня — **Андреевка.** Названа она по имени первого ее жителя — Андрея Шаврина. Из письма Нагорнова К.Ф.: «Андреевку заселили в 1919 г., Шаврин Андрей Фролович, Осипов Пуд Павлович. Где они жили до этого — не знаю. Знаю, что Шаврин вятский. Говорил он по — вятски: „мельнича". Пуд Павлович жил когда-то на Улахе, за ним сестра Булаевых была». По полевой информации нам известно, что Булаевы переселились с Урала, Каслинского завода [107].

По сведениям других информаторов, поначалу в Андреевке много еще самокрестов жило. «В 30-х гг. из самокрестов еще оставались Семенихины, потом, как наши (часовенные — авт.) стали приезжать, те и уехали» [108]. По воспоминаниям бывших жителей Андреевки, здесь жили Пугины, Санниковы, Третьяковы, Суздалевы, Килины, Вотины. По последнему месту проживания большинство жителей Андреевки выходцы из Пермской, Енисейской и Томской губ.: Килины, Третяковы, Пугины, Борисовы, Суздалевы [109]. Из письма К.Ф. Нагорнова: «С Пугиными приехали Вотины Корнила и Семен со своим отцом Павлом, который говорил, что его родители были на Урале крепостными графа Строганова» [110].

С 1934 г. начинается коллективизация, и в Андреевке создана бригада к-за «Молотова». Кто не вступал в колхоз, выселяли из Андреевки. Егор Пугин сам уехал в Тахобе. Санниковых, Вотиных и др. выселили на золотые прииски. В том же году случилось сильнейшее наводнение. Село смыло за полчаса. «Ужас, сколько воды было. Дома все враз приподняло и понесло, свет в них горит... Дома несет, сараи, курятник несет, а в нем петух поет... очень страшно было». «Больше на этом месте никто не жил, кто захотел, поселился в Мошкаровке. Вмиг срубили домишки. Пожили какое-то время там» [111].

С Андреевкой у староверов связана одна легенда о Вере Суздалевой. Впервые мы услышали ее от нашей М.Е. Пугиной. «В Андреевке Вера Суздалева жила, очень верующая. Родители ее откуда-то из Сибири были, сразу в Андреевку приехали. Отец ее настоятелем одно время в Андреевке был. Вера у них одна дочь была. Все ее уважали. Она была хоть нас постарше, с нами и бегала и играла, но про дело никогда не забывала. Бывает, только разыграемся, а она: „Ну все, хватит, пошли октай петь..." Ее отец все рассказывал ей о монастырях, она шибко просилась туда. За божество их хотели арестовать, но отец их вдруг куда-то исчез, мама же взяла Веру с собой и пошли они по свету... Все оставили... Книги вот мне оставили. Это было лет за 5 до колхозов. Потом мы про нее ничего не слышали. А тут брат мой Ивойла, еще до войны в Красноярск уехал, и услышал снова про Веру. Жила она в Красноярске или где-то рядом. Молитвенницей великой слыла, слух о ней по-

шел везде. Услышал про нее Сталин, захотел поговорить с ней. Послал сейчас военного. А у Веры мать болела в это время. Так она военному этому так и сказала: „Сейчас, мол, не могу идти, видишь, мать болеет, приходи позже". Ну, потом все же привез он ее в Москву... „Сейчас Сталина увидишь". У нее колени затряслись: „Ну все, конец мой близок". Всеж-таки встретилась со Сталиным, ответила на его вопросы. Она ему про войну предсказала. А еще сказала, что партию его уберут. Сталин удивился: „Опять революция будет?". «Нет», — ответила Вера, «- мирно уберут». Сталин сказал ей: «Ну, иди молись». Она вернулась в Красноярск, назначили ее комендантом города, но она не захотела. После встречи со Сталиным ушла в Нарымскую тайгу, накрыли ее там, там она и умерла» [112].

В архивных материалах по «Кхуцинскому восстанию» я, действительно, обнаружила некоторые сведения о семье Суздалевых в изложении Борисова Г.Т.: «Я родился в Енисейской губернии, в 1919 г. приехал на северное побережье в Кхуцин, в 1929 г. с братом переехал в Андреевку. Брат убежал в тайгу... с Суздалевой Верой, она дочь кулака раскулаченного, отец ее работал на лесозаготовках в кулацкой бригаде... В марте 1932 г. он пришел на похороны бабушки, я спросил, как живут, где... Он сказал, что постоянного места нет, он занимается охотой. Из Андреевки в тайгу убежали: Татьяна Пыжьянова, Мокрида Борисова, Хавронья Пыжьянова, Яков Коровин, Павел Суздалев (написано Суздарев-авт.), Суздалева — жена, Вера Суздалева. Связи с ними не имеем» [113].

Севернее р. Кузнецовой, на речке Свайн на побережье было два старообрядческих села — **Алента и Свайн.** (Свайн — одно из мест компактного проживания самокрестов. Подробнее об этом селе можно прочитать в главе, посвященной старообрядцам самокрестам.)

В шести километрах от Кузнецово находился небольшой хутор **Алента.** «Вообще-то», — вспоминает Н. А. Некрасов, «- было два хутора: Алента — Первая и Вторая. Вторая Алента была до 1938 г., с нее переселялись на Первую. Хутор находился в километре от моря, в тайге, тихо было, без ветров, туманов нет. Речка есть. Мельница водяная. Хозяйства в основном были единоличные. В Аленте было Светлинское подсобное хозяйство, конюшня на 97 голов. Поля подсобного хозяйства располагались на старых распашках личных хозяйств. Поля, покосы удобные, за Сахарным ключом. В 1947 г. с Сихотэ-Алиня шел сильный пожар. Нас всех загнали в реку, мать со старшими поливала крышу. Мы дом отстояли, а остальным почти всем пришлось отстраиваться» [114].

По региональному составу население Аленты, как и в Кузнецово, представляло весьма пеструю картину. Сюда перебирались семьи из старожильческих сел Каменки, Кокшаровки, а также из близлежащих сел: Кузнецово, Тахобе, Кхуцин, выходцев из урало-сибирского региона России. Так, семьи Быковых, Шишериных, Плотниковых — из Томской губернии, семьи Щелкановых, Дерешевых, Поповых — из Енисейской губернии, семьи Мерзляковых, Поварницыных, Семеновых — из Пермской губернии. Из Кузнецово перебралась в Аленту семья Лобовых, уроженцев Поволжья [115].

Итак, в долине р. Кузнецовой находилось не так много старообрядческих поселений, самое крупное из них — с. Кузнецово. Как и в другие места северного побережья сюда уходили от коллективизации крестьянские семьи из старожильческих сел долины р. Улахе, Даубихе, выходцы из урало-сибирского региона России. В 30-е гг. в эти края хлынули переселенцы из Амурской области, среди которых было много выходцев из Поволжья. Конфессиональный состав этого района был также неоднороден: большая часть населения была представлена старообрядцами часовенного толка, здесь же, как мы уже отмечали, обосновались и самокресты, селившиеся как компактно (с. Свайн), так и рассеяно среди часовенных.

ДОЛИНА р. АХОБЕ

В долине р. Ахобе располагалось несколько небольших селений: **Ахобе, Лужки и Верхние Лужки**... По нашим предположениям, первыми здесь появились опять-таки «улахинцы», переселенцы из с. Каменки и Нижних Лужков, хуторов Чугуевской волости: Софрон, Дмитрий, Афанасий, Евдоким Сотниковы, Степан, Меркурий, Трофим Зубакины, Евстигней Попов, Евстифей Анисимов, Никон Безматерных, Ксенофонт Соломенников, Ксенофонт, Сазон Бодуновы, Анисим и Федор Басаргины, Юрковы [116]. По последнему месту жительства это были выходцы, в основном, из уральского региона России.

В 1930 г. к родственникам Фефеловым на северное побережье из Томской губернии. Барнаульской области с. Корчино переселились семьи Шахуриных-Шерстобитовых, Фефеловы, Меньшиковы, Зензины, Турзяковы. По воспоминаниям К.К. Пугиной (девичья Шахурина), население деревенек было однородным, кочевали с одного места на другое. «Сначала как приехали, поселились в Лужках, потом в Средних Лужках. Отец нанялся на работу в Нахтахе. Все, кто жил в Ахобе, жили и в Верхних Лужках... Отец умер вскоре, а мама тянула единолично, сколько могла. В хозяйстве у нее оставалась лошадь, корова, чушка, сеяла сама. Как стало невозможно, вступила в колхоз „Победа"» [117].

По рассказам С.Е. Анисимова, их семья переселилась в Лужки из Каменки. Земли в Лужках было недостаточно и была она «не хлебородна», поэтому отец занимался охотой, а Степан — работал на лесозаготовках в Тадушинском леспромхозе. Там же работали его земляки, переселенцы из Каменки, Кокшаровки, Варпаховки: В.П. Макурин, В.Т. Полынин, Е.Е. Калашников, И.И. Иродов, Г. Селедков, П. Шавкунов, Л.В. Куликов. Не желая вступать в колхоз, но и не в силах продолжать борьбу с многочисленными налогами, твердыми заданиями, многие крестьянские семьи, как мы уже отмечали, зарабатывали отходничеством, нанимаясь на временные, сезонные работы, в том числе на различные рыбалки и лесозаготовки: «...с сельским хозяйством совершенно порвали, а жили надеждами на переворот...» [118].

ДОЛИНА р. ЕДИНКА

Каменка Единская. Топоним села, вероятно, был перенесен сюда основателями его и бывшими жителями с. Каменки Улахинской: Иродовыми, Малуновыми, Цыганцевыми, Реутовыми, Третьяковыми. Постепенно в Каменку на северное побережье подтягивались родственники и земляки из Улахинской долины: из Кокшаровки, Виноградовки, х. Халазы. Вспоминает Михаил Петрович Реутов: «Я жил в Каменке Яковлевского района. Там были частые наводнения. В 1927 г. я поехал в Каменку Единскую. Со мной поехали Зубакин Лука, Иродов Иван, Иродов Семен, Иродов Нифонт, Поздеев Мартемьян, Макар Зотеев, Артамон» [119]. Позднее здесь появились амурские старообрядцы из д. Ново-Листвянка, Куликовка, Томская: Поздеевы, Семины, Жижелевы. Вспоминает Ефимья Ивановна Поздеева: «Деды наши (Поздеевы-Сизиковы) попали в Амурскую область из Тобольской. На Амуре стали жить в д. Томской. Прожили там до 1931 г. Завербовались на побережье капусту мор-

скую собирать. Поселились в Каменке Единской. Отец мой Иван Егорович Поздеев настоятелем там был. Все до 1938 г. жили единолично. В 1938 г. в Каменке создали сельскохозяйственный колхоз „Победа", а был уже до него рыболовецкий колхоз „Пионер Севера". Жители вступили, деваться-то все равно некуда было, за единоличность облагали огромным налогом. В том же 1938 г. забрали всех мужиков. Вернулось домой немного» [120].

Недалеко от устья р. Единка староверами Басаргиными было основано село **Перетычиха**. В администрации поселка нам сразу показали дом Малютиных, старожилов села. Хозяева — Евгений Иванович и Елена Емельяновна приняли нас радушно. Пожалуй, никто так хорошо не знал историю основания села как Евгений Иванович, он был основным нашим рассказчиком и проводником в селе.

По поводу названия села у Евгения Ивановича сомнений не было: село получило название по фамилии землемера Перетычкина, замерявшего наделы Басаргиным. Басаргины, как мы уже говорили, выходцы из Томской губернии, пришли сюда первыми из Кокшаровки. Кто бы ни просился к ним на подселение — никого не пускали. Малютины добирались до северного побережья несколько лет, успев пожить в с. Духово. В Перетычиху пришли в самом начале 20-х гг. XX в. Пришли к Басаргиным договариваться на поселение вместе с ними, но те встретили их холодно: «Идите в Котеловку». «Пришлось отцу покланяться», — рассказал Евгений Иванович, «- помолиться вместе с ними, вот и разрешили Малютиным поселиться у ключа» [121]. Кстати, главная улица в Перетычихе так и называется- Ключевая. Большой род Малютиных происходит из забайкальских семейских. По семейным преданиям, глава рода Сидор Малютин пришел из Забайкалья через Иркутск в Красный Яр. Его сын Евмен Сидорович с сыновьями в 1925 г. переселился в Перетычиху [122]. «Первые дома для переселенцев, — продолжает рассказ Евгений Иванович, — рубили отец с сыновьями. Сначала поставили для своей семьи, потом подселился Бурнашев, к нему нанимались рубить дом за муку, потом и другим ставили дома. Кому — за муку́, кому — за деньги... В нач. 30-х гг. началась коллективизация, Басаргины ушли в одну из ночей все разом... (Дом Евсея Басаргина стоит до сих пор, во дворе растут ясень, груша, посаженные еще самим хозяином и пережившими его — авт.). Позже в доме Басаргина устроили 4-х классную школу. После ухода Басаргиных запрет кончился, и семьи из ближних сел стали подселяться в Перетычиху. С началом коллективизации пришлось вступить в колхоз. Отец стал первым председателем колхоза. Сначала в колхоз плохо шли, всего семь семей вступило. Объединили лошадей, коров, создали ферму. В 1938–1939 гг. начали разграблять то, что строили, началось укрупнение колхозов. Сначала ликвидировали Котеловку, Антоновку, Самаровку, к 50-м годам — Каменку, Нахтахе, Ахобе. За два года, 1937–1938 гг., забрали почти всех мужиков, отца тоже» [123]. О братьях Малютиных как о строителях я слышала много добрых отзывов: «Строить умели Малютины... Мы как приехали в тридцатых в Перетычиху, домов свободных не было, так нас в малютинский амбар или сарай пустили. Дом так и не покупали, прожили в нем долго» [124].

Итак, основу регионального состава с. Перетычихи составляло старожильческое население — «улахинцы» (с. Каменка, Кокшаровка, Варпаховка): Басаргины, Иродовы, Бобыльских, Новожиловы, Суковатицыны, Поносовы, Быковы, выходцы из урало-сибирского региона [125].

В конце 20-х-30-х гг. в Перетычиху переселились из Иркутска семьи Акуловых, Антроповых, Щербаковых, Токмаковых. До Иркутска эти семьи старообрядцев жили в скитских центрах Урала и Сибири [126]. В долине реки было немало малодворных хуторов.

х. Котельниково расположен был в десяти километрах от Перетычихи. Хутор начал заселяться почти одновременно с Перетычихой. По воспоминаниям наших информаторов, сюда также отселялись разросшиеся старожильческие семьи: «С 1935 г. начал заселяться х. Котельниково. Первыми туда поселились молодые Иродовы, Лямзины, Быковы, Мокроусовы. Нагорнов и Иродов были главными в Котеловке» [127].

х. **«Антоновку** начали заселять в эти же годы. Назвали деревню по имени Антона Могильникова, одного из первых поселенцев. Туда поехали Балкины, Чернышевы, Быковы» [128]. «Родители жили в Кхуцине, был свой дом. Но отцу не нравилось, что молодежь все больше балуется, покуривать начали, и он решил увезти семью в лес» — вспоминала Анна Антоновна Соломенникова, дочь Антона Могильникова, основавшего х. Антоновку [129]. Хутор Антоновка был довольно большим по количеству крестьянских семей, а по региональному своему составу не выделялся среди старообрядческий селений долины р. Единка среди ближних сел.

х. Юхе. На хуторе проживало две-три старообрядческих семьи. Вспоминает Анфим Степанович Мурачев: «Сначала из Варпаховки в Юхэ уехал Паначев Иван Захарович, потом я. Со мной на северное побережье поехали из Кокшаровки Калугин Савелий, Селедков Кондратий, Поздеев Евситафий, Калугин Прокопий. Они поселились в Вознесеновке» [130].

Изгнанные в начале 30-х гг. с р. Пеи Давыдовы, Нагорновы основали в верховьях р. Единка новую деревню с родным для них названием **Самаровка.** Вспоминает Давыдов К. Л.: «С Кхуцина наша семья перебралась на Пею. Дом выстроили на Пее большой, пятистенный. Когда лагерь стали там делать, всех выселили. Попали мы в Перетычиху, а там Басаргины да Малютины сказали: „Идите в Самаровку". Там было 9–10 домов. Кроме Давыдовых и Нагорновых жили Долгановы, Поповы, Фай» [131]. По воспоминаниям М. П. Никоновой (урожденной Фай): «Мои сородичи заехали в эти края Бог знает когда... Ехали они из Самарской губ. с. Черные ключи, Давыдовы наши родственники» [132]. Региональный состав Самаровки был в основном волго-вятский.

В целом, территория долины р. Единка к началу 30-х гг. была заселена преимущественно старожильческим населением Улахинской долины урало-сибирского происхождения, лишь в одном селе — Самаровка преобладали выходцы из Волго-Вятского региона, переселившиеся из Кхуцина.

ДОЛИНА р. САМАРГА

Долину реки Самарги также облюбовали старожильческие семьи края. Здесь со временем появились большие и маленькие деревни: Самарга, Пугдо, Малиновка, Унты, Вознесеновка, Агзу, Адими.

Прямо на берегу Японского моря расположилось село с непривычным для русского слуха, мистическим названием — **Самарга.** Главная улица села, Береговая, словно длинный вытянутый островок, со всех сторон окруженный водой: с одной стороны — море, с другой — длинный язык лимана вытянулся вдоль улицы почти до самого ее конца. Дома стоят в один ряд, окнами на море. Другая улица — Почтовская, почти под прямым углом начинается от середины Береговой улицы, проходит по мосту через небольшую речушку с белыми кувшинками, огибает болотистую центральную часть села, прозванную в народе «Гнилушка», и упирается в лес. В селе, основанном когда-то старообрядцами и насчитывающим около пятидесяти се-

мей, сегодня их проживает лишь пять. К сожалению, сведений о заселении этих мест старообрядцами записывать было не у кого. Те семьи, что живут сейчас в Самарге, переселились довольно поздно и почти ничего не знают.

Население долины р. Самарги составили потомки старожильческого населения края. Среди крестьянских семей уже знакомые нам Соломенниковы, Сотниковы, Фефеловы, Поповы, Бобыльских, переселившиеся из центральных районов Южно-Уссурийского края (Подгорное, Кокшаровка, Нижние Лужки, Варпаховка, Виноградовка) и вдоволь покочевавшие по краю в поисках спокойной жизни и уединения.

Помимо старообрядцев часовенного согласия в Самарге жили и старообрядцы, приемлющие священство. Судя по архивным материалам, это была семья Долбилкиных, прибывших в Самаргу из Барнаульского округа с. Ворониха еще в 1914 г. и переселившаяся в с. Унты в 1925 г. [133]. Как вспоминает Полина Георгиевна Сергеева, в с. Самаргу из с. Махаевки Барнаульского округа переехало несколько семей старообрядцев, приемлющих священство. Приехали еще в 1925 г. по вербовке: Сергеевы, Сулеймановы, Ипполитовы, Вязовые. Сегодня общины уже не существует, в поселке живут две пожилые женщины, которые объединились с такими же тремя одинокими женщинами из большой когда-то общины часовенных старообрядцев [134].

Анна Артемовна Затолокина (по матери из семьи Черемновых), жительница с. Самарга, родилась в старообрядческом с. Вознесеновка в 1927 г. «Родители жили в Кокшаровке. Когда началась коллективизация, ушли из села вместе со скотом добрались до Находки, там на пароходе до Самарги, потом до Унтов, а там и Вознесеновка недалеко. В ней жили одни староверы. В Вознесеновке прожили до 1937 г., потом переехали в Самаргу. Поселок большой был, староверов много, но уже старики тайно собирались, да и то редко, а вот баптистов много было, они собирались молиться» [135]. Действительно, в Самарге, по рассказам жителей села, было немало баптистов. Ксения Акиндиновна Баранова, внучка Мокея Павловича Баранова, вышла замуж за Концевого Петра Антоновича из семьи баптистов. Родители его приехали в Уссурийский край из Белоруссии в 1907 г., в 1928 г., потом переселились на побережье в Единку, так как давали неплохие подъемные деньги. Ксения Акиндиновна отметила, что «в Единке баптистов небольшая секта была, но быстро накопилась, была моленная... Я хоть с ними и жила, но не прельстилась» [136].

Ближе к устью р. Самарга находился еще один старообрядческий поселок — **Пугдо**, бывшее удэгейское стойбище. В 70-х гг. XX в. поселок был переименован и носил название — Подкаменка.

В середине 20-х-начале 30-х гг. это было довольно большое поселение на 40–50 старообрядческих семей. Основу жителей села составили «улахинцы», переселившиеся из Каменки, Варпаховки, Кокшаровки, а также сел Степного и Подгорного. С началом коллективизации большинство уже разросшихся к тому времени семей перебрались на северное побережье в с. Амгу, Самарга, Вознесеновка, Пугдо. Так, из Подгорного в Пугдо переселились семьи Сотникова Епифана Никаноровича, Горбунова Алексея Григорьевича. Из с. Степного — семья Бобыльских Венедикта Васильевича, из Кокшаровки- семьи Соломенникова Устина Леонтьевича, Мартюшевой Прасковьи Федоровны, Соломенниковой Ульяны Ильиничны, Сотникова Никанора Авдеевича, Красных Авила Федотовича, Сотниковой Евгении Ивановны, Сотниковой Марии Федотовны, Бобыльских Марии Ивановны, Бобыльских Степаниды Андроновны. Сюда же, подальше от коллективизации, из Амурской обл. перебрались их родственники — семьи Емельянова Федора Венедиктовича, Бобыльских Гаврилы Васильевича, Бобыльских Венедикта Гавриловича [137].

Мы уже знаем, что по региональному составу эти семьи были переселенцами из урало-сибирского региона России: в основном из Пермской, Томской, Енисейской губерний.

Малиновка. Судя по архивным и полевым материалам, Малиновку заселяли семьи староверов, ушедших из Кокшаровки: Поповы, Цивилевы, Калашниковы, Подкорытовы, Козловы, Куликовы [138]. Название Малиновка, видимо, дано в память Амурской или сибирской Малиновки, откуда переселились некоторые семьи.

Сегодня довольно сложно добраться до затерянного в сихотэ-алинской тайге когда-то большого старообрядческого села **Унты**. Местным жителям такие расстояния привычны: летом поднимаются по Самарге на лодке, зимой- на санях, снегоходе все по той же реке. Молодежь добирается на танцы в Перетычиху на тракторе. Летом 1996 г. мне повезло, мы поднимались на лодке с удэгейцами вверх по Самарге, и уж не помню, по какой надобности они решили заглянуть в Унты. Мы шли пешком от реки минут 30, а в селе нам пришлось побыть и того меньше: время близилось к вечеру, а до конечного пункта нашего путешествия — Агзу нужно было добраться засветло. От большого села, бывшего колхоза «Утро тайги» сохранилось лишь несколько домов. К селу все ближе подступает тайга. В 1934 г. колхоз еще только становился на ноги, естественно, что и жителей было немного. И в этом случае неплохую службу сослужили все те же домовые книги. Среди жителей села большинство фамилий нам знакомо опять-таки по старожильческим селам Приморья: Зернины, Сухановы, Плотниковы, Шаврины, Третьяковы, Бобыльских.

С 1925 г. в Унты переселяется группа старообрядцев-поповцев: Пучковы Сидор Поликарпович и Евдоксей Иванович, Кузнецов Фока, Долбилкин Лаврентий Григорьевич. По рассказам Долбилкина Лаврентия Григорьевича, «актив» у них в селе был небольшой: «...семьи Пучковых Сидора и Евдоксея, Кузнецова Фоки и самого Долбилкина. С 1929 г. молились у Пучкова Сидора... Был у нас поп, фамилии не знаю, звали отец Ульян, он приезжий из Владивостока в 1926 г». Священнику что-то не пожилось в Унтах, через три недели уехал обратно [139].

Вознесеновка находилась километрах в шести от Унтов. Ее, как и все деревни по Самарге, основали потомки старожильческих семей — «улахинцы», переселенцы из Кокшаровки, Каменки. Одной из первых из Кокшаровки в Вознесеновку переселилась семья Фунтиковых. «В Вознесеновке жили одни староверы; Бобыльских, Калашниковы, Зернины, Спиридоновы, Куликовы... Председателем сельсовета был Горбунов. Дядя мой Архип Зернин был наставником в Вознесеновке», — вспоминала А. А. Затолокина [140]. С середины 20-х гг. по 1930 г. в Вознесеновку переселились семьи Климентия Зернина, Евстафия Поздеева, Григория Зубарева, Трофима, Алексея Мартюшеввых, Родиона Серебрякова, Христофора Серебрякова — жителей Кокшаровки, а также Василия Ипатовича Куликова, Дениса Потаповича Зубакина, Прокопия Власовича Калугина, Михаила Акинфовича Фунтикова — жителей с. Каменки [141]. И все же основу населения составили переселенцы из с. Кокшаровки.

Село **Агзу** не похоже ни на одно из тех, что мне довелось повидать в Приморье. Мы пришли на лодке в устье р. Агзу под вечер. Само место, где находился поселок, удивительно напомнило мне мои родные таежные места. Поселок по числу жителей был преимущественно удэгейским, но внешне он удивительно напоминал сказочную русскую деревню, с зелеными тихими уютными переулками, домами на взгорках. Это совсем не вязалось с мрачной легендой о происхождении поселка и самим названием. По преданиям, которые пересказал мне один из старожилов села — Командига Лев Семенович, в этих местах было удэгейское стойбище, но все жители его умерли от неизвестной болезни, которую занесли китайцы: «Это зимой было, а весной китайцы пришли снова торговать в стойбище и увидели страшную картину: все мертвы были, кто сидел, кто

лежал, кто занимался какой-то работой, лишь одна девочка жива осталась. С тех пор это место называть стали „Угзу"- „чертово место". Наши люди всегда обходили его. Потом колхозы строить стали, наших людей сгоняли из всех ближних стойбищ — Кукси, Хулеми, Исими — сюда жить. А дома для нас наняли строить староверов. Они и мельницу построили» [142].

Вот уж совсем не ожидала в удэгейском поселке услышать о старообрядцах. Удивительнее всего было то, что Лев Семенович Командига женат был на староверке. Хозяйка пришла немного позже. Высокого роста, дородная. Маленький щупленький Лев казался ребенком по сравнению с ней. Родом Мария Леонтьевна оказалась из семьи старообрядцев Жижелевых. Эта фамилия была мне знакома, я запомнила ее еще тогда, когда работала с архивами по восстанию лишь потому, что из 500 арестованных в 1932 г. старообрядцев у него единственного была фотография. «Мама переехала с семьей из Сибири, не помню точно, откуда, они еще до 1917 г. переселились в Вознесеновку. Там мама женилась, но первого мужа ее арестовали, она вышла второй раз замуж за удэгейца Василия Самандига. Это все в Вознесеновке было. Но его медведь на охоте задрал. А сам он родом из Агзу был. Вот и переехали сюда. Я замуж вышла в 1950 г. за Льва, 8 детей у нас уже. Родители не перечили моему браку. Да кому же и было перечить-то?.. Мама, хоть и крещеная была, но уже не молилась. Иконы закрыты были, моего мужа все-таки к ним не подпускала: иноверец, не крестился» [148]. Еще один старожил Агзу — Анатолий Иванович Командига по деревенской привычке больше известен как «Тарзан», рассказал, что дед его Командига Андили жил с семьей в стойбище на Заами, потом всех сюда согнали. «Он очень богатый был, охотник хороший, одежда у него вся шелковая китайская была. Он сам нанял староверов с Унтов, чтобы дом ему срубили, пушниной с ними расплачивался. Среди староверов много было мастеровых, особенно знаменитыми плотниками были Коршунов, Кабанов. Мельницу строил старовер Ефим Шаврин (вятские плотники известны своим талантом строителей на всю Россию — авт.)» [144]. Немало интересных историй мы услышали от Анны Даниловны Дорофеевой, жены главы администрации с. Агзу. Ее стараниями составлен огромный альбом по истории села, куда наклеены (клей беспощадно расправился за эти годы со многими фотографиями) редчайшие фотографии. Биография ее отца, Данилы Ивановича Крючкова, как бы мы сказали лет десять назад, типичная биография передового советского человека. Родился в Вятской губернии в семье крестьян, приехал во Владивосток с другом, закончил рабфак, затем университет, отделение китайского языка. Кем только ему не приходилось работать: и наблюдателем на Тихоокеанской научной станции, и служащим по учету сдельных работ на промыслах на о. Сахалин, и ликвидатором на лесных разработках Дальлеса в Самаргинском районе. А вот с 1930 г. он — «культурник Самаргинского общества потребителей» и живет в с. Самарга, женился на удэгейке — Токарке Петровне Командига. В эти годы начиналась борьба с неграмотностью. Данила Иванович стал первым учителем в с. Хулеми. Детей опять же силой сгоняли с окрестных стойбищ и деревень. Это были дети удэгейцев и староверов из Назаровки, Вознесеновки, Унтов, Самарги. Если родители не соглашались отдать ребенка, то его забирали силой. «Да, дома в Агзу староверы хорошие понастроили, до сих пор стоят, да только удэгейцы в них не жили: непривычно им все это было. В каждом дворе ставили свои зимники, в которых и ютилось все многочисленное семейство. В Агзу долго школа была только начальная, а потом все в Самаргу ходили. Только в 1948 г. открыли школу, она размещалась в доме раскулаченных староверов, высланных из Назаровки» [145]. Дом-то так до сих пор стоит.

Путешествие на **мыс Золотой** заняло всего сутки. Из Самарги мы добрались по таежному бездорожью на огромном КРАЗе, зато обратный путь в 18 км проделали пешком. Я родилась и выросла на юге Якутии, и, откровенно говоря, пышность, великолепие дальневосточной природы меня не восхищали, а напротив, всегда настораживали. Для меня не существовало ничего красивее и притягательнее, чем нежные, акварельные краски севера. Помню, меня буквально ошеломило осеннее многоцветие курчавых приморских сопок. Оно притягивает к себе, но оказавшись внутри этого леса с густым, переплетающим все и вся подлеском, чувствуешь себя словно в паутине. Глазу становится невыносимо тесно, нет простора, не хватает воздуха. Мне кажется, что примирение мое с дальневосточной природой произошло именно тогда, во время экспедиции 1996 г. Хорошо, что тропа все время шла вдоль моря, то удаляясь вглубь леса, то приближаясь прямо к полосе прибоя. За несколько часов пути окружающий пейзаж менялся стремительно. Вот мы стоим на скале, недалеко от м. Золотой... Снизу доносится шум волн, моря почти не видно — туман. Между влажными коричневыми камнями — изумрудная зелень травы и пронзительно желтые цветы. Минут через тридцать тропа спустилась вниз — и перед нами типично японский морской пейзаж: вдали темной стеной лес, а здесь на огромной поляне согнувшиеся от почти постоянного ветра сосны, протягивают ветви-руки к лесу. Уже более двадцати лет во время экскурсий я рассказываю посетителям музея о сохранившихся с доледникового периода уникальных растениях. Тис остроконечный, говорим мы, сохранился в небольшом количестве в крае, в частности — небольшая роща на о. Петрова. К моему огромному удивлению здесь, в районе м. Золотой, мы встретили их немало. Вот они, гигантские стволы с причудливо изогнутыми длинными нижними ветвями, покрытые мхами. Тропа долго поднимается в сопку, лес неожиданно распахивает свои объятья и выпускает нас на огромную поляну. Когда-то здесь стояло большое старообрядческое село Адими, или «Адима», как называют его старообрядцы. Красота места — редкостная. Справа, за сопкой — море, слева сопку огибает речка, которая впадает в море. Наверное, не каждому приморскому жителю случается видеть это явление — слияние двух стихий: реки и моря. От села не осталось ни бревнышка. Лишь кладбище, почти полностью поглощенное тайгой, напоминает, что когда-то здесь было село.

О жителях с. **Адими** сегодня нам известно совсем немного, и источником стала все та же домовая книга, которая сообщала, что в с. Адими на 1940 г. жили семьи Бобыльских, Зерниных, Калякиных, Столбиковых, Шарыповых, переселившихся из сс. Степное, Каменки, Котеловки [146].

Долина р. Самарга также, как и долина р. Единка, заселялась наиболее интенсивно старожильческими семьями из улахинских сел Каменка, Кокшаровка, Варпаховка. С началом коллективизации к родственникам и землякам двинулись семьи из Степного и Подгорного.

ДОЛИНА р. БИКИН

Район долины р. Бикин осваивался старообрядческим населением с начала 20-х гг. XX в. Для старообрядцев эти места не представляли загадки, и уже давно были исхожены охотниками вдоль и поперек. Приближение новой жизни все явственнее ощущалось уже на северном побережье, и это беспокоило крестьян-старообрядцев. Со временем, когда на побережье стало тесновато и небезопасно, взоры многих предусмотрительных семей обратились к глухим таежным местам за перевалом. Потихоньку уходили старообрядцы с семьями из прибрежных деревень. Верховья рек Кхуцина, Тахобе, Свайна, Кузнецовой, Светлой удобно сообщались с верховьями Бикина и его притоков — Улунги, Биамо, Бачелаза, Зева. Уходили за Сихотэ-Алинь прежде всего семьи зажиточные, кому было что еще сохранять. Так, например, по словам все того же Медолови-

ча Н., братья Старковы имели самые большие на севере запасы хлеба. По слухам, они, а также П.С. Чепкасов меняли хлеб на золото от 3 до 5 рублей за пуд [147]. Одни из самых зажиточных семей Кхуцинской долины также перебрались за перевал: И.О. Наумов, Фунтиковы, Давыдовы.

Среди поселений, основанных старообрядцами за перевалом, были, в основном, небольшие хутора, заимки дворов на 5–6. Это были заимки, в которых жили братские или родственные семьи (на х. Бакулевых жили семьи Филата Григорьевича, Степана Григорьевича, Ивана Григорьевича Бакулевых, на х. Плотниковых — семьи Изота, Викула, Аристарха, Парамона Сидоровичей Плотниковых, на х. Бортниковых-Илларион и Анастасий Филимоновичи Бортниковы), либо земляки. Хутора группировались по долинам рек и административно замыкались на одном из самых крупных поселков за перевалом — Улунга Бикинская.

Туда же, за перевал, в «смутные» времена предусмотрительно были перенесены скиты пустынножителей. Монастырь находился в нескольких километрах от х. Барановых. И вновь, как это уже бывало, здесь концентрируются наиболее преданные вере и авторитетные старообрядческие семьи, «стойкие христиане», «христолюбцы», «крепковеры», как называли их в народе: Кокорины, Чепкасовы, Стариковы, жившие при монастырях и оказывающие им помощь, известные настоятели, участники земских соборов, «верные хранители старины» — Бакулевы, Бодуновы [148].

Среди жителей Улунги Бикинской мы видим знакомые нам фамилии «улахинцев», бежавших в свое время из Каменки, Варпаховки, Кокшаровки: Мелкомуковы, Кокорины, Могильниковы, Полонянкины, Фай, Суковатицыны, Кирьяковы, Немкины, Чепкасовы и т. д. Так, «улахинцы» братья Новожиловы, А.М. Баранов, А.Н. Хомяков, А.В. Кокорин, Н.М. Сидоренко, пытаясь уберечь молодежь да и самих себя от призыва на военную службу в 1914 г., переселяются на р. Пея, а в 1921 — на Бикин [149].

Для советской власти эта глухомань была местом за семью печатями. О существовании там некоторых населенных пунктов властям стало известно после 1932 г. Первые попытки коллективизации в этом районе относятся лишь к 1930 г. в с. Лаухе.

В с. Лаухе, бывшем стойбище, жили в основном выходцы из урало-сибирского региона: Абрам Ганьжин, Викул Рудаков, Евстафий и Ефим Ломаевы, Мина Фунтиков, Георгиий, Кондратий Кузнецовы, Зиновий Семешов, Константин и Феодот Юрковы, Федор Пономарев, Евлампий Герасимов [150].

Х. Пермяковых. В 30-е гг. из Некрасовки на реку Зева переселилась семья Пермякова Федора Романовича [151].

Х. Новожиловых. Здесь жило несколько братских семей Новожиловых, переселившихся из Енисейской губернии Минусинского округа, д. Курочка. Предположительно, что более ранним местом выхода Новожиловых был Урал.

О семье Барановых, один из представителей которой жил на хуторе вместе с Новожиловыми, мы поговорим позднее. Путь, пройденный ими на Дальний Восток — типичен для многих старообрядческих семей, переселявшихся из Вятской губернии на Урал, далее в Томскую губернию, и на Дальний Восток [152].

Х. Шарыповых.

Многочисленный род Шарыповых в 30-е гг. XX в. был рассеян по всему Дальнему Востоку, Сибири, Китаю... Глава дальневосточной ветви Шарыповых Демид Дормидонтович, переселился из Томской губ. Бийского у., д. Уймон [153]. В Красном Яре родилось у Демида от первого брака пять сыновей: Ефтифий, Терентий, Евдоким, Гермоген, Николай [154]. Подальше от иноверцев-украинцев в числе других односельчан Шарыповы перебрались на северное побережье, в Кхуцин. В 1914 г. один из сыновей Терентий был призван на германскую. Вернулся с войны с Георгиевским крестом и пятью пальцами на двух руках. Позднее семьи Ефтифия и Терентия переселились за перевал, к Улунге Бикинской. «Жить стали в своем хуторе. Друг Терентия — Токарев был в войну военным фельдшером, обосновался на соседнем хуторе». Почти никого не пощадила судьба из старшего поколения Шарыповых. В 1932 г. были арестованы Терентий, Гермоген, Николай. Односельчане вспоминали: «Савелий Логинович Давыдов сам в тюрьме сидел, вернулся, рассказывает, что видел надпись на тюремной стене: „Прощайте, Гермоген Шарыпов". Ефтифия раскулачили и забрали как кулака еще до восстания» [155]. А в 1937 г. арестован сам Диомид. Расстрелян... Старику было уже 79 лет [156].

Заимка Токаревых. Семья Токарева Ивана Владимировича (Уфимская губерния) перебралась на заимку по р. Биамо в 1930 г. Вместе с Токаревыми на заимке проживали семьи Килиных, уроженцев Пермской губ. До переселения семьи проживали в Кхуцине [157].

Х. Бодуновых. Хутор находился в верховьях р. Бикин и был основан несколькими семьями Бодуновых. Бодунов Филимон Петрович был родом из Енисейской губ. Минусинского округа, д. Идры. С 1928 г. перебрался с родителями из Улунги на хутор. Филимон был человеком уважаемым и авторитетным у старообрядцев, в 30-х гг. был настоятелем, участником соборов. В эти же места рядом с хутором с 1928 г. перенесли монастырь, возглавляемый о. Авраамием и о. Иоанном. С 1928 г. здесь проводились соборы [158].

х Усть-Зева. (х. Барановых) Здесь обосновалась большая часть семьи Барановых, Николая Сидоренко и две семьи Старковых, впоследствии перебравшихся на свою землю в х. Старковых, или Старковку. Сюда же, ближе к хутору, переместили из опасных мест и монастырь о. Савватея. Позже к ним перебрались Акулов Иван, Соломенников Алексей [159].

х Старковка. Здесь обосновались семьи Старковых, Чепкасовых, Старцевых [160].

х. Бачелаза. Это был семейный хутор Бакулевых. Род Михаила Бакулева переселился из Пермской губернии Осинского уезда д. Филиппово. Другая ветвь бакулевского рода когда-то переселилась в Сибирь. Трое сыновей Бакулева Григория — Степан, Иван и Филат переселились из Томской губернии, с заимки на р. Чулым, жили в Енисейской губернии, с 1929 г. перешли на Бикин [161].

Какое-то время здесь жили Плотниковы, обосновавшиеся позднее отдельно на х. Плотниковых [162].

Помимо уже названных нами хуторов были и другие: х. Токаревых, х. Бортниковых, х. Малаховых и т. д.

Итак, к началу 30-х гг. XX в. старообрядцами была освоена вся территория края. Совершенно пустынное северное побережье и долина р. Бикин явились местом компактного сосредоточения старообрядческого населения: труднодоступный и относительно изолированный этот район притягивал к себе старообрядцев.

Участок начал колонизоваться старожильческим населением, пришедшим сюда из долин рек Даубихе, Уссури, Улахе, а также старообрядцами, переселявшимися сюда непосредственно из Европейской России, Урала, Сибири. Наибольшее количество крестьянских семей этих регионов переселилось на северное побережье в период 1910–1917 гг. Усилению переселенческого движения из европейских и сибирских территорий России в этот период способствовала столыпинская реформа. С начала 20-х гг. до начала 30-х гг. XX в. идет следующая волна переселений на северное побережье в связи с проведением коллективизации в стране. Эти же причины способствовали более активным миграциям старообрядческого населения из центральных районов Приморья и Амурской области.

Трн большие группы старообрядцев вплоть до начала 30-х гг. XX в. продолжали, насколько это возможно, сохранять свою самодостаточность. Ушедшие частично из долины р. Даубихе волго-вятские старообрядцы селятся относительно компактно в селах Амгу, Междуречье.

Новый район компактного расселения забайкальских старообрядцев появился на побережье (район б. Джигит). «Улахинская» группа, выходцев из урало-сибирского региона, осваивает огромную территорию по долинам рек Кхуцин, Тахобе, Кузнецовой, Единке, Самарге, Бикину.

Анализируя в общем миграционное движение старообрядческого населения в крае, можно говорить и о различной переселенческой мобильности этноконфессиональных групп. В этом отношении явно выделяются переселенцы из волго-вятского и урало-сибирского региона (во второй группе преобладали в количественном отношении выходцы из Томской губернии). Эти группы, переселявшиеся в край единовременно небольшим количеством семей в течение довольно длительного периода, проявили себя наиболее активно. Ими была заселена и освоена большая часть территории края.

Забайкальские переселенцы в Южно-Уссурийском крае изначально обосновались двумя большими группами в Ильинке и Красном Яре, оставаясь в границах этих селений длительное время, с 70-х гг. XIX в. по 10-е гг. XX в. Только в начале XX в. забайкальцы образуют новый район компактного расселения — несколько небольших поселков в б. Джигит, куда перетекла большая часть населения Ильинки и Красного Яра по разным причинам: внутриконфессиональный раскол, подселение иноверцев, начавшаяся коллективизация и т. д. Более поздние приселения семейских старообрядцев непосредственно из Забайкалья происходят, в основном, уже в этот район. Семьи забайкальцев, породнившихся в результате брачных связей с семьями из вятской или сибирской групп, живут в их среде.

За прошедшее время вновь изменилась ситуация в районах, колонизованных старообрядцами в 80–90-х гг. XIX в. Бывшие районы компактного проживания старообрядцев быстро превратились в районы со смешанным населением. Старообрядцы покидают обжитые места и перебираются на новые. При большом количестве внешних и внутренних миграций продолжают сохраняться основные принципы, обусловливающие расселение и локализацию старообрядческого населения на новых территориях (родственный, территориальный, конфессиональный).

Северное побережье стало родиной дальневосточного пустынножительства. Его история, как и история приморского страообрядчества в целом, теснейшим образом связана с урало-сибирским регионом.

Глава VII

«Пустынюшка родная,
Остаешься ты пустая,
Любимых чад
Тебе больше не видать...»

Повесть о разорении многотрудных северных скитов. Составлена братом Макарием // Духовная литература староверов востока России. XVIII–XX вв. Вып. IX. Новосибирск. 1999. С. 308.

Нынешний Кавалеровский район Приморья является своеобразными воротами на север края. Отсюда уже совсем рукой подать до северного побережья. Если взглянуть на карту 1905 г., то можно увидеть, что северное побережье еще почти пустынно. Даже в долине главной здешней реки Тетюхе отмечены лишь две-три одинокие фанзы да «Дом старовера». Для крестьян этот рудный район, видимо, не представлял значительного интереса, поэтому и обживаться крестьянскими семьями он стал сравнительно поздно. В 30-е гг. XX в. здесь, по единственной дороге, соединяющей центральные и северные районы края, ночью и днем тянулись крестьянские телеги со скарбом: старообрядцы уходили на побережье, подальше от цивилизации, коллективизации.

Но именно здесь появится еще одно позднее компактное поселение старообрядцев. В 40–50-е гг. XX в. в село под названием Кенцухе (позже китайское название села поменяли на русское, но довольно, заурядное — Горнореченск) переселятся из Амурской обл. около 20 семей: Мурачевы, Антроповы, Поповы, Мерзляковы, Краюшкины, Чащины, Собанины, Ударцевы, Симоновы, Трушниковы, Осинцевы, Печорины, Мормышевы.

Путь, пройденный этими семьями на Дальний Восток, занял несколько десятков лет и начался на Урале (Шадринский район, р. Исеть). Родные места старообрядческие семьи вынуждены были покинуть в связи с начавшейся коллективизацией. Впереди была длительная остановка в Сибири (Тобольская губерния Ялуторовский уезд), более кратковременная — в Амурской области (с. Козулиха на р. Биджан, прииск Ясный на р. Зея). Только в самом конце 40-х начале 50-х гг. XX в. семьи собрались на постоянное местожительство в Приморье, в Кенцухе [1].

Чуть позднее, в середине 50-х гг. XX в., в Кавалеровский район п. Хрустальный переехала семья Потеряевых-Буйловых. Их путь на Дальний Восток оказался не менее сложным, но в основе своей повторял маршрут предыдущей группы: Урал (Шалинский район р. Сылва) — Сибирь (Тюмень Юргинский р-н, с. Ново-Макурино) — Кемеровская обл. (Таштагол) — Приморье. В последнее время потомки этой семьи живут в г. Арсеньеве [2].

К этой группе, проживающей компактно, тяготеют еще несколько десятков семей, переселявшихся в край в разное время (нач. XX в. — 30-е гг. XX в.), проживавших, в с. Варпаховка (Новожиловы, Кокорины, Бакулевы, Бодуновы, Старковы, Чепкасовы, Юрковы и др.), переселившихся позднее на северное побережье края в сс. Пея, Канц, Перетычиху, Верхотуровку. С конца 20-х гг. XX в. эти семьи рассеялись по небольшим хуторам в долине р. Бикин: х. Бачелаза, х. Бакулевых, х. Новожиловых, х. Соломенниковых, х. Старковых, х. Барановых и т. д. Немногочисленные их потомки после долгих лет рассеяния смогли соединиться в общине г. Арсеньева в 40–60-х гг. XX в...

В конце 40-х гг. XX в. в г. Арсеньев переселяются семьи Кочевых, Сальниковых, Акуловых, Килиных, позднее, уже в 60-е гг. к ним присоединились семьи их ближайших родственников Кочевых — Куртяевых. Родиной этих семей была Пермская губерния, Шадринская волость, сёла Большая Уса, Мичура. И.И. Кочева вспоминала: «В с. Большая Уса в основном только два старообрядческих рода жило — Кочевы да Акуловы». Путь этой группы семей пролег через Алтайский край, Кемеровскую область, Туву. Часть семей вернулась на Урал, в Шадринск, часть перебралась в Приморье, г. Арсеньев [3].

Наконец, еще одна группа семей: Антроповы, Акуловы, Щербаковы, Буриковы. Они перебрались на северное побережье в с. Перетычиха уже совсем поздно, в 30-е гг. XX в., скрываясь от репрессий: «Божественников стали сильно гонять, а наш тятя грамотный был, книги хорошо читал, пел. У них в Иркутске своя отдельная моленная была» [4]. Последним местом жительства их до переселения в Приморье был Иркутск. К сожалению, сестры Антроповы уже не помнят, когда и откуда их семьи перебрались в Иркутск. «Мы в Иркутске всегда жили, а вот маму отец привез из Боготола... Почему так издалека? Да, наверное, просто услышал, что там девушки красивые есть, вот и поехал... Мама из рода Акуловых, откуда они — не знаю (Пермская губерния — авт.), а тятя из Енисейской губернии д. Маргола. Это на Чулыме» [5]. Таким образом, видимо, довольно большая группа семей, выходцев с Южного Урала, переселилась сначала в район Чулыма, Боготол, а затем многие из них переселились в Иркутск, где расселились компактно, на соседних улицах. Иркутская группа семей переселяется в Приморье, как мы уже сказали, в начале 30-х гг. Архивные документы подтверждают наше предположение: семьи Акуловых, Антроповых, Щербаковых, Токмаковых были связаны родственными связями и переселились из одних мест [6].

Сопоставляя воспоминания, рассказы информаторов, мы отмечали, что все эти, казалось бы, разрозненные семейные группы объединены не только общей территорией выхода, но и тем, что их миграционные пути были связаны с известными скитскими центрами Урала и Сибири. Они окажутся причастными и к появлению скитов в Приморье.

Сегодня многое уже известно о старообрядческом пустынножительстве... Вклад новосибирских, уральских исследователей в изучение истории урало-сибирского пустынножительства огромен [7].

Эпоха феодализма, время наибольшего распространения пустынножительства, внесла в раннехристианские идеалы (поиски высшего смысла жизни вдали от мира грехов, соблазнов, отказ от всякой собственности, отказ от праздной жизни, привычка к каждодневному молитвенному и физическому труду во имя поддержания собственных сил и выполнения нравственных законов странноприимства) свои коррективы. Идеалы небольших скитов в XVIII в. уже не вписывались в жизнь больших монастырских хозяйств, крупнейших земельных собственников, с их стремлением к расширению владений, жизни за счет чужого труда, использования наемных рабочих, накопления индивидуальных богатств монашеством.

Старообрядческое пустынножительство имеет свои особенности. Находясь в условиях постоянного преследования официальными властями и официальной церковью, оно могло выжить только благодаря поддержке крестьянских общин. Авторитет старцев и стариц, свято соблюдающих христианские заповеди, был поднят у старообрядцев на небывалую высоту; к ним обращались за советами, толкованием священных книг, советами в мирской жизни. Могилы старцев почитались в качестве святых мест. В самых глухих и необитаемых таежных местах, вокруг тайных обителей формировались крестьянские поселения. Иногда количество обитателей скита пополнялось за счет окружающего населения. Сами скиты становились центрами согласия. Таким образом, старообрядческие скиты зачастую опережали массовое заселение и освоение крестьянами новых земель, играя важную роль в крестьянской колонизации восточных окраин России.

Старообрядческие скиты часовенного согласия на уральской земле появились еще в первой четверти XVIII в., а во второй половине XVIII в. их обители возникли в Зауралье, Алтае — самом переднем крае колонизации того периода времени. Хозяйство таких традиционно небольших скитов было удивительно схожим с хозяйством крестьянских заимок. «Грань между ними может быть довольно условной, а сотрудничество — очень тесным» [8]. Находясь в условиях постоянной оппозиции официальным властям, скиты в то же время становились центрами идеологического протеста и играли «сложную и противоречивую роль в классовой борьбе крестьянства» [9].

Массовый уход последователей керженского инока Софония, основателя часовенного согласия, на Урал начался в 20-е гг. XVIII в. Шли годы, сменяли друг друга события, люди. После смерти в 1867 г. одного из руководителей скита софонтиевцев Максима его преемником стал о. Нифонт — автор известного «Родословия» — истории часовенного согласия. Скит о. Нифонта находился в Пермской губ., Кунгурском уезде, на р. Сылве близ д. Кедровка. В 1882–1883 гг. скит переместился дальше на восток в Тобольскую губернию Ялуторовский уезд. В 1892 г. после смерти о. Нифонта скит возглавили его ученики о. Савва и о. Силуян. Решив, что оставаться в здешних лесных убежищах становится опасным, часть пустынников ушла дальше в глухие места, на р. Чулым, а во времена великого потрясения, в 1917 г., скит был перенесен в непроходимые болота обского левобережья, на р. Парбиг в «Колыванскую тайгу». О. Силуян и о. Гурий отправились на Дальний Восток. Часть скитожителей во главе с. Игнатием обосновались в верховьях р. Малый Енисей в Туве. История часовенного согласия — «Родословие» — была продолжена о. Саввой уже в 1924–1925 гг. О. Савва умер в 1928 г. или 1929 г. и похоронен в Западной Сибири, в Колыванской тайге. Последнее переселение часовенных монастырей в Ярцевскую слободу на Дубчес произошло в 1936–1939 гг. Вместе с мужскими скитами переселялись и женские скиты. Женский скит в 1870-х гг. располагался также, как и мужской, на р. Сылва, Пермской губ., затем вместе с ним переместился в Тобольскую губ. Часть монахинь последовала за мужским скитом на р. Чулым, а затем в Колыванскую тайгу. Другая часть женского скита вернулась на Урал и долгое время, скрываясь, перемещалась с р. Сылва — Нижний Тагил — р. Пышма, там в XVIII в. находился еще один центр часовенных [10]. Такова вкратце история урало-сибирского пустынножительства. Немногочисленные семейные воспоминания старообрядцев, переселившихся в Приморье с этих территорий, являются для нас ценнейшими свидетельствами преемственности урало-сибирского и дальневосточного пустынножительства.

Наше знакомство с наставником горнореченской общины девяностошестилетним старцем Ефимом Гурьевичем Антроповым произошло еще в 1993 г. Мы очень надеялись, что привет от наставника арсеньевской общины намного облегчит наш первый визит и сократит срок взаимного приглядывания, привыкания друг к другу. Нас приняла приветливая и хлебосольная семья Антроповых — дочь Ефима Гурьевича, Татьяна Ефимовна и внучка Зинаида. Дедушка уже давно жил уединенно, отдельно от остальной семьи, в чистенькой избушке. Одна из половин домика была обустроена под моленную, где и собиралась небольшая горнореченская община. Обстановка ее была обычна для беспоповских общин. Вдоль глухой восточной стены на полках стояли большие и маленькие деревянные и металлические иконы. Алтарная часть — длинный стол, центральная часть которого была закрыта темно-синим бархатным покрывалом с изображением распятия и Голгофы. На столе — ящики с восковыми свечами (огарыши тоже аккуратно собраны в отдельный ящик), подставки для книг, в углу — шкаф для книг. Вдоль стен лавки, табуретки. В жилой половине на кровати у окна сидел щупленький небольшого роста старичок с редкой совершенно белой бородой и густющими белыми бровями, нависающими над глазами, что придавало лицу очень строгое выражение. Наставник был почти глух и очень плохо видел. Не имея под рукой ничего, кроме диктофона, мы все же изобрели

способ хоть недолго поговорить с ним: записывали вопросы на диктофон, а затем на предельной громкости через наушники давали их прослушивать Ефиму Гурьевичу. Разговор был малополезным для нас, хотя наставник был очень доволен.

Сам Антропов родом из небольшого сибирского села Кокорево Тюменской губернии, Курганской вол., а прадеды его из Пермской губернии. Семья перебралась на Дальний Восток уже в 1929 г. От коллективизации убегали. Горнореченская община слыла в Приморье одной из строгих: наставник старался точно соблюдать требования Устава во всем. Несмотря на возраст, сам присутствовал на всех службах. Во время повторного визита перед вечерней службой мы успели поздороваться и немного поговорить с теми, кого не видели уже несколько лет. Ефим Гурьевич, слава Богу, был жив, сидел на своем неизменном месте, хотя уже ничего не видел и не слышал. Не помог ему и слуховой аппарат, который мы раздобыли специально для него.

Во время службы я стояла, как и положено, за чистым пространством моленной, в жилой половине дома так, что мне хорошо были видны молящиеся. Рядом со мной на высоком столике лежали какие-то бумаги, письма, на которые я поначалу не обратила никакого внимания. Приглядевшись, увидела небольшую довольно потертую тетрадь без обложки, исписанную почерком Ефима Гурьевича. Дневник, подумалось мне. После службы, прощаясь с хозяевами, я выпросила у Татьяны Ефимовны тетрадь, чтобы познакомиться с ней подробнее во Владивостоке, но уже в машине не выдержала и заглянула по привычке в самый конец рукописи. Дыхание перехватило: автор писал о «христианской благой кончине» о. Нифонта, который «тихообразно уснул сном вечного покоя и оставил сиротствовати нас убогих учеников своих черноризца Саву и черноризца Силуяна с братиею...» Рукопись на этом обрывалась, далее шли записи постановлений собора с. Митькино.

Начало повествования было озаглавлено так: «Краткое описание о бегстве православного благочестивого священства, влекущаго благословение от Иосифа патриарха...» Помочь разобраться, что за произведение оказалось в наших руках, смогли ученые института истории СО РАН. Сдержанный голос Натальи Дмитриевны Зольниковой по телефону сразу умерил мой пыл... То, что мы нашли, оказалось только одним из многочисленных вариантов «Родословия» урало-сибирского старообрядчества. В этом плане мы не сделали открытия. В свое время варианты или точные списки «Родословия» были обнаружены сибирскими, уральскими археографами и, вероятно, еще будут обнаружены другими исследователями. Успокаивало лишь то, что найденный нами вариант, все-таки был первым таким вариантом, найденным на Дальнем Востоке.

Надежда обнаружить на Дальнем Востоке подобную литературу, по мнению специалистов, невелика. Но все же найденный нами список «Родословия», а также недавно опубликованное в издании сочинений старообрядцев часовенного согласия произведение приморского автора позволяют надеяться на лучшее. Возможно, произведение принадлежит перу о. Силуяна, ведь в «Повести чюдесных событий» неоднократно подчеркивался его ораторский талант: «...в писании божественном искусни быста обои, о. Сава и о. Силуян, яко свидетельствуют их писания...», «Отец Силуян... речист же бе, превосходя словесностью отца Саву. Отец Сава всегда его с собой брал, егда прилучашеся какова либо духовная беседа...» [11].

С именем знаменитого сибирского старца игумена Саввы связаны воспоминания потомков семьи Потеряевых-Буйловых. Их дед Тихон Андреевич Потеряев в течение многих лет был в с. Ново-Макурино наставником. А благословлен он был на этот трудный путь отцом Саввой! С другой ветвью — семьей Буйловых, проживавших в с. Староуткинское Шалинского р-на, связана история мелодраматическая. Прасковья Артемьевна Буйлова, старая дева, ушла в женский скит под Тюменью по собственному желанию, по накрытию носила имя Поликсиньи. После смерти сестры ей пришлось взять на воспитание ее дочь. «Маме в ту пору было лет семнадцать. Поликсинья умерла в скиту, ей 105 лет было, а маму уговорили стать накрытой, видишь ли, духовно-то она была очень грамотной. По накрытию дали ей имя Февруса. Жизнь суровая в скиту, мяса не ели, спали только на досках, но мама не страдала от этого... Так она прожила в скиту под Тюменью до разорения. То ли в 1934, то ли в 1937 гг. стали разорять скиты, приходили НКВД, говорили: „Пусть молодые идут работать, а старые — «Христа ради» просить". Мама с м. Александрой пошли в Сибирь своих християн искать. Сначала пошли к Василию Тихоновичу Потеряеву в Ново- Макурино, это тятин брат. Он жил вдвоем с матерью, а дед — то Тихон Андреевич уж к тому времени умер. Собор теперь у Василия Тихоновича был. Остались мама со старицей пока в их доме. Со временем мама поближе познакомилась со Степаном, тятей моим будущим. Полюбили друг друга сильно. Ну, и согрешили. Что делать? Призналась мама во всем духовнику. Духовник разговаривал со Степаном, сказал, что нельзя маму бросать. Делать нечего, нужно жить вместе. Вскоре у мамы сын родился, а их никто не брачит: сошлись-то в грехе, живут в грехе. Умер ребенок, тогда они разошлись. Мама уехала на Урал в Староуткинское, а отец остался. Переписывались они долго, отец все уговаривал маму вернуться. Уговорил. Мама вернулась и стали они жить в Большом Лабыше, там я и родилась. Потом тятю взяли на войну. Он до Берлина дошел, вернулся в 1948 г. Тут его и арестовали, сослали на Дальний Восток: 8 лет работал он на руднике в шахте Хабаровского края. В 1955 г. перебрались в Кавалеровский р-н п. Хрустальный... Настоятелем в Кенцухе был тогда Ефим Гурьевич. Собор не принял тятю, в грехе ведь жили. Тогда они сами стали собираться в Хрустальном. Братии много было до 40 человек, потом даже от Ефима Гурьевича стали переходить. У мамы до самой смерти хранился иноческий чин, я его с ней в гроб положила» [12].

С монастырскими обычаями и жизнью хорошо была знакома и Ирина Иосифовна Кочева, головщица Арсеньевской общины, родом из семьи Кочевых-Сальниковых. (с. Большая Уса и с. Мичура Еловского района). После тайного побега из уральского с. Большая Уса семья во время коллективизации кочевала по рудным районам Урала, Кемеровской обл. Ирине на себе пришлось испытать всю тяжесть работы на шахтах и золотых приисках, там и здоровье себе подорвала, инвалидом стала. Зато, вспоминает она, посчастливилось ей побывать в тамошних святых местах, обучаться в скитах. Первым учителем чтения стал отец — Иосиф Архипович. Позднее пению и чтению обучалась в монастыре м. Августы, находившемся недалеко от г. Златоуста. «Нас как староверов преследовали, мы учиться хотели, а нас с шахты не отпускали. Тогда мы самовольно уехали в Туву, вверх по Енисею, с. Брянь-Байгак. Там тоже обучалась в скиту у накрытых. В Туве много скитов и сейчас есть, только люди не видят их. Господь прикрывает. Меня там матушка одна обучала в скиту. Мученицей она потом стала, арестовали ее, долго мучали. Могила ее — святое место, туда много порченых привозили. Вообще святые места есть еще от Тюмени к северу, там иноки жили. Там есть такое место — Петровские горы, могилы святых старцев там. Так, Петровским постом мно-о-го людей туда шло поклониться им» [13].

Нужно сказать, что до недавнего времени общины с. Горнореченска, г. Арсеньева поддерживали связь с монастырями в верховьях Енисея, посещали соборы еще в 1995 г. К сожалению, сейчас это стало почти невозможным по многим объективным причинам. Единственная связь, доступная сегодня пожилым людям — письма.

С другим известным скитским районом Сибири по р. Чулым связаны судьбы семей Акуловых, Антроповых, Щербаковых, Шабуровых. Вспоминает Анна Савельевна Шабурова (Иродова в замужестве): «Наши родители на Чулыме богато жили, после революции трудно верующим стало. Нам записку подбросили: „Или уезжайте, или убьем". Все бросили, уехали. Остановились в Домикане, на Амуре. Жили там недолго, года два, потом в Кхуцин и сразу в Канц переехали. С нами о. Ки-

рилла из Чулыма ехал. Ехали на поезде. Вдруг поезд остановился, стоял долго. Всем страшно было, боялись заберут... Тогда о. Кирилла молиться стал, поезд сразу и отправился... Жили мы в Канце до 1933 г...» [14].

По воспоминаниям сестер Антроповых, Георгий Семенович Щербаков приехал в Приморье раньше их, успел пожить в с. Канц, потом перебрался в Перетычиху. Как в Канце, так и в Перетычихе Георгий Семенович был настоятелем. Его считали знатоком «книжности», строгим и справедливым. Сестру его, монахиню Ирину Щербакову арестовали, мучали, но все же выпустили потом [15].

Информацию о первых тайных пустынях Приморья я обнаружила в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока вскоре после его возвращения на родину, во Владивосток из Томска. Ида Николаевна Старостина, сотрудник архива, посоветовала посмотреть одно из дел, где, как ей казалось, был интересный материал о приморских старообрядцах. Только в самом конце толстенного тома я обнаружила нужные мне страницы. Это было дело о выдворении скитожителя Мокея Баранова с Ольгинского участка Приморского переселенческого района. Рапорт начальника Ольгинского участка от 6 октября 1915 г. начинался сообщением, что в 1911 г. обнаружен «лесной стражей самовольно поселившийся на казенной земле в тайге на р. Колумбэ, никем не заселенной местности... Мокей Павлов Баранов, который зарекомендовал себя скитожителем, старообрядческим начетчиком» [16]. Помимо него на заимке проживало несколько семей Барановых и семья Сидоренко. По тому, как скрытно жили хозяева заимки, было ясно, что семьи нигде не были зарегистрированы, и участок занят ими самовольно. Более того, власти заподозрили хозяев заимки еще и в укрывательстве мужчин явно призывного возраста от воинской повинности.

Осложнения для Мокея Баранова начались сразу же, как только пустынники были обнаружены. Продолжаем читать рапорт начальника Ольгинского уезда: «К нему, Баранову, стали являтся разные темные личности под предлогом вступить в его секту и он всем приходящим к нему стал предоставлять жилище и даже выдавать своих дочерей замуж за вступающих в его секту и называть их своей уже фамилией, что в особенности для преступного мира... послужило большой выгодой» [17]. Какое количество беглых скрывалось в скиту, так и осталось для властей загадкой.

В связи с полным отсутствием всяких дорог, попасть на заимку можно было только с началом навигации, да и то только при хорошей погоде. Дело затянулось не на один месяц... Было подключено и население ближайших к заимке деревень — Колумбе и Великая Кема. Паспортов не оказалось ни у одного из обитателей заимки. Более того, оказалось, что они сознательно избегают всякой регистрации и документов, поскольку считают себя скитожителями, а заимку — скитом. Действительно, глава семьи Мокей Баранов принадлежал к редкому согласию беспоповского направления в старообрядчестве — мельхиседекам [18]. Мокей Павлович Баранов, как мог, объяснял представителям властей, что «каждый вступивший в скит не должен сообщать свое происхождение и родословную» [19]. Отказался он сообщить и свое родословие. По признанию же одного из обитателей скита, Барановы были выходцами из Вятской губернии. По более поздним архивным документам нам удалось проследить путь Барановых из России на Дальний Восток: Вятская губерния, Уфимская губерния Белимбейский уезд (кстати, именно в Башкирии сегодня еще живет незначительное количество староверов этого согласия), Пермская губерния Осинский уезд и, наконец, Томская губерния Мариинский округ Тюхтайская волость заимки «Егорово становье», «Земляная Заимка» при р. Конда (бассейн р. Иртыш) и Четь, где по признанию хозяина заимки он жил до 1910 г. в течение 25 лет [20].

Случись такая ситуация даже лет двадцать назад, скитникам было бы несдобровать. Но время уже было другое. Сам Мокей Павлович вполне осознавал перемены, ссылаясь в своих объяснениях на Манифест от 17 октября 1906 г., вел себя весьма уверенно. «Тогда я (староста с. Великая Кема Ефим Гретчин — авт.) сказал: „Я должен их (жителей заимки — авт.) арестовать, а также тебя". „...не арестуете, а если хотите арестовать меня, то давайте мне две подводы я заберу семью, (всех? слово неразборчиво — авт.), все книги..." Когда я спросил Баранова: „Сколько тут всех?", — Баранов ответил: „Нас много, ко мне все прибывают..." Силой арестовать мы не осмелились, предполагая, что станут сопротивляться...» [21]. В конце концов подтвердились и более худшие опасения властей: дезертиры были налицо: один из жителей зиамки — Никола Сидоренко оказался беглым солдатом-фельдшером одной из воинских частей г. Никольск-Уссурийска [22]. Администрация Приморской области настаивала на насильственном выселении заимочников. Чем закончилось дело по их выселению, из архивных документов осталось не ясным...

Сюжет с барановской заимкой мучил меня многие годы... Что стало с самим Мокеем Барановым, его семьей? Упоминалось лишь, что кто-то из них собирался уйти на Светлую. Наверное, каждому, кто работал с архивными материалами, знакомо это чувство беспомощности, когда очередной архивный сюжет, разворачиваясь перед вами по всем законам драматургии, доходит до кульминации и вдруг обрывается... Снова и снова с удвоенным вниманием пересматриваешь каждый лист документов: вдруг, что-то пропустил, вдруг какая-то мелочь подскажет ответ. Такие попытки редко заканчиваются успехом. Наверное, только сочетание архивных и полевых исследований приводят иногда к потрясающим результатам, когда вот такой внезапно оборвавшийся архивный сюжет продолжается в сегодняшнем времени.

В 1996 г. я улетала на северное побережье края в экспедицию. На этот раз мне предстояло побывать в самых дальних старообрядческих поселках: Перетычихе, Единке, Самарге. Еще со времени моего первого обращения к этой теме меня не оставляла тайная надежда, что именно там я смогу найти новые материалы о пустынниках. Экспедиция подходила к концу.

Старообрядческий поселок Самарга, до которого пришлось добираться на трех видах транспорта, встретил меня неприветливо: туман, стена дождя, штормовой ветер, выбрасывающий на берег волны, которые с шумом втягивали в себя галечный берег. Поселок словно вымер. Из окон администрации поселка — свинцовое море, на его фоне — длинное, черное от дождя деревянное строение склада и стадо овец, забытое кем-то и стоящее почему-то идеально правильным неподвижным клином с мордами, вытянутыми навстречу ветру. Кроме шума ветра и волн в дом не долетало ни звука, от этого еще более усиливалось чувство ирреальности, словно и поселка — то самого не существовало. Наутро, как это часто бывает в прибрежном районе, ярко светило солнце, ласкалось море, куда-то подевались так поразившие меня овцы, кричали чайки, мычали, окликая друг друга коровы — мир наполнился звуками и возвращался к жизни. Пора было и мне приниматься за работу. Глава администрации поселка Удовенко... остудил мое рабочее рвение. «Никого из староверов здесь уже не найдете, семьи две осталось. Концевые и Затолокины». Ни одна из фамилий не показалась мне знакомой. В расстроенных чувствах побрела я к Концевым. Вряд ли фамилия Концевых была старообрядческой. Нужно быстрее убедиться в этом и продолжать работу дальше... Всю дорогу до дома Концевых я внутренне ужасалась мысли о том, что выбраться отсюда мы не сможем дня три, и эти три дня пройдут для меня впустую.

Предположения мои отчасти оправдались: хозяин дома худощавый высокий безбородый в форменной военной рубашке был из баптистской семьи. Хозяйка, Ксения Александровна, оказалась очень разговорчивым собеседником. Разговор довольно долго крутился вокруг современных поселковых проблем... Но делать нечего, расспрашиваю старушку о ее семье. Девичья фамилия Ксении Акиндиновны — Баранова сразу насторожила меня. Когда же она сказала, что деда ее звали Мокей

Павлович, я чуть не лишилась дара речи. После бурных восторгов, во время которых я сбивчиво пересказала Ксеннии Александровне все, что мне было известно о ее деде Баранове Мокее Павловиче, и опять усомнилась: «А ведь у деда вашего не было сына по имени Александр». «А я и не Александровна, по-настоящему-то я Акиндиновна», — пояснила она.

Позднее я узнала многое из того, на что не нашла ответов в деле Мокея Баранова. Действительно, у Мокея было 3 сына — Лазарь, Акиндин, Петр и дочь Александра. Ксения Акиндиновна рассказала мне, что долго пожить всем на той заимке не удалось: между отцом и сыновьями произошел раскол. Повзрослевшие сыновья, перешли в часовенное согласие, Мокей остался в прежней вере. Жить вместе стало невозможно. Отец Ксении — Акиндин с семьей уехал в Канц, остальные сыновья с семьями вместе с Николой Сидоренко. перебрались выше на Светлую, а потом на Бикин, х. Барановых. Дед же остался жить на р. Колумбе с сыном Иваном и внуком Кузьмой... По воспоминаниям Ксении Александровны, дед Мокей часто приходил к сыновьям и уговаривал их вернуться в веру... «Дед Мокей когда приходил к нам в гости, с нами уж не мешался, еду и посуду приносил с собой, а молиться выходил из дома с дорожной иконой» [23].

Семья Ивана перешла позднее жить в п. Колумбе, вошла в колхоз, а Мокей «вырубил себе „в камне" (в скале) пещеру». В ней и жил. Лестница у него была наверх. Нет, наверное, сегодня на северном побережье такого человека, кто не знал бы легенду об этой пещере. Каких только рассказов мы ни наслушались о ее хозяине: то он представал перед нами язычником, устраивавшим оргии в пещере, то развратным опустившимся белым офицером... А он к концу 30-х гг. оставался больным, одиноким стариком, находившим единственное утешение в молитве и уединении. Его арестовали в 1937 г. Спустили вниз его самого, следом за ним его большую библиотеку и увезли во Владивосток. Старик, сохраняя себя в чистоте, не мог принимать пищи: «Пищу от антихриста не приму», — говорил. В это же время был арестован и находился в этой же тюрьме его внук Савва, который пытался подкормить деда. Но старик не принимал пищи и от него, поэтому чрезвычайно быстро ослаб. Как бесполезную вещь выбросили его за ворота Владивостокской тюрьмы... Умер он от голода под тюремными воротами [24]. Судьбы остальных членов семьи Барановых и Сидоренко тоже трагичны: они пострадали в 1932 г., как проходившие по делу о восстании. Александру Баранову, монахиню, утопили в 1932 г. Николай Сидоренко, двоюродный брат Ксении Акиндиновны, и его сын Степан были также арестованы в 1932 г. Степану тогда было 16 лет. Его выпустили. В 1941 г. он добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен. Погиб при бомбежке госпиталя. Жену Акиндина — Марью Баранову арестовали в 1939 г. в Пугдо. Вытащили у нее из избы целый воз книг, посадили ее сверху и увезли. Больше ее никто не видел [25].

К сожалению, воочию увидеть эти места, скалу нам пока не удалось. Каждый раз, пролетая над этими местами, с высоты вертолета я зачем-то вглядываюсь в изгибы реки Колумбе, тщетно пытаясь увидеть прошлое.

«Дело о выгонке Мокея Баранова» на сегодняшний день пока единственное документальное свидетельство существования тайных обителей пустынников. Но, вероятно, их было гораздо больше. Чем было изначально место жительства Барановых: заимкой или скитом? Кто привел их на это место? Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы. Скорее всего барановский скит принадлежит к весьма распространенному и известному по сибирским материалам типу семейного скита-заимки, где роль каждого ее обитателя расписана и распределена заранее: кто-то молится, кто-то занят заботами о хлебе насущном. Как видно из донесений очевидцев, главную роль добытчиков, обеспечивающих существование обитателей скита, играли охотники. Глава скита — Мокей Павлович был главным молитвенником и идеологом скита. Он был собирателем единомышленников, единоверцев. Слова Мокея Павловича, уже цитировавшиеся нами, «Нас много, ко мне все прибывают...» свидетельствуют о том, что уже начался процесс формирования населения вокруг скита. Кто знает, как сложилась бы судьба обитателей скита, не вмешайся в этот естественный процесс власти... Но вмешательство властей опять-таки стимулировало уход какой-то части обитателей в неизведанные, дикие края на северное побережье...

К сожалению, пока только единичные воспоминания старожила Новокаменского хутора (хутор находится в нескольких километрах от старообрядческой деревни Каменка-авт.) да местные топонимы «Старушечий ключ», «Батенькин ключ» позволяют предположить, что тайные монашеские обители существовали и в центральном районе Южно-Уссурийского края, Чугуевской волости еще в 80–90 гг. XIX в. Возможно, отсюда скиты были перенесены на север края? Северное побережье, как мы знаем, было в это время относительно пустынным и весьма пригодным для размещения здесь монастыря.

Вряд ли и решение о переселении на Дальний Восток о. Силуяна и других старцев из Сибири было случайным.

«И как колебаться век стал, и мы поколебались. Отец Силуян и Гурий отправились в край восточный на открытое море...» [26]. Сюда же подумывали переселиться и урало-сибирские старицы. Об одной из неудавшихся попыток ухода в Приморье нескольких монахинь упоминается в Урало-Сибирском патерике «Повесть о м. Тавифе»: «Ихний близкий и надежный христолюбец Фома Абрамович (кстати, перерыв сотни старообрядческих фамилий, человека с таким именем и отчеством я пока не нашла — авт.) съездил во Владивосток, присмотрел места и начал приглашать... И отец Кирил с востока писал письмо им, шипко приглашал их во Владивосток» [27].

По информации Урало-Сибирского патерика, о. Силуян переселяется в Приморье в 1914–1915 гг. «Во время германской войны, преселишася о. Силуян и о. Гурий в восточные страны вблиз моря, и тамо пребысть о. Силуян до кончины своея...» [28].

Вряд ли можно считать случайным совпадением, что именно в это время из крупнейших деревень Каменки, Варпаховки, Кокшаровки Чугуевской волости, в долину рек Пеи и Канца направились наиболее «стойкие хранители старых устоев», «христолюбцы»: Плотниковы, Полонянкины, Мелкомуковы, Шабуровы, Чепкасовы, Куликовы, Чистяковы, Кокорины, Юрковы, Бакулевы. Это были представители больших богатых уральских и сибирских родов. Именно из их среды вышли известные наставники старообрядческих общин края, знатоки «книжности». Сюда же переселяются представители Волго-Вятского региона, не менее состоятельных семей (искателей Беловодья) — Давыдовых, Нагорновых из Самарской и Уфимской губерний.

Долины рек Светлая, Пея, Канц стали особым районом Приморья. Здесь окончательно оформилось приморское пустынножительство. Здешние места были почти необитаемы. Здесь не было крупных деревень. Небольшие деревушки были наперечет: Верхняя Пея, Нижняя Пея, Канц. Хутора в 10–15 дворов были наиболее распространенным видом крестьянских поселений: х. Семинский, Соломенникова, Лошкаревых, Якунинский, х. Новожиловых, х. Киловой, х. Юрковых, Фунты.

Помимо полевого материала важнейшим источником в изучении этой темы стали следственные материалы по делам старообрядцев, репрессированных в период 1932–1938 гг. Помимо сведений, содержащихся в допросах арестованных, материалы дела содержат редчайшие документы: постановления старообрядческих соборов, письма, полемические произведения самих старообрядцев. Особенно много важной информации содержится в показаниях одного из руководителей восстания, Соловьева-Медоловича.

Итак, к началу 30-х гг. XX в. на северном побережье Приморья существовало три монастыря: крупный монастырь в верховьях р. Пея (настоятель игумен Силуян, после его смерти — о. Виларий). Происхождение этого имени в рукописи

Н. Медоловича не ясно. По мнению сибирских ученых, такого монашеского имени не может быть. В материалах дела по восстанию Медолович называет именно это имя. В воспоминаниях приморских старообрядцев звучало также это имя — Вилари́й... Возможно, это искаженное имя, какое-то одно из трех Виталий, Валерий или Илуарий. Все эти имена носили реальные люди, иноки, жившие в монастырях северного побережья. Их судьбу еще предстоит выяснить. Второй монастырь находился в верховьях р. Бикин (настоятель — о. Иоанн). Третий монастырь — в верстах 15 от х. Барановых (настоятель о. Савватий). Вокруг этих монастырей и объединялось старообрядческое население Приморья (часовенное согласие).

Помимо этих имен Н. Медоловичем упоминалось уже знакомое нам имя старца Кириллы, именовавшего себя «старцем-богомольцем» (перебрался на Дальний Восток с Чулыма после 1917), и имя — о. Александра Шарова. Вот, пожалуй, и все имена монахов, которые назвал Медолович. Но если существовали не отдельные маленькие скиты, а монастыри, стало быть, можно попытаться поискать другие имена.

Начать поиск в архиве КГБ мне не удалось: для поиска по алфавитной картотеке нужно было знать по крайней мере фамилию, а у монахов она чаще всего оставалось неизвестной. Не помогла в этом случае и единственно известная фамилия о. Александра. Дела на его имя заведено не было. Возможно, ему удалось скрыться, он умер своей смертью? Ну, вот, кажется, и все, что можно было извлечь о монастырях, скитах из показаний Медоловича. Нет, упустила еще одну деталь — записку, написанную полууставом на ветхом обрывке бумаги. Тогда я не заинтересовалась ее содержанием, хотя добросовестно переписала ее для себя, но именно она вывела меня на эту тему, правда, совершенно с другой стороны.

Записка была короткой, написана, как я сказала, полууставом, поэтому переведена и прокомментирована для следствия все тем же Медоловичем. «Уже время настает злое. Всюду разгораются войны. Ничего нам не продать. Всем писаться в союз. Издается таков указ, что без союзных карт (членская кооперативная книжка) не купишь и своего не продашь. Время идет, а злоба растет, Антихристовы предтечи умножаются. Уже какой-то в Индии... выдает себя за Христа. Как слышно по воздуху летает, мертвых воскрешает, больных исцеляет и прочие видения показывает и перед собой имеет 12 человек послушников и себя называет Христом, а учеников называет апостолами. За ними ходит 5 тысяч человек и все его принимают за нового христа. Здесь, где я живу, около отца Саввы, то здесь он (т. е. антихрист) уже в новой (советской) книжке напечатан, какой он есть видом. Я сам не видал, а другие свидетели и читали про него» [30].

Комментарий Медоловича к этой записке содержал более полезную тогда для меня информацию. «Эта записка касается некоторого индийского пророка, о нем года три тому назад, как я слышал на Бикине — было кое-что напечатано в одной из советских газет, как представителе и проповеднике одной из буддийских религиозных сект, действовавший на толпу своих последователей, очевидно, свойствами факира. Что касается происхождения самой записки, то записка эта прислана из Енисейской области в ней упоминается об „отце Савве“. Отец Савва (настоятель монах-черноризец) имел под своим покровительством два монастыря — мужской и женский. Монастыри находились в тайге вниз по реке Енисею, имея редкую связь с населением старообрядцев через надежных, в религиозном отношении, третьих лиц. Отец Савва имел постоянную письменную связь с Бикинскими монастырями отца Савватея и отца Вилария. Года 2–3 назад отец Савва со своими монастырями удалился вглубь тайги, вниз по Енисею в холодные места, где хлеб уже не произрастает, рассчитывая питаться рыбой и овощами. С этого момента связь с Бикином стала редкой. По слухам в монастырях отца Саввы жило значительное количество молодых монахов и монахинь...» [31].

Безусловно, важные сведения о существовавшей и поддерживающейся связи между сибирскими и дальневосточными старообрядческими монастырями меня заинтересовали, но этот путь поисков показался тогда таким длинным и не реальным. Мне в то время совершенно ничего не известно было об огромной уже проделанной работе новосибирских, уральских ученых археографов по истории урало-сибирского старообрядчества. Но случилось так, что именно к этой информации мне пришлось вернуться очень скоро. С небольшим перерывом журнал «Новый мир» за 1991 и 1992 гг. опубликовал две замечательные статьи Н. Н. Покровского, которые я прочитала взахлеб. Автор, рассказывая о последних находках новосибирских археографов, подробно останавливается на «Истории о отцех и пустынножителях, в последнее гонительное время подвизавшихся в северных краях Русской земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни», трехтомном рукописном сочинении, чудом дошедшем до наших дней. В «Повести чюдесных событий» (таково еще одно название этого произведения) рассказывается о «истории старообрядцев часовенного согласия с петровских времен до горбачевских» [32] и содержала в себе биографии сотни пустынножителей. Я не могла поверить своим глазам, когда увидела в тексте имена... дальневосточных пустынножителей — о. Силуяна, о. Гурия, о. Кирилла. Теперь становилось известно, откуда пришли в Приморье уже упоминавшиеся в деле Н. Медоловичем монахи...

За первой удачей последовала новая... Буквально через месяц мне позвонили из архива тогда еще КГБ: нашлось дело какого-то монаха Кириллы. Дело по объему тонюсенькое, в несколько листов, было озаглавлено «Дело № 103163. Старец Кирилл». Снова тот самый старец! Власти, как сообщал оперуполномоченный, обнаружили в тайге скрывающегося старца Кирилла со старицей Лукерьей. До 1930 г. старец жил в монастыре, что на р. Пее, после ликвидации монастырей продолжал жить в тайге. Как удалось выяснить оперуполномоченному, старец очень строго соблюдал монашеский «режим» и по монашеским убеждениям не имел паспорта. «За чтения и вероучение» он получал одежду и питание. В конце концов, повезло старцу несказанно: постановлением от 27 марта 1940 г. дело было прекращено в связи с преклонным возрастом старца [33]. Ему было около 70 лет. Какова его дальнейшая судьба? А может быть, еще кому-то из монахов удалось спастись?

Единственными, кто теперь мог нам помочь, были старообрядцы. Огромную помощь оказал нам в наших поисках наставник арсеньевской общины Иосиф Ермилович Юрков. В течение вечера он вспоминал то, что сам видел, что старики рассказывали.

«Монахи у нас в последнее время по Бикину все больше жили. Были накрытые и ненакрытые. Накрытых почти всех утопили после восстания. Отец Кирилла потом тоже арестован был, но его отпустили. Он вернулся и жил потом в Тернее на базаре, в сараях, где метлы и лопаты ставят, скитался. Одна женщина, она медсестрой работала, мать похоронила и жила одна, верующая была (Агафья Суханова — авт.) [34]. Встретила о. Кирилла, забрала его к себе, ухаживала за ним. Муж ее на фронте был. Потом сама тяжело заболела, о. Кирилла ухаживал за ней. А перед смертью больная захотела масла постного поесть, а взять-то его негде было. Всю ночь молился старец, под утро уснул, а когда проснулся, то на столе бутыль с маслом стояла. Больная еще немного пожила, скончалась» [35]. «После Кириллу взяла себе Федосья», — продолжила рассказ брата сестра Иосифа Ермиловича — Христинья Ермиловна, — «Отец Кирилла и не болел совсем. Перед смертью воды попросил напиться, оделся во все чистое. Лег на лавку и наказал Федосье: „Как умру, меня не трогать так в гроб и положить. До монахов, вишь, нельзя касаться мирским“.» [36]. Вспомнил Иосиф Ермилович и мирское имя о. Кириллы — Калина «Он, когда молодым был, детей учил по духовному, а старица Лукерья — это его родная сестра, тоже монашка накрытая. Она или

в тюрьме умерла, или по дороге домой, но в Терней уже не вернулась. Имя свое старец никому не говорил, а называл себя старцем-богомольцем» [37].

Первые подробности о жизни о. Силуяна мы тоже узнали от Иосифа Ермиловича. Он продолжал: «Монахов о. Вилария и о. Савватея в 1932 г. утопили. Об о. Силуяне я много слышал от бабы Марфы, она еще рассказывала, что он был из богатой семьи. Родители ему девушку сосватали, а он не хотел жениться. Однажды запряг жеребца, уехал в поле, слез с коня, привязал вожжи к саням и направил жеребца к дому. Сам ушел к монахам. Родители подумали, что он погиб, и не искали его. Позднее, когда в возрасте был, накрыли его, молодых не накрывали». «А еще Марфа рассказывала, что во время молитвы вдруг встал перед о. Силуяном бес, заслоняет икону, но Силуян продолжал молиться, тогда видение счезло. Праведный был монах, и могила его — святое место, только, где она?» [38].

Во время последней моей поездки на северное побережье настоятельница общины в с. Перетычиха Анна Савельевна Иродова вспоминала, что тогда она еще девчонкой была, но помнит и о. Кирилла и о. Силуяна. «Отец Кирилла высокий был, волосы черные, голова немного тряслась. Он всегда у нас, у Шабуровых останавливался. Деды потом рассказывали, что отец Силуян — невысокий, кафтан до полу, с пелериной. Он воду святил, потом эту воду долго хранили, говорили: „Это вода о. Силуяна". С ними еще приезжал всегда о. Александр (видимо, это и был о. Александр Шаров — авт.). Он с Бикина. Иконописец был, очень строгий, с нами никогда не ел, готовил сам себе» [39]. О последних днях о. Силуяна вспоминает Черемнов Моисей Павлович: «Мать моя рассказывала, что о. Силуян все мог предсказать, даже смерть свою предсказал и предупредил монахов за 12 дней» [40].

Ксения Александровна Концевая (дев. Баранова) рассказала и о об о. Гурии: «О. Силуян был нашим духовным отцом. Они часто с о. Гурием приезжали к нам, жили в отдельной избушке. Они и в скиту одном вместе жили. Гурий потом поссорился с Силуяном, нашел неточность какую-то в духовном обряде, ушел от Силуяна, сам себе сделал избушку. В монастыре после смерти о. Силуяна командовал Гурий» [41].

Очень скоро все, что было рассказано нам о пустынниках нашими информаторами, почти дословно было подтверждено рукописью, уже упоминавшейся мной — «Повести чюдесных событий», открытой новосибирскими археографами и хранящейся в институте истории СО РАН. Наша конференция «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» предоставила мне прекрасную возможность познакомиться с Н. Д. Зольниковой, уже давно и очень успешно занимающейся историей сибирского пустынножительства. Я попросила ее по приезде в Новосибирск еще раз посмотреть текст уже более предметно, вдруг там есть какие-то более обстоятельные сведения о дальневосточниках, помимо того, что уже я смогла прочитать в очерках Н. Н. Покровского. Результат превзошел все ожидания. Наталья Дмитриевна прислала мне ксерокопию целой главы, называемой «Об отце Силуяне». «О сем отце Силуяне ученик его Александр повествует сице...» [42], так начинается рукопись. Неужели, это снова тот самый о. Александр Шаров, который, по словам старообрядцев, всегда сопровождал о. Силуяна? Следы о. Александра теряются после 1932 г. и пока мне не удалось узнать о нем почти ничего. По слухам, он смог затеряться и скрывался в Комсомольске. Рукопись содержала рассказы- жизнеописания дальневосточных пустынников о. Силуяна, о. Виталия, а также упоминались имена, уже известные нам о. Авраамия, о. Кириллы, о. Савватия. Я очень надеялась, что обязательно найду в тексте упоминания о восстании. Но, не вдаваясь в подробности трагических событий 1932 г. в Приморье, о. Александр счел нужным сообщить лишь предположение о том, что восстание было спровоцировано: «По преставлении отца Силуяна... бысть в том месте раззорение обителей и заимок християнских от властей, по возбуждению некоего человека, посланного от них еже возбудити (возставити) на них заимских жителей, занеже неразумевшим коварства его. И во время нахождения разорителей приблизившихся к келиям, мнози рабегошася, келии сожгоша...» [43]. Кстати, эта версия популярна у старообрядцев и, кажется, сегодня даже больше, чем тогда. Как я уже говорила, эту версию нельзя отрицать: у властей был накоплен достаточный опыт проведения таких операций, но и утверждать безоговорочно мы не сможем: вряд ли мы когда-нибудь получим доказательства этого. Сегодня нам остается только предполагать.

Самым удивительным было то, что глава «Об о. Силуяне» содержала уже слышанные мной от старообрядцев все те же рассказы о чудесах: видении бесов «душевными очами», предсказании собственной смерти, чудотворной силе его могилы. Для меня это было новым потрясением и примером соединения и взаимовлияния устной и письменной традиции. Часть преданий житийного характера, видимо, была широко распространена в Приморье. Позднее, благодаря записавшему их о. Александру, они стали частью агиографической «Повести чюдесных событий». Легенды же об о. Кирилле продолжают жить как устные народные предания среди приморских старообрядцев.

Итак, видимо, закончился определенный этап работы с соборными постановлениями, и нужно было расстаться с ними, чтобы двигаться дальше. Но и сами эти документы стоят того, чтобы остановиться на них немного подробнее. После нескольких лет накопления информации соборные уложения больше не были дверью за семью печатями. Напротив, они все больше становились ключом к пониманию конкретной исторической ситуации, сложившейся в 20–30 гг. XX в. в крае, сложных проблем крестьянского старообрядческого сознания: споров о конце мира и приходе антихриста, в связи с этим — отношением к миру, власти, внутриобщинных отношений, соотнесенность правил и исключений, запретов и разрешений.

В проведении соборов, которые, по словам Н. Медоловича, происходили ежегодно, участвовали самые авторитетные выборные представители общин часовенных, настоятели, старцы, монахи не только северного побережья, но и всего Приморья. Реально приблизившиеся советские реформы заставили устроителей перенести соборы в еще более глухие места, в район р. Бикин. Решения соборов скреплялись подписями старцев, рассылались в общины и были обязательными для исполнения всеми их членами. В связи с весьма сложной и опасной ситуацией одно из соборных уложений заканчивалось такой фразой: «К сему соборному уложению хотя руки и не приложили, но единолично и словесно утвердили...» [44].

Сохранившиеся в уголовном деле соборные уложения, как я уже говорила, датируются 1926–1927 г. Они отразили круг основных проблем, волновавших старообрядцев в то время, богословских, политических, внутриобщинных, бытовых. Так, давно и бурно обсуждаемый в старообрядчестве вопрос об отрицании Сатаны во время обряда крещения, не находит разрешения и на этот раз. Присутствующие вновь просили время, чтобы посоветоваться с братией. Собор удовлетворил их просьбу. В стадии обсуждения остался и другой вопрос — о богоявленской воде. Вопрос этот и сегодня вызывает споры в старообрядческих общинах края.

Несмотря на относительную изолированность северного побережья новые явления начинают проникать в жизнь старообрядческих общин, вызывая обеспокоенность у ревнителей традиций: «Шапки из поганого зверя не носить, а кто будет носить — отлучать. И кепки, и картузы не носить.». «Пиджаки и сапоги со скрипом не носить». «Женам и девицам так же с нашивками и многообразными борами и горбами одежду не делать, не шить, не носить, т. к. это не по-христиански, снаряжаться девицам многообразной красотой и ходить на прельщение юных, неутвержденных в разуме» [45]. Один из наиболее часто обсуждаемых вопросов — вопрос «о неядении с мирскими». «У кхуцинских по нужде можно хлеба поесть, а кто по-

ест, то за сие отмолится одну седмицу, а варево кто поест, то на шесть недель 200 поклонов, а медовухи напьется, то на семь дней 100 поклонов, а сия опасность от кхуцинских ради вин, потому что из них некторые ходили с флагами в честь пострадавших не за христианскую веру мучеников, а некоторые детей в школу потдавыали, и все подписались под новое число» «У пейских и канских богобоязливых мужей, хранящихся от различных записей, хлеб можно есть» [46]. Пространные рассуждения о пьянстве, о матерном слове проникнуты беспокойством о нравственном здоровье общин: «В нынешние плачедостойные времена за наше слабое необозрение проросло среди братии нашей глубоко укорененное и всегубительное пьянство», «...еще у нас, христиан, возникло изустное осквернение — лаяние матерное». За нарушение запретов на пьянство, ругательства матерными словами следовала суровая епитимья: «поста на 40 дней и 100 поклонов на день» [47].

Бурное обсуждение современной ситуации, наступивших перемен находит отражение в соборных уложениях. Первые же строки одного из соборных уложений оценивают суть происходящих событий: «И по описанию святых богоносных отцов все бывшие на соборе признали, дожили до последних времен» [48]. Соборные уложения дают конкретные указания, как следует вести себя истинному христианину по отношению к антихристовой власти. «Все согласны блюстись предтеч антхристовых по слову Иоанна Златоуста, новый календарь не принимать и под новое число не подписываться...», «...в кооперативе, Дальторге и в Союзе охотников и прочих казенных лавках не брать самим лично, чтоб не попасть в росписи к новому числу». По поводу денег давалось особое разъяснение: «Деньги новые можно брать, потому что и в древние времена при царях нечестивых были образы нечестивых царей на деньгах и нигде христиане не обегали их» [49]. С восстанием и последовавшими за ним репрессиями соборы в Приморье больше не проводились.

Со временем, благодаря воспоминаниям наших знакомых, мы смогли установить, как выглядели внешне скиты, монашеские кельи дальневосточных пустынников. «В 1935–1936 гг. я жила в няньках на Пее, видела там еще оставались кельи женские. Их там несколько старицжило, все обустроено у них. Специальная комната для жилья, там строго все, ничего лишнего. Стол, кровати, лавки — вот и все. Из этой комнаты ход в моленную. Она узенькая, впереди у стены аналой, вдоль него старицы и становились для молитвы. В келье этой два выхода было. Старицы жили в своей келье, а старики через реку» [50].

А вот как вспоминают о жизни пустынников наши информаторы. «На побережье дивно стариков было. Вплоть до перевала были скиты. Когда их разогнали, через много лет нашли в том месте около скита плуг в рахоте, так из его ручки лесина выросла». «На реке Пее было 2 монастыря, мужской и женский. Пахали, косили сено, кузня была, свой хлеб, монахини держали коров. Своим трудом жили, ну и помогали им, конечно, Скиты были навроде маленьких домиков, крыши из тополевой коры, жили в них по 1–2 человека» [51].

Окрестные жители помогали пустынникам выживать, опекали и оберегали их скиты от случайных и не случайных гостей. «В монастыре на Пее жил старец Кирила со старицей Лукерьей. Когда монастыри стали уходить на Бикин, он не ушел туда из-за убогой сестры, поэтому их переселили на Новожиловский хутор к Новожилову Симону Андреевичу, а когда уж и от Симона Андреича стали разъезжаться, то двинулись — кто в Андреевку, кто куда. Тогда старец Кирилла перешел к Логину Мироновичу, что по Осипову ключу, жил там сколь-то времени, а в 1936 г. обчество Семинской заимки построило ему избушку. Но и там неспокойно было: заключенные бегали, тогда его в Канц перебросили на ключ, там в келейке и жил» [52]. Благодаря поддержке крестьянских семей приморские пустынножители смогли безбедно жить до самого их разгрома в 1932 г. «На Пасху да и в будни положат нам, ребятам, съестного и отсылают к старухам. Я только двух монахинь помню, одну Флена звали... Если монахи к нам на хутор долго не ехали, родители собирали питание, везли на конях» [53].

Поиск новой информации о дальневосточных пустынниках обещал стать бесконечным, ведь оставался единственный путь: просмотр дел репрессированных старообрядцев подряд, дело за делом. Все больше я теряла надежду. И все же архивные документы открыли имя еще одной монахини, чтимое среди приморских старообрядцев — имя Мясниковой Екатерины. Из показаний свидетелей явствовало, что она была накрытой монашкой и пользовалась огромным авторитетом у местного населения: к ней приезжали староверы с Единки, Самарги. «Она является самым корнем староверства, от нее исходят все указания. Приходя к ней, староверы все ей кланяются в ноги» [54]. Пытаясь укрыться от всеобщей паспортизации, Мясникова уговорила Назара Козлова объявить ее умершей... Обман, как и следовало ожидать, раскрылся. Какое-то время Мясниковой удавалось скрываться. Среди имен тех, кто помогал монахине, я, к огромному своему удивлению, обнаружила давно известную нам фамилию Нагорновых!.. Бог знает, почему мне не пришло в голову еще тогда в первую нашу встречу порасспрашивать Федора Михайловича Нагорнова о скитах, монахах, ведь семьи Нагорновых, Давыдовых были в числе тех, кто первыми заселял долину р. Пея. В следующую же нашу поездку я попытались устранить свою оплошность. От Федора Михайловича мы узнали, что впервые Екатерина Парамоновна Мясникова появилась в с. Пея, в трех километрах от Самаровки, где жили Нагорновы, с мужем Алексеем Николаевичем и дочерью Вассой, Васеной, лет шестнадцати. Самим им тогда было лет по 50–55. Откуда приехали — никто не знал. Позднее из дела Мясниковой я узнаю, что год рождения ее 1873, приехали они с Урала, с. Колверны. Но вероятнее всего, что Урал был промежуточным этапом в продвижении семьи Мясниковых на Восток. Совсем недавно уже известный исследователь рода Соболевых Г. Ф. Соболев прислал для музея фотографии своих родственников. В их числе была и фотография Георгия Мясникова! Как оказалось, он был двоюродным братом матери Г. Ф. Соболева (волжский род Киршиных). Георгий Филиппович пишет: «Фотографировался он еще до революции, служил в каких-то элитных войсках... Я о нем почти ничего не знаю. Давыдовы, Киршины, Мясниковы жили до этого в Башкирии, Татарии, Сызрани... Многие из них уехали в Приморье...». Так вот откуда и Нагорнов Ф. М. знает Мясниковых! [55]. А при перечитывании дела о восстании обратила внимание на информацию Н. Медоловича о том, что 4 года назад (1927–1928 гг. — авт.) с Урала приехал казак некто Мясников Егор Николаевич, который в прошлом был человеком очень богатым, но все бросил и жил якобы в монастыре о. Савватея [56]. Имена самого Мясникова назывались разные. Медоловичем — Егор, Нагорновым — Алексей). «Они оба были явно не из крестьян», — продолжает Ф. М. Нагорнов, «- все в округе удивлялись, что работать они не умели. Алексей Николаевич пас одно лето овец, а было видно, что за скотом совсем не может ходить. Куда потом девался он, тоже не известно. Они исчезали и появлялись снова. Потом Мясникова появилась уже в Самаровке (куда выселили и Нагорных) как накрытая монашка, мать Енафья, уже одна (дочь отдала работать в няньки). Скрывалась в маленькой избушке, построенной как свинарник, с тайным ходом в конюшню. Мы сделали ей нары, икон много у нее было, молилась много. Милостыню ей многие носили [57]... В 1937 г. мать Енафия была арестована, ей предъявили обвинение в том, что она является „...старообрядческой начетчицей, проживающей на средства, получаемые контрреволюционной агитацией". Через пять месяцев ее расстреляли» [58].

В истории дальневосточного пустынножительства написаны только первые страницы. Нам столько еще предстоит узнать, но даже из того, что нам уже известно сегодня, можно говорить о дальневосточном пустынножительстве как географически конечном этапе в продвижении часовенных скитов от Поволжья до Урала, Сибири и, наконец, Дальнего Востока. На полевом и архивном материале мы убедились, как много общих имен, общих судеб связывают урало-сибирское и дальневосточное пустынножительство часовенного согласия.

Глава VIII.
«...смятение великое...»

Советская власть на Дальнем Востоке была окончательно установлена в 1922 г. Массовое переселение крестьян на Дальний Восток было прервано революционными событиями. Теперь он был отрезан от центральных губерний России. В последующие годы население пополнялось за счет беженцев и военнопленных. По словам исследователей, данные о численности переселенцев 1917–1925 гг. очень противоречивы, поскольку учета их в те годы не было [1].

После революции 1917 г и гражданской войны Дальний Восток возвращался к нормальной жизни медленно: еще до 1922 г. продолжалась смена правительств, интервенция, партизанская война. Основной крестьянский вопрос — право на землю, был решен в советском государстве быстро и однозначно: земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, т. е. народу. Правда, совсем скоро стало очевидным, что крестьянин не только не получил земли, но был отчужден и от средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда, лишен паспорта и права свободно выбирать место своего жительства [2]. Социалистические преобразования в деревне наталкивались на сопротивления народа и сопровождались большими человеческими жертвами.

Особые условия Дальнего Востока по сравнению с другими территориями страны несколько смягчили проведение уравнительного перераспределения надельных земель, разрешали частичную аренду и использование наемного труда, правительство воздержалось и от создания в деревне комитетов бедноты, не взималась продразверстка. В среднем в эти годы процент крепких крестьянских хозяйств на Дальнем Востоке превышал долю таких хозяйств по стране [3]. Свою положительную роль сыграла и удаленность дальневосточных территорий от центра. Так, Приморская губерния, первая по приросту крестьянского населения в эти годы, отодвигалась на последнее место по приросту хозяйств: в Забайкалье по сравнению с 1917 г. количество хозяйств выросло в 3,6 раза, в Амурской обл. — в 1,7 раза, в Приморской — в 1,3 раза. Чем дальше находилась область от центра России, тем позже там укрепилась революция, тем меньше было дробление хозяйств, ибо слабее действие центральной власти [4]. IV Дальневосточная конференция по сути констатировала, что в дальневосточной деревне «население по-прежнему продолжает пользоваться землей, как оно пользовалось ей и раньше» [5]. Тем не менее, уже в начале 20-х гг. в ДВР началось внедрение новых форм хозяйства: создаются первые коллективные хозяйства-коммуны, артели. После упразднения ДВР советская власть ужесточила меры по ликвидации всяческих привилегий, ликвидации кулачества. Такими мерами стали проведение землеустроительных работ и налоговые обложения.

В 1925–1926 гг. правительство молодой советской республики вновь обращает внимание на Дальний Восток. Организация в эти годы планового переселения в эти районы диктовалась все теми же задачами — необходимостью переселения малоземельных и безземельных крестьян из центральных районов страны. Разруха в промышленности и безработица в городах способствовали перенаселению и избытку труда в сельских местностях. VII Дальневосточная партийная конференция поддержала это решение правительства. Признавая промышленное освоение Дальнего Востока главной стратегической задачей, конференция отмечала, что продолжение сельскохозяйственного освоения станет его базой, решит продовольственный вопрос в регионе. Отдачу от освоения предполагали получить в кратчайшие сроки с минимальными затратами, поэтому переселять новоселов предполагали уже в обжитые районы [6]. Среди переселенцев на Дальний Восток плановые составляли 4/5 от всего числа переселенцев [7]. Нужно отметить, что в общем потоке плановых переселенцев были и старообрядцы, уходившие от коллективизации в европейской части России.

В 1929 г. правительством страны был взят жесткий курс на сплошную коллективизацию страны в кратчайшие сроки — три года. Этому способствовал и разразившийся в стране хлебный кризис и голод. В январе — середине 1930 г. в стране произошло 2 000 крестьянских восстаний, в подавлении которых участвовали органы ОГПУ, армия, авиация. На Дальнем Востоке мероприятия по коллективизации начались только в 1930 г., но вызвали такую же реакцию крестьянства. Уже в феврале 1930 г. в ДВК зарегистрировано 12 антиколхозных выступлений с 1 300 участниками [8].

Но и эта ответная реакция российского крестьянства не смогла поколебать советское правительство.

К началу 20-х гг. XX в. старообрядческое население края было сосредоточено в центральных районах Приморья и на северном побережье. К концу 20-х гг. XX в. резко возрастает миграционное движение старообрядческого населения на северное побережье. Коллективизация в этом районе и районе р. Бикин, за Сихотэ-Алинским перевалом началась позднее, чем в южных и центральных районах края: сказывалась труднодоступность этих мест, отсутствие дорог. Разлив рек на три-четыре месяца вообще прерывал всякую связь с остальным миром. О существовании некоторых сел советские власти узнали лишь несколько лет спустя, во время подавления восстания. Если жители северного побережья уже с 1923 г. участвовали в уплате сельхозналога, самообложений, сбор на больницы, школы и другие повинности, то в районе по р. Бикин ничего подобного не было до самого восстания. Даже участие в мясозаготовках в 1931–1932 гг. бикинцы выполнили за счет убитых сохатых, получая с Интеграла по 16 руб. за 1 пуд [9]. Слухи о Приморье, как о месте, где еще можно было спастись от ежечасного контроля власти и репрессий, от голодной смерти быстро распространялись среди старообрядческого населения. Сюда движутся потоки беженцев из европейской части России, Сибири, а так же из близлежащих районов Амурской области. центральных и южных районов Приморья. Вспоминает Прохор Григорьевич Мартюшев, бывший житель с. Варпаховки Чугуевской волости: «Началась коллективизация. В первый же год пашни вспаханы были лишь наполовину. Когда начали кулачить, жители сами распродавали хозяйство или бросали все и уходили на север побережья», «При хорошей связи с местным комитетом, не без подарков, конечно, многие смогли получить фиктивные справки на выезд из деревень, как переселенцы на новые места. Кто в Бикин, кто на северное побережье, на реки Единка и Самарга» [10].

Заметным явлением для северного побережья стало переселение сюда из Амурской области большого количества старообрядческих семей. «Амурцы» уходили как от коллективизации, так и от репрессий в связи с крестьянскими выступлениями в этом районе в 20-х гг. [11]. Большая часть этих семей осела в с. Кузнецово: Зажигалкины, Мокроусовы, Семины, Глуховы, Ерофеевы, Кустовы, Никифоровы, Лапенковы, Власовы, Безруковы, Храмовы [12].

Удаленность, относительная мягкость в проведении колхозных реформ, возможность заработать живые деньги отходничеством, обилие рыбы и зверя — все это позволяло раскулаченным семьям новоселов быстро встать на ноги.

К началу 30-х гг. XX в. на северном побережье края уже существовал своеобразный старообрядческий оазис. Более 50 населенных пунктов (сел, хуторов, заимок) было основано старообрядцами на северном побережье: Амгу, Перетычиха, Единка, Самарга, Кхущин, Ахобе, Тахобе, Пугдо и т. д.

Старообрядческие крестьянские хозяйства всегда были крепкими, зажиточными, что характерно не только для Приморья, но и в целом для России. В среднем до 1929 г. в старообрядческих хозяйствах было 4–10 десятин земли, 2–3 лошади, 2–3 коровы, 4–5 овец, куры. Мельницы были почти в каждом селе, сельхозмашины в каждом 2–3 дворе [13].

Естественные богатства Дальнего Востока (обилие зверя, рыбы) позволяли крестьянам помимо земледельческого труда заниматься рыболовством, охотой, пчеловодством, собирательством. Все это приносило неплохие доходы. За сезон охотник добывал 6–10 соболей, иногда до 30, 2–5 лисиц, 4–6 рысей, до 1000 белок [14]. Немалые деньги приносило пчеловодство: до 900 руб. в год. Старообрядцы были первыми из крестьян, кто начал заниматься разведением пятнистых оленей: в с. Амгу несколько крестьянских хозяйств объединились и создали стадо в 112 голов. Доход от продажи пантов приносил иногда до 3000 руб. в год [15]. «Всегда обутые, одетые, всем довольные. Всего хватало. Вспоминаю об этой жизни, будто солнце всегда светило» [16].

Новая экономическая политика советского государства была последним глотком свободы. О благоприятной концессионной политике советского государства в начале 20-х гг. XX в. в области лесного и рыбного хозяйства свидетельствовало существование на северном побережье края сразу нескольких лесных и рыбных японских концессий: с 1920–1924 гг. в бухтах Кхуцин, Амгу, Тахобе существовало несколько японских концессий. В б. Кхуцин — концессиии Айзава и Иноки. Они заключали договоры на поставку леса, в б. Тахобе было отделение конторы Иноки, в б. Амгу — отделение конторы Айзава, Сибода. В 1923 г. в б. Самарга было отделение лесной конторы, возглавляемое г. Канекасу. В б. Кондо была японская лесная концессия Накамуры, заключившая договор на поставку в 1920 г. 1500 бревен. В б. Кхуцин в 1921 г. появилась рыбалка Сибода [17].

Владельцы концессий работали через русских подрядчиков. Так, от конторы Айзава подряды принимал Давыдов И. Е., от конторы Иноки — Ф. И. Андреев, Е. Шарыпов. За работу японцы рассчитывались иенами, либо получали заказы на продукты и другие товары от крестьян, привозили их из Японии и расплачивались. Заработки были весьма хорошие, крестьяне долго об этом помнили. В 1924 г. Давыдов И. Е. получил 15 000 руб. за поставку бревен, И. Т. Попов за один сезон чистой прибыли получил 600 иен [18]. Среди немногих русских владельцев концессий — старообрядец рыбопромышленник Ефрем Власов, житель г. Владивостока. «С 1912 г. Власов начал лесное дело в бухте Ванина. Участок оборудован Власовым жилыми постройками и бараками для рабочих, баней складами и пекарней. Рабочие у Власова исключительно русские (150–300 человек). Имеется двухрамный лесопильный завод» [19]. Крестьяне-старообрядцы северного побережья зарабатывали в основном на сдаче в наем лошадей с подводами. Работа на концессиях оплачивалась в иенах — до 30 в день [20]. В 1923–1924 гг. начинается процесс сворачивания концессионной деятельности. Рухнула для старообрядцев еще одна надежда на возвращение прежней жизни.

К началу 30-х гг. XX в. усилия советской власти по проведению сплошной коллективизации стали заметны и в северных районах Приморской области. Крестьянские хозяйства большей части Приморья уже испытали на себе все тяготы налогообложений. Жители Бикинской долины не платили сельхозналога вплоть до 1932 г. В 1926 г. в Улунгу (Бикинскую) приехал первый агент из Госторга по закупке пушнины с целью записать крестьян-охотников в члены артели «Союзохота», но был встречен очень враждебно. Чтобы не сорвать закупки, пришлось брать пушнину без записи. В 1929 г. в Улунге впервые был произведен учет населения, земли, покосов. Эти первые еще очень осторожные мероприятия советской власти весьма насторожили жителей села, и вновь появившимся в 1931 г. в с. Лаухе, Улунга официальным представителям власти пришлось испытать немало затруднений в работе. Тем не менее, в том же 1931 г. сельсовет в Улунге был создан, но состоял он, как и во многих селах северного побережья, в основном, из местных крестьян-старообрядцев. Такая практика выбора представителей власти из своих, да еще тех кто, побогаче и повлиятельней, была довольно распространена на первых порах в старообрядческих селах. Так, в Батюково в сельсоветчики были выбраны крепкие мужики, их выбрало общее собрание, но тут же приехали представители районной советской власти и назначили перевыборы. В результате в сельсовете оказались представители бедных семей. На таких примерах крестьяне быстро убеждались, кто теперь хозяин на земле. Более того, вновь прибывшие из центральных и сибирских регионов переселенцы, уже испытавшие на себе все тяготы коллективизации, отговаривали старообрядцев от этого опрометчивого шага. «Мы в Сибири уже насмотрелись на них и заранее вам говорим, что ничего хорошего из этого не выйдет. У нас в Шульгином Логу был большой колхоз до 300 человек, теперь осталось меньше 100», — рассказывал Коколин Силай [21].

Упрямые старообрядцы ни за что не хотели вступать в колхозы, и поначалу некоторым из них это удавалось. Семьи перебирались на хутора и заимки, пытаясь там сохранить свою независимость. Появление в Приморье в это время множества небольших хуторов, в большой степени связано было все с тем же явлением протеста старообрядцев «антихристовым властям», начавшейся губительной коллективизации. «Стали всех в колхоз загонять силой, решили в тайгу уйти, хутор Тадуши основали. С нами ушли Бакулевы, Кирьяновы, Коробейников. Стали снова тайгу раскорчевывать», — рассказывал В. А. Малютин. «Началась коллективизация, начали всех тирзанить, в колхоз загонять, а по вере нашей это грех. Отец был очень религиозным, прятались в лесу, в землянке, в сопке, там жило с нами еще тринадцать человек» [22].

Ужесточение налогового давления на единоличников было одним из средств воздействия на крестьян, не желавших вступать в колхоз. Так, З. Ф. Семешов (с. Лаухе, женат, 6 детей) обложен индивидуальным налогом с охоты на сумму 900 рублей. Занял деньги — отдал. Тут же сельсовет потребовал от него уплаты штрафа за невыполнение заданий с посевной площади в размере 650 рублей. Выплатить не смог. Имущество описали, сам Семешов с семьей ушел в тайгу [23]. М. А. Фунтиков (с. Вознесеновка, семья 6 человек, 2 трудоспособных), посевная площадь участка 4,5 га, рабочих лошадей –2, овец — 5. Сельхозналог 823 рубля, самообложение 823 рубля, страховка 106 рублей. Общая сумма налогов 1 754 рубля. Отнесен к категории кулаков, лишен избирательных прав, раскулачен. Справка, данная М. А. Фунтикову, утверждает, что гр. Фунтиков, ежегодно сдавал помещения в ареиду, имея доход от этого 400–650 рублей. По справке у Фунтикова числилось 3 дома. После раскулачивания старик (ему было под 70 лет) Фунтиков М. А. долго не мог опомниться. «Самсонов, когда описывал мое имущество, все время кричал, я не осмеливался спросить, за что забирают мое имущество... Дня через три... узнал, что меня раскулачивали за то, что я сдавал в аренду дома, но это неверно, у меня всего один дом и одно зимовье, куда часто ездят работники Дальлеса...» [24]. Расплата за попытки вести единоличное хозяйство, как правило, наступала быстро. Выписка из протокола заседания одного из сельсоветов на северном побережье: «...Слушали: о наложении штрафа кулацко-зажиточной части за злостное невыполнение контрольного задания по хлебозаготовкам. Постановили: оштрафовать в пятикратном размере граждан К. Верещагина — 2 200 рубля, А. Черепанова — 2 110 рубля» [25]. Выездная сессия народного суда Ивановского района... установила, что гражданам с. Таежки Ф. И. Черепанову и Т. И. Каминскому было дано твердое задание как кулацким хозяйствам. Задание выполнено не было, в результате граждане были приговорены к лишению свободы на 1,5 года, конфискации имущества и поражению в правах [26].

В первую очередь разоряли самые крепкие хозяйства. Из допроса Е. Ф. Бортникова: «До раскулачивания мы организовали оленеводческий совхоз, в который вошел я (30 оленей), мой брат (30 оленей), Нестеров (30 оленей), Шарыпов Евтихий (8 оленей) и китаец Лю Мин (6 оленей). Наше хозяйство признали кулацким, мое хозяйство обложено налогом на 13 000 рублей за оленеводство, т. к. заплатить я не в состоянии, все хозяйство продал, уехал в Амгиский колхоз на варку пантов...» [27].

Раскулачивание зачастую носило характер не экспроприации основных средств производства, а конфискацию всего имущества вплоть до предметов быта. Опись имущества раскулаченного Е. Ф. Бортникова, 1885 г. рождения, женат, 5 детей: «1 корова, 1 поросенок, 7 куриц, сапоги хромовые (60 рублей), пиджаков — 2 (60 рублей), наждачное точило (925 рублей), вилы 3 (4,5 рубля), дамское пальто — 1 (100 рублей), кожа коровья — 1 (6 рублей), ключ разводной — 1 (8 рублей), мясорубка — 1 (4 рубля), черемши — 1 бочонок (3 рубля)» [28].

Наиболее крупные кулацкие хозяйства подлежали раскулачиванию и высылке «кулацкого элемента» в северные районы края. В связи со сложностями, связанными с доставкой раскулаченных в место назначения, выселения по начальному плану не проводились. Иногда давалась директива, согласованная с центральными органами о расселении кулаков просто на окраине села или другие села этого же района [29]. Таким образом, на северном побережье к началу 30-х гг. уже существовали так называемые «кулацкие бригады» и самая крупная из них в с. Амгу, где кулаки работали по твердому заданию на лесозаготовках. Так, в одной кулацкой бригаде работали крестьяне из с. Кузнецово, Амгу, Кхуцина, Андреевки: Бортниковы, Черепановы, А. И. Санников, И. И. Вялков, Т. Лошкарев, И. Гуляев, Ф. Бодунов. В бригадах особым авторитетом пользовались Бортниковы (Иван, Евстафий, Данила), И. Гуляев, Я. Нестеров [30]. Сюда ссылали не только раскулаченных крестьян. Здесь находились и те, кто не выполнил твердого задания, не выплатил налоги. Работа в общем-то для таежников была привычной, а вот условия содержания... Заключенные жаловались, что работать приходиться по полторы нормы, а спецодежды не дают, пайка нет, выходных нет. Заключенным УЛОНа и то лучше живется, и то многие бегут оттуда [31]. Охранялись такие бригады явно недостаточно, и побеги оттуда происходили достаточно часто. Чернышев Л. П.: «В 1932 г. я с братом Кхуцинским сельсоветом отправлен на лесозаготовки в с. Кема. В моей бригаде работал Стулов Нефед... Он предложил мне и моему брату бежать в Кхуцин. Мы согласились, хотелось повидать семью...» [32].

События последних лет, постепенная утрата всех надежд на возвращение старой жизни вплотную подталкивали старообрядцев к поискам выхода...

Еше, пожалуй, ни один наш полевой сезон не обходился без горячих споров о вооруженном выступлении крестьян-старообрядцев в мае 1932 г. Два основных вопроса волновали наших собеседников более всего.

Первый — было ли вооруженное выступление на самом деле или это миф, придуманный и спровоцированный органами НКВД. Уничтожить старообрядцев, мол, нужно было, вот и придумали такой хороший предлог. К слову сказать, такая точка зрения была и остается весьма популярной. Я уже упоминала об этом в связи с рассказом о разорении «обителей и заимок христианских по возбуждению некоего человека, посланного от них же» (властей — авт.). Некоторые считают эту версию единственно верной и сегодня: «Никакого восстания не было, вы это знаете и без меня... Старовер всегда был вне политики...»

Второй, пожалуй, самый важный для старообрядцев вопрос — о возможности, праве на активное сопротивление власти, с оружием в руках. Оправдано ли было такое сопротивление, вызвавшее карательные экспедиции, аресты, расстрелы, принесшее неисчислимые беды? «Вся власть от Бога, надо ей подчиняться, а то ввергли всех в пучину... Сколько людей за этот грех до сих пор страдает...», — сетуют сегодняшние старообрядцы [33].

Впервые о старообрядческом восстании 1932 г. я услышала во время командировки в удэгейское село Красный Яр. Шел уже второй год перестройки, и во время экспедиций мы все свободнее разговаривали с нашими информаторами на запретные ранее темы. Местный председатель сельсовета Павел Суляндзига рассказывал о коллективизации в его родных местах (верховья р. Бикин), как насильно сгоняли удэгейцев из стойбищ сначала в специально отстроенные для них деревни, потом — в колхозы, насильно выводили на работу — в поле, к скоту. В 1932 г., когда произошло восстание старообрядцев, некоторые удэгейцы поддержали их и сами участвовали в восстании. А потом, когда отряды НКВД вылавливали по тайге скрывавшихся старообрядцев, местным охотникам-удэгейцам приходилось под страхом смерти становиться их «добровольными» помощниками и проводниками.

Рассказ буквально ошеломил меня: это произошло еще до нашего знакомства со старообрядцами. Ни слышать, ни, тем более, читать об этом событии мне не приходилось. По приезде во Владивосток я пыталась найти хоть какую-то зацепку в поиске информации... Все было тщетно. Правда, туристы, побывавшие в 70-е годы на северном побережье, слышали от местных жителей, что какая-то кучка староверов пыталась с Бикина пройти с боями на Кхуцин, захватить его, а там, мол, и Москва недалеко... Очень скоро я поняла, что информация, интересующая меня, вероятнее всего могла быть только в архивах КГБ, только вот шансов на работу с ними у меня не было никаких. Прошло несколько лет. Оставалось только надеяться на перемены... Кто бы мог подумать, что именно тревожные дни августовского путча 1991 г., круто изменив политическую обстановку в стране, неожиданно помогли в решении этой проблемы: архивы КГБ были открыты для более широкого круга исследователей. Заявка на работу с архивными материалами по старообрядческому восстанию была тут же написана. Жду, как всегда, не особенно надеясь, что разрешат. Звонок из архивного отдела КГБ в музей рассеял все сомнения: завтра меня ждут работать. Два доброжелательных и желающих помочь человека опекали меня в течение всего, к сожалению, короткого периода работы с документами, за что я им чрезвычайно признательна. Дело по Кхуцинскому восстанию, так для краткости называли его архивисты, принесли, вернее, привезли мне на тележке: оно представляло из себя 26 увесистых томов. Официально оно называлось «Дело № 229 по староверческой контрреволюционной повстанческой организации на северном побережье и р. Бикин ДВК в 1932 г.». Логику расположения материалов в деле поначалу понять было сложно, незнакомые названия, имена, разрозненные события никак не выстраивались в целую картину.

География восстания была довольно внушительной: им охвачено было более 450 км территории северного побережья, более 75 населенных пунктов. По делу было привлечено 3 654 человека, [34] но тех, кому было предъявлено обвинение, конечно, было меньше. Большинство из них после ареста было перевезено во Владивосток и содержалось в городской тюрьме, находящейся и сегодня в центре города, на Партизанском проспекте. Правда сейчас корпуса тюремных строений следственного изолятора (так оно называется сегодня) скрыты современными жилыми зданиями и почти ничем не напоминают горожанам о своем существовании... Кроме тех, кто живет рядом. А мой дом находился как раз напротив этого здания, с балкона видны были верхние этажи красно-коричневого строения.

Материалы дознаний крестьян и эти тюремные стены, которые я видела перед собой каждый день, соединились в моем сознании, стали реальностью, которая не отпускала меня довольно долго. Я видела, казалось, эти растерянные, иногда плачущие, лица людей, вырванных из привычного жизненного круга, не понимающих еще, но предчувствующих уже страшные перемены в своей жизни.

Пытаюсь из сбивчивых рассказов крестьян вычленить основную нить тех трагических пасхальных событий мая 1932 г. Трудно было не утонуть в обилии совершенно новой для меня информации. Тогда для меня казалось просто невероятным это причудливое смешение времен. Строжайшие обычаи, нравы, старинные книги, разговоры об антихристе, суд и наказание в строгом соответствии... с Судебником Иоанна Грозного легко уживались с их поразительной осведомленностью о самых последних политических новостях начала 30-х гг. XX в.: коллективизация, перепись населения, международные отношения (особенно советско-японские, советско-китайские), разговоры о Ленине, о Калинине, папе Римском, его последних вояжах по миру!

Окончательно ясность в хронологическую последовательность событий внесли показания Николая Мелентьевича Медоловича. Во всех этих событиях, как станет ясно позднее, он был далеко не рядовой фигурой, с судьбой, полной самых неожиданных поворотов. Настоящее имя его Владимир Александрович Соловьев, иркутский дворянин, юрист с незаконченным высшим образованием, бывший офицер царской армии. Участвовал в сражениях Первой мировой войны, прошел немецкий плен, возвращаясь из плена на родину, объехал полмира, воевал в армии Колчака, перешел на сторону революционных войск, прошел через увлечение анархизмом. В 50 км от Хабаровска вместе с единомышленниками создал коммуну «Без Бога и без начальства», где занимались изготовлением... дуг и кадок. Затем уехал во Владивосток, учил детей, работал на рыбалках в б. Гайдамак. Опасаясь преследований советской власти, в течение нескольких лет скрывался в старообрядческих скитах Приморья, понемногу учительствуя. «Медолович поселился у Семешова. Жили они дружно. Семешов содержал за свой счет Медоловича, а тот учил его сына грамоте» [35]. С появлением слухов, что он — полковник царской армии, ушел в верховья Бикина. С 1924 по 1927 гг. жил на х. Лаухе, в Улунге, а в 1928–1929 гг. на х. Новожиловых, почти не выходя никуда. К сожалению, выяснить что-либо подробнее о судьбе Соловьева-Медоловича нам пока не удалось.

Фигура Соловьева-Медоловича до сих пор вызывает наибольший интерес тех, кто его помнил или слышал о нем. Теперь нам достаются все больше детские воспоминания: «В Улунге у мамы в тараканнике жили четыре человека, которые ходили за границу в Маньчжурию... Они называли друг друга „полковник“, „поручик“ один из них и был Медолович» [36] «В Кхуцине у нас бывал часто человек один, его генералом Ивановым называли, он все к соседям приходил, те очень строгие в вере были. Так он моим родителям все говорил, что я рисую хорошо, у меня дар, учить меня нужно. Росту он среднего, плотный, но не крестьянского вида, одежда на нем всегда хорошо сшитая была, в галифе. Когда банда пришла, он руководителем стал» [37].

Сложно составить мнение о человеке, основываясь на детских воспоминаниях и нескольких десятках листов показаний. Однозначно можно сказать лишь, что Медолович был весьма наблюдательным человеком.

В его показаниях есть неплохой анализ политической ситуации, причин, подвигнувших крестьян — старообрядцев к выступлению. За время жизни на северном побережье он довольно близко сошелся со старообрядцами, которые, видимо, часто обращались к его знаниям, но сам он всегда очень четко осознавал: своим среди них он никогда не был и не будет... Если оставить в стороне вполне понятную в этой ситуации идеологическую заданность признаний Медоловича, газетные обличительные шаблоны, исследователь, благодаря его уму, наблюдательности, цепкой памяти получает в свое распоряжение чрезвычайно ценные свидетельства о жизни старообрядческих общин на северном побережье.

Поводом к восстанию, по мнению Медоловича, послужили административные преобразования в ДВК. В январе 1930 г. Далькрайисполкомом был опубликован приказ, по которому должно будет установить точные границы Туземного района и выселить русское население с верховьев р. Бикин, Зевы, Беамо, якобы самовольно занявших эти районы и притесняющих местные малочисленные народы.

Международная политическая реальность в эти годы на Дальнем Востоке была не из легких. Пришедшее в 1928 г. к власти в Китае правительство Чан Кай Ши в связи с проводимой ей политикой объединения китайских территорий попыталось вернуть позиции на КВЖД. Возник вооруженный конфликт, в результате которого китайская сторона потерпела поражение. Другим очагом напряжения на Дальнем Востоке становилась Япония. В 1931 г. ею были оккупированы территории Маньчжурии, и поскольку КВЖД оказалась на территории, контролируемой Японией, создалась новая военная угроза и для российского Дальнего Востока. Такая ситуация в немалой степени способствовала распространению в среде старообрядцев оптимистических ожиданий, надежд. «Ставка на помощь Японии была популярной среди населения побережья, — пишет Н. Медолович, — имея своим исходным пунктом пребывание японцев в 1921–1922 гг. Полагали, что оккупация северного побережья дала бы возможность избежать коллективизации, кооперации, участия в хлебозаготовках, открытия школ» [38]. Хорошо зная старообрядцев, Медолович очень тонко подметил, что «идея возможного прихода белых не была столь популярна, т. к. население столкнулось бы с неизбежностью различного рода записей (переписью скота, инвентаря) различными административными установлениями, а главное — воинской повинностью» [39].

Может и не случайно, что началось все в пасхальные майские дни 1932 г. «Из Биамо к нам пришли Могильников Ефим, Дурновцев Иван, Токарев Иван, Старцев Иосиф. Они зашли к Кулагину Антону, у них было собрание. На второй день после ихнего прихода начали срывать красный флаг с Госторга и Интеграла. Потом... пошли в Лаухе, чтобы арестовать Лытаря, заведующего Интегралсоюзом в с. Лаухе». Из воспоминаний Могильниковой И. В. «Народу в тот день было много. Мальчишки бегали, кричали: „Переворот, переворот, сейчас флаг рубить начнут. Мужики поднялись на крышу и срубили флаг. Так все и началось...“» [40]. А Медолович вспоминает об этом дне так: «В это время на основании постановления собрания улунгинцев в Улунге были организованы особые молебствия против безбожной власти, в которых участвовало все население. Потом они были перенесены в Старковку, причем вызван монах Шаров Александр...» [41]. В тот же день были отправлены в старообрядческие районы нарочные для оповещения о случившемся. Им были вручены особые воззвания, представляющих по стилю оригинальную смесь революционных мандатов и царских манифестов: «Бикинский повстанческий военный штаб. Поручение Бодунову Филиппу с товарищем. Бикинским военным штабом поручается проникнуть к нашему православному народу и известить им о том, что у нас здесь в Бикине свергнута советская безбожная власть, и тоже самое поготавливается в... Кхуцине, в Тахобе, Кузнецовой, Светлой, Самарге... в свою очередь вам поручается призвать православный народ на защиту правой веры, а также равно на защиту собственной жизни. Иманским старообрядцам прозьба обратить внимание на ето... Начальник штаба Н. Куликов. Начальник полевого штаба А. Кулагин» [42].

Не так уж много документов-свидетельств самого восстания сохранилось в материалах дела. Вот на обрывках каких-то китайских конторских книг гражданским шрифтом вперемежку с кириллическим записаны секретные пароли, отзывы для застав, шифры, записки на заставы: «На заставу № 1 командиру отряда С. Бортникову. Сообщаю вам, что по полученным сообщениям от командира отряда Давыдова... в районе... был бой с красными. Результатом был со стороны красных 4 убитых, число раненых не выяснено. С нашей стороны все, благодаря Богу, живы и здоровы»; «...постановили спиртные напитки запретить, за исключением уважительных причин вымокания в воде, замерзания под дождем» [43].

Сегодняшние старообрядцы поражаются детской наивности планов восставших: выйти на побережье, захватить Кхуцин, радиостанцию, оружие, а там... там и Москва недалеко. Видимо, никаких более детальных разработок, действительно, не существовало... В течение четырех месяцев продолжались вооруженные столкновения в тайге, бои местного значения... На войне как на войне. Жертвы были с обеих сторон. Вспоминает Могильникова И. В.: «Как оперативники пришли, повстанческий отряд на сопке сидел. Им депеши все посылали с предложением сдаться. Человек 5–6 ушли вверх по Старковке, а остальные пришли как повинные овечки. Всех арестовали, кто входил в отряд и кто не входил туда — всех и отправили во Владивосток» [44].

В то же время, вспоминали многие, появился слух, что большинство арестованных затопили вместе с баржой по дороге на Владивосток. Другие, в том числе и Ирина Васильевна Могильникова связывали этот слух с событиями более позднего времени: «Уже из Владивостокской тюрьмы связанных староверов грузили на плашкоуты и вывозили в море. Назад плашкоуты возвращались пустыми» [45]. За одну ночь, бывало, вывозили все мужское население поселков. К началу 30-х гг. XX в. Кхуцин негласно считался столицей старообрядческого севера Приморья. Отсюда же с 1932 г. по 1938 г. морским путем увозили арестованных во Владивосток. Нина Игнатьевна Санникова в эти годы была еще девчонкой, но хорошо запомнила рассказ взрослых. «Тогда арестовали последних мужиков и гнали их на причал, к ожидавшему там пароходу. Километра четыре идти надо было. Мужики попросили остановиться у мельницы на поляне. Упали все на колени и молились, глядя на мельницу. Дед мой тоже там был. Кто-то из стариков со слезами крикнул: „Эх, кабы на колесо, да в реку...“. А мельница-то уж в эти годы не рабочая была. Все землю целуют. Бабы, ребятишки плачут, крик стоит... Конвой стрелять в воздух начал. Все поднялись и пошли» [46]. По этой дороге прошли и мы с родственником Нины Игнатьевны, старожилом села — Сальниковым Родионом Яковлевичем. Он привел нас на место, где когда-то стояла мельница. Единственным напоминанием о ней были валявшиеся здесь довольно долго огромные жернова. Со временем и они куда-то исчезли. И огромной поляны у реки тоже не было, оставшееся небольшое пространство совсем скоро поглотит подступающий со всех сторон кустарник и березняк...

Путь к открытому сопротивлению властям был весьма не прост. Вопрос об установлении советской власти на Дальнем Востоке еще вплоть до 1922 г. еще не был решен окончательно, а значит теплилась надежда на возвращение старой жизни у многочисленных ее противников, в том числе и большей части старообрядческого населения.

Решительные меры по переводу крестьянских хозяйств на социалистические рельсы поставили перед старообрядцами ряд сложнейших идеологических вопросов, решить которые необходимо было в ближайшее время. Нужно было определиться в этой новой советской реальности, определить свое отношение к новой власти, явно отличавшейся от той, что была до революции. Горький опыт двухсотлетней оппозиции к власти научил старообрядцев не только выживать в условиях постоянных гонений, но и заставлять порой эту власть считаться с собой [47]. Что же есть власть нынешняя? Этот вопрос горячо обсуждался во всех старообрядческих общинах, окончательного же решения ждали от знатоков богословия, старцев, тех, к чьим словам безоговорочно прислушивались.

Важнейшее место в мировоззрении старообрядцев занимает эсхатологическое учение [48]. С момента возникновения старообрядчества эсхатология стала одной из форм протеста, что в свою очередь требовало четкого определения отношения к существующей власти. Эта проблема в различные периоды русской истории наполнялась разным содержанием. Взгляды на природу антихриста были разными, но все они давали большие возможности для выражения недовольства против существующего порядка. Сторонники «духовного антихриста» считали, что воцарение его означало победу сил зла, сторонники «чувственного антихриста» полагали, что он — реальное воплощение царя, позднее к сер. XVIII в. оформляется учение о «расчлененном антихристе» как ряде последовательно сменяющихся царей, начиная с Петра I. Старообрядцы — беспоповцы часовенного толка так объясняют чувственную природу антихриста: «Господь родился от белой жидовки и Святаго Духа. Антихрист тоже от женщины, но только от злого Духа» [49].

Эсхатологические настроения приобретали особое значение в наиболее сложные периоды развития страны. Одним из таких периодов для страны и Приморья стали 20–30 гг. XX в.

Хорошим источником для изучения эсхатологических взглядов дальневосточных старообрядцев, а также системы их доказательств, аргументов, послужили несколько соборных уложений обнаруженных мной в деле о старообрядческом восстании. Жесткий атеистический курс новой власти по отношению к старообрядчеству угадывается с первых страниц архивного дела. Не случайно от Медоловича, согласившегося на дачу показаний, добиваются подробнейшего перевода текстов соборных уложений с комментариями и объяснениями непонятных, видимо, для следователей терминов, явлений. Не случайно помимо участия в вооруженном выступлении отягощающим обстоятельством для арестованных была принадлежность к старообрядческой вере. Этот факт специально оговаривался в обвинительном заключении. Статистика должна была убедительно показать, кто был зачинщиком выступлений против советской власти, какая религия оказала растлевающее действие на население северного побережья. Что ж, цифры, действительно, убеждали: по Светлинской долине в восстании приняло участие 18 населенных пунктов — 32 чел., староверов — 24, начетчиков — 3, кулаков — 13; Самаргинская долина — по делу проходит 44 человека, 44 старовера, 14 начетчиков; б. Амгу-29 человек, из них 26 староверов, 2 начетчика [50].

Власти совершенно верно почувствовали, что главная опасность для них исходила от монастырей, монахов, пустынников, авторитетных и духовно грамотных старцев. Как мы уже говорили, старообрядческие общины края были объединены вокруг монастырей, которые играли немаловажную роль в формировании идеологии. Ежегодно устраивались соборы, на которых обсуждались вопросы религиозной жизни общин, принимались особые документы — соборные уложения, имеющие законодательное значение для всех общин. Собравшиеся в 1927 г. на заимке Улунга представители общин старообрядцев — часовенных вынуждены были признать: «дожили до последних времен». Новая советская власть — власть антихристова, власть, несущая страдания и власть истребляющая. Еще со времен Петра I старообрядцами в оценке властных нововведений использовались несколько основных аргументов, упоминаемых старообрядческми писателями в многочисленных эсхатологических произведениях XVII–XVIII в. о Петре: императорский титул, календарные изменения, перепись для подушного оклада. В эту традиционную систему доказательств последние новшества советской государственной власти укладывались как нельзя лучше. Аналогия нынешних времен с петровскими временами была достаточно ясна, по мнению приморских старообрядцев. Новое ленинское российское правительство начинает строительство социалистического государства с уничтожения церквей, антирелигиозной пропаганды, принятия нового календаря в 1918 г., переписи населения и т. д.

Новая антихристова власть связывалась с именем главного лица советского государства Ленина. Следователям не были знакомы тонкости религиозных теорий, тем не менее, следственные материалы отразили в какой-то степени бурно обсуждавшиеся в то время вопросы о природе антихристовой власти между приверженцами теории «духовного антихриста», «чувственного антихриста» и «расчлененного антихриста». Так, Куликов И. И. на одном из допросов показал, что разлад ме-

жду старообрядцами с. Батюково прозошел и на этой почве: «Диевцы говорят, что антихрист на земле существует с 1666 г., со времен царствования Петра, а Горюнов ставит вопрос по другому — антихрист сошел на землю в лице Ленина в 1917 г... и этот антихрист в лице советской власти нарушил божество на земле и веру человека в спасение...» [51].

Согласно эсхатологическим представлениям старообрядчество после трагедии раскола вынуждено было жить в царстве Антихриста и в постоянном ожидании конца света. Нужно было либо приспосабливаться к жизни в этом мире, принять некоторые атрибуты церкви и власти (закон, армия, деньги, перепись, паспорта и т. д.), либо полностью порвать с ним. Более умеренные согласия и толки старообрядчества были готовы к компромиссам, более радикальные — никаких компромиссов с властью Антихриста не допускали. «Попасть в росписи», получить паспорт значило навсегда погубить свою бессмертную душу, поэтому старообрядцы любыми способами пытались не совершить этот грех, уйти в тайгу, скрыться и даже умереть. «Новый календарь не принимать и под новое число не подписываться...», «В Дальторге, кооперативе „Союзохотников" и прочих казенных лавках не брать самим лично, но через людей, чтобы не попасть в росписи к новому числу...» [52]. Мы уже упоминали, что первая попытка создания даже таких организаций как «Союзохотник» на северном побережье в сер. 20-х гг. не увенчалась успехом. Крестьяне категорически отказались записываться в эту организацию.

Среди материалов того же дела мне посчастливилось найти уникальный документ, который был назван «выпиской из Бикинских соборных уложений» и был приложен в качестве вещественного доказательства антисоветской деятельности монастырей. При ближайшем рассмотрении «выписка» оказалась произведением, принадлежащим старообрядческой полемической литературе XX в. Произведение построено в форме беседы духовного наставника с единоверцем. В произведении традиционно сравниваются «нынешние плачедостойные времена» с традиционными эсхатологическими построениями. Главный вопрос — вопрос об истинности власти и правил поведения старообрядцев по отношению к этой власти. Основным доказательством, что советская власть — власть антихристова, служит ее «безбожность». Еще в «Соловецкой челобитной» как несомненный признак приближения последних времен называется оскудение веры, повсеместная порча. Эту же примету называет и автор произведения: «А власть новая не самое ли это узаконяет и этого требует отречься от Бога в Троице познаваемого, Отца и Сына и Святого Духа, отречься от святого крещения...снять с себя крест Христов...Кто же из верных христиан не ужаснется такого богоотступного законоположения...» [53]. Основной смысл дальнейшего обличения власти состоит в получении права непокорения ей. Интересно отметить, что подобные настроения традиционно сочетаются у старообрядцев с наивно-монархическими представлениями. Даже в сочинениях, открыто направленных против императора, зачастую содержится такая формулировка отношения к царской власти: «...научихомся от Апостола Бога боятися и царя почитати, научихомся от самого Христа воздавати кесарево кесареви» [54]. Сравните в нашем произведении: «Вы говорите, что мы не повинуемся новой власти, но этого совсем нету. Этому мы не научены ни от святых апостолов, ни от самого Христа...знающим нам закон христов, в нем же писано: Бога бойтеся, царя и власть почитайте...» [55]. Страстные обвинительные речи по отношению к власти заканчиваются вполне традиционно: призывом к сопротивлению, но сопротивлению пассивному. «Лучше со зверями жить и всякую нужду терпеть, чем при власти жить и отступить от Бога» [56].

«Идеология старообрядчества призывала к неприятию „антихристовых властей", и всего несправедливого внешнего мира... ...призывала к борьбе с ним, но к борьбе „страданием", а не оружием» [57].

Уход из мира в пустынь, тайгу для того, чтобы жить вдали от антихристова мира или принять мученическую смерть (в том числе самосожжение) — таким представлялся единственно возможный путь для старообрядцев еще со времен Кирилла Иерусалимского. Но такой способ ухода из мира как самоубийство, казалось бы, противоречит христианской этике и может рассматриваться как тягчайший грех против самого Святого Духа. Душе самоубийцы нет прощения. Старообрядцы, оправдывающие самоуничтожение, основываются на том, что это подчас единственно возможный ответ насильникам, который иначе подчинит тебя своей душепагубной воле. По сути это был протест антихристу в форме самоуничтожения. За время полевой работы нам приходилось слышать достаточно много трагических рассказов. Так, старообрядка из хутора Янмутьхоуза, не выдержав принуждений к вступлению в колхоз, увела двух своих дочерей в лес зимой для того, чтобы замерзнуть [58]. Или еще рассказ: «Рыжовы в Ахобе жили. Они ходили тоже в лес замирать. Жены, дети, старики — все. Умереть решили от голода, Не кормили никого, сухари ели только старики, т. к. именно они должны были похоронить всех, а потом умереть сами. Яму уж вырыли большую. В селе их хватились, дома закрыты. Искали долго, потом наткнулись на детей: они искали в лесу пучки (трава съедобная). Потом и других нашли» [59].

Но вернемся к событиям крестьянских волнений на северном побережье края. В том 1932 г. группа старообрядцев окончательно избрала иной путь — путь открытого сопротивления властям. Выбор дался им не без мучительных колебаний. Некоторые, по словам информаторов, долго искали, где в святых книгах есть та запись, которая объясняет, что можно выступать с оружием в руках против «безбожной власти» [60]. Видимо, так и не нашли старообрядцы такой записи.

В какой момент возобладали настроения сторонников активного протеста, сегодня уже трудно сказать. Беда, по мнению современных старообрядцев, исходила от небольшой, но самой богатой группы старообрядцев, ушедших в самом конце 20-х гг. за Сихотэ-Алиньский перевал: «Ну ладно, Меднолобич, чтоб ему пусто было, он белый офицер, а эти-то... Те, кто зашел сюда первыми, разбогатели здесь... Ох, и нагребли... Богатые сильно были... Все ушли в верховья... Бикина... вот и пошли на людей...» [61]. Такая версия развития событий вполне имела место быть. По воспоминаниям И. Могильниковой, один из тех, кто возглавил выступление, ездил к накрытым старикам за благословением... «„Власть от Бога, и надо ей подчиниться", — ответили они. Вот он ругался: „Никого не послушаю". Стал списки составлять» [62]. Многие старообрядцы, по воспоминаниям наших информаторов, бунта не поддержали, но вынуждены были присоединиться к восстанию только под страхом смерти. «Мало, кто шел: пахать надо было. Так пахали по ночам, а днем прятались» [63]. Вспоминает Могильникова А. В.: «Кто по старости не мог воевать, пахал землю и за тех, кто ушел» [64]. И все же история знает немало примеров активной вооруженной борьбы, в которой социальные и политические лозунги выдвигались наряду с религиозными. Крестьянский старообрядческий протест, как отмечают многие исследователи, является крайне противоречивым. Крестьянские войны под руководством К. Булавина, С. Разина, Е. Пугачева имели ярко выраженную религиозную окраску и были связаны со старообрядчеством [65]. Замечательны в этом отношении слова В. Кельсиева: «Вера более всего остального доступна народу, служит ему предлогом вести чисто политическую борьбу. Сам он этого не осознает, а между тем, он так прелагает ея догматы, что под их знаменем становится часто борцом за свободу, насколько он ея понимает...» [66]. Ситуация, сложившаяся к нач. 30-х г. на северном побережье, по-видимому, для многих не оставляла выбора. Дальше бежать было некуда. Восстание стало последней отчаянной попыткой защитить веру, семью, хозяйство. Трагический исход этих событий мы знаем. Более 100 человек расстреляно, более 500 получили различные сроки заключения, семьи участников восстания высланы из пределов Приморья. Старообрядческая цивилизация на северном побережье была разрушена.

Восстание послужило поводом для новых репрессий. Вообще-то для старообрядцев они не прекращались все эти 300 лет. Это были преследования за веру. В советском государстве, начиная с 1917 г., их по-прежнему не забывали, вот только, пожалуй, диапазон обвинений стал чрезвычайно разнообразным. По мнению А. Солженицына, крестьянский поток 30-х годов был одним из самых главных, «протолкнувший в тундру, в тайгу миллионов пятнадцать мужиков... Но мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров. С ними и следователи по ночам не корпели, на них протоколов не тратили — довольно и сельсоветского постановления. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту... А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей» [67].

Потоки репрессированных приморских старообрядцев с поразительной легкостью вливались в эту реку, изрядно пополнив ее, не давая иссякнуть. Так случилось, что мне одной из первых удалось познакомиться с материалами репрессированных старообрядцев-приморцев... Материал по времени охватывает период 1932–1938 гг. Формулировки обвинений меняются в зависимости от времени и отражают почти весь спектр политических репрессий крестьян: это была и троцкистская агитация, создание нелегальных организаций, сокрытие своего классового лица, агитация антисоветская, антиколхозная, религиозная. В 1937–1938 гг. обвинения староверов в политической пропаганде звучали все чаще. Само делопроизводство упростилось до минимума. Вместо объемистых дел начала 30-х гг. появляются дела в несколько листов, которые вмещали кое-какие биографические сведения арестованного, обвинение и приговор. Обвинение для старообрядцев самое типичное: «член религиозной организации» автоматически равнялось — «враг советской власти, занимается антисоветской агитацией под видом религиозных обрядов». Другим не менее частым обвинением было «колхозное вредительство» и участие в подрывной работе трудовой крестьянской партии. Ближе к концу тридцатых годов, когда обострились советско-японские отношения, вспомнились и японофильские настроения старообрядцев. Соответственно поменялись формулировки обвинений.

Кондратий Иванович Булатов, житель с. Батюково, проходил, пожалуй, по самой распространенной статье — за антисоветскую пропаганду и агитацию, а еще и за то, что являлся членом антисоветской староверческой организации, которая, охватывала своей деятельностью ни много ни мало — 14 сел Яковлевского и Ольгинского районов! Особо отмечалась «политическая целеустремленность» и настойчивость Булатова в деле свержения советской власти. Следствие по делу длилось 8 месяцев! Для 1938 г. это очень большой срок. Обычно Тройка УНКВД рассматривала дела за несколько недель а то и дней. В 1938 г. за стишок: «Были царь и царица — была мука и пшеница, а пришла советска власть, нечё стало в глотку класть» и «контрреволюционную пропаганду против колхозного строя» [68]. Петр Федорович Поносов был приговорен тройкой к расстрелу за один день!

Судьба Кондратия Ивановича Булатова была как-то особенно близка нам: за время экспедиционной работы мы познакомились с многочисленными его потомками, проживающими у нас в крае в с. Ясное, Архиповке, Тополевом, Бреевке, Арсеньеве и Владивостоке. История рода Булатовых-Денисовых еще полна загадок (кстати, часть их нам удалось раскрыть за эти долгие годы). В нем объединились потомки казаков-некрасовцев, пришедших на Дальний Восток в начале XX века из Румынии, потомки древнейшего алтайского рода Плешковых, потомков не менее старинного рода Булатовых, выходцев из южного Урала. В нем объединились потомки разных направлений в старообрядчестве: белокриницкого, часовенного, поморского (самокресты).

С Капитолиной Кондратьевной Булатовой, старейшей представительницей рода Булатовых в Приморье, мы познакомились в самом начале 90-х годов. Во время первой нашей встречи она поразила нас внешней строгостью и немногословием. Мы даже начали опасаться, что разговора не получиться. Начиная что-то рассказывать, она прерывала сама себя: «Да зачем вам все это, все уж забыла...» Лишь однажды, когда мы с аппетитом поедали еще теплые пирожки и клубнику, запивая козьим молоком, ее неподвижное лицо оживилось хитровато-добрым взглядом. Второе, третье посещение дали все те же результаты. Она была рада нам, с удовольствием слушала наши семейные новости, рассказывала и показывала секреты женского рукоделия (какой она была мастерицей плести пояса!), но видно было, что она боялась вернуть воспоминания о семье. В одну из поездок начала 90-х гг. XX в. мы заехали к Капитолине Кондратьевне, чтобы рассказать хоть ту малость информации, которую мы нашли в архивном деле по обвинению Кондратия Ивановича Булатова — отца Капитолины Кондратьевны. У хозяйки в тот день было много гостей: приехали внуки из Комсомольска-на-Амуре. Все собрались в комнате, Капитолина Кондратьевна сидела закаменев, не проронила ни слова и после того, как мы закончили. Через некоторое время все так же молча Капитолина Кондратьевна вынесла пожелтевший от времени лист бумаги и протянула нам. Это был нарисованный простым карандашом портрет Кондратия Ивановича. На нас смотрел человек с курчавой окладистой бородой, одетый, в обычную для старообрядцев зимнюю одежду — шабур и такую же курчавую как борода овечью шапку. «Это его уж после ареста в тюрьме человек один нарисовал», — пояснила Капитолина Кондратьевна, — «Он мне этот портрет сам передал, когда еще в Артеме сидел, там посвободнее было». На обратной стороне было письмо, всего несколько строк. Что может написать муж и отец семье из тюрьмы? Писал, что скучает, гоняют работать, немного прибаливает, что надеется всех увидеть. Мы никак не ожидали такого поворота события, несколько минут сидели, онемев, потом, как это и бывает у женщин, наплакались. Мы были тронуты доверием Капитолины Кондратьевны, но попросить портрет для копирования у нас не хватило духу. Правда, на следующий день внучка обещала, даже если что и случиться с бабушкой, портрет сохранить и передать в музей. Капитолина Кондратьевна умерла года через три, несколько раз поменяв за эти годы место жительства. Какое-то время нам не удавалось найти следы портрета К.И. Булатова. Мы были в отчаянии, ведь ни одной фотографии его не сохранилось! Мы боялись свыкнуться с мыслью, что портрет потерян навсегда. Всякий раз вспоминая об утрате, жалели, что не сделали попытку и не попросили Капитолину Кондратьевну сделать хотя бы копию портрета. И всякий раз осознавали, что поступить иначе мы не смогли бы. Такая просьба могла бы разрушить пока еще хрупкие наши отношения. Тайно, без ее ведома, делать это мы бы не стали. И только в 2000 г. портрет нашелся у племянницы Капитолины Кондратьевны — Клавдии Семеновны Примачевой. К сожалению, портрет почти испорчен поздней реставрацией. Тем не менее, родственники разрешили сделать копию портрета для музея...

Лицо Кондратия Ивановича — одно из многотысячного потока крестьян-старообрядцев, канувшего в Лету... В сотнях дел репрессированных едва ли сохранилось более десятка фотографий. Они растворились во времени...

Гораздо меньшей части старообрядческого населения края удавалось уйти от «безбожных» властей. В эти страшные годы начинается массовый исход старообрядцев из Приморья.

Глава IX.
«Кругосветное блужение»...

Впервые о зарубежной диаспоре приморских старообрядцев я услышала в 1990 г. на первом в России международном симпозиуме, посвященном традиционной культуре русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Кажется, на второй или третий день работы симпозиума был поставлен доклад профессора из Японии Есикадзу Накамура. Доклад был посвящен общине, приморских старообрядцев, волею судьбы с начала 30-х годов оказавшихся в Маньчжурии. Сам рассказ был чрезвычайно интересен, но когда я услышала знакомые названия приморских старообрядческих сел Каменка, Архиповка, Петропавловка, то уже едва смогла дождаться перерыва. Мой новый знакомый профессор Накамура прекрасно знал лишь часть большого исторического пути, пройденного приморскими старообрядцами. Я тогда не знала почти ничего. Как соединялись эти два временных отрезка в их судьбе мне предстояло еще узнать...

Доклад профессора Накамуры был основан на исследованиях Кадзуо Фудзиямы (заместитель директора Центрального государственного музея Маньчжоу-го) и Сабуро Ямадзоэ (научный сотрудник Исследовательского института освоения земли при КВЖД) о поселках русских староверов в Маньчжурии. Обе книги вышли с разницей в один год, в 1941 и 1942 гг., в Японии, естественно, на японском языке, и на русский язык не переведены [1]... Когда же я получила от Е. Накамуры ксерокопии этих изданий, то даже после их беглого просмотра я была нимало удивлена обстоятельности и скрупулезности японских ученых. Казалось бы, ну что им эта старообрядческая «Гекуба»? Обе книги просто поражают обилием схем, планов, графиков, чертежей. Их интересовало буквально все: состав семей, строительство жилья (зарисованы кладка бревен, обозначены высота сруба, внутренний план жилья, подробно рассказывается о главной достопримечательности избы — русской печке. Просто замечательнейшее пособие для этнологов!). Если речь касалась хозяйства, то следовало подробное описание орудий труда, перечень сельхозкультур, сроки сева, урожайность и т. д. Словом, на сегодняшний день нет, пожалуй, лучшего исследования о маньчжурских старообрядцах. И все же интерес японцев к русским староверам в Маньчжурии вполне объясним: жить и обустраиваться они собирались там всерьез и надолго.

Мысль об этих «унесенных ветром» старообрядцах теперь уже не оставляла меня: если переход в Китай совершался крестьянскими семьями тайно, то это непременно отслеживалось пограничными службами, органами НКВД. Стало быть есть надежда, что такие материалы я обнаружу в архиве КГБ. Надежды оправдались. Одно из дел под условным названием «Старообрядцы» датировано 1933 г. Случай, по поводу которого и было заведено это дело, на первый взгляд просто анекдотичный: бдительными дальневосточными пограничниками были задержаны несколько крестьянских старообрядческих семей при переходе границы... из Китая в СССР. На самом деле семьи бежали из Яковлевского района в Китай. Благополучно перейдя границу, они заблудились и снова оказались...на территории ДВК. Следствие признало их ни более, ни менее, как «представителями контрреволюционного образования, действующего на территории Китая... они для получения оружия и связи перешли государственную границу из СССР в Китай и возвращались обратно для развертывания повстанческой деятельности, были задержаны на границе из Китая в СССР» [2]. И это с детьми-то и стариками... Трагично закончился для старообрядцев этот переход: не взирая на возраст (а некоторым из них было уже за 60 и 70 лет) все мужчины были арестованы и получили немалые сроки заключения.

Как водится, уже эта новая информация стала поводом для новых вопросов. Как происходили эти тайные переходы, ведь чаще всего уходили с большими семьями? Шли ли они в неизвестность, или кто-то ждал их на китайской стороне? Как осуществлялась связь между теми, кто ушел и теми, кто оставался? Все эти вопросы я очень долго могла задавать лишь сама себе.

И снова судьба подарила мне встречу. Она состоялась благодаря участию доктора Ричарда Морриса, американского этнолога, в течение многих лет успешно изучающего жизнь русских староверов, живущих сегодня в американском штате Орегон, неоднократно принимавшего участие в экспедиционной работе российских ученых на Урале, в Сибири. По его подсказке мы смогли пригласить на нашу первую международную конференцию «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока» Прохора Гнгорьевича Мартюшева, жителя этого самого американского шт. Орегон, родившегося в приморском селе Варпаховка. Он был чрезвычайно рад нашему приглашению и возможности побывать на свой родине в Приморье. Осенью мы уже встречали его во владивостокском аэропорту. Наши опасения, что мы не сможем узнать его при встрече оказались напрасными. Глаз сразу выхватил его из группы прилетевших: на голову почти выше остальных, крепкий, прекрасно сложен, борода с проседью, русская косоворотка, на голове... американская бейсболка. Во время конференции он стал всеобщим любимцем. Чрезвычайно общительный, он всегда был в центре любой беседы. В единственный свободный до начала работы конференции день под проливным дождем мы целый день пробродили с ним по Владивостоку. Мне показалось, что ему давно не хватало этих впечатлений, теперь не замечая дождя, он вспоминал и приглядывался к другому, незнакомому ему городу, новой жизни... Во Владивосток Прохор Григорьевич приехал не с пустыми руками. Он и его жена Галина подарили музею большую коллекцию традиционной одежды и женского рукоделия аляскинских староверов: сарафаны, рубахи, запоны, шашмуры, галички.

От него я узнала историю о том, как их семья уходила в Китай. «Отца арестовали. Правда, потом за взятку выпустили: мать поросенка отнесла. Какой-то знакомый сообщил матери, что отец все равно приговорен. Тогда мы все ушли в Китай. (1924 г. — авт.). В Китае жили в Селинхе, а вообще там пять поселков было староверских: Колумбе, Медяны, Чапигоу, Романовка. В Селинхе жили приморцы и алтайцы, потом подъехали из Сибири. Все часовенные, всего дворов 20 было. Прибегающих в Китай становилось все больше, семьи увеличивались, отделившиеся уходили на новые места» [3].

Уже из Орегона Прохор Григорьевич прислал воспоминания свои и бывших односельчан о тех же событиях. «К этому времени моей матерью (матерью П. Г. Мартюшева — авт.) из Китая было послано письмо к дальним родственникам в Приморский край... с описанием в подробностях о. жизни в Китае. Это письмо подобно посланию Аввакума протопопа своим чадам, с особой осторожностью и быстротой облетело все дальние деревни в Приморском крае. Читалось только особо надежным людям, и то ночью в подпольях, да и то шепотком. Это письмо дошло и до северного побережья, откуда уже почти невозможно было выехать. При таком плачевном положении в СССР на народ сильно подействовало сообщение из Китая о свободной и сытной жизни, и многие устремились как можно быстрее покинуть родину» [4].

Позднее уже рассказы и воспоминания Прохора Григорьевича дополнила информация из уголовных дел старообрядцев, репрессированных в 1933–1938 г. Имя Мартюшевых, живущих в Китае на ст. Эхо, не однажды упоминается в материалах уголовных дел. С помощью братьев Мартюшевых перебрались в Китай многие старообрядческие семьи. Они же помогали вновь прибывшим устраиваться на новом месте. Связь с Мартюшевыми поддерживалась через китайца Ваську, который

приносил от них письма. Услуги Васьки стоили 60 рублей золотом или 100 рублей совдензнаками. Чаще всего переходили через границу, пользуясь высокой водой [5].

О том, какую опасность представляли такие переходы, свидетельствуют рассказы и воспоминания участников этих событий. Анна Басаргина, сегодня гражданка США, жительница шт. Аляска вспоминает обо всех перепитиях перехода ее семьи через границу. Ей в то время было только 12 лет. «Я родилась в России и жила там 12 лет. Мой отец был богатый, он имел водяную мельницу... Но пришла советская власть и начала гонять всех. Советская власть гоняла всех богатых в деревнях, не только нас. Бедняки все это делали. Они раскулачили всех зажиточных». «Утром пришли к нам милиционеры и описали все, что осталось на распродажу. Собралось много народу, и милиционеры начали распродавать наше имение. Вытаскивали вещи и кричали: „Кто сколько даст?“». Вынужденные скрываться, семья Басаргиных решила перебраться в Китай. «Тятя с дядей Иосифом просили китайца переплавить нас на ту сторону. Речку эту Сунгач звали» Во время сплава через реку погиб грудной ребенок, да и сами девочки, сестры Басаргины едва не утонули [6]. В самом начале 30-х гг. попытались уйти в Китай по Уссури Николай Тимофеевич Мартюшев с женой. Попытка переплыть реку окончилась неудачей: Николай утонул, жена вернулась домой [7].

Соломенников Петр Григорьевич был задержан при переходе р. Сунгач. Отец его к тому времени уже жил в Китае. Перед уходом оставил сыну тайный шифр, (как вещественное доказательство находится в деле) которым нужно было пользоваться при получении известий из Китая. Изъяли у Петра Григорьевича и карту местности, нарисованную им самим [8].

Прохор Григорьевич вспоминал, что возможностей перехода через границу было не так много. Знающие люди видели почти единственную такую возможность во вступлении в члены «Интегралсоюза». Попасть в любые «росписи» новых советских организаций было для старообрядцев тяжелейшим грехом, но другого выхода больше не было. В Каменке Единской после очередного ареста «взялась за дело группа предприимчивых немолодых людей, чтобы найти скорее выход... Знакомые агенты по скупке пушнины посоветовали им немедленно вступить в „Интегралсоюз“, тогда вы сможете отсрочить на некоторое время свой арест. Подписавшим договор в „Интеграле“ выдавались документы на право охоты по всей Приморской области. Сорганизованная бригада, получив документы, распределилась на мелкие группы и разными путями и направлениями двинулись к китайской границе, с целью разведать путь за границу» [9].

Другой возможностью для побега были тайные тропы, налаженные еще китайскими контрабандистами в низовьях Уссури, Имана. «В то время граница в этих местах была еще не обозначена и специальных пограничных вышек и патрулей не было, как это было сделано позже». Намечали границу отряды таксаторов. Но даже для благополучно перебравшихся на ту сторону, трудности далеко не заканчивались. Нужны были осторожность, знание маршрутов на китайской стороне. Вспоминает Анна Басаргина: «Город Мишань обходили кругом три дня. Через Мишань было ближе идти, но нельзя в его было заходить. Те, кто заходил в Мишань, китайцы всех сдали на русскую сторону» [10]. После нескольких дней пути Басаргины подошли к озеру Хайиан, и если бы не своевременное предупреждение случайно встреченных на дороге китайцев, беды не миновать... Китайцы сказали что «если бы перешли речку, то опять бы были на русской стороне» [11]. Благополучно добрались до г. Эхо, немного обустроились, «а потом собрались несколько мужчин на охоту и уехали за 70 верст от города. Они еще хотели посмотреть землю там. Мы не хотели селиться в городе. Китаец... дал нам землю под поселок и огороды. Он все дал даром. Мы купили все, что нужно, погрузили на лодку и поехали вниз по реке заселять землю. Много людей поселилось здесь. Назвали этот поселок Силинхэ». Приехали Басаргины и недалеко от Силинхе заселили другую деревню Коломбо [12]. Кроме уже названных деревень в Маньчжурии существовало еще несколько старообрядческих поселений: Чапигоу (Масаловка), Медяны.

Помимо этих поселений, старообрядческие семьи селились и рассеяно в Харбине, Хандаохэцзы, Цицикаре, Бухэду, Хайлар [13].

Самым большим староверческим поселком в Маньчжурии был поселок Романовка. Профессор Е. Накамура, описывая самый начальный период жизни русской старообрядческой общины в Китае, ссылается на сохранившееся в архиве БРЭМа заявление братьев Калугиных, написанное на японском языке и датированное 26 июля 1936 г. [14]. «Мы 4 братьев Калугиных, представляем группу русских, имена которых перечислены в прилагаемой к сему бумаге. У нас одна вера (мы все староверы), одна родина и занятие (крестьяне-охотники). Мы горячо желаем пороживать вместе, служить народу, обществу и государству. По сему просим вас сдать в аренду участок земли, подходящий для земледелия и построения поселения... сейчас в нашей группе 25 семей. Мы не нуждаемся в помощи или особенной протекции со стороны полиции. Мы только надеемся, что получим право иметь под контролем властей винтовки и ружья, потому что нам придется создать отряд самообороны от хунхузов, которые бесчинствуют в этом районе, делая его необитаемым» [15]. Через две недели заявлению дали ход. «За очень короткий срок год с небольшим образовался целый поселок. Он был назван Романовкой в память убитого царя» [16].

Поселок Романовка к 1945 г. насчитывал свыше 40 дворов и более 200 жителей. Профессор Накамура, цитируя Г. Тэруока, приводит перечень глав семей, живших в Романовке в 1940 г. Среди них семьи Луки и Ивана Малаховых, Василия Слободчикова, Семена, Ивана, Петра Калугиных, Елизаветы Калугиной, Константина, Артемия Ануфриевых, Ивана, Мартьяна, Корнилия Гушковых, Федора, Василия, Георгия, Ивана Селедковых, Петра Павлова, Тимофея Поздеева, Павла Поносова, Максима Коншина, Андрея, Ивана Мартюшевых, Ивана Зубарева, Ксенофонта, Сазона Бодуновых, Сазона Фефелова. Община быстро встала на ноги. Так, по сведениям К. Ийдзуки, к 1940 г. на каждую семью в среднем приходилось лошадей и коров соответственно 1,89 и 1,56, то, побывав в 1945 г. у Ивана Селедкова, автор обнаружил у него уже 3 лошади и 2 коровы, причем, он не считался односельчанами самым зажиточным [17].

Но кто же предполагал, что за каждый год вольной жизни в Маньчжурии многие из них заплатят сполна почти таким же сроком в лагерях ГУЛАГа? Из недосягаемой, казалось бы, для советской власти китайской Романовки их смогли обманом вернуть в Россию. Семья Селедковых пришла в Южно-Уссурийский край одной из первых. Их род сполна разделил все испытания, выпавшие на долю старообрядцев: раскулачивание, выселение, голод, аресты. Чудом оставшись в живых после перенесенного им сыпного тифа, Иван Селедков решил: «Поедемте за границу в Китай, а то здесь подохнем». «Вот тогда мы на одной лодке да два зятя тоже на лодке. Нас 6 человек, да у каждого зятя тоже по двое детей. Мы поплыли по Подхоренку. А потом по Уссури спустились вниз в китайский городишко Ю-Чан... Нас три семьи ушли в лес, слепили себе мазанки так и перезимовали... Так прожили до 1934 г... потом японец начальник полиции нас забрал и увез в Харбин, там купили билеты и поехали до г. Муданьцзян, там жили до 1937 г., потом перебрались в Романовку. Там жили до 1945 г., пока не освободили нас наши освободители. И снова раскулачили. Оставили нам две старые лошади, и одну корову, остальной скот угнали. А нас 3-х братьев 3 сентября 1945 г. забрали из Хандаохэцзы в Харбин, из Харбина в Гродеково, а из Гродеково на Урал, г. Верх-Тавда. Потом в 1947 г. вызвали — распишись: пятнадцать лет исправительных лагерей, в сорок девятом погрузили в Тайшет на Братск. Братья остались по Тайшетской линии, а меня в Магадан... на Колыму На Колыме проработал до 1954 г...» [18].

С приходом советских войск в Китай «исчезло как мираж Маньчжоу-го», исчезла и Романовка. Уцелевшие семьи покинули насиженные места и некоторые из них перебрались в 1948 г. на новое место — озеро Цзенбоху. Там основали два небольших селения: Аржаны (10 дворов), в основном семьи Мартюшевых, и Твашанза, селение на 20 дворов. Там удалось прожить им до 1957 г. а потом вместе с другими семьями навсегда покинули Китай [19]. Население нескольких старообрядческих поселков рассеялось по всему свету.

Наиболее известными и полными монографиями о жизни старообрядческой диаспоры в Америке и Канаде, в том числе и приморской, являются работы Р. Морриса и Д. Шеффела [20]. Рассказов о том, как семьи старообрядцев уходили из Китая, не так уж много. По воспоминаниям самих старообрядцев, поначалу некоторые семьи сами складывались деньгами и небольшими группами уезжали в Гон-Конг. Оттуда месяцев через 8–9 с помощью Международного Красного Креста старообрядцы разъезжались по всему свету. Готовность их принять выразили Бразилия, Австралия, ЮАР. Власти отвели староверам земли на юге страны в окрестностях города Кампо-Гранде [21]. Прохор Григорьевич вспоминает: «Жили в Гон-Конге 7 месяцев, пока не приняла Бразилия. Штат Прана, г. Понтогроссо. Там расселилось 800 душ. Построили 3 поселка. Землю купила им организация мировых церквей. Через 5 лет удалось выехать оттуда в США, штат Орегон. Климат там многим не нравился. С помощью Толстовского фонда перебрались на Аляску» [22]. Там, по рассказам Прохора Григорьевича, земли можно было получить бесплатно, чтобы засельщик лет за 5 отстроил себе дом, обработал землю. Таким образом, несколько десятков семей обосновались недалеко от г. Хомера. С течением времени на Аляске появились новые русские поселения с такими привычными для нас названиями: Николаевск, Раздольное, Качемас-село, Вознесенское, Находка.

Все старообрядческие семьи, прибывшие на Аляску принадлежали к одному часовенному согласию. Прохор Григорьевич Мартюшев, по собственному признанию, стал одним из инициаторов раскола. Часть общины, разделявшая его взгляды (невозможность спасения без священства и церкви), ушла за ним из часовенного согласия и примкнула к Белокриницкой иерархии. Они послали своего представителя в Румынию, который рукоположил первого священника. Отец Кондрат Фефелов уже много лет руководит общиной старообрядцев, приемлющих священство, на Аляске. Он также частый гость и на дальневосточной земле. При его активном участии как материальном, так и моральном, был построен в Хабаровске храм Покрова Пресвятой Богородицы для тогда еще немногочисленной старообрядческой общины г. Хабаровска.

Сегодня колонии старообрядцев, выходцев из Приморья есть в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Боливии, США, Канаде.

С первой большой партией перебралась в Бразилию и семья Реутовых. Прожив там тридцать лет, перебрались в Боливию значительно увеличившись в количественном отношении семьи братьев Реутовых: Исака, Логина, Ивана, Ксенофонта и сестры Агафьи.

По — разному живут сегодня приморцы в Боливии. В основном, занимаются сельским хозяйством, животноводством. Рассказывает Реутов Исак Анисимович: «Наши дети работают, трактором разрабатывают землю и сеют рис, кукурузу. Нынешний год цену уронили на бобы, прошлый год цена была на бобы по 220 долларов за тонну, а нынче по 120. Вот и остались все должны, т. к. орошение, семена, горючее — это все берут в долг. А когда жнитво закончат и бобы сдают на фабрику, вот там и вышшытывают за все. А когда хороша цена, то и хозяину остается...» «Я (Исак Реутов — авт.) делаю „стирки" (доски стиральные — авт.), а бабы покупают. Покупаю металлическую жесть нержавейку, делаю рамки. На жести выбиваю вилюистые рубцы и вставляю в рамки, продаю по 25 долларов. А хозяйка моя, жена, ездит продает сыр, масло, сметану, творог. Вот так мы помаленьку и живем» [23]. В конце 90-х гг. семья Исака Реутова решила поменять место жительства, уехать подальше от оживленной трассы. «Приехали мы на новую землю... в большой лес, непроходимую тайгу. Тропическая тайга она чашшей заросшая да плетями, но мы нанимаем здешних боливьянцев рубить эту чащу. А когда вырублют, тогда мы будем лес сами пилить, валить тайгу. А пилим-то моторной пилкой. Есть таки лесины, четверым не охватить... Гнуса сейчас здесь очень много всякова: каки-то осы мелки и крупны, пчелочки маленьки, мошки, которы в глаза лезут, паутики... А когда будет чисто, будет ветерку больше и тогда будет хорошо...» [24].

Дети их прожили на новой родине всю свою жизнь, и почти не знают России, кроме как по рассказам родителей. А родителей при всем их благополучии не покидает желание побывать на родине: «А мы скитаемся по чужим странам, знаем испанский язык, умеем по ихнему лепетать... А климат тропический очень чижолый для нас. Жара какая, день и ночь рубашка на тебе мокрая...», «Да интересно про русскую зиму и русскую печь послушать... Есть и у нас русская печь, но мы не греемся, и без нее тошно. Только булки да калачи, пироги делаем. Хотел бы я глянуть на матушку-зиму...» [25].

Сегодня у представителей многочисленной диаспоры российских староверов, живущих в разных странах мира, много проблем. Самой главной заботой старшего поколения является забота о сохранении веры, обычаев предков в современном обществе.

Глава X.
Общины старообрядцев белокриницкого согласия г. Владивостока

Надежду на возрождение старообрядчества на Дальнем Востоке исследователи в последнее время все чаще связывают со старообрядцами, приемлющими священство. Становится все более очевидным, что в крае за последние годы количество старообрядческих общин, не приемлющих священство, резко сокращается. В религиозной жизни старообрядцев белокриницкого согласия происходят перемены, способствующие возрождению этого направления старообрядчества в Приморье...

Дальневосточные ученые, исследователи уже не однажды обращались к истории старообрядческих общин поповского направления на Дальнем Востоке и в Приморье [1]. Несмотря на довольно значительное количество работ, в разной степени полноты затрагивающих эту тему, остается еще много неизвестных страниц в воссоздании исторического судьбы одного из самых многочисленных направлений старообрядчества на Дальнем Востоке.

Белокриницкая иерархия, восстановлена была в полноте трех священных чинов с 1846 г. в с. Белая Криница после присоединения к старообрядчеству босно-сараевского митрополита Амвросия. Созданная по инициативе российских старообрядцев епископская кафедра за рубежом, в Австрийской империи, проделала довольно сложный кружной путь в Россию через Австрию, Турцию, Молдавию, Валахию. Восстановление трехчинной иерархии, укрепление древлего благочестия в России начинается с момента рукоположения первого епископа — Софрония симбирского — 1849 г. и затем в 1853 г. Антония

владимирского, за время служения которого было основано 12 российских старообрядческих епархий, которые просуществовали до 1920 г. В 1928 г. в России насчитывалось 16–18 епископов при 28 епархиях [2].

История белокриницких приходов в Сибири, Дальнем Востоке переплетается с историей самого многочисленного в этих регионах согласия — часовенного, занимающего промежуточное положение между поповским и беспоповским направлениями старообрядчества [3].

Говорить о динамике численности старообрядцев в крае невозможно без статистических данных.

Как я уже отмечала, ранняя статистическая информация о населении Приморской области по вероисповеданию (1868, 1870, 1871, 1872 гг.) регистрируют лишь число старообрядцев, не приемлющих священство, а в Амурской обл. в 1866 г. в числе государственных крестьян уже зафиксировано 21 мужского пола и 14 женского пола старообрядцев, приемлющих священство, не приемлющих священство — 317 мужского пола и 305 женского пола [4].

Через 20 с лишним лет, в 1889 г., согласно статистике о населении Южно-Уссурийского округа по вероисповеданию среди православного населения 20273 мужского пола и 11491 женского пола числилось раскольников — 692 мужского пола и 298 женского пола [5] (эти цифры, правда, могли включать в себя и число сектантов — авт.). В этом году также не было зафиксировано старообрядцев, приемлющих священство ни в округе в целом, ни в войсках.

Во Владивостоке в 1889 г. среди православного населения 5892 мужского пола и 1987 женского пола зарегистрировано раскольников — 323 мужского пола и 141 женского пола, среди них — 5 мужского пола и 7 женского пола старообрядцев, приемлющих священство [6].

Следующие данные за 1893 г. конкретизируют ситуацию. Во Владивостоке в ведомости о числе раскольников были перечислены тринадцать фамилий глав старообрядческих семей, среди них — одна фамилия с пометой «единоверец». Путем простого подсчета оказалось, что на этот год во Владивостоке зарегистрировано: 15 лиц мужского пола, 16 женского пола, 33 ребенка [7]. К какому направлению, согласию принадлежали эти старообрядцы на указанное время, нам не известно, но по фамильному составу этой группы можно говорить о том, что они стали основой будущей общины старообрядцев белокриницкой иерархии. К тому же, именно это число семей в 1912 г. будет уже указано как число старообрядцев, приемлющих священство. Позднее мы еще вернемся к этому списку.

В 1909 г. в Приморской области было зарегистрировано старообрядцев австрийского толка — 2 (селения), 149 семей, 908 душ [8]. Селами этими, вероятно, были с. Красный Яр и с. Стольное, Тихоновской волости, где в том же 1909 г. образовалось два старообрядческих общества: первое — беспоповское, 325 душ, второе — австрийского толка — 22 души. У первых имеется наставник, у второго священника нет [9]. Для сравнения: в Амурской обл. к 1910 г. существовало уже 5 общин старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию, и несколько храмов.

Наиболее подробные статистические сведения имеются в нашем распоряжении на 1912 г.

Старообрядцы, приемлющие священство:

г. Владивосток (все те же 12 семей)	— 12 семей
г. Никольск-Уссурийск	— 4 семей
Ключевская вол. (с. Терней)	— 40 семей
Тихоновская вол. (с. Стольное)	— 18 семей
Уссурийское каз. войско ст. Гродековская	— 59 семей
с. Красный Яр	— 78 семей [10].

Наши полевые исследования подтверждают расселение старообрядцев белокриницкой иерархии на территории Приморья. По нашим сведениям, именно в этих селах и городах Приморья в начале XX века существовали старообрядческие общины, приемлющих белокриницкую иерархию. К сожалению, пока более подробных сведений о них мы не имеем. Изучение их истории впереди.

А мы обращаемся к истории Владивостокской общины и общины с. Красный Яр, чьи судьбы были тесно связаны.

Семейские старообрядцы из Забайкалья были одними из первых, кто начинал осваивать Приамурье и Приморье. Многие из забайкальских старообрядцев или имеющие с ними родственные отношения осели во Владивостоке или подселились сюда позднее из Красного Яра, Ильинки.

Передо мной уже упоминавшийся список старообрядцев г. Владивостока из 12 фамилий за 1893 г. Еще раз напомню, что в списке они названы как «старообрядцы» без уточнения, к какому его направлению они принадлежат. Смею предположить, что большая часть семей, упомянутых в нем, стала основой Святоникольской старообрядческой общины г. Владивостока. Предположение мое основывается на сопоставлении нескольких источников: списков святоникольской общины за 1916, 1931 гг. и метрической книги о родившихся и брачующихся старообрядцах Владивостокской городской управы за 1916–1923 г. Имеющаяся на сегодняшний день информация позволит нам хоть немного наполнить этот список жизненными реалиями...

Самойло Черепанов, переселенец из Томской губернии, и его дети — Василий, Вонифатий и Терентий упоминаются как члены Святоникольской старообрядческой общины г. Владивостока в 1916 г. [11]. Терентий Самойлович Черепанов упоминается в метрической книге о родившихся старообрядцах Владивостокской городской управы в связи с крещением своего сына Дмитрия в 1916 г. [12]. Далее в списке Святоникольской общины г. Владивостока 1916 г. назван Ефим Татаркин, переселившийся из Европейской России, а также его сын — Татаркин Игнатий Ефимович, проживающий по Посьетской ул. [13]. Еще одна фамилия — мещанин Мартемьян Селедков, также переселившийся из Европейской России. Сын Мартемьяна Селедкова — Филипп и его законная жена Пелагея Семеновна упоминаются в метрической книге Владивостокской городской управы в связи с записью о крещении их сына Евграфа в 1917 г. [14]. Наконец, еще знакомая фамилия — Кайгородов Гурий, переселенец из Томской губернии. По словам Е. Н. Сальниковой, «семья Кайгородовых принадлежит к числу первопоселенцев Приморского края. В село Ильинка, по семейным преданиям, Кайгородовы приехали из Ставропольской губ., окрестностей Екатеринодара. Добирались до Приморья в течение 10 лет, обозами, останавливались на год-два в Сибири, Забайкалье» [15]. По словам Е. Н. Сальниковой в 1900 г., а по нашим сведениям в 1893 он, жена и трое детей уже живут во Владивостоке. Старший сын Петр в 1903 г. женился на жительнице с. Красный Яр — Спиридоновой Агафье Ивановне и стал жителем с. Красный Яр. Во всяком случае, в 1909 г. он поименован уже в списке жителей этого села [16]. В 1916 г. Кайгородовы Гурий, Петр, Гавриил уже зарегистрированы как члены Святоникольской старообрядческой общины и как жители г. Владивостока, проживающие на Второй Рабочей улице [17]. Вышеназванные семьи были связаны родственными связями с забайкаль-

скими старообрядцами: Спиридоновыми, Николаевыми, Ефимовыми и т. д. В списке Святоникольской старообрядческой общины г. Владивостока за 1916 г. мы видим также фамилии забайкальских старообрядцев — Воробьевых, Бесединых, Матвеевых, Спиридоновых, Николаевых, Ткачевых.

После 1905 г. во Владивосток переселяется несколько семей из г. Гомеля — из знаменитой когда-то Ветковской слободы- духовного центра старообрядцев, приемлющих священство. Серова Евгения Ермолаевна (урожденная Пастухова) родилась во Владивостоке в 1916 г. История ее семьи, родственников продолжает оставаться предметом наших исследований в течение последних лет. Евгения Ермолаевна вспоминает, что отец ее, Ермолай Харитонович Пастухов, на Дальний Восток приехал из Гомеля на срочную службу. Здесь и застала его Русско-Японская война. Вернулся он с войны в Гомель Георгиевским кавалером. Женился на Екатерине Саввичне Чесноковой и увез-таки жену на Дальний Восток. Позднее почти все родственники Екатерины Саввичны (родители, сестры) перебрались во Владивосток. Кто на время, кто навсегда. Кстати, одна из сестер Еатерины Саввичны- Анна вышла замуж во Владивостоке за старообрядца-беспоповца — Алексея Лукьяновича Логинова, а брат Екатерины Саввичны, Игнат, взял в жены дочь начальника почтового отделения г. Владивостока, Елену Ивановну Рябцун, из новообрядцев, принявшую веру мужа. Еще одна сестра — Зинаида Саввична Чеснокова вышла замуж за Ивана Ивановича Харламова. Его родители были богатыми и имели 2-х этажный дом, стоявший на месте нынешнего цирка. На первом этаже дома был собственный винный магазин. В 30-е гг. вся семья была репрессирована и выслана в Сибирь, г. Канск [18].

Я уже говорила, что в моем распоряжении оказалось несколько документов по истории Владивостокской Святоникольской общины, оказавшихся достаточно информативными источниками Интересным оказалось сопоставление двух архивных документов, фиксирующих состав Владивостокской Святоникольской общины в момент первой официальной регистрации общины в 1916 г. и во время одной из последних регистраций общины 1931 г. В первом списке перечислены главы семей с указанием их места жительства. По нему можно судить о географии прихода: прихожанами Святоникольского храма были не только жители Владивостока, но и старообрядцы с. Красный Яр, с. Угольной, с. Седанка, с. Океанская, Никольск-Уссурийска, о. Русский, б. Джигит, д. Филаретовка [19].

Во втором списке помимо пофамильного перечисления прихожан (91 человек) указан их возраст, профессия, адрес и время поселения во Владивостоке. Как видно из списка, состав общины изменился мало, разве что появились семьи выросших и отделившихся детей. Все те же знакомые нам фамилии старожилов и их детей и родственников Селедковых, Кайгородовых, Черепановых, Чесноковых, Пастуховых, Татаркиных, Спиридоновых, Матвеевых, Николаевых, Блякиных.

Как видно из семейного состава общины, основу ее составили старожильческие семьи из Вятской губернии и забайкальские семейские. Позднее переселились несколько семей из Гомеля.

География прихода осталась почти без изменений: по прежнему церковь посещали жители Владивостока, его пригородов (ст. Океанская, ст. Седанка, 19 версты), из отдаленных пунктов указан лишь Спасский район. Среди уроженцев Владивостока и старожилов названы: Елена Лукьяновна Кайгородова, 68 лет, с 1907 г. во Владивостоке, Даниил Васильевич Черепанов, 30 лет, уроженец г. Владивостока, Акулина Петровна Селедкова, 58 лет, во Владивостоке с 1894 г., Анастасия Васильевна Черепанова, 21 год, уроженка г. Владивостока, Екатерина Саввична Пастухова, 44 года, во Владивостоке с 1912 г., Елена Макаровна Денисова, уроженка Владивостока, 23 г., Тимофей Семенович Рафалов, уроженец г. Владивостока, 64 года, Ермолай Харитонович Пастухов, с 1904 г. во Владивостоке, Агафья Евстифеевна Черепанова, с 1895 г. во Владивостоке, Терентий Самойлович Черепанов, во Владивостоке с 1900 г. Основная часть прихожан, по сведениям списка, поселилась во Владивостоке в период 1912–1925 гг.

Социальный состав прихожан, безусловно, поменялся с конца XIX в. Первоначально большую часть общинников составляли мещане и крестьяне (крестьяне, в основном, жители с. Красный Яр и других ближних сел). Часть мещан арендовала участки в различных районах и занималась сельским хозяйством. В числе прихожан были владельцы мелких и крупных торговых заведений, владельцы концессий, купцы, домовладельцы. Община была не бедной. Храм строили на свои деньги.

Время внесло свои коррективы. В списке 1931 г. мы видим в основном рабочие профессии: машинист лесопильного завода, сезонный рабочий, плотник, повар, сторож, рабочий завода «Металлист», чернорабочий, кочегар, икрянщик, рабочий фанерной фабрики, пожарник. С женщинами еще проще — домохозяйка, на иждивении мужа или детей, портниха по найму, уборщица и одна экономка ресторана Золотой Рог. Из профессий, скажем, интеллигентных — таксировщик Уссурийской ж. д., служащий Центросоюза [20].

Феномен головокружительного успеха старообрядческого предпринимательства в к. XIX-нач. XX в продолжает удивлять и вызывает уважение у наших современников. Благодаря таланту, энергии старообрядческих семей Морозовых, Солдатенковых, Рябушинских, Кузнецовых и многих других богатела и развивалась Россия. К началу XX в. почти важнейшие отрасли промышленности были сосредоточены в руках старообрядцев-миллионеров. Изучение опыта старообрядцев — предпринимателей в условиях сегодняшней России, в условиях восстановления отечественной экономики становится необходимым, как воздух. Все эти годы полевой и исследовательской работы мы были в активном поиске. Однозначно можно сказать — на поверхности этих сведений не было. Собирать пришлось буквально по крупицам. Обрывки сведений из архивных документов, устной информации зачастую соединялись лишь через год-два, а то и несколько лет. В результате усилиями многих людей, которые нам помогали, мы смогли вернуть из забвения хотя бы несколько имен...

Сегодня нами уже названо имя замечательного приморского предпринимателя, владельца лесной концессии в Ванино — Ефрема Алексеевича Власова. Ему посвящена целая статья Н. Б. Керчелаевой [21]. Написание ее стало возможно благодаря информации его дочери Алесандры Ефремовны, живущей ныне в Сан-Франциско, его ближайшей родственницы, жительницы и уроженки Владивостока — Евгении Ермолаевны Серовой, а также благодаря обнаруженным архивным документам.

Имя купца Матвея Радаева указано было еще в списке раскольников г. Владивостока за 1893 г. Признаюсь, что несколько лет эти сведения оставались невостребованными из моих рабочих тетрадей, пока не попали мне в руки еще несколько документов, один из них был связан с именем Акима Матвеевича Радаева. Речь, безусловно, шла об отце и сыне. О самом Матвее Радаеве из этого документа вытянуть удалось немного: он был купцом II гильдии, дети его также причислены к разряду купеческих детей, женат, возможно, он, как и его жена, Федосья Дмитриевна, 1833 года рождения, что у них было три сына — Аким Матвеевич (1858 г. р.), Елисей Матвеевич (1872 г. р.), имя третьего умершего сына не известно. Все сыновья уже к 1898 г. обзавелись семьями: у Акима уже 4 детей, у Елисея 3, у их умершего брата осталась вдовой жена и дочь [22]. Откуда переселилась во Владивосток семья Матвея Радаева более конкретно, чем было указано в списке — «Европейская Россия», нам не удалось. Правда, в том же документе есть помета о том, что в 1903 г. Елисей Матвеевич причислен был к обществу крестьян с. Красный Яр, [23] а среди архивных документов о с. Красный Яр мне удалось обнаружить запись о том, что крестьянин с. Красный Яр Елисей Матвеев Радаев, переселившийся в это село в 1903 г., на этот раз переселяется с семейст-

вом уже в с. Петропавловское Ивановской волости по той причине, что урожай два года подряд гиб из-за наводнений [24]. Приемный приговор подписало 28 человек Петропавловского сельского общества. Все они известны нам как часовенные старообрядцы. Вряд ли бы петропавловцы приняли в свое общество иноверца. Нам остается предположить, что Матвей был выходцем из Волго-Вятско региона, поскольку в с. Петропавловское, как мы знаем, жили переселенцы из этих регионов, и сам также из часовенных старообрядцев. Еще одним косвенным подтверждением этому является и тот факт, что в 1898 г. Игнатией Никитич Калугин, житель все того же с. Петропавловки, просил причислить его к обществу мещан во Владивостоке. Прошение его послано из дома Радаева в г. Владивостоке [25]. Ценность же архивного документа о семье Радаевых состоит более всего в том, что приведенная в нем информация о старшем сыне — Акиме позволяет почувствовать живые реалии того времени: «Аким Матвеев Радаев... 20 мая 1891 г... пожалован Его Императорским Высочеством и Великим Князем Николаем Александровичем серебряным портсигаром с золотым Государственным гербом. Во 2 день ноября 1896 г. Всемилостивейше пожалован золотой медалью с надписью „За усердие" для ношения на шее на Станиславской ленте. Согласно диплома Императорского Российского Общества спасения на водах от 23 июля 1897 г... имеет серебряную медаль Общества за подание помощи 24 мая 1895 г. четырем корейцам, утопавшим в Амурском заливе» [26]. В 1931 г. во Владивостоке проживала лишь Радаева Акулина Дорофееевна, 58 лет, домохозяйка. Видимо, мужа — Елисея Матвеевича Радаева уже не было в живых. Поскольку она упомянута в списке Святоникольской общины, то можно предположить, что, оставшись жить в городе, либо их семья, либо она сама перешли к старообрядцам, приемлющим священство.

Среди имен приморских предпринимателей — старообрядцев — имя Блякина Семена Тарасовича, владельца лесопильного завода на Первой Речке. В личном архиве, переданном музею Федором Николаевичем Меркуловым, среди поздравлений и благодарственных адресов, направленных или врученных главе Временного Приамурского правительства — Семену Дионисьевичу в связи с празднованием годовщины установления власти хранилось и поздравление от Совета Святоникольской старообрядческой общины г. Владивостока, подписанное Семеном Блякиным, занимавшего в эти годы должность Председателя общины и церковного старосты [27]. Из поздравления становится понятной позиция старообрядческой общины в этот сложный политический период, позиция старообрядчества, для которого единственно возможной властью была власть, освященная Богом. «Совет старообрядческой общины приветствует Национальное Приамурское правительство и Дальневосточную Армию и да поможет вамъ Господь усугубить мудрости и воссоединить всехъ сыновъ, любящихъ родину, держать крепко знамя Христианской веры и символ величия Национальной России — трехцветный флаг... Старообрядцы, памятуя своихъ предковъ, останутся непоколебимо верными сынами родины и заветам Христа» [28].

Старообрядцы Наумовы — жители Никольск-Уссурийска... Нам, к сожалению, не известны их имена. По воспоминаниям Евгении Ермолаевны, они были прихожанами Святоникольского храма. В Никольск-Уссурийске у них был свой огромный сад, дом. Хозяин занимался торговлей и имел магазин игрушек [29].

В России судьбы церковных приходов неотделимы от судьбы их души, сердца — церкви, храма. Владивостокская старообрядческая церковь в полной мере разделила судьбу многих храмов России. Появился он, как и многие старообрядческие храмы в России, после принятия законодательных актов 1905–1906 гг. В 1916 г. в Приморское областное правление поступило заявление от старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, в котором сообщалось: «В г. Владивостоке предполагается построить храм на старообрядческом кладбище в Куперовской Пади во имя святителя Николы, прихожанами которого будут состоять старообрядцы г. Владивостока и соседних селений. Мы учереждаем старообрядческую общину на основании Высочайшего Указа от 17 октября 1906 г» [30]. Храм был построен и освящен для проведения Богослужения только в 1918 г., т. е. самое тревожное непредсказуемое время. И, тем не менее, впереди у старообрядческой общины и храма было еще чуть больше 10 лет спокойной жизни. Уже в самом начале 30-х гг. ходить на службы стало небезопасно. Вот что вспоминала одна из прихожанок Святоникольского храма Е. Е. Серова: «Время было опасное... На службу уже не все ходили: боялись, а если и шли, то крадучись. В 1931 г. на Пасху на крестный ход вокруг церкви уже не решились, а последняя служба была Рождественская с 1931 г. на 1932 г» [31].

Для того чтобы сохранять за общиной храм, обязательна была перерегистрация общины. Сохранилось несколько таких документов, датированных 1930, 1932, 1934 гг. Регистрация общины производилась в те времена в управлении городской милиции, НКВД. Раз в пять лет требовалось возобновление договора на аренду церковного здания. Один из последних договоров на аренду церковного здания старообрядческой общиной был датирован 1926 г. и подписан уполномоченным от Совета старообрядческой общины Ефремом Алексеевичем Власовым. В договоре приводятся очень важные для нас данные о самом здании: «Дом деревянный, одноэтажный, из 3,5 вершковых плах, крыт оцинкованным железом, площадь 45 кв. м... с земельным участком 774,68 кв. м, общей оценкой в 2 038 руб. Срок аренды 5 лет» [32]. Более подробные сведения о храме имеются в документе 1934 г. «Храм деревянный с такой же колокольней, крытой оцинкованным железом, при 10 и 2 окнах колокольни. Построен в 1917 и 1918 гг. Притвор 4 1/2 х 9 аршин. На каменном фундаменте. 7 колоколов разных размеров...» Два домика, принадлежащих церкви (бывшая сторожка и дом священника) по словам уполномоченного (Т. В. Николаева — авт.), отобраны неизвестно какой организацией в мае 1933 г. Гораздо больший интерес для различных городских организаций представлял сам земельный участок. Городской отдел коммунального хозяйства в 1932 угрожал: «Предлагаем в 3-х дневный срок оформить договор на пользование культовым имуществом, а земельный участок, как не имеющий никакого отношения к культовому имуществу, передать правлению ЖАКТа № 145» [33]. Между тем участок, где выращивали овощи, уже несколько лет помогал выживать членам общины. Все попытки Тимофея Викуловича Николаева объяснить, что община не имеет никаких задолжностей, все многочисленные налоги, ренты, страховки выплачены сполна, оказались бесполезными. Орг. выводы комиссии, решающей судьбу полупустующего здания, были не утешительны: «Имея в виду полное безхозяйственное состояние церкви, которая в течение ряда лет не ремонтировалась, в данный момент находится беспризорной и община как таковая распалась, священника тоже нет, только есть уполномоченный Т. В. Николаев, который не имеет прав на исполнение культовых обрядов, отсутствие денежных ресурсов, которое давало бы возможность произвести ремонт, а поэтому... комиссия считает, что в дальнейшем такая безхозяйственность не допустима» [34]. События развивались очень быстро и в 1935 г. здание старообрядческой святоникольской церкви было передано новому хозяину. «Участку ПВО необходима была площадь под штаб участка, проведение строевых занятий команды в количестве 156 человек, хранения „громадных приборов ВДП-1"» [35]. Лучшего помещения и земельного участка найти в центре города было нельзя, поэтому «молитвенное здание старообрядческой церкви... надлежит передать в безвозмездное пользование 703 участку ПВО под штаб участка» [36]. Позднее, уже в 40-х гг. здание было передано православной новообрядческой церкви. Здание пережило общинну, давшую ему жизнь на много лет, просуществовав до 1978 г. В 1978 г. разрушено. До перестройки оставалось всего 7 лет...

По иронии судьбы единственный оставшийся не разрушенным на Дальнем Востоке старообрядческий храм в советское время давал приют новообрядческому приходу и, возможно, лишь поэтому и оставался в сохранности. Но приходится

с горечью сознавать, что этот единственный храм остался не зафиксирован для истории фотографами-специалистами. Музей располагает лишь несколькими любительскими снимками Святоникольской старообрядческой церкви.

Обретение дальневосточными старообрядцами полноты церковной жизни, восстановление церковной иерархии и в связи с этим оживление религиозной жизни стало возможно после принятия уже упомянутых законодательных актов 1905–1906 гг.

Несмотря на относительно медленную динамику роста общин белокриницкой иерархии на Дальнем Востоке (за исключением Амурской области) по сравнению с беспоповцами, особо остро стояла проблема духовного окормления верующих, отсутствие священников.

Создание в 1911 г. Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии и хиротония преосвященного Иосифа епископом призвано было решить эту насущную проблему. Пользуясь правом предоставленным ему Освященным Собором, владыка делает правильный выбор, избрав местом нахождения епископской кафедры и местом постоянного жительства амурское старообрядческое село Бордагон, которое оставалось его местожительством до 1919 г. Каждодневный подвижнический труд по устроительству епархии был прерван революционными событиями. Они заставили покинуть преосвященного Иосифа Амур. С этого времени владыка пребывал почти в постоянных разъездах, наезжая в Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский, Красный Яр. В 1921 г. вынужден был покинуть Россию и обосноваться в г. Харбине.

Вряд ли мне удастся, основываясь на том скудном материале, которым мы располагаем, выстроить хронологически точно те изменения, которые происходили в церковной жизни белокриницких старообрядцев во Владивостоке. По всей видимости, община старообрядцев, приемлющих священство, во Владивостоке какое-то время до 1911 г. замыкалась на Москву, поскольку в одном из архивных документов 1912 г. все те же 12 человек названы членами Московской Никольской Рогожинской общины [37].

Из уже опубликованных нами работ известно, что в с. Красный Яр община старообрядцев, приемлющих священство, появилась в результате раскола большой общины старообрядцев часовенного толка. По чьей инициативе произошел раскол в с. Красный Яр, нам не известно, но, видимо, первым священником, проводившем обряд, стал некто Масленников [38]. По воспоминаниям Анны Ивановны Спиридоновой: «В Красном Яре жил Масленников Петр, он был служителем в старообрядческой церкви приблизительно до 1912 г. [39]. И все же первая запись, связанная с Масленниковым, в метрической книге встречается за 1909 г. Видимо, позднее, в 1912 г. о. П. Масленников переехал во Владивосток, поскольку его имя встречается вплоть до 1919 г. в записях метрической книги о родившихся старообрядцах 1916–1923 г. Владивостокской городской управы Приморской обл. В той же метрической книге за 1922 г. зарегистрирован акт бракосочетания сына о. П. Масленникова — Николая, жителя с. Красный Яр» [40].

С Приамурьем было связано начало церковной службы другого дальневосточного священника — Артемия Евстафьевича Соловьева. Из архивных документов — переписки Хабаровского воинского начальника, Тетюшского уездного воинского начальника Казанской губернии, Амурского воинского начальника по поводу исключения Артемия Соловьева из запасных лиц в связи с назначением его старообрядческим священником нам удалось узнать, что Артемий Евстафьев Соловьев был призван на срочную службу в 1898 г., служил рядовым в 38 драгунском Владимирском полку в Казанской губернии. В 1907 г. он сдал свой увольнительный билет в с. Сюмсы, во время проведения поверочного сбора. Из документов можно понять, что после окончания воинской службы свою дальнейшую судьбу Артемий Соловьев связывает со служением Богу. В 1910 г. по благословению «Казанско-Вятского старообрядческого епископа Иоасафа, Советом съезда старообрядцев из г. Москвы» старообрядческий священник Белокриницкой иерархии Артемий Евстафьевич Соловьев был назначен «на переселенческий участок Аламно в Суражевский подрайон Амурской обл. для священнодействия среди переселенцев-старообрядцев» [41]. Здесь же есть интереснейший документ, датируемый все тем же 1910 г. — приговор христиан-старообрядцев с. Николо — Алескандровского, г. Хабаровск, д. Покровки, д. Князе-Волхонской о принятии для исправления духовных треб отца Артемия Ефстафьевича Соловьева: «Под квартиру даем...общественный дом со всеми надворными постройками и усадьбой, а также должны мы поставлять для отопления дров, сколько потребуется, а также муки ежегодно не менее 75 пудов и рыбы соленой не менее 50 пудов...» [42]. Приговор прихожан был прочитан и признан верным, подписан и скреплен печатью старообрядческого епископа Иоасафа Томского и временно всея Сибири и Амура 22 ноября 1910 г. [43]. Для справки: Протоиерей Иоанн Семенович Журавлев рукоположен в епископа Томского и всея Сибири в Москве в 1906 г. Приамурье и Приморье также входило в его епархию, в 1911 г. он становится епископом Томским и Алтайским, так как на Иркутск и Дальний Восток был рукоположен священник Иосиф Антипов [44].

В метрической книге Святоникольской старообрядческой общины имя священника Артемия Соловьева встречается с 1916 по 1923 гг. с некоторыми перерывами. В 1917 г. старообрядцы, проживающие в г. Харбине, объединились в приход и ходатайствовали перед преосвященным Иосифом о приходском священнике. Идя навстречу просьбе маньчжурских старообрядцев, епископ предписал священнику с. Красный Яр (храма во Владивостоке еще не было) о. Артемию Соловьеву исполнять духовные требы как в г. Харбине, так и по всей Манжурии [45]. О дальнейшей судьбе о. А. Соловьева нам, к сожалению, не известно.

Священником Николо-Александровского прихода до о. Артемия Соловьева был священник Иоанн Мартемьянович Емельянов, отказавшийся от своего прихода перед епископом Томским Иоасафом. В определении епископа священнику Артемию Соловьеву предписывалось занять место приходского священника Иоанна Емельянова «как покушавшегося и не раз оставлять без служения Божественной литургии николо-александровских христиан...» и предписывалось «всегда не опустительно быть при своем приходе и исправлять все требы... и не оставлять церковной службы...» [46]. Имя упомянутого священника И. Емельянова встречается в архивном документе 1911 г. Он служит в это время в ст. Гродековской Уссурийского казачего войска [47], а в 1914 г. его имя встречается уже в метрической книге Святоникольской общины г. Владивостока [48].

С 1920 г. по 1922 г. в метрической книге встречается имя епископа Казанского и Вятского Филарета [49]. Опубликованных сведений о нем в энциклопедическом словаре «Старообрядчество» не так уж много. Известно, например, что рукоположен он был на Рогожском кладбище в 1914 г, управлял епархией до 1930-х годов [50]. Можно предположить, что в связи с революционными событиями епископ вынужден был покинуть свою епархию и жить какое-то время на Дальнем Востоке, во Владивостоке. По видимому, также и отъезд епископа Иосифа в Маньчжурию стал более возможен с приездом епископа Филарета во Владивосток. Журнал «Дальневосточный старообрядец» подтверждает наше предположение: «Когда же с волной беженцев, на Восток прибыл казанский епископ Филарет и остановился во Владивостоке, то в начале 1921 г. преосвященный Иосиф переселился на житье в г. Харбин...» [51].

О диаконе Иоанне Старосадчеве, упоминаемом в записях владивостокской метрической книги за 1918 г., [52] известно еще меньше. Из того же журнала «Дальневосточный старообрядец» мы только знаем, что он прибыл в Маньчжурию с Аму-

ра из с. Бордагон в г. Харбин и в 1923 г. и вместе с настоятелем Харбинского прихода Иоанном Кудриным совершали богослужение вместе с преосвященным Иосифом в день закладки храма в Харбине 18 августа 1924 г. Через год они же отслужили торжественный молебен по случаю освящения храма во имя святых Верховных Апостолов Петра и Павла [53]. Уже после смерти преосвященного епископа Иосифа старообрядцы с. Покровки через протоиерея о. Иоанна Шадрина ходатайствовали перед епископом Афанасием Иркутско — Амурским за благословением открытия нового прихода в с. Покровка и был, по видимому, назначен преосвященным Иосифом туда. Село Покровка было расположено в северо-восточной части Китая по левой стороне р. Илгачи. Старообрядческая община была довольно большой и соседствовала в селе с новообрядческой. Старообрядцы, населявшие Покровку, были выходцами из Забайкалья, Западной Сибири и центральной части России. Храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы построили на вершине самого высокого холма в селе... В 1932 г. настоятелем храма был назначен о. Иоанн Старосадчев, который оставался на этом приходе до прихода советских войск в Китай [54].

Сподвижником епископа Иосифа на Дальнем Востоке был о. Иоанн Кудрин. Родом он, как и преосвященный епископ Иосиф, из Пермской губернии и также, как он, из семьи старообрядцев часовенного согласия. Родители его присоединились к старообрядцам, приемлющим священство, когда мальчику было 7 лет. Автор статьи об Иоанне Кудрине в журнале «Дальневосточный старообрядец» отмечает в нем прежде всего талант «книжной мудрости», талант оратора, талант миссионера. С самого начала своего служения о. Иоанн стал весьма заметной фигурой в Пермской губ: ему, еще совсем молодому священнику, доверяют один из сложнейших приходов — Саранинский завод, приход, состоящий в основном из обращенных часовенных старообрядцев. Затем ему предстояло открытие нового прихода уже в Уфимской губ. В это же время его избирают в члены Епархиального Совета, а затем председателем Епархиального совета Пермско-Тобольской епархии. Как и прежде, все свое свободное время он продолжал заниматься самообразованием, в том числе и в области сельского хозяйства. Во время революционных событий вместе с беженцами он оказался в Кургане, где его избирают на пост Старшего Священника Армии и Флота. Военное Министерство поручает ему разработать «Положение о старообрядческом духовенстве, обслуживающем Армию и Флот». Верный священническому и человеческому долгу о. Иоанн прошел крестным путем Белой армии через Сибирь до Владивостока. Я хочу лишь напомнить в нескольких словах о страшной в своей реальности ситуации... После падения Омска в 1919 г. началось медленное движение огромной Белой армии на Восток. Уходя из Омска, Верховный правитель Колчак дал приказ об эвакуации всего гражданского населения города, не желающего попасть под власть красных. Это были семьи офицеров, солдат, госпитали, интендантство. Они были полны надежд и не представляли, сколько испытаний выпадет на их долю. Союзные войска и войска чехословацкой армии почти в самом начале пути прекратили оказывать поддержку русской армии и предприняли все меры, чтобы как можно скорее вывезти свои войска с эшелонами награбленного из России. Все, вплоть до прямого предательства. Чехи отсекли Белую армию от тыла. Белое командование всеми силами старалось спасти свои эшелоны с госпиталями, беженцами. «Ужасное положение, в котором оказались эти поезда, не подлежит никакому описанию. Они оставались без продовольствия, без топлива, и это в декабре, когда сибирские морозы доходят до –40. Даже воду надо было добывать, растапливая снег. Повальная эпидемия тифа, сыпного и возвратного превращала эти несчастные эшелоны в кладбища на колесах...» [55]. Нужно ли говорить о том, кем стали для этих людей священники, сопровождавшие армию?.. Самые высокие слова окажутся здесь уместными. Вместе с остатками Белой армии, с чудом выжившими участниками Сибирского похода о. И. Кудрин добирается до Владивостока. Здесь он был избран в Народное Собрание, где защищал интересы старообрядчества. С установлением советской власти в Приморье о. Иоанн уехал в Харбин, где в конце 1922 г. и возглавил приход харбинских старообрядцев [56].

Один из последних священников, оставшихся в памяти бывших прихожан Святоникольского храма во Владивостоке был Черников Леонтий Петрович. К сожалению, архивных материалов, как-то связанных с его именем, мы обнаружили очень немного. Сохранилась лишь анкета «на служителя церковных культовых треб общества старообрядцев, приемлющих священство г. Владивостока». Документ датирован 1931 г. Год Рождения Леонтия Черникова — 1847. С 1914 по 1924 гг. по преклонности лет был на иждивении старообрядцев Имана и соседних мест, с 1924 г. жил во Владивостоке на иждивении старообрядцев. О размере получаемого вознаграждения написано: «без вознаграждения на полном иждивении». Районом деятельности назван Владивосток и дачные районы. Адрес проживания — станция Океанская, 11. Образование: домашнее. Семейное положение — одинокий. Умер о. Леонтий Черников во Владивостоке, предположительно, в 1933 г. [57].

Мы уже писали, что раскол и послереволюционные события рассеяли старообрядческое население с. Красный Яр. Старообрядцы, премлющие белокриницкую иерархию, с начала 20-х гг. потихоньку стали перебираться во Владивосток. Вспоминает Феодот Максимович Казанцев из семьи Казанцевых-Николаевых: «Отец в колхоз не пошел, смог уехать во Владивосток... Следом за нами поехали Николаевы, Спиридоновы, Калугины, Воробьевы, Киселевы. Селились больше на Угольной, на 14 км, на Седанке...» [58]. До начала 30-х гг. молиться собирались в старообрядческой церкви во имя святителя Николы, что во Владивостоке на Первой Речке. Когда стало опасно собираться в ней и был арестован священник, стали ездить на Угольную. Вот тогда-то, кажется, в 1936 или 1937 г. был рукоположен в Москве новый священник — Тимофей Викулович Николаев, из большой семьи забайкальских старообрядцев, бывших часовенных. По воспоминаниям дочери Тимофея Викуловича — Александры Тимофеевны, ныне живущей на ст. Весенняя, отцу пришлось поколесить по краю. «Жили в Спасске, Кокшаровке, потом в Красном Яре. Пятистенный дом построил отец в Кедровке, вблизи Красного Яра. Тимофей вместе со своим братом Артамоном перегоняли скот из Спасска в Красный Яр. Во время коллективизации в колхоз вступать не захотел, купил дом на Угольной. Все ездили мольтся к нему. Он очень грамотный был, голос красивый, пел хорошо. Старики его упросили стать священником. Деньги на поездку в Москву собирали по копейке, кто сколько мог. В его ведении находились Хабаровский и Приморский край. Он много ездил, много ходил пешком, всегда с вещевым мешком, в котором лежали книги. Часто в те дома, где собирались на моление старообрядцы, приходили милиционеры и разгоняли верующих. Умер Тимофей Викулович в 97 лет на ст. Угольной. Могила его сохранилась, за ней ухаживают родственники» [59].

Итак, Святоникольская община разделила судьбу многих старообрядческих общин в советское время. Многие главы старообрядческих семей были арестованы, семьи высланы в Сибирь. Не так уж много их вернулось назад. Кто-то сумел уйти вовремя за рубеж, в Китай, а затем рассеяться по всему миру. Последующие годы стали для владивостокской общины временем заката. После смерти последнего священника — Николаева Тимофея Викуловича весьма малочисленная община долгое время оставалась без духовного пастыря. По инициативе Ф.М. Казанцева, одного из старейших членов Святоникольской общины и ближайшего родственника Т.В. Николаева, уже в конце 80-х гг. были восстановлены связи с тогда еще благочинным всея Сибири и Дальнего Востока, а с 1992 г. епископа всея Сибири и Дальнего Востока — о. Силуяном. Благодаря его подвижнической деятельности старообрядцы Приморья не оставались без епископского окормления.

Заметное оживление и восстановление церковной жизни на Дальнем Востоке началось с образования почти одновременно с 1993 по 1995 гг. сразу нескольких старообрядческих общин: в п. Врангель, п. Вольно-Надеждинское, г. Большой Ка-

мень, Уссурийске. Основу их составили молодые люди от 20 до 40 лет, не из традиционных старообрядческих семей, а пришедших к вере в результате длительных духовных поисков, что было так характерно для периода 80–90-х гг. Большинство обращенных имеет высшее и почти все среднее образование. На мой взгляд — радость обретения истинной веры, желание потрудиться во имя этой веры, молодость, здоровое честолюбие, энергия, образование были неплохими слагаемыми плодотворной деятельности по восстановлению церковной жизни не только в крае, но и в регионе в целом. Даже самые первые их шаги отличались завидным умением смотреть вперед и, исходя из этого, определять стратегические направления в своей деятельности. Восстановление соборности, этого краеугольного камня веры, они начали с возвращения традиции съездов мирян. Первый съезд мирян состоялся уже в 1996 г. в с. Суходол. На одном из последующих съездов было принято очень важное и ответственное решение о восстановлении Дальневосточной епархии. Благодаря усилиям старообрядцев Приморья, поддержке Освященного собора РПСЦ и по его решению от октября 1998 г. была воссоздана Дальневосточная епархия. Следующим чрезвычайно нужным и важным для собирания верующих и восстановления церковной жизни стало создание Информационного центра на базе Большекаменской общины и издание газеты «Русь православная». Понимая ценность получаемой в результате разносторонней деятельности исторической информациии, ценность подлинных материалов, оказавшихся волей судьбы в их распоряжении и вполне осознавая горечь от невосполнимости утраченных в годы гонений материалов по истории церкви, постоянно действующий Совет съезда мирян делает еще один верный шаг — создание Дальневосточного Архива РПСЦ. Восстановление полноты церковной жизни невозможно было бы в крае без разрешения самой насущной проблемы для всех верующих — постоянного духовного окормления, обретения священников. И эта проблема оказалась, не смотря на все трудности, решаемой: после обучения рукоположены три священника, назначен благочинный иерей. Для всех дальневосточников отрадно сознавать, что многолетний труд по канонизации преосвященного Иосифа (Антипина), епископа Иркутско-Амурского и Дальнего Востока, увенчался успехом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ РОДЫ ПРИМОРЬЯ
Жители с. Красный Яр, Ильинка.

Спиридоновы

С Лилианой Михайловной Островской, жительницей г. Владивостока, мы познакомились еще в начале 90-х гг. теперь уже прошлого века. Она происходит из старообрядческой семьи Спиридоновых — Островских.

По линии Островских (линия отца) они выходцы из Польши. Прадед Андрей, участник русско-турецкой войны. Привез с войны как трофей себе жену — турчанку. Действительно, во внешнем облике Островских эта восточная кровь заметна до сих пор: большинство Островских широкоскулые, со смолистыми волосами, смуглой кожей — авт.). Дед, Иннокентий Андреевич — из забайкальских казаков, участник русско-японской войны. Семья Островских не переселялась на Дальний Восток, но так уж случилось, что отец Лилианы Михайловны был призван на срочную службу в Никольск-Уссурийск, где и познакомился со своей будущей женой — Спиридоновой Федосьей Ивановной.

На основании имеющихся в нашем распоряжении документов, воспоминаний мы предполагаем, что в Ильинку переселилось несколько ветвей рода Спиридоновых- семьи Назара, Мины, Федора Савельевича. К сожалению, определить степень их родства пока не представляется возможным.

Самая большая — ветвь Мины Спиридонова. Нам известны 4 его сына: Иван, Яков, Клим, Лука. В Ильинке к 1896 г. проживали семьи всех братьев. Лука Минаевич и был прадедом Лилианы Михайловны.

Вторая линия рода Спиридоновых — ветвь Афанасия Назаровича. Видимо, это был один из старейшин села — 1825–1826 г. р.

Третья ветвь Федора Савельевича Спиридонова. Нам известны четверо его детей: Петр, Иван, Мавра, Осип.

Ист.: РГИА ДВ, Ф. 1. Оп. 1. Д. 495. Л. 3–4; РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 1. Д. 1514. Л. 76,76об., 78; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 162об.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1514. Л. 78РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2281. Л. 20.

Николаевы

Николаевы — такая привычная для русского слуха фамилия, одна из самых распространенных в России. Семейский род Николаевых один из достойнейших родов Приморья. Судьба подарила мне встречи со многими потомками этой семьи. Наша приморская исследовательница Идея Назаровна Грабовенко — одна из потомков двух знаменитых родов Бутковских и Николаевых, взяла на себя нелегкий труд составления их родословного древа. Книга о роде Бутковских уже увидела свет, на очереди ее исследование о семье Николаевых.

Для восстановления общей схемы рода Николаевых мы пользовались нашими полевыми источниками, а также информацией, любезно предоставленной музею И. Н. Грабовенко.

Род Николаевых пришел в Забайкалье традиционным для многих ветковских изгнанников путем. Первые сведения о Николаевых, по сведениям И. Н. Грабовенко, появляются в 1765 г.: в Куйтуне зарегистрирован Иван Николаев с детьми. Обосновались Николаевы в Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда. В числе других самых отчаянных семей рискнули по приглашению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского перебраться в страну вечной мерзлоты — Якутию, расселившись там в разных районах Аянского тракта: с. Чайское, Новопкровское, Павловское и юг Якутии — Алдан. Сегодня нам уже известны, по крайней мере, несколько линий семейного клана Николаевых: Григория, Ефима, Варфоломея с уже довольно взрослым потомством. Между собой они были в близком родстве: Григорий и Ефим были родными братьями, с Варфоломеем — двоюродные. С началом заселения Дальнего Востока эти крестьянские семьи решаются еще на одно переселение, теперь уже в Южно-Уссурийский край. Многочисленное потомство перебирается в с. Красный Яр в течение нескольких лет.

Ветвь Ефима, не так многочисленна. У него и его жены Прасковьи было три сына и дочь: Федор, Василий, Ермила, Татьяна.

Ветвь Варфоломея. По архивным документам нам известны два его сына — Василий и Мокей, племянники Пантелеймона Григорьевича Николаева. У Василия и его жены Евдокии Ефимовой было многочисленное потомство: Тихон, Елена, Марья, Ксения, Ирина, Ирина, Самсон.

У Григория Николаева было несколько сыновей: Самуил (Самойло), Савелий, Пантелеймон, Вахромей. Ветвь Самойлы в Приморье не переселилась, осталась в Якутии.

Наиболее известна нам линия Пантелея (Пантелеймона) Николаева и его жены Анны Филипповны. У Пантелея, родившегося в 1837 г. в Иркутской губ. Верхнеудинского окр., было 6 сыновей и 2 дочери: Викул, Лука, Моисей, Михей, Дорофей, Лука, Татьяна, Агафья.

По полевой работе мы больше знакомы с потомками Пантелеймона Григорьевича. Но даже при имеющейся информации, остается еще достаточно вопросов для выяснения. Так, пока до сих пор не выяснено, сколько детей было у Викула. Родственники называют разные цифры — 9, 6, 7... Нужно искать дальше. Семьи Викула Николаева, как мы уже знаем, раскол, произошедший в Красном Яре, коснулся особенно тяжело. Семьи ближайших родственников, оказавшихся по разные стороны раскола, живущие в одном крае, практически не знают друг о друге. Мама нашей Соломонии Леонтьевны Гуменной (девичья Бортникова) сохранила веру предков (этому, конечно, способствовал отъезд молодых к родителям мужа — Бортниковым, из часовенного согласия). Соломония Леонтьевна очень трепетно относится к истории своего рода. Именно она сохранила редчайшие фотографии старейшин рода Николаевых — Пантелеймона, Викула, Михея, Моисея и т. д. Как и положено, они всегда висят у нее в комнате под стеклом. Стоило большого труда уговорить Соломонию Леонтьевну разрешить вывезти фотографии в музей для качественной пересъемки. Подлинники были возвращены владелице (жаль, что выцветают они

под стеклом, убрать бы их в альбом, на худой конец). Зато теперь другие потомки могут увидеть, как выглядел их строгий на вид пращур — Пантелеймон.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 148об, 162; ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1Д. 1. Л48–49; ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1Д. 1. Л. 26; П. д. № 14. С. 64–82. Грабовенко И. Н. Николаевы. 2003. (рукопись).

Бутковские

Замечательно, что у большой старообрядческой семьи Бутковских появились свои исследователи... Владивостокским исследовательницам Идее Назаровне Грабовенко (урожденной Бутковской) и Наталье Викторовне Бутковской, совсем недавно приступившим к генеалогическим исследованиям, удалось сделать чрезвычайно много. В этом году вышла их книга, посвященная истории рода Бутковских. Музей признателен им за бескорыстную и бесценную помощь в исследованиях старообрядческих родов. Для общего сведения мы лишь кратко воспроизведем их информацию.

В архивных документах эта фамилия упоминается с самого начала XVII в. Исследователям известно сегодня 10 поколений этого рода. Изгнанники из Ветки поселяются в Тарбагатайской волости. С началом освоения Аянского тракта многие семьи Бутковских переселяются на новое место — в Якутию. Исследователи называют несколько больших ветвей рода.

Приморская ветвь. Отсюда пошло потомство сыновей Трофима Бутковского — Якова и Гаврилы.

Якутская ветвь начинается от Марка Александровича Бутковского.

Амурская ветвь представлена потомками Андрея Бутковского. Очень хочется, чтобы подтвердилась родственная связь между крестьянским родом Бутковских и потомственным дворянином, судовладельцем Яковом Николаевичем Бутковским. Эту линию успешно исследует Н. В. Бутковская. Всех, более подробно интересующихся этим родом, с удовольствием отсылаю к новой книге «Бутковские».

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-28153; Грабовенко И. Н., Бутковская Н. В. Бутковские. 300 лет преданности старой православной вере. Родословная. Записки клуба «Родовед». Вып. 8. Владивосток. 2003; Бутковская Н. В. К родословной старообрядцев Бутковских // Арсеньевские чтения. Владивосток. 2000.

Шарыповы

По архивной, и главным образом, полевой информации нам известно сегодня две линии рода Шарыповых. По нашему предположению, и пока неуточненным данным, род этот вышел когда-то с Волги.

Следующим местом их поселения была Пермская губерния. Оттуда вышел род Евлампия Иосифовича Шарыпова. Он родился в 1887 г. в Пермской губернии, Шадринский уезд с. Сладко (по другой информации — с. Спицыно) Известно также, что у него были брат Климентий и сестра Дарья.

Другая линия Шарыповых — алтайская. Она ведется от Демида Дормидонтовича (родился в Томской губернии Бийского округа с. Уймон. Год рождения разный по разным источникам: 1857 г. или 1860 г.). По воспоминаниям внучки, у Демида было две жены. От первой родилось четверо сыновей, а от второй — еще сын и дочь: Евтифий, Терентий, Евдоким, Гермоген, Николай, Матрена. За время экспедиционной работы нам удалось познакомиться со многими потомками этой семьи. Почти все сыновья Демида были арестованы во время известных событий 1932 г. Старшему из сыновей Демида удалось все же прожить долгую жизнь — 104 года. По воспоминаниям его внучки, А. С. Хариной он сопровождал экспедиции В. К. Арсеньева и долго хранил ружье, подаренное ему знаменитым путешественником. Ареста в 1938 г. избежать ему все же не удалось, после освобождения жил и умер в Сучане.

С дочерью Ивана Терентьевича Шарыпова (второй сын Демида — Терентий, род в 1886 г. в Красном Яре — мы познакомились еще в Амгу в 1992 г. Степанида Ивановна Шокурова вспоминала о романтическом увлечении ее матери Ефросиньи Ивановны Давыдовой будущим мужем — Иваном Шарыповым. Богатая семья Давыдовых ни за что не хотела родниться с Шарыповыми. По обычаю в крестьянских семьях девочек не обучали грамоте. Давыдов готов был отправить дочь во Владивосток на учебу, только бы забыла о своем увлечении. Не помогло. Всю жизнь любила его, и после его расстрела больше уж не выходила замуж, вспоминала о нем даже при смерти. От Степаниды Ивановны мы узнали, что в филиале нашего музея в г. Партизанске (быв. Сучан) работает внучка Терентия Демидовича Шарыпова, и там же в Партизанске живет его дочь — Евдокия Терентьевна! Вот так и бывает иногда: в поисках информации едем за тридевять земель, а о том, что она рядом, даже не догадывались... Евдокия Терентьевна вспомнила немало интересных подробностей, которые мы цитируем по ходу нашего рассказа. От нее же мы узнали, что Терентий участвовал в «германской», вернулся оттуда с Георгиевским крестом. После возвращения отца в 1915 г. семья перебралась сначала в б. Пластун, позднее почти все Шарыповы собрались на севере края на Бикине (заимка Шарыповых).

Дочь самого младшего сына — Николая (род 1893 г. Красный Яр) Анну Пошевко мы встретили в Максимовке. Гостеприимная и радушная хозяйка, Анна Николаевна с семьей до сих пор живет в доме, построенном ее предками.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-3723. Л. 5,6.; ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7411. Л. 5; С. 87; П. д. № 7. С. 3–6; П. д. № 17. Ч. 1.; П. д. № 4. С. 39–42.

Ефимовы

О семье Ефимовых мы только слышали рассказы наших знакомых. Главным источником информации на этот раз стала архивная документация.

Согласно этой информации, нам известна в Приморье лишь одна ветвь ее — Дорофея и Федоры Титовны. Сыновьями Бог не обидел: Александр, Нестор, Феодот, Петр, Аким, Федор. Семья, как и многие жители Красного Яра, прошла путь от Ветки в Забайкалье, затем были Нерчинский округ и Якутия (Ефимовы поселились на Алдане). Семья прибыла во Владивосток в 1869 г. (Нестор род. во Владивостоке в 1869 г.).

Большая часть жизни потомков семьи Ефимовых связана с Красным Яром. В селе еще сегодня стоит довольно хорошо сохранившийся дом, построенный Федором Дорофеевичем Ефимовым. Нынешние его хозяева с гордостью демонстрировали его состояние. В доме сохранилась еще круглая железная печь — «контромарка». Удивительно, но сохранился и второй дом, принадлежавший также Федору Дорофеевичу, правда, уже в г. Арсеньеве, на бывшем х. Халаза, куда мы попали только в 2002 г. С Ефимовского хутора когда-то и начиналась Халаза. Соломония Леонтьевна Гуменная рассказала, что ее старшая сестра Аполлинария вышла замуж за сына Федора — Карпа и перебралась сюда, на Халазу. Один дом

купили у Мартюшева для Карпа, а другой Федор Дорофееевич построил сам. Дома мы сфотографировали, а вот с владельцами их нынешними, потомками семьи Карпа, нам встретиться не удалось: узнали об этом в последний день экспедиции, и даже рискнули пойти пешком, да пришлось вернуться с полпути. Местные жители посоветовали не рисковать идти ночью лесом. «Ефимовы в Красном Яре сильно богато жили», — вспоминала С. Л. Гуменная. Кстати, в архивных документах я нашла упоминания именно об этих двух ефимовских домах. Ефимовы в Красном Яре держали достаточно много лошадей, из них три были выездные. Имели молочную ферму, кузницу, конюшню, два амбара и два хороших дома (один из которых мы и видели). Документы подтвердили слова Соломонии Леонтьевны о том, что Карп Ефимов купил дом и двор у Савина Мартюшева на Халазе, куда уехал в 1923 г. Видимо, отец перебрался на Халазу позднее, после раскулачивания в 1931 г.

У Федора Дорофеевича и его жены Матрены Пантелеевны было много детей: Прасковья, Хавронья (вышла замуж за Лаптева Мартемьяна — инф. Грабовенко И. Н.), Евстафий (род 1893 г. с. Ильинка) женился на Анастасии, у них родились Степанида, Вера, Марья, Михаил, Георгий), Карп, жена Аполинария Бортникова, дети — Ефим, Григорий, Соломония, Татьяна, Анна. Возможно, как дочь указана Соломония Леонтьевна, которая временно проживала у сестры, Акулина, муж Николаев Ефим Моисеевич (инф. Грабовенко И. Н.), а также Татьяна, Анна, Иван, Андрей, Петр, Софрон, Евдокия. (инф Грабовенко И. Н.). Один из сыновей Федора — Петр, женился на Ткачевой Афанасии Ферапонтовне. Через старшую дочь — Акулину — Ефимовы породнились со старинным родом Калугиных. Муж Акулины Петровны, сын Игнатия и внук Никиты Афанасьевича Калугина, одного из первопоселенцев Южно-Уссурийского края.

Ист.: ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 72–73; ГАПК. Ф. 1588. Оп.... Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 131, 610; ГАПК. Ф. 1Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 607,615; П. д. № 7. С. 46;. П. д. № 20. С. 124;

Могильниковы

В происхождении рода Могильниковых загадок еще очень много. В последнее время ученые все чаще обращаются к изучению путей миграции крестьянского населения, используя данные ономастики, ведь очень часто новые поселения получали имена основавших их первопроходцев, первопоселенцев. По литературе нам известны упоминания рода Могильниковых на территории Прикамья (по рр. Каме и Пильве). Достаточно много топонимов, связанных с этим семейным кланом встречается и на территории Сибири, Алтая: д. Могильна при оз. Могильном в Ишимском округе, Посельская Могильна, Старожильческая Могильна в Тарском округе, в Курганском округе, где антропонимом Могильняковых (Могильниковых) названо уже 11 селений. Наконец, фамилия Могильниковых названа исследователями среди первопоселенцев Убы и Бухтармы. Этот ряд топонимов наглядно демонстрирует пути продвижения рода в Сибирь, Алтай. Т. С. Мамсик отмечает, что фамилия Могилиных (Могильниковых), а также знакомые нам фамилии Лямсиных (Лямзиных), Наумовых, Шишкиных, Макаровых, Юдиных, Огневых, Быковых, Некрасовых, Черновых, Шараповых встречаются у жителей инородческих округов Тюменско-Тобольского и Верхотурско-Пелымского районов и считает, что пермяки, зыряне, обские угры приходили из-за Урала совместно с русскими и совместно осваивали эти районы. Эти миграции происходили до XX в., но уже второе поколение коми-переселенцев считало себя русскими. Следы включения инородческих групп в состав русских становятся почти незаметны к середине XVIII в.

Осевшие в Южно-Уссурийском крае Могильниковы, — выходцы из Томской губернии Колывановского уезда, Енисейской губернии Канского округа и ветвь семейских Могильниковых, переселившаяся в край из Якутии. Позднее несколько больших семей Могильниковых соединятся в селе с весьма знаменательным названием — Верхотуровка. Могильниковы считаются основателями этого села. Сюда же, опять-таки не случайно, переселяются семьи их родственников Некрасовых, Пермяковых, Килиных, а еще позднее именно сюда переселяются из Айротской автономной области семьи Огневых, Макаровых, Черновых, Бочкаревых. Нами было замечено, что поздние подселения в то или иное село в основном не были случайными, они фиксировали зачастую более ранние места выхода старожильческой группы. Предполагаю, что наиболее ранним местом выхода Могильниковых был Вятский, Вятско-Пермский регион. Поздние переселенцы в Верхотуровку Ильины, Смольниковы были выходцами из Вятской губернии.

Одними из мест наиболее раннего расселения семейного клана Могильниковых стали старожильческие села Ильинка, Красный Яр. Здесь обосновалась семья уже знакомого нам по Ильинке Федора Ивановича Могильникова, переселившегося сюда из Якутской области.

В Красном Яре довольно длительное время жили семьи его братьев (?) Могильниковых — Матвея и Фирса, их имена встречаются в архивных документах в 1886 и 1898 гг.

Старейшина рода Могильниковых — Матвей Иванович род. в 1848 г. в Томской губернии Колыванского уезда, жена Матвея Ивановича — Арина Григорьевна родилась в Алдане. А вот по воспоминаниям его внучки по материнской линии, Марии Алексеевны Некрасовой, Матвей родился в Енисейской губ. Канского округа д. Инбаши. (все его 7 детей — Савелий, Ефим, Моисей, Агафья, Елена, Анисья, Зиновия) родились уже здесь на Дальнем Востоке. По местам их рождения можно проследить миграцию этого рода по краю: Красный Яр, д. Лефинская, с. Имбеши Ольгинского уезда, с. Кхуцин, с. Верхотуровка, х. Беамо.

У Фирса Могильникова к 90-м гг. XIX в. были уже взрослые сыновья — Антон, Трифон, Петр, Федот. Позднее, по словам Могильниковой Анны Антоновны, дочери Антона, перебрались в Кхуцин. Отцу там не очень нравилось, молодежь «баловаться» начала, курить, за своих детей боязно стало, вот он и решил увезти семью дальше в лес. Место нашли севернее, в верховьях р. Единка. Потом туда подселились Балкины, Чернышевы, Быковы). Село назвали в честь основателя — Антона Могильникова.

Семьи Фомы и Викула Финогеновичей Могильниковых переселились на Дальний Восток из той же Енисейской губ. Канского окр. д. Инбаши (д. Онбаш, Унбаш?) довольно поздно в 10-х гг. XX в., возможно, по Столыпинской реформе. Пятеро его сыновей (Викул, Фотей, Фома, Иван, Василий) жили в разных селах Кхуцинской долины: Кхуцине, Улунге Кхуцинской.

По показаниям Викула, в Кеме жила семья его дяди — Наума Сергеевича Могильникова.

Ист.: На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XXвв. М., 1989. С. 25, 26; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 34, 35, 44–45,48–49.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1514. Л. 80об; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1226. Л. 11–12; П. д. 12. С. 26,93; П. д. 13. 67–68. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-36383. Л. 17; ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19.

Семьи старообрядцев, переселившихся из Волго-Вятского региона

Селедковы

Род Селедковых — еще один старожильческий род, переселившийся в Южно-Уссурийский край из Волго-Вятского региона. К сожалению, потомков из рода Селедковых по мужской линии за время полевой работы нам встретить не удалось: кто — то из них был репрессирован в 1932 г., кто-то позднее — в 1937 г., кому-то удалось уйти за границу... Из Харбина, в 1945 г. их ожидала долгая дорога домой через Урал, Тайшет, Братск, Ванино, Магадан, колымские угольные копи. А потом годы «добровольного» поселения, скитания по «северам» страны... Только в 60-х гг. теперь уже прошлого века некоторые семьи Селедковых вернулись в Хабаровский край.

С Николаем Ивановичем Селедковым, его женой Марией Михайловной мы знакомы только заочно благодаря фотографии, присланной в музей Валерием Юрьевичем Янковским.

На старой фотографии стоят три статных бородача на фоне охотничьих трофеев. Читаю на обороте надпись, составленную В. Ю. Янковским по-музейному, добротно: «Группа тигрятников с Восточной линии КВЖД в Маньчжурии 1939–1940 гг. Слева направо:

1. Федор Тимофеевич Селетков — старообрядец из д. Романовка вблизи с. Хандаохэцзы.
2. Охотник Назаренко с КВЖД.
3. Калугин из д. Романовка, старовер.
4. Василий Тимофеевич Селетков, младший брат Федора, тоже старовер из Романовки.

(оба брата арестованы органами СМЕРШ НКВД в 1945 г., отбывали срок на Чукотке)».

Эти несколько строчек вместили в себя столько ценнейшей информации...

Фамилия Селедковых — известная в Приморье старообрядческая фамилия. Значит, можно поискать родственные корни в крае. Валерий Юрьевич ставит дату фотографии 1939–1940 гг., а ниже добавляет, что братья Селедковы в 1945 г. были арестованы и отбывали срок на Чукотке... Ну, если ему известны такие подробности, то появились вообще самые смелые предположения: возможно, они и на севере встречались, на поселении, в пересыльной тюрьме? Со всеми своими вопросами, догадками отправила письмо В. Ю. Янковскому. Просто ждать терпения не хватало. Роюсь в своих старых записях... и нахожу выписки из дела по обвинению Калугина Петра Зиновьевича 1946 г.

Дело, не превышающее по объему десятка страниц, было похоже на десятки таких же дел, заведенных на наших соотечественников-эмигрантов, живших на территории освобожденной Маньчжурии: почти все они обвинялись в шпионаже в пользу Японии. По делу вместе с Калугиным проходили Селедковы Федор Тимофеевич и Василий Тимофеевич. Оба, судя по анкетным данным, родились на х. Халаза, а арестованы были в п. Романовка. Русский старообрядческий поселок Романовка в Китае. Это был один из счастливых периодов жизни приморских старообрядцев: судьба подарила тем и другим еще несколько лет достойной жизни.

В деле, к неожиданной своей радости, нашла подшитые просьбы о реабилитации, датированные 60–70 гг. и подписанные Василием Тимофеевичем Селедковым и, главное, там был его адрес!.. Решаюсь написать наудачу, хотя надежды не очень много. Василию Тимофеевичу должно быть, если он жив, не менее 90 лет, да и адрес за столько-то лет мог измениться. Первым пришло письмо от Валерия Юрьевича, он прислал в дар музею машинописную копию своего замечательного рассказа «Староверы» с воспоминаниями о встречах с ними (рассказ был написан для журнала «Охота и охотничье хозяйство»). Во время последней встречи в доме Селедковых в Маньчжурии вряд ли кто из них мог даже помыслить, где судьба предоставит им возможность увидеться вновь. «Неисповедимы пути Господни, — вспоминает В. Ю. Янковский, — Корея, Маньчжурия, охоты, семья — все осталось в неправдоподобном прошлом. Меня уже третий год волокли по тюрьмам и этапам...» В одном из лагерей за Полярным кругом ему и посчастливилось вновь встретиться с маньчжурцами: братьями Селедковыми, Петром Калугиным. Помогали выжить друг другу в заключении. Потом вновь встретились с Федором уже в Магадане после обязательных работ «по вольному найму». Там, в его домике на берегу бухты Нагаева Валерий Юрьевич прожил три месяца. «Позднее мы с Ириной Казимировной не раз встречались с бывшими маньчжурцами во вновь созданных семьях Селедкова и Калугина. Ибо оторванные от мужей и отцов „заботами“ СМЕРШа их прежние семьи, промучившись и прождав несколько лет, связались со староверами Австралии и уехали туда навсегда. Однако, умевший только расписаться... Федор не терялся в любой обстановке. Женился, завел в бухте Нагаево большую лодку с мотором, заключил договор с пригородным совхозом Дукча на поставку морского зверя для куриной фермы и зарабатывал очень солидные деньги. При этом успевал гнать и широко угощать земляков напитком из колымской рябины, да таким, который стрелял из бутылок оглушительней шампанского и валил гостей с ног... Но пьяным Федора Тимофеевича я не видел ни разу, только веселым...» Умер Федор Тимофеевич уже в Хабаровском крае, куда переселился позднее к брату Василию. «Великий зверобой умер стоя. Помогал молодым, тянул на берег Амгуни, притока Амура тяжелую сеть с кетой, упал и не поднялся...» Так заканчивает свой рассказ Валерий Юрьевич. Жив или нет Василий, Янковский не знал, на свое последнее письмо в Хабаровский край в 80-х гг. ответа не получил.

Зато вскоре ответ из Березовки Хабаровского края получила я. Ответ, который получить не надеялась. Писал племянник Василия Тимофеевича — Селедков Николай Иванович. От него я узнала, что Василий Тимофеевич умер 4 апреля 2000 г., т. е. всего за несколько месяцев до моего письма...

Следующее письмо от Николая Ивановича пришло с бесценными для нас фотографиями Калугина Петра Зиновьевича, снимок магаданский 1955 г., Василия Тимофеевича с сыновьями и 2 фотографии, еще романовские. На одной из них братья Селедковы вместе с совсем молодым Николаем Ивановичем. О трагической судьбе братьев Селедковых мы уже говорили ранее.

По воспоминаниям потомков этого большого рода, Селедковы — выходцы с Иргиза — места известного в истории старообрядчества. Иргиз — левобережье Волги, где по манифесту Екатерины II от 4 декабря 1762 г. было разрешено поселиться и отправлять богослужение возвращавшимся из Польши старообрядцам, выходцам с Ветки. По мнению исследователей, первые поколения старообрядцев в Саратовском крае в XVII в. были не переселенцами, а коренными жителями, не принявшими реформ Никона. Среди уже известных центров старообрядчества в Заволжье (Саратов, Вольск, Хвалынск) с переселением польских староверов появляется новый — Иргиз. Скорее всего и род Селедковых был в свое время переселен в Иргиз

с Ветки. Во всяком случае, связь с семейскими старообрядцами сохранялась. Одна из ветвей — Селедкова Ивана Евгеньевича, проживавшего в 1932 г. в с. Междуречье, происходит из Забайкалья, с. Алтай (Алтан?), отец его был из забайкальских казаков, служил есаулом. Вот и за сыном навсегда закрепилось прозвище «казак».

На Дальний Восток Селедковы двинулись в 1859 г. «Их было вроде пятеро или шестеро: Степан, Мамонт, Иов... Между собой они были в родстве, но не братья, а дяди, племянники. Женатые уж были почти все...» Путь продвижения их на Восток по-разному запечатлелся в памяти потомков. Возможно, пути следования на Дальний Восток у этих семей были разные: одни вспоминают, что предки добирались на новое место жительства морским путем: с Черного моря, через Индию во Владивосток... Другие помнят, что добирались на лошадях, через Томск, Софийский округ Приморской области. Совсем скоро семья Селедковых вместе с другими семьями перебирается в Южно-Уссурийский край скорее всего на Ханкайский участок, а позднее и в Петропавловку Ивановской волости.

У Степана было несколько сыновей и дочерей: Трофим и Григорий, Акатий, Прасковья, Арина. Наиболее полно нам известна линия Трофима Степановича. У него с женой Анной Логиновной было много детей: Иван, Дмитрий, Яков, Афанасий, Устинья, Аксинья. Старший — Иван высватал себе девушку из рода Наумовых — Капитолину Осиповну из Лефинки.

Род **Наумовых** переселился из Вятской губернии в самом начале 80-х гг. XIX в. и обосновался в с. Лифинское, затем перебрался в Каменку, Джигит и, наконец, семьи остановились в Кхуцине, где и прожили долго до 1930-х гг. По меркам северного побережья Наумовы принадлежали к состоятельным, зажиточным крестьянам: засевали от 8 до 15 десятин земли, имели большую пасеку до 100 ульев, кузницу, кожевенную мастерскую, различные сельскохозяйственные машины, два дома, крытые цинком, выездных лошадей... Николай Иванович Селедков, рассказавший нам о своей судьбе, судьбе своих родственников, и был сыном Ивана Трофимовича и Капитолины Осиповны.

У Тимофея Ивановича и его жены Василисы Агеевны известны уже упоминавшиеся нами Василий и Федор, о судьбе которых мы только что рассказали, Варфоломей, Андрей, Александра, Акулина, Елена и еще одна дочь (имя ее в архивных документах написано неразборчиво). Василий Тимофеевич женился на Капитолине Акатьевне Селедковой. Именно она связала воедино два рода Селедковых — Степана и Тимофея. Жена Федора Тимофеевича, арестованного в Маньчжурии, осталась в Китае и уехала позднее с пятью детьми в Австралию. Умерла жена Федора в очень преклонном возрасте, чуть не ста лет.

О линии Мамонта Васильевича Селедкова также известно немного: родился в 1866 г. в Петропавловке Ханкайской, жена Мария Алексеевна, дочь Матрена.

Ист.: Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Москва, 1996. С. 125; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35065. Л. 3,об; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35188. Л. 31,об.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П- 31863. Л. 64,71; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-8170. Л. 13; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-5792. Л. 88, 116; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 19,104, 114–115; Т. 5. Л. 18–19,24; П. д. № 7. С. 17; Личный архив автора (письма Селедкова Н. И. 2001–2003 гг.

Бортниковы

Говоря о первых засельщиках пустынных территорий центрального и северного районов края, В. К. Арсеньев упоминает отца и сына Бортниковых в числе первозасельщиков на р. Сяокеме. Названо писателем было только одно имя — Леонтий, отцу или сыну оно принадлежало — не известно. Эта информация была известна нам давно, но кто бы мог подумать, что полевые дороги приведут нас к потомкам этих самых Бортниковых...

Соломония Леонтьевна Гуменная, замечательная певунья живет в г. Арсеньеве. Ее память сохранила множество подробностей прошлых событий, семейных преданий. «На Дальний Восток, — рассказывает Соломония Леонтьевна, — нам переселяться сам царь помогал — от армии освобождали на 25 лет, а в нашей семье все сыновья были. Дед Иван Парамонович родом из Вятки, а тятя (Леонтий) родился уже здесь». У Ивана Парамоновича было четыре сына — Филимон, Фирс, Леонтий, Николай и дочь Меланья.

Сыновья старшего брата Фирса Евстафий и Иван создали в с. Амгу крупное оленеводческое хозяйство.

Наша дорогая Соломония Леонтьевна — дочь брата Фирса — Леонтия. Он выбрал себе жену из семейских — Николаеву Агафью Викуловну. От этого брака родилось 11 детей. Бортниковы были одними из первых жителей Халазы. Леонтий, как мы уже знаем, был хорошо знаком с В. К. Арсеньевым. По семейным легендам, он останавливался и жил в Амгу у Бортниковых. «Это еще отец мне рассказывал, что Арсеньев умел глаза отводить, по-нынешнему — гипнотизировать. Бывало, солдаты вокруг него соберутся, а через некоторое время смотришь, кто, будто на коне скачет, кто стеарин вместо сахара ест, кто лает, как собака... С тятей тоже он поспорил, что глаза ему отведет. У тяти часы в нагрудном кармане были, вот Арсеньев спросил, сколько времени, тот ответил. Ну, какое-то время сидели, разговаривали. Потом снова спрашивает Арсеньев про время, а тятя-то хватился, а часов-то нет! Арсеньев смеется, показывает, что они уже у него...»

Другая наша знакомая — Елена Степановна Бортникова — дочка Степана Макаровича Бортникова, известного среди старообрядцев Приморья — переписчика книг. Степан Макарович был репрессирован, но ему посчастливилось возвратиться домой. Вернувшись из заключения, он все свое время посвящал переписыванию книг, не хватало их катастрофически в те времена. На страницах его книг цветут дивной красоты цветы, важно ходят дальневосточные фазаны, тетерева... Одна из книг Степана Макаровича есть сегодня и в нашем музее. Еще одна ветвь Бортниковых — Порфирия Михайловича с двумя сыновьями Ферапонтом и Макарием.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 288, 347; Т. 9. Л. 194, 181–182,173, 178; 153,
РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 466. Л. 155, 158, об., 162, об.; П. д. № 13. С. 114, 115–116.
Арсеньев В. К. Русское население. Соб. Соч. в 6 Т. Т. 5. С. 72.

Калугины

С фамилией Калугиных за годы полевой работы мы свыклись как со своей собственной. Ее вспоминали так часто, как никакую другую. Калугиных считала родственниками добрая половина всех старожильческих семей, о них рассказывали легенды, их именами были названы улицы, речки, ручьи, заимки... Иногда казалось, что в этом обилии имен мы никогда не сможем разобраться. Встречи же с прямыми потомками рода Калугиных все как-то не случалось, правда, не скажу, что таких встреч не было совсем. Были. Но как-то все по женской линии. Им не удалось сохранить фамилию знаменитых предков. Среди наших материалов набиралось информации более чем на 50 имен по мужской в основной линиям. Связать их между собой было не просто.

Точкой нашего отсчета стала встреча с сестрами Ниной и Елизаветой из знаменитой в Приморье семьи тигроловов Владимировых. Их дед по линии матери, Терентий Афанасевич Калугин, был из долгожителей, прожил он 111 лет. В Виноградовке у него было многоотраслевое хозяйство, для своего времени великолепно технически оснащенное. Была большая заимка, где высевались самые разнообразные зерновые культуры, одна из крупнейших в Приморье пасек, фруктовый сад, ферма, водяная мельница. По рассказам Елизаветы Родионовны, Терентий Афанасьевич не раз бывал в Америке. Оказывается, он сопровождал туда партии лошадей Янковского для продажи. Терентий Афанасьевич увлекался коллекционированием бабочек. Не знаю, что послужило толчком для такого непривычного для крестьян увлечения. Возможно, знакомство с другим знаменитым в Приморье семейным кланом Янковских (по рассказам родственников, он специально готовил их и передавал кому-то из Владивостока. Мы полагаем, что это был Михаил Иванович Янковский). Вся большая коллекция бабочек, оставшаяся после смерти Терентия Афанасьевича, по воспоминаниям Елизаветы Родионовны, была разорена маленькими внуками, ею в том числе: «Помню коробки с бабочками, которые мы с ребятишками таскали по улицам». Был знаком Терентий Афанасьевич с В.К. Арсеньевым. Нам не терпелось взглянуть на этого человека, но ни одной его фотографии в семье Владимировых не сохранилось. А тут уж мы смогли помочь сестрам: нам удалось найти авторскую фотографию В.К. Арсеньева в одной из его книг с его же подписью «Т. Калугин — старовер-энтомолог из Анучина». Постепенно накапливалась информация: нашлись архивные документы с подробным описанием калугинской заимки. Позднее с помощью нашей давней знакомой и исследовательницей старообрядческих родов семейских старообрядцев Грабовенко И.Н. нам удалось познакомиться с Коробейниковой Ксенией Трифоновной, правнучкой все того же Терентия Афанасьевича Калугина по линии его сына Василия. В этот раз мощный род Калугиных соединился с не менее древним и состоятельным родом старообрядцев Мартыновых. Память Ксении Трифоновны хорошо сохранила рассказы старших о талантах ее деда Василия Терентьевича. Он был не менее одарен природой, чем сам Терентий Афанасьевич: крестьянский и домашний труд механизировал сам, построил мельницу, сделал крупорушку. К любому делу подходил всерьез: вот хоть лопату начнет делать, так раз 30 подойдет, по росту-то примерит, удобна ли ручка, ошкурит ее — ну, просто бархатная. Кузница своя была. И отец и дед кузнечили. Сами могли выковать все сельскохозяйственные орудия, инструменты. Занимался и ювелирной работой. У бабушки все зубы болели, так дед даже щипчики выковал для удаления зубов. Еще до 20-х гг. дед с сыном купили трактор. Ездили на нем с Виноградовки на Ханку, помогали пахать, да и про рыбалку не забывали. Трактор потом в колхоз отобрали... Были в роду Терентия Афанасьевича и известные охотники. Сын его, Василий Терентьевич — медвежатник, а отец Ксении Трифон Васильевич был известным на всю округу тигроловом. Поймать живого тигра... На это не каждый отважится. Про него даже из Москвы фильм приехали снимать. Правда, ничего не помогло, когда арестовали отца в 1938 г. «Исчез бесследно. А за него ведь многие хлопотали: и Морозов, командир партизанского отряда, и директор Ленинградского зоопарка — так никто ничего не узнал тогда... Дед Василий хорошо знал китайский язык и друзей у него в Китае было много надежных. Они предлагали бежать семье, когда коллективизация началась, да только дед не согласился: „Вся власть, какая ни есть- от Бога. Куда бежать...“» Женщины по этой Калугинской линии не менее талантливы: все почти целительницы. Дочь Терентия Афанасьевича — Феоктиста-травница знаменитая, сломанные суставы правила. Вылечивала даже сифилисных. Сестра ее Александра не уступала ей ни в чем. «Операцию» на больном пальце сделала сама. Топором. «Болел, окаяшный». Так уж совпало, что мать Ксении — Марфа Мартыновна Мартынова также была целительницей и повивальной бабкой. Лечила женщин от бесплодия, загиб матки вылечивала за несколько сеансов. «Удэгейцы, — вспоминает Ксения Трифоновна, — очень любили ее, она ведь и их женщин лечила. Бывало, сопливые удэгейские ребятишки бегут к маме, целуют... Ну, и она не отворачивалась от них. Бабушка Коровиха, рядом с нами жила, все недоумевала: „Ну, как ты можешь? Ладно еще русские целуют, а то ведь орочены... Грех это...“» Среди родственников этого рода — старожильческие семьи Андреевых, Владимировых, семейские Николаевы.

Наш Терентий Афанасьевич Калугин пришел на Дальний Восток с братьями — Никитой и Василием. Скорее всего, родиной всего калугинского рода можно считать Поволжье — Самарскую и Саратовскую губернии. Они были в числе первых старообрядческих семей, пришедших в Южно-Уссурийский край и поселившихся на Ханкайском участке и во Владивостоке. Еще одним косвенным доказательством волжского происхождения Калугиных является место высылки одного из Калугиных — г. Рыбинск. Эта традиция высылки раскулаченных по месту рождения или выхода старших членов семьи нами отмечалась не раз.

У Никиты Афанасьевича и Устиньи Николаевны Калугиных было пять сыновей и две дочери: Семен (Симон), Игнатий, Куприян, Терентий, Соломонида, Меланья.

В одну из первых своих поездок в г. Арсеньев мы познакомились с невесткой Игнатия Никитовича Калугина — Акулиной Петровной (девичья Ефимова) и ее красавицей дочерью Марией Михеевной Калугиной (в замужестве Смирновой). Память Акулины Петровны хранила интересные воспоминания о первопоселенцах на северном побережье. У ее свекра Игнатия Никитовича и Василисы Трифоновны Черепановой было шестеро детей: Михей, Иван, Сазон, Евдокия, Иосиф, Соломонида. Михей присмотрел себе девушку из семьи забайкальских семейских — Ефимовых и перевез ее в Колумбе. Там у них родилось шестнадцать детей, там они прожили долгие годы.

У другого сына Никиты — Семена (Симона) родились Варфломей, Евстафий, Евдокия, Сидор, Александр. Еще на заре перестройки очередной очерк Василия Пескова «Русаки на Аляске» познакомил российского читателя с судьбой тех старообрядческих семей, кто не захотел оставаться в Китайской народной республике и строить социализм. Они пошли трудным путем скитаний, прошли чуть не полмира и обосновались, наконец, в таежном крае Америки — Аляске, в селе с русским названием Николаевск. Анисим Калугин, сын Евстафия, получил тогда всесоюзную известность: многих читателей тогда, наверное, охватило чувство гордости за русских людей, не согнувшихся и не опустивших рук под тяжестью обстоятельств.

К сожалению, о линии Василия Афанасьевича нам пока почти ничего не известно.

Вместе с братьями Терентием, Никитой, Василием одними из первых пришли в Южно-Уссурийский край другие семейные кланы Калугиных. Большое потомство братьев Елисея и Федота Кирилловичей расселилось по краю от оз. Ханки до северного побережья и Дальнереченского района.

Старший брат Федот Кириллович упоминается в архивных документах как один из немногих владельцев собственных участков земли. У Федота Кирилловича родились: Зиновий, Мирон, Леонтий, Матвей, Савелий, Евгений, Марья, Ксения, Степанида, (Миней?). Каждая веточка этой семьи дала потомства в 7–8 детей... Одна из дочерей клана Бортниковых, Меланья Ивановна, вышла замуж за Зиновия Федотовича Калугина. У них родилось тоже девять детей: Петр, Анисим, Иван 1, Иван 2, Феопен, Семен, Анна, Матрена, Ефросинья, Феоктиста. Их многочисленная семья обустраивала и обживала таежные места Чугуевской волости, сс. Камеику, Кокшаровку. По воспоминаниям старожилки с. Кокшаровка Россомахиной, в дерев-

не на Калугинской улице жило несколько семей Калугиных: Дементиана, Ивана 1, Ивана 2 Зиновьевичей, потомков Елисея и Федота Кирилловичей. «Как началась коллективизация, Калугины все в одну ночь утекли из деревни. Ушли куда-то на Иман. Известий о них не было никаких. А в 1992 г. Калугины из Америки наведывались, смотрели свои дома...» По воспоминаниям арестованной в 1941 г. Ксении Куприяновны, жены Александра Елисеевича Калугина, они уходили тайно, пробираясь через тайгу в дебри р. Иман. Вся калугинская родня, оставив Кокшаровку, Каменку, собралась в более безопасных на то время местах, в иманских селах — Утазы, Сибичи, Сидатун. Отсюда их пути расходились навсегда. Лишь немногим из них удалось уйти в Китай. Братьев Семена и Феопена, скрывавшихся в тайге от призыва на службу в армии, обнаружил отряд НКВД. По рассказам дочери Феопена Зиновьевича — Клавдии Феопеновны, мать не велела сыновьям нарушать христианские заповеди, нельзя христианину брать оружие в руки «...Задержанных братьев почему-то расстреливать стали там же, над рекой. Феопена убили сразу, а Семену пуля прошла в правое плечо, он прыгнул в реку, ему вдогонку стреляют, а пули-то в воде не берут... Вот он и уплыл до китайцев знакомых, они его за границу увели, а потом его жену послали туда же, она уж беременная была. Федот Семенович там и родился...», — рассказывала нам Соломония Леонтьевна Гуменная. Сегодня Федот Семенович живет в Австралии и уже не раз призжал в г. Арсеньев к родственникам, с интересом и вниманием относится ко всем новостям из России.

Удалось уйти в Китай Петру и Ивану Зиновьевичам. По рассказам П.Г. Мартюшева, Иван уже на китайской территории был убит наповал во время охоты каким-то китайцем-националистом. Петр Зиновьевич был арестован СМЕРШем, проходил по тому же делу, что и братья Селедковы Василий и Федор. Получил свои 10 лет на колымских рудниках.

Тем, кто не успел уйти за границу или не захотел этого сделать, совсем скоро предстояло разорение хозяйства, арест, расстрел или заключение.

Один из старейшин калугинского рода — Логин Иванович, 1807 г. р. Нам известны два его сына — Михей и Григорий Логиновичи. У Григория Логиновича родились: Семен, Савелий, Никон, Елизавета, Аксинья. У его брата Михея: Иван, Григорий, Февронья, Кирилл. Кстати, жена Михея Логиновича — Лукерья Кирилловна родом тоже из Поволжья. Семья шла на Дальний Восток пешком через Томскую губернию. Семья Михея Логиновича была причислена к мещанам г. Владивостока, тем не менее, сам он с успехом занимался садоводством, землепашеством.

Невозможно упомянуть на страницах книги всех представителей знаменитого рода. Память о Калугиных сохраняется лишь у старшего поколения приморских старообрядцев, в приморской топонимике да в доживающих свой век домах, построенных ими еще в начале прошлого века. Большинству приморцев совсем не известны имена этих первопроходцев края... А где-то за тысячи километров, на Аляске в Николевске живут потомки рода. Они смогли перенести ужас арестов, горечь расставания с родиной, близкими, голод, безденежье, косые взгляды, недоверие. Есть и сегодня свои сложности в их благополучной жизни на Аляске, но староверам удалось сохранить в неимоверных испытаниях главное — веру и семью. В последний приезд в родные места Анисим сказал: «Больше не приедем, никого не осталось здесь...» Неужели так никогда не соединятся для нас и них эти две половины нашей и их жизни, нашей и их истории, останутся разделенными навсегда океаном времени...

Ист.: По линии Терентия, Никиты, Василия Афанасьевичей Калугиных: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 170об., 171; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1731. Л. 1,2; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 134; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-4823. Л. 13; Там же. Оп. 2. П-33230. Л. 10,16,об; Там же. Оп. 3. Д. П-33229. Л. 44; П. д. № 15. С. 50–51,60,61, 54–55; П. д. № 7. С. 14., 46–47. П. д. № 13. С. 45. Газета «Комсомольская правда». 9 февраля 1991 г.

По линии Калугиных Елисея и Федота Кирилловичей: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. д. 579. Л. 171; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 481. Л. 3; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1510. Л. 1–2;; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. 20287. Л. 38,об.; Там же. Оп. 2. Д. П-35196. Т 1. л. 76, 84, об, 95, 121, 170об, 224; Там же. Оп. 1. Д. 4823. Л. 6,12,13; Там же. Оп. 1. Д. ПУ-5792. Л. 9,15; Там же. Оп. 4. Д. ПУ-9322. Л. 75,78,99; П. д. № 3. С. 86; П. д. № 9. С. 38.

По линии Логина Ивановича Калугина и его сыновей Григория и Михея:: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 579. Л. 170об.; РГИА ДВ. Ф. 1Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 134; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1221. Л. 231; ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–17; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. 31862. Л. 83; Там же. Оп. 2. Д. 8170. Л. 16,17; Там же. Оп. 4. Д. ПУ- 9322. Л. 69; Там же. Оп. 3. ПУ-7048. Т. 6. Л. 143.

Черепановы

Родственные ветви Черепановых в одной из первых партий переселяются из Вятской губ. В уже упоминавшемся реестре переселенцев из Сарапульского уезда поименованы Мирон и Сидор Черепановы, уроженцы Туйкинской волости деревни Черепан. В 1879 г. в с. Петропавловке Ханкайской жили семьи Трифона, Кирилла, Аксена, Власа Черепановых.

Известно, что Трифон и Кирилл — двоюродные братья. Обосновались поначалу в Петропавловке Софийского окр. (Алимпий Трифонович род. в Петропавловке Софийской в 1863 г.) и вскоре перебрались на Ханкайский участок Южно-Уссурийского края (Александр Кириллович род 1869 г. в Петропавловке Ханкайской).

У Кирилла родились сын Александр и две дочери — Прасковья (вышла замуж за Евмена Малютина) и Пелагея (вышла замуж за Сотникова Феодота Никоновича).

Семья Александра Кирилловича и Ульяны Яковлевны Черепановых была многодетной: Кузьма, Афанасий, Василий, Евдокия, Екатерина, Пелагея, Дарья, Надежда. Дочь Фирса Бортникова — Вера, вышла замуж за одного из сыновей Александра Кирилловича — Кузьму. Семеро детей у них родилось. В 1932 г. был арестован Кузьма Александрович, Веру Фирсовну арестовали в 1937 г. Все «ценное» семейное имущество ее описали: дом 5х6 м, ружье охотничье, две коровы, швейная машинка, да сепаратор. В числе других обвинений ей было предъявлено и обвинение в том, что занималась она нелегальным крещением. Приговорена к десяти годам лишения свободы.

У Трифона нам известны три сына: Нефед (встречаются записи как Нефодий, Мефодий), Галактион, Олимпий и дочь Татьяна. Олимпий Трифонович Черепанов был весьма уважаемым среди староверов человеком, знатоком «книжности». К его мудрости, знаниям не раз обращались единоверцы. В Амгу Олимпий служил волостным писарем. Видимо, своих детей у них с женой не было. Он усыновил сына своей сестры — Андроника, а также сироту — Иллариона Малютина. К. Ф. Нагорнов полагает, что в поисках Беловодья, в поездках в Японию принимал участие и Олимпий Трифонович.

Среди других семей Черепановых:

— Черепанов Феоктист Романович (1879 г. р.) также переселился из Вятской губернии с. Черемиски — Ляшмара; Черепанов Исак Игнатьевич, переселенец из Вятской губернии, Сарапульского уезда д. Моховая; Черепанов Исак Семенович, переселился из Томской губернии, Бийского округа, д. Большой Бащелак.

Вместе с земляками Черепановы жили в Осиновке, Петропавловке Даубихинской, Имбаши, Виноградовке, вместе с другими перебрались на северное побережье, поселившись по р. Кхуцин, Амгу, а также на Имане.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 22об.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 53,60,69; Там же. Т. 9. Л. 4.; Там же. Т. 10. Л. 16,23,32,37,51,117,об., ; Там же. Т. 13. Л. 16; Там же. Оп. 2. Д. П-33229. Л. 44; Там же. Оп. 4. Д. ПУ-14313. Л. 64; Там же Оп. 3. Д. ПУ-7364. Л. 14; Там же. Оп. 2. Д. ПУ-3248. Л. 10,18,об.; Там же. Оп. 2. Д. П-35196. Л. 91, 93; П. д. № 7. С. 16, 36–37; П. д. № 15. Л. 36–37; П. д. № 5. С. 25–28, 47; ПГОМ Документальный фонд. МПК 17213–5.

Андреевы

Мы уже говорили, что семьи Андреевых были в числе самых первых засельщиков Приханкайской долины. Родом Андреевы из Поволжья, Самарской губернии. Перед самым отъездом в 1859 г. в с. Давыдовка в семье Савина Андреева (отчество, к сожалению, не известно) родился сын Феопен, а в 1861 г. уже на Ханкайском участке — второй сын, Петр (по полевым данным — в Петропавловке Ханкайской). В семье Савина было также и две дочери — Анна и Наталья. Вместе с другими переселенцами из Самарской и Вятской губерний Андреевы обживали поначалу Ханкайскую долину, продвигаясь вместе на Даубихе, где и осели окончательно. Здесь и сегодня живут их потомки. Через брак Петра Савиновича со Степанидой Терентьевной Андреевы породнились с земляками Калугиными. В 1937 г. оба брата (Феопен и Петр) вместе с уже известным нам Селедковым Трофимом Степановичем были арестованы, осуждены и приговорены к расстрелу. Андреевы, также как Калугины и Владимировы, были известными в крае охотниками и тигроловами.

Возможно, другая ветвь рода Андреевых, Захара Андреева, являлась близкородственной Савину. Пока мы можем это только предполагать. Два сына Захара, Афанасий и Пантелеймон, пришли также из Ханкайской долины, Осиновки в Петропавловку на Даубихе, обосновавшись там на постоянное место жительства.

У Афанасия Захаровича (1842 г. р.) и Пелагеи Харлампиевны было трое (известных нам) детей: Василий, Агафья, Матрена. Сам Афанасий Захарович был старостой с. Петропавловка.

Вместе с Пантелеймоном Захаровичем (1935 г. р.) и Анной Трофимовной жили два сына (возможно, старшие дети уже отделились от братьев): Феопен и Михей.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 170,об.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-33223. Л. 10,об; Там же Оп. 2. Д. П-35558. Л. 7,9–10,36; Там же Оп. 2. Д. П-35188. Л. 74,об; П. д. № 7. С. 14–15; П. д. № 20. С. 121.

Мартюшевы

Фамилия Мартюшевых появляется среди первого отряда семей, переселившихся из Петропавловки Софийской в Петропавловку Ханкайскую еще на самом начальном этапе заселения Южно-Уссурийского края.

Мартюшевы двинулись на Дальний Восток из Вятской губернии в 1859–1860 гг. В вятском реестре назван Ефрем Мартюшев. Среди жителей с. Петропавловки Ханкайской к 1879 г. упоминается Иван Мартюшев.

Среди первопоселенцев края (ветвь Сергея Мартюшева) — Нефед. Его дети: Савва, Иван, Филимон, Настасья, Марья. Второй сын — Савелий (Савин). Его дети: Яков, Тимофей, Иван, Федор, Ананий, Прасковья, Дросида, Григорий. Еще один сын, Григорий Сергеевич, еще в 1924 г. ушел в Китай из Варпаховки. Обустроившись на новом месте, он помогал таким же как он, тайно уходившим за границу, осмотреться, устроиться на новом месте с жильем.

Ветвь Тимофея Мартюшева и его жены Прасковьи Федоровны: Николай, Иван, Трифон, Матвей, Семен.

Ветвь Василия Ефремовича Мартюшева (девять сыновей и дочь). В цитировавшемся уже реестре переселенцев из Вятской губ. упоминается отец Василия — Ефрем. Василию Ефремовичу было семь лет, когда их семья, семьи родственников двинулись на Дальний Восток. В Амурской обл. пожили недолго. Потом вместе с другими семьям решили переселяться в Южно-Уссурийский край, дошли до р. Улахе. Каменку для Мартюшевых можно считать родовым гнездом: девять сыновей родилось у Василия Ефремовича и одна дочь Наталья: Тимофей, Иван, Алексей, Григорий 1, Григорий 2, Никита, Иосиф, Яков, Евсей. Семья Мартюшевых в Каменке была одной из самых зажиточных. Василий Ефремович занимался животноводством: скота держал до полутора тысяч голов (кони, крупный рогатый скот), мельница водяная, дом огромный свой, все сначала вместе жили большой семьей, но сыновья выросли, женились и начали разъезжаться. Строились молодые и в Каменке, но кто-то и в Варпаховку уехал.

Прохор Григорьевич Мартюшев вспоминал, что, женившись, отец еще какое-то время продолжал жить с отцом. Вскоре его забрали на германскую. Воевал в Польше, Румынии-словом, повидал свет. Дослужился до унтер-офицера. В боях участвовал, был ранен, награжден Георгиевским крестом, поехал домой на излечение... А тут революция. Григорий решил на фронт ни за что не возвращаться. Отделился от отца и переехал в Варпаховку. Сам по европейским журналам построил с братом Тимофеем мельницу водяную. Хорошо зажили. Четырнадцать детей у Григория родилось, но достаток всегда был. А тут коллективизация. Начали кулачить. Отец пустился в бега на северное побережье, скрывался у монахов: он заочно был приговорен к расстрелу. Свои вовремя предупредили. Что еще можно было сделать — ушел тайными тропами в Китай, с семьей. Многим потом с помощью Григория удалось перейти в Китай. Он встречал беженцев, помогал найти работу, обжиться. В Каменке жили также близкие и дальние родственники. Вернуться на родину удалось лишь сыну Григория — Прохору. Он прилетел из Америки, штат Орегон, где он жил в последнее время, по приглашению музея на первую на Дальнем Востоке международную конференцию по старообрядчеству, прошедшую в 1993 г. во Владивостоке. Обаятельный, общительный, живо интересующийся всеми российскими новостями, он быстро стал всеобщим любимцем участников конференции. С особым волнением ждал он встречи с родными местами, очень хотелось побывать ему в Каменке и Варпаховке. По окончании конференции директор музея Галина Александровна на три дня отдала в наше полное распоряжение музейную «Тойоту», и мы отправились на родину Прохора Григорьевича — таежное приморское село Варпаховку. Весьма длительный путь, часов шесть быстрой езды, скрашен был пением духовных стихов в прекрасном исполнении Прохора Григорьевича. Он пел их сочным, густым голосом: там, у себя в Америке он — головщик. По пути в наше любимое Тополевое мы каждый год проезжали мимо Варпаховки, но как-то все оставляли на «потом», поэтому теперь со своим американским гидом чувствовали себя увереннее: он-то сможет показать все самое интересное. Но здесь и его и нас ожидало разочарование: не сохранилось ни дома Мартюшевых, ни мельницы, им принадлежавшей, правда, место, где стояла мельница жители по-прежнему называют «Водяная». Прохор Григорьевич довольно быстро сориентировался по месту и вспомнил, где стоял их дом, показал, где была баня, в которой он и родился (дома грех рожать). Сохранился только колодец, бывший когда-то на месте их усадьбы, около которого мы и сфотографировали нашего гостя.

Старообрядческих семей в селе почти не осталось. Единственно, с кем удалось встретиться из старожилов, был Василий Ефимович Соломенников, или Соломянников, так произносил эту фамилию Прохор Григорьевич. Прохор Григорьевич наверняка знал Соломенникова Петра Матвеевича, его отец ушел в Китай раньше, возможно, вместе с Мартюшевыми. А вот Петру не повезло. Он был задержан ночью 1933 г. при переходе границы, на берегу р. Сунгач. При нем было обнаружено только 2 изюбриных хвоста, а еше код для шифровки писем. «Отец, когда уходил за границу, дал мне этот код. Сказал: „Когда буду присылать тебе письма, ты с помощью этого будешь читать“». Кстати, образец такого же шифра я видела в деле о восстании, и таким же шифром пользуются некоторые наши знакомые до сих пор. Сами Соломенниковы тоже вятские переселенцы. С ним пообщаться не удалось: Василий Ефимович почти не слышит. Вспомнили старожилов села: Сухановых, Санниковых, Степановых.

Зато посещение другого старообрядческого села — Каменки оказалось более удачным. Наша давняя знакомая Нина Игнатьевна Голохваст уже как заправский гид поводила нас по селу. С началом перестройки, — рассказала нам Нина Игнатьевна, — здесь перебывало очень много бывших жителей Каменки, а теперь граждан Америки, Австралии, Бразилии, Аргентины. В селе на очень длинной Первой улице, как когда-то она называлась, сохранилось довольно много, по сравнению с другими селами, еще крепких старообрядческих домов. Прохор Григорьевич и Нина Игнатьевна взахлеб вспоминали общих знакомых...

Многочисленное мужское потомство Мартюшевых, кажется, пустило корни во всех старообрядческих поселениях Южно-Уссурийского края, породнившись с самыми большими старообрядческими родами Дальнего Востока: Фефеловыми, Селедковыми, Калугиными, Выголовыми, Цивилевыми...

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 327. Л. 2,об.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 22об.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 142,300,об; Там же. Оп. 2. Д. П-35196. Л 55,об, 53,об, 154–156.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7193. Л. 7,об.; П. д. № 9. Л. 26.; П. д. № 10. С. 26–28.

Поповы

Среди наших информаторов не оказалось, к сожалению, ни одного представителя этого рода. Поэтому сведения собирались по архивным материалам. Если, опять же обратиться к реестру вятских переселенцев, то Поповых там упомянуто двое: Попов Яков Николаев и Попов Пимен Гордеев.

Следующим этапом на пути Поповых была Пермская губерния. Там родился один из сыновей Якова Попова — Гурьян (Пермская губерния, Безымянный Починок). А в Южно-Уссурийский край братья Верепсав и Гурьян переселились уже непосредственно из Енисейской губернии, Минусинского округа.

Попов Макар Иванович родился в Пермской губернии, Шадринского у., д. Жеребенково.

Архивная информация о Поповых скупа. Семьи Поповых, осваивая край, двигались вместе волго-вятской группой переселенцев из Ханкайской долины с. Петропавловка на р. Даубихе, а затем на северное побережье, в с. Амгу, Кузнецово. Братья Илларион и Иона Тихоновичи Поповы. У Иллариона было пятеро детей: Григорий, Василий, Наталья, Марфа, Ульяна. У Ионы нам известен Сергей Ионович и трое его детей: Филат, Илларион, Евдокия.

Одним из самых богатых старообрядческих семей с. Кокшаровки была семья Сергея Сергеевича Попова. В 1924 г. он выехал на северное побережье в с. Самарга, а затем в Малиновку. У него и его жены Евдокии было трое детей.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 22; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Л. 174,об; Там же. Оп. 2. Д. П-29937. Л. 168,об.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 10. Л. 111,122; Т. 6. Л. 504–506; П. д. № 12. С. 104.

Старообрядческие семьи, жители сел Подгорное, Каменка.

Род приморских **Третьяковых** нам удалось проследить только до Зауралья. По рассказам нашего информатора, Домны Семеновны Килиной, урожденной Третьяковой, жительницы с. Максимовка, их ветвь ведется от Нестора Гавриловича Третьякова (г. р. 1867 г. Тобольская губ. Ялуторовский у., д. Лобанова), позднее переселившегося на Алтай, «...жили под Бийском... Дед в 1930 г. отправился ходоком на северное побережье, потом и семья переехала в Амгу».

Другие известные нам Третьяковы — переселенцы из Алтайского края и Сибири. Николай Ефимович Третьяков, 1893 г. р., уроженец Томской губернии, Барнаульского округа, д. Вороиха до ареста жил в п. Свайн. Из тех же мест, Томской губернии Барнаульского округа, д. Корчино переселился и Данила Миронович Третьяков. В 30-х гг. XX в. он жил в с. Нахтахе.

Петр Николаевич Третьяков, 1909 г. р., переселился из Енисейской губернии, Ачинского округа, д. Никифоровка в с. Тахобе; из Томской губернии Барнаульского уезда, д. Вороиха переселился Николай Ефимович Третьяков в с. Свайн (дети: Василий, Иван, Григорий, Мария, Арина, Сергей, жена Лукерья Егоровна).

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 7048. Т. 1. Л. 34; Там же. Т. 4. Л. 349; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Т. 1. Л. 160,об.; П. д. № 17. Ч. 1. С. 63,64.

Родиной семейного клана **Сотниковых,** видимо, нужно считать Поволжье — Самарскую губернию, д. Набакина. У Никанора Авдеевича было пять сыновей и две дочери. Никанор Авдеевич родился в 1859 г. в Самарской губернии. По воспоминаниям Агафьи Кононовны Гордеевой, там родился один из братьев — Никанор. Семья Сотниковых продвигалась на Дальний Восток через Томскую губернию. Его братья — Софрон, Петр и Исак родились уже в Томской губернии Бийского округа. Следующей остановкой на пути в Южно-Уссурийский край стала Амурская область, район рр. Зея, Бурея. С первой большой волной переселенцев из амурской области переселились и семьи братьев Сотниковых. По данным архивных документов, семьи братьев Исака, Софрона и Петра прибыли в долину р. Улахе в 1889 г. Их, наряду с Зерниными и Малаховыми, и можно считать основателями с. Каменка. Семья Никанора была в числе первозасельщиков и основателей с. Подгорное, Степное. Позднее семьи перебрались подальше от коллективизации на северное побережье в с. Амгу и далее в с. Пугдо.

У Никанора Авдеевича было пять сыновей и две дочери. К сожалению, нам известны три сына: Епифан, Феодот и Григорий. Феодот родился в Амурской области, на Зее, Епифан Никанорович родился в с. Подгорное.

По воспоминаниям Агафьи Петровны Сотниковой, живущей ныне в с. Нижние Лужки, ее родственная линия идет от Исака Авдеевича. Их семья, также как и семьи Софрона и Петра, были основателями с. Каменка, куда переселились из Амурской обл. Завитинской вол. д. Малиновка, а затем в 1924 г. переселились в. Нижние Лужки. У Исака и его жены Матрены нам известны дети: Петр, Лукерья, Устинья, Кузьма, Ульяна, Федора, Фелисата, Васса, Анна.

О Софроне Сотникове известно немного. У него было пятеро детей (на 1899 г.): Артемий, Агафья, Домника, Фотинья, Акулина. Позднее их семья перебралась на Новокаменский хутор, где Софрон долгое время был настоятелем общины.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 4. Д. 2069. Л. 321, 323,334,336; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 5. Л. 76; П. д. № 6. С. 25–29,; П. д. № 12. С. 109,112,113; П. д. № 3. С. 82.

По словам Ивана Евстафьевича Фефелова, в Подгорной жило несколько братских семей **Бобыльских** — Максима, Гаврилы, Венедикта. Откуда переселился их отец — Василий, к сожалению, потомки когда-то многочисленного рода Бобыльских не смогли сказать. Дочь одного из Бобыльских — Гаврилы — Агафья Гавриловна (род в 1912 г. в Степное, ныне живет в г. Арсеньеве) местом рождения отца называет Томскую губ. Михаил Михайлович Бобыльских, также живущий сегодня в г. Арсеньеве, уточнил, кажется, из Бийского у. Причем, он же сообщил интересную деталь: родственники Бобыльских жили до 1937 г. в Забайкалье, также он вспомнил, что приехали Бобыльские с Гордеевыми. Известные нам по выпискам из домовой книги Самаргинского сельсовета за 1934–36 гг. Гордеевы переселились в Приморье из Томской губернии Бийского уезда с. Н. Уймон, с. Авай. Наша полевая информация дополнена и подтверждена архивными материалами. Сохранился посемейный список крестьянина Василия Лазаревича Бобыльских, переселявшегося в 1898 г. из Амурской области Завитинской волости, с. Домикан в с. Лифинское с семейством из пяти душ. Вместе с ним переселялись два сына — Максим и Гаврила. Из этого же документа следовало, что родом они из Томской губернии Бийского округа Тайнинской деревни, выехали из родных мест в 1863 г. По сведениям Ю.В. Аргудяевой, партия двинулась в путь из Томской губернии в 1861 г., а по архивным следственным материалам — в 1860 г. семья уже находилась в Амурской области. В этом году в Завитинской вол. с. Домикан родился Венедикт Васильевич (Васкович) Бобыльских, Гаврила Васильевич родился в 1885 г. там же. Семьи, переселившись в Южно- Уссурийский край, жили в Подгорном, Степном. Позднее ушли в Лужки, уже в конце 20–30-х гг. потомки семьи Ббыльских, пытаясь уйти от коллективизации, перебрались на северное побережье в с. Малиновку, с. Перетычиху.

Ист.: . Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. Л. 31; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1631. Л. 4; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-31727. Л. 31; П. д. № 12. С. 111,об., 112,об.; П. д. №.8. С. 36; П. д. № 7. С. 32;

К сожалению, о месте выхода семьи **Гостевских** никакой информации я не нашла. По косвенным данным, их ближайшие родственники, Плешковы — выходцы из Томской губернии можно было предположить, что Гостевских были их земляками и также переселились из Томской губ. По данным Ю. В. Аргудяевой, Родион Гостевских переселился из Енисейской губернии. Позднее они также осядут в Улахинской долине.

Ист.: Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 32.

По нашим данным, все приморские **Плешковы** родом из Томской губернии. По мнению исследователей, старинный род Плешковых вышел из Российского Поморья и упоминается в реестрах раскольников с 1716 г. В 1720 г. им было дано право на поселение в окрестностях Бийской крепости.

Глава семьи приморских Плешковых — Яков Мартемьянович (род в 1866 г.) переселился из Томской губернии Бийского округа с. Кураниха на Амур, а затем в Подгорное Южно-Уссурийского края. Жена у Якова Мартемьяновича была Мария Евменовна. От этого брака, по воспоминаниям потомков, родилось четыре сына и три дочери. Старший сын Родион родился еще в Томской губернии, а младшие Иван, Карп и Алексей в Подгорном и Лужках. Уйдя из Подгорного, Плешковы обосновались надолго в Архиповке, Янмутьхоуза.

Есть сведения еще о нескольких ветвях Плешковых, переселившихся в Приморье из той же Томской губернии старожильческого села Шипуново — Плешков Петр Иванович и с о. Сахалина, Корсаковского окр., п. Луговой — Плешков Михаил Тимофеевич. Последний жил в Каменке Яковлевского района с 1926 г.

Ист.: Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество. История и культура. Барнаул, 1999. С. 12; ГАПК. Ф. 1588. Оп 3. Д. ПУ-7048. Л. 128,170; Там же. Оп. 2. П-33752. Л. 9,об.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т1. Л. 119,об. Там же. Оп. 2. Д. П-34332. Л. 5,об.; П. д. № 2. Л. 38; П. д. № 13. С. 23–25.

По линии матери Иван Евстафьевич Фефелов происходил из семьи **Казаковых.** «Откуда приехали мамины родители — не знаю, из Сибири откуда-то. А вот жили они во Владивостоке, на нынешней улице Фокина дом большой был у них. На нем вывеска была „Потомственный купецъ Казаковъ“».

По архивным документам, Казаковы переселились из Томской губернии Бийского уезда, с. Белый Ануй и с. Алтайское. Пока нам известны три брата Казаковых — Изот, Венедикт и Леонтий.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 102.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 148,127; П. д. № 3. С. 70.

Род **Цыганцевых** нам удалось проследить только до Томской губернии. Так, Цыганцев Филипп Дмитриевич переселился из Томской губернии Бийского округа старожильческого села Карагайка (?), жил до переселения в Южно-Уссурийский край в Амурской обл. в д. Ново-Листвянке. Из той же деревни Амурской области переселился в Южно-Уссурийский край Цыганцев Афанасий Кузьмич.

Ист.: П. д. № 12. С. 105.

Несмотря на личное общение с потомками рода **Фефеловых** нам не удалось выявить более раннюю территорию выхода этого семейного клана. Амурская область — вот все, о чем мы информированы. Нам известно, что у главы рода Фефеловых — Степана было несколько детей: Изот, Николай, дочь Пелагея. От брака Изота Степановича и Матрены Мартемьяновны родились: Евфстафий, Клавдия, Иосиф, Василий. Сыном Ефстафия был наш бесценный инфрматор — Иван Евфстафьевич. У Николая родились: Евлампий, Осип. О семье Пелагеи пока не известно ничего. Фефеловы были основателями с. Подгорное, Степное.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л 102.; Там же. Оп. 1. Д. П-20287. Л. 19.; П. д. № 3. С. 70.

В Кокшаровке и Каменке разновременно жили несколько семей **Иродовых.** Одна из ветвей — потомки Дементиана Иродова — Кондратий Дементьевич (1892 г. р. д. Перевальная).) и Нифонт Дементьевич, (1890 г. р. Амурская область), оба переселенцы из Амурской обл., ст. Бурея, проживали в Каменке до 1926 г. со своим отцом. В 1926 г. Иродовы перебрались на северное побережье, в бухту Самарга, п. Каменка Единская

Представителем другой ветви был Сидор Савельевич Иродов, он упоминается как староста с. Каменки в 1901 г. Его сын — Иван Сидорович упоминается как один из зажиточных хозяев с. Каменки: имел до 25 голов скота, большую пасеку, сельхозмашины. В его доме на северном побережье в с. Малиновка была моленная. Откуда переселилась эта ветвь рода Иродовых, ближайшие родственники уже не помнят.

Семьи потомков Иродова Игнатия — Семена и Ивана обустроились и жили в Кокшаровке. Эта ветвь переселилась из Томской губернии Бийского округа с. Н. Уймон и до 1924 г. жила в Кокшаровке. У Семена Игнатьевича и его жены Домны были дети: Семен, Автоном, Антон, Ефим, Александр, Евдокия. Семья Семена позже переселилась в Варпаховку и жила там до 1925 г., потом так же, как и все, перебралась на северное побережье. По полевой информации, Иродовы-родственники Лыковых.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1 Оп4. Д. 2037. Л. 473, об; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 172,197, 390,396,540; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-8667. Л. 2,об.; П. д. № 3. С. 79; П. д. № 12. С. 73.

По сведениям информаторов, в Каменке жило целых шесть семей **Зубакиных**: Потапа и его сына Дениса, Зубакина Минея и его детей — Федоры, Марьяны, Дорофея, Федула, Луки. По официальной версии, семьи Зубакиных уехали из Каменки по причине наводнений, дом и имущество продали, деньги поделили между тремя братьями. Один из Зубакиных, Филипп, был старостой в селе в 1903 г.

Семья Зубакина Филиппа Тимофеевича была в числе первых поселенцев в с. Каменка. Вместе с ним в одном из архивных документов поименованы его жена Зиновия, два взрослых сына- Потап и Федор с семьями.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп4. Д. 2069. Л. 334,335; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 81.; П. д. № 3. С. 79; ДМФ. 758. Ф. 5. Д. 5 Л. 1–4.

Семья **Зерниных,** также как и Зубакиных, была в числе основателей с Каменка. Предположительно, их семьи пришли на место будущего с. Каменка еще в 1889 г. из Амурской обл., Завитинской вол. Не известно, жив ли был к моменту переселения их отец Леонтий (Лев), в документах упоминается только мать — Марья 1835 г. р. и два ее взрослых сына — Денис и Архип (родились соответственно в 1852 г. и 1872 г. в Томской губернии, д. Кутора. В 1925–1926 гг. перебрались на северное побережье, с. Вознесенка.

Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2069. Л. 322, об.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 470, 493.

Многочисленный и богатый семейный клан **Басаргиных** хорошо был известен в Приморье. К сожалению, на полевых дорогах нам довелось встретиться лишь с одним представителем этого рода — Федором Алексеевичем Басаргиным. В то время он уже был тяжело болен. В том же 1993 г. мы познакомились с нашими коллегами, тогда еще сотрудниками музея в п. Кавалерово-Тюнис Т. А. и известным приморским генеалогом Хохловым В. П. Ко времени нашего знакомства Татьяна Александровна уже начала заниматься исследовательской работой по этой теме. Постепенно она открылась нам как талантливый, чрезвычайно добросовестный, бескорыстный собиратель. Несколько раз по нашей просьбе она интервьюировала старообрядцев, жителей Кавалерова: вырваться в экспедицию удавалось не всегда, а на Татьяну Александровну всегда можно было положиться. Ее подробнейшие письма — отчеты хранятся как первоисточники в нашем музее. Ей же и принадлежит и самое подробное исследование о семье Басаргиных.

Басаргины были среди тех, кто заселял Каменку, Нижние Лужки, Перетычиху; жили они также в Архиповке, Варпаховке. Род Басаргиных на Дальнем Востоке ведется от Михаила Басаргина, крестьянина Бийского у., Томской губ., д. Шульгин Лог. В Уссурийский край переселилось пятеро его сыновей: Венедикт, Фотей, Евсей, Киприан, Степан. В 1901 г. среди жителей Каменки упоминаются Степан, Фотей, Киприян Басаргины.

В памяти тех, кто знал Басаргиных, они остались крепкими, рачительными хозяевами, азартными и удачливыми охотниками. Почти все семьи Басаргиных жили очень богато, используя в хозяйстве последние достижения сельскохозяйственной науки, имея в достаточном количестве техники. Труд для всех Басаргиных был одним из главных нравственных критериев. Своим богатством и процветанием Каменка во многом обязана Басаргиным. Частенько бывшие их односельчане вспоминали строгость, требовательность, а подчас, и крутой нрав Басаргиных. Их слово было законом. Е. И. Малютин, житель с. Перетычихи, вспоминал, что Басаргины долгое время никого и близко не подпускали к Перетычихе. И только Малютиным удалось лаской да низкими поклонами растопить сердце Басаргиных: разрешили поселиться рядом, и место указали, где дом можно строить. В Перетычихе жив еще дом Евсея Басаргина. После того, как семьи Басаргиных в одну ночь тайно ушли из села, дом пустовал некоторое время, а потом в нем сделали школу. Во дворе еще растут груша и ясень, посаженные Евсеем. «Мы с Басаргиными в Варпаховке жили, — вспоминает одна из информаторов. — У них и собор держали. Они на тятю все ругались, что мол, хохлушку в жены взял, все грозились отлучить. Мама частенько вспоминала: „Ох, и натерпелась же я от Басаргиных“ А потом мы с ними породнились...» Как и другие старообрядческие семьи, судьба не обделила род Басаргиных тяжкими испытаниями. Один из самых энергичных и по житейски мудрых сыновей Басаргиных — Степан, погиб в огне гражданской войны. Другие — репрессированы в начале 30-х гг. XX в. Судьба разбросала большой род по всему свету: Бразилия, Боливия, США, Канада, Австралия.

Ист.: Тюнис Т. А. Иван Ульянович Басаргин в родственном окружении // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С 275–293; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2037. Л. 463; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 349,350,352; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 252; П. д. № 12. С. 25–26; П. д. № 19. С. 83; П. д. № 7. С57–59.

Из д. Куликовка Амурской обл. переселилась в Южно-Уссурийский край семья Сидора **Плотиикова.** Старшие сыновья Зотик (Зотей, Изот) (1894) и Викул (1897) родились в Куликовке Амурской области, младший — Парамон в 1908 г. в Каменке на р. Улахе. В 1916 г. они выехали на северное побережье и забрались в самую глушь, в долину р. Бикин, х. Бачелаза.

Более ранним местом выхода Плотниковых была Томская губерния. В Самарге проживало несколько семей Плотниковых, переселенцев из Томской губернии: Плотников Семен Иванович — 1911 г. р., Барнаульский округ, д. Вороиха. А Плотников Лука переселился из южной части Томской губернии, Солонешенского уезда, д. Большая Речка. По данным сибирских исследователей, фамилия Плотниковых встречается в топонимах большой территории Зауралья, в Тобольской округе, Тарском округе и свидетельствует о продвижении предков этого семейного клана на юг Алтая в долину рр. Уба, Бухтарма. Дальше их путь лежал на Дальний Восток. По косвенным и пока непроверенным данным, материнской территорией этого рода была Вятская губерния, из которой они переселись в Пермскую. Плотниковы были одними из активных переселенцев, они оставили по пути продвижения на Алтай 7–8 топонимов, носящих фамилию их рода.

Ист.: Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 46,49,50; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 7048. Т. 7. Л. 53; Там же. Т. 5. Л. 24; Там же. Т. 3. Л. 43,198; Там же. Т2. Л. 7,9; Там же. Т. 4. Л. 437; П. д. № 12. С. 107.

Семья Степана Марковича **Мурачева** переселилась в Южно-Уссурийский край из Томской губернии Бийского уезда, д. Шпанек (Шпонок?), обосновалась в Каменке. Нам известны три его сына: Мурачев Семен Степанович (1898 г. р.), уроженец Томска, до 1925 г. жил в Каменке, потом, как и многие, перебрался на северное побережье в Вознесенку. Его брат Анфим Степанович (1903 г. р.) жил в Варпаховке и тоже в 1930 г. был раскулачен и перебрался к тестю на х. Юхе. Третьему сыну Ерону, жителю х. Пугдо, удалось уйти за границу в Маньчжурию. Ныне его потомки живут в Боливии, Бразилии

Ист.: Мартюшев П. Г. Старообрядцы в Приморском крае после революции. (рукопись); ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 196,323,325,477,479.

Фамилию, вернее, прозвище **Фунтиковых**, которое было дано семье Тагильцовых, алтайские исследователи упоминают в числе старообрядческих семей, первыми осваивавших район Верхнего Приобья. Эта семья упоминается в списке Усть-Чумышской деревни в переписи 1719 г. — семья Афанасия Никифоровича Тагильцова. Его старший сын — Григорий Афанасьевич был одним из видных старообрядцев. В 1745 г. он явился автором обширной челобитной о тяжелом положении крестьян, приписанных к демидовским заводам на Алтае. Челобитная дала аргументы для отнятия верхнеобских металлургических предприятий у Демидовых в собственность российских царей. Позднее Фунтиковы-Тагильцовы осели в д. Язовая. Имя Фунтиковых нашло отражение в одном из названий поселений на р. Касмале. Первоначальное название д. Урывной было — деревня Фунтикова на Урыве.

Род Фунтиковых был известен в Приморье не меньше, чем роды Калугиных или Басаргиных. Лет десять мы искали представителей этого некогда большого рода в крае. В Каменке спрашивать было уже некого, а до Кхуцина (нынешней Максимовки), где по нашим сведениям, какое-то время жили Фунтиковы, мы смогли добраться только в 2002 г. Разочарование ждало нас и там: старожилы вспомнили немного. «Семья Фунтиковых была большой, очень богатой. У них своя моленная была, мы ходили молиться на Самару (улица), а на Томскую (улица) к ним наши не ходили. Почему разные моленные были, про то — не знаю. Может, расхожденья по вере какие были...», — вспоминали одни. «Фунтиковы из семейных (семейских-авт.), поэтому и разница», — обясняли нам другие Архивный поиск был результативнее. Среди репрессированных в 1932–1938 гг. я нашла сведения сразу по восьми Фунтиковым., из них семеро были сыновьями Георгия Акинфовича (1860 г. р.) и Улиты Федоровны (1862 г. р.): Мина (1893 г. р., Куликовка, Амурская область), Денис (1897 г. р., Каменка, Иван (1899 г. р., Каменка), Иван 2 (Джигит, 1910 г.), Трифон (1901 г. р., Каменка), Аверьян (1915 г. р., Кхуцин). По сведениям тех же архивных документов, был у Георгия еще один сын — Василий, но никаких сведений о нем я не обнаружила.

По времени и месту рождения сыновей можно легко было проследить пути передвижения семьи из Амурской обл. Сыновья женились и разъехались по разным хуторам: Русское Адо, Лаухе. Новые сведения о Фунтиковых я узнала в Усть-Соболевке от бывшей жительницы села Кхуцин Марины Егоровны Деминовой (дев. Пугиной). Ситуацию с моленной Фунтиковых Марина Георгиевна Пугина объяснила просто: это была просто-напросто семейная моленная, куда чужие допускались очень редко. «Очень гордые они были, — продолжает рассказывать Марина Георгиевна, — дочерей своих Георгий выдал только за единоверцев. Выездных лошадей у него было несколько, породистые, да и таких до 20. А Георгий Акинфович был очень строгим хозяином: кто воровал — секли во дворе прилюдно на специальной скамье. Фунтиковы первые в Кхуцине трактор купили, все сбежались смотреть недоумевают, как же его запрягать... Вот потом переполоху наделали, когда завели его. Все мигом разбежались...» Вместе с еще одной богатой старообрядческой семьей Наумова Ивана Осиповича Фунтиковы и содержали отдельную моленную в Кхуцине.

Наша встреча с потомками Фунтиковых все же состоялась в Тернее. Там живет сын Аверьяна Георгиевича — Сергей Аверьянович с детьми и внуками. К сожалению, во время нашей встречи с Сергеем Аверьяновичем Фунтиковым нам больше пришлось говорить, чем слушать: тот самый инстинкт сохранения своих детей от лишних знаний об их родословной сработал и здесь. Сергей Аверьянович заметил, что «отец был молчун страшенный, ничего о своей жизни не рассказывал». Было с чего молчать: арестовали Аверьяна в 1938 г. вместе с отцом, а потом по малолетству и выбросили за ворота тюрьмы во Владивостоке. Беспризорничал, пока не подобрали его чужие люди, откормили, устроили на работу. А с началом Великой Отечественной войны ушел на фронт, воевал на Белорусском, ранен и вернулся из госпиталя только в 1946 г. Награжден орденами и медалями, но никогда не надевал их: «То, что Сталиным дадено, одевать не буду»...

На следующий же день после нашей встречи с Сергеем Аверьяновичем мы, с удовольствием для себя, от кого-то из жителей Тернея услышали фразу: «Так это вы из музея про историю рассказываете... То-то Аверьяныч вчера хвалился своими родственниками...» Эти слова прозвучали для нас лучше любой благодарности.

По линии брата Георгия Акинфовича — Михаила, нам известно не очень много, да и встретиться с потомками этой линии нам не удалось. Сам Михаил Акинфович. род в Томской губ. Бийского у., жил долгое время в Каменке, был начетчиком. У него и его жены Ульяны Дмитриевны было двое детей — Терентий и Зинаида. Его сын Терентий Михайлович род. в 1915 г. в Каменке, в 1927 г. выехал из Каменки в Вознесенку. Этими сведениями и ограничены на сегодняшний день наши знания о семье Фунтиковых.

Ист.: Булыгин Ю. С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество. История и культура. Барнаул, 1999. С. 7; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 312; Т. 3. Л. 10,107,139; Там же. Т. 4. Л. 457; Там же. Т. 5. Л. 52;; Там же. Т. 6. Л. 452,489; Там же Оп. 2. Д. П-33373. Л. 15,об, 25; П. д. № 17. Ч. 1. С. 60,92; П. д № 18. С. 5–6,26–27.

С фамилией Куликовых впервые я столкнулась, работая над делом по восстанию 1932 г. Куликова Никиту Викуловича называли ни много, ни мало начальником штаба восстания. Встречались среди материалов и документы — послания единоверцам в районы края, подписанные его рукой. Но среди арестованных, расстрелянных или приговоренных к заключению, имени этого не было, как я ни искала. Позднее очевидцы восстания или их потомки поминали Никиту Куликова. «Заводилой всего этого был Никита Куликов. Говорят, он служил в белой армии, был там по особым делам... не знаю точно. Перед восстанием уже это было, пошел он сначала к накрытым старикам за благословением. Те не дали такого благословения: „Вся власть от Бога". И все ж Никита не послушался...» Отсутствие фамилии Никиты Куликова в деле по восстанию долго еще оставалось загадкой. Лишь после того, как была опубликована первая наша информация по старообрядческому восстанию, в музей пришло письмо от Ксении Никитичны Куликовой, дочери того самого Никиты Куликова! Она поделилась весьма скупыми сведениями о семье. Дед Ксении Никитичны — Викул, ко-

гда-то жил в Каменке. Силы и здоровья был необыкновенного. По семейным преданиям, в Каменке есть сопка, прозванная Победой в честь деда Викула, который во время кулачных боев частенько выходил победителем. «Столб там стоял, а на нем табличка с надписью: „Викул Куликов поборол 7 мужиков“». Рассказала Ксения Никитична и о судьбе отца: «Мой отец Никита Викулович был убит в мае 1932 г. в схватке с пограничными и милицейскими отрядами... Старшие братья мои были малолетними, но помнили, как стреляли в наш дом, а мама спрятала их в сарай. Отец забежал проститься с семьей, а потом сел на коня и хотел уйти, но пуля сразила его насмерть». По другим версиям, Никита счастливо избежал смерти, вместо него был убит совсем другой человек.

Куликовы по месту выхода были земляками Басаргиных — Томская губернии Бийский уезд, с. Шульгин Лог. Не случайными были и их совместные миграции, по краю в том числе. Следует признать, что Куликовых было довольно много в крае, но сведения о них все-таки отрывочные. Так, из семьи Викула Куликова нам на сегодняшний день известен лишь Никита Викулович. Из большой семьи Куприяна Куликова и его четырех сыновей — Варфоломея, Поликарпа, Федора, Ануфрия более или менее известна линия Варфоломея. Известны два сына Исака Куликова: Финоген (Афиноген) Исакович род. в 1902 г. в Каменке, второй сын Олиферий жил на х. Батюково. По рассказам внучки Варфоломея Куприяновича, «...дед Варфоломей умел хорошо работать, хоть бедновато жили, но голодом не сидели. В те времена на Бурее прииски золотые были, так иногда туда ходили подрабатывать или возчиками на станции Завитой. В 1920 г. дед решил уходить с Амура, многовато людей стало, саратовские понаехали. Двинулись в Каменку, но не задержались, оттуда в Маленков хутор. Там жили свои...»

Еще одна линия Куликовых переселилась из Амурской области, с. Куликовка — Лазарь Вахромеевич, 1906 г. р. В 1933 г. у него было две сестры — Аксинья и Ирина и брат Евмен.

Чуть больше информации по линии Ипата Куликова и его сына Василия Ипатовича, (родился в 1866 г. в Томской губернии Бийского округа, с. Шульгин Лог). Семья Ипата Куликова жила не бедно: на родине в селе Шульгин Лог содержали почтовую станцию. Путь их семьи на Дальний Восток повторяется и другими родственными семьями Куликовых. Почти все они какое-то время жили в Амурской обл., сс. Куликовка, Малиновка. Затем — Каменка, Кокшаровка, Варпаховка и далее на северном побережье — Вознесенка, Унты, Кхуцин, Мысовая.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 117,121,192,194,463,656,660; П. д. № 4. С. 15; П. д. № 18. С. 15; П. д. № 11. Л. 70–71; Письмо Куликовой К. Н. к Кобко В. В.

Впервые с потомками семьи **Столбиковых** мы встретились на северном побережье в с. Усть-Соболевка. Старейшина этого рода Столбиковых Иван Иванович родился в 1867 г. в Пермской губернии Екатеринбургского уезда, завод Касли, там же в 1875 г. родился его брат Александр Иванович. Со временем старший брат, Иван Иванович, переселился в Томскую губернию, где в Бийском округе, д. Покровка и Барнаульском округе, д. Корчино родились шестеро его сыновей: Феоктист родился в 1884 г., Фома в 1902 г., Василий в 1903 г., Федор в 1905 г., Давыд в 1907 г., Семен в 1911 г. Вполне вероятно, что эта алтайская линия Столбиковых переселилась сразу на северное побережье, минуя Каменку.

Младший брат Александр Иванович переселяется сначала на Амур и далее в Южно-Уссурийский край, в Каменку. С этого времени начинается дальневосточная биография Столбиковых. В Каменке родились сыновья Александра — Артамон в 1904 г. и в 1907 г. еще один сын — Симон. Прожили Столбиковы в Каменке, видимо, до 1926 г., после чего, боясь раскулачивания, перебирались на северное побережье.

В Усть-Соболевке живут сегодня потомки алтайской ветви Столбиковых — семья Архипа Феоктистовича. Воспоминаний о прошлом сохранилось немного: сыновья переехали с Алтая вместе с отцом Иваном Ивановичем, поэтому дом строили для всей семьи и жили долго вместе. Рядом стояла моленная. «Отец и дед сильно верующими были. Мы-то мирские были, так отец с нами никогда не мешался. До самой старости воду себе только с реки носил. Сам себе есть готовил. Если даже когда и оставался присмотреть за нашими детьми, пока мы на покосе, крошки в рот нашей еды не возьмет, глотка воды не выпьет. Когда совсем уж немощным стал, община не позволила нам ухаживать, Карабановы досматривали его».

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-3331. Л. 9,об; Домовая книга с. Усть-Соболевка за 1934, к/з «Огни», с. 22, 4,17, 20.; Похозяйственная книга с. Усть-Соболевки 1946–1948 гг. Т. 5. С. 5; П. д. № 18. С. 48.

Карабановы. Большой род Карабановых переселился на Дальний Восток в 10-х гг. XX в. из Амурской обл., д. Купустай. Нам сегодня известны три ветви рода Карабановых. Род Константина Петровича Караванова обосновался в Каменке в 1905–1906 гг., х. Новокаменский. Его сын — Зиновий родился в 1903 г. еще на Амуре, Семен в 1911 г. уже в Каменке (жена Семена из рода Воробьева Симона, жителя Новокаменского хутора). В 1929 г. семью Константина раскулачили и в 1929–1930 гг. они решили перебраться подальше от этих мест — в Перетычиху. На хуторе осталась семья Зиновия.

Семья Караванова Еремея Михайловича переселилась на северное побережье в с. Кузнецово из Амурской обл. в 1910 г. в Кулустай. Семья Еремея и Натальи (дев. Безматерных) была богата на сыновей: Макар, Василий, Семен, Евфтифий, Андрон и две дочери — Федосья и Афанасия. «Поначалу-то дедушка в Кхуцин приехал, — вспоминает Федор Васильевич Караванов, — но туда нас не пустили: сыновей много, земли на них много нарезать пришлось бы. Вот и покочевали в Кузнецово. Сначала все сыновья жили с отцом, затем разделились. Как начались колхозы, Карабановы сначала в Нахтаху поехали, а уж потом на Пею. На Пее сколько-то немного домов было, мы на средней Пее жили. Там еще с нами были Поздеев Марко, Кузьминых Игнатий, Попов Макарий Иванович, Ленских, Татауровы жили. А ниже сродники жили — Нагорновы». Репрессии 30-х гг. выкосили мужскую половину всего карабановского рода. О судьбе родственников, арестованных в 1932–1938 гг. многим из них ничего не было известно до последнего времени: «Зачем теперь ворошить прошлое, больно...», — вздыхает Федор Васильевич.

Потомки рода Василия Еремеевича Караванова почти все сегодня живут в небольшом таежном селе Усть-Соболевка. К Карабановым относятся в селе с уважением. Да и как не уважать. Сыновья Федора Васильевича и Елены Ипатовны все остались с отцом в деревне, женились, живут отдельными семьями. Самые добротные, большие дома в селе — Степана, Андрея, Ивана Карабановых. Застать их в доме почти невозможно: всегда в работе, на службе, в огороде, в тайге, на реке. Рядом с ними — их дети, жены. Старики живут в отдельном доме, присмотрены, ухожены. Хоть и не велел нам Федор Васильевич писать о их семье, но разве же можно не рассказать читателям, что есть и в нашем крае достойные продолжатели талантливых старообрядческих родов, чьими заботами и трудами поднимался край.

Проследить продвижение рода Карабановых из России до Амурской обл. нам не удалось. Можно лишь предположить по косвенным данным, что Карабановы — выходцы из Волго-Вятского региона России. По данным Аргудяевой Ю. В., семьи Карабановых в числе других семей — Пухаревых, Поповых, Лыковых, жителей Томской губернии Бийского уезда сел Тайны, Усть-Уба, Айская в 1861 г. переселились на Амур.

Ист.: Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 31; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 195,370,371,646,651об.; Там же. Оп. 2. Д. П-29937. Т. 1. Л. 132,об., 194,об., 245,об., 249,об., 252,об.; П. д. № 18. С. 16,17,18.

Старообрядческие семьи, жители с. Варпаховка

Из **Власовых,** живших в Варпаховке, по архивным документам мне удалось найти только Гаврилу Михайловича 1883 г. р., переселившегося из Енисейской губ. В показаниях Медоловича Н. М. упоминается еще его брат Власов Федор, проживавший в Варпаховке до 1929 г. и перебравшийся в Перетычиху. Ближайшими родственниками Власовых были семьи Гостевских Логина, Фотея.

По сведениям Ю. Аргудяевой, семья Н. Власова переселилась в Томскую губ. из Пермской.

Два других Власова — Нил Евфтифьевич (1888 г.) и Евлампий Иванович (1875), родившиеся в Томской губернии Змеиногорской волости, жили в Амурской обл. в д. Николаевка и Селитьба до 1924–1929 гг. С началом коллективизации, как и многие, перебрались на северное побережье в сс. Кхуцин и Кузнецово. По нашим полевым сведениям, Родион Иванович Власов, 1867 г. р., Амурская область, арестован на северном побережье в б. Нойна

Ист.: Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 67; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 196; Там же. Т. 7. Л. 92,94; Там же Оп. 1. Д. П-20287. Л. 23; П. д. № 17. Ч. 2. С. 64.

Последним местом проживания **Бодуновых** перед переселением их на Амур была Енисейская губерния, Минусинский округ, д. Идры. Судя по тому, где и с кем селилась семья Бодуновых, можно предположить, что более ранним местом их выхода был Урал. В деле о старообрядческом восстании Бодуновым Петру Феоктистовичу, Финогену, Филимону уделяется немало внимания. Они характеризовались как самые богатые старообрядческие семьи с. Варпаховки, а затем и северного побережья. Финоген Бодунов считался авторитетнейшим наставником Улунги (Бикинской), участником земских соборов, хранителем старины. В 1925–1927 гг. наставником и знатоком в толковании библейских мудростей в Улунге был Петр Феоктистович, проживавший на х. Бодуновых. Туда же, рядом с их хутором, перенесли с Пеи в 1928–1929 гг. монастырь, возглавляемый ранее игуменом о. Силуяном, после его смерти — о. Виларием. Он, а также его сподвижники — о. Иоанн, о. Авраамий не оставляли своим вниманием близлежащие хутора и селения. Не случайно Филимона Петровича, как человека знающего военное дело, пригласили помочь восставшим. Редко так бывает, но даже по следственным материалам дела о восстании угадывается натура Филимона Петровича, сдержанного и привыкшего отвечать за свои поступки, человека.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. ПУ-8889. Л. 6,об, 7; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6,Л. 7, 9, 11–14.

Фамилия **Кокориных** упоминается в материалах по восстанию не однажды. Глава семьи Кокорин Артамон Васильевич наряду с Бодуновыми был отнесен властями к числу наболее богатых и «религиозно преданных» староверов. Кокорины были переселенцами из Пермской губ., Осинского уезда, с началом коллективизации переселились на Пею. Там и были арестованы оба сына Артамона- Максим и Алексей. Родственниками Кокориных были Булаевы, Казарины, Фай, Барановы — семьи, выделявшиеся в старообрядческой среде Приморья своей строгостью, принимавшие самое активное участие в проведении соборов. Артамон Васильевич был родственником одного из известных приморских монахов — о. Савватия.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л. 181; Там же. Т. 1. Л. 107.

Местом выхода рода **Соломенниковых** на основании обнаруженных документов можно считать Вятскую губ. Оттуда, правда, уже в 1932 г. переселилась семья Соломенниковых Маркела Харитоновича, с женой Матреной и детьми Петром, Сысоем. Следующим традиционным пунктом переселения для крестьян-старообрядцев, в том числе и для Соломенниковых, была Пермская губерния. Оттуда переселилась семья Устина Леонтьевича Соломенникова (1864 г. р. Пермская губ., Осинский уезд, с. Дряхлы). Возможно, на северное побережье он переселился после 1920 г.

Варпаховский же Соломенников, Алексей Федорович, родился в 1865 г. в Томской губернии, с. Дряхлы (топоним — из Вятской губернии). Алексей Соломенников часто упоминается в деле о восстании как крепкий хозяин, пользующийся у верующих авторитетом. Видимо, из Варпаховки Алексей переселился на Пею. В 1932 г. ему удалось избежать ареста. Арестован он был уже в 1937 г. в возрасте 74 лет, обвинен в контрреволюционной агитации и приговорен к расстрелу. И снова «избежал» этого приговора: просто умер в тюремной больнице.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 159.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 19; Там же. Оп. 3. Д. Пу-7613. Л. 7,об; П. д. № 12. С. 109.

Безматерных Никон Федорович вместе с родителями переехал из Осинского у., Пермской губ., д. Дойная. В Варпаховке семья прожила с 1913 г. двадцать пять лет, была одной из самых состоятельных старообрядческих семей, породнился с Фефеловыми, Каравновыми.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-20287. Л. 7; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Л. 246, 247.

В Варпаховке обосновались семьи **Якунина** Леонтия с сыновьями Гаврилой, Георгием, Данилом (сыновья родились в Варпаховке соответственно в 1908 г., 1912, 1904) и Якунина Михаила Васильевича. Близкие родственные связи между ними пока не установлены, но обе ветви Якуниных переселились из Пермской губернии Осинского уезда, д. Дряхлы.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-20287. Л. 10–11.

Из Пермской губернии Осинского уезда, с. Дряхлы переселилась на Дальний Восток семья **Кузьминых.** Григорий Яковлевич Кузьминых с семьей жил в Варпаховке до конца 20-х гг. С началом коллективизации с другими семьями тайно ушел на север края. На конях ехали до Ольги, а там на пароходе до Самарги, где долго не задержались и обосновались на постоянное жительство в Вознесеновке. Его сын Куприян Григорьевич Кузьминых родился еще в Варпаховке. С семьей перебрался в с. Сидатун (Мельничное). Еще один сын, Игнатий Григорьевич, жил на Пее.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-29937. Л. 178,об.; П. д. № 13. С. 11.

Наиболее ранним известным нам местом выхода одной из ветвей рода **Чепкасовых** можно считать Пермскую губернию, Осинский уезд, д. Старый Шагирт. Если предположить, что этот топоним скорее всего перенесен из Вятской губернии, то, возможно, более ранним местом выхода Чепкасовых все же была Вятская губерния. Добрейший наш Моисей Павлович Черемнов из арсеньевской общины по линии матери Ирины из рода Чепкасовых. Точного места рождения деда Сергея Ива-

новича он не вспомнил, назвал лишь его детей: Венедикт, Мартемьян, Акулина, две Ефросиньи, Екатерина и Ирина. Архивные документы уточнили место выхода Чепкасовых из Томской губернии Бийского уезда с. Кукораболь (?), а Мартемьян родился в Каменке в 1907 г. Дед Чепкасов Сергей Иванович жил в Каменке с 1903 г. Царской службе в армии отдал положенные двадцать пять лет. «Ох, и сильный был. Шинели рвал на себе, прожил 118 лет. Может, и еще бы жил, да застрелили его... похоронен в Каменке».

В 1914–1915 гг. из Варпаховки Чепкасовы перебрались в более отдаленные глухие места — на Пею и Канц. Позднее за перевал, в Улунгу, на х. Старковку.

В Варпаховке жила семья Петра Савватеевича Чепкасова, перебравшегося потом, как и многие, в д. Пея, Канц, а в 1924 г. ушли за перевал на Бикин, жили на х. Старковых. Место рождения Петра Савватеевича — Томская губ., д. Иня. Н. Медолович характеризует его как очень начитанного, грамотного, имеющего много книг. На х. Старковка он был помощником настоятеля. В 1902 г. в Варпаховке родился его сын Петр Савватеевич.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 107,370,374; Т. 2. Л. 188; Т. 3. Л. 129; Т. 6. Л. 20; Там же. Оп. 1. Д. П-17923. Л. 22,об.; Там же. Оп. 4. Д. ПУ-8889. Л. 37; П. д. № 11. Л. 63.

Наиболее ранним местом выхода семейного клана **Сухановых** была Пермская губерния, Осинский уезд, д. Узяр. Следующим этапом по пути их на Дальний Восток стала Томская губерния. Семья Дорофея Симоновича переселилась сначала в д. Шудельскину, а потом непосредственно на северное побережье Приморья. Семья Пимена Павловича Суханова переселилась на Дальний Восток также в конце 20-х-начале 30-х гг. XX в. из Западносибирского края, д. Кустари Шульгиноложского сельсовета.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Л. 103,268; П. д. № 12. С. 108.

Семья Василиска Ворсонофьевича **Мелкомукова** (1899 г. р., Енисейская губерния, Минусинский округ, д. Можарка) переселилась на Дальний Восток, сделав остановку на жительство в Ачинском уезде, д. Никифорвка. Из Варпаховки семья переселилась за перевал, в Улунгу.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л13.

На северном побережье к 30-м гг. собрались разные ветви большого рода **Новожиловых.** Пожалуй, раньше других перебралась в Южно-Уссурийский край семья Наума Андреевича и Надежды Анатольевны Новожиловых. Три их сына — Емельян, Яков, Иосиф родились еще в Енисейской губернии, а Харлампий — в Петропавловке. Семья жила в Варпаховке долгое время, до 1921 г. Стараясь скрыться от призыва в армию, Новожиловы переселились на Пею, а затем ушли за перевал, где жили на х. Новожиловых. Совсем недавно ушла из жизни дочь Емельяна Новожилова — Елена Емельяновна. Царство ей небесное. Через нее ветвь Новожиловых-Давыдовых соединилась с другим старинным старообрядческим родом Малютиных. Чета Евгения Ивановича и Елены Емельяновны Малютиных почти всю жизнь прожила в Перетычихе. Пожалуй, никто лучше, чем они, не знает историю села. Низкий поклон им за внимание, приют и ласку во время нашей экспедиции на северное побережье.

Линия родного брата Наума Андреевича Новожилова нам пока не известна. Предположительно, он жил какое-то время в Канце.

Василий Тимофеевич Новожилов родом из Пермской губернии, Осинского уезда, д. Кокино, Феодот Иванович Новожилов из Айротской автономной области, Усть-Канского аймака, с. Саулзак.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 106; Т. 2. Л. 2, 201, 207; Т. 3. Л. 38,41; Т. 4. Л. 297; Т. 6. Л. 19; Домовая книга с. Усть-Соболевка, 1940–1941 гг. С. 17; Там же. 1946–1948 гг. Т. 2. С. 17; Там же. 1941–1945 гг. С. 3; Похозяйственная книга с. Усть-Соболевка. 1946–1948 гг. Т. 5. С. 10.

Семьи **Лукиных** и **Быковых** породнились в Кокшаровке. «Мамины родители (Лукиных), — вспоминает Маша Быкова, — возможно, из Минусинской области, потому что там у них было много родственников, они туда все ездили. Потом мы уехали в Антоновку». Семья Лукиных Анисима Федоровича, действительно, переселилась из Енисейской губернии. С 1906 г. по 1930 г. жили в Варпаховке, где их раскулачили. Поэтому покочевали в с. Пугдо, а потом в Антоновку. Более ранним местом выхода Быковых была Томская губерния Барнаульский округ.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л287; П. д. № 13. С. 68; Домовая книга Кузнецовского с/с 1950–1955 гг. С. 66.

Переселенцев из Нижегородской губернии совсем немного среди приморских старообрядцев. Федор Илларионович **Черняев** родился в 1867 г. в Нижегородской губернии Семеновского уезда, д. Ключи. В деле о восстании упоминается житель х. Новожиловых — Константин Федорович Черняев (возможно, сын Федора Илларионовича) 1894 г. р.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-20287. Л. 5,об.

Самойло Михайлович **Корытов** с семьей переселился из Нижегородской губернии в Варпаховку в начале XX в. Семья обосновалась на хуторе на другой стороне р. Уссури (х. Корытовых). Пока нам известен один из сыновей Самойлы Михайловича — Андрей (жена Агафья Карповна, дети-Федор, Степанида, Аксинья). В 1939 г. семья переселилась в с. Сидатун.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Л. 221,об.

Семья **Гуськова** Пимена Яковлевича переселилась на Амур из Саратовской губернии. Хвалынского уезда, д. Селитьба. «Пожить до Приморья пришлось во многих местах, пока не обосновались на Маленковом хуторе. Обжились. Пришли колхозы, пришла беда. Деда Пимена раскулачили. Вызвали в совет, сказали: „Вы арестованы...“ Два милиционера погнали их в Яковлевку, получил десять лет. Пошел по этапу на Колыму. Строил дорогу от Магадана на север через Индигирку мосты строил. Выжил бабушкиными слезами и молитвами...», — рассказала Федосья Пименовна Гуськова.

Один из настоятелей Арсеньевской общины Дементиан Егорович Гуськов, сын брата Пимена, Егора. Ефросинья Ефимовна после смерти мужа, Егора Гуськова, поехала на Дальний Восток. Какое-то время семья жила в Варпаховке.

Ист.: П. д. № 11. С. 73–74; П. д. № 3. С. 74–75.

Старообрядческие семьи, жители с. Кокшаровки.

Родиной семей **Шавкуновых** была Вятская губерния.
Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 22об.

Крашенин Карп Максимович (1891 г. р.) переселился вместе с отцом Максимом Савельевичем из Енисейской губ.

Еще в 1951 г. в музей был передан Карпом Максимовичем Крашениным охотничий пояс — «натруска». Легенды о нем не было практически никакой, за исключением сообщения, что изготовлен он отцом Карпа, Максимом Савельевичем Крашениным в Енисейской губернии в 1888 г. Экспонат замечательный, фамилия же пока мне ни о чем не говорила. Каждый раз, готовясь к очередной конференции по старообрядчеству, нам очень хотелось показать этот пояс на выставке. Ну, хотя бы как типологическую вещь, очень характерную для старообрядцев: на такие вещи в музеях — голод. И каждый раз себя останавливали: не хотелось «чужие» вещи использовать. Только в 2000 г., познакомившись с родственниками Крашениных, мы узнали, что пояс-то, оказывается, наш старообрядческий, да еще какому охотнику принадлежал! Музейщикам хорошо известна эта особенная радость открытия и возвращения ранее молчавшим предметам их прошлого. Мне кажется, что с этого времени предмет вновь начинает жить. В музейной экспозиции обрел свою вторую жизнь и ткацкий станок, изготовленный сыном Карпа Максимовича — Александром Карповичем и подаренный музею его зятем, Иваном Ивановичем Гудковым. Сейчас на этом станке сотрудники лаборатории славянского фольклора и этнографии ПГОМ обучают всех, желающих научиться ткацкому ремеслу

Зять Карпа Максимовича, уже давно покойного, Иван Иванович Гудков живет в Кокшаровке. Он с удовольствием окунулся в воспоминания о семье: «Тесть мой Карп Максимович был богатый охотник, по кустам стрелял — никакой зверь не мог уйти». По этому поводу, кстати, другой наш знакомый Александр Мелентьевич Ушмаркин, старожил Кокшаровки и сын еще одного знаменитого кокшаровского охотника — Терентия Ушмаркина, вспомнил охотничью байку: «Карп Максимович глуховат был. Шелепов раз убил козу, да и поставил к пеньку, так чтобы Крашенин увидел. Карп раз выстрелил, другой пальнул, третий, а козел, как вкопанный стоит, не шелохнется. „Язви тебя —, кричит Карп, — что ж ты не падаешь“... А мужики за пеньком хохочут. Потом Шелепов подошел к Карпу: „На тебе козу, не серчай на меня“».

Ист.: П. д. № 16. С. 47–48, 79; ПГОМ Главная инвентарная книга № 1. МПК 849, Л. 54; Похозяйственная книга с. Кокшаровка за 1943–1945 гг. Ф. 39. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

Братья Александр и Захар Мелентьевичи **Ушмаркины** по отцовской линии происходят из цыган. По семейным легендам, дед их, Терентий из таборных цыган, влюбился без памяти в старообрядку. Для того, чтобы позволили жениться, принял веру. По женской линии братья — из рода **Цивилевых.** По их воспоминаниям, Цивилевы приехали в Южно-Уссурийский край из Амурской обл. д. Заливка в 900-х г., сразу в Кокшаровку. Цивилева Пелагея Ивановна родилась в 1898 г. в Амурской обл. В Кокшаровке уже жило несколько семей: Калугины, Шавкуновы, Калашниковы, Лямзины, Полынины. Украинцев долго к себе не пускали, только своих из Амурской области принимали. У деда Анания Цивилева было четыре сына с семьями. И все хлопцы. Корчевать, да сеять было кому. Большие поля за крепостью называли «цивилевские».

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 514,516,521; П. д. № 16. С. 44–46

Вавиловы переселились на Дальний Восток из Енисейской губернии Минусинского округа. По воспоминаниям старожилки с. Кокшаровка Россомахиной А.: «Вавиловы в Кокшаровке были одними из самых богатых семей, но всегда помогали. Мы бедно жили, так они к нам на порог всегда клали милостыню. Они первыми уехали от раскулачивания на Иман». В списке жителей 1914 г. значится семья Аверьяна Вавилова. Хрисанф Архипович Вавилов род в 1905 г. в Амурской обл., с. Круглое, к 30 гг. осел в с. Сидатун.

Ист. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 74; П. д. № 3. С. 86; ДМФ КП 1624/109.

Килины. Известный не только на Дальнем Востоке, но и на Урале, в Сибири, старообрядческий род Килиных происходит из Вятской губернии: несколько семей Килиных родом из этой губернии Сарапульского уезда, д. Шагирт (Килин Иван Кириллович, Килин Сельверст Венедиктович). Они переселились в Кокшаровку уже в 30-е гг. XX в.

Более ранними переселенцами в Южно-Уссурийский край были «уральские» Килины: из Пермской губернии Осинского уезда, д. Китрюм, Ошья, Бел. Ворон, Старый Шагирт. (Афанасий Агапович Килин 1872 г. р, Пермская губерния Осинский уезд д. Ошья, с сыновьями Савелием и Кириллом. Кирилл р. в 1896 г. в Пермской губернии Осинского уезда, д. Китрюм). Такой путь продвижения семей на Урал был традиционным для переселенцев из Вятской губернии Сарапульского уезда.

Ист.: А. В. Черных. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории. // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь 2001. С. 135; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Л. 4; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 113; Т. 1. Л. 288.

Семьи Чепкасовых, Куликовых и Черемновых были связаны родственными узами. Кроме того, они еще и земляки — переселенцы из Томской губернии Бийского уезда. По информации Черемнова Моисея Павловича, по линии матери он из Чепкасовых и Куликовых (инф. о Чепкасовых и Куликовых см. выше). По мужской линии дед Черемнов Николай Григорьевич (1865 г. р.) переселился также из Томской губернии Бийского округа, с. Уймон. Трагична судьба отца Моисея Павловича. По детским воспоминаниям Моисея Павловича, сразу после разгрома восстания пришли к ним в дом отца арестовывать. Отец сам спрятался, а жена сказала, мол, на сохатого ушел. «Тогда ГПУ все спалили, семью — на улицу. Тятя ушел тогда. Мама так и не знала до конца жизни, жив ли он. Это уже в 70-х гг. XX в. писатель из наших, Басаргин, рассказал, что геологи видели в тайге отшельника, одетого в шкуры... Это и был тятя наш. Жил монахом, сам себе пропитание добывал. Так и умер в тайге, в мир не вернулся...» Действительно, по делу о восстании Павел Николаевич не проходил, его искали, и называлось в ходе следствия место, где можно было его обнаружить — р. Хор. Вновь обнаруженные документы опровергают, к сожалению, версию Моисея Павловича. В 1933 г. Павел Николаевич Черемнов был арестован, проходил по делу Ф. П. Бодунова. Вместо Ф. П. Бодунова он был послан от штаба восставших в Лаулю с посланием и просьбой оказать помощь и поддержать восставших. «Передал я им письмо, они сказали, что никакого отряда создавать не будут, мы пошли домой... В это время на Бикине был уже отряд красных... Я с Чепкасовым М. и Куликовым Н. ушли на Бикин, но по пути Куликов ушел от нас, а мы... ушли на Хор...» Все проходившие по этому делу старообрядцы расстреляны.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. Д. ПУ-8889. Л. 24,25; Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 72; П. д. № 11. С. 63–65.

Последним местом проживания до переселения на Дальний Восток семей **Калашниковых,** предположительно, была Томская губерния. Косвенными доказательствами нам послужило место расселения Калашниковых в Амурской области (Томская волость, д. Заливка, д. Листвянка), место поселения их в Чугуевской волости — д. Кокшаровка, д. Архиповка, х. Березняки (села, заселявшиеся преимущественно выходцами из Алтая.). В Кокшаровке в 1914 г. жили семьи Евстафия, Степана, Кузьмы, Фомы, Василия, Егора Калашниковых.

Односельчане и тогда и сейчас говорят о семье Калашниковых как о весьма зажиточных хозяевах. Они имели в Кокшаровке лавку, водяную мельницу, машины разные, занимались продажей пушнины. В 1928 г. ушли из Кокшаровки на хутор Березняки. Наш Ануфрий Андреевич как-то отвел нас на место, где стоял когда-то этот богатый хутор... Все поросло березняком...

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6Л. 158; Там же. Оп. 1. Д. П-20287. Л. 36; Там же. Оп. 2. Д. П-34332. Л. 2,5,об., 10; ДМФ КП 1624/18, ДМФ КП 1624/109.

Лямзины. К сожалению, установить более раннее место выхода семьи, чем Амурская область, не удалось. В Амурской области Лямзины жили в с. Малиновка. При допросе Михаила Петровича Лямзина следователь написал так: «Место рождения не знает или умышленно не знает...» Т. С. Мамсик называет старожильческую фамилию Лямтиных (Лямсиных, Ляпиных) в числе фамилий, наиболее часто встречающихся в инородческих округах Сибири и Урала и свидетельствующих о взаимовлияниях русского и коми-пермяцкого населения в период заселения Урала и Сибири. Поэтому как минимум, полагаем мы, фамилия эта урало-сибирского происхождения. Кроме того, Лямзины-родственники Иродовым, выходцам из Уймонской долины южного Алтая.

Ист.: Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 44.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 187,196,344; Там же Оп. 1. Д. П-20287. Л. 96,об.

В 1914 г. в Кокшаровке проживало две семьи **Чебыкиных** — Тита и Семена Никитовичей, переселившихся также из Томской губ. У Семена Никитовича и его жены Евдокии Тимофеевны родились: Нестор, Савелий, Агриппина (замуж вышла за Калугина Евгения), Екатерина (замуж вышла за Фефелова А.), Хавронья (замуж вышла за Масалова Ивойлу). Чебыкин Нестор Семенович родился в 1908 г. в Кокшаровке.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 2. Л. 16.; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 274–275.; ДМФ КП 1624/18

Семьи **Серебряковых** переселились на Дальний Восток из Вятской губернии. Родион Петрович родился в 1862 г. в Вятской губернии, его сын Христофор Родионович, родился уже в Каменке Амурской области. Затем семья перебралась в Кокшаровку. Жили богато: Христофор занимался продажей пушнины, пчелами. В конце 20-х гг. XX в. семья бежала из Кокшаровки, боясь раскулачивания, обосновалась в Вознесеновке.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 163.

Старообрядческие семьи, жители с. Кхуцин.

Давыдовы

Большой род Давыдовых переселился из Самарской губернии, д. Черный Ключ и Уфимской губернии, д. Крымсарай.

Ветвь Григория Давыдова, искателя счастливых земель, переселилась в Приморье из Самарской губ., через Амурскую область сначала в Кхуцин, а затем почти сразу в глухомань, на Пею, где жили долго, пока власти не выселили их в связи с началом строительства лагеря для УЛОНа. С этих пор долго кочевали по разным местам: сначала пожили в Самаровке, потом в Антоновке, переехали в Перетычиху, Единку, брат отделился в Нахтаху. Один из сыновей большой семьи Логина Давыдова и Анастасии Никифоровны Богомоловой (девять детей) — Кирик Логинович до сих пор живет в с. Единка. Познакомились мы с ним в 1996 г.: несмотря на солидный возраст, он хорошо выглядит. Энергичный., никогда не сидящий без дела. Совершенно белая голова, лукавые глаза всегда испытующе смотрят на собеседника. Поначалу, надо сказать, было сложновато растопить лед недоверия, вопросов мне было задано немало. В конце концов Кирик Логинович, наверное, услышав знакомые имена, фамилии, поверил. На собор из Единки в Перетычиху ему приходится добираться далеко. Конечно, помогают родственники: привозят иногда на машине или мотоцикле. В общине с. Перетычихи он один из двух оставшихся мужчин.

Ветвь Лаврентия и Анны Давыдовых переселилась из Уфимской губернии с. Крымсарай, где они жили вместе с Нагорновыми. У Лаврентия родилось два сына и две дочери: Максим, Феодора, Евдокия, Георгий. Так распорядилась судьба, что внучка Лаврентия Давыдова — Наталья Максимовна живет сегодня в Пластуне одна. В ее очень опрятном и гостеприимном доме мы пробыли почти целый день, не отказавшись от вкуснейшего обеда. Долго рассматривали семейные фотографии. Отец Натальи Максимовны высокий, красивый. Из-за своих чрезвычайно черных и курчавых волос он немало натерпелся в жизни. Его часто принимали за еврея. «Во время войны, он был в плену, так немцы его три раза выводили на расстрел. Думали, что он еврей», — рассказывает Наталья Максимовна. Через нее род Давыдовых породнился с родом самокрестов — Жуковых.

Одним из основателей и крепких хозяев с. Кхуцин был Ефим Никитич Давыдов. Он и его сын Иван Ефимович были земляками и родственниками Логина Григорьевича Давыдова и переселялись из Самарской губернии, с. Черный Ключ. В 1914 г. Иван Ефимович был призван на государеву службу. Сначала служил на Русском острове, принимал участие в Первой мировой войне, вернулся лишь в 1917 г. Сестра Ивана Ефимовича, Ксения, вышла замуж за Фадея Савельева, и в 1914 г. они уехали в Японию, г. Хакодате. Хотя Иван Ефимович объясняет их отъезд стремлением Фадея соединиться со своими родственниками-старообрядцами, живущими в Канаде, скорее всего, это была лишь одна из причин. Японский ученый Е. Накамура, ссылаясь на опубликованные японские источники, упоминает Савельева как одного из поселенцев в местечке Сасанагарэ, куда он с женой Ксенией и родственником Васильевым Акимом переселился, видимо, в поисках Беловодья — «Белого света». Так или иначе, но Савельевы задержались с отъездом в Канаду, ведь хозяйство их успешно развивалось, они имели большое молочное стадо, до 20 коров.

Из Самарской губернии той же деревни Черный Ключ переселилась ветвь Демьяна и Хавроньи Давыдовых. Они двигались по краю также, как и семья Григория Давыдова, через Пею. В 1918 г. семья перебралась в Кхуцин, а потом снова на Пею, где и жили до 1927 г. У Демьяна нам известны три сына: Кирилл, Леонтий, Викул. Именно Кирила Демьянович был осужден за брак на троюродной сестре и приговорен к суровой епетимье. Другой сын — Викул с семьей отселился из Пеи в Нахтахе, где и был арестован. Расстрелян.

Не очень много нам известно о судьбе сыновей Лазаря Давыдова. Из письма Нагорнова К. Ф. известно, что все три брата — Степан, Григорий, Фаддей Лазаревичи жили в Кхуцине. Он же сообщает в письме: «Из наших самарских я знал Давыдова Ефима Никитича, кое-что слышал от него самого, с ним (в Японию на поиски Беловодья в 1904 г. — авт.) ездил тоже Давыдов Фадей Лазаревич».

Почти все наши информаторы вспоминали еще одного Давыдова — Григория Степановича, 1907 г. р. из Уфимской губернии с. Крымсарай, который жил в Кхуцине и имел брата Сергея и сестер — Марью и Пелагею.

Ист.: Накамура. . Староверы в Японии. // Незримые мосты через японское море. СПб., 2003. С. 94–102.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 3. Л. 62,205,236; Т. 4. Л. 79; Там же. Оп. 3. Д. ПУ-7357. Л. 13,об.; П. д. № 12. С. 35–37; П. д. № 18. Л. 11–12; Письмо Нагорнова К. Ф. к Горкавцевой Л. Н.

Санниковы

Древний и большой род Санниковых переселялся из Предуралья. Старейшина одной из ветвей рода Санниковых, Фотей Митрофанович, из яицких казаков. Он с семьей двинулся на Дальний Восток раньше других Санниковых, добирался до дальневосточных пределов долго, жил какое-то время на берегу б. Датта, потом перебрался в бухту Кхуцин в Нестеровку, где тогда жили только орочены.

Остальные ветви Санниковых переселялись из Уфимской губернии, х. Хлебный Ключ много позднее. Вспоминает дочь Софона Виссарионовича Санникова, Екатерина Софоновна: «Хутор (Хлебный Ключ) небольшой был, дворов на 20, все единоверцы. Молиться ходили в соседнюю большую деревню Казанчи. У нас не храм назывался, а часовня... Вроде и земли хватало, хозяйство не большое, но и не маленькое. Колхозы начались... Страх такой был. Свет по вечерам не зажигали. Папу по знакомству предупредили. В ночь все хозяйство бросили и убежали... Сюда в Хуцин приехали в 1931 г., ехали как будто по вербовке, документ, значит, такой нам дали... Здесь колхозов еще не было...» Семья Софона Виссарионовича приехала сюда не случайно: здесь уже давно жил брат жены Софона, Анастасии Даниловны Светляковой — Зиновий Светляков. «В 1932 г. Софон Виссарионович купил в Кхуцине дом. Семья ожила: дом был хорошим, с огородом, пасекой». На одной из самых дорогих для Екатерины Софоновны фотографий запечатлен один из последних счастливых дней: почти вся семья в сборе на пасеке по улице Самарской: отец — Софон Виссарионович, мать — Анастасия Даниловна, невестка, нянька и даже кошка по кличке Ми. Через год отца арестуют, и он умрет в тюрьме от побоев. Судьба разбросает Санниковых по свету. В Кхуцине живет сегодня Евгения Артемовна Санникова, а ее младший брат — Ювеналий Артемович Санников живет во Владивостоке. Он закончил Мухинское училище, по редкой в крае специальности художник-монументалист, принимал участие в дизайнерских работах многих зданий Владивостока, в том числе росписи потолочных плафонов реконструированного здания железнодорожного вокзала г. Владивостока. Долгое время Ювеналий Артемович сотрудничает с нашим музеем, музеями города, работая над проектами новых экспозиций.

Ветвь Арефия Игнатьевича Санникова известна нам по рассказам его внука — Пугина Ивана Калиновича. Арефий Игнатьевич его дед по материнской линии (дети: Анисья, мать Ивана Калиновича, Агафья, Анна, Григорий, Григорий, Федосья, Иосиф, Иван). Также как и другие Санниковы он переселился из Уфимской губ., правда, раньше Софона — в 1912–1913 гг., по переселению. «Заселяли Зеленый Клин. Прибыли во Владивосток, их отправили в Кхуцин. Здесь уже жили семьи по Самаре и Томской. Санниковы поселились на Томской».

Ист.: П. д. № 15. С. 19,30–35,44–45; П. д. № 14. С. 84,85; П. д. № 17. Ч. 1. С. 8, 10–11,41,55; П. д. № 14. С. 83.

Нагорновы

С Федором Михайловичем Нагорновым мы познакомились в первую нашу поездку в Кавалеровский район. Жена его в ту пору была тяжело больна, и все дела по хозяйству — мужские и женские лежали на нем. У него не было ни одной свободной минуты для нас. Было время сенокосов. Мы на машине забирали его с покоса: так мы выкраивали хоть немного времени для расспросов. Не каждый из наших информаторов спешит делиться с нами своими воспоминаниями. Не потому только, что многолетний страх приучил к осторожности, но и потому, что больно бередить душевные раны. А в жизни семьи Нагорновых их было столько, что хватит не на одну человеческую жизнь. Рассказчик Федор Михайлович отменный, предвосхищая наши вопросы, он делал акценты на нужных нам моментах: «У деда моего Филиппа Васильевича в Уфимской губ., с. Крымсарай земли было мало. Сыновьям-то отделяться пора настала, а земли-то нет... У нас там брошюра одна ходила по рукам про здешние места... Что здесь, мол, хорошо, земли много. Вот и отправили 12 ходоков сюда. Дед с бабкой приехали сюда в 1913 г. Сначала в Кхуцине жили, а потом в Андреевку ушли. Потом остальные семьи поехали сюда. И отец мой с ними... Приехали во Владивосток, пришли к переселенческому начальнику. Переселенческий начальник карту открыл и рассказал про Кхуцин, мол, столько-то земли, море рядом, ваши самарские мужики там живут. Мы и поехали. Давали в помощь 70 рублей — невозвратная ссуда. В Ольге получили корову. Сначала давали сразу 70 рублей, но многие не приживались, мошки много — уезжали. Стали давать по частям. Дали часть, хозяин приезжает, покупает корову, староста дает справку, тогда и деньги дают за корову. Строит дом. Опять же справку дают и деньги возвращают. Соседом в Кхуцине был Давыдов, богатый был очень, но отцу помогал...»

У Филиппа Васильевича и Акулины Васильевны было два сына — Михаил, отец Федора Михайловича и уже известный нам Климентий Филиппович. Его отца, Филиппа Васильевича, уже к тому времени слепого и парализованного семидесятилетнего старика, арестовали в 1932 г. Жена его была выслана в Хабаровский край, где сошла с ума от горя. Семья оставалась на старшем сыне- Михаиле, двоюродной сестре отца — из рода Стуловых, убогой калеке. «Отец наш был очень религиозным», — рассказывает Федор Михайлович, «как начали всех тирзанить, он ушел с семьей на Пею, а потом оттуда в тайгу. Жили втайне, в землянке, в сопке. Тринадцать человек там было. Но и там нашли, арестовали. Старшего брата Логина забрали в Трудармию, на стройку Комсомольска, он там три года отбыл. В 1937 г. его снова арестовали, тут уж совсем замучили, не вернулся домой... Тогда же в 1937 г. арестовали мать (Фетинью Кузьминичну Килину — авт.). Она потом нам написала, что суда не было, в камеру пришли, зачитали ей десять лет по 58 ст. Срок отбывала в Мариинске...» Фетинья Кузьмини-

чна, действительно, была осуждена Тройкой УНКВД. Дело по расследованию ее «контрреволюционной деятельности» было начато 17 ноября и закончено 30 ноября 1937 г.

О Климе Филипповиче Нагорнове известно немного. Лидия Николаевна Горкавцева рассказывала, что Клим еще юношей был очень начитанным и любознательным человеком. С приходом советской власти его, как молодого и подающего надежды, пытались заставить вступить в комсомол. Отказался наотрез. Тогда стали принуждать вступить в колхоз. «А он им в ответ: „Не хочу в колхоз, хочу быть пролетарием!". Власти растерялись. Как поступить, семью-то уж на высылку приготовили, в поезд посадили. А его в поезд не пускают, продуктов не дают. Получалось, что высылать его, вроде, не за что теперь. Ну, потом все же выслали...»

Судьба подарила нам встречу с еще одним представителем семьи Нагорновых-Грибовым Геннадием Васильевичем. К сожалению, мы застали его уже в больнице, тяжелобольным. Его предками были известные и именитые линии Грибовых, Полонянкиных, Нагорновых, Заглядиных. Дедом по материнской линии был Нагорнов Илларион Агафонович. Клим и Федор Нагорновы — двоюродные братья матери Грибова Г.В. У Иллариона Агафоновича и его жены Анны Львовны родились: Ксения, Прасковья, Василий, Мария.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-15556; П. д. № 7. С. 73,72–76, 80–81; П. д. № 18. С. 44,56

Заглядины

Из Уфимской губернии вместе с Нагорновыми переселялась семьи Заглядиных. По полевой работе и архивным материалам нам знакома линия Льва Андроновича Заглядина (род. в 1852 г.). Пока нам известны лишь три его сына (Селиверст, Яков и Павел), дочь Анна, вышедшая замуж за Иллариона Нагорнова, и дочь Татьяна, вышедшая замуж за Степана Давыдова. Старшее поколение Заглядиных переселилось в 1917–1918 гг., а семья Селиверста — в 1929 г.

В 2002 г. мы познакомились с 84-летней дочкой Селиверста Леонтьевича Заглядина — Агафьей. Последнее время она жила одна в Бичевой; недавно дочь Яшнова Лидия Егоровна привезла маму домой. Видно, что забота о маме в радость Лидии Егоровне и ее семье. Чистая, очень уютная комната, отдельная сверкающая посуда, иконы с сияющими белизной шторками, книги — все, к чему привыкла мама. Достойная старость. Многие ли старики бывают так обихожены? Агафья Селиверстовна передала в музей свой детский сарафанчик. «Это последнее воспоминание мое о счастье... Тятя тогда к Пасхе привез из города ботиночки высокие и материал... Мама всю ночь шила... На службу мы с сестрой уже в обновках пошли...» Сарафан совсем почти новый из скромного цветного ситчика, шит со складками — навырост. Поносить не пришлось: «Как отца забрали, нас из дома выгнали, дед слепой, бабушка больная. Все у нас отобрали и выселили на бухту, потом отправили во Владивосток, потом опять вернули в Кхуцин. Мы долго жили под лодкой, собирали морскую капусту, сдавали ее и получали хоть какой-то паек...» Второй сын Павел Леонтьевич после Первой мировой войны вернулся без руки. Хозяйство наживать с пятью детьми было очень трудно. Раскулачен, в 1932 г. арестован. Третий сын Яков женился на Анисье Арефьевне Санниковой.

Известна еще одна линия Заглядиных — Прокопия Васильевича. Семья их переселилась из тех же мест, правда, позже, уже после раскулачивания. Брат Михей остался в Бугульме. Прокопий Васильевич был в селе известным шорником. У себя на родине, в Бугульме Прокопий Васильевич имел двухэтажный каменный дом, кожевенную лавку, мельницу, сукновалку, шорную мастерскую. По свидетельским показаниям, он вместе с зажиточными хозяевами села (Давыдовым Степаном, Шарыповым Гермогеном) организовал в 1928 г. артель «Кхуц-Рыба»... После реорганизации ее в колхоз, вышел из артели. К слову сказать, заглядинские мужчины мастеровые были. Один вот шорник известнейший, другой — резчик по дереву. Почти все кхуцинские дома украшены его резьбой. Леонтий Андронович — звонарь был знаменитый, лучше его никто не управлялся с колоколом.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588,Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 188–189,190,207,211,226–227,234; П. д. № 17. Ч. 2. Л. 35–36; П. д. № 17. Ч. 1. Л. 41; П. д. № 18. С. 56.

Токоревы

Земляками Нагорновых были Токоревы. Семья Ивана Владимировича Токорева переселилась в Кхуцин из Уфимской губернии Белимбейского уезда, с. Костеево. В 1911 г. и до 1930 г. жила в Кхуцине, арестован был Иван Владимирович уже в х. Беамо Улунгинского сельсовета.

В одной из регистрационных книг Самаргинского сельсовета за 1934–1936 гг. упоминается Токарев Иван Михайлович, 1888 г. р., из Пермской губернии, с. Токоревка.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 271; Домовая книга книга за 1934–1939 гг., к-з «Огни». С. 22.; Домовая книга по Мысовскому с/с, с. Усть-Соболевка. 1938 г. С. 9, 11; Домовая книга с. Тахобе 1948–1950 гг. С. 21.

Попковы

Из Енисейской губернии переселилась на Дальний Восток ветвь Ивана Попкова: Кирьян, Евгения, Марфа. По воспоминаниям Моисея Кирьяновича, отец его Кирьян (род. 1875 г. Канский уезд д. Унмаш?) с женой Татьяной (дев. Ганжина) переселились уже женатыми. Домишко в Кхуцине поставили временный, большой дом строили в Улунге Кхуцинской. Тринадцать детей родилось у Кирьяна и Татьяны. (Евстафий, Анна, Илларион, Фотей, Фома, Михаил, Нестор, Федосья, Леонид, Моисей, Петр). Сестра Кирьяна — Марфа Ивановна вышла замуж за Тита Трифоновича Пугина. Другая сестра — Евгения вышла замуж за Могильникова Наума.

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 364,377; П. д. № 17. Ч. 1. С. 93–94.

Семешовы

Семьи Семешовых (линия Филата Семешова) переселились из Енисейской губернии Канского уезда, д. Солонечно Тало в 1914 г. и поначалу также как и Попковы поселились в Кхуцине, где прожили до 1920 г., затем переехали в Улунгу Кхуцинскую, которая только начала заселяться. В 1932 г. переехали в стойбище Лаухе. У Зиновия (1894 г. р.) и его жены Арины родилось шестеро детей: Парамон, Василий, Кузьма, Евдокия, Ульяна, Федосья. Семья Зиновия Филатовича была зажиточной. Именно в его семье жил некоторое время один из руководителей Кхуцинского восстания Николай Медолович. Семешов

содержал Медоловича на свой счет, а тот отрабатывал хлеб тем, что обучал сыновей Семешова и Кирьяна Попкова. «Ж они (Медолович) с Семешовым дружно. Он образован и сумел завоевать авторитет у староверов».

Ист.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 324,об. Т. 3. Л. 111; Т. 4. Л. 370.

Пугины

По воспоминаниям потомков, известный в Приморье род Пугиных переселился в 30-х гг. XIX в. из Пермской губер в Енисейскую губернию Канский уезд д. Солонечно Тало. В 1913 г. часть семей Пугиных по столыпинской реформе пер лилась на Дальний Восток. В 1901–1902 гг. деревня отрядила Тита Трифоновича ходоком на Дальний Восток. «В деревн уже тесновато стало, а здесь начиналась агитация за заселение Дальнего Востока. Здесь ходоков встретили хорошо, больше север понравился... По реформе же льготы были, от налогов освобождали. Из Талого сразу уехало несколько семе Попковы, Пугины, Могильниковы...», — рассказывал нам Илларион Калинович Пугин. На Дальний Восток переселилис мьи Пугиных Тита и Егора Трифоновичей. Через Тита Пугины породнились с семьей Санникова Арефия, от этого брак дились: Татьяна, Калина, Соломия, Фома. У Егора Трифоновича родилось восемь детей: Филипп, Ивойла, Аксинья, Ул Антонина, Федот, Марина, Симон.

Ист.: П. д. № 15. Л1–2; П. д. № 17. Ч. 1. Л. 42–45.

Два поколения семьи Николаевых. Справа налево: Тимофей Викулович с жеиой Агапеей, Викул Пантелеймонович с женой Евдокией Ивановной, Артемон Викулович с женой Анастасией Иннокенетьевной. с. Красный Яр, нач. 20-х гг. XX в.

Викул Пантелеймонович Николаев (слева) с зятем Леонтием Ивановичем Бортниковым. г. Никольск-Уссрийск, 90-е гг. XX в.

Пантелеймон Григорьевич Николаев старейшина дальневосточной ветви старообрядцев Николаевых. г. Никольск-Усссурийск, начало XX в.

Логин Григорьевич Давыдов из семьи переселенцев с Волги. 1915 г.

Евдоким Иванович Владимиров (сидит слева) с сыном Родионом Евдокимовичем (стоит за отцом) и Петр Савинович Андреев с сыном Тарасом Петровичем. Оба сына уйдут в 30-е гг. в Китай. . Предположительно 90-е гг. XIX в., х. Халаза.

Группа солдат у пушки. о. Русский, 10-е гг.XX в. Крайний слева Иван Васильевич Калугин во время службы.

Анна Савельевна Иродова из старообрядческой семьи Иродовых, переселенцев из Томской губернии. с. Перетычиха, 1996 г.

Проводы на фронт. с. Перетычиха , 1942 г. На санях - Иродов Ефим Семенович, председатель колхоза "Победа"

Карп Максимович Крашенин из семьи переселенцев из Енисейской губернии, знаменитый охотник. с. Кокшаровка, 1974 г.

Кондратий Иванович Булатов, переселился с семьей с Южного Урала, Оренбургской губернии, житель с. Батюково. Арестован в 1933 г., расстрелян. Портрет нарисован одним из заключеннных, находившихся вместе с К.И. Булатовым в лагере п. Артем. Дочь Капитолина получила портрет от отца во время последнего свидания с ним, берегла его всю жизнь. Из письма на обратной стороне портрета: " Вам посылаю свой образ на память. Может, меня вам не видать, посмотрите на карточку. А мне еще все следствие не закончено и суда не было, но мне чего-то страшно..."

Ксения Акиндиновна Концевая (девичья Баранова), внучка Мокея Павловича Баранова, основателя одиого из первых старообрядческих скитов в Приморье. с. Самарга, 1996 г.

Ксенофонт Акиндинович Ошлаков, старейшина переселенческой группы старообрядцев из Западного Синьцзяна. с. Ясное, Чугуевский район, начало 90-х гг. XX в.

Иван Евстафьевич Фефелов -
из старинного старообрядческого рода
Казаковых- Фефеловых,
первопоселенцев и основателей
сс. Подгорное, Степное, старейшина
старообрядческой общины
г. Арсеньева.

Федор Михайлович Нагорнов ,
из большого старообрядческого
рода Нагорновых, переселенцев
из Уфимской губернии. п.
Горнореченск, 1996 г.

Ануфрий Андреевич Комов
с. Тополевое, 1991 г.

Ануфрий Андреевич и его жена Евдокия Родионовна Комовы,
с. Тополевое, 90-е гг. XX в.

Григорий Кириллович Зайцев. Род Зайцевых
переселился с верховьев Бухтармы в Китай,
провинция Западный Синьцзян, позднее в
Приморье. с. Ясное, 1994 г.

Супруги Ошлаковы, Василиск Назарович с женой
Прасковьей Ивановной,.с. Ясное, 1994 г.

Семья Назара Акиндиновича Ошлакова . Китай, провинция Западный Синьцзян, Илийский округ, п. Ластай, 1956 г.

В дни празднования Святой Пасхи. Сотрудники музея им. В.К. Арсеньева с членами общины г. Арсеньева, 1994 г.

Подруги. Представительницы старожильческих старообрядческих родов Приморья. Слева направо Соломония Леонтьевна Гуменная (из рода Бортниковых - Николаевых), Александра Савельевна Харина (из рода Михайловых - Шарыповых), Мариамия Михайловна Смирнова (из рода Ефимовых - Калугиных), г. Арсеньев, 1995 г.

Жеребец "Партизан", один из нескольких лошадей, принадлежащих семье Соболевых. с. Усть-Соболевка, 2003 г.

Архип Порфирьевич Соболев на любимом рысаке Бурке, х. Соболевка, 30-е гг. XX в.

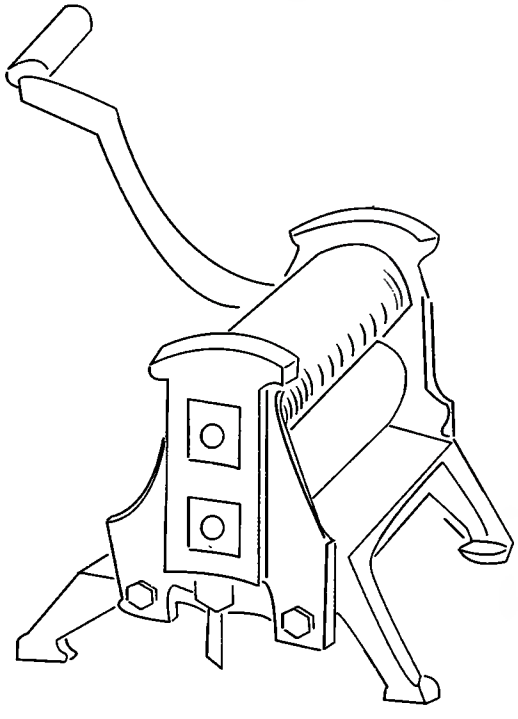
"Молочное хозяйство "семьи Соболевых. с. Усть-Соболевка, 2003 г.

Приспособление для перевозки стогов сена - "стожар". с. Усть-Соболевка,2002 г.

Иван Калинович Пугин. с. Максимовка, 2002 г.

Мария Евстафьевна Быкова, г. Арсеньев, 1998 г.

Семья Софона Внссарионовича и Анастасии Даниловны (дев. Светлякова) Санннковы с детьми и родственникамн на пасеке. с. Кхуцин (ныне Максимовка), 1936 г.



"Вальцы" - приспособление для изготовления вощнны. Подарено музею Филатом Семеновичем Деннсовым.

Тигроловы х. Халаза. 20-30-е гг. XX в.

Кадр из кинохроники 1938 г. Трифон Васильевич Калугин с тигром Гришкой. Автор сюжета о приморских тигроловах кинооператор Н. Лыткин.

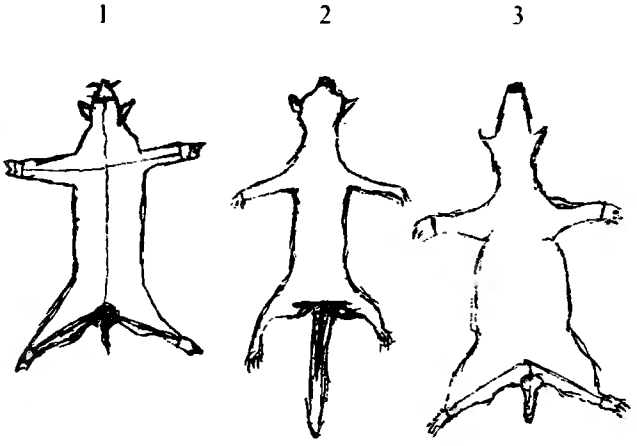


Схема снятия шкур: 1- кабана, медведя, изюбря; 2 - колонка, соболя, лисы, белки; 3 - барсука, енота, козла. Рисунок Александра Макаровича Харина, г. Арсеньев, 1998 г.

У зимовья. Петр Исакович Сотников (справа) и его племянник Басаргин Иван Ульянович, дальневосточный писатель, на охоте.

Приспособление для отливки пуль шестнадцатого калибра - "колыбь". Изготовлена Тимофеем Лошкаревым в начале XX в., используется до сих пор его внуками. с. Усть-Соболевка, 2003 г.

Мина Яковлевич Сальников плетет "морду" для ловли рыбы, с. Максимовка, 2002 г.

Мелентий Терентьевич Ушмаркин (справа) на рыбалке, с. Кокшаровка, конец 50-х гг.XX в.

Приспособление для копчения рыбы. Построено Р.Я. Сальниковым . с. Максимовка, 2002 г.

Федор Васильевич Караванов обрабатывает клепку на "шмыге", длинном фуганке. с. Усть-Соболевка. 2002г.

"Избушка" В ней распаривают заготовки для полозьев саней., с. Усть-Соболевка, 2003 г.

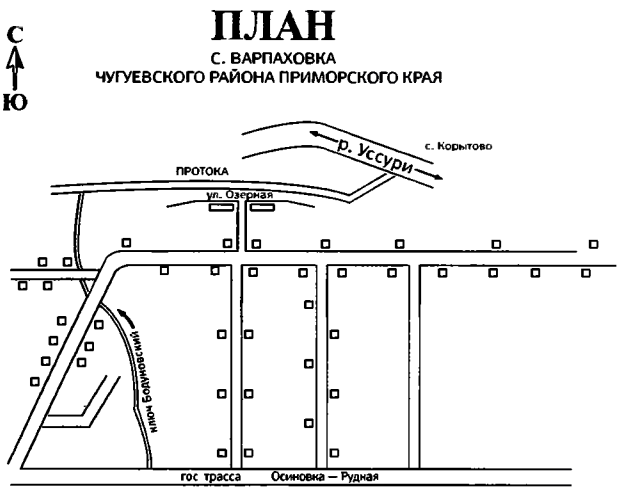
Приспособление для сгибания распаренных заготовок для полозьев саней, с. Усть-Соболевка, 2003 г.

Василий Илларионович Деминов из старообрядческой семьи переселенцев из Енисейской губернии, потомственный кузнец, с. Усть-Соболевка, 2002 г.

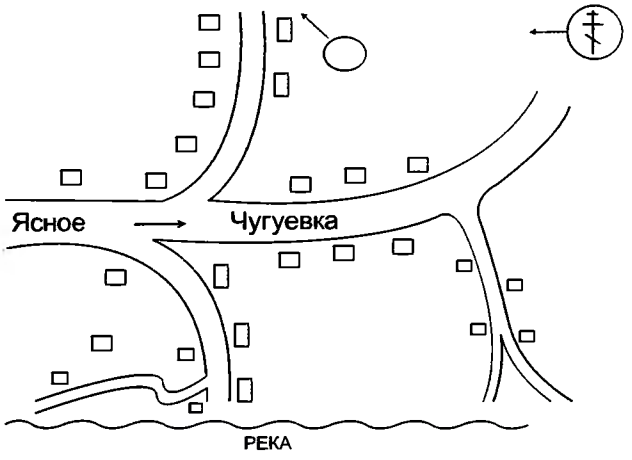
Анастасия Михеевна Караванова (девичья Кустова) готовит овечью шерсть к прядению, с. Усть-Соболевка. 2003 г.

Село Светлая. 2003 г.

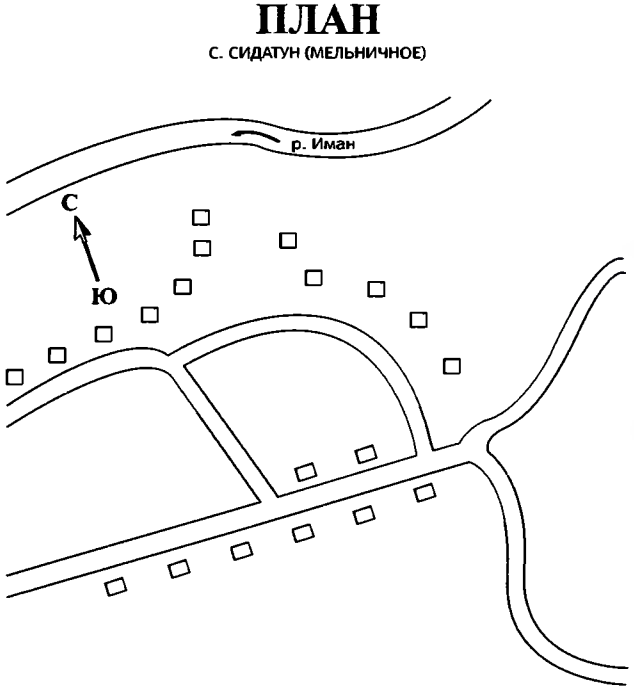
Вид с. Амгу с мыса Белкина, 2002 г.



План-схема с. Варпаховка, Чугуевский район, к началу 20-х гг. XX в.



План-схема с. Тополевое, Чугуевский район, 1992г.



План-схема с. Сидатун (ныне Мельничное), Красноармейский район, к началу XX в.

Уличная застройка с. Максимовка. Вид с вертолёта. На снимке одна из главных улиц села - "Самара". 2003 г.

Уличная планировка в с. Усть-Соболевка. 2003 г.

Дома братьев Калугиных по улице Калугинской (ныне Советской) в с. Кокшаровка, 1998 г.

Дом Цивилевых в с. Кокшаровка. Построен в 20-х гг. XX в. без сеней, которые были пристроены позже. с. Кокшаровка, 2000 г.

Дом А. А. Комова. Тип постройки "изба+сени". Построен в 10-х гг XX в. с.Тополевое, 2000 г.

Дом семьи Соболевых в с. Усть-Соболевка , "крестовый". Построен братьями Губушкиными в 1914 г.

Дом семьи Лямзиных в с. Перетычиха, "пятистенок" с "круглой" крышей. Построен , предположительно, в 1925 г. с. Перетычиха, 1997 г.

Дом семьи Светляковых в с. Кхуцин (ныне Максимовка), "пятистенок". Построен в 20-х гг.XX в. На снимке Зиновий Данилович Светляков. 1929 г.

Редко встречающийся в крае способ рубки домов "в крюк". Дом семьи Зориных в с. Кхуцин (ныне Максимовка) по ул. "Самаре", 1961 г.

Дом семьи Калугиных в с. Кокшаровка срублен из кедровых плах без остатка, "в чистый угол", "в лапу". С. Кокшаровка, 2000 г.

Один из наиболее распространенных способов рубки домов из круглых бревен - "в чашку". Угол дома в с. Тополевое, 1991 г.

Гиездо с установленной в нем "переводиной", половой маткой. Дом Калугиных, с. Кокшаровка.

Сруб дома поставлен без фундамента, под углы подложены просмоленные "стулья", большие кедровые чурки или камни. с. Кокшаровка, 2000 г.

"Продушина"- окно для проветривания подвальной части дома. Дом Калугиных в с. Кокшаровка . На снимке нынешний хозяин дома В.К. Тиунов, 2000 г.

Дом с наружной завалинкой в с. Усть-Соболевка, 2002 г.

Косящатые окна в одном из домов семьи Калугиных в с. Кокшаровка., 2000 г.

Волоковое окно в одном из жилых домов села Тополевое, Чугуевский р-н, 1991 г.

Дом, крытый колотой дранкой. Постройка 20-х гг.XX в., с. Кузнецово, 2003 г.

Декоративные кронштейны на одном из домов семьи Давыдовых в с. Кхуцин (ныне Максимовка). Постройка 10-е гг.XX в.

Омшанник, крытый корой дерева. Заимка Гостюхиных, 2002 г.

Русская печь в доме А.А. Комова,
с. Тополевое, Чугуевский район, 2000 г.

Интерьер в доме семьи
Малютиных. с. Перетычиха, 1996 г.

Заготовка дров. На снимке А.В. Санникова,
с. Кхуцин, 60-е гг.XX в.

Резные наличники на одном из домов в с. Максимовка,
2002 г.

Дом Федора Ефимова в с. Красный Яр, 2000 г.

Резные наличники дома Карпа Федоровича Ефимова, х. Халаза. Дом построен Савином Мартюшевым в конце XIX в.

Александра Савельевна Харина за изготовлеиием свечей, г. Арсеньев, 1998 г.

Оконный наличник дома семьи Владимировых. г. Арсеньев, 2003 г.

Резные украшения наличников на одном из домов по ул. Томской, с. Максимовка, 2002 г.

Фасадная сторона дома Калугиных с резными наличниками в с. Кокшаровка, 2000 г.

Резные украшения фронтона крыши, окон дома семьи Федора Ефимова, с. Красный Яр, 2000 г.

Резные украшения в виде летящих голубей на наличниках окон дома Виноградовых в с. Тополевое, 2000 г.

Изгородь из жердей, с. Максимовка, 2002 г.

Штакетник из колотой дранки вокруг дома семьи Давыдовых, с. Максимовка, 2002 г.

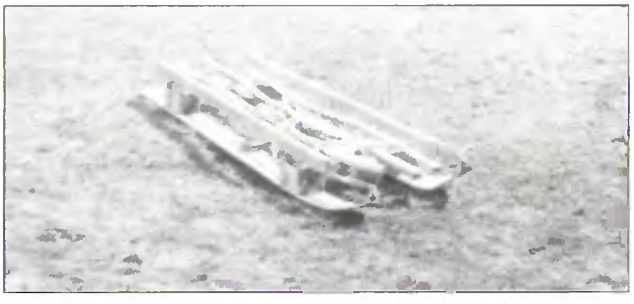
Колодезный сруб во дворе дома Савиных в с. Усть-Соболевка. 2002 г.

Выдолбленная колода дерева в колодце вместо сруба встречается редко. Этот колодец был установлен во дворе дома Щербининых в с. Кокшаровка еще в 80-е г. XX в.

Колодец с "журавлем" во дворе дома Щербининых в с. Кокшаровка, 2000 г.

Телега - "дробины" Изготовлена Родионом Яковлевичем Сальниковым. На снимке - сам мастер. с. Максимовка. 2003 г.

Плетень вертикальный на усадьбе Сальникова М.Я, с. Максимовка, 2002 г.



Охотничьи сани-нарты. Хозяйственный двор усадьбы Сальниковых, с. Максимовка, 2002 г.

Мина Яковлевич Сальников с заготовками для лыж., с. Максимовка, 2002 г.

Лодка-шлюпка, один из наиболее распространенных вариантов лодок на северном побережье Приморья. Лодка изготовлена Р.Я. Сальииковым., с. Кхуцин, 2002 г.

Наводнение в с. Кокшаровка, сер. 70-х гг. XX в.

Строительство лодки-шлюпки. с. Амгу. 2002 г.

Сани-розвальни, изготовлены Филиппом Кирилловичем Соболевым, с. Усть-Соболевка, 2003 г.

Жительница с. Красный Яр Калугина Марфа (девичья Мартынова) в праздничной одежде: сарафане, кофте и фартуке. На снимке рядом ее муж Трифон Васильевич, г. Владивосток, 1915-1916 гг.

Супруги Белянины , жители г. Никольск-Уссурийска, в городской одежде. 1911-1912 гг.

Супруги Казанцевы. с. Красный Яр, конец 20-х гг. XX в. Александра Артемоновна Казанцева (девичья Николаева) в городской "парочке", кофте и юбке.

Соломонида Алексеевна Басаргина (девичья Шипицына), в нарядном платье. Предположительно, 1937 г.

Старообрядцы в верхней одежде, подоболочках, шляпах, картузе. В центре Иван Лукьянович Киршин, справа его сын Фадей, слева свояк Лукьян. Поволжье, кон. XIX в.

Старообрядцы Бортниковы в традционной одежде: рубахах-косоворотках, шляпах. г. Владивосток, конец XIX в.

Старообрядцы Богачевы, Владимировы в зимней куртке (в центре), зимней шапке-папахе, шапках-треухах. 1927 г.

Пожилой старообрядец в зимней одежде. Переселенцы из Волго_Вятского региона, нач. XX в.

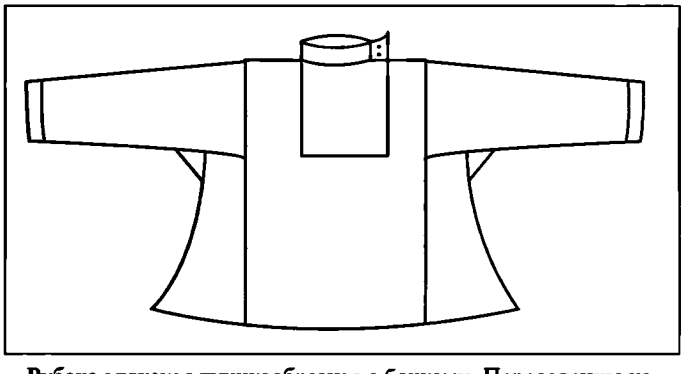
Девушки в нарядной одежде с бусами. (справа Ирина Игнатьевна Булатова) г. Владивосток, 1896 г.

Ксения Владимирова, Александра Калугина, Соломония Бортникова в праздничной одежде, с. Виноградовка. 1932 г.

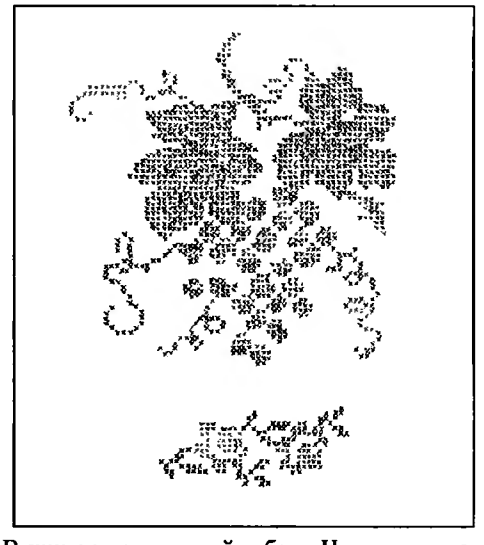
Рубаха мужская туникообразная с бочками. Переселенцы из Забайкалья, сшита в с. Красный Яр, 30-е гг. XX в.

Семейские старообрядцы, жители с. Красный Яр в традиционной одежде. г. Никольск-Уссурийск, конец XIX в.

Вышивка на мужской рубахе. Нитки красные, черные, декоративный шов "крестик".



Рубаха мужская туникообразная с бочками. Переселенцы из Забайкалья, сшита в с. Красный Яр, 30-е гг. XX в.



Вышивка на мужской рубахе. Нитки красные, черные, декоративный шов "крестик".

Группа молодых жителей с. Перетычихи в праздничной одежде. В центре жених и невеста Роман Егорович Чернышев и Елена Евменовна Малютина в свадебной одежде. Невеста в головном уборе - "кросота" с. Перетычиха, 1936 г.

Марфа, Анна, Иван, Феодот Казанцевы. Девочки в традиционных бисерных воротниках-рясках. с. Красный Яр, 1931 г.

Экспедиция музея 1992г. в Чугуевский район. Старообрядцы Ф.С. Денисов и А.А. Комов передают экспонаты сотрудникам музея Н.Б. Керчелаевой и В.В. Кобко.

Экспедиция музея в Чугуевский район 1996 г. Переправа через реку в с. Калиновку

Экспедиция музея в Чугуевский район, 1991 г. По дороге на Кокшаровку. Слева направо: С. В. Куликов, В. В. Кобко, водитель А. А Егоров.

Экспедиция музея в Кавалеровский район 1995 г. У нас юбилей: на спидометре музейной "Тойоты" - 100000 км! Водитель К. К. Мусофронов.

Экспедиция музея в г. Арсеньев, 1995 г. Соломония Леонтьевна Гуменнная (девичья Бортникова) показывает В.В. Кобко пояса родителей.

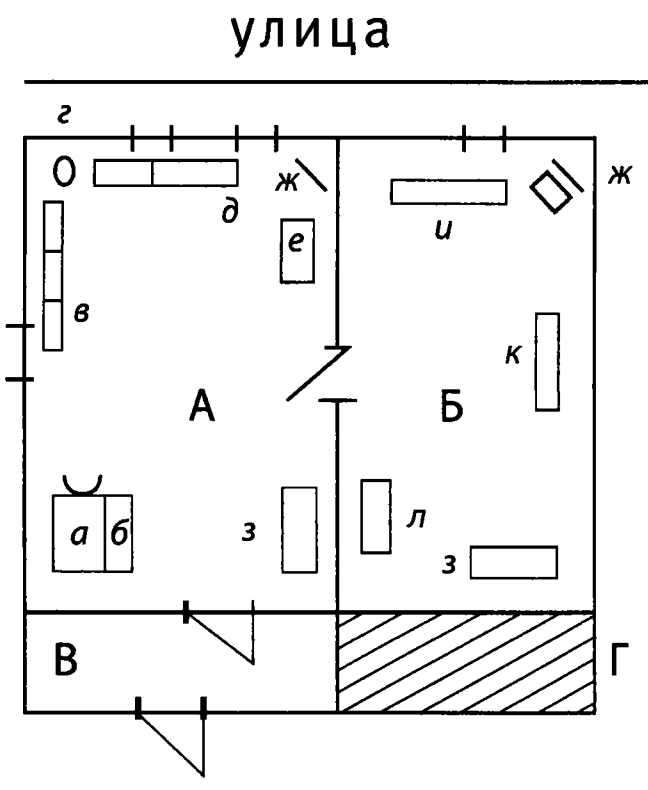
Экспедиция музея в Чугуевский район 1992 г. Учимся обрабатывать конопляное волокно. А.А. Комов и Н. Б. Керчелаева.

За экспонатами... Н. Б. Керчелаева. Экспедиция музея в Чугуевский район 1993 г. с. Архиповка.

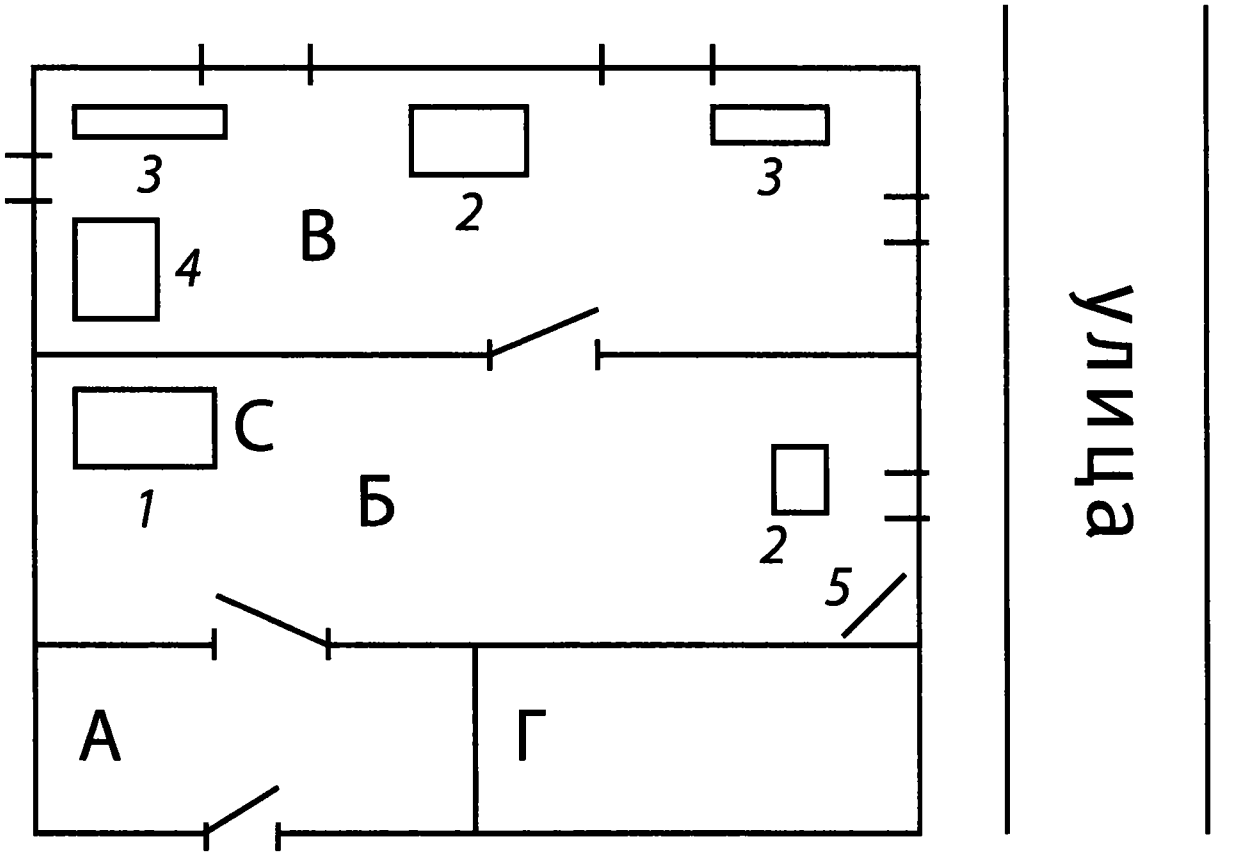
Экспедиция музея 2002 г. на северное побережье края По дороге на Максимовку...Слева направо водители В. Шульга, П.П. Газинский, Н.Б. Керчелаева.

Экспедиция музея 2002 г. на северное побережье края. Слева направо: С.В. Шалимов, Н.Б. Керчелаева, водитель - Ю.С. Иванов

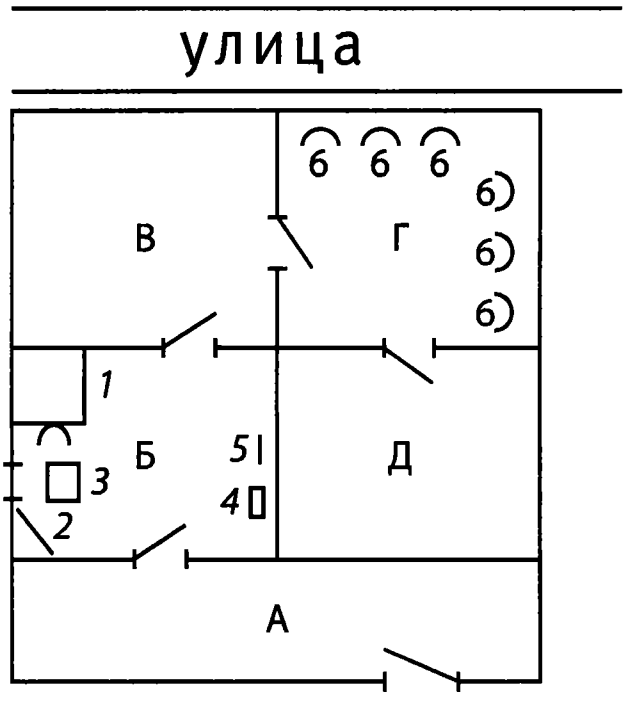
Экспедиция музея 2002 г. на северное побережье края. Федор Васнльевич Караванов обучает В. В. Кобко работе на станке для обработки клепки, "услоне", с. Усть-Соболевка, 2002 г.



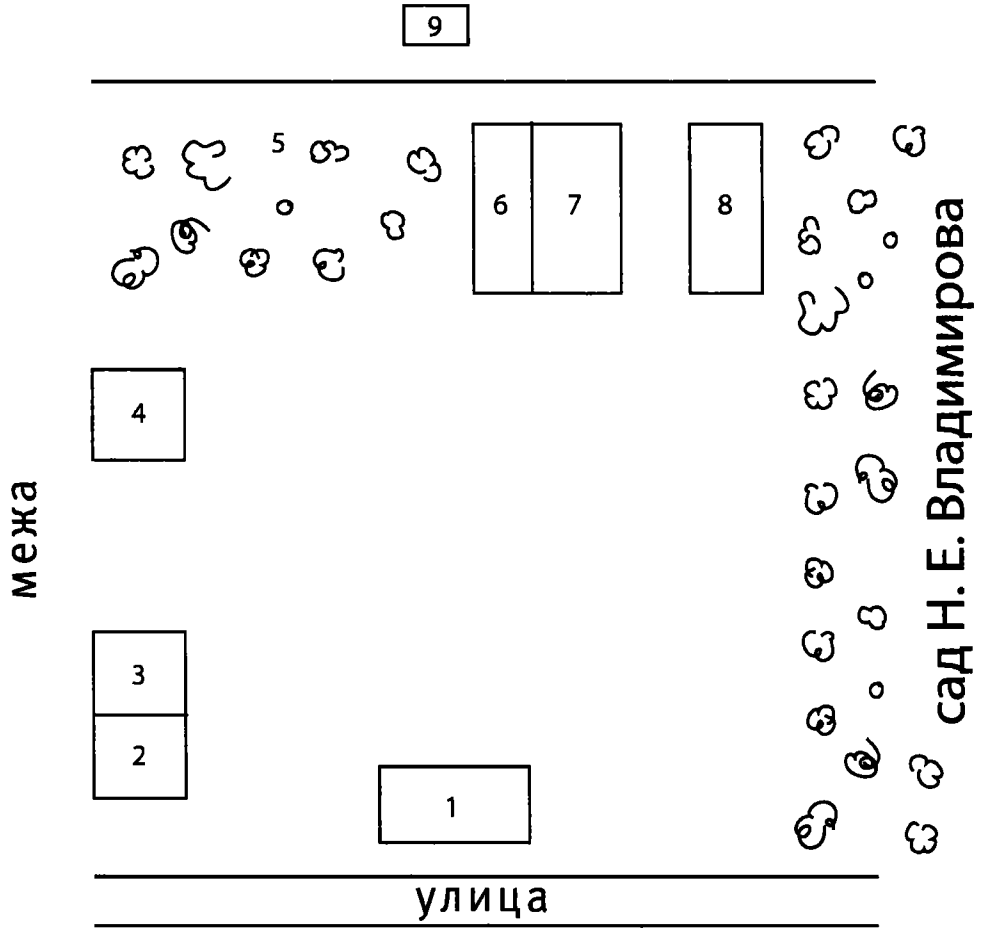
План дома-пятистенка семьи Юрковых (переселенцы из Пермской губернии), х. Семина, Тернейский район 20-30-е гг. XX в. Северно и среднерусский вариант. а - печь; б - "голбец"; в - лавка судная; г - бочка с квасом; д - лавка кутная; е - стол "ходячий" (передвижной); ж - "красный угол"; з - кровать; и - лавка-кровать; к - стол; л - сундук. А - "куть"; Б - горница; В - сени; Г - "подкрыша".



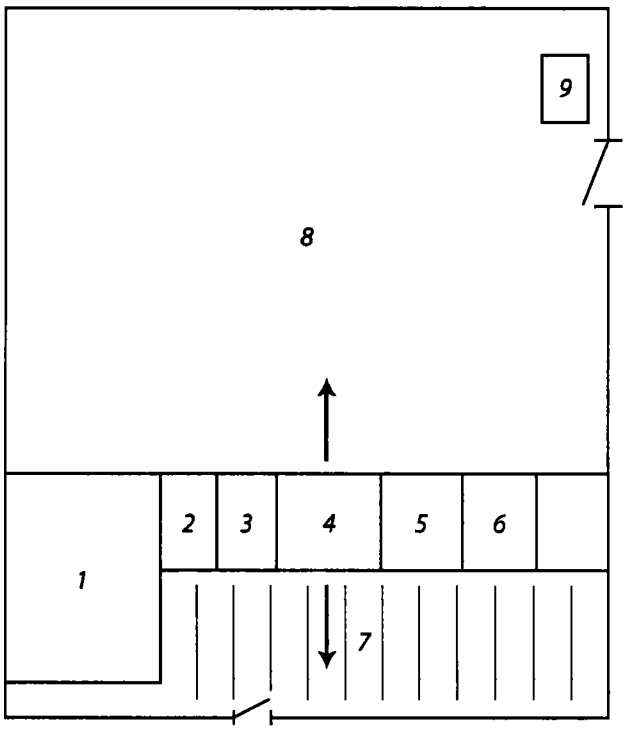
План дома-пятистенка семьи Рыжакова М.М. (переселенцы из Забайкалья). 20-30 -е гг.XX в. Южнорусский вариант. А-сени; Б - "куть"; В - горница, Г - кладовка. 1 - печь; 2 - стол; 3 - лавки; 4 - кровать; 5 - "красный угол".



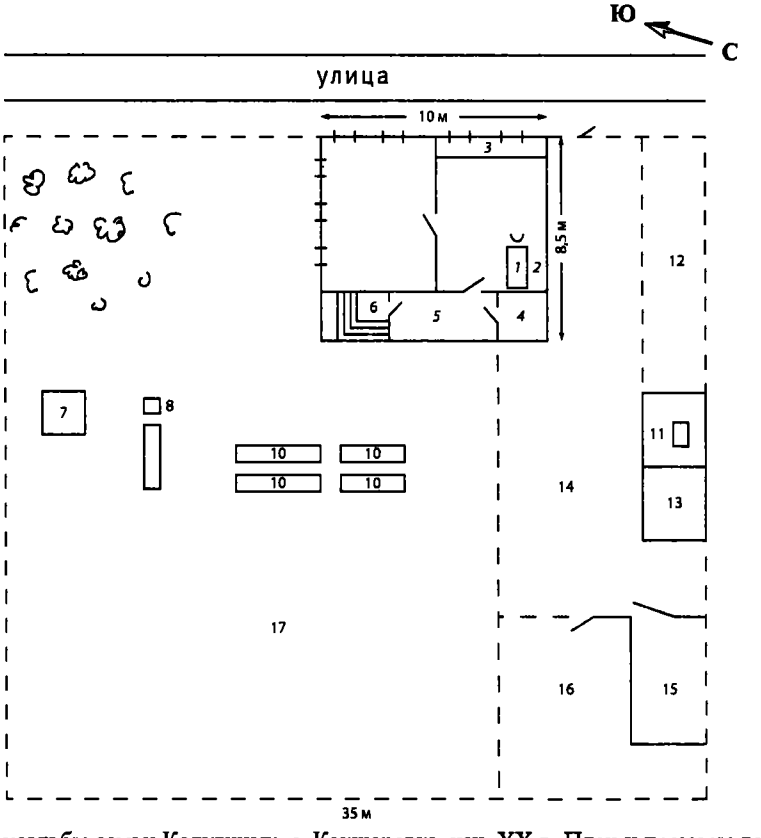
План крестового дома семьи Селедковых. (переселенцы из Волго Вятского региона). с. Таежка, 30-е гг. XX в. Южнорусский вариант. А - сени; Б - "куть"; В - спальня; Г - зал; Д - комната; 1 - печь; 2 - "красный угол"; 3 - стол; 4 - рукомойник; 5 - вешалка; 6 - венские стулья.



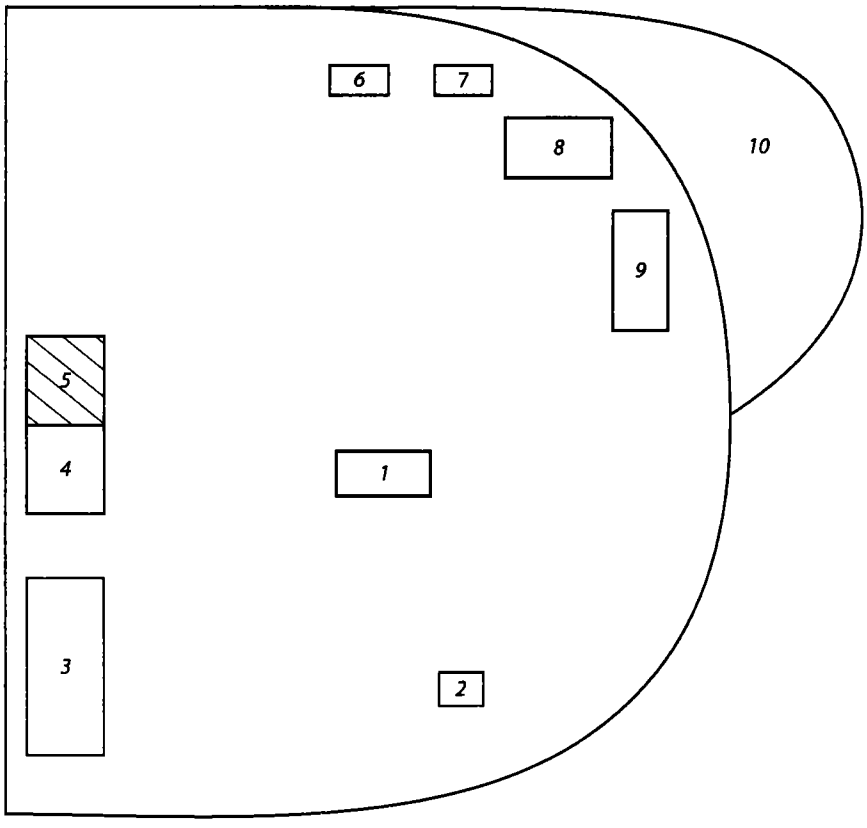
План усадьбы семьи Владимирова Е.И., х. Халаза, 10-е гг. XX в. 1 - дом; 2 - погреб; 3 - навес; 4 - амбар; 5 - сад; 6 - пригон; 7 - конюшня; 8 - коровник; 9 - баня.



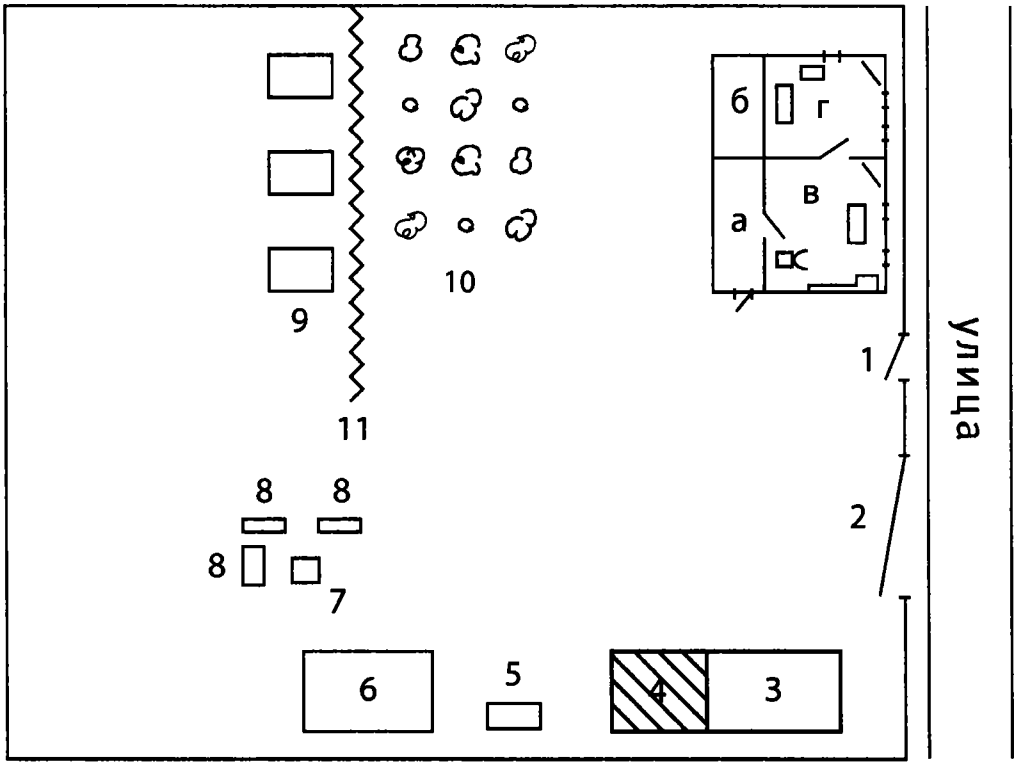
План усадьбы семьи Иродовых, с. Перетычиха, 1996 г. 1 - дом; 2 - сени; 3 - веранда; 4 - крыша-навес с двумя выходами - на чистый двор и огород; 5 - конюшня; 6 - пригон; 7 - чистый двор; 8 - огород; 9 - баня.



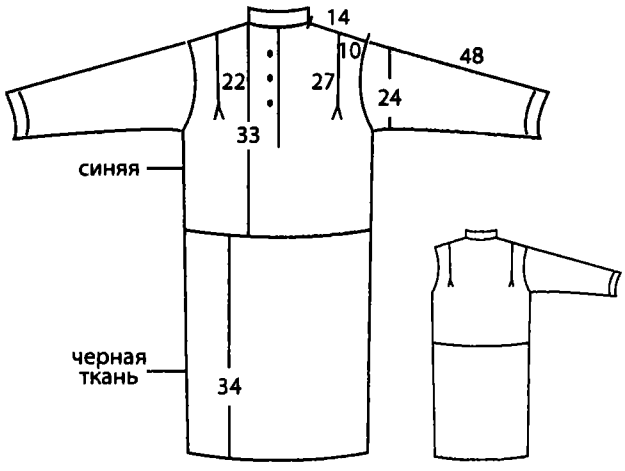
План дома-пятистенка и усадьбы семьи Калугиных, с. Кокшаровка, нач. XX в. План и промеры дома сделаны нынешним владельцем дома В.К. Тиуновым в 1999 г. Мы цитируем его комментарии : " 1- глинобитная печь; 2-полати, на которых мы спали с сестрой и бабушкой; 3 - лавка, очень широкая во всю стену; 4 - кладовка, там стояли лари под муку и зерно; 5 - сени , рубленные из пластин 20х15; 6 - крыльцо, крытое под одну крышу с сенями, на 4 ступени; 7 - баня, топилась по-черному, 8 - колодец (отец говорил, что возле колодца была долбленая колода, в которую наливали воду скоту; 9 - палисадник; 10 - грядки огородные; 11 - амбар, под амбаром ледник (ледника сейчас нет, успеваем съедать все свежим) ; 12 - дровянник. Поленницы был открыты,сейчас посторили навес; 13 - навес для хоз. инвентаря; 14 - хозяйственный двор (пригон); 15 - сарай-конюшня; 16 - выгон. В 1947 выгон распахали под огород; 17 - огород. Садили капусту, морковь, огурцы. Толщина стен 22 см; высота потолка от пола 2,7м; высота с улицы до подоконника 1,7 м. Дом стоял на земле без фундамента.



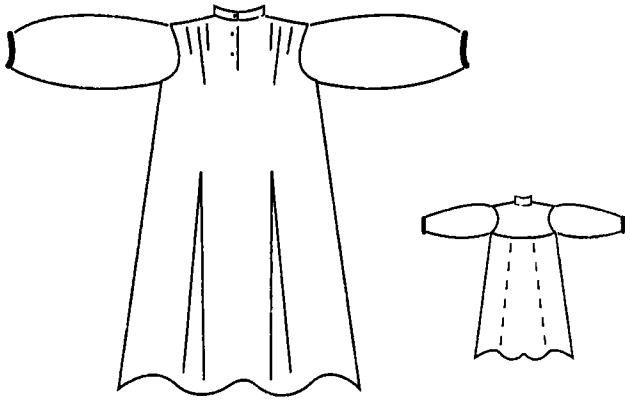
План усадьбы семьи Замятиных, с. Алтайское, начало XX в. 1 - дом; 2 - баня; 3 - гумно под навесом; 4 - амбар; 5 - навес; 6 - стайка для кур; 7 - стайка для овец; 8 - конюшня; 9 - загон для оленей; 10 - пастбище для оленей.



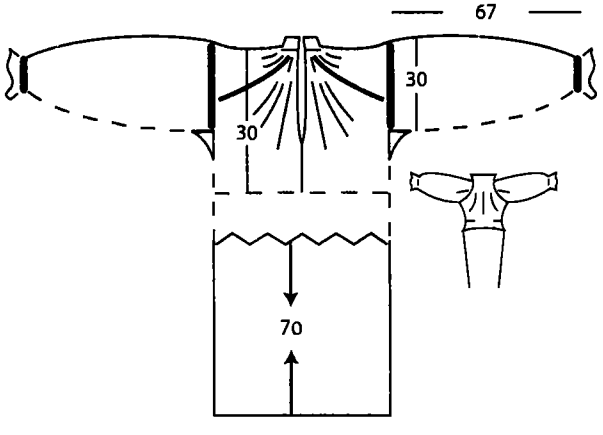
План дома и усадьбы семьи Мартюшевых. Китай, конец 40-х гг. XX в. А - сени; Б -кладовка, "казенка"; В - "куть"; Г - горница; 1 - калитка; 2 - ворота; 3 - амбар; 4 - навес для хранения сбруи, инструментов; 5 - баня; 6 - сеновал; 7 - колодец; 8 - поилки для скота; 9 - сараи для скота; 10 - сад; 11 - изгородь.



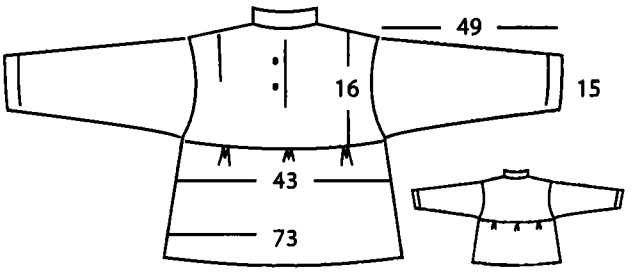
Рубаха женская. Сшита Денисовой А.К. с. Тополевое, 20-е гг. XX в.



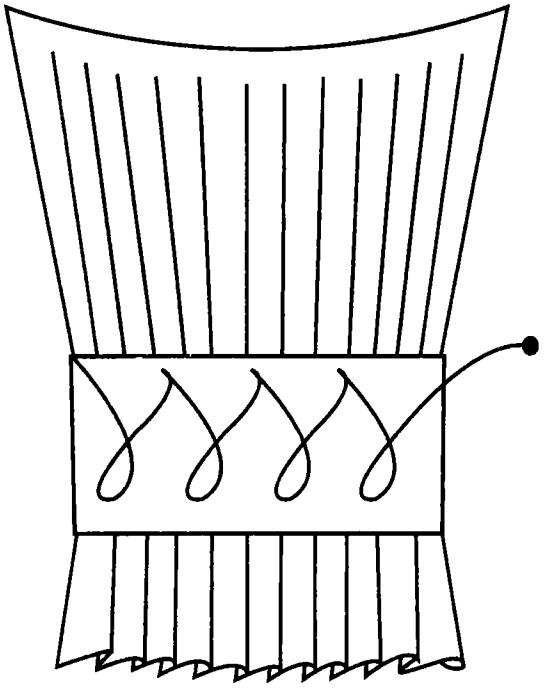
Платье "кашемирник" ("халадай"). Переселенцы из Колывановского уезда, Томской губернии.



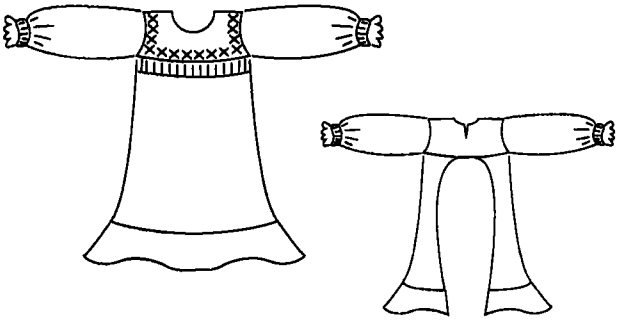
Праздничная женская рубаха с прямыми поликами. Сшита Ошлаковой А.Ф. в Китае, провинция Западный Синьцзян, 50-е гг. XX в.



Рубаха женская - "рукава" на кокетке ("пелеринке"). Сшита Шерстобитовой, (переселенцы из Колывановского уезда Томской губернии) , с. Кхуцин, 30-е гг. XX в.



Обработка нижней части рукава передника. Нижняя часть рукава заложена в мелкие складки , поверх пришит вышитый накладной манжет.



Передник - "нарукавник" с туникообразной кокеткой . Вид спереди и сзади. Сшит Ошлаковой Е.С. в Китае, провинция Западный Синьцзян, 50-е гг. XX в .

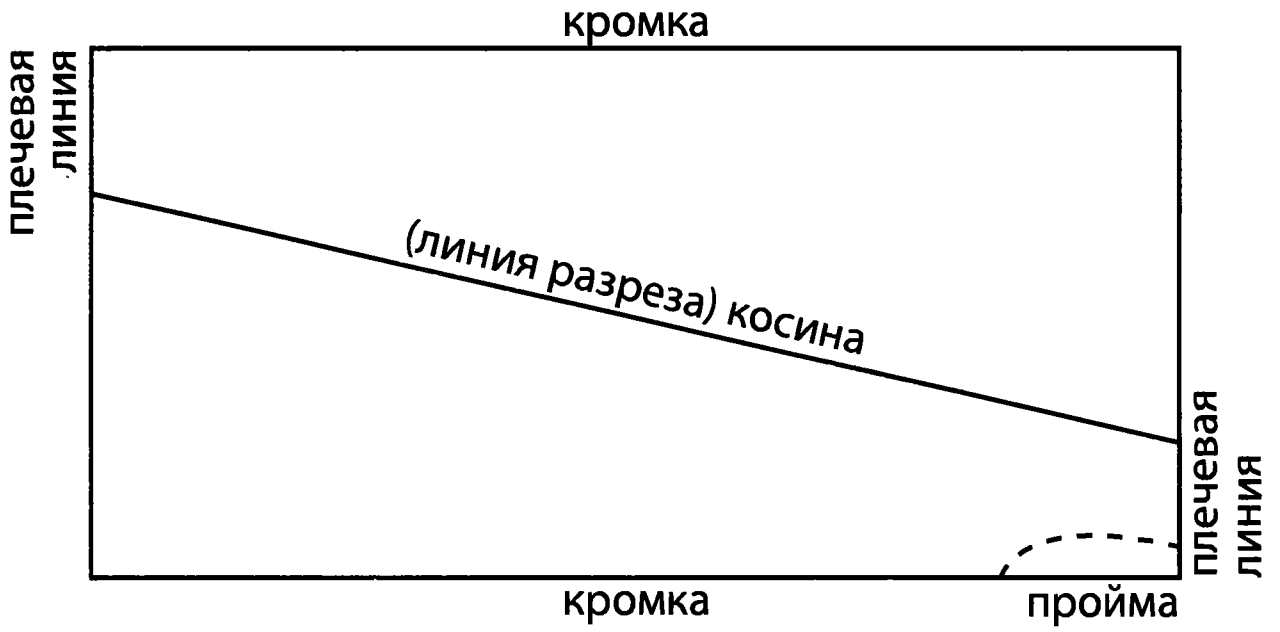


Схема раскроя сарафана - "горбача" (кошеного). Ткань складывается вдвое, сшивают кромки с косиной, на плечах закладываются складки.

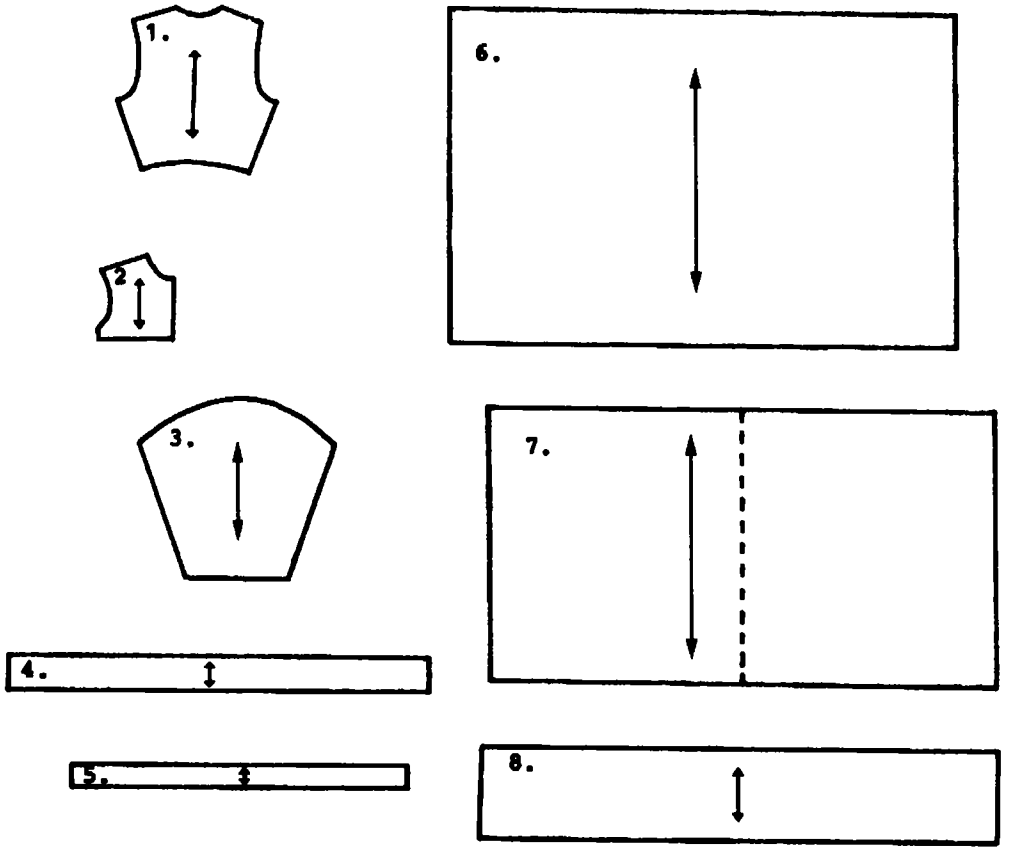
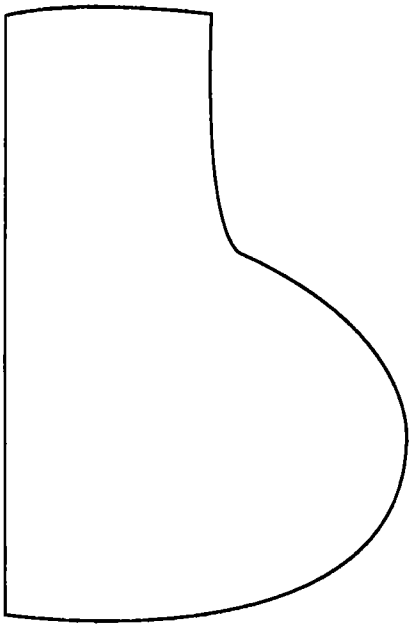
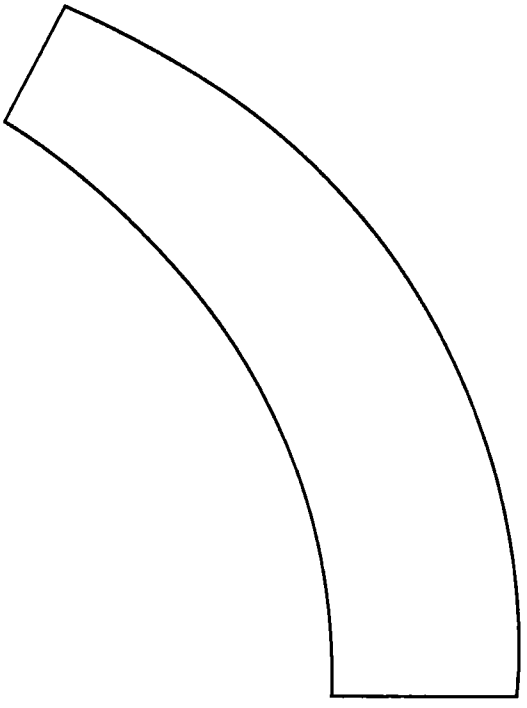


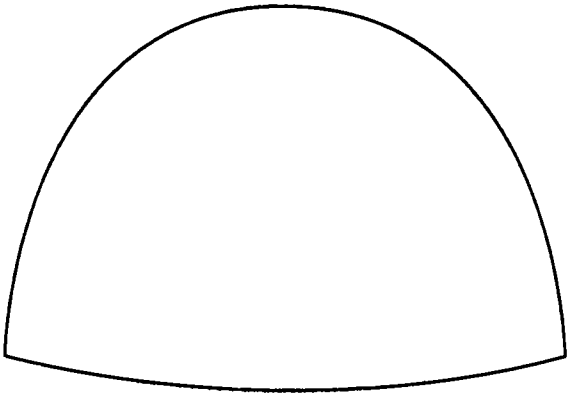
Схема раскроя "талички". 1 - спинка; 2 - кокетка; 3 - рукав; 4 - поясок; 5 - вязки; 6 - подол (задняя часть); 7 - подол (передняя часть); 8 - оборка ("фамбора").

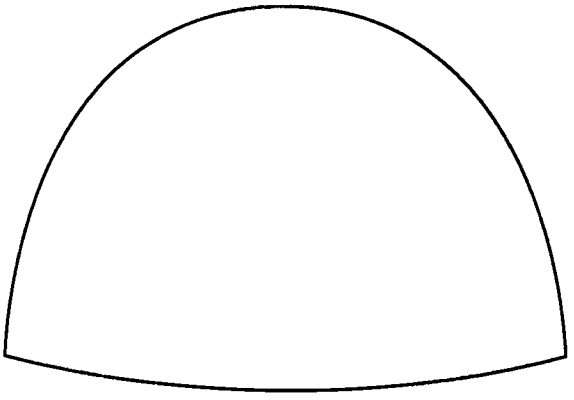


4 детали правая и левая стороны «уха» шапки

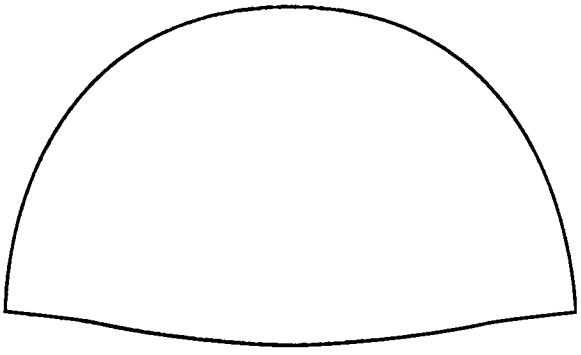


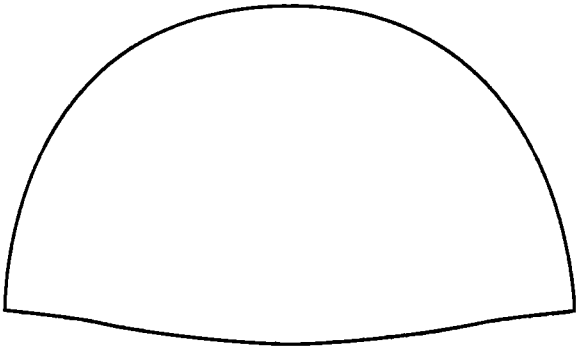
4 детали для верхней части шапки и подклада





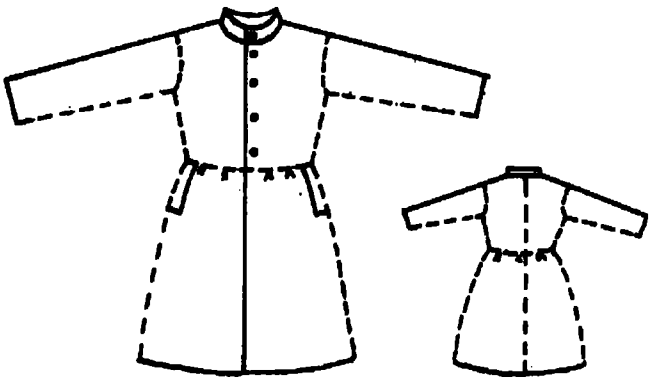
4 детали левой и правой стороны шапки



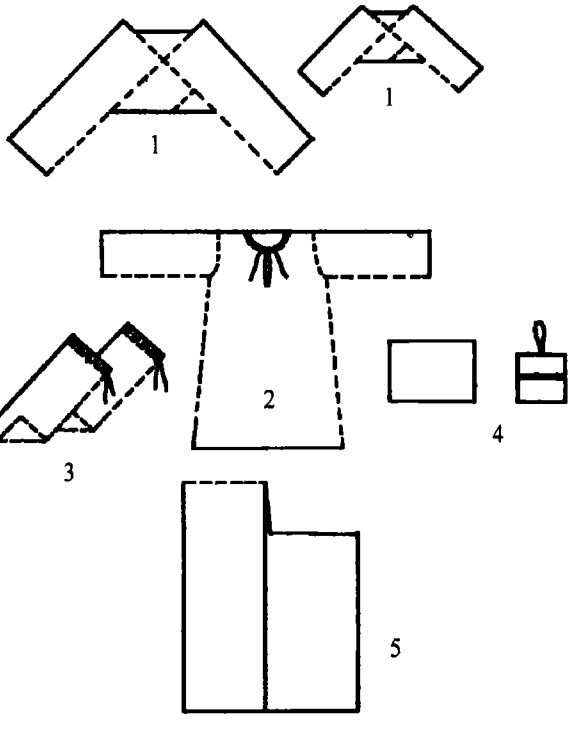


2 детали для козырька шапки

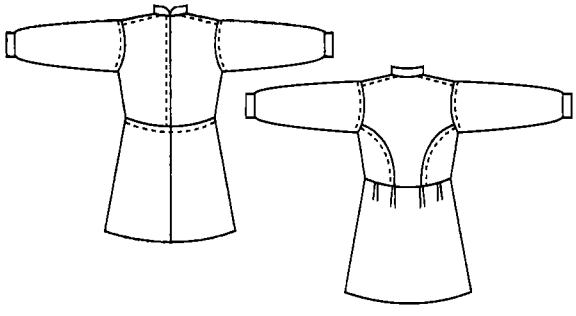
Схема раскроя меховой шапки - "треуха".



Кафтан моленный. Переселенцы из Томской губернии. Сшит в г. Арсеньеве, 70-е гг. XX в.



Погребальный мужской комплект. Переселенцы из Китая, провинция Западный Синьцзян, 30-е гг. XX в. 1 - штаны; 2 - рубаха; 3 - чулки; 4 - подушка и подручник; 5 - саван.



Кафтан моленный, "с перехватом". Переселенцы с Урала, Сибири, сшит в п. Кенцухе (ныне Горнореченск), 70-е гг. XX в.

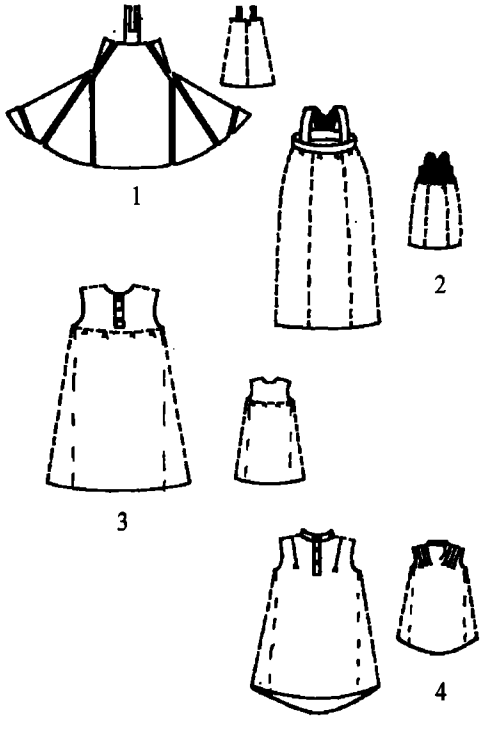


Рис.1- сарафан косоклинный; рис. 2 - сарафан "круглый"; рис. 3, 4 - сарафан "горбач".

ЧАСТЬ II.
Хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев

Глава 1.
Хозяйственная деятельность старообрядцев

Заселение и хозяйственное освоение дальневосточных окраин стало частью общих миграционных процессов, происходивших с XVI в. на огромной территории России: в Предуралье, Западной и Восточной Сибири. Освоение этих территорий происходило в разные периоды истории, на разных этапах экономического и социального процесса. Заселение Урала, Сибири происходило, в основном, в эпоху феодализма, в период полного закрепощения крестьянства; заселение Дальнего Востока совпало по времени с отменой крепостного права и вступлением России в эпоху капитализма.

Основные правила и законоположения 1861 г. подтвердили намерения российского правительства как можно быстрее разрешить проблему земледельческой колонизации новых российских территорий путем переселения на Дальний Восток крестьянских семей из европейской части страны. Напомню, что «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» гарантировали переселенцам-добровольцам право получения свободных земельных участков в долгосрочную аренду или же выкупа его в полную собственность по цене 3 рубля за десятину. Крестьянское общество числом не менее 15 семей, пожелавшее поселиться совместно, получало в свое распоряжение весьма немалый участок земли — по 100 десятин на семью. В течение 20 лет землей можно было пользоваться бесплатно и лишь по прошествии их с крестьян будут взимать поземельную подать [1].

Заманчивые посулы правительства и естественное желание каждой крестьянской семьи иметь собственный кусок земли побудили бросить родные места и тронуться в дальний путь многие массы людей.

С водворением на новом месте крестьянские проблемы на этом не заканчивались. Им предстояло в течение нескольких лет попытаться приспособить собственный хозяйственный опыт к новым природно-климатическим условиям, ведь для земледельческого освоения новых территорий решающую роль играли рельеф, климат, почвы... Иногда его удавалось приспособить, иногда же он был просто бесполезен.

Географические условия Амурской области и северной части Приморской области не преподнесли особых сюрпризов переселенцам, но вот Южно-Уссурийский край... Все здесь: климат, ландшафт отличалось от того, что оставили переселенцы у себя на родине, будь то европейская часть России, Урал или Сибирь.

Территория Южно-Уссурийского края находится в юго-восточной части страны и омывается теплыми водами Японского моря. Около 4/5 территории занимает протянувшаяся с северо-востока и юго-запада горная система Сихотэ-Алинь. Именно эти два основных фактора и формируют климат Приморья. Вся территория входит в климатическую зону муссонов умеренных широт. Это значит, что зима обычно холодная, с сильными ветрами, малоснежная. Весна засушливая и тоже не очень теплая, затяжная. Холодное Приморское течение приносит летом дожди и стойкие туманы. Летом и осенью выпадает около 70% годового количества осадков.

«Много ли поймет обыкновенный человек», — писал в 1916 году С. Грибоедов, директор Владивостокской метеорологической обсерватории, «если я скажу, что в среднем за много лет в августе месяце... на каждую метеорологическую станцию Уссурийского края приходится 130 мм дождя? Но если я добавлю, что в Малороссии на тот же месяц приходится лишь 50 мм, то каждому станет понятно, насколько дождлив уссурийский август... Наибольшее количество пасмурных дней приходится на лето, „мокрота“ снизу и сверху — была одной из основных помех земледельцев» [2]. Осень в Приморье- лучшее время года. Ясная, теплая, сухая, в основном, безветренная, но с заходящими сюда в конце лета-начале осени тайфунами, иногда являющимися причиной сильных наводнений. Излишняя сырость — основной фактор, влияющий на местное сельское хозяйство. Следствие сырости — обилие болотистых почв. Высокая температура и большая влажность создает паровой эффект, а это, безусловно, сказывалось на урожайности злаковых, которые поражала плесень. Именно в Южно-Уссурийском крае земледельцы впервые столкнулись со страшным заболеванием злаковых растений — «пьяным хлебом» [3]. Равнины и низменности занимают в крае небольшую площадь и расположены в западной и юго-западной части по Уссурийско-Ханкайской впадине и по долинам рек Суйфун, Уссури, Даубихе, а также рек северного побережья. Узкая полоса низменности тянется и вдоль побережья Японского моря. Равнина европейской части России и равнина в Приморье существенно отличаются. Здесь, это просто открытые пространства, не всегда безлесные. В равнинных местах почвы заболочены, наносные, илювато-песчаные, отличающиеся высокой урожайностью (Ханкайская долина). Перегнойный слой невелик 13–22 см, чаще 9–13, но этого вполне хватает для хлебных и овощных культур [4]. На возвышенных местах почвы суглинистые, много мелкого камня, гумусовый слой не превышает 5 см. До 70% Приморья покрыто лесами. Растительность отличается богатством и своеобразием: в ее составе 2 130 древесно-кустарниковых и травянистых видов. Уссурийские леса изобилуют реликтовыми видами. К ним принадлежат почти все виды широколиственных древесных пород Приморья: липа амурская, вяз, бархат амурский, ясень маньчжурский, а также береза, осина, клен, ольха, дуб, черемуха, дикая яблоня. Из хвойных пород распространены ель аянская, кедр корейский, лиственница, пихта. Животный мир не менее богат. Здесь рядом уживаются «северяне» и «южане»: медведь, кабан, изюбрь, барсук, белка и амурский тигр, леопард, пятнистый олень, горал.

Пожалуй, природные условия юга Дальнего Востока стали неожиданностью для всех этнических групп переселенцев. «Культурным шоком, потрясением» называют ученые эффект, получаемый мигрантами в результате географических передвижений, от столкновения с иной природной, этнической, культурной средой. И сегодня эти впечатления продолжают сохраняться в памяти переселенцев ярче, чем воспоминания о трудностях налаживания переселенческого быта. К. К. Пугина (дев. Шахурина) вспоминает, как долго не могла ее мама, Шахурина В. В., привыкнуть к здешним местам. Ей, выросшей в степных местах (с. Корчино Барнаульский уезд), «все тесно казалось здесь из-за леса и сопок, все жаловалась: дышать нечем. Мечтала вернуться» [5]. «Алтайские как приехали на северное побережье, так поначалу все так радовались приморско-

му теплу. Весна была такая теплая и ранняя, что все стирали на улице... Так приятно, но потом потянулись туманы, сырость... Только и ждали, когда вызвездит, когда эта морось рассеется. Хлеб от тумана пьяный, солоделый становился» [6]. По рассказам П. П. Некрасовой (ур. Дмитриевой), деду — Исаку Николаевичу Кузнецову, который приехал сюда ходоком из алтайского села Шарчино, места эти очень приглянулись. Он пришел сюда пешком, прошел немало от Нахтахи до Пеи, написал письмо родным, чтоб выезжали сюда. А вот бабушке здесь не понравилось. Все было не так: и погода, и еда. Все было ей не вкусным: и морковь не сладкая, и репа горькая, конопля и та пьяная. Все хотела уехать. А мама съездила через несколько лет назад на Алтай: там холодно, грязно, намерзлась, намучилась... Вернулась, а здесь — теплынь...Так она все приговаривала: «Приморье, ты мое дорогое, никуда не хочу, так я по тебе соскучилась» [7].

Массовое переселение малороссов сняло остроту проблемы заселения края, но появились новые проблемы, связанные все с той же психологической адаптацией украинцев к новым условиям. Ко времени появления степняков-украинцев в Южно-Уссурийском крае плодородные степные пространства Приханкайской долины были почти поделены. Многим из них наравне с русскими предстояло осваивать таежные районы края. Своими впечатлениями от встреч с украинскими переселенцами в селах по р. Шитухе делится заведующий Иманским переселенческим подрайоном. Красоты местной природы («Высокие кедры в снегу, падает медленный таежный снег, и белки перебегают с ветки на ветку...») контрастируют с «убогим» видом сел, бедностью и «какой-то непонятной... растерянностью среди населения... Звери стадами ходят в близком расстоянии от селений, а крестьяне совершенно равнодушно... сидят в избе и ноют о своем убогом житье... На вопрос, предложенный мной крестьянам, почему они... не оглянуться вокруг себя, не всмотрятся на окружающую их природу с ее богатствами, крестьяне пессимистически отвечали: А хто ж его знает, а разве мы умеем стрелять?.. А разве нас сюда за тем требовали?» [8].

«Землеробы они, конечно, хорошие, хотя их опыт здесь не подходил почти. Охотники из них неважные. Дома им всегда готовые давали, — рассказывает И. К. Пугин. Они (украинцы) все говорили: „Воды здесь — хоть утопись, да горька, леса — хоть задавись, а хлеба — нема". Они ж думали, что и камней-то здесь нет, гнет для капусты везли с собой. У нас случай один был. Бабка ехала сюда с Украины, где-то в Сибири по дороге камень тяжеленный подобрала, для капусты. Ну, с этим камнем и жила сколько-то лет. Остановился у нее как-то геолог один на постой, увидел камень — ахнул: в нем золотых вкраплений видимо-невидимо. Забегали. Комиссию создали, стали бабку расспрашивать, где брала. Хорошо, что не посадили, а камень увезли куда-то» [9].

Что и говорить, для старообрядцев-переселенцев из таежных районов Урала, Сибири, Алтая, такие природные условия были более привычны. Непроходимые подчас таежные дебри центральной части Южно-Уссурийского края не остановили первопроходцев. Разведочные работы в таежных дебрях центральном районе края в 80-х гг. XIX в. еще только начались, но изыскатели неожиданно натолкнулись на следы былого присутствия старообрядцев в этих местах. Удобные места против станции Бельцово, как оказалось, были распаханы крестьянами-старообрядцами, уже ушедшими дальше. Из жилья заметны были лишь остатки русских печей. «Заселение Даубихе до Даубихезы, вероятно, совершится в течение 2 или 3 ближайших лет (документ датирован 1887 г. — авт.), немалым подспорьем тому служит совершающееся там переселение крестьян д. Петропавловской в окрестности Шкляевой... водворение же здесь старожилов, много лет искавших место для переселения, убедит крестьян» в безопасности места для поселения. Власти очень надеялись, что пример поселения в этих местах «хороших хозяев, какими являются крестьяне Петропавловки», сможет привлечь сюда переселенцев [10].

Переселенческое управление находит блестящий выход: желая облегчить малороссийским переселенцам период адаптации к местным условиям, оно подселяет их к уже отстроенным старообрядческим поселениям. Умело играя религиозными чувствами старообрядцев, чиновники по сути вынуждали старообрядцев бросать обжитые места и уходить все дальше в тайгу. «Таким образом, старообрядчество невольно играло роль пионеров колонизации, может быть почетную, но беспокойную и разорительную» [11].

«...Предвзятый взгляд на Уссурийский край, как на страну обетованную, предрасполагал к уверенности, что, где бы ни осел переселенец, везде ему будет хорошо и удобно, везде он найдет кисельные берега и молочные реки. Действительность однако опрокидывала эти радужные ожидания, и мало-помалу стала обрисовываться истинная физиономия Уссурийского края, — края исключительно трудного для успешной колонизации: оказалось, что многие селения с их угодьями чуть не ежегодно затапливаются водой; выяснились крайние трудности в устроении сносных путей сообщения, вследствие чего многие поселки оказываются часто отрезанными от всего остального мира; а что всего горше, зерновое хозяйство не только не обогатило крестьян, но из года в год, за редкими исключениями приносило тяжелые разочарования и систематические убытки» [12].

Успешная переадаптация хозяйственной деятельности переселенцев в немалой степени зависела от преодоления прежде всего психологического барьера. Исследователи неоднократно подчеркивали, что «при переселении этнической общности в иное природное окружение фактором во многом определяющим успешность психологической адаптации к природной среде является соответствие типов ландшафтов окружающей природной среды тому стереотипу, который сложился у этноса в процессе закрепления традиционного уклада жизни...» [13].

В результате миграций к началу 30-х гг. XX в. формирование старообрядческого населения в крае было в основном завершено. Оно состояло из трех больших самодостаточных групп, различных по региональному составу. С местом для расселения при относительной свободе выбора каждая из групп со временем определяется самостоятельно.

«Культурный стереотип природной среды, сохраняемый в групповом сознании этногруппы, определяет выбор этой группой необходимого типа ландшафта» на новом месте. Исследователи отмечали, что ветковские переселенцы как на Алтае, так и в Забайкалье «принудительно или добровольно выбрали для себя наиболее приемлемый, требующий минимальной перестройки привычного типа хозяйственной деятельности, основанный на земледелии и огородничестве. В силу этого семейские селились в долинах рек». Эта адаптационная характеристика практически была повсеместна у семейских и находила свою реализацию у них во всех местах жительства за Байкалом [14]. Семейских относят также к стабильному, консервативному типу культуры [15]. В Южно-Уссурийском крае семейские поселились в равнинных местах Приханковья и долины р. Суйфун. Как известно, миграционной, переселенческой активностью забайкальцы не отличались и в Приморье. Они дольше других групп сохраняли географическую локальность, не покидая занятых однажды мест. Хозяйственный уклад их определялся земледельческо-животноводческим направлением с достаточно значительным удельным весом ремесленного и домашнего производства.

Самая большая и самая сложная, таежная, часть края была освоена представителями урало-сибирской и волго-вятской групп старообрядцев, пришедших в Южно-Уссурийский край с лесных территорий Волги, Предуралья, Урала, Алтая и Енисейской губернии. Они принадлежали к более мобильному агро-промысловому типу культуры. Выбор ими мест для поселения также обусловливался уже сложившимся типом хозяйственной деятельности: земледельческо-промысловое направление хозяйства.

Анализ, проведенный исследователями по проблеме формирования и функционирования агропромысловой культуры в ходе колонизации Южной Сибири, говорит об особой роли промысловой деятельности в освоении новых районов и становлении крестьянских хозяйств. Промыслы являлись ведущей отраслью хозяйства сибиряков в XVII и начале XVIII вв. С середины XVIII в. приоритетной отраслью стало земледелие, но промыслы продолжали оказывать влияние на экономику края. «Основную роль в освоении нового района выполняли обладатели средств производства — выходцы из крестьянского сословия, однако, промысловая деятельность была важнейшим условием становления крестьянских хозяйств. Прибыль, получаемая в результате торговли мехами, вкладывалась в другие отрасли хозяйства, в том числе и земледельческую. Миграции населения на территории Сибири ученые связывают не только с потребностью его в пашенных землях, но и с истощением промыслового зверя. Основным способом овладения необходимыми природными ресурсами был переход, „забегание" вперед относительно основного колонизационного фронта» [16].

Наши полевые и архивные материалы показывают, что в заселении и хозяйственном освоении Приморья старообрядческим населением также немалую роль играли промыслы. Характеризуя в общих чертах хозяйство Дальневосточной области, А. М. Брянский, именно Приморье в отличие от Забайкалья и Амурской области называет земледельческо-промысловым регионом. Именно здесь в наибольшем количестве были сосредоточены самостоятельные производственники — кустари, старатели, охотники, пчеловоды [17].

Богатство природных ресурсов во многом компенсировало экстремальные климатические условия края. Открывались неограниченные возможности для охотничьего, рыболовного промыслов, занятия различными ремеслами. Охотничий промысел станет приоритетным и наиболее прибыльным в зоне рискованного земледелия на северном побережье и в долине р. Бикин. Как и во время освоения Урала, Сибири, именно промысловики-охотники, уходившие в поисках дичи все дальше в глушь, выполняли роль первопроходцев-разведчиков мест для будущих поселений. Так, труднодоступные места за Сихотэ-Алинским перевалом были давно освоены старообрядцами охотниками-промысловиками, а для властей они оставались неизвестными вплоть до 30- х гг. XX в. Сначала здесь находились охотничьи участки староверов, позднее в этих местах появилось множество богатых заимок и хуторов. Жительница с. Максимовки (Кхуцин) рассказывала: «Те, кто сюда первыми зашел, ох и нагребли, ох и разбогатели здесь (на северном побережье — авт.)...Всех зверей переколотили. Как новые люди стали сюда приселяться, они за перевал ушли в верховья Бикина...» [18].

В отличие от земледельцев-украинцев, не располагавших достаточной информацией о том, что встретит их на берегах Тихого океана, и генетически предрасположенных к землепашеству, сибиряки же еще на родине предполагали, что и на новом месте они смогут заняться привычным делом — охотой. Так, по пути на Дальний Восток из Пермской губернии замечательный охотник Ермила Юрков, зная цену хорошей охотничьей собаке, нимало не сомневаясь, выменял корову на хорошего щенка. «На месте (Чугуевская волость, х. Юрковых) отец в основном занимался охотой. Добывал по пятнадцать соболей за сезон... Денег на житье хватало, даже не сеяли. Также отец держал пчел. Мед сдавал в Никольск-Уссурийск за деньги» [19].

Подтверждением тому, что такой сценарий развития хозяйственной деятельности в период первичной колонизации наиболее вероятен, могут служить примеры даже более позднего времени. После массового исхода из СССР в Маньчжурию в начале 30-х гг. XX в. старообрядцам пришлось пережить очень трудные времена. Как и много лет назад, они оказались в роли первопроходцев: чужая земля, чужой язык, на руках многодетные семьи, почти без средств к существованию. Занятие охотой многих в то время не только спасло от голода, но и дало возможность за один-два года подняться на ноги. «Хозяйством в Маньчжурии я обзавелся не сразу, а примерно через года два. Средства я получал от охоты на зверя. На эти деньги приобрел хозяйство» [20]. Материалы архивных следственных дел 1932–1938 гг. пестрят примерами обзаведения сложными сельскохозяйственными машинами на деньги, полученные от продажи пушнины. Как правило, зажиточное хозяйство было у тех крестьян, кто помимо земледелия занимался охотой или другими промыслами. У Семешова З. Ф. в хозяйстве были и мельница, и сложные сельхозмашины: по его словам, деньги получал он от охоты, в том числе и пантовки, сдачи меда. П. С. Чепкасов: «Основное занятие наше — охота. В 1932 г. поймали 3 соболя, 10 хорьков, 10 белок, сохата, а прошлый год было значительно больше. Сельское хозяйство у нас подсобное, главное охота...» [21]. И все же, самой главной задачей, тем, ради чего была переселена на Дальний Восток огромная масса крестьян, было земледелие.

В отличие от условий первичной колонизации Сибири XVII–XVIII вв. заселение Дальнего Востока происходило уже в условиях становления и развития капитализма.

Одной из особенностей развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке было отсутствие помещичьего землевладения. Из общей площади Приамурского генерал-губернаторства 140 941 229 десятин, на долю Приморской области приходилось — 49 834 906, Амурской — 36 696 000 десятин, Забайкальской — 54 410 323 десятин, из них 22 470 000 десятин принадлежали императорскому дому и находились в ведении Кабинета, церковно-монастырские владения в конце XIX в. составили 75 864 дес. Аборигены, крестьяне-переселенцы, казаки в массе своей собственниками земли не являлись. Земля передавалась им во временное пользование. Юридически земля принадлежала государству, фактически освоенными землями пользовались крестьяне и казаки [22]. Большая часть занятых земель в крае находилась традиционно в общинном пользовании крестьян и казаков — 95,4%. При такой форме выгоны для скота, лесные участки находились в общем мирском пользовании, пахотными и сенокосными участками общинники в начальный период заселения распоряжались самостоятельно, а усадебные места, занятые постройками, огородами состояли в подворно-наследственном владении домохозяев [23].

Земельная обеспеченность была главным условием и той отправной точкой, с которой начиналось создание любого крестьянского хозяйства. Правила 26 марта 1861 г. открывали широкие перспективы для переселенцев, но, как это и бывает, заблаговременно подготовиться к их приему правительству не удалось: заготовка участков не проводилась, землемеров катастрофически не хватало. Некоторые села даже до 90-х гг. XIX в. не имели определенного участка. До 1894 г. при Приморской областной чертежной их состояло всего 5 человек. К землеотводным работам правительство смогло приступить только в конце 70-х гг. XIX в. В этой ситуации засельщики получали полную свободу действий [24].

Создание каждого нового хозяйства начиналось с поиска удобной земли... По существу в первые годы заселения стодесятинные наделы стали нормой. Лучшие, плодородные земли расхватывались в первую очередь. Крестьянин или крестьянская семья распахивали земли столько, сколько хотели. Возделанные пашни располагали так, чтобы между ними оставались целинные земли, «про запас» [25]. С этого момента распаханная или отмеченная им земля становилась условной собственностью крестьянина: он мог продать ее, сдать в аренду. Мы уже рассказывали о том, что один из кокшаровских хуторов был подарен И. А. Цивилевым своему зятю в качестве свадебного подарка. Зачастую подселения единоверцев на уже занятые земли происходило не всегда гладко. По воспоминаниям Е. И. Малютина, их семья попыталась подселиться в с. Перетычиху, где в то время жило три семьи Басаргиных. Старики Басаргины наотрез отказались принять Малютиных, и только после подношений, земных поклонов и совместной молитвы разрешение на поселение было получено с указанием конкретно-

го места, где новая семья могла начать строительство дома. Только с началом коллективизации и уходом Басаргиных в Китай новые семьи старообрядцев стали селиться в Перетычихе свободно [26].

Право первого захвата земли стало обычной нормой для крестьян — старожилов. В случае удачи, чтобы застолбить за собой участок, крестьяне строили временное жилье (землянка, шалаш, дом), куда приходили или приезжали на сезонные сельскохозяйственные работы. Таким образом, вокруг постоянных поселений быстро начинают появляться многочисленные заимки, хутора. В поисках плодородных и наименее трудоемких участков крестьяне вынуждены были уходить все дальше от села. Захватная форма землепользования способствовала сосредоточению в руках старожилов большей части лучших, плодородных земель. В не меньшей степени это способствовало и социальному расслоению в среде крестьянства. «Ехали сюда, потому что земли здесь много свободной, — рассказывала нам жительница с. Ивановичи Черняева Прасковья Кузьминична. Пахали, кто сколько хотел. У нас таежное место, так зарубки делали на деревьях, где чей участок. Заимки были не у всех. Кто первый сюда заехал, много земли имел. У нас была только одна заимка в пяти километрах от села» [27].

При широком распространении захватного права, количество плодородных земель вокруг населенных пунктов катастрофически быстро уменьшалось. Заимка как форма землепользования напрямую связана с наличием свободных земель и существует, пока есть это достаточное количество земель. Так, в Сибири к 80-м гг. XIX в. в связи с переходом к подушному переделу земель такой формы уже не существовало [28]. В конце XIX — начале XX в. с уменьшением количества свободных земель заимочный (захватный) способ приобретения земли почти исчерпывает себя и в Приморье. На северном побережье, за Сихотэ-Алинским перевалом, он продолжал существовать до 20-х гг. XX в. Сам же термин продолжал использоваться, но уже с несколько иным значением: любые жилые постройки для постоянного или сезонного места жительства.

В условиях колонизации Дальнего Востока заимки явились оптимальным вариантом русских поселений, т. к. при еще не сложившемся комплексе взаимоотношений между населением и природной средой появлялась возможность хозяйственного эксперимента в новых условиях, возможность адаптации к новым условиям. При благоприятных условиях на месте заимки с течением времени могла появиться малодворная деревня, село. Процесс создания таких поселений на юге Дальнего Востока проходил, довольно, быстро.

Заимки, хутора появлялись также и вследствие разделения больших крестьянских семей. Так, молодые семьи Лямзиных, Иродовых, Мокроусовых отделились от родителей и переселились в х. Котеловку (позднее с. Котельниково) в десяти километрах от с. Перетычихи [29]. Хозяйственной ориентации заимок, хуторов, без сомнения, способствовали природные условия. В Приханкайской низменности заимки старообрядцев имели, в основном, земледельческое направление. В таежной зоне хороший доход приносило пасечное хозяйство. Чаще всего пасеки размещались на заимках. В советские времена пасечное колхозное хозяйство, как правило, размещалось на бывших крестьянских заимках.

На побережье Японского моря немало было заимок, хуторов рыболовецкого направления, так называемых «рыбалок». Рыболовецкие заимки — особая группа заимок, не связанная непосредственно с крестьянским хозяйством. По воспоминаниям А. П. Калугиной, семья ее свекра, Калугина Игнатия Никитича, пришла на р. Колумбе на шаланде в 1907 г. Там уже стояло 3 дома и жило 3 семьи: ороча Синдига, Пермяковых, Тепловых. К нач. 30-х гг. на этом месте проживало уже около десяти семей, которые, в основном, занимались рыбным промыслом: ставили сети на акулу, топили жир, увозили в б. Конде на базу для продажи.

На хуторе Шарыповых (северное побережье) хозяйство было многоотраслевое: сеяли рожь, гречиху, была хорошая пасека, водяная мельница. Мимо домов проходило две реки Лондо и Беамо, при слиянии их образовывался водоем, богатый рыбой. Рыбу ловили, продавали, получали за нее хорошие деньги [30].

Плохая имущественная обеспеченность семей, переселяющихся на Дальний Восток из Европейской России, Сибири вызывала весьма сильную обеспокоенность у Министерства государственных имуществ: среди своекоштных переселенцев было немало крестьянских семей, не рассчитавших собственные материальные средства и вынужденных по этой причине возвратиться на родину совершенно разоренными, либо оставаться в тех местах, куда они смогли добраться.

Нужно отметить, что экономическое благосостояние старообрядческих семей, пришедших в Южно-Уссурийский край, выгодно отличалось от общей массы переселенцев. По информации Ю. В. Аргудяевой, более 20 старообрядческих семей (Гостевских, Паначевы, Цивилевы, Санниковы, Бобыльских), переселившихся из нескольких деревень Томской губернии в Амурскую область в 1861 г., были крепкими хозяевами и имели весьма неплохой достаток: Гостевских сообщал, что у него имеется в наличии 900 рублей, 1500 пудов хлеба, 7 лошадей и по 20 голов коров и овец, дом с прислугами и земледельческими орудиями [31]. Лет через 20 именно эти семьи из Амурской области придут в Южно-Уссурийский край, в долину р. Улахе. По сведениям Ф. Ф. Буссе, в 1867 г. на Ханкайский участок переселилось из района по р. Завитой Амурской области 19 семей (118 душ) (один из районов компактного расселения старообрядцев), имевших прочное хозяйство и весьма состоятельных. «Переселенцы с имуществом, инвентарем, состоящим из большого количества скота и значительных запасов хлеба и семян были доставлены в Камень-Рыболов...» [32]. Среди семейских, прибывших с Аянского тракта, также было немало состоятельных людей. Так, по семейным преданиям Спиридоновых, родители его жены по материнской линии (фамилия не установлена) были очень состоятельными людьми: отец был купцом и торговал по Аянскому тракту пушниной, привез в Ильинку мешок серебра. Очень богатым был и сам Спиридонов Лука [33]. По сведениям А. Меньщикова, крестьяне с. Красный Яр приобретали сельскохозяйственные орудия на «общественные суммы, образовавшиеся из отчислений, от получаемых ими денег в бытность в Якутской области за почтовую гоньбу» [34]. Большая группа крестьянских семей-старожилов Амурской области, переселившаяся в Южно-Уссурийский край в 80–90-х гг. XIX, состояла из экономически самостоятельных и крепких хозяев. «„Все они принадлежат к зажиточным, пользовались землями 20 лет, вытянули их них все, что можно“, — сетуют чиновники Амурской области по поводу ухода семей, — а теперь передают ее в арендное содержание новоселам» (видимо, получая еще и плату за аренду — авт.) [35]. Архивные следственные материалы также содержат сведения о том, что и в начале 30-х гг. XX в старообрядческие семьи, заселявшие северное побережье, шли сюда с нажитым капиталом, имея деньги на начальное обзаведение. Так, переселившиеся из Иркутска на северное побережье Г. С. Щербаков имел в Иркутске небольшие мыловаренный и свечной заводики, К. И. Такмаков, также житель Иркутска, бывший торговец мясом, Давыдовы, по сведениям Н. Медоловича, привезли на Дальний Восток сумму более чем 40 000 тыс. рублей [36].

Несмотря на сложности первого этапа колонизации края (отсутствие дорог, регулярной связи), уходила в прошлое проблема рынка сбыта продукции промыслов и земледелия. С 1888 г. стали производиться закупки зерна Приамурским интендантством для войск Приамурского военного округа у крестьянского населения. В ведомостях Приамурского интендантства среди продавцов зерна названы и старообрядцы [37]. К числу внутренних рынков сбыта сельскохозяйственной, животноводческой, пчеловодческой продукции относились сельскохозяйственные ярмарки, действующие в крупных населенных пунктах: Владивосток, Никольск — Уссурийск, Спасск. Традиционным и наиболее популярным внешним рынком сбыта был Ки-

тай. Через русских и китайских скупщиков сюда прежде всего шла пушнина, продукция пантового оленеводства, продукция таежных промыслов (жень-шень, лапы, желчь медведей, струя кабарги, хвосты изюбрей). В архивных следственных материалах есть немало упоминаний о том, что некоторые крестьяне занимались скупкой и перепродажей пушнины в Китай. Так, Ф. Юрков закупал пушнину у староверов и сдавал ее китайцу Лю Да Ши, в то же время занимался продажей мануфактуры и галантерейных товаров в селах вплоть до 1924–1925 гг. Калашниковы занимались скупкой и перепродажей пушнины, имели лавку в с. Кокшаровка [38]. Из Китая привозили в край сельхозмашины, скот, мануфактуру. Со временем все более тесные торговые связи налаживались у старообрядцев с Японией. Свидетельством тому может служить уже хорошо известный пример длительных торговых связей хозяев х. Новосионский Поносовых. Морские пути, связывающие северное побережье и Японию, были зачастую даже предпочтительнее, чем торговые связи с Владивостоком. «У нас в Кхуцине Зиновий Светляков был. Ему крестьяне излишки везли всего, он скупал, вез в Японию, а оттуда привозил по заказу, кто что просил: плуги, сеялки, сепараторы. Один раз в месяц приходил пароход и все грузили на него. В Японии покупать было дешевле и быстрее, чем везти из Владивостока» [39]. Получаемый доход вкладывался в расширение хозяйства. Некоторые отрасли хозяйства из потребительских перерастали в товарные. Большое значение для развития товарного хозяйства имела мукомольная отрасль. Она позволяла получать неплохие заработки и высвобождала рабочие руки (помол стоил 8–10 коп. деньгами или 9–10 пудов зерна) [40]. Охотничий промысел, животноводство способствовали развитию кожевенного промысла, но, на наш взгляд, он все-таки оставался домашним промыслом, поскольку каждый охотник стремился сам выделывать пушнину и не платить за выделку на сторону. Таким образом, промыслы играли ведущую роль в эволюции типа крестьянского хозяйства. Повышение товарности крестьянских старообрядческих хозяйств способствовало становлению и развитию земледельческих хозяйств мелкотоварного типа. Животноводство уже не сводилось только к удовлетворению собственных нужд крестьянской семьи. Стада коров от 10 до 30 голов были не такой уж редкостью в крестьянских старообрядческих хозяйствах, особенно, в Приханкайской низменности, Суйфунской долине [41]. Излишки продукции реализовались на рынках. Старообрядцы Красного Яра сдавали молоко на местный молочный завод, получая хорошие деньги. Важнейшее направление животноводства — коневодство к началу XX в. уже не ограничивалось только содержанием лошадей рабочих пород. Известны примеры разведения крестьянами не только пород для облегчения крестьянского труда, но и разведение скаковых породистых лошадей (Наумовы, Давыдовы, Соболевы, Губушкины).

Еще одной статьей дохода крестьянских зажиточных хозяйств была аренда. Аренда земель, аренда помещений. Так, Фунтиковы, имея несколько домов, сдавали некоторые помещения дома в аренду, имея доход 400–650 рублей, З. Светляков, М. Ф. Нагорнов также сдавали помещения в аренду [42].

Продажа земель в частную собственность, как уже отмечалось, была разрешена с 1861 г. Правилами от 26 марта 1861 г. предусматривалась возможность приобретения земель в частную собственность по 3 рубля за десятину. При господствующей общинной форме землепользования количество частных хозяйств в Приморской области было невелико: 46,5% земель принадлежало мещанам, 15% купцам, крестьянам — 28% [43]. Так, например, на Суйфунском участке у крестьян в общественной собственности находилось 100 536 десятин земли, в частной — всего лишь 978 десятин; на Ханкайском участке соответственно — 261 103 десятин, в частной и того меньше — всего 298 десятин [44].

В списке 116 частных владельцев земельных участков в Приморской области на 1907 г. собственников крестьян (а также мещан по прописке) — поименовано очень немного, но почти все они — старообрядцы. Так, в Раздольнеской волости — Леонтий Худяков (393 десятины), в Ивановской волости — Федот Калугин (100 десятин), Иван Мартюшев (29 десятин), Терентий Калугин (40 десятин) в Осиновской волости — Поздеев (104 десятины), в Ханкайской волости — Г. Калугин (298 десятин), в Сучанской волости — Семен Поносов (99 десятин), Агей Субботн (5 десятин), Михаил Жуков (50 десятин) [45].

Имя Терентия Афанасьевича Калугина, разносторонне талантливого фермера, уже не раз упоминалось нами. По семейным преданиям, у него было большое комплексное хозяйство, фруктовый сад, ферма, водяная мельница... Но, к сожалению, достаточно редкий архивный документ «Описание частновладельческого хозяйства Терентия Калугина» не очень порадовал: перед нами была характеристика не выдающегося, но вполне средне зажиточного (для старообрядцев) крестьянского хозяйства.

Документ содержит для исследователей ценнейшую информацию, поэтому считаю необходимым процитировать его полностью.

«1. Название хозяйства, волость, год и условия приобретения.

• Заимка Калугина, Сысоевская волость, 1895 г. Приобретено покупкой за 3 руб. за десятину.

2. Расстояние до ближайшего города.

• Никольск — 108 верст, железнодорожной станции Ипполитова — 75 верст, пароходной пристани — базара в селе (главный рынок для обследуемого хозяйства).

• Рынок для сбыта — урочище Анучино в 5 верстах.

3. Площадь в десятинах.

• Пашни 15 десятин
• Сенокосов — 6 десятин
• Выгона —
• Леса —
• Неудобной земли — 10 десятин.

Описание качеств каждого вида угодий с указанием возможности и выгодности обращения той или иной площади, одного вида угодий в другой.

• Пашня удобная, но ежегодно страдает от наводнений.

4. Сеется на десятину пшеницы, ярицы, гречихи, бобов, картофеля, чумизы — пудов: 10 п, 10 п, 7 п, 5 п, 15 п, 6 п. Снимается от 50–70 п, 50–70 п, 70 п, 60 п, до 600 п, 60 п.

5. Имя и фамилия собственника его национальность, звание, занятие, место жительства, состав семьи.

• Терентий Калугин, русский, крестьянин. Хлебопашество, пчеловодство. д. Виноградовка, Ивановской вол... семья, 5 мужчин, 7 женщин.

6. Способ ведения хозяйства (сдача в аренду, наемные рабочие, личный труд), степень участия в нем желтого труда.

• Часть сдается в аренду корейцам, а часть обрабатывается личным трудом.

7. Количество затраченного по подсчету собственника капитала с указанием времени (единовременно, при приступе к хозяйству, или же постепенно с течением ряда лет)

• Подсчета никакого не велось, и он затрудняется указать сумму такового.

8. Наличность построек (приблизительно площадь пола жилых строений и холодных, стоимость тех и других).

• На заимке имеются только фанзы арендатора.

Наличность инвентаря, живого и мертвого. Стоимость его (подробно перечислить количество лошадей, коров, рогатого скота, отметить сравнительные качества мелкого скота, птицы, пчел с оценкой по роду инвентаря, затем количество сельскохозяйственных орудий, телег с оценкой по роду их.

9. Зерновое хозяйство: стоимость обработки казенной десятины (вспашка, посев, бороньба, полка, уборка, жатва, вязка, возка, молотьба, доставка до места сбыта).

• Вспашка — 8 руб., посев — 3 руб., бороньба — 3 руб., жатва и вязка — 8 руб., возка — 3 руб., молотьба — 4 руб., доставка до Анучина — 4 руб.

10. Средняя урожайность хлеба

• Пшеницы и ярицы — 50 пудов.

11. Учет денежной доходности зернового хозяйства.

• Не ведется

12. Средняя урожайность сенокосов по разрядам (степные, луговые, мокрые). Учет доходности сенокосов.

• С десятины мокрого сенокоса получает в среднем по 40 копен или 200 пудов, в продажу не поступает, а идет на корм своего скота.

13. Учет доходности скотоводства (количество и цены продаваемого приплода молочных продуктов).

• Продажа скота очень редка и в хозяйстве не играет роли. Молочные продукты в виду отдаленности от города сбыта не имеют.

14. Учет доходности других видов хозяйства (огородничество, птицеводство, пчеловодство).

• Доходность от огородничества до 100 руб. в год, от птицеводства до 40 руб., от пчеловодства от 200 до 400 руб. в год.

15. Какая мелиорация проведена в хозяйстве.

16. Какое имеет значение для ближайшего населения и края описываемое хозяйство.

• Для ближайшего населения дает небольшой заработок во время полевых работ, а для края значения особенного не имеет.

17. Каковы нужды хозяйства и способ удовлетворения этих нужд, возможность обойтись без желтого труда, нужны ли артели русских рабочих и как их организовать.

• Особенных нужд не имеется, а было бы весьма желательно найти рынки сбыта меда, т. к. благодаря отдаленности от центра продукты пчеловодства весьма дешевы.

18. Какие налоги уплачивает собственник, и в каком размере?

• Ежегодно по 20 коп. с десятины.

Примечание: Владелец Калугин на собственности не живет, и, как сказано в п. 8 построек, кроме фанзы, не имеет, а живет от собственности верстах в 4-х, на участке, отведенном на правах переселенца, где имеется: 2 дома, сарай, 2 амбара, омшаник общей стоимостью все постройки до 500 руб. (ввиду ветхости), мельница водяная –1 500 руб., жнея — 180 руб., плуг — 2 шт. — 80 руб., веялок — 2–100 руб., борон — 3 шт. –10 руб., телег — 2 шт. — 80 руб., пчел — 300 ульев — 1 200 руб., лошадь рабочая — 6 шт. — 600 руб., коров — 10 шт. — 1000 руб» [46].

В процитированном документе зафиксировано состояние заимочного хозяйства Т. А. Калугина уже на 1910 г. Прошло 15 лет со времени приобретения земли. Судя по показаниям урожайности, доходности различных отраслей хозяйства, мы не увидели здесь особых достижений: все достаточно среднее. Урожайность основных хлебных растений — пшеницы, ярицы — 50 пудов с десятины. Кстати, средний статистический показатель урожайности для Ивановской волости в эти годы для пшеницы составлял 67 пудов с десятины, [47] да и урожайность у его соседа заимочника Логвиненко Александра была гораздо выше — 60–80 пудов, но следует отметить, что это урожай с новины, т. к. хозяйству Логвиненко всего 1 год. Как видно из самого документа и свидетельств исследователей, в 1902 и в 1903 гг. были сильные наводнения, которыми были затоплены луга и снесены жилые постройки [48]. Опять же неудобной земли у Калугина — 10 десятин, а у Логвиненко только 1 десятина [49]. Возможно также, что в эти годы в хозяйстве Калугина происходила переориентация на пчеловодство, поскольку основной доход он получал с этой отрасли хозяйства. Доходность с огородной продукции у Т. Калугина также вполне соответствовала среднестатистической по этому разряду земель — 100 руб [50]. Техническая вооруженность хозяйства была почти одинакова у обоих заимочников: обычный для зажиточных хозяев набор сельскохозяйственных орудий, состоящий из плугов, борон, жнеек, веялок. Судя по наличию скота на заимке, можно предположить, что Т. А. Калугин, помимо землепашества, пчеловодства, занимается еще и животноводством: на заимке у него находилось 6 рабочих лошадей и 10 коров. Для сравнения, в ближайшем старообрядческом селе Петропавловка на 39 дворов приходилось 208 лошадей и 195 голов крупного рогатого скота, то есть, в среднем на двор приходилось по 5. Для Виноградовки этот показатель был еще ниже — на 11 дворов приходилось 28 лошадей, 28 коров, в среднем соответственно по 2 на двор [51]. Стоимость обработки земли у Т. А. Калугина выше, чем у Логвиненко на целых 5 рублей. Чем это было вызвано, сегодня нам приходится только догадываться: неудобством земель, нерациональным подходом или все же сказывался земледельческий талант украинцев? Возможно, также, что само прекрасное хозяйство Калугина, о котором рассказывали наши информаторы, находилось на усадьбе в с. Виноградовка.

Среди большого рода Калугиных было немало семей — собственников земельных участков. Так, еще на карте Южно-Уссурийского края 1905 г. была обозначена «заимка Калугиных». Расположена она была верстах 8–10 от старообрядческого с. Красный Яр Суйфунской вол. Хозяином ее был сын старейшего представителя калугинского рода Логина — Михей Логинович с женой Лукерьей Кирилловной. Заимку Михей Логинович приобрел в 1890 г. (16 десятин). Сначала она использовалась только под посев хлеба, через год он пожелал приобрести еще 75 десятин для занятия садоводством. В 1895 г. владельцами заимки стали его сыновья: Иван, хозяин заимки, его братья — Григорий, Кирилл с семьями и матерью их Лукерьей Кирилловной. Всего 18 мужчин и 10 женщин [52]. В одной из работ Н. А. Крюкова мы встречаем упоминание еще об одном Калугине, который купил в собственность 300 десятин на полуострове, вдающемся в о. Ханка. Н. А. Крюков, к сожалению, очень скупо рассказывает о владении Калугина, подробнее останавливаясь лишь на хозяйственной ориентации: «Здесь прекрасные пастбища, обилие воды, легко охранять животных от сибирской язвы. Крестьянин Калугин имеет возможиость пасти своих лошадей и брать от других, и крестьяне с. Астраханки отдают лошадей на лето по 1 руб. 50 коп. с головы» [53]. Один из архивных документов комментирует, что «Калугину этот участок подарен Его Императорским Высочеством наследником Цесаревичем. В настоящее время залит оз. Ханка» [54]. К сожалению, больше никакими документами этот интересный факт не подтвердился. Кому из Калугиных принадлежал участок? Возможно, речь идет еще об одном сыне Логина Ка-

лугина — Григории? Еще один Калугин — Федот, упоминается в списках частновладельческих хозяйств Южно-Уссурийского края. Он владелец 100 десятин земли в Раздольненской волости и прекрасной пасечной заимки. Большие семьи братьев Елисея и Федота Кирилловичей были в числе первопоселенцев Ханкайского участка Южно-Уссурийского края [55].

На юге Дальнего Востока помимо захватного способа был распространен арендный способ приобретения участка. «Между крестьянами старообрядцами практикуется еще и такой способ: некоторые семьи, владея большой площадью земельных угодий, использовав таковые, временно передают ее в арендное содержание новоселам-переселенцам, а сами пускаются в поиски за новыми землями; когда таковые найдены — крестьяне эти быстро снимаются с прежних мест и перекочевывают на новые участки...» [56]. В отличие от европейской части России в начальном периоде заселения дальневосточные старожилы имели возможность сдавать свои земли в аренду. В Южно-Уссурийском крае по побережьям рек Иман, Улахе, Даубихе, на побережье Японского моря на многих участках жили оседлые китайцы, корейцы, занимающиеся земледельческим трудом. С началом крестьянской колонизации желтое население вынуждено было уступить уже обработанные участки новоселам и позднее арендовать их. Таким образом, новый хозяин получал прекрасно разработанный участок, при этом еще и возможность сдавать его тем же китайцам и корейцам в аренду, не прилагая к этому особых усилий. Он снабжал арендатора семенами, животными (быки, лошади), орудиями труда. Работу по выращиванию урожая выполнял арендатор. Чистый урожай, за вычетом семян делился пополам. В северных районах корейцам иногда отдавали землю в аренду на два года за раскорчевку участка. По воспоминаниям И. Е. Фефелова, жителя с. Степное, почти на каждой старообрядческой усадьбе находилась фанза арендатора. Соломония Леонтьевна Гуменная (жительница с. Виноградовки, Халаза) вспоминала: «Когда отца убили на охоте, мама больше замуж не вышла, одной ей с нам ребятишками тяжело было, не управлялась. Земельный участок в Виноградовке сдавала китайцам в аренду, за это с ними половиной урожая рассчитывалась. Они нас жалели, поэтому семена свои давали» [57].

Разрастание хозяйства требовало новых рабочих рук. Иногда семья обходилась своими силами: «старообрядцы живут большими семьями, и эта неразделенность семей сильно привязывает их к земле, для обработки которой и для уборки старообрядцы в самой семье находят достаточную силу» [58]. При наличии живых денег все чаще появляется возможность применения наемного труда. Это могли быть как постоянные работники, так и сезонные. В годы коллективизации и массового раскулачивания применение наемной рабочей силы будет служить главным признаком кулацкого хозяйства: хозяйство Фунтикова М. А. «до и после революции было кулацким... постоянный работник 1, сезонных — 15»; Зернин И. А. «...сезонных работников до 15 человек.»; Попов И. Т. «...наемный труд до 30 человек» и т. д. [59]. В качестве постоянного рынка наемного труда, особенно на сельскохозяйственные работы, выступали живущие на территории края китайцы и корейцы.

Весь процесс развития старообрядческих хозяйств, начиная с 60-х гг. XIX в. и вплоть до начала советских преобразований, коллективизации характеризуется стремлением крестьян к ведению многоотраслевых мелкотоварных хозяйств. Это отчасти гарантировало их выживаемость: делать ставку только на сельское хозяйство в условиях первоначального освоения края было особенно опасно. Крестьяне прекрасно осознавали, насколько они были зависимы от природных и климатических условий и собственного незнания местных условий. Занятия охотой, пчеловодством, животноводством позволяли пережить не только случавшиеся наводнения, неурожаи, но получать гарантированные стабильные доходы и расширять хозяйство. Кроме того, комплексность хозяйств выступала в качестве важнейшего фактора получения стабильной прибыли и поддержания крестьянских хозяйств на уровне мелкотоварных.

Мы уже рассказывали о крупнейшем комплексном хозяйстве на побережье Японского моря, основанном в 1897 г. Афанасием Поносовым. В журнале «Вестник рыбопромышленности» за 1900 г. есть редкое и очень ценное для исследователей описание усадьбы А. Поносова на х. Новосионском: «В полуверсте от самого хутора устроена мельница, на 2 постава, от мельницы до хутора ведет хорошо устроенная дорога, по бокам которой распаханные и засеянные нивы, отгороженные изгородью. На опушке хутора двухэтажный деревянный дом, архангельского типа, в котором помещается кузница, бондарная, слесарная. Шагах в 300 от этого дома построен на каменном фундаменте прекраснейший двухэтажный городской дом, 12 сажен длины и 9 ширины; вблизи этого дома построен хлев, на каменных столбах, какие некогда строились в помещичьих усадьбах, хлев 18 сажен длины, покрыт тесом; для лошадей и рогатого скота сделаны общие стойла, с приспособлением для дачи корма. В версте от каменного дома и в 50 шагах от берега бухты построен амбар, в 2 этажа, где складывается всякого рода провизия» [60]. Сохраняя многоотраслевой характер хозяйства, «А. Поносов придает важное значение морским богатствам побережья и намерен серьезно заняться их эксплуатацией» [61]. Для рыбного промысла были приобретены 4 шаланды общей грузоподъемностью 6000 пудов, невод в 100 саженей, 3 сети в 30 аршин. От ближайшей реки до хутора был прорыт канал длиной в 700 сажен, стенки, дно были выстланы деревянными плахами, на реке насыпана плотина со шлюзом. Пользуясь шлюзом и каналом, Поносов пропускал рыбу прямо к хутору [62]. Об успехах хуторян в этом направлении хозяйства сообщал все тот же журнал «Вестник рыбопромышленности»: «В настоящее время, уже во всем Сучанском и За-сучанском крае, а равно по Ольгинскому тракту вы всюду встретите селедку местного посола, а у... Поносова и некоторых других вы получите и селедку копченую, а копченая местная селедка отличается таким вкусом, что, появляясь во Владивостокских гастрономических магазинах, она раскупается нарасхват» [63]. Судя по описанию движимого и недвижимого имущества, фермерское хозяйство Т. Т. Кириллова, расположенное все в той же Сучанской волости, было хозяйством комплексным и сочетало разные направления. Тем не менее, главным направлением его хозяйства было животноводство (не случайно крупного рогатого скота на подворье было 23, дойных коров — 15, 1 племенной бык, молодняк — 27, лошадей рабочих — 6, кобылиц-маток — 13, лошадей подростков — 11, производитель — жеребец Черномор завода Янковских. Уход за скотом помогала осуществлять техника: саморезки, зернодробилки, сепаратор, телеги. Кормовая база: сенокосных угодий было расчищено 20 десятин. Содержание скота в летний и зимний период обеспечивалось специальными помещениями. Поскотина составляла 750 сажен, скотный двор, свинарник, конюшня. Помимо животноводства хозяин занимался оленеводством (оленей пятнистых — 10, оленник на 4 десятины, двор для оленей), пчеловодством (пасека на 50 ульев, омшанник). На территории хозяйства Т. Т. Кириллова находился и питомник ягодных и плодовых деревьев — 500 кустов. Помимо всего этого богатства хозяин имел кирпичный завод для собственных нужд, кузницу, мельницу водяную, дом деревянный на каменном фундаменте, крытый оцинкованным железом, такой же амбар, такую же баню с кирпичной печью. Естественно, что и отзывы властей о таком хозяйстве были самыми, что ни на есть благоприятными: «Кириллов — весьма желательный в крае фермер, давно освоившийся со всеми местными условиями и умеющий их учитывать» [64].

В архивных следственных материалах содержатся интересные данные о доходности крестьянских хозяйств. Так, у И. Ф. Казакова, «жил на хуторе Малый Лазуч (?) доходность хозяйства до 1929 г. составляла 4 330 руб. В эту сумму входил доход от землепользования — 100 руб, от аренды дома — 200 руб., от пром. предприятий (имелась в виду, наверное, мельница) — 3 000 руб., от подсобного производства — 50 руб., от скотоводства — 30 рублей., от пчеловодства — 500 рублей; Е. А. Малютин, житель с. Батюково, доходность хозяйства до 1929 г. составляла: от землепользования 700 руб., от скотоводства — 600 руб., от торговли 500 руб., от эксплуатации молотилки и сепаратора 2 100 рублей. Итого — 3 360 рублей» [65].

«Еще Дед Моисей говорил: „деньги не друг, но помогают работников нанять, посеять вовремя“», — мудро заметил один из наших информаторов [66].

Закон от 22 июня 1900 г. об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях начал отсчет новому периоду в колонизации Дальнего Востока. С этого времени вновь прибывающим переселенцам давали лишь 15-десятинный земельный надел. В отличие от старожильческого населения теперь переселенцев будут называть «новоселами». Свободных удобных земель катастрофически не хватало. В некоторых волостях Амурской области еще в 1890 г. вообще был прекращен отвод новых общественных наделов [67]. Время, когда крестьяне могли распоряжаться арендуемой ими землей как собственностью, прошло безвозвратно. Так, в начале XX в. Г.П. Попкову, решившему поселиться в селе Красный Яр на место выбывших из села Матвеевых, было отказано. И это несмотря на то, что земля ему была уже продана, а на руках был приемный приговор общества с. Красный Яр. «На оставленные наделы существует немаленькая очередь, — пояснили ему. На 10 наделов- 68 семей!» [68].

На северном побережье к 10-м гг. XX в. крестьянские хозяйства еще не испытывали недостатка в земле. Южные же и центральные районы Приморья, где население увеличивалось довольно быстро за счет притока переселенцев, начиная с 90-х гг. XIX в. и особенно остро в 10-е гг. XX в. ощущали недостаток в удобных землях. Старожилы не собирались добровольно отдавать свои участки новоселам. Разрешить назревавшую ситуацию могло только внутринадельное размежевание.

Для старообрядцев этот процесс осложнялся еще и конфессиональными проблемами. Так, в 1914 г. в с. Кокшаровку пожелали переселиться старообрядцы австрийского согласия. Крестьянское общество, состоящее в основном из старообрядцев, не приемлющих священство, решили отказаться от большого участка земли только бы не принимать в свое общество иноверцев. После долгого обсуждения приговор общины был таков: «По обсуждению всех нас бывших на сем сходе и с общего всех согласия постановили: не желая принимать в свою среду приемлющих австрийское священство и не желая с таковыми соединяться, уступаем в распоряжение правительства прирез к участку... за рекой Улахе... по левой стороне... в размере 600 десятин...» [69]. Нужно сказать, что левая сторона Улахе- долинная и наиболее часто затопляемая. Согласились ли на такие условия старообрядцы, приемлющие священство, не известно.

Кризис 80–90-х гг. XIX в., сильнейшее отставание российского сельскохозяйственного производства от мирового уровня свидетельствовали о необходимости глубоких аграрных преобразований. Аграрная реформа России стала главной заботой П. А. Столыпина, в 1906 г. приступившего к обязанностям председателя Совета министров. Законодательным обеспечением социально-экономических изменений стали Указ 1906 г., а также закон о землеустройстве, принятый в 1911 г. В них были изложены основные составляющие земельной реформы: разрушение архаичной системы общинного землевладения, стоявшей преградой на пути к рыночной экономике, создание нового слоя — крестьян, владеющих землей на правах частной собственности, дальнейшее увеличение переселенческого движения, распространяющегося на восточные территории России, в результате которого были бы решены проблемы аграрного перенаселения в европейской части России.

По горячему убеждению П. А. Столыпина, успех аграрной реформы мог стать возможным только при появлении в России сильного крестьянина — собственника, инициативного, грамотного, словом, настоящего гражданина страны, поэтому немаловажное значение в программе отводилось подъему народного образования и просвещения. Вполне осознавая опасность социальных потрясений (осуществление реформы началось в годы первой русской революции 1905–1907 гг.), П. А. Столыпин был уверен, что предотвратить народные волнения, бедность крестьян, все это «неустройство» российской жизни можно только тогда, когда крестьянин обретет давно утраченное им чувство собственника, а вместе с этим и чувство личной ответственности за свою землю. «Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты... и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землею... уничтожение в нем (в крестьянине — авт.) врожденного чувства собственности ведет ко всему дурному, и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств... Смешно говорить этим людям о... свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным...» [70].

Сравните эти размышления П. А. Столыпина с мыслями идеологов старообрядческого движения: «Надо с самых юных лет воспитывать в ином настроении молодое поколение... Нам нужны новые люди, люди — творцы русской экономической жизни, а не люди роботы, люди-машины...» [71]. Наиболее острые споры российской общественности вызвала позиция П. А. Столыпина в отношении разрушения крестьянской общины. По мнению П. А. Столыпина, она тормозила развитие крестьянских хозяйств.

Успешное развитие старообрядческих хозяйств скорее опровергало такое мнение. Возможно секрет процветания этих хозяйств был в особом сочетании общинного и личностного начала. Хозяйственная активность личности или семьи не ущемлялась старообрядческой общиной, но поддерживалась и поощрялась. В истории старообрядчества много примеров достойного служения на благо общества не только в области духовной, но и в экономической, начиная от Выговского общежительства и заканчивая периодом российского капитализма. Классическим примером многолетнего (эта экономическая система просуществовала полтора века!) процветания многоотраслевого старообрядческого хозяйства является Выговское общежительство. Оно прекрасно сочетало общинное хозяйство с частными предприятиями, работавшими для процветания и развития Выга. «Если пересохнет единственный источник истинной культуры — развитая человеческая личность, то и самая экономическая жизнь — часть культуры — утратит свою подвижность, свои естественные формы» [72].

Общинные традиции не помешали быстрому становлению крестьянских старообрядческих хозяйств на северном побережье края. Безусловно, они процветали и на остальной территории края, но в условиях компактного расселения можно говорить о большей доказательности таких примеров. Жизнеспособность принципов, на которых строились взаимоотношения общины и крестьянской семьи у старообрядцев, убедительно доказано и примерами благополучного существования старообрядческих общин за рубежом: в Канаде, Америке, Австралии.

Решение проблемы аграрного перенаселения в европейской части России предполагало два взаимодополняющих пути: переселение части крестьян в менее заселенные губернии и переход к интенсификации крестьянских хозяйств.

Исследователи отмечают, что переход на подворное землевладение в Приморской области происходил активнее, нежели в Амурской, поскольку большую часть переселенцев, прибывших с 1882 по 1893 гг. в Уссурийский край, представляли выходцы с Украины, хорошо знакомые с хуторским хозяйством [73]. За очень короткий срок на побережье появилось множество больших и маленьких сел, хуторов, заимок.

Процесс перехода к хуторскому землевладению и для старообрядческого населения не был, как мы знаем, кардинально новым явлением. Процесс выделения зажиточных крестьян — старообрядцев на отдельные заимки, хутора стал особенно заметным явлением на северном побережье и в долине р. Бикин, тем более, что этому способствовало наличие свободных

земель в этих районах: х. Новожиловых, Старковых, Бакулевых, Бортниковых, Юрковых, Барановых, Плотниковых, Малаховых, Токаревых и т. д. Хозяйства эти носили устойчивый комплексный характер.

Проблема заселения северного побережья к 10-м гг. XX в. стояла еще остро. Столыпинская реформа способствовала скорейшему ее разрешению. Так, благодаря поддержке правительства с 1911 по 1917 гг. многим старообрядческим семьям удалось переселиться из европейской России, Сибири на северное побережье. Рассказывает И. К. Пугин (предки его переселились из Енисейской губернии): «Для тех, кто желал переселиться по столыпинской реформе, давали льготы, освобождали от налогов. У нас сформировали эшелон. Один вагон жилой, другой для скота, крупных вещей. Сопровождали такие вагоны чиновники. На станциях уже ждали с фуражом для скотины. С нашего села Тало только несколько семей сюда поехало. Ехали месяц. Как приехали во Владивосток, тут уж ждало военное судно для отправки переселенцев на место. А приехали как раз ранней весной, своего еще ничего нет... Продуктов много дали» [74].

Новая землеустроительная политика правительства, без сомнения, должна была учитывать социально-экономические условия сельскохозяйственных регионов, но в первые годы проведения реформы был характерен волюнтаристский подход в погоне за всеобщей хуторизацией. Политические цели реформы, погоня за темпами не оставляла времени для обдумывания более гибких подходов в решении такой сложной проблемы как существование или разрушение крестьянской общины. В результате землеустройство производилось по общему для всех образцу, зачастую нарушая интересы общинного крестьянства. Многочисленные факты принудительного проведения землеустроительных работ отмечены были в Нечерноземье, на юге страны [75]. Тактика правительства по этой проблеме на Дальнем Востоке, к счастью, была не такой жесткой. Размежевание на отруба, хутора проводилось здесь за счет средств самого населения, с согласия и по ходатайству не менее 2/3 членов сельского общества [76]. В нашем распоряжении оказался один из общественных приговоров крестьян д. Кокшаровки Чугуевской волости Приморской обл. Документ датирован 21 марта 1914 г. Это было время наиболее активного проведения столыпинской реформы в Приморье. В приговоре сообщалось, что на общем сходе 47 домохозяев из общего числа 68 обсуждался вопрос «преимущества отрубного владения перед существующим в... обществе чересполосномъ землепользовании» [77]. По решению схода, вся надельная земля должна быть разделена на отруба, причем раздел должен был производится по числу долей, числившихся за каждым домохозяином в момент его причисления на участок. В общем пользовании должен был остаться выгон (из расчета 3 десятины на долю), усадебное место, в том числе церковно-школьный участок в 100 десятин, лесной участок. К разверстке пашен крестьяне подходили основательно, разделив земли по качеству, дав подробные разъяснения о том, что относится к сенокосным землям, лесным угодьям, неудобным землям. «Нарезать отруба таким образом, чтоб в них входили все имеющиеся угодья». Выбор участка определялся жеребьевкой. Особо оговаривалось одно условие: «заимок никаких и никаких отдельных пластов никому не нарезать». Особо оговаривались и услуги землемера, которого просили командировать для производства внутринадельного размежевания. «Наше общество предоставит по первому требованию... помещение с отоплением, подводу и в достаточном количестве необходимые материалы для межевых знаков...» Вот для оплаты землемерных работ крестьяне покорнейше просили выдать им ссуду в размере 3 000 руб [78].

Сложно говорить сегодня о действенности столыпинских реформ. Их не удалось завершить: реформы были прерваны Первой мировой войной, а затем начавшейся революцией. И все же экономические успехи России в эти годы нельзя сбросить со счетов. Важным показателем был рост сельскохозяйственного производства по России: посевная площадь увеличилась с 1905 по 1913 г. на 10%, урожайность хлебов повысилась с 39 пудов в 1900 г. до 43 пудов в 1910 г., валовой сбор зерна возрос на 24% [79]. К 1 января 1916 г. выделилось из общин и укрепили землю в частную собственность 2,5 млн дворхозяев, что составило 27% всех общинных дворов. Заметно увеличился экспорт пшеницы, дававший так необходимую стране валюту. В 1909–1913 гг. Россия вывозила уже 724,4 тыс. пудов хлеба, более пятой части общего сбора зерновых культур [80].

В целом же в Приморской области, как показывает статистика, выход крестьян на хутора и отруба был незначительным: к 1917 г. на отруба вышли всего 818 семей! [81].

Поскольку земельный вопрос на Дальнем Востоке не стоял так остро, как в европейской ее части, столыпинская реформа в большей степени способствовала заселению окраинных территорий России. Оживление массового переселения на дальневосточные земли происходило с 1906 по 1916 гг. Максимальное число переселенцев прибыло в 1907–1910 гг., в первые годы реформы. За это время на Дальний Восток прибыло 262 192 чел. В Амурской области осело 61,5% от общего числа переселенцев, в Приморской области — 68,9% [82].

Землепользование. Такова уж главная и довольно строгая закономерность переселенческих движений, что «лучшие и легчайшие земли осваиваются в первую очередь и дают начало дальнейшему систематическому заселению» [83]. Плодородная Приханкайская долина Южно-Уссурийского края стала заселяться в первую очередь, в 80–90 гг. XIX в. продолжилась тенденция «сползания» населения из Амурской области на юг Приморской в плодородную Ханкайскую долину, к которой примыкал район бассейна р. Суйфун: Ханкайская, Суйфунская, Спасская, Черниговская, Осиновская, Григорьевская, Михайловская, Покровская, Раздольненская волости. Именно здесь было сосредоточено 2/3 посевной площади края [84]. Почвы, удобные для земледелия, тянутся по долинам р. Уссури, Даубихе, Улахе: Зеньковская, Ивановская волости. По мере удаления от этих рек к северо-востоку и северу расположены таежные районы, и земледелие там утрачивает свою значимость: Цимухинская, Сучанская, Ключевская, Тунгусская волости. На самом юге края находились земли, заселенные корейцами — русскими подданными: Адиминская, Янчихинская волости.

По справедливому мнению ученых, степень заселенности местности впрямую влияла на развитие землепользования, выбор той или иной системы полеводства. Говорили даже о «законосообразной последовательности» в распределении систем земледелия в зависимости от густоты населения [85]. Земельных пустошей в густонаселенных регионах становилось все меньше, и чтобы прокормиться, необходимо было изменение уже привычных правил обработки земли на новые, более интенсивные.

Опыт земледельческого освоения Сибири также подтверждает это мнение. Захватная форма освоения Сибири продолжалась довольно долго, вплоть до конца XIX в. По мере освоения территорий, увеличения плотности населения, уменьшалось количество свободных территорий, и крестьяне переходили к залежно-паровой системе, позднее к паровому способу землепользования. В ходе освоения сибирских территорий сложились две зоны- северная, таежная и южная, степная, где сибирская залежно-паровая система развивалась с особым для каждой зоны сочетанием залежи и пара. К моменту перехода к эпохе капитализма на территории Западной Сибири преобладало трехполье, в Восточной Сибири — двухполье, сочетающееся с перелогом [86].

Некоторые исследователи отмечали, что на Дальнем Востоке, самом молодом по времени заселения регионе, длительное время самой распространенной системой землепользования была залежная, залежно-переложная система. А ведь в регионах, откуда переселялись крестьяне, давно использовалось трехполье [87]. Но было бы странно думать, что при таких земельных наделах и возможности получить прибыль без больших трудовых затрат только путем аренды, что русские крестьянин

яне станут использовать столь затратную систему полеводства без особой на то надобности. На начальном этапе заселения, безусловно, преобладало хищническое использование природных ресурсов [88].

Здесь, на юге Дальнего Востока, уже в начальный период освоения территории столкнулись две земледельческие системы: экстенсивная и интенсивная, две системы полеводства — русская и китайско-корейская. Русская система являла собой на конец XIX–XX вв. при земельном просторе почти начальную примитивную форму землепользования, корейско-китайская система являлась высшим типом земледельческого производства. Для китайца или корейца не существует неудобной земли, для них земля удобна там, куда он смог пробраться со своей мотыгой [89]. Устойчивость урожаев, плодородие достигалось китайскими и корейскими крестьянами грядковой вспашкой, многократной прополкой, использованием удобрений, тщательной обработкой и плодосменой. А главное, невероятными трудовыми затратами. Вспоминает одна из старейших жительниц с. Максимовки Домна Семеновна Килина (1909 г. р.): «Китайцы землю пахали на быках, бороздками пахали, так же бороздками, не как мы, хлеб садили. Идут за быками, кричат, погоняют: „Ира, ира!“. Если нет быков, то пашут на себе. У них плуг вроде как из лопаты сделан. Хлеб убирали коротенькими такими литовками, как серп наш. Весь день они в поле, и в дом-то, кажется не заходят... Но у них все мужики работают в поле, бабы дома... Как-то китайцы пришли к нам, увидели, что мы картошку целой в землю садим, удивились и сильно нас ругали: глазочками надо садить» [90]. Многолетнее соседство с китайским, корейским населением заставляло крестьян-старообрядцев приглядываться к их правилам землепользования, к ассортименту культур, максимально приспособленных к этому климату и традиционно используемых этим населением: чумиза, просо, пайза, бобы, соя. Вскоре они ввели их в свой севооборот.

«За Даубихой, по воспоминаниям С. Л. Гуменной, — было много корейских деревень, они сеяли чумизу, пайзу. Мы семена у них брали» [91].

Даже в 1911 г. плотность населения Приморской обл. была невелика — около 1 чел. на кв. версту. Наибольшей плотности население достигало в узкой полосе по линии железной дороги, Ханкайской равнине, берегам Амурского и Уссурийского заливов [92]. Но, по всей видимости, она позволяла использовать наименее затратную залежную систему, при которой участок земли засеивался до тех пор, пока давал результат. Затем его бросали в залежь и использовали другой, благо земли было достаточно. Залежные земли чаще всего использовали для пастбища или как сенокосные угодья. Лет через десять пашня превращалась в целину.

Со временем свободных участков становилось все меньше. Новоселам доставались преимущественно лесистые участки. Разделение, размежевание земель в связи с увеличением населения было хорошим стимулом для развития земледелия. Приходилось использовать одни и те же участки, и время их отдыха все укорачивалось, до 3–4 лет. Это была уже другая, залежно-паровая система, переходная ступень к новой, более интенсивной и прогрессивной системе землепользования- паровой. Но эти довольно краткие периоды отдыха были явно не достаточны для пашни. В этом случае единственно возможным стало использование паровой системы. «Кое-где вводится достаточно осужденное в Европейской России трехполье... Со стороны местных хозяев отсутствует всякая забота о поддержании почвенного плодородия, удобрений не применялось, земли используются до полного истощения», — констатирует В. П. Михайлов, член совета ГУЗ и З в 1909 г. [93].

Успешность использования этой системы зависела от применения удобрений и напрямую было связано с животноводством. Алтайские старообрядцы, жители с. Тополевый вспоминают: «Пшеницу сначала убирали, а землю вспахивали и оставляли до весны. Весной на ней трава вырастала, мы на нее коней выпускали. Лошади землю унаваживали, утаптывали. Летом землю перепахивали вместе с травой. Она себе преет. Осенью снова перепахивали, сеяли рожь. Она зимует, а уж на следущую весну только сеяли пшеницу» [94].

«Мы же новоселы были, земли нарежут один участок, больше-то все равно нет, не дадут. Что делать? Садим пшеницу, потом овес, снова пшеницу. Меняли так культуры, чтоб земля не истощилась. Удобрений особо не было. Скотский навоз нужен был на картошку, овощи. Навоз в кучу сваливали, у кого были животные, весной он горит, пар идет. Разбрасывали его, да и запахивали», — рассказывает Деминов В. И. о первых годах жизни на северном побережье [95]. На северном побережье дольше, чем где либо в крае, не ощущалось недостатка в земле, поэтому чаще жители северного побережья, в том числе и переселившиеся туда довольно поздно, в начале 30-х гг. говорили, что необходимости удобрять поля не было, земли было достаточно Так, К. К. Пугина (родители жили на северном побережье, с. В. Лужки) вспоминает: «Поля удобряли навозом конским, коровьим. Но была возможность распахивать новые участки, поэтому не было особой надобности удобрять»; «Землю мы не навозили. Она и так жирная была. Оставляют ее под парами на два-три года, потом осенью пашут, зимой все это преет, весной опять пашут и сеют» [96].

Итак, вплоть до 30-х гг. XX в. в Приморье не существовало единой системы землепользования и севооборота. Как обычно это бывает, переселенцы начинали пользоваться привезенными с собой семенами (семена яровой, озимой пшеницы, ржи, овса, ячменя) и использовать свой полеводческий опыт. Местные же почвенно-климатические условия иногда очень круто меняли привычный севооборот. Так, на Алтае и в Сибири после пара поле засевали менее требовательными культурами- ячмень, овес. Гречиху сеяли в небольших количествах, т. к. она плохо вызревала. Из технических культур в небольших количествах лен и коноплю. У амурских крестьян с течением времени выработался такой севооборот: в первый год — подъем целины, на следующий год — посев яровой пшеницы, на следующий год после вспашки и боронования сеяли яровую пшеницу или рожь, на третий год — овес, в четвертый год земля отдыхала, а на пятый год сеяли озимую рожь. Потом земля оставлялась в залежь, в некоторых селах севооборот повторялся без залежи. Наконец, после этого земля отправлялась в залежь [97].

Для Южно-Уссурийского края со временем был выбран свой оптимальный вариант севооборота, который обязательно начинался и заканчивался гречихой. На второй год — яровая рожь, на третий — пшеница, на четвертый — яровая рожь, на 5 — овес, на 6 — ячмень или овес, на 7 — снова гречиха [98]. Потом при переложной системе земля поступала в залежь, при однопольной — 2–3 года пшеницу, затем 2–3 года овес — и снова гречиху. Гречиху называли явлением удивительным и необычным для Уссурийского края. Полагали также, что гречиха прижилась в крае с легкой руки переселенцев из Черниговщины, первых во всей России гречишников. Приморский климат подошел этой культуре идеально [99]. Наш полевой материал подтвердил эти выводы: независимо от места выхода старообрядцев (Украина, Поволжье, Сибирь, Алтай, Амурская область) и места жительства в крае (Приханкайская низменность, центральные таежные районы, северное побережье) крестьяне-старообрядцы чаще всего севооборот начинали именно с гречихи. Тем не менее, полевой материал также свидетельствует и о том, что еще долгое время после водворения крестьяне использовали в качестве первой культуры, высеваемой после пара, уже опробованные на родине растения.

Алтайские переселенцы, в качестве первой культуры, высеваемой по целине, называли просо [100]. Старообрядцы-переселенцы из Житомирской губернии (с. Стольное, Ивановичи) первой культурой по целине высевали тыкву. «Раскорчуем, вспашем и садим тыкву, а уж на другой год просо. Земля свежая, не выработана, для проса хороша, а если пшеницу сразу по-

сеять, то она уродится хорошей, но поляжет — не уберешь. Потом немного выработается земля — такая пшеница родится!» [101]. Жительница с. Ивановичи, также переселенка из Житомирской губернии: «А у нас по первости сажали кукурузу, просо или тыквы, картошку можно, а уж потом сеяли рожь или ярицу» [102]. О картофеле как первой культуре при засеивании новых полей говорят и переселенцы из Пермской и Енисейской губерний. Вспоминают жители северного побережья (долина р. Кхуцин): «Новину вспахал. Можно картошку первой садить. Ей надо жирную землю, на второй год пшеницу можно сеять, на третий снова картошку» [103]; «На раскорчеванных участках первой садили картошку, так было принято. На следующий год — пшеницу, потом овес кукурузу, ячмень. Это чтобы земля не истощалась. Но нужно знать, что можно и нельзя чередовать. Если после кукурузы снова посадить картошку, то она расти не будет. Кукуруза сильно землю истощает, а картошка любит целину. После овса тоже нельзя картошку садить: она червивая будет», «Если по „черной земле“ (новина) посеять овес — ничего не возьмешь! Вот гречку по чернозему можно сеять, она выносливая». (Информация М.К. Попкова, переселенцы из Енисейской. Губернии, жителя с. Улунги Кхуцинской) [104]. В.И. Деминов, переселенец из Енисейской губернии, рассказал: «У нас отец, как приехали на побережье, первой культурой на целину посадил ячмень. Реденько. А получилось так, что из одного корешка — шестнадцать отростков. Так они от тяжести попадали... Трудно убирать было, но наколотили ячменя на целый год» [105].

Для приморских земель характерна была большая замусоренность и, если причиной снижения сборов зерна являлось сильное зарастание сорными травами, то поле также засевалось гречихой, которая, по широко распространенному мнению, очищала поле от сорняков. Информация жителя с. Варпаховки Чугуевской волости, переселенца из Вятской губернии Мартюшева П.Г.: «С весны сеяли гречиху, среди лета запахивали. В жару все начинает преть. Осенью еще раз перепахивают и весной следующего года сеют пшеницу. Некоторые ничего не сеяли, а просто перепахивали поле» [106]. Крестьяне замечали, что выпас скота ускорял исчезновение сорняков, способствовал уплотнению почвы и ее восстановлению. Залежи в таких случаях использовали как пастбища. «Под пары землю оставляли на год). На лето выгоняли скот, осенью перепахивали. Это называли „черным паром“. Весной опять перпахивают и тогда уж сеют». (И.К. Пугин, житель с. Кхуцин) [107].

Уже во второй половине XIX в. в Сибири существенно поменялась структура посевной площади: озимая рожь уступала место яровой пшенице. Это отчасти объяснялось тем, что урожай можно было получить в гораздо более краткие сроки, пшеница отвечала и большей рыночной потребности [108]. В Приморье основную часть посевной площади составляли зерновые культуры. Так, по статистике за 1906 год в старообрядческих селах Красный Яр, Ильинка, х. Сионский, Батюково, Виноградовка, Петропавловка, Каменка, Кокшаровка, Варпаховка в качестве основных высеваемых зерновых культур называлась пшеница, рожь, ярица, ячмень. Количество площадей, разработанных под посевы пшеницы, в этих селениях колеблются в средних пределах от 20 до 70 десятин. Наибольшая площадь посевов — в Ильинке и, как ни странно, в таежной Петропавловке: соответственно 463 десятины и 1500 десятин. Ильинцы при посеве 3 704 пудов вырастили урожай в 32 410 пудов зерна, петропавловцы при посеве в 1 500 пудов сняли урожай 12 000 пудов зерна. Площади, засеваемые рожью, в этих селениях колеблются также в среднем от 20 до 70 десятин, наибольшая площадь — в Приханкайской низменности, с. Ильинке (75 десятин). Площади посевов ячменя и вовсе невелики: в среднем 1–10 десятин, наибольшая площадь, засеваемая ячменем — в Ильинке (61 десятина) [109]. К 1917 г. в Приморье засевалось яровой пшеницей — 25,4% общей площади пашни, 32,4% овсом, гречихой 11,4%, чумизой, пайзой — 4,2%, льном — 5,3%, 3% — соей [110].

В числе обязательных зерновых культур, которые называли наши информаторы, были все те же пшеница яровая и озимая, рожь, овес, ячмень. Старообрядцы, жившие на северном побережье, сеяли в основном яровые зерновые культуры. Несмотря на то, что культура ржи наиболее приспособлена к холодным климатическим условиям, озимую рожь на северном побережье не выращивали в силу местных особенностей климата: семена озимой ржи в условиях малоснежных зим с сильными ветрами вымерзали. «Поначалу как мы приехали, озимую рожь сеяли еще, но она не родилась: ветер здесь, все вымерзало...» (Информация В.И. Деминова, переселенец из Енисейской губернии). Яровую рожь на северном побережье выращивали в небольших количествах. Она шла на изготовление толокна, солода. Но все же, по словам переселенцев с Алтая, солод из нее получался не такой сладкий, как на родине [111].

Одной из первых по значимости в крестьянском хозяйстве зерновых культур считался овес. Он был распространен повсеместно. Зерно овса — необходимый и незаменимый для лошадей корм, поэтому засевали им достаточно большие площади, особенно в тех хозяйствах, где содержали много лошадей. В 1906 г. наибольшие площади под посевы овса отведены были в Красном Яре и Ильинке, селах, где население традиционно занималось землепашеством и скотоводством. (224 и 332 десятины) [112].

Ячмень в качестве основной зерновой культуры называли гораздо реже, в основном жители северного побережья, а также центральных таежных районов Уссурийского края. (Чугуевская, Ивановская волости). Здесь жили переселенцы из урало-сибирского региона. «Мы обязательно сеяли ячмень, он поспевал рано, а весной голодно было, так ему рады были!» [113].

В 1910 г. журнал совещания по вопросу об агрономической помощи населению напоминал, что одной из важнейших забот специалистов является увеличение ассортимента высеваемых культур [114]. Согласно статистическим данным, гречиха названа в числе основных засеваемых культур. В 1906 г. ее посевная площадь в названных ранее старообрядческих поселениях была невелика, от 2 до 20 десятин, самая большая площадь под гречиху была отведена в Ильинке — 160 десятин, много больше, чем под тот же ячмень или рожь. В том году гречиху сеяли лишь в пяти из девяти селений. В х. Сионском, Виноградовке, Каменке, Варпаховке посевов гречихи не было в том году вообще. К началу XX в. на крестьянских полях уже регулярно выращивали и другие зерновые, просовые растения [115].

Из культур, заменяющих хлеб, сеяли кукурузу. Все переселенцы из Украины, жители с. Стольное, Ивановичи обязательно называли ее в качестве основной зерновой культуры. «Хлеба иногда не было, мама напаривала кукурузу, ели вместо хлеба» [116]. Распространенной культурой кукуруза была и у переселенцев из Алтая, обосновавшихся в Чугуевском районе. «Кукурузы в поле сеяли, у нас чердак в избе, на шестах — все завешано было кукурузой. Кормили ей кур, свиней. В голодное время кукурузой жили. Высушат, промоют, промелют. Делают из кукурузной муки хлеб» [117]. А вот жители северного побережья кукурузу садили чаще всего только на зелень, на корм скоту. Косили зеленой. И.К. Пугин вспоминает забавный случай, произошедший в Кхуцине в пору всеобщего кукурузосеяния: «В 60-е гг. все кукурузу повадились сеять. А ясно ж было видно, что не растет она у нас, даже опытная не росла, а только землю занимала. Но всем говорили садить, и садили... А что ж поделаешь. А вот в кохозе „1 мая“ председатель взял и на свой страх и риск посеял картошку вместо кукурузы. Приехал проверяльщик, пошли смотреть кукурузу. Пришли, а там. картошка! „Мать честная, — кричит председатель, — садили — то кукурузу, а выросла картошка“. Но зато он с урожаем был, а остальные — без. Да-а... докукарекались с этой кукурузой» [118].

Рис — традиционная для Востока зерновая культура, теплолюбивая и влаголюбивая, поэтому очень прихотлива при районировании. Выращивание этой культуры — дело чрезвычайно трудоемкое. При опросах наши информаторы редко упо-

минали о посевах риса. «Рис? Нет, мы рис не садили, понятия не имели о рисе. В двадцатых годах, что ли жил в Кхуцине полковник один, так он имел возможность привозить рис, продукты. Так вот мы тогда первый раз попробовали. Вкусно» [119]. Чаще всего его покупали уже готовым у китайцев или корейцев. По воспоминаниям Шишковой Е. Р., (бывшая жительница х. Халаза, Чугуевской вол.): «Рис садили. Нанимали корейцев для этого, они сами рыли канавки, ячейки, заливали водой, пололи сами, убирали» [120]. По воспоминаниям Коробейниковой К. Т. (Калугиной, родители ее жили в Виноградовке): «Отец с дедом трактор купили еще до 1920 г., ежегодно ездили на нем зарабатывать на Ханкай (Ханку), чеки рисовые делали там» [121]. По воспоминаниям старообрядцев-жителей северного побережья, рис в этом районе садили только корейцы и китайцы. Кое-где, недалеко от развалин корейских поселений, сохранились еще следы рисовых чеков.

Основным потребителем хлеба было интендантство, которое делало в Южно-Уссурийском крае значительные закупки зерна. Тем не менее, в отчете о закупках за 1893 г. говорится, что хлеба закуплено было не более 12 000 пудов, преимущественно у корейцев Суйфунского участка. От старообрядцев с. Красный Яр пшеницы и ярицы закуплено 273 пудов. Из других наиболее покупаемых сортов хлеба назывался только овес, просовые сорта возделываются корейцами и китайцами [122].

Наряду с хлебными культурами на крестьянских полях выращивались такие зерновые растения: просо, чумиза, пайза. Соседство с земледельцами китайцами, корейцами уже давно приспособившимися к местным условиям, несомненно, заставляло присматриваться к их традиционному опыту, иным сельскохозяйственным культурам, с которыми старообрядцам ранее не приходилось сталкиваться. Яков Леонтьевич Чужеумов, один из старожилов с. Сойон рассказал: «Сначала мы чумизу, пайзу, сузу и знать не знали. Потом все это у корейцев научились сеять, семена у них брали. Я садил чумизу пока пчел держал, а теперь я эту чумизу с запада выписываю, своих семян нет. Я кур ей теперь кормлю. При единоличном хозяйстве тоже не очень много садили. Я ведра четыре намолачивал. Чумизу в сентябре убирают, жнут, в снопы складывают, молотили цепами или в ступе водяной обрушивал. А корейцы, те, в ножных ступах обмолачивали. Корейцы из чумизы делали „ударихлебари". В котел воды наливают, крупу, значит, чисто моют, натягивают марлю или ткань редкую, на нее крупу высыпают и варят на пару. Потом ее выкладывают на стол или на пол и молотками сбивают в тягучее тесто. Его раскатывают в лепешку в палец толщиной, режут и на тонкой решетке поджаривают на огне. Красивые. Нас однажды угостили, мы в рот взяли: ну тесто и тесто, тянется. Мы даже проглотить не смогли, подержали во рту, сказали: „В дороге доедим", вышли и выбросили. Из риса они такое же делают» [123]. Просовые растения сеяли и старообрядцы центральных районов края. «За Даубихой много было корейских деревень. Они сеяли чумизу, пайзу. У них как у пшена зерна. Семена их мы покупали у корейцев» [124].

«Чумизу бороздками сеяли. Сыпали зерно в бутылку, к бутылке привязывашь палочку, к горлышку, палочкой постукивашь, зерно по ней сыплется, а сзади кто-то загребает. Подкучивать ее надо. Кисти у нее будут вот такие здоровенные», — рассказывала Поварницына Х. Е. (жила на хуторе по р. Малая Светлая, северное побережье) [125]. Площади, засеваемые просовыми культурами, были, действительно, невелики, в среднем 20 десятин... [126]. Соболев Ф. К. вспоминал, что во времена колхозные по норме давали земли 30 соток, не хватало, поэтому сеяли тайком в лесу на маленьких пашенках, в основном чумизу и ячмень [127].

Среди новых растений определенную популярность у старообрядческого населения приобрела такая масличная культура как суза. К. Т. Коробейникова (предки переселенцы из Саратовской губернии, жили в Виноградовке) до сих пор выращивает сузу на дачном участке: вкус детства. «Суза растет высокая до 1 м с метелкой. Делаем борозды, в борозды рядами сеем, потом прореживаем. Убирают сузу серпом, складывают и связывают в снопы, по 4–6 снопов в суслоне и сверху один. Оставляют на поле на 3 дня, чтоб посохло. Выбирают сухую погоду для уборки. Потом берут полог (мама полог делала из полос льняной грубой ткани, размер 3х5). На полог раскладывают сузу и выколачивают обычной палкой. Зелень, стебли убирают, остальное провеивают. Мы собирали по 2 мешка сузы. Делали масло, оно черного цвета. Зерно поджаривали и толкли. Добавляли его в каши. А еще в ступе толкли потихоньку до маслянистой массы. В нее потом добавляли сметаны, сахар или мед. Макали в это булочки печеные. Или так: раскатывали тесто на противне, заливали сверху этой массой и выпекали. Из сузы мы еще олифу делали. Кипятишь масло, только не на сильном огне. Когда начинает оно дымиться немного, нужно пробовать готовность его так: берешь куриное перо, твердое, плотное от крыла и начинаешь его медленно опускать. Если боковые перья свернутся до стержня, то олифа готова» [128]. А это рассказ переселенки из Алтая, бывшей жительницы с. Калиновка Чугуевской вол.: «Дядя Семен сам пресс из дерева для масла сузяного делал. Взял длинную деревянную чурку, выдолбил. Сузу сначала пожарить надо, в чугунной ступке столочь. Потом ее в тряпку заворачиваешь и складываешь в углубление доверху, потом пресс крутишь, снизу масло вытекает. Темное, вкусное. Много делать его нельзя, оно горкнет быстро. Я в прошлом году сузу не сеяла. С ней волокита, густо нельзя сеять, снять вовремя...» [129]. Как видим, отношение к сузе у старообрядцев разное: кто-то с удовольствием вспоминает ее вкус, и пытается на дачных участках выращивать, кто-то с гордостью отвечает, что в их семьях масло такое использовали только как техническое. «В Лаулю много очень выращивали сузы, использовали как техническое»; Переселенцы из Житомирской губернии: «Мы масло из подсолнуха и льна делали. Сузу в пищу не добавляли. Она вонючая. У нас этим маслом только детали металлические смазывали» [130].

Привычным и наиболее употребляемым растительным маслом было льняное и конопляное. «В мясоед, — рассказывает Евгения Артемьевна Сальникова, переселенка из Уфимской губернии, — маслом пользовались коровьим, а в пост либо совсем без масла, либо заправляли толченым кедровым орехом, или потолчем семена конопли немножко»; Иван Калинович Пугин, (житель с. Кхуцин, переселились из Енисейской губ.) вспоминал, что в их селе «масло из льна не делали, а из конопли выжимали прессом. Но бабушка их еще всегда предупреждала, что масла конопляного много нельзя есть было, оно здесь какое-то пьяное»; «У нас в Лужках (речь идет о Верхних Лужках по р. Кхуцин) конопли — заросли, а масло конопляное не делали. Считали, если его много съесть, то как от наркотиков пьянеешь. У нас коноплю перерабатывали, как лен, веревки делали». Полина Прохоровна Некрасова, (семья переселилась из Алтая), жительница с. Амгу: «Наши родители масло из конопли делали, даже мешочек семян с собой с Алтая привезли. Мы в Аленте на конопле выросли, масло делали и так семечки ели. И льняное масло мы тоже делали, били в металлических ступах, потом отжимали» [131].

Лен, конопля были самыми распространенными техническими культурами. Специалисты отмечали, что местные условия хорошо влияли на качество льна [132]. Для целинных пластовых, таежных земель, как уже показал опыт Енисейской губернии, Забайкальской и Амурской областей, это растение очень перспективно. Там, где выращивание злаковых культур могло давать сбои, лен с новинных земель расценивался на русском рынке очень высоко.

«Сеют лен у нас в поле в мае, — рассказывала М. А. Некрасова, в прошлом жительница с. Кхуцин, Верхотуровка, — разбрасывая. В августе он цветет. Когда убирают-выдергивают с корнями, вручную. Делают снопы. Сушат в банях. Потом мнут, чешут на железных гребнях. Лен остается в руках, куделя — на щетке. Из этого потом плетут палатки, мешки, половики. Из очищенного льна делают нитки и ткут. Для того, чтобы лен очистить еще лучше, делали щети: зажигают в руке пучок

щетины дикого кабана и опускают несколько раз в воск или вар, наращивают основание. Этой щетью лен чешут. Волосы тоже чесали такими щетями» [138]; «Лен поспевает летом. Сено убирают, а на него рядами складывают лен. Дергашь и крестообразно ложишь. Потом эти пучки расстилают. Они, вишь, вылежаться должны, чтоб куделя от кострики отошла. Потом ряд скатываешь трубочкой в сноп и завязываешь этим же льном. Снопики сантиметров по 50. Сушили лен в бане. Составишь их туда, потом баню топишь. За 1 раз высыхал. Опять мять надо. Мнем в мещках. Помочи здесь делали: 3–4 бабы помогают, а потом к ним идем. Берем трепало. Укроемся мешковиной и бьем трепалом по льну, выбиваешь кострику. Чесали щетью. Изгребья падают, а в руках — чистый лен. Чистый идет на основу, а изгребья — на уток...», — рассказала нам мастерица на все руки, жительница с. Усть-Соболевки, Х. Е. Поварницына [139].

Волокна конопли использовались в основном для изготовления грубого холста, веревок. «Коноплю жали серпом, вязали в снопики, складывали в озеро, придавливали, чтоб не унесло, бревном — мочили по неделе. Вытаскивали, мяли в мялках, потом пряли. Делали мешки, плотное рядно, которое использовали при обмолоте» [140]. Несмотря на востребованность технических культур в крестьянских хозяйствах, в начале XX в. уже не делали больших посевов льна. Чаще информаторы говорили, что лен сеяли больше для хозяйственных нужд. «Лен сеяли немного, сотку, для дратвы. Льну нужна новая земля...» [141]. К началу XX в. фабричную ткань свободно можно было купить в лавках и магазинах. А старшее поколение вспоминало и иные времена, когда купить ткань было негде и вся женская половина семьи зимними вечерами старалась успеть наткать ткани. «Летом сеем, осенью сушим, снуем, а в Великий пост уже кросна стоят: „Не напрядет Филиппушка, не наткет Великушка“. И днями, и ночами ткали...» [142].

Большое место в пищевом рационе старообрядцев на Дальнем Востоке занимали зернобобовые растения: соя, фасоль, горох.

Горох — культура древняя и традиционная для России. Посевы гороха непременно существовали в каждом старообрядческом хозяйстве, независимо от района проживания и мест выхода старообрядцев. Пища из гороха существенно разнообразила постный стол: каши, супы, пироги, кисели. «Горох у нас на северном побережье косой косили (так убирали посевной горох и в других волостях Уссурийского края — авт.), потом высушивают, молотят на току цепами, веяли мы на веялке. С поля горох возили на длинных телегах с высокими бортами до 1,5 м — „колымаги“ называются у нас»; «Фасоли много садили во время войны (Великой Отечественной), только на ней и выживали» [143].

Похозяйственные книги Архиповского сельсовета 1940–1948 дают представление о тех культурах, которые оказались наиболее предпочтительными в личных крестьянских старообрядческих хозяйствах: помимо картофеля все хозяева обязательно садили горох, фасоль, кукурузу, тыкву, изредка список разнообразился чумизой, просом [144].

С особенностями выращивания сои — древнейшего культурного растения Китая, крестьяне переселенцы познакомились также от земледельцев-китайцев и корейцев. Специалисты ГУЗи З в 1910 г. с удовлетворением отмечали, что местные хозяева все чаще вводят сою, видя на примере корейцев, что она делает почву плодороднее да и для скота незаменима. «Сою мы сеяли обязательно, — вспоминает жительница с. Стольного, переселенка из Житомирской губернии, — шла на корм скоту» [145].

Мак также был одной из популярных культур у крестьян-старообрядцев на Дальнем Востоке. Его использовали в пищу, а также в медицинских целях как обезболивающее средство. Мака выращивали много, он шел, так же, как и суза для приготовления начинки в пирожках или выпечки «помакушек». «Опиумный сорт мака сеяли китайцы. Жил в нашем селе китаец (с. Максимовка), он женился на нашей женщине — Могильниковой Агриппине, окрестился в нашу веру, сам стал Могильников. А все-таки, крадучись, мак в тайге сеял. У него поля там целые были» [146]. Сеяние опийного мака было предметом порицания и бурных разбирательств на старообрядческих соборах. Упоминание о таком факте встретилось в следственных архивных материалах 1933 г. (крестьяне Архиповского и Батюковского сельсоветов) [147].

Со временем были определены наиболее благоприятные сроки полевых работ.

Посевные работы начинались в крае в апреле с разницей в 10–20 дней в зависимости от места жительства. В Приханкайской равнине полевые работы начинались с апреля. Первой культурой высевали пшеницу, затем — ярицу и ячмень, потом овес [148].

В более северных районах центральной области края сельскохозяйственные работы начинались с 20–25 апреля, просо чуть позднее. Вспашка и посев яровых проводились почти одновременно. «Сегодня вспахал, завтра заборонил, и сразу сеять. Сам все испытал. Начинали пахать не ранее 15 апреля, а вся посевная с яровыми обычно заканчивалась до 10–15 мая. Косить начинали с 15 июня в зависимости от погоды... Жатва начиналась чуть около первых чисел августа, тоже в зависимости от погоды. Землю под пар подымали первый раз в мае-июне, второй раз в августе» (информация Ф. С. Денисова с. Янмутьхоуза) [149]. В с. Калиновка той же Чугуевской волости: «Мы сузу, кукурузу, картошку садили в один день в середине мая. Сузу поздно не садят, может не выспеть. В первых числах июня — уже прополка» [150].

На северном побережье сеять начинали с конца апреля-начала мая. По информации жителей северного побережья, очередность высевания культур у них была такой: «Сначала сеем пшеницу, потом овес, ячмень и гречиху позже всех, они скоро вызревают» [151]; «Сначала пшеницу, овес. Ячмень сеяли после Николы, после 20 мая, потом гречиху, перед медосбором. Она созревает рано, месяца через полтора. Сеяли все в свой срок, чтобы и убирать не все сразу. Первым ячмень убирали в августе или перед сенокосом. Пшеницу убирали в прозелень, складывали в снопы, в снопах хлеб доходил. Хлеб на поле в скирдах стоял до первого снега, но кто успевал, молотил раньше. Гречиху тоже рано убирали, после ячменя сразу. Просо — в начале октября. Сенокосы начинались с Петрова дня, с 12 июля, а там уж, кто как управится. Косить помногу приходилось: на корову 25 копен сена, на лошадь — 30, на овцу — 3 копны. Сенокос — чисто мужское занятие. А вот когда стоговали, женщины наверху стоят, сено принимают» [152]. Р. Я. Сальников (х. Некрасовка) «Пшеницу, овес убирали в сентябре, гречку у нас убирали в конце сентября-начале октября. Следить надо, а то осыпаться начнет. Ее серпами убирали, осторожно. Лен сеяли в июне, после гречки, а убирали перед морозом, когда уж иней падает» [153].

Семена сельскохозяйственных культур, как правило, переселенцы привозили с собой с родины. «Первые поселенцы, когда с Алтая ехали, семена зерновых с собой везли с Алтая. Урожай с них невысокий был по 36 пудов с 1 га, а вот уже с культивированных снимали и по 101 пуду с 1 га» [154]. Даже картошку садить здесь надо было привыкнуть. Учились у старожилов. «В первый год картошку посадили по-алтайски, глубоко. Она и не взошла Старожилы подсказали, как надо правильно садить» [155]. «Тетка Афанасия говорила, что в Кузнецово белый хлеб не ели, потому что семена плохие были. А потом взяли в Кхуцине, и стал вырастать...» [156].

В. И. Деминов вспоминал, что украинские переселенцы привезли с собой очень хорошие семена кубанской пшеницы, но вот сами они не смогли выжить на севере, уехали, и семян не оставили [157].

Обработка пашни — главная забота крестьянина. Освоение целинных земель, особенно занятых лесом, было нелегким делом и требовало немалых усилий всей семьи. Лес вырубали, пни корчевали вручную. При редколесье, пахали между пня-

ми. Крупный лес вывозили с участка, а тонкие стволы сжигались на месте. Мелкий кустарник иногда запахивался. Способ обработки, выбор сельскохозяйственных орудий диктовало разнообразие почв. Плуг — самое употребительное орудие для обработки почвы. С его помощью можно выполнить очень многие сельскохозяйственные работы гораздо дешевле, чем ручными орудиями труда. В конце XIX — начале XX вв. как в Сибири, так и на Дальнем Востоке использовались как сошные, так и плужные орудия труда. В Тобольской, Томской губ. преобладали «колесуха», или «сабан». Разновидность «колесянки» — «пермянка» была распространена в Бийском, Томском, Кузнецком уездах Томской губернии. Усовершенствованные сельскохозяйственные машины, которые завозились в Россию из-за рубежа, приобретались в основном зажиточными крестьянами [158].

На Дальнем Востоке уже с 70-х гг. XIX в. стали использовать стальные плуги иностранного и отечественного производства. Снабжение населения Дальнего Востока сельскохозяйственными усовершенствованными орудиями труда осуществлялось Южно-Уссурийским переселенческим управлением и иностранными фирмами: американской «И. Эмери» и немецкой «Кунст и Альберс» [159]. Некоторые крестьянские семьи смогли привезти плуги с собой. Среди крестьян Приморской области наиболее покупаемыми и используемыми были плуги: Сакка (Германия), Дира (этот американский плуг в Амурской области называли «козулькой» из-за фирменной марки, изображающей бегущую козу. Они изготовлялись с сиденьями и без них), плуги Гена (одесский завод Гена), плуг Смита. Наиболее распространенными в Южно-Уссурийском крае были плуги Сакка и Гена. К плугам германского производства Рудольфа Сакка вместо корпуса можно было пристроить множество различных почвообрабатывающих орудий: кочкорез, почвоуглубитель, окучник. Так из 204 старожильческих селений, обследованных агентами переселенческого управления, в 75 из них крестьяне использовали плуги Сакка, в 73 — Гена, лишь в 3 (2 из них — старообрядческие села Виноградовка и Каменка) использовали плуги Дира с сиденьем и без него, в 2 селах использовались плуги Смита [160].

Прасковья Кузьминична Черняева (переселенка из Житомирской губернии, жительница с. Мяо-Линь, позднее Ивановичи) вспоминала, что по приезде на новое место плугами не сразу обзавелись и землю приходилось обрабатывать «кирками» — металлической лопатой с короткой ручкой, укрепленной под острым углом к длинной жерди-дышлу, которое в свою очередь крепилось к лошади. Возможно, такие орудия для вспашки земли были заимствованы у китайского или корейского населения [161].

Полевой материал только подтвердил существующее мнение о большей распространенности плугов Сакка в крестьянских хозяйствах Южно-Уссурийского края. Их упоминают все наши информаторы более старшего поколения. «У нас в колхозе до-о-лго служил „исаковский“ плуг. Его у кого-то обобществили, сейчас не помню, у кого... Они шире „Красного пахаря“ берут, запрягаются в две лошади. Дышла в „исаковском“ плуге не было, там были вальки и постромки. Когда целину распахивали, нож-отрез прикручивался к грядилю, чтоб пласт разрезать. Богатые покупали такие плуги и у нас, и в Китае. Кто победнее, если брал плуг, то потом отрабатывал» [162]. Сакковские плуги однозначно всеми крестьянами осознавались как российские плуги... Яков Леонтьевич Чужеумов (с. Сойон) вспоминает, что «землю пахали плугами немецкими и нашими „исаковскими“ (без дышла). У нас в семье был „исаковский“, а потом „Красный пахарь“» [163]. Родион Яковлевич Сальников, старожил с. Кхуцин, рассказал: «Плуги, бороны были почти в каждой семье. Это обязательно, как же без них? У нас в досоветское время были „исаковские“ плуги. Он повыше, чем „Красный пахарь“. Да у меня во дворе лежит плуг, должно быть, „исаковский“». Плуг и борона, действительно, в прекрасном состоянии хранились на хозяйственном дворе Родиона Яковлевича, но плуг оказался не сакковским, а з-да «Орсксельмаш», да и борона более позднего происхождения. Иван Калинович Пугин (с. Кхуцин): «Плуг да борона-это уж в каждой семье было. А еще помочи делали: 2–3 плугами заезжали и за день распахивали» [164].

Чаще всего наши информаторы рассказывали о ручном способе посева вплоть до 30-х гг. «Сеяли вручную. Околунок (мешок холщовый, из которого сеяли) через плечо, зерна в него насыплешь и ходишь горстями направо и налево сеешь зерно. Потом боронишь». (информация Р. Я. Сальникова, уральские переселенцы) [165]. С. Л. Гуменная, бывшая жительница х. Халаза: «Хлеб сеяли вручную, из мешочков. Пропалывали вручную, всех детей собирали. Хлеб убирали жнейкой, у тетки Маланьи была. Веяли на ветру, кто-то веялками» [166].

Боронили почву на первых порах деревянными боронами с железными зубьями, но очень быстро перешли на железные бороны. «Бороны были и деревянные, и железные. Были и деревянные с железными зубьями. Коня с бороной водят за постромки, он сначала вдоль проборонит, потом поперек.»; «Конями забоpанивали и бороной железной. Сначала в одну сторону боронишь, потом в другую. Зернинки не увидишь» [167].

Традиционно для русских крестьян было убирать хлеба серпами. Косой убирали кормовые травы. В Приморье, по сведениям Меньщикова, в с. Красный Яр: «Все хлеба преимущественно жнут, плохие косят, хотя жатвенные машины начинают вытеснять серпы» [168]. П. К. Черняева, бывшая жительница с. Ивановичи: «Хлеба убирали серпами. Серпы покупали в Имане. Зерно обмолачивали дома, цепом. Уж перед колхозами в селе завели конную молотилку на 4–6 лошадей» [169]. А вот С. Я. Денисов, житель с. Тополевое, вспоминает, что хлеба убирали и серпами и косами. Иван Калинович Пугин, житель с. Кхуцин: «Пшеницу жали серпами, женщины, в основном. А потом украинцы приехали. Они привезли косы с грабками, мы у них переняли. Но все же старались серпом. Снопы увязывали, в суслоны складывали. У нас в Кхуцине в 1936 г. женщина одна жила — Черепанова Прасковья, ей, не поверите, 70 лет, а по 1000 снопов увязывала в день! Не разгибалась...» [170].

В семьях с достатком довольно быстро появились уборочные машины. Уборочная страда требовала огромного ежедневного напряжения сил крестьянской семьи, поэтому, если появлялась возможность, то в первую очередь приобреталась уборочная техника.

Убирали урожай жатками и серпами. «Мои родители брали жнейку и коня у соседей. Жатка идет жнет, они за ней идут, снопы связывают. Пока коней распрягают они и вязать заканчивают. Жатки все больше во Владивостоке покупали» [171].

«Отец наш, — рассказывала Пелагея Прохоровна Некрасова, Дмитриев Прохор Прохорович, очень любил с железом возиться. Сам жнейку сделал. Из ничего. Вот если бы сейчас жил, уж точно себе машину бы сделал» [172].

Зерно обмолачивали на гумнах. В малоимущих семьях обмолачивали зерно с помощью старинных примитивных орудий: цепа и лопаты для провеивания зерна. Наши информаторы чаще рассказывали об обмолоте зерновых с помощью лошадей. Обычно это были открытые площадки с построенными над ними навесами. Место обмолачивания зерна обычно определяли по рабочей силе. Если лошадей и работников много, старались молотить дома. Если нет, то обмолачивали зерно в поле. «Молотилки были не у всех, ими пользовались по очереди, а расплачивались гарцами, как с мельником, луком или зерном» [173] «Гумно у нас около дома было, — вспоминает К. К. Пугина (с. Верхние Лужки, переселенцы из Алтая). Зерно все сюда привозили. Это площадка такая, смазанная глиной, у других просто утрамбованная земля. На ней расстилали снопы, прогоняли коня несколько раз, потом снопы переворачивали...» [174]. Р. Я. Сальников: (переселенцы из Пермской губернии): «У нас на х. Некрасовка молотили катками и цепами. Снопы высохли, уложены в кладь. На гумне землю прибираешь, под-

метаешь, она утрамбована хорошо. Прямо на землю клали снопы и молотишь цепами или катком по ним проедешь. А еще у нас была „дербанка" — конная молотилка, с барабаном. В нее подаешь снопы развязанные. Хорошо получается: солома отдельно, зерно тоже. Веяли лопатами, а потом чистое зерно — в амбар» [175]. И. К. Пугин (переселенцы из Енисейской губернии) вспоминает, что родители обмолачивали зерно также на сильно утрамбованных площадках. Если зерно сыровато, его сушили в русских печах и ссыпали в амбар. Обычно до ноября уже все зерно было обмолочено. «На мельницу тоже ведь просто так не попадешь, там очередь устанавливалась: на 1 семью по 1 мешку зерна разрешалось молоть» [176]. Если зерно было сыровато, подсушивали его как на русских печках, так и на солнце при хорошей погоде: на высокие чурки клали широкие доски, закрывали их «палатками» и рассыпали на них зерно. «Были машины такие — сортировки (куколеотборник), они отбирали зерно от мусора, а еще и сортировали зерно на мелкое и крупное. В Кхуцине такая была у Ивана Иосифовича Пугина, в Тахобе- у Соболевых и Губушкиных» [177].

Мельницы были огромным облегчением крестьянского труда. Крестьяне старались иметь их в каждом селе. Строили водяные и паровые мельницы. Водяные мельницы устраивались исключительно с целью перемалывания зерна на муку. Строили их на небольших речках, работали они с половины марта по ноябрь. Зимой такие мельницы стоялн. Естественно, что во время мелководий, наводнений мельницы тоже не работали. В среднем мельница перемалывала в сутки 50–60 пудов зерна... Цена помола на водяной мельнице была 9–10 пудов хлеба или 8–10 копеек деньгами. Водяных мельниц на Ханкайском участке было — 22, на Сучанском — 39, на Верхне-Уссурийском участке — 14, Суйфунском –13 [178]. «Мельница у нас была в селе (Перетычиха) на протоке Единки построена. Мельницы были также в Котеловке, в Антоновке. Все мельницы водяные. У нас Давыдовы строили. Жернова из камня. Обрабатывали плоский камень, оковывали железом. На нижнем камне выбирали бороздки, а верхний крутится. Мельником у нас в селе был Чернышев Егор. Платили за помол ему гарцами: с мешка брал 10 кг себе, а в день по 20 мешков смалывал. В его обязанность входило ухаживать за мельницей, жерновами» [179]. «В Кхуцине мельница принадлежала Павлу Заглядину, платили за помол ему мукой»; «Заглядин жил гарцами, а мельницу поддерживали обществом» [180]. Рассказывает Мартюшев П. Г.: «Тятя как вернулся с войны вскоре с женой отделился от отца и уехал на жительство в Варпаховку. Мельницы в селе не было. Так он сам кустарным способом по европейским журналам построил с Тимофеем Мартюшевым мельницу. Рабочую силу нанимали. Запруду делали обществом. За муку потом, как положено, гарцами расплачивались. Водяная мельница дешевле выходила. Для паровой нужно было дрова заготавливать, а это тоже входило бы в оплату помола. На водяной же брали только гарцы по 2 фунта с пуда, в сутки мололи по 600 пудов» [181]. «В Тополевом, — рассказывает А. А. Комов, — мельница была водяная, делали ее обществом, поэтому гарцы не платили. А вот если зимой надо было молоть, ехали в Соколовку. Там паровая мельница была, гарцами расплачивались. Если 100 кг зерна, то брали с них 1 кг муки» [182]. Жительница с. Ивановичи А. А. Котовская (переселенцы из житомирской губернии) вспоминает, что в их селе мельницы не было, жители по старинке сами мололи зерно на ручных жерновах. Каменные жернова были в каждом дворе [183]. По нашим полевым данным, мельницы были, действительно, почти в каждом селе: в Лужках, Ахобе, х. Нестеровке, в Кхуцине у Светляковых, на ключе Юркова. В Сойоне мельницы не было: возили молоть муку в Кхуцин. В Амгу водяная мельница стояла на Мельничном ключе. Она была общинной. Мельницы были в Верхотуровке, Междуречье, Улунге Кхуцинской. За время полевой работы нам рассказывали о существовании только водяных мельниц, однако, архивные материалы свидетельствуют о том, что немало было в крестьянских старообрядческих хозяйств и паровых мельниц. Такие мельницы были у Н. Ф. Безматерных, И. А. Зернина, К. Г. Красных, Ф. Ф. Андреева, В. И. Куликова, Д. П. Зубакнна, К. В. Селедкова.

Крупу очищали обычно в деревянных ступах. Деревенские умельцы делали специальные водяные ступы, используя силу воды (ручьи или речки). «В нашей семье, — рассказывает Иван Калинович Пугин, — просо обрушивали в водяной ступе. Для этого плотиной в ключе или речке приподнимаем воду. Ставят два столба с перекладиной, на шарнирах, на них устанавливают штырь железный или деревянный, как коромысло. На одном конце коромысла-бадья, на другом конце коромысла привязан пест. Ступа стоит на берегу, коромысло — чуть наискосок. Воду открывают, она наливается в ведро, и это поднимает пест на высоту, потом вода, переполнив бадью, выливается и пест падает в ступу, обрушивая зерно. За два часа можно обрушить ведро зерна» [185]. Кроме таких самодельных крупорушек в крестьянских хозяйствах были и механические «крупорушки», «просорушки» [186].

Оснашенность основными сельскохозяйственными орудиями (плуги, бороны) в старообрядческих селах в 1902 г. была: в Виноградовке — плугов 8, борон –13 на 11 дворов; в Петропавловке — 34 плуга и 78 борон на 39 дворов, причем, в селе было уже 2 веялки, в с. Красный Яр — 45 плугов и 9 сох (!), 163 бороны на 69 дворов, в селе было уже 4 веялки; в Каменке — 16 плугов и 40 борон на 18 дворов; на х. Сионском 6плугов и 8 борон на 3 двора, на хуторе было также 3 веялки [187].

Ценным источником по изучению крестьянских хозяйств стали анкеты старообрядцев, репрессированных в 1932–1938 гг. Во многих анкетах есть статистический материал, характеризующий хозяйство арестованных крестьян по всем основным показателям: состав семьи, площади посевов, количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, наличие сельскохозяйственной техники. Такие показатели были даны по трем периодам: до революции, до 1929 г. и на момент ареста. Нужно отметить, что такой подробный материал был не во всех анкетах. Для анализа мы выбрали 148 анкет, где имелись такие сведения, разделили их на 2 группы: — до революции и на момент ареста (в основном это был 1932 г., 1933 г.). Анкеты содержали сведения об арестованных крестьянах-старообрядцах, жителях северного побережья, района р. Бикин: Амгу, Кузнецово, Кхуцин, Тахобе, Верхотуровка, Беамо, Улунга, Лаухе, Н. Пея, Пугдо, Междуречье, х. Старкова, х. Новожилово, х. Баранова, х. Токарева. Здесь необходимо учитывать также, что район северного побережья — район позднего заселения, по сравнению с остальной территорией Уссурийского края. Как мы уже знаем, сюда переселялись зачастую молодые старообрядческие семьи, отделившиеся от родителей и следовательно только начинавшие хозяйствовать самостоятельно, приобретение для многих из них сельхозтехники реально было как раз к 1932 г. Многие крестьянские семьи переселились на северное побережье из центральной России, Сибири и центральных районов Приморья, убегая от коллективизации, будучи уже раскулаченными или бросив свое хозяйство на произвол судьбы. Статистика получилась такая. В период дореволюционный из 148 крестьянских хозяйств на северном побрежье в 38 хозяйствах были плуги, причем в некоторых хозяйствах по несколько сразу, от 1 до 3. В 20 семьях, наряду с другой сельскохозяйственной техникой были бороны, их число колебалось также от 2 до 3. В 30 семьях также наряду с другой техникой были жнейки, в 29- молотилки. Среди другой сельскохозяйственной техники были названы сенокосилки, сноповязалки, маслобойки. 16 крестьян были владельцами или совладельцами водяных или паровых мельниц. Следовательно, каждый третий двор был оснащен техникой, причем ассортимент ее был достаточно велик — минимум 3 наименования.

В 1932 г. картина меняется. Из 148 хозяйств плуги имелись в 59 хозяйствах (по 1 плугу), т. е. почти в половине хозяйств, бороны — в 27, косилки — в 3; 3 семьи являлись совладельцами мельниц. Ассортимент техники, как мы видим, стал намно-

го беднее: набор из нескольких механизированных орудий труда становится чрезвычайно редким для крестьянских семей, в лучшем случае, арестованные называли плуг, борону. 24 человека назвали себя раскулаченными по-прежнему месту жительства [188].

Другой пример: с. Батюково Ольгинского уезда Киевской волости было образовано в 1899 г. Из этого села и мелких хуторов, относящихся к Батюковскому сельсовету в 1933 г. по делу Кондратия Булатова была арестована большая и зажиточная часть мужского населения. В 26 анкетах были указаны те же сведения о хозяйстве. До революции из 26 семейств в 17 хозяйствах были зарегистрированы сельскохозяйственные машины: плуги, бороны, сеялки, веялки, косилки, жнейки, вальцы, молотилки. Так, в хозяйстве Ф. К. Горюнова было 2 плуга, 6 борон, сеялка, веялка, косилка, сноповязка, молотилка; в хозяйстве Е. А. Малютина — 7 плугов, 2 бороны, 7 сеялок, 1 веялка, косилка, молотилка. Плуги зарегистрированы — в 15 хозяйствах, бороны — в 14 (по 2–3), жатки — в 11. В 1932 г. из тех же 26 семей в 11 хозяйствах имелась техника: в 10 — плуги, бороны — в 9, жатки — в 7. Пять крестьян назвали себя раскулаченными, в том числе и названные Ф. К. Горюнов, Е. А. Малютин. В остальных хозяйствах сохранился минимальный обязательный набор техники: плуг, борона, жатка [189].

Скотоводство. Отвоевать у дикой природы жизненное пространство, освоиться и жить в нем было невозможно без домашних животных, поэтому животноводство стало не менее важным направлением сельского хозяйства. Почти в каждом старообрядческом хозяйстве держали лошадей, коров, свиней или овец, домашнюю птицу. Количество домашнего скота и разведение тех или других видов зависело в основном от благосостояния хозяина и от природных условий. У старообрядцев на выбор домашней скотины немалое влияние оказывали еще и конфессиональные особенности.

К сожалению, сохранились лишь отрывочные воспоминания о том, как, где и какие породы скота приобретались первыми засельщиками края. Основываясь на информации исследователей нач. XX в., можно сказать, что местный животноводческий рынок складывался на основе пород восточного происхождения: из Монголии, Маньчжурии, Кореи, Забайкалья [190]. Так, среди крупного рогатого скота преобладала смешанная маньчжурская и корейская порода, с преимущественным преобладанием маньчжурской породы коров. Эти породы отличались прежде всего адаптированностью к местным условиям, небольшим ростом. Средний вес быка маньчжурской породы доходил до 10–12 пудов, корейской от 9 до 11 пудов [191]. Но в то же время эти породы коров отличались невысокой молочностью — 2–3 бутылки в день [192]. «Поначалу здесь еще местные породы были коров. У нас манзовочка была», — рассказывает Ф. В. Караванов (с. Кузнецово)

С открытием морского и железнодорожного сообщения стала более доступной и простой доставка иных, лучших пород крупного рогатого скота, лошадей, овец. В с. Тахобе скот привезли с собой основатели села: Соболевы — из Енисейской губернии, Губушкины, Столбиковы — из Томской губернии [193]. Нина Игнатьевна Даманская вспоминала, что дед ее, Фотей Митрофанович Санников, занимался торговлей скота еще на родине, в Уфимской губернии. Приобретал скот в Турции и перегонял его в Россию. Какую-то часть коровьего стада, по ее словам, ему удалось пригнать в Приморье, на северное побережье. По воспоминаниям бабушки Нины Игнатьевны, турецкая порода коров отличалась внешним видом: «...длинное туловище и короткие ноги. Эти турецкие коровы были очень молочными» [194]. В с. Красный Яр, по воспоминаниям Ф. М. Казанцева, в 20–30-х гг. все больше держали «симменталок», у них жирность молока больше чем у других коров, до 4%, молока давали до 12 л в день [195]. Деминовы из с. Усть-Соболевка рассказывали, что у них в селе коровы давали по 9–10 л за раз летом, зимой — по два. Их замечательная корова Красуля давала по ведру с верхом жирного молока. Жирность определялн по тому, сколько выходило масла из этого количества молока. У кого-то 2 кг, у других — 5 кг [196]. Переселявшимся на Дальний Восток по столыпинской реформе крестьянам были положены льготы и вспомоществование по перевозке скота, поэтому многим крестьянам, переселявшимся в Приморье в эти годы, удавалось почти без потерь доставить скот, в основном коров, лошадей, до места жительства. Таким образом, перебирались многие семьи из Енисейской губ., с. Солонечное Тало в с. Кхуцин [197]. Ф. К. Соболев вспоминал, что его дядя, Анфим Соболев, купил корову в Бикинской Улунге красно-пестрой неизвестной породы. Корова была очень молочной. За один раз надаивали до 10 л молока, а за день до 20 л. [198].

Основные животноводческие рынки были во Владивостоке и Никольск-Уссурийске. Со временем в крупных районных селах образовывались такне же рынки: Анучине, Имане. По воспоминаниям А. Т. Николаевой, ее дед Викул Николаев с сыновьями Тимофеем и Артамоном перегоняли скот из Спасска в Красный Яр, Кедровку для продажи [199]. Продажей скота на ярмарке занимался Куликов В. И. из с. Кокшаровки [200]. Приобретали коров, лошадей и в своих селах, правда, иногда внутренний сельский рынок искусственно ограничивался старожильческим населением, не желавшим подселения новоселов. Так Марина Егоровна Пугина вспоминала, что крестьяне того же с. Кхуцин не имевшие скота или лишившиеся его по какой-то причине, вынуждены были иногда возвращаться за ним на родину. «Наш отец за коровой возвращался в Сибирь. У кого были здесь, в Кхуцине, коровы-не продавали: лишние люди им не нужны были... Привез коров себе и брату Калине Вот и разжились...» [201].

О разведении овец в крае информации у нас собралось немного. Достаточно поколесив по краю, мы с удивлением отмечали для себя, что очень редко встречались нам хозяйства, где держали овец, как в прошлые времена, так и сейчас. Пожалуй, после знакомства с фермерским хозяйством Н. В. Горбунова в с. Изюбрином (Николай Васильевич — владелец большого стада крупных и красивых романовских овец), больше ни единой фамилии мы бы не смогли назвать. Добравшись до северного побережья, мы вздохнули: в с. Кхуцин овцы были почти в каждом хозяйстве. Мы увидели их также в Усть-Соболевке, Амгу. Безусловно, районы северного побережья были более благоприятными для животноводства: ветер с моря отгоняет изнурявший животных летом гнус. Еще в начале века специалисты ГУЗ и З отмечали, что овцеводство даже количественно не процветает в крае. Овцы гибнут от болезней копыт, зоба. Хозяева держат монгольских овец, с грубой шерстью. Есть сведения, что в 1904 г. крестьяне-староверы с. Бордагон просили ссуду на покупку и привоз курдючных баранов для разведения, в 1915 г. Акмолинский губернатор продал в Приморскую область 500 овец, доставленных из Восточной Пруссии [202]. Упоминания о небольших овечьих стадах в 10–20 голов встречаются в архивных следственных материалах, гораздо реже упоминаются большие стада. Так, у С. С. Попова с. Самарга было стадо овец и коз в 50 голов, у И. Г. Давыдова- в 43 головы [203]. Наши информаторы рассказывали, в основном, о романовской породе овец: «В нашей семье овец романовских, держали по двадцать голов на шерсть, валенки, потники, хомуты». В 30-е гг. на северное побережье завозили мериносов, да порода эта не прижилась. Уже в 10–15 — х гг. в Максимовке, Амгу, Нахтахе, по информации Ф. К. Соболева, были разведены овцы с длинными хвостами-шленчатые [204]. В с. Усть-Соболевке (Тахобе) до сих пор овечье стадо составляет основное богатство жителей. В с. Стольное, Ивановичи. (переселенцы с Житомирской губернии) овец не разводили совсем, [205] но зато в каждой почти семье держали свиней. Безусловно, сказывались традиционные особенности украинских хозяйств. На х. Халаза держали овец, но почти ни в одной семье не было свиней. В этом случае все объяснялось просто: «в селе каждый почти охотничал, били диких, кабанов, зачем домашние, их кормить нужно было» [206].

В отношении разведения коз мы слышали мнения разные, большинство старообрядцев высказывали резко отрицательное отношение к этим животным не только в силу их скверного характера: «Овечка — кроткая, коза — пакостливая. Говорят,

хочешь с соседом поругаться — заведи козу. Не прижились они у нас (в Кхуцине)»; «У тяти нашего были только овцы (Тахобе), коз не было: смотреть на них и то неохота» [207]. Многие старообрядцы ссылались на существующие якобы запреты: «В Псалтыри записано, что козье молоко пить нельзя, у козы 2 соска» [208]. Тем не менее, в хозяйствах старообрядцев в настоящее время некоторые держат коз, в основном, это женщины преклонного возраста, для которых содержание и уход за коровой становится трудным.

Свиней в крае держали почти в каждой крестьянском хозяйстве. По словам М.Е. Пугиной, содержание свиней доступно было даже бедной семье. До одной-двух свиней обязательно держали даже в таких хозяйствах. «Есть свинину дозволяется по нашим правилам, — говорит она, — но только опаленную. А ведь были времена, когда все, кто держал свиней обязаны были сдавать щетину. Это называлось „линьку сдавать". Палить нельзя, значит. Многие тогда отказывались от свиней» [208]. Содержать свиней, рассказывали нам, было несложно: кормили брюквой, капустой. Самыми распространенными были свиньи, завозимые из Китая, средний вес которых достигал четыре пуда [209]. По рассказам жителей с. Стольного, свиней не обобществляли и во время коллективизации [210].

Для первых засельщиков Дальнего Востока проблема дорог и гужевого транспорта была, пожалуй, наиболее острой на протяжении довольно длительного периода. «Для первых надобностей края приводились с неимоверными трудами томские и забайкальские лошади, которые на протяжении 3000 верст вдоль Амура и Уссури то сплавлялись на паромах, проводились лесными дорогами, подвергаясь опасности утонуть, завязнуть в болоте, оборваться с утеса, быть заеденными дикими зверями или погибнуть от гнуса и бескормицы...» [211]. Понятно, что и стоили эти лошади довольно дорого: томская простая рабочая лошадь 300–500 руб., забайкальская 150–200 руб. [212]. В крестьянские хозяйства чаще приобретали менее дорогих маньчжурских или корейских лошадей, которых приводили на продажу китайцы и корейцы. При своей низкорослости, эти лошади были довольно сильными, проворными, выносливыми. «На Пее лошади сильно выручали, без них нельзя. Мы манзовочку купили, китайскую» [213] «В колхозе у нас были лошади монгольской породы, они маленькие, но шустрые. В каждый колхоз таких давали по 2–3. А дома у нас манзовочка была, брат пришел и забрал ее. Он-то в тайге единолично жил, а мы в колхоз зашли. А дал нам ее Анфим Порфирьевич Соболев. Такая ходкая была», — рассказывала М.Е. Пугина [214].

Главной заботой местного коннозаводства было выведение лошади, пригодной для военных и крестьянских нужд. И такой лошадью стала новая порода, выведенная М.И. Янковским и получившая его имя — лошадь Янковского. Они были выносливы и неприхотливы.

Среди тех, кто продолжил начинание М.И. Янковского, опять же первыми были старообрядцы. В 1901 г. Михаил Иванович доставил в г. Никольск-Уссурийск 12 голов племенных лошадей (персидско-арабской породы, рысистой, битюгской), подаренных Государственным коннозаводством с соизволения Его Императорского Высочества для улучшения коннозаводства в крае. Из этого числа Янковскому предназначалось 2 жеребца и 2 кобылы, остальные лошади должны были остаться в Никольск-Уссурийске как центре крестьянского населения для «наибольшего увеличения среди населения лучших пород лошадей» [215]. И уже в 1902 г. появляются сведения об использовании племенных казенных жеребцов из вновь созданной конюшни. Только из старообрядческого поселка Красный Яр было привезено 7 маток [216]. Другие архивные документы сообщают, что в хозяйстве Т.Т. Кириллова числилось «рабочих лошадей — 6, кобылиц-маток — 13, лошадей подростков — 11 и жеребец-производитель Черномор, купленный на конезаводе Янковского» [217].

Район северного побережья был одним из самых перспективных районов для разведения лошадей. Южно-Уссурийский край известен был обилием гнуса, способствовавшего распространению сибирской язвы. Только морское побережье было свободно от этого бича. Морская вода опять-таки с успехом могла заменять степные солончаки [218]. Для северного побережья одним из ближайших рынков был Владивосток, откуда завозили породистых лошадей — битюгской породы. В с. Кузнецово у Нагорновых было большое стадо лошадей. Семья Соболевых была одной из немногих семей северного побережья, занимавшихся разведением лошадей. Из Сибири они вывезли тяжелых рабочих лошадей, потом уже здесь стали выращивать легких коней. Филипп Кириллович Соболев называл их породу «поносовской, черно-пестрой». Но порода эта быстро вывелась. Остается только догадываться, что это была за порода. То ли известный нам уже Поносов занимался разведением лошадей, то ли просто куплены они были у Поносова [219]. Кстати, семья Филиппа Кирилловича — одна из немногих в Усть-Соболевке, кто держит сегодня в хозяйстве несколько лошадей.

Но мы даже не могли предположить, что крестьяне северного побережья занимались разведением породистых лошадей, рысаков... Вероятно, первых «на развод» все-таки купили у Янковских. В архивных следственных материалах встречаются упоминания о содержании племенных лошадей старообрядческими семьями. В с. Кхуцин породистых лошадей имели Давыдовы. В частности, у Давыдова И.Е. было до 20 голов таких лошадей, Наумовы, Черепановы упоминаются как владельцы заводских рысаков [220]. Бесценной информацией с нами поделились Г.В. Грибов и В.И. Деминов «До 1932 г. у Клима Нагорнова были самые лучшие по побережью рысаки, 4 иноходца. Он в них толк знал, сам лечил коней. Он бега на поле устраивал. Гнедой был его лучшим жеребцом. Он долго раскачивался, но потом уж не догонишь... Коней он возил продавать во Владивосток, на пароходе. В коллективизацию все забрали...» [221] «В Тахобу Соболевы, Дьяконовы привозили рысаков из Кузнецово. Это уже как роскошь была. Они красивые, ходкие. Бега устраивали. Богатые мужики вот соберутся и спорят на четверть водки. Жеребят от этих лошадей смолоду к гонке приучают... Соболевы своих рысаков развели от дьяконовских. Те — у Нагорновых, а те уж не знаю, откуда... Рысаков потом в колхоз забрали, а кормить-то нечем, да и пахать на них стали... В тот же год все и передохли. Некоторые богачи в Кхуцине своих рысаков потравили...» [222].

Обеспеченность скотом крестьянских семей в Приморье была различной в зависимости от времени и района их проживания.

По статистическим данным на 1902 г. на 1 двор в с. Виноградовка приходилось 2,6 лошадей, столько же коров, 1,9 свиней; в с. Петропавловка — 5,5 лошадей, 4,3 коров, 0,2 овец, 2,0 свиней; в с. Красный Яр — 5,8 лошадей, 2,5 коров, 0,2 овец, 2,6 свиней; в Каменке –5 лошадей, 2,7 коров, 2,6 свиней; на х. Сионском –7 лошадей, 2,3 коров, 5,6 оленей [223].

Хорошую дополнительную информацию дали все те же анкеты репрессированных крестьян-старообрядцев 1932 г. –1938 г. Мы получили такие цифры. В старожильческих селах до 1917 г. на одну крестьянскую семью приходилось: 2,95 лошадей, 3,40 коров, 4,47 овец. На северном побережье: 3,45 лошадей, 3,87, коров, 3, 12 овец. В селе Батюково на 1 старообрядческую семью приходилось в среднем: 3,41 лошадей, 3,41 коров, 5,00 овец. В с. Амгу: 4,69 лошадей, 5,38 коров, 5,00 овец [224].

В нач. 30-х XX в. в старожильческих селах на 1 семью приходилось уже: 1,3- лошадей, 1,30 коров, 1,40 овец. На северном побережье соответственно: 1,39 лошадей, 1,35 коров, 1,08 овец. В с. Батюково: 1,58 лошадей, 1,41 коров, 2,58 овец. В с. Амгу 1,42 лошадей, 1,28 коров, 0,85 овец [225].

Несмотря на то, что погодные условия юга Дальнего Востока значительно мягче, чем в Сибири, стойловое их содержание доходило до 6–7 месяцев в году. «Стойловый период начинался, как снег выпадал. А выгоняли, как трава пойдет»; «Се-

ном кормили коров до 15 мая, а выпускаем (с. Усть-Соболевка) уже в апреле. На улице уже ветошь, верба» [226]. В зависимости от климатических условий скот содержали в помещениях или на открытом воздухе. Во время стойлового периода скот содержится в конюшнях или сараях, где имеются перегородки для лошадей, коров, овец. Вспоминает жительница с. Калиновки: «В сарае корова, подтелок, лошадь, овечки. Две овечки зимуют, весной объягнятся. Две-три свиньи в зиму. Откроешь „заворки", скотина гуляет. Летом в загоне и спала скотина, а днем на полянке паслась сама» [227]. В более зажиточных семьях лошади и коровы содержались в отдельных помещениях. Овец, свиней, домашнюю птицу содержали в сараях или стайках. Также в зависимости от зимних условий утеплялись помещения для содержания скота. В с. Красный Яр дощаные сараи не утеплялись, для тепла подстилали на землю сено, и этого было достаточно. На северном побережье, по рассказам старожилов, стойла также не утеплялись на зимний период, только для овец подтапливали печь. В зимние дни скотина обычно находилась в загоне [228].

Для зимне-стойлового периода приходилось заготавливать сено. Места под покосы каждая семья находила сама и пользовалась ими уже всегда, передавая по наследству. «В Виноградовке тесно было, покосов не было, только пашня. Овес сеяли, а барашкам собирали яблочный лист» [229]. Самым лучшим и дорогим сеном считалось разнотравье, смешанное с цветами, листьями: «Лучшее сено то, которое в лесу выкошено, там разные травы растут, часть наших покосов была в орешнике», — рассказывал Феодот Максимович Казанцев о Красном Яре [230]. Сеяли для коней пайзу, тимофеевку, зеленку. Зеленку сеяли поздно, под осень, давали как лакомство рабочим лошадям [231].

Накошенное сено оставляли на месте, с месяц стоит в стогах, потом перевозят стог на санях. Перебрасывают во двор и на сеновал. Для перевозки сена с участка на двор использовали передвижные «стожары». Такой «стожар» перевозят с помощью лошадей или трактора.

Покосы на северном побережье начинались с июля по сентябрь. Сена для коровы нужно было заготовить 3–3,5 тонны (2 стога) на лошадь, если она пасется и зимой, копытит желудь — 1,5 тонны, овце — 800 кг на зиму. «Из крестьянской многолетней практики: копна — 1 центнер, малый стожок — 2 центнера, стог до 5 тонн [232]. Если лошадь зимой работает, то в корм к сену добавляется по 1 кг овса в день, или хлеба. В марте для лошадей делают „мешанку": в сено добавляется солома и мука, потом начинают давать овес» [233] «Рабочих лошадей подкармливали овсом — до ведра в день. С собой в поле тоже брали овес и торбу. Днем сначала лошадь накормить надо, а уж потом самому... Насыплешь ей овса в торбу, наденешь на голову, вот она и жует, с ведром-то вишь, неудобно, она перевернуть может...» Зимой лошадям давали «мешанку»: мешали овес с ячменем и мукой, посыпали рубленым сеном и добавляли воды. Также кормили смесью сои и овса по 6–7 кг в день. Водой поили 3 раза в день [234].

«Зимой и ближе к весне коров тоже подкармливали. Делали им мешанину: собирали прелый лист дубовый, добавляли горячей воды и отрубей. Все это запаривали в бочке литров на 50. Пропарится все это, и можно давать. К листу отруби-то налипнут, вот они и едят. Хорошо доились от этого. Пойло им тоже делали; Отруби или сметки какие мучные замешивали с горячей водой, как манную кашу делали и поили по ведру в день. Жмыхом от сои тоже кормили, разводили с водой и к сену добавляли» [235]. Другим рецептом зимней подкормки коровам поделился Деминов В.И.: «В бочку налить воды, туда же мякиша (пустую шелуху от зерна) и добавить косынки (остатки с мельницы). Затаскиваешь бочку домой, она стоит под умывальником, в доме. Туда сливают помои, и добавляют еще отруби. На другой день выносят коровам» [236]. Караванов Ф.В.: «В пойло корове остатки картошки, брюквы, тыквы вареной. Картошку сырую даем. Все дается по достатку. Нет — живет и так... Овцам зимой давали сено. Пойло тоже. В пойло, что есть, то и давали. А то на одном-то сене скучно им...» [237].

Куры — самая распространенная в крестьянских хозяйствах домашняя птица. Держали помногу. «Курам тоже картошку даем. Делаем им 1 ведро на день горячей вареной картошки, добавляем туда крупы. Утром и вечером. Вот если скотину горячим накормить, она умрет, а для кур хорошо», — продолжал рассказывать Ф.В. Караванов [238].

Летний период выпаса скота начинался обычно на юге Приморья в апреле и продолжался до конца октября, в центральных таежных районах, соответственно — с апреля-мая по октябрь, на севере Приморья — с июня по ноябрь.

Чаще всего в летний период скот пасли в специально огороженных для этого местах- поскотинах. Поскотины располагались чаще с одной стороны селения. Во избежание потравы скотом посевов поскотину огораживали. Изгородь была разной, чаще из жердей. У жителей с. Калиновка, переселенцев с Алтая, поскотина была огорожена плетнем: длинные тонкие жерди переплетались прутьями из лозы, вербенника красного или лешины [239].

«Поскотина была общей заботой», — рассказывал Е. И Малютин, житель с. Перетычиха: «Следил за поскотиной староста. Он объявлял время, и все мы шли городить, а потом сами следили по участкам» [240]. Ануфрий Андреевич Комов, житель с. Тополевого: «Замеряли поскотину, ну, скажем, 1000 саженей она была. Вот их и распределяли. На каждую голову скота, какое-то число саженей. Предположим, пять. Если у тебя 4 головы скота, значит городить твоей семье 20 саженей. Если в твой участок пройдет корова, то хозяин коровы и платит, или как договорятся» [241] «У нас Кхуцине поскотина была огромная, от села до моря, километров 6, от Глиняного ключа до моря. По правилам каждый сам городил свой участок: 15 м давали на корову, 5 м на телка, 30 м на лошадь. Каждый сам и ухаживал за участком. Если хозяин плохо сделает, то община нанимала умельцев, а с самого хозяина потом высчитывала. Молодняк угоняли с весны до самых заморозков за речку. Узнавали каждый свою скотину просто: уши особым способом надрезали, или тавро было. Пастуха если нанимали когда, то с июня по ноябрь. У нас в Максимовке пастухом был Осташкин. Он набирал большое стадо: 90 коров и телят 50, подростков. Осенью расплачивались картошкой, молоком, да и так кормили по очереди, старались хорошо накормить, один лучше другого, чтоб не стыдно было», — рассказал И.К. Пугин [242]. По воспоминаниям Ф.М. Казанцева, жителя с. Красный Яр, пастух в их селе набирал стадо до 20 голов, если пастись предстояло на лесном участке, редколесье. Если на открытом месте, в поле — до 30 голов. Расплачивались с пастухом молоком во время пастьбы и деньгами по окончании сезона. Рабочих лошадей пастухи выводили пастись в ночное [243]. Ф.М. Нагорнов с. Кхуцин: «При единоличном хозяйстве каждый от старосты получал задание: тебе — колья тесать, тебе — лес возить. Поскотину поправляли. Староста заметит непорядок, соберет обчество и распределит всю работу» [244].

В начале XX в. охота на пятнистых оленей считалась самым выгодным промыслом, поскольку на дальневосточном рынке у китайцев лекарственный продукт, вырабатываемый из неокостеневших рогов-пантов, пользовался славой чудодейственного и имел огромный спрос. Дальний Восток становится особо притягательным местом для браконьеров в связи с тем, что пятнистый олень был совершенно истреблен в соседних странах. Поголовье пятнистых оленей в связи с хищническим уничтожением быстро снижалось.

Начало пантовому оленеводству было заложено в России, на Бухтарминском Алтае старообрядцем Авдеем Шараповым (кстати, потомки рода Шарыповых стояли у истоков пантового оленеводства и в нашем крае). Считают, что первое его хозяйство, где пойманные дикие маралы содержались с домашним скотом, было основано в д. Фыкалка в 1792 г. Близость китай-

ской границы, хороший доход, который приносило мараловодство способствовали быстрому распространению таких хозяйств по Бухтарме, Уймону, Чарышу. Позднее мараловодство возникло в Туве, Канском округе. Изюбреводство в 1840 г. появляется в Забайкалье по рр. Чикою, Ингоде, в Верхнеудинском районе [245]. Традиционное занятие было перенесено старообрядцами Алтая, Забайкалья и в Южно-Уссурийский край.

Старообрядцы были первыми, кто начал на Дальнем Востоке заниматься культурным разведением пятнистых оленей. По мере знакомства с историей приморского старообрядчества мы обнаружили массу примеров содержания и разведения ими пятнистых оленей. В 1888 г. С. Я. Поносов достал несколько оленей из ям «китайской лудевы» и содержал их в домашнем питомнике. Впоследствии ему удалось создать значительное стадо до 500 голов оленей. Исследователи считают также, что именно им был изобретен станок для срезания пантов и ряд интересных опытов по скрещиванию самцов изюбрей с самками пятнистых оленей [246]. На заимке у Т. Кириллова (Ольгинский уезд) в 1910 г. — стадо в 10 голов, причем, крестьянский начальник Сучанского участка сообщал, что Т. Кириллов «успешно занимается оленеводством, которое желательно всячески поощрять и развивать» [247]. Есть и другие сведения о содержании небольших оленьих, изюбриных стад крестьянами-старообрядцами в д. Батюково Федором Казаковым, Гребенщиковым, Диевым, выходцами из Алтайского края [248]. В с. Алтайском Ольгинского уезда у Логина Федоровича Замятина было свое оленье стадо: «У горы была загородка километра три. Отец панты сам срезал, варил, пароходом во Владивосток отправлял» [249]. По рассказам Федота Максимовича Казанцева, его дед Викул Николаев какое-то время жил на заимке Калугина, недалеко от Красного Яра, занимался оленеводством. Позднее он завел свое стадо в районе Кедровки. Сам умел лечить оленей, которых в летний период особенно мучили оводы, откладывающие личинки под шкурой. Он был редким специалистом по этой болезни, поражавшей оленей: «к нему многие приезжали, советовались, просили помощи» [250]. Интересно отметить, что будущий родственник Викула Николаева — Иван Бортников был также прекрасным ветеринаром и совладельцем большого оленника в Амгу. Стадо в 28 голов оленей содержал Ф. Д. Ефимов, с. Красный Яр, братья Фунтиковы в с. Кхуцин [251].

В нескольких километрах от с. Амгу на х. Бортниковых долгое время существовал оленник- крупное хозяйство в 122 головы, объединившее несколько оленьих стад, принадлежавших старообрядцам и китайцу. Существовал небольшой оленник и в Верхотуровке [252]. Для сравнения. По сведениям сибирских исследователей, в 1880-е гг. в Верхбухтарминской волости у 21 хозяина было 184 марала; на Уймоне у 18 человек — 141; в д. Шебалихе — 30; в Чечулихе у крестьянина Фомина — 40; у Носкова — 14 голов [253].

Уже упомянутое оленеводческое хозяйство объединило несколько владельцев: Бортников Евстафий (стадо 30 голов), Бортников Иван (30 голов), Нестеров Антон (30 голов), Шарыпов Евтихий (8 голов), Попов Илларион (18 голов), китаец Лю Мин (6 голов). К сожалению, во время коллективизации хозяйство было признано кулацким и уничтожено. Сегодня на бывшем хуторе по-прежнему стоят три красавца — дома. Большие поляны, где были выпасы для оленей, зарастают лесом. Они удивительно похожи на те поляны, что приходилось видеть нам на Сидеми, где были пастбища для пятнистых оленей у Янковских: там совершенно нет подлеска и трава всегда остается будто специально подстрижена- короткая. Место, нам показалось, изумительно подобрано для питомника: невысокие сопки, холмы, достаточно пространства с одиночными крупными деревьями, тут же небольшой ключ или речушка с чистой водой, дальше за деревьями, видимо, пространство для покосов. К сожалению, не сохранилось ни одного хозяйственного строения питомника, оленьих сараев. Самым худшим было то, что уже никто не смог рассказать нам о том, как было организовано это оленеводческое хозяйство.

Михаил Кирьянович Михайлов, житель г. Арсеньева, вспомнил лишь о секретах вываривания пантов. Секретам этим научил его отца китаец-пантовар, живший на хуторе Бортниковых в Амгу: «Лучшими пантами считаются панты у оленя в 10–12 лет. Для того, чтобы сохранить целебные свойства пантов, нужно владеть секретом их варки. Дрова для этого нужный особые — тонкий осинник. В большой котел заливаем воду. На каждые рога привязываем палки с ручками. Вода не должна сильно кипеть, она должна играть. Воду нужно немного подсолить. Рога заваривают, т. е. каждый отросток отдельно опускают в воду, очень медленно, иначе лопнет, и сок вытечет. Сушить нужно в тени» [254].

Огородничество. Природно-климатические условия Южно-Уссурийского края способствовали развитию огородничества.

Вторым хлебом для русских стал картофель, который в Россию был завезен довольно поздно, при Петре I. Лишь во второй половине XVIII в его стали выращивать в Восточной Сибири. В периодических изданиях конца XVIII в. встречались статьи о полезности новой культуры, о приготовлении из него хлеба, выкуривании вина, писали о нем как о заменителе мяса, универсальном средстве для выведения пятен, как о лекарстве от всех болезней. Такое количество полезных свойств должно, казалось бы, вызвать только интерес и быстрое распространение его по всей России. Между тем, история знает «картофельные бунты», вызванные отказом крестьян садить это растение и употреблять его в пищу.

У старообрядцев к картофелю отношение особое. В старообрядческой литературе кон. XVIII — нач. XIX вв. не раз широко обсуждался вопрос о допустимости выращивания картофеля. Широко известны были старообрядческие легенды о происхождении картофеля из ребра умершего волхва, или от блуда царской дочери с огромным псом, явно сатанинского происхождения. Академик В. Н. Перетц в статье «Легенда о происхождении картофеля» доказывает, что мотив дьявольского происхождения картофеля, используемый старообрядцами, имеет общее основание с легендами о происхождении табака и возник не ранее XVIII в. В основе — языческая вера в переселение душ умерших людей. На могилах добрых людей вырастают цветы, на могилах злых — крапива или другое дурное, ядовитое растение [255].

Немаловажное значение для старообрядцев, ревнителей русской старины, имело и чужеземное происхождение картофеля. Интересный рассказ я услышала от П. Г. Мартюшева, уроженца с. Варпаховки Чугуевской волости: «Сам я не помню, мал был, а вот родители мои рассказывали, что в Приморье много „бескартовных“ было, тех, кто не ел и не сеял картофель. Сам я с такими встретился уже когда в Китае стали жить. Те староверы были беженцы из Сахалина. У них книга была толстая, большая. Они рассказывали, что книга эта пудового веса была найдена в пещере, висела там на цепях. Я сам прочитал, там было записано, что эту многопагубную овощь привезли в Россию два еретика — Карт и Офель. Тот, кто ест картофель — нет ему прощения» [256]. Информация эта, как видим, также старообрядческого происхождения, но, вероятно, более позднего. В ней нет языческого пласта, зато усматривается явная связь с правильным и неправильным вероисповеданием. По мнению П. Г. Мартюшева, имена Карт и Офель явно латинского и, следовательно, католического происхождения. Позднее некоторыми старообрядческими соборами уже в нач. XX в. разрешается использовать в пищу картофель [257].

Среди приморских старообрядцев о «бескартовных» знают, но о причине их неедения картошки почти никто уже не помнит. Дарья Ивановна Бобыльских, что живет сегодня в с. Перетычиха на северном побережье, вспомнила, что у родителей мужа — Кирилловых, действительно, было такое прозвище. Но, как она сама думает, это только по бедности: даже на картошку средств не хватало. Односельчане же вспомнили, что Бобыльские не только не ели, но даже и не сеяли картофель. А вот почему — никто не знал [258].

В Усть-Соболевке и сегодня есть семьи, которые не употребляют картофель в пищу. И. Е. Юрков поясняет: «Картошка-то разная есть. Вот у которой ствол длинный и цветет как подсолнух, ту нельзя есть (по другой информации, нельзя есть ту картошку, которая не цветет). О такой картошке рассказывали вот что: была девица гулящая сильно, никакой управы на нее нет. Вот умерла она, похоронили ее, а на ее могиле вырос стебель, стали люди смотреть, что за такое незнакомое растение, откуда же оно растет? Ну, раскопали могилу, а там внизу эта самая картошка, а стебель прорастает из чрева этой девицы. Вот такую нельзя есть, а другую — то даже старцы ели. У нас по Светлой старцы жили, мы к ним ходили, они нас угощали. Картошку намоют — и в печь. Потом с квашеной капустой. Ох и вкусно! Да у меня в „Цветнике" рассказ есть про картошку. Был скит один. Жили в нем пустынники, выращивали только ячмень, тяжело жили, а потом завели картошку, назвали ее „зеленое яблоко". Хорошо стали жить» [259]. В некоторых старообрядческих семьях еще помнят «бескартовное» прошлое своих родителей. Пелагея Прохоровна Некрасова (урожденная Дмитриева, семья переселилась с Алтая, с. Шарчино): «Отец и мама рассказывали, что когда жили на Алтае, обходились без картошки, все хлебное, крупяное делали. (перебиралнсь на Дальний Восток в начале 30-х гг. XX в.), привыкли так жить... А потом понравилась картошка, стали есть ее» [260]. И все же для большинства старообрядцев картофель имел огромное значение. Картофельные посадки по площади занимали второе место после зерновых.

Среди огородных культур, которые обязательно выращивали на усадебном участке, были капуста, морковь, брюква, репа, свекла, лук, огурцы. Многие овощи шли еще и на корм скоту, поэтому их выращивали еще и в поле: репа, брюква, тыква. «Тыквы мы садили много, по 40 ямок. От одного корня несколько штук. И себе, и скоту» [261]. Старообрядцы центральной части края и северного побережья в один голос утверждают, что климат раньше мягче, теплее был. Из бахчевых культур и дыни, и арбузы вырастали прямо по целине, в грунте. Огурцы семечками высаживали в грунт.

Огурцы были вполне привычным овощем, и выращивали их в каждом хозяйстве. А вот помидоры появились в хозяйстве старообрядцев довольно поздно: «В Варпаховке и Каменке долгое время не ели помидоры, называли их „бараньи яйца", дети играли с ними. А потом научились выращивать и солить» [262] «У нас в Кхуцине помидоры появились только в конце 20-х гг. Диковина была. Мы их на яблоки выменивали». По воспоминаниям Ксении Калистратовны Пугиной, семена помидоров и клубники родители привезли с собой с Алтая [263]. В 30–40-х гг. XX в. ассортимент культур, выращиваемых на усадебном участке остался почти прежним, изменились лишь в сторону уменьшения площади посевов.

По срокам из овощных культур первым обычно высаживали лук. Жители Чугуевской волости д. Калиновки рассказывают: «Как вспашем, так в мае и за лук. У нас холодно, так помидорную рассаду сначала в парниках выращивали. А капусту только в поле сеяли. Сначала все в луночки посеешь, потом мягчим почву, продергиваем.»; Р. Я. Сальников (х. Некрасовка, северное побережье края): «Картошку садили 20–25 мая, убирали 10–15 сентября. Капусту убирали после первых заморозков, в конце сентября. В это время капусту солишь, она не перекисает и весной остается ядреной.»; «Тыкву садили 10–20 мая, убирали, когда первый иней упадет, в конце сентября. Ухода за ними особого нет, редко только поливать надо» [264].

Пчеловодство. Развитию пчеловодства в первую очередь благоприятствовали местные природные условия: обилие медоносных растений (особенно липы), постоянная их сменяемость в течение длительного летнего периода. Пчеловодство быстро превратилось в товарную отрасль. Занятие этим промыслом давало большие возможности для накопления средств и расширения сельскохозяйственного производства. Самым благоприятным местом в Приморье были центральные таежные районы, долина р. Уссури, защищенные от моря, а значит от ветров, туманов Сихотэ-Алиньским хребтом. Здесь больше солнца, тепла. На северном побережье условия для развития этой отрасли хозяйства были менее благоприятными: иногда ветры уносили пчел в море [265].

Еще Военный генерал-губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер отмечал, что прибывшие в числе первых засельщиков Южно-Уссурийского края, казаки находили в лесах диких пчел, водившихся здесь в огромных количествах. Трудолюбие, поразительная выносливость диких пчел давно привлекала внимание ученых, пчеловодов. В 1926 г. профессор Тимирязевской академии Г. А. Кожевников определил, что это индийские пчелы, открытые Фабрициусом в Индии в 1881 г. Пчелы эти живут семьями в тайге, устраивают гнездо в прикорневых дуплах, на высоте примерно 1 м. Предпочитают для гнездования твердые породы деревьев — дуб монгольский, орех маньчжурский, ясень [266]. В улье диких пчел находили от полутора до двух пудов меда... О качестве меда диких пчел существовали самые разные мнения: «Мед диких пчел ароматичен и очень вкусен». «Мед уссурийских пчел жидок и невкусен по сравнению с пчелами из Европейской России и Западной Сибири» [267]. Жители этих мест, крестьяне, китайцы, корейцы очень быстро превратили собирание меда в настоящий хищнический промысел: дерево, на котором находили мед, срубали, мед выбирали весь, без остатка во всякое время года, обрекая рои диких пчел на голодную смерть зимой. В 1890 г. этот вопрос широко обсуждался и были приняты правила о сборе меда от диких пчел и охране последних от полного истребления [268]. Были, конечно, попытки культивировать диких пчел. Н. А. Пальчевский в этой связи упоминает о староверах, переселенцах из Пермской губернии, живших на р. Лефу. Они не разорили пчел, живущих рядом с их селением, а приспособились брать мед из этих ульев, пчелы же оставались в улье и продолжали работать [269]. О подобных случаях вспоминает и Кирилл Иосифович Кочев (переселенец из Пермской губернии, ныне живет в г. Арсеньеве), потомственный пчеловод. «О диких пчелах мне отец рассказывал. Эти пчелы помельче, очень хорошо работают, но как только матка улетела — все, пчелы прекращают работать и улетают. У одного пасечника было несколько роев диких пчел, несколько лет жили. В один прекрасный день вышел он — улья оставлены, рои улетели...» [270]. Клавдия Семеновна Примачева: «Слышала я, что матки у этих пчел роятся и роятся... А в ульях не живут, уходят все-таки на свое место в лес...» [271]. Иосиф Ермилович Юрков, переселенец из Пермской губернии, вспоминает, что у отца на хуторе в Чугуевской волости долго была пасека из диких пчел. «Вот стоит улик, он полон пчел, появляется вторая матка, одна из них находит жилье и прилетает за роем, поселяются в дупле. На зиму они запечатывают дупло и зимуют. Сами себя они могут охлаждать и согревать. Я сам находил в дупле соты, один раз нарезал полное ведро, немного и пчелам оставил. Дикие пчелы сами делают соты, засевают детку. Приносили рой домой, садили в ульи. За дикими пчелами необходим досмотр, чтоб не было второй матки. Отец держал дуплянки. Мед возил в Никольск» [272]. Соломония Леонтьевна Гуменная (выходцы из Вятской губ., девичья фамилия Бортникова): «У Бортниковых у всех пчелы были. Диких пчел в округе много было (с. Виноградовка, они внешне мельче, серенькие. Мы вырезали мед из дупла — и в „роялку". Отсадят и приносят домой, садят в улей. Рой живет в улье. Могут улететь назад. Им меняли матку на матку культурной пчелы, садят в маточник, а дикую убирают, тогда рой спокойно работает. Дикий мед более душистый, вкуснее...» [273].

Попытки же старожилов края завезти сюда рои домашних пчел морским или сухопутным путем долгое время заканчивались неудачей. Даже у известного фермера Янковского пчелы, привезенные из Европейской России, погибли [274]. Сегодня известны имена людей, сумевших завезти на Дальний Восток ульи, колодки с такими пчелами. Среди них благовещенский мещанин Илья Хворов, привез в 1888 г. в Хабаровск шесть колодок томских или забайкальских пчел [275]. Тогда же,

в 80-е гг. старовер Фирсов из Томской губернии привез в Амурскую область несколько колодок [276]. В 1890 г. несколько переселенцев Варавва, Тарасенко, Гавриленко, пришедшие в Южно-Уссурийский край морем, благополучно доставили несколько колодок домашних пчел [277]. За очень короткий срок, к 1903 г. у 443 крестьян было 14611 колодок. Роились пчелы в крае необыкновеино быстро. Бывали случаи, когда от одного роя к концу года образовывалось 8–10 роев [278]. В Ивановской волости к 1894 г. был 421 улей, в Суйфунской — 53, и Сучанской — 19. По сведениям А. Меньщикова, к концу первого десятилетия, в среднем на одно крестьянское хозяйство в Прибрежной зоне (Ольгинский уезд, Сучанская волость) приходилось по 49 ульев [279].

Доходность пчеловодства прекрасно демонстрировали первые успешные опыты пчеловодства в Приморской области. Так, Илья Хворов количество ульев с 6 к 1894 г. довел до 410. Меда собрал 101пуд и продал по 12–16 рублей, получил 1260 рублей. Воска получил 13 пудов, продал по 30 рублей, получил 390 рублей. Продал еще и 202 улья. Общий доход составил 4504 рубля [280].

Как всегда, наиболее значительный вклад в развитие пчеловодства в Приморье сделали старообрядцы. Уже в начале 90-х гг. XIX в. самые крупные пасеки были в хозяйстве Красиловых в Каменке до 500 ульев, Терентия и Никиты Калугиных в Ивановской волости (соответственно 42 и 100), в с. Красный Яр у Федора Калугина — 34 [281]. У Терентия Афанасьевича Калугина и его сыновей в Виноградовке пчел было много, ульи предпочитали держать колодные. «Колодный мед больше ценился, его возили в Китай продавать, а рамочный мед сами ели» [282].

О том, как выглядели и как изготавливали колодные ульи вспоминает К. И. Кочев: «Диаметр улья получался произвольным, в зависимости от толщины ствола дерева, ствол дерева нужной высоты отрезается и его внутренняя часть выдалбливается долотом, окультуривается. Стенка остается до 4–6 см, в зависимости от климата. Прорезается в стенке окно для доступа в улей. При осмотре закрывается обычно тремя вставками с торцов. Сверху и снизу закрывается плотно досками на гвоздях. Леток может быть в одной из вставок или рядом. В верхней части, в голове, обычно соты печатаются с медом. Вощина в эти ульи на рамках не ставится, пчелы произвольно отстраивают соты, приклеивают их к стенкам. В зависимости от количества пчел отстраивают новые соты, опускаясь вниз по улью. Когда улей довольно застроен сотами, а верхняя часть соты запечатана, их вырезают. Сотовый мед самый полезный. Он помогает излечивать до 100 разных заболеваний» [283]. К 1912 г. колодных ульев было явно больше, чем рамочных: Колодных — 81 875, рамочных 12 252 [284].

Рамочные улья в крестьянских хозяйствах края в массовом количестве начали появляться с н. XX в. Явно большая продуктивность рамочных ульев уже не оставляла места никаким сомнениям: простой дупляный улей в течение лета давал не более 25 фунтов меда, рамочный — до трех пудов [285].

В старообрядческом с. Петропавловка еще в нач. 90-х гг. XIX в. появились и первые рамочные ульи, отсюда такие ульи были взяты в Виноградовку, Каменку [286]. Доходность от пчеловодческих хозяйств была велика. Так, семья Стариковых, переехавших на северное побережье, исключила из своих основных занятий землепашество совершенно, предпочитая заниматься только пчеловодством. Семья жила только на средства от продажи меда, вощины [286]. По 100–150 ульев было достаточно распространенным явлением в крестьянских старообрядческих хозяйствах: у И. А. Зернина, Ф. Ф. Андреева, Фунтиковых, Наумовых [287].

Основной медосбор в крае происходил во время цветения липы. После основного медосбора пчел вывозили из таежных мест на поля с гречихой и цветочным разнотравьем. Нужно отметить, что взяток с гречки брать каждый год не удавалось. Так, в 1909–1910 гг. в связи с холодным летом, дождями, туманами почти повсеместно в Южно-Уссурийском крае был плохой медосбор. Для гречихи нужны тепло и влага в достаточном, но не избыточным, количестве, тогда медосбор с нее бывает обильным. Современные старообрядцы-пчеловоды отмечают резкое ухудшение климатических условий по сравнению с периодом 20–30-х гг. Ф. М. Казанцев (бывший житель с. Красный Яр) вспоминает, что условия его родного села для пчеловодства были не лучшими, леса поблизости села не было, поэтому за взятком пчел вывозили далеко в лес. «Липа Первая — у нее мелкий лист, цветет пораньше в начале июня, липа Вторая (у нее широкий лист) попозже, потом пчел вывозили на разнотравье, гречиху, на просо и так до конца лета» [288].

Несмотря на неблагоприятные условия северного побережья, почти в каждом старообрядческом хозяйстве были ульи, иногда и очень крупные пасеки. У Санникова Фотея Митрофановича на хуторе в Нестеровке (по р. Кхуцин) было 250 ульев. У Арефия Санникова в Андреевке было около 50 ульев, причем, когда были хлебные неурожаи, то мед помогал выжить, его выменивали на хлеб. На уже упоминавшейся нами заимке Гостюхиных было до 130 ульев [289].

Основной медосбор на северном побережье шел также с липы. Цветет она обычно 8–10 дней. В Тернее 23 июля обычно отцветает, а в Кеме, Усть-Соболевке до 10 августа цветет. Взяток пчелы берут на северном побережье с кипрея (июль), бархата амурского. Самый вкусный и полезный мед от цветов малины и аралии. Аралия на северном побережье цветет в октябре. «Есть у нас тут дерево, — рассказывает В. И. Деминов, — в народе черешня называют. С нее пчела возьмет взяток, а он у нее в желудке загустевает. Пчела умирает, не долетев до улья...» [290].

В конце главного взятка начинают подготавливать пчел к зимнему периоду. «В зиму пчела должна войти сильной, не изработанной, с определенным запасом меда, а также пыльцы. Если семья идет в зиму на 12 рамках, тогда и меда должно быть 25–30 килограммов, не менее». На зиму пчел обычно убирали в специальные помещения — омшанники, где поддерживалась постоянная температура. На одной из старообрядчексих заимок — Гостюхинской — нам удалось заснять довольно большой омшанник на 130 ульев. «Омшанники обычно не отапливались у нас (северное побережье) пчелы не любят, когда жарко, до 2 градусов тепла поддерживали температуру. Если жарковато становилось- трубу вытяжную в омшаннике открывали» [290]. Об особенностях строительства омшанников рассказал В. И. Деминов: «Омшанник так строили, что половина сруба в земле торчит, половина наружу, двери тоже двойные делали от холода. Внутри на стеллажах ставили улья, 3–4 ряда. У Пугиных 80 ульев было. Труба вытяжная сбита из досок и вставляется через потолок, потолок заваливается. Если низкая температура, то закрывали матиками из соломы, пырея. Часто туда не надо ходить. Если резко меняется погода, тогда уж идут. В единоличных хозяйствах пчел не подкармливали, свой взяток был, а в колхозе сахаром с водой» [292].

Во многих крестьянских семьях небольшое количество ульев, колодок держали в подполье. После того, как небольшой омшанник у Ануфрия Андреевича Комова (Тополевый) пришел в негодность, а количество ульев сократилось, пчел на зиму он определял в подполье. Василий Илларионович Деминов вспоминал, что у его отца в Тахобе (Усть-Соболевка) колодок было всего шесть. На зиму убирали в подполье. Отец все время присматривал за ними. «Если им не хватало меду или холодно было, они такой бунт поднимали, гул стоит. Подполье мы, конечно, не подогревали, а накидывали постилку, если жарко- убирали ее» [293].

Не менее ценным продуктом пчеловодства был воск, который шел на изготовление вощины, свечей.

Для изготовления воска шла старая вощина, которую снимали с рамок. По рассказам А. М. Карабановой, «старую вощину собирали и бросали в котел с водой. Воску должно быть меньше, чем воды. Расплавляем на костре. Потом берем де-

ревянный ящик, а дно у него редкое, между досками должно быть расстояние, застилаем дно внутри ящика мешковиной и заливаем туда горячую массу, сверху все это придавливаем давком (доска, прибитая снизу к круглому чурбачку). Чистый воск выдавливается снизу через мешковину в таз. Теперь из него можно новую вощину делать или свечи» [294].

В некоторых старообрядческих семьях вощину делали на специальных фабричных станках — «вальцах». Сегодня они совершенно вышли из употребления и почти не сохранились в крестьянских хозяйствах. В 30-х гг. они считались признаком кулацкого хозяйства, изымались в общее пользование, а потом за ненадобностью выбрасывались. В хозяйстве Ф. С. Денисова такие вальцы чудом сохранились, и хозяин подарил их музею. Филат Семенович Денисов и рассказал нам об изготовлении вощины на вальцах: «Для станка делается верстак на 4 ножках, высотой 80–90 см, длиной –1,5 м., шириной 60–70 см. Ставят станок на верстак, со стороны запуска восковых пластин пристраивают полочку на уровне нижнего валика станка, по ширине валиков. Под нижний валик ставят корытце для щелока, с таким расчетом, чтобы сам валик вращался в щелоке. Со стороны выхода вощины на расстоянии 25–30 см ставятся 2 доски — щеки (10 см шириной и 2,5 см толщиной укрепляются на верстаке) с проушинами, в которые вставляется валик. Этот валик служит для наматывания выходящей вощины. В помещении устанавливается две емкости примерно на 100 л, деревянные бочонки. В одну емкость заливается вода комнатной температуры, на 10 см ниже краев, во вторую — разогретый на плите или костре воск. Но сначала нужно еще изготовить деревянные пластины из хорошего дерева. Пластины делаются по ширине вальков станка, толщиной 5–6 мм, длина 40 см. В верхней части пластин прибиваются 1–2 ручки для лучшего удержания на работе. Эти пластины сначала кладут в емкость с водой, они должны хорошо намокнуть. Потом эту пластину обмакивают в горячий воск, утопляя ее на 30 см. Вынимают и сразу опускают в воду. С деревянной пластины отделяются две восковые пластины и ленточки. Ленточки обрывают и бросают в котел с воском, а восковые пластины складывают стопкой, толщиной 10–15см. Далее готовят щелок: из коры осины нажигают золу и заливают водой, дают отстояться, процеживают через плотное сито. Наливают щелок в корытце под нижним вальком, а также еще в одну емкость для смачивания верхнего валика станка. Процесс изготовления восковых пластин и их прокатка производится в одно время. В помещении должно быть тепло. Один человек крутит ручку станка, один человек заправляет восковые пластины в станок, один человек постоянно смачивает щелоком верхний валик станка и следит, чтобы нижний валик постоянно находился в щелоке, четвертый человек наматывает выходящую вощину на валик. Затем валик с вощиной снимается и вощина раскатывается в полосу на какую-нибудь доску. Разостланную вощину размечают по ширине пчелиных рамок и режут проволокой (на концы метровой проволоки укрепляют деревянные ручки и режут 2 человека), потом готовые пластины складывают в пачки, обертывают бумагой и укладывают в ящики. Процесс работы закончен» [295].

Потомки известных пчеловодов Сибири, Алтая продолжают сегодня семейные традиции. Предки приморского фермера Николая Васильевича Горбунова — старообрядцы Бердниковы — Горбуновы жили на Енисее в с. Каменка. По семейным воспоминаниям в Каменке жило четыре рода Бердниковых, двенадцать-пятнадцать семей. Несколько поколений Бердниковых занимались разведением пчел. Николай Васильевич вспоминал: «Про мою родню в книге Астафьева есть „100 пудов сотового меда“. Дед и баба мои в страшно голодный год приташили Колчаку целую баржу меда... Колчак освободил их от налогов. С подарками вернулись домой: у бабушки долго книга хранилась по кулинарии, подаренная Колчаком, а деду костюм сшили из подаренного материала. В 1921 г. село окружили красные, всех уничтожили. На деда пришла бумага о реабилитации и 48 рублей денег» [296].

К 1916 г. пчеловодство в Приморской области достигло особо крупных размеров. Число ульев достигло 108 889, пасек — 3 000. Ожидался сбор меда 40 000 пудов, воска 2 000 пудов. Лучший медосбор был в Иманском агрономическом районе. Цены на воск колебались от 30 до 70 рублей, наиболее низкие цены были в прибрежных районах 10–16 рублей за пуд [297].

Охота. Фауна юга Дальнего Востока поражает разнообразием растительного и животного мира. Сама здешняя природа создавала охотников... Первоначально для внутреннего потребления имела значение круглогодичная охота на крупных и мелких копытных: лось, изюбрь, кабан, различные виды оленей, коз, кабарга. Добыча этих животных обеспечивала население основными продуктами питания. Немалым подспорьем в питании был промысел боровой и водоплавающей птицы: различные виды гусей, уток, фазаны, рябчики. Главными объектами пушного промысла юга Дальнего Востока были: соболь, хорек, белка, выдра, барсук, лиса, заяц, горностай, харза. Немалый доход в семью приносила и охота на хищников: медведь бурый и гималайский, тигр, рысь, волк.

«Звериной и птичьей ловле и вообще охоте суждено было на Руси занять первое по времени место в числе... доходных прерогатив казны...» [298]. Мы уже отмечали, что промыслы, и в первую очередь охотничий, являлись ведущими отраслями хозяйства сибиряков на протяжении нескольких веков, начиная с XVII в. Продукция охоты, особенно пушного промысла быстро приносила ощутимый доход. Товарное направление охотничьей деятельности стимулировалось необходимостью покупки получившего распространение огнестрельного оружия, позднее вложениями прибыли в другие отрасли хозяйства: земледелие, пчеловодство, скотоводство.

По результатам исследований состояния охотничьего промысла в Амурской и Приморской областях на 1909 г. современники отмечали, что главные промысловые богатства сосредоточены в Приморской области, она же дает наибольший доход от охотничьего промысла. Так, в Амурской области убивают 50–100 медведей, 200 кабанов, несколько изюбрей. В Приморской области убито 544 оленя, коз-12 189, кабанов — 3672, других животных — 34 864 [299]. Главным охотничьим контингентом в Приамурье стали староверы и молокане. Память старообрядцев до сих пор хранит имена известных на весь край, а то и на всю страну, удачливых, бесстрашных, метких охотников: Басаргины, Владимировы, Богачевы, Андреевы, Чужеумовы, Юрковы, Куликовы, Калугины, Крашенины.

Охота на пушных зверей стабильно приносила немалый доход, живые деньги в бюджет крестьянской старообрядческой семьи. По данным статистики, крестьянин-охотник мог в среднем в год заработать на охоте до 2 000 рублей [300]. «Кто охотился, жили хорошо. Даже в 1933 г. голод везде был, а мы голода не знали: у нас даже мука-крупчатка была, потому что деньги хорошие за охоту получали» [301].

По мере продвижения на север в горы Сихотэ-Алиня с изменением природно-климатических условий земледелие теряет свое первостепенное значение, уступая место охотничьему промыслу. Район р. Даубихе, Улахе, Уссури, северного побережья, долины р. Бикин, рек Имана, Вака стали основными промысловыми районами края. В этих районах охота для старообрядческого населения становится главным источником существования. У нас нет пока возможности показать количество охотников-промысловиков в каком-то из этих районов в более ранний период, но цифры начала 30-х гг. XX в., на наш взгляд, убедительны. По данным дела о старообрядческом восстании, среди 80 арестованных жителей долины р. Бикин — 72 промысловика-охотника, среди 92 арестованных Кхуцинской долины — 31 охотник-промысловик, среди 32 арестованных Светлинской долины — 13 охотников-промысловиков [302].

Старообрядческое население, охотники-промысловики были весьма неплохо обеспечены огнестрельным оружием. Среди оружия были далеко не устаревшие трехлинейки, а винчестеры, японские карабины, причем, как правило, у каждого промысловика было не одно ружье. Так, только у 5 задержанных при переходе границы старообрядцев обнаружили 13 ед. огнестрельного оружия [303].

Территория Приморья с древнейших времен была местом традиционного проживания аборигенного населения края, для которого охотничий промысел был главным источником их существования. Появление русских в этих таежных районах стало важным событием для коренного населения. Удэгейцы рассказывают об одном предзнаменовании, случившимся в этих краях перед приходом русских: вдруг начали расти березы, которых здесь никогда не было. Поняли удэгейцы — скоро придут русские. И они пришли [304]. Встретились две охотничьи культуры — русская и аборигенная.

Распределение жизненного пространства, особенно охотничьих территорий, по свидетельству современников, происходило по молчаливому согласию: русские не заходили туда, где царит инородец, а те в свою очередь не вторгались в сферу влияния русских [305]. Скорее всего, это «молчаливое согласие» было вынужденным смирением перед властью и силой. Но тем не менее «статус кво» с аборигенами был установлен, и обе стороны старались не нарушать его, со временем присматриваясь к охотничьему опыту друг друга.

«Удэгейцы — хорошие охотники, умеют выслеживать, знают тайгу. Зверя, где на кукорках, где ползком — все равно выследят. Очень добрые, гостеприимные, но если им что-то не так сделать — берегись. У нас с ними все мирно было.»; «Удэгейцы — хорошие ребята, хорошие охотники. Их фанзы стояли недалеко от нас, выше Самаровки. Их ороченами тогда называли. Они нам хороших охотничьих собак давали. Как ни стараешься, по ихнему ничего не сделаешь, очень ловкие...»; «Орочены — самые охотники числятся. Я слыхал, что старые орочоны даже запах зверя слышали, а все, вишь, потому, что они все без соли ели, сырое» [306].

Самой дорогой пушниной всегда был соболь. Цена одной шкурки соболя колебалась от 15 рублей до 1 500 рублей [307]. Есть множество свидетельств старообрядцев, занимавшихся этим промыслом: «На одного соболя раньше можно было двадцать коров купить» или «на двух соболей безбедно можно жить год. И сыты, и одеты.»; «Если добудешь соболя, обживешься полностью» [308].

Самыми высокосортным и, значит, самым дорогим считался соболь витимский, который к началу XX в. был уже почти выбит, далее шли баргузинский, кумарский, зейский, якутский и т. д. Не менее ценным считался мех камчатского соболя, за ним уже следовал амурский, уссурийский, сахалинский. Соболь, пойманный в верховьях р. Бикина и р. Хор, считался лучше камчатского и якутского [309]. В.К. Арсеньев отметил, что староверы-соболевщики различали местного соболя и ходового. Это подтверждали и китайцы-охотники. Местный соболь далеко не уходит, живет на определенной территории. А у ходового соболя шерсть на лапах вытерта, когти почти притуплены. У местных соболей подошвы покрыты шерстью и коготки длинные и острые [310].

Главными рынками сбыта в Приморье были Владивосток, Никольск-Уссурийск. Пушнину сбывали также через скупщиков-китайцев. Их лавочки были разбросаны по побережью Японского моря. Они являлись агентами больших фирм. Пушнина, которую они приобретали у охотников, уходила в Китай [311]. «Наши охотники тоже ходили за границу, кто хотел, на Иман или за Спасск. Несли пушнину на продажу. Собирались человек по 5–6. Китайцы доверчивые были, в долг товар отпускали честному человеку. В основном в Китай ходили за материей — шелком, платками, сатином, ситцем» [312]. В.И. Рубинский в своем исследовании рассказывает, что старообрядцы д. Амгу у м. Белкина прекрасно владеющие китайским языком, занимаются скупкой пушнины у китайцев с р. Такемы. Им известны все зверовые фанзы в системе этой реки. По их подсчету в 1905 г. было 16 фанз с 44 промышленниками. И это еще не самое богатое соболем и белкой место [313].

В пушных приемных пунктах до революции, вспоминал Чужеумов Я.Л., соболя оценивали в строгом соответствии с ценностью меха, цвета, качеством: «„Экстра-головка“ — это высший сорт, самый высший. У такого соболя подпушь шелковистая, ровная, цвет черный, темный. „Подголовка“ — мех чуть посветлее, „головка“ — бока с опалинами...» [314]. Р.Я. Сальников, житель с. Максимовки: «Цвета у соболя разные были: черный, светлый, серый, белесый. Цена устанавливалась по цветам, сортам. Ость хорошая и подпушь белая — 1 сорт. Самый хороший — черный соболь. В 30-х гг. XX в. самый высший сорт соболя стоил до 600 рублей» [315].

Промыслом соболя традиционно занималось на Дальнем Востоке местное коренное население, китайцы, корейцы и русские. В.И. Рубинский в специальном исследовании, посвященном охоте на соболя, еще в 1911 г. отмечал, что соболиным промыслом на Дальнем Востоке занимаются в основном инородцы. Причину же уступки русскими этого выгодного промысла он видел в малонаселенности, трудных условиях промысла. Русские, по его мнению, предпочитали охоту на крупного зверя, поскольку она требовала гораздо меньше времени, но была не менее выгодна [316].

В начале XX в. пушной промысел сосредоточен был в таежных центральных и северных районах Приморья. Верховья рек Фудина, Ното, Имана, Вака, Бикина, Мутуху, Тютихе, Тадушу, Амгу, Едзыху были местами, куда стремились промысловики — охотники за пушным зверем. Количество охотников, промышлявших по этим 10 рекам определялось до 450 человек. В районе р. Амагу в 1905 г. промышляли 11 староверов и 1 таза, поймавшие 70 соболей. За сезон охоты 2–2,5 месяца охотник добывал в среднем от 1 до 8 соболей, чаще 4–5 соболей [317].

По побережью соболя было немного. «Мой отец за соболем в верховья Кхуцина ходил с побережья. Рядом с Кхуцином его почти не было» [318]. По рассказам наших информаторов, жители северного побережья, охотники, уходили за соболем за перевал, в долину к р. Бикин. Федор Васильевич Караванов, житель с. Усть-Соболевка: «Соболя в этих местах долго не было. За ним на Бикин охотиться ходили» [319]. «На соболя охотиться мы с отцом уходили далеко, на Иман» (с северного побережья); На иманские же охотничьи угодья шли и охотники из Чугуевской волости [320]. По сведениям ученых-биологов, сегодня плотность населения соболя в долине рр. Самарги и Единки колеблется от 1 до 5 особей на 10 км [2]. По качеству меха местный соболь, несмотря на неоднократные подселения «баргузинов», по прежнему сильно уступает камчатскому, якутскому, баргузинскому подвидам [321].

Количество добываемого соболя с каждым годом уменьшалось. По свидетельству В.П. Маргаритова, «рьяный охотник» добывал в 80-х гг XIX в. в среднем по 70 соболей. К 1911 г. немногие охотники добывали по только по 7 соболей в зиму [322]. По рассказам И.Е. Юркова, его отец в начале 20-х гг. добывал по 12 соболей за сезон [323]. Яков Леонтьевич Чужеумов (житель с. Амгу, Сойон,) вспоминает, что «охотился всю жизнь, сколько помнит себя. Ружье еще прикладом по земле тащил, а уж стрелял белок, хорьков, ловушки ставил. На соболя ходил, позднее с сыном. В одну зиму около 200 (?) штук с ним поймали. В Амгу хороших охотников трое было: я, Рыков (его медведь съел) и Лабутин. Я хорошо стрелял, метко. Хоть на бегу, хоть как» [324]. Кстати, отец Чужеумова, Леонтий Исакович, тоже был удачливым охотником. Арестован был в 1937 г. При аресте у него обнаружено было «5 дробовых ружьев, боеприпасы, 3 религиозные книги» [325].

Охотиться на соболя начинали с 15 ноября до конца февраля. Самая хорошая пушнина в декабре. Считалось, что в годы хорошего урожая орехов, соболь бывает плохого качества, так как пачкает шерсть смолой, обрывает ость. Он в это время меньше бегает по лесу. Плохим считался промысел и в ветреные зимы: ветер заметает следы соболя, забивает ловушки. Самым благоприятным временем охоты считались неурожайные на орехи и ягоды годы, с мелким, но часто выпадаемым снегом [326].

Незаменимыми помощниками охотников были их собаки. Основными поставщиками собак, охотничьих лаек были удэгейцы. «У меня, — вспоминает Я. Л. Чужеумов, — лайка была, непревзойденный соболятник. Соболем звали. 9 лет работала. Я никому про Соболя не хвастался: от зависти могли убить. Ни у кого такой не было. Мы с ней в день по 8 соболей добывали, она меня ни разу не обманула. Если залает — обязательно соболь есть» [327].

И. Е. Юрков рассказывал нам, что где-то по дороге, когда родители его перебирались из Пермской губ. в Уссурийский край, «отец увидел у одного мужика хорошую охотничью собаку. Уговорил-таки мужика отдать щенка за корову. И то по знакомству, потому что тот мужик все потомство уничтожал, хотел, чтоб только у него такая собака была. Отец ее Франтиком назвал. Погибла случайно в петле» [328]. «Пород разных собаки были», — вспоминает В. И. Деминов. «Минусинские Караваевы с собой привезли собак с Минусинска. Эти собаки за соболем хорошо ходили. Другие собаки уже местной породы были. Щенков никогда не покупали. „На, бери". Всегда так давали. И сейчас не продают» [329].

Способов охоты существовало немало. Главным здесь было — не испортить шкурку, поэтому, пожалуй, единственно возможным способом охоты были ловушки ударного действия и петли.

Для рассказа о ловушке-кулемке Ануфрий Андреевич Комов повел нас на озеро, где у него стояли ловушки, настороженные на колонка. «Разницы нет, объяснял Ануфрий Анддреевич, — соболя можно такими же ловить». На земле лежало давно сваленное бревно, сантиметров 50 в диаметре. Часть ствола внутри дерева была выдолблена. «Ловушка кулемка-дуплянка», — торжественно провозгласил Ануфрий Андреевич. Перед дуплом лежал ствол небольшого дерева, под углом над ним на двух, особым образом вырезанных «сторожках», соединенных тонкой палочкой с зарубками — «сронком» лежал ствол дерева побольше в диаметре — «давок». На нем установлено было еще одно дерево, еще большего диаметра — «придав». «Оно все вместе хорошо давит», — пояснил наш проводник. «В дупло ложим приманку, лучше в баночку консервную, что зверь не смог съесть, а запах только был. Можно рыбу или рябчика. Вот я все насторожил. Положим, бежит колонок или соболь. Носом нюхнюх... Ага! Там еда! Он сейчас голову-то туды протолкал, а ногой-то на сронок наступил... Все. Его уже придавило!» [330].

Опадные самоловы, так называемые «плашки», использовались для охоты не только на соболя, но и других пушных зверей: белок, колонков. Они бывали стационарными и переносными. «У нас на побережье, „хлопцы" делали из бревна. Стясываешь нижнее бревно, и устанавливаешь рядом насторожку, на него — верхнее бревно. К краю прикормку ложишь, лучше рябчика с душком» [331].

Распространенным способом охоты на соболя был «обмет». Е. Р. Шишкова рассказывала, как охотился на соболя ее отец: «Соболя иногда выследят и на дерево загонят. Вокруг дерева сетку наматывают, как тент. Соболь-то на нее не решается наступить, а в единственное отверстие в этом тенте вставлена сетка-рукавчик. Вот он в него обязательно и попадает» [332]. Такую же сетку-рукавчик охотники ставили перед выходом из норы, куда загоняли соболя. Обмет ставили только зимой. По мнению В. И. Рубинского, старообрядцы считали этот способ охоты — с «рукавчиком» — самым добычливым [333].

Шкурки пушиых зверей охотники снимали и выделывали прямо во время промысла. «Убил. Обдираешь шкурку „чулком". Пленку, мездру счищаю. Под ней слой жира, я его скобелкой сниму. Наберу золу в тряпку и шкурку эту в золе стираю. Пробую пальцем. Если жир смыл, палец притормозится. Потом делаю тузлук из соли, вымачиваю ночь в корыте. На полтора ведра воды горсть соли. Срезаю крюк-развилку с дерева, петлю делаю для ноги. К развилке прибиваю заостренное лезвие. Вот и шеркаешь им шкурку-то, осторожно надо. Если шкурка тонкая, то ножом на камне» [334].

Шкурки соболя снимали обычно «чулком», «мешком»: со стороны живота делали Т-образный разрез у хвоста и вдоль его. Шкурку снимали через голову, потом натягивали на пяло [335].

Места обитания белки в крае те же, что и соболя. Белки водилось в Уссурийском крае огромное количество. Уничтожалась она нещадно, не охотился на белку разве что ленивый. За сезон охоты, 2–2,5 месяца, охотник добывал в среднем от 50–600 белок, чаще 300–400 белок [336].

«Белка бегает по деревьям, цвиркает, коцает, клокает, плачет... Далеко слышно „у-у-у-у". Она такая непуганая была, сидит, не убегает. Подходишь прямо под дерево, стреляешь.»; «Дед мой, Кулятин Иван Савельевич, — рассказывает И. С. Жданов, — на белку охотничал. Здесь надо метким стрелком быть, а он в 100 лет без очков еще читал. Из мелкашки в глаз попадал. За день по 70–120 белок добывал...», «Белок набили в сезон 1935–37 гг. бригадой 10 000 штук!» [337]. В 30-х гг. XX в. охотились бригадами. «Бригады были человек по семь. Охотились так на белку, колонка. Кто много белки убьет, тому по Союзу проезд бесплатный. Отец наш (Кирьян Михайлович Михайлов) 4 000 белок за сезон убил, второе место занял. В премию ему полагался пистолет, но он не полетел в Москву за ним. Три зимы одной бригадой охотились» [338].

Охотились на белку также, как и на соболя, с собаками, правда, некоторые охотники утверждали, что без собаки охотиться на белку проще. «Сидишь на одном месте, бьешь, а собака только бегает и пугает».

Сроки охоты на белку охотники определяли с октября по февраль. «На белку охотиться начинают с половины октября, когда белка седая. Она по цвету меха различается: летняя — красная, осенняя — черная, серая — выходная, зимняя»; «На белку охотятся, когда орех есть, с 15 октября, в ноябре»; «Белка самая „выходная" с 15 ноября по 15 декабря»; По словам Р. Я. Сальникова, белку надо бить в ноябре, когда она «выходная», т. е. шкурка изнутри после выделки белая [339].

Различали белку «ходовую» (проходную) и местную. «Ходовая белка — это вишь, когда, положим, в Амгу корму нет, так она в Тахобу шпарит... Так, проходную стреляют раньше, а местную позже. Самая пушнина в декабре» [340].

Охотились на белку, в основном с ружьем. Реже петлями. Об устройстве одной из них рассказал И. Е. Юрков: «Через речку рубили бревна, чтоб переход был на другой берег, ставили бревна друг от друга далековато. Белки много идет. На это бревно набивали колышки, сантиметров по 50 высотой, чтоб белка не обошла петлю, оставляли узкую дорожку на бревне без колышков. На этой узкой дорожке и ставим петлю между двумя колышками. Скешь из гривы коня нитки и делаешь из них петлю. Конец один свободный, к нему камень привязываешь, а петлю крепишь к бревну насторожкой. Когда белка бегит, она видит дырку и думает, что проскочит, задевает насторожку. Насторожка срывается, камень с белкой в петле тонет. Идешь, проверяешь. Что ж, белка целая, не бита, ниче. Ни зарядов тебе не надо, ни ружья» [341].

Мех выдры так же ценился высоко. По сведениям наших информаторов, в начале 30-х гг. шкурка стоила до 400 рублей... Охота на выдру не была столь успешна и популярна, поскольку добыча ее представляла определенную сложность. «В с. Янмутьхоуза выдры много в речке было. Смотрели, где она оправляется, там капканы ставили, маскировали их»; «Выдра выходит по теплым ключам, по упавшим деревьям опорожняться. Находишь кал на дереве и ставишь капкан без наживки. Капкан надо ставить, где помельче, где она бродом идет. Чаще выходит она в ненастную погоду» [342].

На рысь и харзу охота разрешалась круглый год... В начале XX в. в Приморье этих животных было еще много. За рысь выплачивали премию по 40 рублей. Рысь приманивали на запах крови, ставили капканы или загоняли собаками на дерево и стреляли [343].

Почти все наши информаторы называли самым распространенным способом добычи лис — травлю ядами. «Лис травили стрихнином. Порошок закатывали в воск. Руками трогать нельзя, чтоб запаха от человека не было. Пилюли эти макают в масло, потом в сухарики. Палочками положат к норке. Лиса съест и умирает». Несколько подробнее о приготовлении таких пилюль рассказала нам Евдокия Логиновна Нагорнова, сама не раз готовившая их: «Стругали палочки, макали потом поочередно в разогретый воск, в воду, снова в воск, в воду. Наращивали пилюльки-стаканчики. В 1 клали стрихнин. Волосинкой заматывали, отмечали. Потом еще в коровье масло макают, несколько раз. Зверь или сдыхает сразу, или находили по следу. Борцом тоже травили. Корень перетолчешь мелко, и такую же пилюлю изготовить надо.»; Сегодня этим способом уже давно не пользуются, но жители с. Максимовка помнят, как один из жителей села охотился на волков со стрихнином, да видимо, плохо убрал место, где волк умер. «30 лет уж прошло, а до сих пор яд на сенокосе проявляется, овечки травятся. Стрихнин или таблетки бария очень строго давали раньше охотникам» [344].

Шкурки барсуков, бурундуков, хорьков, зайцев ценились очень дешево. Охотой на них занимались, как правило, дети и женщины. «В 1935–1937 гг. очень трудно жить было. Надо было кормить чем-то детей. Я барсуков ловила. Нахожу нору, заливаю водой, а около норы капкан ставлю. У нас на Халазе барсуки маленькие, не так страшно». По рассказам Елизаветы Родионовны Шишковой, ловушки на хорьков делали самые примитивные: «ставили плаху, под нее подставляли подпорку, к подпорке, под плаху клали приманку. Барсуков еще душили дымом, запуская его в нору. Животные погибали там, затем норы разрывали и доставали добычу»; «Меня сестра учила петли на зайцев ставить. В 10 лет она уже охотилась и меня за собой везде таскала. По два зайца в день вынимала, шкурки сдавали, семье помогали», — рассказала К.К. Пугина, с. Максимовка. По воспоминаниям И.К. Пугина: «в заготовительных пунктах пушнину принимали всякую: зайцев, бурундуков, хорьков, крыс. Крысиный мех на шубы шел. Бурундуков так ловили: он на дереве сидит, и головой крутит во все стороны. Подкрадываешься тихонько с длинной палкой, на конце которой петля из конского хвоста. Петлю ему быстро на голову накидываешь и дергаешь. Шкурка такая в 30-е гг. XX в. стоила 40 копеек. На конфеты хватало» [345].

Мясо, мех лапчатых животных старообрядцами не использовались ни в одежде, ни в пище. Об этом напоминали Соборные уложения: «Шапки из поганого зверя не носить, а кто будет носить, такового отлучать...» [346].

Охотились на волков редко. Самоцелью они для старообрядцев никогда не была. Когда уж сильно досаждали, нанося убыток хозяйству, брались за их уничтожение. Охотились на волков с помощью петель, садков.

Примечали волчьи тропы. Петлю укрепляли на дереве, привязывая ее к вершине и пригибая ствол к земле. Петля раскладывалась на тропе с приманкой и настораживалась. Обычно на мясо животных. Задевая петлю, волк обрывал насторожку, и петля захлестывала его. Дерево распрямлялось, поднимая волка кверху... Шкуры волчьи сдавали, мясо шло обычно на приманки [347].

В виде садка использовали большие ящики-клетки. «На волков охотились так: сбивали из досок ящик 1,5м х 1,5м х 1,5м, перегораживали. В одной половине — поросенок. Увозили ящик в поле. Поросенок верещит, волк — туда. Сторожок спустит крышку, и волк взаперти» [348].

Использовали для поимки волков сооружения, напоминающие ловчие дворики: «Набиваются колья по кругу, узким проходом, сверху под углом. Проход узкий, чтоб волк смог пройти только вперед, не развернулся. Внутрь кладут приманку, дверцы из прутьев на шарнирах, чтоб он свободно зашел» [349].

Излюбленным и очень распространенным видом была охота и промысел копытных животных, в изобилии водившихся в уссурийской тайге.

В начале XX в. охота на изюбрей, пятнистых оленей — «пантовка» — считалась одним из самых выгодных промыслов. В марте-апреле самцы-изюбри ежегодно сбрасывают старые рога, а на их месте начинается рост молодых, которые достигают полной зрелости к концу мая, достигая веса до пуда. Неокостеневшие рога — это и есть знаменитые «панты», ценнейшее лекарственное сырье. В кормовой базе оленей более 280 видов растений, из которых более половины лекарственные и ядовитые. Видимо, поэтому панты изюбря, оленя имеют такую чудодейственную силу. Самым лучшим временем для пантовки считается первая половина июня — до августа. «Пантовка у нас (северное побережье) начиналась с 1 июня по 15 июля, потом панты перерастают» [350].

При оценке стоимости пантов учитывались многие моменты: рога должны быть расположены на голове оленя строго симметрично, расстояние между рогами не должно быть большим, 4-х конечные. Толстые, не переросшие, совершенно целые [351]. Кто был удачлив в охоте, ни в чем не нуждался. А.К. Михайлов вспоминает такой случай: «Отец как-то много набил белок, колонков, а Бортников за панты получил очень много денег. Столкнулись они в магазине. Отец просит Бортникова: „Оставь мне метра 3 сукна“. Бортников посмеялся над ним: „Что ты сможешь на своих крыс купить?“. И сам купил оба куска сукна, ничего не оставил» [352].

В сыром виде панты сохраняются очень недолго, в течение 3 дней. Чтобы сохранить их на более длительный срок, панты необходимо заварить. Этим искусством виртуозно владели китайцы. От них научились и староверы. Некоторые из них сами становились скупщиками пантов.

Вспоминает Родион Яковлевич Сальников (житель с. Кхуцин): «С убитого оленя срезают панты. Срезанные панты можно держать не более 2-х часов, если дольше — нежная шкурочка лопается. Варим панты так: вода в котле должна кипеть, панты опускают и считают от 1 до 10 : 1, 2, 3..., потом вынаешь, они отдыхают, потом опять с 1 до 10. Так нужно 10 раз по 10 секунд, пока не выйдет пар из пантов. Тогда прекращаем варить, вешаем их в тенек на ветерок, они отдыхают. Потом режем на мелкие кусочки, настаиваем на водке. На экспорт шли целые, самые красивые» [353].

«Отец мой раньше охотничал за пантами, сам вываривал. По 5 минут окунает в кипяток, потом сушит. Мама тоже умела варить. Когда готовы, то они костёй делаются, резали и продавали. Я как-то большого быка убил, продал за хорошие деньги. Панты лечат только нервную систему» [354].

Основным рынком сбыта пантов долгое время был Китай. Помимо пантов, на китайском рынке были востребованы изюбриные хвосты, пенисы, кабарожья струя, желчь медведя и другие органы животных, пользующихся на востоке славой целебных. «Из оленей убивали только самцов, а самку только по заказу китайцев, они использовали плод беременной самки на лекарство. Панты тоже продавали в основном китайцам», — рассказывала Е. Р Шишкова, жительница с. Халаза. «Хвосты изюбриные тоже лечебные, они варятся, как панты. „Пенец“ (пенис) оленей тоже шел на какое-то лекарство» [355].

Нужно отметить, что мясо кабарги старообрядцами в пищу почти не использовалось: «мясо у нее пахнет, она на хвое живет»; «Кабаргу добывали из-за железы. 2–3 за зиму добывали. Сдавали японцам, китайцам»; «Мы сначала и знать не знали про эту струю. Убивали кабаргу больше случайно» [356].

Способы охоты на парнокопытных были разнообразны.

В конце августа — начале сентября у оленей начинался брачный период, который проходил обычно в одних и тех же местах тайги. Самец собирает в это время около себя до 15 самок. Берестяным рогом охотники имитируют рев самца. Пугин И. К.: «В сентябре начиналась „охота в рев". Делали из берестяной ленты рожок для подманивания. Хоть где изюбрь будет, пусть и далеко, а выбежит точно на звук. Тут его охотник и поджидает» [357]. Самым удобным и интересным временем охоты считалась начало осени. У оленей начинался период «гона». Спаривание их происходит обычно в одних и тех же местах, давно присмотренных охотниками. Самец собирает в это время до 15 самок. «Охота в рев» — способ самый распространенный в это время года на оленей. «Кажный самец ишшет матку. Он кричит, подзывает вроде как ее. Ну, и мы делаем дудку такую из бересты. Мотив на ей такой же выводишь, как зюбрь. Зюбрь слышит, противник объявился, идет его убивать. Тут и стреляешь в него. Не каждому удавалось подманить. Зверь же запах может услышать. Он тебя всегда вперед увидит и учует», — делился охотничьим опытом Деминов В. И. (с. Усть-Соболевка) [358].

На пятнистых оленей в Южно-Уссурийском крае, как мы уже говорили, охотились летом. Для этого пользовались немногими часами, когда олень выходил кормиться на открытые места.

Наиболее часто оленей можно было встретить на моховищах и солонцах-кудюрах, куда в летний период они приходили полакомиться. «Изюбря брали на моховищах. Он туда ходит за травой — троелеском, трава такая, как черемша» [359].

В Приморье распространена была также охота на «солонцах». Так называются места, насыщенные минеральными солями. Это излюбленные места всех жвачных животных. «Солонцы, — объяснял нам В. И. Деминов, — это кислая глина. Сам можешь сделать. Пробиваешь в земле дырки и сыплешь соли туда. Через некоторое время приходишь, смотришь. Если зверь приходил, то садишься на лабаз. Но лабаз надо делать сразу, когда засаливаешь. Потом делать бесполезно. Нужно, чтоб зверь привык к скрадке этой»; Лабазы, скрадки охотники делали и на солонцах, и на моховищах. «Сохат ходит на моховище только вечером и ночью. Он ест троелист, мох, грязь болотную, перемешанную с мохом. Я делаю лабаз на лесине, настил, чтоб сидеть. Шевелиться нельзя, а мошка заедает. Все лицо горит. Накомарники одевали. Как зверя услышишь, снимашь его. Вот тогда комары шпилят! Это трудная охота. Редко удавалось подстрелить. Дней 6–7 можно впустую ходить» [360].

На диких коз охотились поздней осенью и зимой, летом их намного труднее обнаружить. Козы живут на равнинной местности. Пасутся небольшими стадами. Глубокий снег гибелен для козы. «На коз охотились обычно по глубокому снегу, она не может убежать, через 500 м выдыхается»; «Была еще мода коз ловить, когда наст настынет. Собаки выгоняют на лед косулька, он бежать не может, ноги режет», — рассказывает А. М. Ушмаркин [361].

Для обзаведения собственным оленником иногда старообрядцы практиковали охоту на живых изюбрей. Проще всего это было делать в зимний период, по только что выпавшему глубокому снегу или по насту. «Снег когда выпадет, зюбрей с собаками загоняют. Они из сил выбиваются, на голову им петлю накидывают, ноги связывают, на нарты- и домой. Дома он в загоне живет» [362].

Излюбленными местами кабанов были участки лесов с примесью кедра и дуба. Охотились на кабана с ноября по январь. Проще было добыть этого зверя по только что выпавшему снегу. «На кабана охотились на Пее, когда снег большой выпадал, так-то не добудешь»; «Отец мой охотился с братом. Они тогда в Амгу жили. Как-то за зиму убили 90 кабанов. До саней-то или до дому их дотащить надо было. Тащили волоком. Делали так. Убитому кабану вкладывали в пасть веревку, пасть зажимали, так и тащат за веревку» [363].

«Оттаивали кабанов в специальной избенке, у нас такая рядом с домом стояла, с плитой. Когда туша кабана оттает, то на палочку накручивали щетину и выдергивали. Складывали пучками и сдавали на вес. Когда отец шил обувь, то он к дратве приплетал щетину. Прокалывал отверстие щетиной протаскивал дратву в отверстие. Отец из кабаньей кожи моршни делал. Из изюбриной шерсти делали матрацы, стегали их» [364].

У китайцев весьма была распространена охота на оленей и других животных ямами-лудевами. «Китайцы ямы рыли на тропе, где зверь ходит, маскировали хворостом, травой. Животные и проваливались в ямы. У староверов такой привычки не было» [365].

А. М. Харин рассказал о том, как снимают шкуру с изюбря. «Делается разрез от глотки до заднего прохода, вкруговую отрезаются кожа на копытцах, от заднего прохода распарывается до крайнего суставчика копыт, по груди также, до копыт. Затем шкуру обдирают ножом. Можно от живота. Ободрал до хребта, переваливаю на другой бок, обдираю» [365].

Отношение к медведю у старообрядцев особенное. И мех, и мясо медведей были у них под строжайшим запретом. «Мясо медведя нам есть нельзя: у него лапа! Вообще он на человека очень похож. Я как увидел его без шкуры — ну человек и человек! Мы мясо сдавали.»; «Изюбрь, сохат, свинья — едовые. Медвежий мех мы не носили, старались продать или выбросить, из заячьего меха тоже ничего не шили. Медвежье мясо не ели, сдавали. Мясо у него поганое, как у зайца. У него когти» [366].

Александр Мелентьевич Ушмаркин (в Кокшаровке его считают одним из заядлых охотников) вспоминал, что отец его охотился на медведя. Был в этой охоте удачлив, много перебил медведей. В доме же мясо медведя есть было строжайше запрещено. «А я бегал, молодой еще был, к соседям, там ел. Мама как-то чуяла что ли, на меня смотрела все время подозрительно: И что от тебя собачатиной все пахнет?» [367].

Тем не менее, раз был спрос на медведя, старообрядцы не упускали возможность заработать хорошие деньги. Охотились на медведя с помощью капканов.

Охота на медведя начиналась с ноября, до первого большого снега, пока спать не залегли. «В Улунге Кхуцинской братья Бочкаревы жили. Один из них, Григорий, кузнецом хорошим был. Он сам капканы на медведей железные делал. Мой отец такими охотился. Положит капкан под валежину в воду, сима, горбуша в воде плещутся... Тут и медведь подкрепиться идет. Ну в капкан-то и попадется...» [368].

Дед Василий Терентьевич Калугин был знаменитым медвежатником. На его счету много было медведей. Однажды на охоте его медведь сильно подрал, помощь подоспела вовремя. Он встряхнулся и говорит: «59 медведей убил, а 60-й за всю родню отомстил. Все ничего, да пуговицу окаяшшый оторвал, не найду никак» [369].

Наряду с медведем уссурийские тигры одни из самых крупных хищников. У коренного населения Дальнего Востока к тигру особое отношение. Некоторые нанайские роды считают его своим прародителем, предком. На тигра они никогда не охотились. В восточной медицине как лекарство использовались усы тигра, когти, кости тигра использовались как амулеты. Как всегда, спрос рождал предложение. Хищническое истребление тигра весьма быстро сократило его численность.

Охотники рассказывали, что тигра добыть гораздо легче, чем медведя. «Прижмешь ее рогатиной, она и прильнет к земле, а медведь сопротивляется». К слову сказать, нам за время полевой работы приходилось слышать от старообрядцев только об охоте на тигров для зоопарков, цирков. Охотились на тигра артельно, с собаками, выслеживали по следу. «Найдут ло-

гово тигры, пугают тигрицу выстрелами, тигрят забирают. В клетки садили, держали тоже в клетках. Отец взрослых тигров не ловил и не убивал. Деньги за тигрят хорошие давали. Когда отец товар покупал, материал брал тюками, платки-смотками, обувь всякую» [370].

«В Халазе все охотники были, зверя много привозили. Мой свекор Илья Евдокимович Владимиров на тигра охотился. Живых тигров ловил. С собой на охоту берут рогульки деревянные, их дают в артели самому ловкому. Увидит он, что тигра к прыжку готовится, прикалывает ей голову к земле, остальные вяжут лапы. Владимировы охотились с Богачевыми»; «Охотились на тигра артельно, по 5–7 человек. Всегда вместе охотились Владимировы, Богачевы, Трофим и Игнат Калугины из Виноградовки» [371].

Трифон Васильевич Калугин был знаменитым тигроловом. В 30-х гг. сюжет о нем и дальневосточных тигроловах специально приезжал снимать из Москвы оператор Н. Лыткин. От этих счастливых времен у Ксении Трифоновны Коробейниковой, дочери Трифона Васильевича, сохранилась только фотография кадра из фильма об отце. В 1938 г. Трифона Васильевича арестовали. И тут уж ему ничего не помогло: ни заступничество Морозова, командира партизанского отряда, ни директора Ленинградского зоопарка. Больше отца семья не видела. Мы очень хотели помочь Ксении Трифоновне и сделали запрос в Госфильмофонд России. К сожалению, не получили оттуда даже формального ответа. А фильм, наверняка, сохранился, только вот до кого достучаться, пока мы не знаем [372].

Итак, в зависимости от «охот» промысловики предпочитали либо артельные выходы на промысел, либо одиночные. Чаще всего в артели собирались представители близкородственных или земляческих семей. Так, в артели по поимке тигров были братья Калугины, Владимировы, Богачевы. Хороший охотник, меткий, удачливый, с легким характером, был в радость в любой охотничьей артели. А. М. Ушмаркин про своего отца рассказывал, что «он со многими ходил, его все любили с собой брать».

Охотничьи участки разделялись обычно по ключам: Губушкин ключ, Мартяшин ключ, Зайков ключ, Мишин ключ (по имени сына Зайкова, Михаила, вместе они не охотились). «Это Юрков ключ был, наш значит, там — Семина... Если я найду чужой капкан, должен принести его хозяину с дичью. Обществом собирались все охотники, миром все решали» [373]. На своем участке охотник ставил капканы, строил зимовье. Оборудовать зимовье не представляло большого труда. В зимовье ставили нары, стол, печку железную. Отстроенное зимовье служило долго «У тяти на участке (В. И. Деминов) не было избушки, только палатка, печка из жести. Осенью увезет, поставит печку, зимой едет с собой палатку везет. Палатка из черной бязи. Она не промокает. А у Губушкиных зимовье было» [374] «Место это потом по зимовью так и называлось, хоть и хозяев давно уже нет на свете. А старики и сейчас знают — Малофеево зимовье, Владимирово зимовье» [375].

Существовали неписанные правила поведения в тайге. На чужом участке нельзя было ловить зверя. Только в том случае, если охотник гнал зверя со своего участка, а он ушел на чужой, позволялось убить его. Капканы, петли также нельзя ставить на чужом участке. А вот белку стрелять опять-таки дозволялось, потому что она не живет на одном месте.

Помимо специальной охотничьей одежды (о ней мы будем говорить в отдельной главе) в обязательное охотничье снаряжение входили лыжи, топор, охотничий нож, сани (у приморских охотников на северном побережье больше в ходу название «нарты»), крошни (приспособление для переноски грузов), а также различная самая необходимая походная утварь: чайник, чашка, ложка, солонка и съестные припасы.

Всякий раз, глядя на семейные фотографии, запечатлевшие ладных мужиков, позировавших на фоне гор (!) охотничьих трофеев, мы изумлялись неистощимому богатству нашего края... Объективная необходимость устройства крестьянского хозяйства на новом месте, расчистка места под пашни в немалой степени способствовали вырубке леса. Развитие промышленности еще более увеличивало спрос на лесную продукцию. Уже в начале XX в. и население края, в первую очередь охотники-промысловики, и властные структуры почувствовали, что вопрос о сохранении природных богатств Уссурийского края — один из самых острых. В связи с вырубкой лесов создавалась опасность значительного уменьшения и полного истребления зверей и птиц. В опубликованных источниках этого времени то и дело встречаются замечания: «...бьют нещадно...», «...количество соболя быстро уменьшается...». В конце концов, и само местное население в отношении охоты на соболя признало: давно нужны «запуски», т. е. прекращение охоты на этого зверя на несколько лет [376]. Государственные прибыли от сибирских и дальневосточных колониальных товаров в виде пушнины не способствовали быстрому принятию охранных мер. Закон об охоте, Высочайше утвержденный 3 февраля 1902 г., устанавливающий охранительные нормы в отношении животных, не распространял свое действие на Сибирь, Туркестан и Приамурский край [377]. По официальным данным, до издания Закона о повсеместном в России запрете соболиного промысла, начиная с осени 1913 г. по осень 1916 г. ежегодный вывоз пушнины из Приамурского края составлял сумму 2 000 000 руб. В. К. Арсеньев считает эту цифру сильно приуменьшенной [378]. С целью сохранения лесных богатств в Сибири и на Дальнем Востоке создавались различные общественные организации: «Владивостокское общество любителей охоты», «Никольское общество любителей охоты», «Хабаровское», «Амурское», «Зейское» и т. д. Одной из целей этого корпоративного сообщества были общие культурные задачи, направленные не только на сохранение, но и размножение полезных животных.

Самой администрацией области были сделаны на местном уровне некоторые шаги, препятствующие хищническому истреблению ценных животных. Так, в 1886 г. была запрещена охота на нехищных животных в Южно-Уссурийском округе с 15 февраля по 1 июня. Через 7 лет в 1893 г. последовало распоряжение Военного губернатора о временном запрещении охоты в местах будущих заказников в лесничествах: Посьетском, Владивостокском, Сучанском, Черниговском и Никольском, Затем были Приказы генерал-губернатора от 1903 г. «о воспрещении охоты по насту на оленей и диких коз, ведущей к полному истреблению этих животных», от 18 марта 1910 г. «о воспрещении охоты на самок пятнистого оленя и изюбря в течение всего года и на самцов тех же пород с 1 сентября по 1 июня» [379]. Архивные материалы свидетельствуют о том, что законы эти все-таки начали действовать практически сразу после принятия. В связи с просьбами крестьян-старообрядцев с. Батюково Диева, Гребенщикова, Казакова разрешить оставить себе в хозяйствах для развода оленей, обнаруженых в лесу во время снежного заноса, последовало строгое разбирательство с привлечением и пристава Ольгинского стана, и лесничего Засучанского участка. После выяснения подробностей, сопутствующих этим фактам, разрешение крестьянами было получено [380].

Рыболовство — одна из наиболее рано сложившихся отраслей добывающего промысла в крестьянских хозяйствах на Руси.

Десятки тысяч рек, ручьев, ключей расположено на территории Приморья, общая протяженность которых составляет 140 тыс. км.: Уссури, Даубихе, Улахе, Иман, Ното, Вака, Судзухе, Бикин, Самарга... Они славились обилием речной рыбы-«белорыбицы»: щука, сом, таймень, хариус, карась, сазан, верхогляд, форель, ленок... «Повсегдашная наша рыба, — вспоминал Фефелов И.Е. (с. Степное, с. Подгорное) белая рыба: щука, карась, конек (трегуб), сазан, ерш, чебак». Здесь обитали уже знакомые для переселенцев по родным местам виды рыб, были и те, с которыми им еще предстояло знакомство.

На Дальнем Востоке почти все переселенцы впервые увидели море, совсем иную и непривычную водную стихию, к которой еще долго пришлось присматриваться и приноравливаться. Оно воспринималось как «чужое», нечистое пространство. Морские богатства (рыба, съедобные моллюски, растения) оставались долгое время невостребованными старообрядческим населением, были просто под запретом. Многие пожилые старообрядцы (из селений, расположенных вдоль морского побережья) еще помнят это время.

«Старообрядцам в пищу нельзя использовать морское, кроме рыбы. Грех. Да и рыбу можно было есть только ту, которая в реку из моря заходила — омывалась. Селедку поначалу в море не ловили, это уж потом стали есть. Краба понятия не имели есть. Нельзя: это паук-тенетник»; «В Писании сказано, что можно есть только ту рыбу, которая икрой размножается. Морскую рыбу в первый раз увидели в 1938 г: окунь, минтай, треска, сайра, ивась. Восьминог тоже не едовый, а ведь стали есть. Кальмар есть нельзя, а едим. Это уж сверхъестественно» [381].

«Раньше в море-то не ловили рыбу, ели только речную. Окуня, селедку — ничего этого не ели, не было их в нашем „прейскуранте". Моллюсков строго-настрого запрещено было есть. А сколько рыбы в море-то было! Сайры... Мы ее „иглой" звали раньше. Я как-то уже в 40-х гг. целую сетку этой рыбы, принес домой. Голодно было. Отец спрашивает: „А ее можно есть, сынок? Ну, давайте попробуем". Попробовали. „О, так это хорошая рыба! Лови, сынок да таскай домой". Морскую капусту стали употреблять в пищу еще позднее. „Китайцы ели морскую капусту, хорошо умели ее готовить, а мы собирали да жгли ее, золу сдавали, удобрение что ли из нее делали".» [382].

В 30–40 гг. XX в. в голодные времена морскую капусту жители побережья уже использовали как витаминную добавку к пище. «Собирали ее по весне на побережье. Варим в трех водах по 1, 2 часа. Высушиваем ее на печке или в печке на противне, потом мелем и добавляем в редьку или картошку». По воспоминаниям других, капусту не ели, но собирали. «Морскую капусту мы собирали и сдавали в „Союзпушнину", но не ели ее. Муку за это получали» [383]. Сейчас во многих старообрядческих семьях, живущих по побережью морскую капусту собирают и заготавливают на зиму в виде готовых блюд — закусок, салатов.

И тем не менее, именно море увеличивало и расширяло привычное разнообразие речной рыбы: устья большинства рек Приморья сообщаются с морями Тихого океана, поэтому речные водоемы во время нереста принимают огромное количество проходных и полупроходных рыб. Из моря, где они кормятся, такие рыбы уходят для размножения в реки. В первую очередь — это, так называемая в народе «красная рыба», ценные лососевые виды рыб: кета, горбуша, сима, кунжа, голец, нерка и т. д. «В основном рыбалка крутилась вокруг красной рыбы», — вспоминает житель северного побережья края (с. Улунга Кхуцинская) М. М. Михайлов. Среди морских рыб уже позднее добывали сельдь, камбалу, сайру.

Для переселенцев-дальневосточников рыба наряду с хлебом и картофелем стала одним из главных составляющих питательного рациона. Поселяясь у рек, озер, изобиловавших рыбой, разве что ленивый не пытался рыбачить. «Мы в такие места забивались, где рыба да охота. А сеять... места мало здесь». Рыба выручала, а подчас просто спасала от голодной смерти в неурожайные годы, годы репрессий, военные годы. С. Л. Гуменная, жительница х. Халаза, рассказывала, что в 20–30 гг., кому жить было не на что, кто не охотничал — рыбой выживали [384]. Рыбы было так много, что, по словам местных жителей, вода буквально вскипала: «Сколько рыбы-то было! В речке скопище ее: на лодке не проедешь, разгоняли руками. Заготавливали много рыбы, за посты не успевали съедать»; «Еще в 1938 г. рыбы здесь было много, одна на одной, а сейчас вода прозрачная, ничего нет...», — рассказывает житель бывшего х. Некрасовка на северном побережье Р. Я. Сальников [385].

По характеру рыбные промыслы разделялись на промышленные, мелкие крестьянские, для собственных нужд. К сожалению, и полевая, и архивная информация дали чрезвычайно скудные сведения о существовании в старообрядческой среде семей, занимавшихся крупным промышленным рыбным промыслом. Единственным, пожалуй, ярким примером может служить все то же комплексное хозяйство Поносовых. Для рыбного промысла были приобретены 4 шаланды общей грузоподъемностью 6 000 пудов, невод в 100 саженей, 3 сети в 30 аршин. От ближайшей реки до хутора был прорыт канал длиной в 700 сажен, стенки, дно были выстланы деревянными плахами, на реке насыпана плотина со шлюзом. Пользуясь шлюзом и каналом, Поносов пропускал рыбу прямо к хутору. Об успехах хуторян в этом направлении хозяйства сообщал все тот же журнал «Вестник рыбопромышленности»: «В настоящее время, уже во всем Сучанском и За-сучанском крае, а равно по Ольгинскому тракту, вы всюду встретите селедку местного посола, а у... Поносова и некоторых других вы получите и селедку копченую, а копченая местная селедка отличается таким вкусом, что появляясь во Владивостокских гастрономических магазинах, она раскупается нарасхват» [386].

Чуть больше информации дал массовый архивный материал уголовных дел репрессированных старообрядцев 1932–1938 гг. В основном, крестьянские семьи, живущие на северном побережье участвовали в качестве наемной рабочей силы на «рыбалках», принадлежащих японским предпринимателям (сдавали внаем гужевой транспорт). Уже упоминавшийся Н. Б. Керчелаевой владелец лесных концессий старообрядец и житель Владивостока Е. А. Власов, назван в цитируемом издании еще и «рыбопромышленником» [387]. К сожалению, пока это единственная информация о деятельности старообрядцев в этой отрасли приморской экономики. Известно, что артельным рыбным промыслом в крае занимался пришлый элемент, служащие, рабочие. Известен лишь один пример создания в уже после революционное время рыболовной артели старообрядцев. С. Л. Заглядин, по показаниям свидетелей, в 1928 г. «вместе с кулацкой частью села организовал артель „Кхуц-рыба", при реорганизации ее в колхоз вышел из артели» [388]. Тем не менее рыбная промышленность в крае существовала и развивалась. На 1889 г. в верховьях Уссурийского залива, близ устья Майхе сельди вылавливали до 10000 пудов, стоимостью за пуд — 1–1,5 рубля [389]. Большое значение для рыбного промысла имели устья крупных рек и их притоков. Здесь была сосредоточена промышленная добыча рыбы, преимущественно лососевой. Осенью на реках Майхе, Сучана, Монгугая, Даубихе, Суйфун производится лов кеты. Ежегодно добывалось по 20000 пудов, стоимостью 1 рубль за пуд [390]. Даже в начале 20-х гг. XX в. специалисты отмечали, что рыбодобывающая промышленность была сосредоточена в основном на добыче лососевых, весь промысел которых был сосредоточен в устьях рек, а лову в прибрежной полосе только начинали учиться.

По мнению управления государственных имуществ, развитие рыбной промышленности тормозило отсутствие рынков сбыта. «Таким рынком могли бы быть крупные русские рыбопромышленные предприятия на севере, но таких предприятий имеется незначительное число...» [391].

В 30–40-х гг. XX в. промышленный лов сельди, красной рыбы сосредоточен был, в основном, на северном побережье. Здесь было создано несколько рыболовецких колхозов. Старообрядческое население вольно или невольно принимало участие в работе рыболовецких колхозов, работали на рыбодобывающих предприятиях края. «В Светлой в 30-е гг. уже было более 100 кавасак. На кавасаку набирали команду из вольнонаемных и 3 заключенных. Ловили ивась, селедку. Засольни стояли вдоль берега по 500 м длиной. Ловили сетями. Ох, рыбы много было, одни сети увозят, другие — выбирают полнехоньки. Отсыпка рыбы шла круглые сутки. На берегу „духачи" играют для поддержки духа», — вспоминает И. Е. Юрков, житель Светлой [392].

По свидетельству старожилов, рыбой промышляли все больше для своих нужд.

Судя по полевым материалам, крестьяне-старообрядцы использовали в основном известные и привычные им орудия рыбной ловли: сетные, самоловные орудия с крюками и без них, удочки, остроги. Та или иная рыболовная снасть использовалась в соответствии с природными условиями, устройством и назначением.

Сетные орудия лова были одними из самых распространенных у старообрядческого населения Приморья. Ими ловили и белорыбицу (ленок, троегуб), и красную рыбу.

Использовали сети для ловли рыбы на небольшой глубине. Плели из льняных или конопляных нитей, ссученых вдвое. Позднее сети плели из покупных нитей. «Нитки на сети деды брали фельдикосовые, нить № 10» [393]. Зинаида Лукинична Сандалова, жительница с. Калиновка: «Бабушка Анна Прокопьевна Сандалова сети вязала из двойной ленной нити, пряла на веретене. Ох, и мастерица была. Такие тонкие нити делала, что мама их потом использовала при шитье на швейной машинке. Сети вязала деревянной иголкой, нитку саму на язычок наматывают и вяжут [394]. Для измерения ячей, делают „мерку“ — плоскую деревянную дощечку, размером 12 см х 5 см х 5 мм. Ячейки на чебаков — мелкие. На кету делали невод с режью. У такого невода ячеи редкие 12 см х 12 см, длина 120 м. [395]. Размер ячей определялся и по другому: два пальца — сельдевая, сороковка — на четыре пальца, пятерка — с ладонь, на кету использовали сети от пятерки до семерки. Это значит: „ладонь“ плюс еще 2 пальца. Размер сетей определялся по ширине и глубине реки, водоема. Обычный размер сетей для небольших водоемов: длина — от 10 м до 25 м; высота — 2 м. Сплетенную сеть укрепляли на веревке — „подборе“. По верхнему краю сетки крепились поплавки — „наплавки“, они держали сеть на плаву. По ним же определяли, есть ли улов в сети. В качестве грузил использовали камни, завернутые в тряпки или просто обвязанные веревками» [396]. Их привязывали веревками к сети. В. И. Деминов, с. Усть-Соболевка: «Находишь плоский камень, делаешь по его центру желобок, можно острым концом молотка, привязываешь к этому грузилу веревку» [397].

В изготовлении поплавков за время полевой работы мы не встретили различий. Как правило, поплавки изготавливались из бересты. «Делали их из белой бересты, такие прямоугольные кусочки, опускают его в кипяток, вытаскивают, веревочку на бересту кладут и отпускают другой его конец, береста быстро сворачивается валиком. Между поплавками расстояние 50–70 см» [398].

Установка сети производилась с лодки. Один конец веревки привязывали на берегу, на лодке сеть перевозят на другой берег, привязывают другой конец. В зависимости от количества рыбы определяется время лова сетью. О регулировании времени улова между жителями хутора на р. Малой Светлой рассказывает Х. Е. Поварницына «Сеть стоит час или ночь. Это уж как рыба есть... Сетки хозяева ставят одну за другой по реке. Последнему в таком случае почти не достается рыбы. Тогда первый, кто ставил — убирает. Или же можно не перегораживать всю реку... Тогда многим достанется» [399]. Василий Илларионович Деминов рассказал, как выходили из такой ситуации в с. Тахобе: «Сетка стоит с вечера до утра. Если много народу пришло, то сети устанвливают вдоль течения. К одному концу прикрепляют большой камень и на дно, другой конец сети отпускают свободно. Так несколько сетей ставят вдоль русла, но если городят поперек, то ни в коем случае нельзя перегораживать всю реку» [400].

Сетями пользовались в разных водоемах: в реке, в заводях, озере, заливе, лимане — там, где не было сильного течения. Использование сетей было возможно не везде: «Мы сетями и неводами не ловили, река уж больно чащевитая», — вспоминает А. А. Комов, житель с. Тополевое, на одном из притоков р. Уссури [401].

Фефелов Иван Евстафьевич, житель с. Степного: «Мы неводами мало ловили. Сетку обязательно ставим в тиховодье, сетка метров на 25». Ушмаркин Захар Мелентьевич: «Мама ловила сетями. Сеть ставили в затишье. Не на течении. К берегу вбиваешь колышек, привязываешь верхнюю веревку, потом, перемещаясь, спускаешь сеть, чтоб не запуталась, к другому берегу. Ставили на ночь. Если поплавки потонули, — утром выбираем сети. Отвязываем один конец, выбираем сеть, выбираем рыбу, отвязываем другой конец. Дома сети разбирали, складывали завязывали поплавки, грузила. На рыбалку сеть носили в мешке. Поплавки из бересты, грузила разные, смотря на какую рыбу. На большую диаметр больше 15 см» [402].

Алтайские старообрядцы ловили рыбу еще и «валоищем» — льняной очень редкой тканью, сшитой в две полосы из уже достаточно выношенной ткани. Основным внешним отличием невода от сети был маленький рамер ячей: на один палец. В такой невод не могла проскочить даже мелкая рыбешка. Использование невода всегда предполагает участие как минимум двух человек. Е. Р: Шишкова «Неводили в реке. Тянут два человека по краям реки или озера, а потом вместе сходятся»; «На Улахэ ловим поздней осенью только неводом, он покрепче, можно и центнера 4 поднять. На целую зиму хватало» [403].

Чаще всего неводить рыбу ходили артельно. Как правило, участниками такой рыбалки становились ближайшие родственники, жители одного села, хутора или деревни. Евгения Сазоновна Кузьминых, жили в с. Вознесеновка: «Красную рыбу горбушу, симу у нас в селе неводили. Невод шириной до 2,5 м, длиной 20–25 м, ячеи 5х5. Складывали невод в лодку. Два человека сбрасывают, а один — гребет. Лодка спускается вниз по течению, потом возвращается к берегу. В заводи подтягивают к берегу шесть-семь человек. В такие сети попадала и белорыбица...» [404]. Коллективный улов всегда делили на всех участников рыбалки. М. Е. Пугина вспоминала, что рыбу складывали по кучкам, а потом один человек отворачивался, а его спрашивали: «Кому эту рыбу?» [405]. З. Л. Хандыкяйнен: «Во время войны строго очень было с рыбалкой. Но детей-то кормить надо, ловили по ночам больше. Как-то во время войны мы пошли с Паклиными ловить рыбу. Мама, Костя, Уля, Паклин с женой. Забили кол, привязали к колу невод. Мама на лодке, а Паклин у кола. Невод сбрасывали по кругу, стали к берегу подводить, а там рыбы-туча, даже через невод шла. 109 штук выловили! Второй раз — , третий — 1. „Все, — сказал Паклин, — значит хватит“. Очистили невод, поделили рыбу и пошли по домам» [406].

О рыбной ловле зимой многие из наших информаторов отзывались неодобрительно, нам не однажды приходилось слышать сетования на то, что рыба истощилась во многом и из-за того, что не дают ей отдыхать, накопиться. Я. Л. Чужеумов: «А зимой никто рыбу не ловил, не тормошил ее. Это сейчас покоя ей не дают.»; Караванов Федор Васильевич, с. Усть-Соболевка: «У нас никто зимой не ловил рыбу, нельзя было» [407]. Тем не менее, такие правила соблюдались не везде, и несколько способов зимней рыбалки нам удалось записать. Братья Александр и Захар Мелентьевичи Ушмаркины, с. Кокшаровка рассказали нам о довольно сложном способе подледного лова с неводом: «Неводами и подледно рыбачили. Забережники застывают (перед снегом в ноябре в морозы), шуга пошла, а лед све-е-етлый... Делаешь несколько лунок небольших и одну большую. Один конец невода спускаешь в первую лунку, протаскиваешь с помошью шеста (на конце шеста привязана веревка крючком) в другую лунку, потом в третью и так дальше... Бегаешь по льду кричишь, стучишь, гоняешь рыбу. Невод не натягивать туго. Невод 5–6 м, шест длиной 4–5 м. Большая лунка у берега вырубается, в нее-то и вытаскиваешь невод с рыбой. Но обычно ставят сети по выходу из залива. Так же перегораживают залив, потом через маленькие лунки „ботом“ пугают рыбу, она идет в сеть» [408].

Своеобразной рыболовной снастью является «Бот». Его используют для того, чтобы загнать рыбу в сеть. Она представляет собой длинную палку с полым коническим наконечником. Захар Мелентьевич Ушмаркин (переселенцы из Томской

губ.): «Рыбу специально пугали „ботом"- это шест такой с воронкой на конце. Ударяешь им под „корч" по воде, получается звук такой „бр-бр-бр". Рыба пугается и выскакивает из-под корча. Сейчас проще, проехал на моторке, распугал рыбу» [409].

Еще одной разновидностью сетных рыболовных снастей был сак, сачок, наметка. О применении такого орудия лова нам рассказывали уральские, енисейские и алтайские переселенцы. Его использование требовало определенных навыков, силы: «Делали шест длинный, метров 5–6. Плетется кошелек такой и привязывали эту сеть к шесту, навроде ковша. Заводишь его на воду через колено и к берегу тащишь». Использовали такие сачки для ловли корюшки, зубатки. «Зубатка икру мечет в реке, а корюшка в море, у берега. Корюшка косяком идет, на берегу, на песке почти выметывает икру, а самцы тут же поливают ее молоками. Вот тут сачок и нужен. В Максимовке теперь с 28 мая все ходят на море за корюшкой. А зубатка идет в устье реки из моря медленно, против течения. Вот стоишь в устьях с сачком. Зубатка тоже в мае идет числа 10–12 мая» [410].

Пожалуй, одним из самых используемых видов самоловов на рыбу среди старообрядческого населения были плетеные ловушки, которые по внешнему виду выглядели как два конуса, вставленных один в другой. Более короткий внутренний конус назывался «детышем», большой, в которую вставлялся «детыш»-«бочкой».

По нашим полевым сведениям, такие рыбные ловушки старообрядцы повсеместно по краю называют *морда, вентерь*. Причем, объясняют разницу в названиях отличиями в некоторых конструктивных деталях и материале этих самоловов: «вентерь, тем отличается от морды, что его делают из сети и металлических обручей; он же имеет сетяные открылки, а морду плетут из ивовых или тальниковых веток» [411]. В с. Усть-Соболевка мы услышали еще одно название этого же самолова — *жак*, слово белорусского происхождения. «Мы приехали не понимали сначала, какой такой вентерь... У нас-то его „жаком" называют» [412]. Сами семьи в Приморье переселились из Пермской и Енисейской губерний, но по материнской линии в обеих семьях женщины — выходцы из Украины.

Название этих же самоловов — *верша* также сравнительно редко встречается в крае. Во всяком случае нами зафиксировано, что оно известно алтайским переселенцам, выходцам из Колывани. «Верши» ставят на тихую воду. У основного входа оставляют множество длинных прутиков, которые в воде шевелятся. «Вот рыбка подплыла к верше, прутик вдруг зашевелился, она его испугалась и нырк внутрь. Все — попалась» [413].

Мордами ловили разную рыбу: белорыбицу (карасей, щук) и «красную рыбу». «Обычно гольца попадается по 15–16 рыбин. Мне как-то попался 41», — вспоминал А.К. Михайлов Жительница с. Калиновка (Чугуевская вол.) З.Л. Сандалова: «Сомы шли только в морду, в сети не попадали. Корейцы мордами ловили и русских научили» [414].

Морды плели из ивы, тальника. По сообщению З.Л. Сандаловой: «Отец плел из прутьев ивы, той, которая растет над водой. Она от корней гибкая. За вечер морду сплетал. Ставили морду в малодоступных местах, там, где сети не поставишь. Притопляли камнями». Родион Яковлевич Сальников, житель х. Некрасовка: «Морду плели из тальника. Делашь рамку прямоугольную, к ней приплетаешь короткий „детыш", горловину делаешь, приплетаешь „бочку". Завязать надо, чтобы рыба не выплыла»; А.М. Харин: «Морду плетут из вербы или лозы. Рама из лозы потолще, квадратной или прямоугольной формы, обе половины конической формы вставляются одна в другую и закрепляются. Пробку делают из травы» [415].

Еще одной разновидностью рыбных самоловов были *корчаги, или корчажки*, орудие также весьма распространенное у крестьян-старообрядцев. «„Корчагу" тоже плетут из вербы. Делается она округлой формы, в нижней части, внутрь корчаги, выплетен узкий проход, коридор для рыбы. Ее обмазывали тестом, сушат до твердого состояния, чтоб в воде сразу не разошлась, продержалась бы несколько суток. Внутри этот самый коридор огорожен острыми палочками. Рыба сосет хлеб на корчаге, а ее много, они толкаются и толкают друг друга в этот проход, в корчагу, а внутри зазубрины и не дают им выплыть наружу» (Информация А.М. Харина, переселенца из Колывановского уезда Томской губернии) [416]. Такую корчагу музей получил в подарок от А.А. Комова из с. Тополевый, он постоянно ходил с ней на реку за мелкой рыбешкой.

Заездок — еще один очень распространенный в крае способ рыбной ловли, используемый местным старообрядческим населением. Переселенцы из Алтая, Солонешенского уезда, жители с. Янмутьхоуза рассказывали, что у них такой способ назывался *загородь*. «Из заставных орудий использовали „загородь". Перегораживали протоку, русло реки не городили, чтоб рыбу дальше пропускать. Перегораживали „козлинами" из тонких бревен на стояках, под углом к воде. Пространство между ними заплеталось решеткой из ивовых прутьев. В решетке оставляли пространство для „морд". Они устанавливаются по сезону — по или против течения», — вспоминает А.А. Комов, с. Тополевое, на р. Уссури [416]. По полевым материалам заездки такого типа делали переселенцы из Алтая.

Известна и более легкая разновидность «заездков», когда основу их — «берда» плетут из прутьев. И.Е. Юрков: «На красную рыбу, что в реки заходила, ставили „заездки". Плели загородки из прутьев, метра 3 высотой, частые, чтоб рыба не проходила, а в центре делали ворота, в которые ставили морду центнера на два. Утром мужики идут проверять заездки, вытягивают морду. Тут же рыбу делят поровну на несколько куч. Один отворачивается и наугад говорит, кому ту или эту кучу рыбы» [417].

Ушмаркин А.М. с. Кокшаровка: «Заездком же перегораживали протоку. Плетем бердыши высотой 1,5 м от воды, смотря, какая глубина, но они все равно должны быть выше воды и под углом 40 градусов. Бердыши плели из вербы, ставили против течения от берега до берега... Морду ставили в дырке между бердышами. Придавливаешь ее ко дну палкой. Мордой ловили любую белую рыбу. Мордой сутками ловили, кочевали с места на место, проверяли. Поставим козлинку-мостик, ходим, смотрим». По словам некоторых информаторов, заездки не были преградой для такой крупной рыбы как сима, она легко перепрыгивала преграду [418].

Самоловные снасти с крючками, такие как переметы, были весьма популярны у старообрядцев. Они позволяли без особого труда быстро наловить большое количество рыбы. Переметы, закидушки (накидушки) использовали для ловли разной рыбы. Особых различий в их устройстве или использовании не было. Он представлял собой длинную веревку, на которой на определенном расстоянии на лесе из льняных или конопляных нитей подвешивались крючки. Такие переметы протягивались с берега на берег.

Е.Р. Шишкова, жительница х. Халаза: «В Даубихе мы рыбу ловили закидушками. На канатике или веревке крепим лески с крючками и грузилами. Грузила из свинца. Один конец закрепляли на берегу у колышка, другой закидывали. 10–12 крючков. Закидушку ставят на ночь, утром рыбу снимаешь» [419].

Примачева К.С. х. Янмутьхоуза: «В Мат Хаусе ловили в реке ленок, хариус, „фалерку" (форель), тайменя, налима. Налим живет под камнем. Ставим на ночь „накидушку" (закидушку)» [420].

С.Л. Гуменная Жительница х. Халаза «В Виноградовке собирались ребята и девчонки на озере, ловили тайменя- неводом. А когда на Халазе стали жить, стали в реке ловить щук, сомов, троегубов („ук") на закидушки. Закидушки делали с берега на берег. Мешками рыбы набирали. К нам редко приходила красная рыба. Ловили ее мордами с заездками...» [421].

Ошева Вера Харлампиевна, жительница с. Калиновка рассказала, что в их местах переметы ставили там, где рыбий лажамент: «Лажамент, — объяснила нам Вера Харлампиевна, — это жизнь. Кета выбирает себе тихое место, самка хвостом ям-

ку делает и выметывает икру. Приходит самец, поливает молоком и засыпает. Потом мальки выходят, вырастают и уплывают, приходят в это место через 4 года, снова мечут икру. В этих местах обычно затишье, нет сильного течения. Туда и ставили перемет, на ночь. Протягиваешь поперек веревку с крючками. Крючки в воде болтаются, рыба хвостом даже может зацепиться...» [422]. Безусловно, такие снасти приносили немало вреда, были запрещены, но тем не менее до сих пор используются при рыбной ловле.

Наиболее безобидным способом рыбной ловли были удильные средства, удочки. В основном использовали для ловли речной рыбы: чебака, таймень, форель, кунжу, хариуса, щуку, сазана.

А.А. Комов, заядлый рыбак и охотник, рассказал, как он мастерит себе удочки. «Удильно делали из длинных ветвей, леску скручивали из белого конского волоса, по 6 волосин, суставушкой скрепляешь в нить и привязываешь за вершину удильна. Груз-кусочек свинца, наживка-дождевой червяк» [423].

У каждого рыбака были свои секреты рыбной ловли на удочку. Здесь важно было все: время дня, погода, ветер... За долгие годы к «рыбьим вкусам» присмотрелись, знали, кто на какую наживку клюнет. Елизавета Родионовна Шишкова, жительница х. Халаза: «Щуку, сома, сазана, касатку, ленка, трегуба ловили на удочку, наживка-лягушата, майские жуки, черви. Верхогляда (ух, он костлявый) ловили на бабочек без грузила»; З.М. Ушмаркин с. Кокшаровка: «На удочку ловили гальянов, на блесну — щук, хариусов. Ловили на „мормышку“ — обманку: на крючки наматывали цветные нити, шерстяные, бархатные, простые. Это было похоже на червяка кобылки, кузнечика, бусинки тоже пользовали. На крючок, удочку ловили только хариус, ленок, таймень. Они любят чистую воду. В темной воде водится сом, щука, чебак, троегуб. Когда прибывает вода и несет ил, грязь, рыба уходит в чистую воду, ей там легче дышать. На мормышку — это подледный лов»; Об особо оригинальной наживке рассказала Коробейникова Ксения Трифоновна (дев. Калугина), жительница с. Красный Яр: «Мы ловили речную рыбу хариус, ленок удочками и на червяка. А еще один безотказный способ — это ловля рыбы на „мухорок“. Эту приманку делают из лобковых волос, связывают несколько волосков в маленький пучок и крепят к удочке»; Давыдов К.Л., житель с. Самаровка: «Удочками ловили пеструшков. Эта рыба, как сима, только маленькая, мясо белое. Гольца ловили весной и осенью на блесну». Сандалова З.Л. с. Калиновка: «С удочками ходили на рыбалку по двое, трое. Ловили по полному чайнику гальянов, пескарей. Уха из гальянов самая вкусная. Я везучая была все по двойнушке тянула» [424].

Одними из самых продуктивных и простых способов ловли рыбы во время нереста были крюки, остроги. Острога относится к ударным орудиям лова. Внешним видом напоминает редкозубую гребенку с острыми зубьями-крючками. Собственно острога насаживалась на толстую деревянную палку. Остроги изготавливали сами, ковали трех- или четырехзубки. И.Е. Фефелов рассказывал, что по мастерству с местными рыбаками-гольдами никто не мог сравниться, но опыт их старообрядцы все же старались перенимать: «они на острогах зажаброчки делали. Ткни рыбу- эти усики заскочили за жабры- она уж не соскочит. На крайних зубьях делали по одной зажабрине, на средних-по две. А еще мы вот что переняли у гольдов. У гольдов острога складная. Крайние зубья загнуты и в черешок заходят, а посередке зуб отдельной, и он в деревяшку забивается, сверьху кольцо, как на литовку, им и держится. Она легонька, у ней жалеза этого нету» [425].

Самым распространенным видом рыбной ловли с острогой было лучение. Иван Евстафьевич Фефелов, житель с. Степного: «Лучили рыбу, ночью с огнем. Заготавливали смолье из кедры. Смолье на жалезную „козу“ приспосабливашь, „козу“ — к палке, палку к лодке прикрепляешь. Рыба на свет идет, а мы ее острогой — и в лодку. Помногу накалывали. Большинство так лучили белую рыбу, стоячую. Но и красную тоже лучили, только та идет все время. Так, тогда забираешься на лодке вверх по течению зажигаешь смолье, свет и начинаешь спускаться. Красная рыба, та все время идет навстречу. Вот ты ее колешь острогой — да и в лодку. Штук по 50–70 за ночь»; «Если ночью лучили рыбу, клали смолье в корзинку — „козу“. Ночью рыба стоит, вода освещается, колешь острогой, на ложаменте — крючком» [426]. Название корзинки для смолья — «коза» пока нами зафиксировано у алтайских переселенцев.

А.М. Ушмаркин, житель с. Кокшаровка: «Лучили так: корзинку плели из полосок жести, металлических обручей, чтоб угли не вываливались. Кладут туда смолье. Крепят корзину на железном согнутом пруте, пониже. Поджигают, оно минут 30 горит. Так светло становится, что дно видно. Рыба идет вдоль реки на глубине. Ее тоже хорошо видно, колешь острогой»; Елизавета Родионовна Шишкова, жительница х. Халаза: «Рыбачили ночью с огнем-лучили. Возьмем с собой железную корзинку со смольем, найдем перекат и колем остогой. Так лучили трегуба (чебака), ленка, сазана. Когда-то и в Даубиху красная рыба заходила»; Ефросинья Алексеевна Семенова, жительница х. Янмутьхоуза: «Во время хода рыбы ловили зубатку острогами — лучили. Делали из железа чашку-решето, клали туда смолье, смоляные чурки, которые долго горят. На лодке тихо плывут вниз по реке, без весел, чтоб рыбу не пугать. Скопится много рыбы — колют острогой» [427].

Пользовались крестьяне и ямным способом рыбной ловли. «Речка вымывает иногда глубокие ямы, там и рыба скапливается: глубоко и тихо. Рыба-то ищет, где глубже...»; «В ямах таких из рыбы (крупной — у дна и мелкой — на поверхности) образовывался целый столб рыбы. Талмени, ленки так живут. Мы называли талменная пристань. В таких ямах ловили на крючки или закидушками» [428].

Внешний вид крюка заставляет внутренне содрогнуться: острейший загнутый металлический крюк до 25 см длиной крепился обычно на длинную палку 5–6 м длиной. Крючьями ловили рыбу, идущую на нерест. А.А. Комов: «Осенью на нерест идет кета. Я мальчишкой по 300–400 штук ловил. Ловили крюками самокованными до 25 см длиной» [429].

Уже в 50-гг XX в. почти у всех мальчишек было распространено такое орудие как «нахаловка», представляющее собой ящик со стеклянным дном. Позднее его еще стали называть «телевизор». Рыбачили с таким ящиком в тихой воде, опуская его на воду и медленно продвигаясь по заводи. Через стекло было видно гораздо лучше. Подплывающую рыбу ловили на крючок, крюк с ручкой [430].

Довольно долго на Дальнем Востоке не существовало никаких правил рыболовства. «Де юре» надзор за соблюдением хотя бы относительных правил рыбного промысла лежал на лесничих. С начала XX в. учреждался специальный рыбный надзор в заливе Петра Великого и главных реках — Сучан, Суйфун, Монгугай, Майхе. В связи с недоловами, вызванными недобросовестным, хищническим использованием рыболовных «заездков», началась компания против использвания их при рыбной ловле. Безусловно, при злоупотреблениях и недобросовестном отношении к природе, обществу любое орудие рыболовства может стать опасным, хищническим, браконьерским. Самыми непримиримыми противниками использования заездков стали жители верховьев рек, поскольку именно туда рыбы приходило намного меньше в связи с перегораживанием рек во время нерестового хода рыбы рыбаками из низовских селений [431]. Почти все наши информаторы, рассказывая о ловле рыбы заездками, упоминали, что важно было оставлять проход в реке для жителей в верховьях рек. М.К. Михайлов: «Ловили заездками, но всю речку не перегораживали, чтобы жители в верховьях тоже могли ловить. Если 2 протоки, то загораживают только одну» [432].

Особый вред наносили заездки японского типа, у которых в воротах вместо морды находился по сути ставной невод: провисающий до дна сетяной мешок, из которого пойманная рыба перегоняется в соединенный с мешком садок, откуда ее

и вычерпывают в лодки. Уловистость в такие ловушки возрастает до нескольких десятков тысяч штук в день. Если не убирать рыбу вовремя из таких ловушек, она «снет» и тонет. Такую рыбу выбрасывали в огромных количествах, загрязняя одновременно водоемы. В 1918 г. после проверок, комиссий, решено было оставить тип заездков, почти повсеместно употребляемых крестьянами как единственно рациональное орудие рыбной ловли [433]. По полевым материалам, нам, к счастью, не известны случаи использования таких рыболовных снастей старообрядцами.

Хищническими орудиями лова, и это осознавали и сами крестьяне, были переметы и крючья. Ими пользовались, как правило, когда рыба шла на икрометание. Такими орудиями лова ранили много рыбы. Самые горькие последствия имел и ямный лов рыбы.

Собирательство. Собирательство дикоросов имело подчас жизненно важное значение. Они разнообразили и обогащали витаминами пищевой рацион крестьян, и, что немаловажно, давали дополнительный доход. В голодное время орехи выменивали на хлеб: на одно ведро очищенных орехов получали одну буханку хлеба.

Собирательство более других занятий было связано с сезонностью в природе. С наступлением весны, появлением в тайге ценных пищевых растений начиналась активная их заготовка впрок. К заготовкам обычно привлекалась женская половина семьи, дети. Дальневосточная черемша представляет собой кладезь витаминов, тем более ценных, что она созревает ранней весной, когда явно ощущается их недостаток, а из молодой зелени практически еще ничего нет. Черемшу заготавливали в больших количествах на зиму, солили. «Черемшу собирали весной в мае. Листья можно порезать, присолить, придавить. Она сок даст. Может храниться хоть год. Хранят в туесках берестяных. Хорошая начинка для пирогов с черемшой и яйцами, приправ в суп»; «Черемша у нас в моде была. Черемша в лесу поспела — у нас зелень. Пучки поспели — зелень. Кислицу собирали в полях» [434].

Летний и осенний периоды — время массовых заготовок в тайге ягод, грибов, трав, орехов.

В таежных районах собирали прежде всего привычные грибы и ягоды: клюкву, голубицу, бруснику, землянику, малину, калину, рябину, боярку. К невиданным раньше и незнакомым растениям относились осторожно, и только по прошествии нескольких лет начинали употреблять их в пищу. В редких случаях психологический барьер так и не преодолевался.

«Черемуху сушили, мололи на мельнице, смешивали с сахаром или медом — да в пироги! А виноград дикий промывали, выкладывали в липовку и заливали медом. Потом это в пирогах использовали, кисели варили», — вспоминала Сандалова З. Л.; «Мы выкапывали корень шиповника, он хорошо помогал от печени и сердца» [435].

Алтайским степнякам приходилось привыкать даже к хорошо известным всем таежникам ягодам. «В Верхних Лужках в лесу много голубики было и жимолости тоже, но мы ее не собирали, она для нас непривычной ягодой была, как и шиповник. Шиповник раньше коровы и те не ели, а сейчас все обдирают», — вспоминает К. К. Пугина. Долгое время к дикому винограду, элеутерококку, лимоннику присматривались, спрашивали у местного населения, как нужно есть, можно ли есть. «Жень-шень, элеутерококк не собирали раньше»; «Лимонник не брали, хоть его и много было. Лес аж красный стоит»; «Кишмыш сначала сушили, потом распаривали и зимой пекли пироги. Из шиповника варили варенье, только семечки убирали из него», — вспоминает А. П. Калугина, жительница северного побережья; «Собирали дикий виноград, элеутерококк. Ягоды морозили на зиму», — вспоминает жительница с. Стольное Л. Л. Сергеева, — «Собирали ягоды бархата амурского, он от диабета помогает» [436].

Ягоды собирали руками в корзинки, большие и маленькие туески. Бруснику собирали специальными деревянными совками с длинными металлическими зубцами — «бирок». Наш бирок сделал Иван Горбунов в с. Адими в нач. 50-х гг. XX в. Шиповник собирали небольшими грабельками с ручкой, чтоб не очень кололи шипы [437].

Из грибов собирали грузди, сыроежки, «кульбики» («они круглые, скользкие и коричневые а пахнут груздями, их вымачивали и солили»), обабки, белянки, рядовики («грудно растут, их маринуют»), подосиновики, опенки с ильмаками. Сбором грибов занималось также женское и детское население. Грузди принимали на приемных пунктах, поэтому короба дома делали под грузди на 18 ведер [438].

В таежных районах края растет легендарный корень жизни — жень-шень. Когда стало понятно, насколько прибыльна корневка, старообрядцы начинают присматриваться к этому роду занятий и учиться у китайцев. «Мы знали, что китайцы кору на дереве сдирали примерно 30 х 70, „лобок“ называли. Значит корень здесь был, надо еще искать. Корневали, находили корней до 1 кг. Китайцам же и несли, меняли на ткань» [439] «Мужики понемногу корневали, ходили по 2–3 человека», — рассказывает З. Л Сандалова, жительница таежной Чугуевской волости.

Старообрядцы не использовали для заваривания чай покупной. У них был и остается до сих пор в употреблении только травяной чай. Для него собирали лист смородины, мяты, малины.

Фауна о. Ханка чрезвычайно богата. Потомки первых поселенцев, забайкальских старообрядцев помнили, что «черепах было множество. Запримечивали места, где они яйца откладывали, откапывали их и ели» [440].

Ни у кого не вызывает сомнения древнее происхождение такого промысла как добывание, собирание кедрового ореха. Упоминания об этом встречаются у С. П. Крашенинникова. Наш земляк известный лесовод С. П. Бонишко на примере обобщения данных о таежных богатствах Прибайкалья и Забайкалья обращает внимание читателя на еще не получивший должного внимания промысел кедрового ореха [441].

Так же как и в Сибири, добыча кедровых орехов для приморских старообрядцев стало одной из доходных статей их хозяйства. Сбор шишек начинался в сентябре-октябре в зависимости от района проживания. В это время шишки еще крепко держатся на ветках, и для того, чтобы собрать шишки, требовались специальные приспособления. В ноябре шишки уже подбирали с земли.

«По шишку» собирались артелями, которые состояли чаще из родственников. Евдокия Сазоновна Кузьминых вспоминает, что ходили за орехами всей семьей. Делали шалаш в кедровнике, жили там: «Лес у нас рядом с селом был смешанный, кедры не было. За шишками ходили в начале сентября 5–6 девчонок, лазили на молодые кедрушки». Примачева К. С.: «Когда жили в Янмутьхоуза, по шишки ходили в Юдин Лог или Родионов Лог. Собирались по 3–4 человека, обычно семьями. Я ходила с мамой, сестрой, братьями». Место, где располагались сборщики шишек называли «табором» [442].

Способы собирания шишек были разными. Наиболее распространенным способом было лазание по кедрам и сбивания лазальщиками шишек. В семьях, состоящих, в основном, из женщин и детей (такими были семьи после массовых репрессий) наиболее распространенным способом было подбирание с земли упавших шишек — «паданки». «Колотом у нас не пользовались. Дед Лошкарев рассказывал, что на сибирских кедрах шишки на сучках растут, поэтому падают» [443]. И тем не менее способ сбора орехов с помощью большого молота — «колота» был не менее распространенным. Среди информаторов — переселенцы уральского, алтайского происхождения. И. Е. Юрков (переселенцы из Пермской губернии) рассказывает:

«Ходили и с молотами. Это шест 4 м высотой с перекладиной. Подходишь, ставишь его к дереву, оттягиваешь за веревку — удар, и шишки внизу» [444].

Е. С. Кузминых (переселенцы из Томской губ.): «Отец делал „колот": ручка длинная, а на конце чурка. Стучали по молодым деревьям, шишки на них крупнее, легко падают» [445].

Первичную, грубую обработку шишек проводили в тайге. В первую очередь нужно было освободить из шишек орехи. Для этой цели на поваленном и стесаном дереве делали поперечные зарубки, клали на него шишки, били и прокатывали их деревянным вальком с такими же поперечными зарубками. З. Л. Сандалова, переселенка из Томской губернии: «Брали валек, колодинку обтешем, наделаем зарубы. Шишки положим и ударяем вальком-то, потом просеиваем» [446].

К. С. Примачева: «А еще другое было приспособление: брали чурки, потом еще брали палки, сплетали их на концах лианой, чтоб неподвижные были. На них шишики бросали и били. С собой брали решета, просеивали на них» [447]. Это был наиболее распространенный способ очистки орехов.

Ф. М. Нагорнов, переселенец из Уфимской губернии: «На заготовку шишки ходили вверх по Единке. Шишки чистили так: делали настил из жердей, а внизу подстилали палатку. Насыпали на настил шишек и колотили по ним палками. Такие уже частично очищенные орехи везли домой, а дома уж провеивали» [448].

Некоторые переселенцы из Томской губернии называли такое приспособление «сайбой». Е. С. Кузьминых: «Там делали „сайбу": набивали палки между бревнами, внизу палатку подстилали. Насыпали шишек на жерди, шишки и колотили палками, орех шелушили. Потом провеивали: совком бросали орехи на ветер. Очищенные орехи грузили в мешки — и домой» [449].

Сегодня в хозяйствах тех старообрядцев, кто занимается сбором кедровых орехов, есть более усовершенствованное орудие для чистки орехов — «машинка». Основная часть машинки — вращающийся металлический валик с зубцами. Он приводится в движение ручкой. Валик находится в ящике-воронке конической формы, в него закладываются шишки и раздавливаются приведенным в движение валиком. Такая машинка закрепляется на дереве вертикально. Орехи с мусором проваливаются вниз на решета. Следующим этапом обработки орехов является просеивание их на решетах. Все виденные нами решета представляют собой прямоугольной формы листы железа с вырубленными отверстиями (большие решета-с отверстиями большего размера, малые-с отверстиями малого размера), и деревянными бортами от 7 до 10 см. При сотрясании решета мелкий мусор проваливается на землю, а орехи и крупный мусор- на решете. Крупный мусор убирался из решета. В мелком решете, напротив сквозь дырки на подстилку выпадают орехи, а мусор покрупнее остается в решете.

До товарного вида орехи доводили уже дома. И. Е. Юрков рассказывал, что их семья сдавала орехи еще и на семена. Такие орехи стоили дороже, но и качество их должно быть очень высоким, не должно быть пустых орехов. «Бросаешь их в кадушку с водой, пустые да незрелые орехи, да шелуха всплывают, а хорошие — внизу. Веяные на ветру орехи принимали хуже, а вот пропущенные через воду — почти на 100% качественные орехи» [450].

По рассказам старожилов, из одного мешка шишек выходило одно ведро орехов. Набирали шишек до 100 мешков [451].

Ремесла и промыслы. Жизнь на новом месте переселенцам приходилось начинать с чистого листа. Безусловно, необходимый минимум средств производства (орудия труда), небольшой запас семян — то, без чего немыслимо было начинать строить хозяйство, запасливые крестьяне привозили с собой. Но всего предусмотреть невозможно...

Начиная с 90-х г. XIX в. в край хлынул поток переселенцев с Украины. Этому земледельческому населению Черниговской, Полтавской, Киевской губерний предстояло заселять центральные и северные районы Уссурийского края — районы, где не было привычных для украинцев степных просторов. Им предстояло вживаться, врастать в этот суровый таежный край, который именно в это время отчаянно нуждался в людях, владеющих ремеслом. Статистика свидетельствовала о бедственной ситуации в крае: крестьян, знакомых хоть с каким-нибудь ремеслом, было чрезвычайно мало, 1 на 100 человек! [452]. Не было кузнецов, слесарей, бондарей, колесников, портных, сапожников... Человеку неприспособленному, не владеющему ремеслом — не выжить... Эта проблема серьезно обсуждалась властными чиновниками Приморской области, которые готовы были поддержать переселение в край любого ремесленного люда. Заведующий Иманским подрайоном, обследуя участки, где обосновались на жительство украинские новоселы, немало был поражен их растерянностью в сложившейся ситуации: «...имея в своем распоряжении в достаточном количестве лесной материал, переселенцы не заботятся сделать необходимый в домашнем обиходе инвентарь, так, например, на 100 домохозяев д. Марьино имеется 3 деревянные ступки. Для очистки пшена и крупы... нуждающимся... приходится по неделе ждать очереди... между тем для изготовления ступы понадобится 2 дня плотницкой или столярной работы...» [433].

Для старообрядческих поселений этой проблемы не существовало: они привыкли выживать в труднодоступных местах и надеяться только на свои силы. Отдаленность и отсутствие дорог способствовали включению того таинственного механизма, который называют природной русской сметкой. Крестьяне активно учились любому ремеслу. Привычка делиться опытом, старым или приобретенным, новым, способствовала быстрому распространению традиционных ремесленных навыков среди населения. Наши расспросы об овладении навыками почти любого ремесла зачастую ставили информаторов просто в тупик: «А как же. Каждый крестьянин это умел делать. Сусед же опять есть... Расспросишь — он расскажет. Иногда в другую деревню ходили посмотреть, как да что» [454].

Ремесленные навыки на первых порах освоения новых территорий редко перерастали в профессиональные. Они были тесно связаны с основными занятиями крестьянской семьи и направлены, главным образом, на удовлетворение личных нужд, изготовление предметов первой необходимости. Развитию ремесел способствовали в немалой степени и обильные лесом, зверьем, таежные районы края...

Семью Пермяковых — Сальниковых хорошо знают во всей округе, как талантливых умельцев. Обе семьи переселились из Пермской губернии. Роман Ермолаевич был знаменитым кузнецом, ювелиром, шорником... Внуки в него пошли, мастеровые. Чего только мы не увидели на подворье у Якова Родионовича Сальникова во время одной из последних экспедиций в с. Максимовку: сани-розвальни, телегу, лодку, нарты, коптильню. Все сделал сам. «Мне бы только раз взглянуть, а там уж обязательно сделаю!» — совсем без хвастовства в голосе говорил Родион Яковлевич. Младшего брата Родиона Яковлевича — Мину Яковлевича мы застали во дворе за работой. За все время нашего разговора он ни на минуту не оторвался от плетения мордушки. Все в селе знали необыкновенную историю о том, как Мина, еще совсем молодой, сам выковал щипцы для удаления зубов, а потом сам же удалил и зуб, мучивший мать уже несколько дней. Слава Богу, все обошлось без осложнений. А щипцы, к огромному нашему сожалению, потерялись: столько лет прошло... Кстати, подобную историю о самокованных щипцах для удаления зубов и чудо-кузнеце из рода Калугиных мне рассказывала Корбейникова Ксения Трифоновна из Уссурийска года два назад. От Мины Яковлевича мы привезли в музей чудные сани-кошевку, сделанные им лет 10 назад. Пока мы везли их из Максимовки в Амгу, Терней, люди, видевшие нас с санками безошибочно узнавали руку мастера: «Такие только Миней Сальников делает», — безошибочно определяли они. Через неделю санки уже приобрели статус музейного предмета, побывали на выставке. Впереди у них долгая жизнь в музее.

Мелкие промыслы, имеющие характер подсобных, были наиболее распространены в Приморье. Особая хозяйственная гибкость, присущая русскому крестьянину, многообразие экономических форм были залогом успешной колонизации [455].

Отходничество среди старообрядческого населения имело место, но вряд ли можно считать его явлением распространенным. Иногда профессионалы-ремесленники печники, пимокаты, шорники отправлялись на заработки по другим селам, но в старообрядческой среде чаще всего крестьянин или крестьянка, хорошо владеющие какими-то навыками принимали заказы на месте жительства. Среди более 400 человек, проходивших по делу о восстании, едва ли найдется более десятка примеров, когда отходничество становилось единственным средством к существованию. Так, З. Ф. Семешов работал в артели по постройке мельниц, Ф. Ф. Юрков заключил договор с предпринимателем И. П. Подрезовым по доставке живого скота на о. Сахалин, И. Е. Давыдов работал сначала у лесопромышленника Городецкого Т. Л., а с 1928 г. на кооперативной рыбалке, Ф. А. Красных работал плотником на японских концессиях, делал сани; В. И. Куликов имел дополнительные заработки за перевозку грузов, пассажиров на лошадях, плотничал, брал подряды на строительство бараков для Дальлеса [456].

Более известна информация о содержании старообрядцами почтовых станций и постоялых дворов. Так, на сегодня нам известно о существовании почтовых станциий по Камень-Рыболовскому тракту, принадлежавших вахмистру Калугину; почтовой станции, принадлежавшей Василию Ивановичу Матвееву, жителю с Батюково, постоялых дворов близ станции Тигровой и Подгородной, на Угловой, принадлежавших владивостокскому купцу II гильдии Малютину Феопену Никитичу (1890 г.) [457]. Стоимость 6 почтовых лошадей обходилось 1170 рублей, 2 экипажей 240 рублей, а ежегодный прокорм лошадей-2193 рубля [458]. Как видно из этих цифр и обзаведение собственными лошадьми, и их содержание требовало немалых капиталов. Строительство почтовых станций, постоялых дворов русскими предпринимателями особо приветствовалось властями: «На пространстве от Раздольного до Владивостока, кроме почтовых станций Тигровой и Подгородной нет никаких других частных жилых построек, где бы проходящий люд мог найти ночлег и приют...поэтому строительство постоялых дворов является безусловно необходимым» [459].

Есть свидетельства о занятии крестьян извозом: перевозкой пассажиров, грузов на дальние расстояния. Брат А. И. Матвеева, Фаддей Матвеев, имел биржу, работая во Владивостоке легковым извозчиком. Алексей Матвеев, проработав на бирже у брата до девятнадцати лет, купил свою лошадь и работал самостоятельно [460].

В 20-е гг. XX в. наиболее зажиточная часть старообрядческого населения активно занимается извозом на существующих к тому времени на северном побережье многочисленных лесных и рыбных японских концессиях. Крестьяне нанимались со своими лошадьми для перевозки леса, рыбы. Крестьян привлекал быстрый способ заработать неплохие «живые» деньги или приобрести в обмен на свой труд качественные промышленные товары.

Совсем другими были причины массового ухода из родных мест и наем на работу на советские предприятия, занимающиеся заготовкой леса и рыбой. Зачастую, это была единственная возможность избежать коллективизации и не умереть с голода. «Чтобы не подвергнуться раскулачиванию, я уехал на северное побережье, там работал плотничью работу в Дальлесе», — рассказывал К. Г. Красных [461]. Среди наиболее востребованных (кон. XIX — нач. XX вв.) ремесел нашими информаторами назывались: мукомольный, смолокуренный, кузнечный, плотничный, бондарный, шорный, кожевенный, сапожный, пимокатный, печной. С течением времени ситуация менялась, многие промыслы вообще исчезали. Наиболее долго свои позиции удерживали кузнечный, бондарный, плотничный, сапожный, кирпичный.

В связи с тем, что большую часть времени крестьяне занимались земледелием, охотой, рыболовством, на занятие ремеслами уходило в лучшем случае от трех месяцев до полгода. Как правило, это было зимнее время, когда крестьянин был свободен от полевых работ.

Специально построенных помещений для занятий тем или иным ремеслом не было, за исключением кузниц, мельниц. Занимались обычно во дворе, сарае или бане. Орудия труда чаще всего изготавливали сами. Хорошие орудия труда до сих пор хранятся мастерами и передаются по наследству. Наши мужчины-информаторы весьма неохотно пускали нас в свои заветные места, где хранились инструменты. У Родиона Яковлевича Сальникова сарай заменила не так давно построенная специальная мастерская. Чего там только не было! Наши горящие глаза и страстное желание заполучить все это в музей, выдавало нас с головой, поэтому хозяин без особого восторга и с опасением показывал нам свои богатства. Вот чудо-пазник, или отборник, или шпунтовник, как назвал его сам хозяин. Прибор такой столярный для выборки пазов. За свою жизнь мне удалось уж повидать самые разные подобные коллекции в разных музеях страны, такого видеть не довелось. Этот — штучная работа. А главное и имя мастера известно — Фотей Попков. Мы даже и не просили, знали: мастер с таким не расстанется. На гвоздях висели зимние войлочные обутки для хождения на охоту, рыбалку. Дизайн кожаных подошв, придуманных Родионом Яковлевичем, чтоб не скользили, напоминал космический. Явно не отдаст. И все-таки мы получили для музея в подарок: тупик для отбивания шкур, иначе- инструмент для снятия шерсти со шкуры, кормушку для пчел, пялку- инструмент для распрямления шкурок пушных зверей. Родион Яковлевич отдавал еще плуг, один из первых советских плугов, замечательную борону, тоже 30-х годов, и телегу с лодкой в придачу... Мы бы тут же все это схватили, в музее такие предметы на вес золота... — да дорог перевоз, как говорит пословица.

Заказчиками были прежде всего односельчане, но иногда, прознав о мастере, специально делали заказы и крестьяне соседних сел. Работу талантливого плотника С. Л. Заглядина мы узнавали по особой резьбе, украшавшей оконные наличники домов по северному побережью. Весьма востребована была работа пимокатов, сапожников.

Смолокурение и варка дегтя были развиты в таежных центральных и северных районах края. В крестьянских хозяйствах эти продукты имели большой спрос. Существование смолокуренных кустарных заводиков в старообрядческих хозяйствах зафиксировано и в нашем полевом материале, и в архивном. Небольшой дегтярный заводик имел в Виноградовке Федосеев Н. Как свидетельствует протокол Ивановского райисполкома (30-е гг. XX в.), на месте было обнаружено 2 котла, 3 бочки, жилое помещение, смолы 300 кг, дегтю 16,5 кг на сумму 633 рубля. Разбирательство было недолгим: «Слушали заявление к/х „Смерть капиталу“ о возврате дегтярного завода в пользование колхоза, принадлежащего кулаку Федосееву Н. Постановили: изъять дегтярный завод у кулака Федосеева» [462].

В качестве сырья для изготовления дегтя, смолы использовали бересту, березу, старые пни. У Федора Дмитриевича Поносова в с. Таежка, куда семья его перебралась после того, как Петропавловка почти вся была смыта наводнением, был свой небольшой заводик, где он работал один. Из березы делал маленькие чурочки, складывал их в котел ведра на 4–5, варил 1 сутки, получалось 4 ведра смолы. На 0,5 куб. м чурок — 1 ведро воды. Готовый деготь имел большой спрос, его покупали приезжие из Уссурийска, меняли на селедку. Заводик разорили при аресте Федора Дмитриевича [463].

Евгений Иванович Малютин из с. Перетычиха вспоминает, что их семья тоже занималась перегонкой дегтя из бересты. «Нужно надрать бересты, набить ей полную железную бочку, туго. Бочка сверху закрыта, а снизу стоит на листе жести. Об-

кладывают бочку дровами всю, с верхом. Желоб закрывали землей. Все поджигали. А смолу гонят из кедровых пней. Принцип тот же. Смолу смешивали с дегтем и делали смазку. Ей мазали лошадей от гнуса, обувь смазывали...» [464].

В Усть-Соболевке место, где когда-то гнали деготь, и сейчас называется «Смологонкой», в Анисимовом ключе. Смолу здесь гнали из корня кедра. «От кедры пень остался, корень ее никогда не сгниет, очень смолистый. Собирать их очень трудно. Пень вырывают, обрубают. Осенью и летом занимаются...» [465].

Зачастую березовые леса в связи с заготовкой бересты для смоло-дегтярного промысла бездумно и неоправданно уничтожались. Вот что рассказывал нам Денисов Филат Семенович, бывший житель с. Тополевого, Чугуевского района.: «Деготь я гнал в возрасте 12–13 лет. Собирают бересто со старого валежника. Раньше, когда про экологию мало кто имел представление, драли бересто с сырорастущих берез в ущерб своей природе. Потому что если выдрать бересто с березы больше метра, береза погибает. А раньше-то мы драли на высоту, сколько росту хватало. Драли в конце июня, в июле, в самый разгар сокодвижения, когда разрубленное бересто расщелкивалось само и при небольшом усилии падало вниз. Теперь нужно вырыть яму, поставить туда бочку с одним дном. Вокруг бочки должно оставаться пространство примерно сантиметров 10, а сверху бочка должна на четверть ее примерно быть на поверхности. Внутренняя стена ямы выкладывалась камнем и замазывалась глиной. Под бочкой делали топку: клали камни, лист железа. Наружу от нее делали отверстие, чтоб подкладывать дрова. В верхней части бочки — отверстие, в которое вставлялась труба и замазывалась глиной. Бочку набивали измельченным берестом и покрывали железной крышкой, замуровывалась глиной. Второй конец трубы, длина которой 5–6 м, диаметр трубы 40–50 мм, вставляют в пустой, не протекающий бочонок с крышкой, внизу которого отверстие с заглушкой — пробкой. В топке разжигают дрова, которые должны гореть не очень жарко. В бочке от температуры огня бересто нагревается и дым, обогащенный дегтем, поступает в трубу, труба холодная, дым охлаждается, превращается в деготь, стекает в деревянный бочонок. Есть еще способ. Выкапывают ямку в земле, вставляют в нее емкость, наверх кладут решетку, на нее нарубленное бересто. Поверх его ставят такую же емкость. Стык между двумя емкостями замазывают глиной. На верхней емкости разводят умеренный костер. Бересто нагревается, дым от него заполняет нижнюю емкость. А она соприкасается с холодной землей. Дым, соприкасаясь со стенками, охлаждается и превращается в деготь. Через определенный промежуток времени огонь убирают и убирают уголья от сгоревшей бересты. Образовавшийся деготь сливают в другую посуду» [466]. Большинство наших информаторов рассказывало нам о ямном способе добывания дегтя.

Изготовление дуг, колес, саней телег — самое востребованное ремесло. Материал для изготовления приобретался крестьянами на лесных дачах. Для этих целей заготавливались разные деревья: береза шла на изготовление саней, кошевок; дуб — на колеса, остовы телег, кошевок, саней; липа — на обшивку телег, кошевок; кедр — на бочки, квашни; орех, акация, дуб — на дуги. Готовый товар вывозили и на рынок. На рынке в Никольск-Уссурийске телега стоила 10–12 рублей, сани крестьянские — 3–3, 50 рублей, кошевка — 12–15 рублей, бочка — 2 рубля. За год кустарь мог заработать до 200 рублей [467]. В с. Усть — Соболевка гнуть дуги умели не многие. Филипп Кириллович Соболев отвел меня на окраину села и показал странное сооружение, похожее на маленький домик с одной единственной дверцей. Недалеко от домика лежала половина широченного ствола дерева с какими-то еще более странными вырезами. Ни за что бы ни догадалась, что передо мной приспособления для изготовления дуг, колес, полозьев. Полуразрушенные, конечно. Сам процесс изготовления их рассказал Василий Илларионович Деминов: «Обычно этим мастерством владел один человек: он гнул дуги, колеса на деревянном ходу, полозья для саней. Сначала дерево надо распарить. Делают деревянный прямоугольный ящик, длинный, глухой (оказывается, этот домик, что я увидела, и был ящиком — авт.). С одной дверцей в торце. Эту дверцу открывают, и кладут в ящик готовые дуги или полозья. На другой торцевой стороне — 2 трубы. Одна соединена с котлом, в котором постоянно кипит вода. Пар от нее поступает в ящик, распаривает наши полозья, а потом выходит в трубу, в той же торцевой стенке. Для распарки нужно 5–6 часов. Дальше нам нужно бало. Бало — это форма такая. Она делается из лесины, толстой лиственницы, в ней выдалбливается форма, по которой и выгибается полоз, дуга или колесо. На одном бало могут сразу вырезать форму дуги и полоза, или нескольких полозьев. Вершину распаренного полоза вкладывают в бало, укрепляют конец полоза железной петлей в бало. Дальше нужно гнуть этот полоз и одновременно закреплять полоз, чтобы он не выскочил из бало, и изгиб сохранился. Делаем это с помощью веревки и тюриков. Тюрик — это катушка такая деревянная, крутится на вертикальной палке. Вот укрепили конец полоза петлей, теперь надо его дальше гнуть. Мы и подтягиваем другой конец полоза ближе к бало с помощью веревки, наматывая ее на тюрик. Подтянули, часть полоза вошла в форму. Теперь подтягиваем другим тюриком, полоз еще ближе к форме, опять подтянули, заложили в форму, так и до конца, пока весь полоз не уложим в форму. Потом деревянной палкой соединяем концы полоза, чтоб не выскочили из формы. Так месяц надо выстоять. Так же и колеса и дуги делаются...» [468]. Знаменитым мастером — колесником в Кхуцине был Илларион Агафонович Нагорнов. Он изготавливал телеги только на деревянном ходу. В телеге не было ни одной железной детали. Для испытания крепости колеса он взбирался на крышу и оттуда бросал вниз колесо. Говорят, ни одно колесо его изготовления не разбилось.

Бондарное ремесло было в числе ремесел, пользующихся особым спросом. Особенно на северном побережье, где большое количество бочек требовалось при засолке рыбы для продажи. «Бондарничали понемножку-то все. Каждый мог себе бочку сделать. В Кхуцине профессиональных бондарей не было, а у нас в Тахобе были: Караванов Федор, Дьяконов Иван и сын его Иван, Власов Иосиф, Горкавцев, Симон Пугин» [469]. Федор Васильевич Караванов более двадцати лет проработал бондарем в с. Усть-Соболевка, продолжает заниматься этим ремеслом и сегодня. Он с удовольствием провел нам показательный урок: «Бочки делали из клепки, из лиственки, другая не колется. Дерево спилить нужно, распилить на чурки нужной высоты. Потом чурку раскалываем пополам: 2 топора втыкаем в чурку и бьем колотушкой березовой по ним. Раскололи пополам, потом каждую половину еще пополам. Каждую часть колем на плашки по 2,5 см толщиной. Крайние части, нестандартные отбрасываем. Норма у нас в колхозе была 270 в день. Полученные плашки надо обработать. Обрабатываем на станке, „услон“ называется. Прямым настругом — снаружи, кривым-изнутри. Клепка должна быть болонью наружу, сердцевиной-изнутри. На „шмыге“ фугуем ребра. Дальше собираем остов. Берем обруч, вставляем внутрь клепку, прикалывая их верхней частью к обручу прищепкой. Собираешь — смотришь. Осадить немного обруч, подбить, клепки подравнять. Второй обруч — „проходник“, побольше в диаметре, надеваешь, подбиваешь пониже сантиметров на 10. Третий обруч, еще больший в диаметре — „пуковой“ насаживаешь докуда идет. Ниже половины. Ровняешь клепки увесистым железным молотком. Добил, сколь лезет до низу. Выправляешь клепки изнутри, переворачиваешь вверх ногами бочку. Внизу-то у нас все расширено. Стягиваешь клепки тросиком, связанным восьмеркой. Тросик одним концом прикреплен к стене. Одев восьмеркой тросик подтягиваем палкой-воротушкой, чтоб покрепче стянуть, аж трешшит. Если клепки ломаются- их заменяют. Когда низ стянули тросиком, проходной и пуковой обручи падают. На остове остается верхний и нижний обручи. Внизу трос и вверху одеваешь тросик. Теперь все это называется — остов. Его ставят сушить. Если не срочно, то на солнце сушат, если срочно, то мангалят: ставят остов на остов, бросают

туда стружки и пожигают, пока все стружки не сгорят. Можно и дома — ставят на печку и сушат дня 3–4. Обруча важно сковать правильно, точно надо все измерить. Я веревочкой мерил. Полоски из металла накладывают друг на друга на 0,5 см, бородком пробиваешь дырки. Молотком заклепываешь. Набиваем 2 обруча сверху, 2 снизу по 10 см от края. Обрабатываем изнутри настругом, чтоб ровненько было. Потом зауторником нарезаем зауторы-бороздки для донышка, пропиливаем. Сшиваем донышко из досок на сшивалке. Циркулем отмеряем 6 частей остова, радиусом этим отчеркиваем их на донышке. Вырезаем дно лучковой пилкой. Фрезеруешь настругом донышко, снимаем фаски с 2 сторон, да по краю. Край должен получиться острым углом. Кромка должна быть всеж-таки смещена к наружному краю, чтоб не выпадало дно. Вставляем дно. Набиваешь обруч с краю, чтоб было туже» [470]. После обучения Федор Васильевич подарил музею ведро собственного изготовления, а вот инструменты не дал: «Сыновьям оставлю, они у меня все умеют...» Дед Зинаиды Лукиничны — Иуда Сандалов был известным на всю округу бондарем. А жили они в с. Калиновка Чугуевской волости. «Он бочки из клепки делал еловой или дубовой. Заказов не принимал, так уж, кто попросит, но деньги никогда не брал».

«Я, — вспоминает Иван Ефимович Шутов (с. Ясное), — обручи для бадеек деревянные делал, зауторы. Выбираю черемуху толщиной где-то 7 см, без сучков, раскалываю пополам, делаю залом, защемляю. Кувалдой натягиваю на бадью. Бадейки для меда из тополя долбленые делал. Свалил тополь, отрезал часть, выдалбливаю пешней внутри, чисто делаю внутри, зарез сделал живорезцем-зауторником, дно тихонько посадил в эту щель и обруч посадил» [471].

Мастерство шорников было не менее востребовано. Что и говорить: лошади в каждом хозяйстве. Деминов Василий Илларионович: «Шорников у нас в Тахобе не было. Каждый сам себе делал Я сам себе всю сбрую, шлею, узду шил. Все инструменты у меня есть, да и каких-то особых здесь и не надо инструментов: нож, шило, дратва, иголка. Дратву для шорных работ плетут из конопля. Берешь в руку кусок вара и шеркаешь ниткой об него. Нитка пропитывается смолой, воду пропускать не будет и сама долго не сгниет. Если шьют ушивальником (узкий кожаный ремешок для шитья), то конец его делают острым и проталкивают в иголку или отверстие, сделанное шилом. Ушивальником шьют шлею, узду. Дратва быстро изнашивается, а шитовка — долготерпеливее. Ремни на мельницу тоже сами шили. У них 15 см ширина, длина больше метра. Кожи не хватало же по длине, поэтому мы наращивали кожу несколько раз получался ремень четырехслойный. Концы одной части вставляли между концами другой части и сшивают шитовкой» [472].

Кованые изделия получили большое распространение в крестьянском быту. Работа у кузнецов была самая разнообразная: они ковали отвалы для плугов, сошники, ободы для колес, вилы, лопаты, конскую упряжь, подковы, дверные ручки, скобы, гвозд. Имена кузнецов хорошо помнят их односельчане. И нам хочется вспомнить некоторые из них: Булатов Кондратий Иванович из с. Батюково, Соболев Анфим, Губушкины из с. Тахобе, Бочкаревы из с. Кхуцин, Василий Илларионович Деминов из с. Тахобе.

Василий Калугин и его сын Трифон кузнечнли в Виноградовке. По воспоминаниям их виучки и дочки — Ксении Трифоновны, они могли выковать все: сами делали все сельскохозяйственные орудия, инструменты, скобяные изделия. Дед Василий даже ювелирные изделия ковал. Она вспоминала, как бабушка Прасковья все зубами мучалась, так дед Василий выковал щипцы для удаления зубов. Деминов Василий Илларионович учился кузнечному мастерству у своего отца — Иллариона Александровича. «Отец как пришел с германской, так в кузнице работал. У него в селе была своя кузня. Мог сделать все, сам даже турбину сковал для мельницы, жаль попользоваться не успел — арестовали. Мне лет десять было, он меня уж к кузне приучал, сначала я мех качал, иногда давал попробовать ковать что попроще...» [473]. Василий Илларионович в сельской кузнице проработал около 30 лет. Сам построил около кузницы ковочный станок. В последний раз с Василием Илларионовичем мы были в заброшенной кузнице в прошлом году. От нее остались лишь стены.

Глина — материал небходимый в крестьянском хозяйстве: из нее изготавливали глинобитные печи, посуду. Наши информаторы рассказывали нам в основном о кирпичном производстве. «Каждый, кто нуждался сам себе делал кирпичи. В Калиновке месторождение глины было прямо в поле... Глина у нас красная была, замешиваем в яме с водой густо, чтоб к ногам не прилипала, Месим ногами в яме. Потом в форму деревянную накладваем, ниткой обрезаем — и на поднос сушить перворачиваем, а форму предварительно надо золой смазать. У нас печник известный был — Виктор Фомичев, печи в Калиновке, Кокшаровке делал» [474] «Дед мой, Кулятин Иван Савельевич, переселился в эти края с Алтая. Он лучший в округе кирпич-сырец делал. У него свой заводик был. ...Громко сказано, конечно, навес в общем, двускатный, столбы, проходы. Табличка была „Кулятина Ивана Савельевича кирпичный завод". Если глина заготовлена была, до 1000 кирпичей в день делали. Кирпичи сушили 3 суток, переворачивали с ребра на ребро. Потом складывали в стопки елочкой, чтоб продувало, через неделю- в штабеля, Приходило судно, развозили кирпичи по селам. Размер кирпича был 8х15х30. Все печи в Калиновке были из нашего кирпича» [475].

Сведениями об изготовлении кирпичей поделился Филипп Кириллович Соболев из с. Усть-Соболевки. «Мы глину брали у Мартяшина ключа. Она должна быть красная, вязкая, чтоб камней не было. Нужно снять грунт. Набрать глину и смешать ее с водой в пропорции: 10 ведер глины, 3 ведра песка и воды по надобности, для вязкости. Закладываем в деревянную форму и на доску сушить. Доски должны быть метра полтора длиной. Сушить надо в тенечке, на стеллажах, не меньше недели, если туман — 2 недели. Уже при колхозах такой кирпич стоил 3 копейки» [476].

Выделка кож тоже иногда приобретала значение кустарного ремесла и была достаточно распространена в крае. За время экспедиционной работы нам посчастливилось разговаривать со многими мастерами своего дела. Они поделились с нами секретами выделки кожи для обуви, одежды.

Выделка шкур животных для обуток: «Лосинка для обуток делается из зюбрины или козлины. Делается она в холодное время года. Сначала делаю раствор, щелок: ведро золы на ванну воды. Опускаю в нее шкуру с шерстью. Через сутки примерно шерсть полезла. Я ее вытащил и прополаскал в чистой воде. Потом положил на козлы, верстак такой наклонный, с торца высотой по грудь, а наверху доска-горбыль, полукруглый. Грудью прижимаешь и тупиком сбиваешь шерсть. Потом нужно вынести кожу на холод, на мороз. Как высохнет, с неделю надо держать. Приносишь домой, смазываешь нерпичьим жиром или каким другим с лицевой стороны, где шерсть была. Держать так дня 3–4. Потом кожу нужно отмять на ручной кожемялке. Тут бы надо помощника: один мнет кожу, другой держит и поворачивает, подвигает ее. Лосинку оббили, прожирили и теперь отминаем на беляке Протянули- снова в щелок. Ногами топтать нужно не больше 2 часов, потом на речку полоскать, и на мороз. При ветре — неделю держать, без ветра больше. Потом к кольцу в матке или в стене привязываем на веревку кожу и обминаем кожу теперь уже скобелкой».

«Дубят кожу по — разному. Можно так. Сушим кору дуба, толчем, запариваем, греем на горячей печке, чтобы напрела. Выливаем это все в корыто. Кожу пересыпаем этой толченой корой, заворачиваем- и в корыто, придавить надо. Вот она лежит пока всю воду не заберет, тогда воды надо добавить. Лежать должна недели две. Дубят обычно летом. Если мы хотим оставить мех на шкуре, например, для рукавиц, то тогда надо очень внимательно следить, после того как замочим в щелоке. 2–3 раза в день смотреть, перевеорачивать все время. Как только начнет с трудом выдергиваться шерсть, так надо вытаскивать» [477].

Ксения Калистратовна Пугина вспоминала о том, как ее мама Варвара Васильевна Шерстобитова, переселенка из Алтая. с. Корчино, выделывала шкуры: «Мама всегда держала скотину: лошадь, корову, чушку, овец обязательно. Тянула единолично, сколько могла. Шкуры выделывала телячьи. Снятую шкуру вместе с шерстью обмазывала кислым тестом, убирала под кровать на 2 суток. Ужас, как от нее пахло. Потом шерсть оббивала. Шкуру на мяле обминала. Мяло — это бревно с длинной ручкой с зазубринами. Пропускала шкуру между ними много раз. Потом жирили, вывешивали сушить» [478].

Еще один способ выделки кожи крупного рогатого скота рассказал Суковатицин Венедикт Терентьевич, житель с. Перетычихи, переселенец из Алтая. «На льду выделывают только сохатину. Это сыромятина. Скотскую кожу замачивают в квасе вместе с шерстью. Тесто разводим с водой. Это и называется квас. Замачиваем кожу в бочке. Лежит с неделю. Полезет шерсть, тогда вытаскивают. Скребком скоблим кожу, выполаскиваем в речной воде, проточной. Дальше кожу кладут в „дуб". Кору лиственницы собирают, сушат, толкут в ступе, закипятят, что цвет появился. Остудить надо и залить ей кожу в корыте. С неделю опять лежит. Переворачивать надо. Потом кожу снова мнут. Дать высохнуть — и снова на белике мнут. С одной стороны нужно дегтем смазать — и можно обутки кроить» [479].

Евгений Иванович Малютин, житель с. Перетычиха, переселенец из Забайкалья, из семейских старообрядцев: «Чтобы шерсть сбить, надо сначала закваску сделать. Мы делали из ячменной муки: 2 кг муки на ванну воды. Шкуру свернуть и положить на неделю, потом шерсть скобелкой снимают. Зимой окунали шкуру в воду — и на лед. Морозили. Шерсть отдиралась, мездрили потом крюком, на белике мяли. После обминания, смазывали рыбьим жиром, сворачивали и бросали под койку. Через 3–4 дня стирали в бане с мылом на стиральной доске, снова на мороз, потом снова на белик. Вот и готово!» [480].

Филат Семенович Денисов, (выходцы из урало-сибирского региона., житель с. Ясное Чугуевского района): «Шкуру сначала размачивают, лучше в реке или в ключе, привязать на веревку и пусть мокнет, но чтоб вся под водой была. Когда шерсть пойдет, тогда растягивают ее на козлине, полукруглой стороной кверху. И сбивают шерсть косой (литовкой). После шкуру ложат в известковый раствор молочного цвета, из гашеной извести... Пробуешь потом. Если шкура продавливается ногтем руки большого пальца, ее выжимают, промывают в ручье и ложат в дуб. Его делают из коры дубовой, березовой коры, которая находится под берестом, ольховой коры. Но самая лучшая это кора вербы, у которой внутренняя сторона яркожелтая. Ее сдирают с дерева, сушат, мелко режут или толкут в ступе. Погружают в этот раствор шкуру, хорошо перемешивают. Держат, пока не продубится. После вынимают, развешивают в тени. Крошки коры осыпаются сами. Мнут потом в белике так: шкуру немного смачивают, набрасывают на белик, придавливают коленом между досок и мнут до высыхания, потом опять увлажняют и мнут. Очень трудоемкая работа. Есть мялки вертушки, но я их устройство плохо помню. Потом шкуру обмазывают дегтем и снова мнут до готовностьи. Такие кожи шли на сбрую или обутки» [481].

Шутов Иван Ефимович, выходец из Уймона, житель с. Ясное: «Кожи выделывать меня научил дедушка, неродной, но мы с ним в одном селе жили — Барсуков Семен Филиппович. Из тополя выдалбливаешь колоду 5–6 м. Делаю щелок. Кожи, когда жили в Синьцзяне, брал у киргизов (лошади, бараны). Вымачиваю дней 15 в воде, очищаю от крови, грязи, потом в раствор кладу: 10 ведер воды, 10 ведер золы. Замачиваю на 15 дней. Шкура напухает, шерсть с нее пошла. Ее снимаю специальным ножом. Потом еще 5 дней в воде. Обезжириваю ножом на верстаке. Еду в тайгу, надираю кору, толку в ступе. 3 мешка надо наготовить. Кожу посыпаю этой корой в палец толщиной, скручиваю и вдоль колоды кладу. Все это заливаю хлебным квасом, ставлю, где солнце не печет на 5 дней. Меняю за это время 3 раза засыпку на коже, квас. После этого мну на белике, пока не высохнет. Кожа становится розовая. Эта кожа на сапоги шла» [482].

Ремесло катания валенок, как и любое ремесло передавалось по наследству. В группе алтайских старобрядцев, переселившихся из с. Борончи, ремесло это сохраняется до сих пор. Сандаловы были известными на Алтае пимокатами. Уже в Приморье от них этому ремеслу научились Копытовы. Анастасия Терентьевна Копытова катала валенки для всей Кокшаровки. Деньги никогда не брала за них. Кто что принесет в благодарность, тому и рада была, детей-то кормить все же надо было. В войну днем — в колхозе работает, вечером — валенки делает. Дети помогали ей. Мария Харлампиевна Копытова научилась этому у своей мамы и сегодня, пожалуй, осталась единственной в Чугуевском районе мастерицей по изготовлению валенок. А возможно, что и в крае. Во всяком случае, за все время полевой работы нам не удалось познакомиться ни с одним человеком, владеющим этим ремеслом.

Большая потребность в различных орудиях труда, элементарных бытовых предметах, посуде, предметах мебели, одежде, обуви, особенно на ранних этапах колонизации, стимулировали развитие домашних промыслов. Для малоимущих семей предметы домашнего производства долгое время оставлись единственно доступными. С расширением торговли у населения появляется возможность приобретения фабричных товаров.

Сегодня уже не приходится доказывать, что старообрядцы стали значительным фактором колонизации Дальнего Востока, в том числе и Приморья. Главной особенностью миграционных передвижений старообрядцев были и остаются семейно-клановые, земляческие, конфессиональные связи, обеспечивавшие при многочисленных переселениях в сложнейших условиях освоения новых земель, создание крепких, экономически независимых общин. Даже по отрывочным сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, можно утверждать, что сюда пришли в основе своей обеспеченные, зажиточные крестьянские семьи. На наш взгляд, именно стартовый капитал в сочетании с огромными трудовыми затратами помог старообрядческим общинам успешно и быстро осваивать труднейшие таежные территории края.

Историко-географические условия в течение столетий формировавшие тип хозяйственной деятельности старообрядческих групп определили выбор ими мест расселения. Хозяйственный уклад забайкальцев, расселившихся на равнинных территориях, определялся привычным им земледельческо-животноводческим направлением. Большая часть переселенцев из лесной зоны Европейской России, Урала, Сибири расселилась в таежных областях края. Такой выбор во многом был обусловлен сложившимся агро-промысловым типом хозяйственной деятельности. Местные географические условия продолжали способствовать развитию выбранного направления хозяйства.

Охотничий промысел приносил немалые доходы и помогал быстро встать на ноги. Прибыль от продажи пушнины вкладывалась в основную отрасль хозяйства — земледелие (приобретение сельхозмашин, строительство мельниц), которое быстро приобретало товарный характер. Отрасли потребительского (на первых порах животноводство, рыболовство, огородничество и т. д.) характера обеспечивали крестьянские семьи всем необходимым. Создание комплексных, натуральных хозяйств отчасти было продиктовано условиями изолированности первопроходцев от остального мира. Каждый крестьянин старался производить все самое необходимое у себя в хозяйстве, поэтому стремился к овладению многими навыками и ремеслами: обработка кож и шитье из нее одежды и обуви, бондарное ремесло, тележный, санный промыслы, смолокурение, мукомольный промысел и т. д. Легкость, с которой крестьянин переходил от земледелия к промыслам — эта черта, присущая русским переселенцам, является не отрицательным признаком, а, наоборот, ценным залогом успешной колонизации. Про-

гресс культуры заключается именно в многообразии экономических форм [483]. Каждый хозяин стремился также приумножить свое состояние, стараясь вложить деньги в самые выгодные направления хозяйства: охоту, пчеловодство, оленеводство. Ставка на создание многоотраслевых хозяйств была беспроигрышной: она страховала крестьянина от уронов, наносимых природными катаклизмами. Все это в условиях относительной свободы пореформенного времени способствовало становлению и укреплению такого привычного для крестьянской натуры мелкотоварного хозяйства.

Старообрядцы принесли сюда многовековой земледельческий опыт, накопленный их предками на родине, который сумели сохранить, обогатив новыми знаниями, полученными в иных природно-климатических условиях Приморья. Вряд ли можно отметить в развитии этой отрасли хозяйства региональные особенности, чаще они были продиктованы местными природными условиями. Несмотря на первый, зачастую горький, опыт привыкания к местным условиям, крестьянам удалось сохранить привычные зерновые культуры, включив в этот круг местные культуры — чумизу, пайзу, сузу, сою, рис. Основной зерновой культурой становится пшеница, кстати, более востребованная и на рынке.

За время адаптации крестьянами был выработан оптимальный для местных условий вариант севооборота и сроки посевов. Особо нужно отметить высокую обеспеченность крестьянских старообрядческих хозяйств сельскохозяйственной техникой, что характеризует старообрядческие хозяйства как зажиточные.

Довольно быстро такая потребительская отрасль хозяйства как животноводство превратилась в доходную. Весьма успешными в разведении крупного рогатого скота, лошадей были крестьянские хозяйства с. Красный Яр, а также северного побережья с. Тахобе (здесь этому способствовали еще и климатические условия), которым удалось развить первый опыт конезаводства в крае. Самой доходной отраслью становится оленеводство. Пионерами в этой отрасли считают алтайских старообрядцев. В Приморье ей с успехом занимались старообрядцы-выходцы из разных регионов России.

Огромный вклад был сделан приморскими старообрядцами в развитие пчеловодства. Успешнее и доходнее такие хозяйства были в центральных таежных областях Уссурийского края.

Такие отрасли хозяйства как огородничество, рыболовство, собирательство остались потребительскими отраслями хозяйства. Здесь вне конкуренции основная роль принадлежала аборигенному, корейскому, китайскому населению.

Занятия ремеслами у старообрядческого населения оставалось на уровне домашних промыслов.

Глава 2.
Материальная культура старообрядцев.

1. Поселения, традиционное жилище и хозяйственные постройки.

Село Тополевое, или бывший старообрядческий хутор Янмутьхоуза, куда мы впервые попали в 1986 г., не было похоже на все виденные нами до этого приморские деревни: на глаза нам не попалось ни одного дома-близнеца — памятника советской сельской архитектуры. Все дома (а их всего-то было чуть больше десятка) были явно старой постройки, кое-где сохранились даже большие ворота. В поселке не было даже электричества. Мы, кстати, поспешили отнести этот факт к нежеланию старообрядцев пользоваться благами цивилизации. Только немного позднее мы узнали, что жители именно этого старообрядческого села и колхоза «За власть Советов» первыми в районе запустили в действие электрический движок и стали пользоваться электричеством. Это потом, в начале 80–90-х гг. произошла какая-то серьезная поломка, и село в течение нескольких лет оставалось без электричества. А уж побывав в настоящей русской избе жителей этого села — Комовых, мы решили, что так и выглядят все старообрядческие поселения края. Увы, радость наша была преждевременной... Время безжалостно стерло их либо изменило почти до неузнаваемости.

В старожильческих деревнях, основанных старообрядцами в 60–80-е гг. XIX в. уже почти ничто не напоминает о их пребывании. В лучшем случае осталось один-два дома да столько же могил на кладбищах...

В многочисленных селах, застраивавшихся в более поздний период, ситуация чуть лучше. Сохранилась часть исторической застройки в Каменке, Кокшаровке, Тополевом, х. Халаза.

Большие надежды мы возлагали на старообрядческий север края, где вдали от густо населенных и обжитых мест, вдали от государственных трасс (и до сегодняшнего дня в некоторые населенные пункты северного побережья можно добраться только на вертолете) можно было надеяться на лучшую сохранность традиционной культуры. И такие примеры мы, действительно, наконец-то увидели. Села Единка, Перетычиха, Максимовка, Усть-Соболевка. Несмотря на поздние советские преобразования, им удалось сохранить свое неповторимое лицо, в них безошибочно прочитывается их русское происхождение, выразившееся и в том, какое место выбрано для поселения, в планировке улиц, внешнем облике домов. Многих десятков других старообрядческих поселений на севере края к этому времени уже просто не существовало.

Через несколько лет экспедиционной работы мы вполне осознали: старообрядческая деревня канула в Лету, и мы должны были хотя бы попытаться создать зрительный и осязаемый (все же мы музейщики!) образ этих деревень, сел, хуторов... Нашими незаменимыми помощниками стали сами старообрядцы. По их воспоминаниям, чертежам, рисункам, сохранившимся в семейных альбомах, редчайшим фотографиям мы все вместе пытались сделать эту работу. Наши проводники, отправлялись вместе с нами, выражаясь современным языком, в виртуальный мир уже не существующей сегодня старообрядческой цивилизации... И на огромных полянах, заросших бурьяном и полынью, перед нами на какое-то время, вдруг появлялись избы, улицы, скрипели телеги, спешили по своим делам люди, начинал звонить колокол, светило солнце или накрапывал дождь...

Полевые исследования проводились нами в пяти районах края, местах традиционного расселения старообрядцев (Чугуевском, Тернейском, Анучинском, Кавалеровском, Красноармейском), в 31 населенном пункте. Полевой материал и лег в основу исследования, главной целью которого является обобщение уже накопленных сведений, выявление общих и региональных особенностей в формировании старообрядческих поселений, жилища и хозяйственных построек.

В местной топонимии вплоть до известного переименования 1972 г. наблюдалась удивительная смесь русских, местных аборигенных и китайских географических названий.

Вопросы о названии сел были одними из первых вопросов, которые мы задавали нашим собеседникам. Ответить на них могли немногие. Иногда мы вместе пытались найти разгадку названий их родных мест.

Среди названий селений было немало таких, что даны в память о родине.: Алтайское, Самаровка, Саратовка, Верхотуровка, Куналей.

Весьма распростаненными были названия в честь церковных праздников: Вознесеновка, Ильинка, Петропавловка. Кстати, в этом случае тоже не все однозначно. Топоним Петропавловка в Южно-Уссурийский край вероятнее всего был перенесен старообрядцами из Софийского округа с. Петропавловки, где они жили до переселения.

Перенесение родного названия на новое место жительства было весьма распространенным явлением. Так, название с. Селитьба Саратовской губении было перенесено старообрядцами в Амурскую область. Вероятно, также из Амурской области были перенесены на северное побережье названия Малиновка, Каменка. Внутренние миграции зачастую приводили к образованию сел с похожими названиями, уточняющими либо этнический состав населения, либо последовательность заселения, месторасположение на реке и т. д. Например, с. Каменка и Новокаменский хутор; Каменка Единская; Нижние Лужки, Лужки и Верхние Лужки; Верхняя Пея и Нижняя Пея; Улунга (Бикинская) и Улунга (Кхуцинская); Корейское Адо и Русское Адо.

Во многих названиях поселений была заложена характеристика местности: Таежка, х. Березовый, Калиновка, Междуречье, Мысовая, Озерное и т. д.

Часть старообрядческих поселений, как я уже говорила, получили свое название от гидронимов: таковы названия сел Кхуцин, Адими, Алента, Пея, Пугдо, Кема, Свайн, Нахтахе и т. д.

Вновь образованные селения очень часто называли именами их основателей, первопоселенцев. В Приморье нет ни одной крупной старообрядческой деревни, названной таким образом. Исключение составляет с. Архиповка. У нас нет пока никаких сведений об этом человеке или семье. Нужно отметить, что фамилия Архиповых упоминается Т. С. Мамсик среди фамилий первопоселенцев долин р. Убы, Бухтармы. По нашей версии, миграционные пути старообрядцев тесно связывают этот небольшой район приморской земли (с. Архиповка и ближайшие к ней небольшие деревушки, хутора) с самым югом горного Алтая.

Зато среди небольших малодворных деревень, хуторов и заимок топонимов, носящих имена первопроходцев, в избытке: х. Юрковых, х. Новожиловых, х. Малаховых, д. Антоновка, х. Алексей Иванович и т. д.

Если рассматривать названия старообрядческих поселений с точки зрения словообразования, то становится очевидным, что и здесь названия строились по общепринятым правилам. Наибольшее количество названий населенных пунктов образовано с помощью весьма распространенных суффиксов — ов, — ев, имеющих значение принадлежности. Особенно четко прослеживается эта традиция в названиях заимок, хуторов, малодворных деревень: Антоновка, Соболевка, Некрасовка, Горбуновка, Старковка, Зайков хутор, Юрков хутор, Новожилова хутор (Новожиловский), Баранова хутор (Барановский) и др.

Суффикс — их, который В. А. Липинская справедливо считает одним из свидетельств расселения староверов от Среднего Поволжья до Тихого океана, в названиях приморских сел не распространен [1]. Село Перетычиха — единственное старообрядческое село с таким суффиксом. Топоним образован, по словам старожилов села, скорее всего по фамилии землемера Перетычкина [2]. Большое старообрядческое село Варпаховка названо, по — видимому, в честь фамилии крестьянского начальника этих мест — Варпаховского.

Особенностью местной топонимии являлось сохранение старых аборигенных и китайских названий. Чаще всего на названия поселений переходили названия рек, проток, гор. Например, х. Канихеза. Название образовано от Каннихэцзы — Река сухой грязи (Грязная речка); С. Кенцуха (ныне Горнореченск). Название образовано от китайского Каньцзухэ — Высокогорная река; с. Кхуцин (ныне Максимовка) образовано от китайского Куцзин — Пересыхающая небольшая речка; с. Сибичи. Название образовано от китайского Сибэйча — Северо-Западный приток [3]. С. Пугдо, по мнению Подмаскина В. В., происходит от удэгейского «богдо»- головной убор; с. Унты — от названия реки Унты. Вариантов толкования этого топонима, считает В. В. Подмаскин, множество. Возможно, оно произошло от удэгейского «унта» «унти»- (обувь) или от удэгейского «унтэ»- талая вода, или тоже от удэгейского «унта» — мелководная протока. Возможен также орочский вариант — унтангати — название травы [4].

Придя на места традиционного расселения аборигенов, а также пришлых китайцев и корейцев, старообрядцы уже не меняли названий. Эти названия зачастую прозносились без фонетических изменений, лишь иногда их изменяли, приспосабливая к привычной, русской артикуляции. Так, Кхуцин произносили как «Хуцын», Адими как «Адима», Янмутьхоуза как «Ян-Мат-Хаус» или просто «Мат Хаус», Нахтахе как «Нахтаха». Старообрядческое село, расположенное на р. Лефу, получило название в русской огласовке — Лефинское.

Выбор места для поселения (в том случае, если это происходило добровольно, по инициативе крестьян, а не по распоряжению администрации), несомненно, учитывал жизненно важные составляющие: наличие водного источника, наличие пригодной для обработки земли, желательно плодородной, наличие леса для строительства жилищ. Немаловажное значение имели сухопутные дороги, поскольку они облегчали связь с рынками сбыта. Несбыточная мечта староверов: пусть будут дороги, но хорошо бы только с односторонним движением. Несравненно лучшим вариантом для старообрядцев была жизнь на северном побережье. Редкая связь с «Большой землей», Владивостоком их вполне устраивала: подальше от властей. Тем более, что самостоятельные торговые связи с Китаем, позднее с Японией, были отлажены, а бояться вмешательства этих «чужих» в свой мир не приходилось.

Естественный водный источник был главным условием поселения: прежде всего — это питьевая вода. А вода в сочетании с более плодородными пойменными землями давали немало выгоды. Почти полное отсутствие сухопутных дорог на северном побережье в какой-то мере компенсировали реки, соединявшие стоящие вдоль русла деревеньки. А еще речное рыболовство — одно из главных занятий крестьянского населения. В голодные годы рыба спасла от голодной смерти многих приморцев.

Из двух водных источников о. Ханки и р. Синтуха старообрядцы выбрали реку и на ней в 16 верстах от озера основали с. Ильинку. Жители с. Каменка Единская поселились также не у озера, а на ключе, впадающем в озеро. Поэтому вряд ли можно говорить о приозерном типе поселений. Возможно, такой выбор объяснялся тем, что любой источник с проточной водой был для старообрядцев наиболее предпочтительным, чем источники со стоячей водой. (колодец, озеро). «В озере вода болотная, застойная. Пьют, если другой нет, и из озера. Причащаются только речной водой, но не озерной и не колодезной» [5].

В целом, на первом этапе заселения в Южно-Уссурийском крае, в старожильческих селениях, явно преобладал речной тип расселения. Так, в уже упоминавшейся нами Каменке Единской застройка домов формировалась группами по двум ключам. На одном из ключей обосновались семьи Поздеевых, Зубакиных, Третьяковых. На другом ключе, впадающем в о. Бурное, семьи Басаргиных.

Таковы и селения Улахинской долины, Уссурийской, долин рек Судзухе, Даубихе и т. д. Прокладка грунтовых дорог к тому времени только начиналась, тем не менее, тропы, связывающие ближние селения уже существовали, по ним впослед-

ствии и пройдут государственные дороги. Две параллельные улицы, Первая и Вторая, старожильческого села Каменки находились между трактом и водоемом, как бы соединяя их. В большом с. Кокшаровка одна из первых улиц — Сплавная, формировалась вдоль русла р. Улахе, другая, Калугинская, была расположена несколько в стороне. Начинаясь от двух ключей, она соединяла их с дорогой.

Позднее дорога соединила расположенные вдоль русла рек старообрядческие села, поэтому большинство южных и центральных таежных поселений имеют притрактово-речное поселение.

Таково расположение старообрядческого с. Лефинское. «Через селение проходит выстроенная казной трактовая дорога, из урочища Анучино на с. Осиновку и три проселочных, идущих из с. Лефинского в с. с. Николаевку, Петруши и Струженку»; Селение Петропавловка: «Через селение проходит трактовая дорога от урочища Анучино до с. Сысоевки и проселочные до с. с. Черниговки и Семеновки. Трактовая дорога до образования села существовала в виде тропинки...» [6]. Таково расположение почти всех старообрядческих сел в бывшей Чугуевской волости: х. Янмутьхоуза, Архиповка, Варпаховка, Уборка, Каменка, Кокшаровка.

Старожильческое село Варпаховка формировалось по одну сторону реки Улахе, а на противоположной стороне расположился х. Корытово. Первая улица в Варпаховке, вероятно, начала формироваться параллельно протоке реки, рядом с ключом Бодуновским. Позднее параллельно улице прошла трактовая дорога. От первой улицы к ней потянулись переулки.

Еще одно старожильческое село Подгорное находилось в долине между сопками, заливом с одной стороны и р. Улахе с другой. Застройка села уличная, в два порядка, оно ограничено с обеих сторон природными объектами.

На северном побережье все старообрядческие поселения расположены в непосредственной близости к водному источнику: они появлялись на всем протяжении реки — от устья до истока. Заселение северного побережья происходило со стороны моря, поэтому в устьях рек, при впадении их в море, находились наиболее крупные поселения, поскольку именно через них, с морского побережья по рекам и их притокам начиналось расселение крестьянских семей. По мере продвижения к верховьям поселения становились все малочисленнее: в основном, малодворные поселения или хутора. Время их заселения приблизительно одинаковое: возможно, сказывалось желание крестьян пожить посвободнее и в разных местах. Р. Я. Сальников, на мой взгляд, очень точно определил это явление: «Искали, где лучше. То там поживут, то в другом месте, короче, курсировали по речке...» [7].

Интересно формирование большого старообрядческого поселения Амгу. По рассказам старожилов, первые поселенцы стали строиться в непосредственной близости к реке, недалеко от устья. И выбором своим поначалу были довольны, поскольку высокий скалистый мыс Белкина защищал от ветров. Отстроили вдоль русла реки уже две улицы. Во время одного из наводнений неосмотрительно близко построенные дома были смыты почти полностью. Таким образом, от исторической застройки в устье р. Амгу не осталось ни одного строения. Поселок продолжал развиваться и застраиваться именно с этой стороны в северо-западном направлении... Другая группа старожилов с. Амгу начала застройку в северо-западной части долины, на высокой красивой сопке — Гугуй. С трех сторон сопка прикрыта от ветров. Окна фасадной стороны домов ориентированы были на южную сторону. На самом хуторе была уличная форма заселения. У подножья противоположного м. М. Карыма было построено несколько домов у речки Ту Най На Рыбная. Это место и сейчас называется «Рыбалкой», в 30-х гг. там был рыболовецкий колхоз. Дома стояли вразброс. В советское время появились новые улицы, идущие параллельно морю. Одна из улиц тянется вдоль морского побережья. Эта новая, центральная часть расстроившегося в советское время п. Амгу связала воедино старые части поселка. Она открыта морю и продуваема всеми ветрами [8].

Замечательное место для поселения выбрали основатели хутора, расположенного сейчас в черте поселка Амгу, Бортниковы. Оно находилось совсем близко от моря, но в то же время за сопками, в защищенной от всех ветров долине небольшой речушки. Беды от большой воды — наводнения, можно было не ожидать. Туманы туда не заходили совсем. Три красивых дома, фасады которых смотрят на реку, образуют ряд и стоят на небольшом возвышении.

Типы планировок селений. Обследование сохранившихся еще сегодня старообрядческих поселений, информация старожилов края дали нам возможность выявить основные типы планировки этих поселений.

По способу группировки жилых домов в поселениях, по видимому, наиболее распространенным явлением в крае следует считать кучевое или гнездовое их расположение. Это было связано с тем, что старообрядческие семьи традиционно жили большими неразделенными семьями. В результате разрастания семьи старшие дети отделялись и строились рядом с родительским гнездом. Переселяясь на Дальний Восток близкородственными семьями, они старались селиться рядом. При наличии свободных земель вплоть до начала коллективизации такие старообрядческие семьи, как правило, вели общее хозяйство, пользовались общими земельными угодьями, помощью родственников в проведении крестьянских работ, в строительстве жилья и т. д. Таких примеров в Приморье достаточно много. Так, одними из основателей с. Кокшаровка Чугуевской волости были старообрядцы Калугины. Дома главы семейства и его отделившихся сыновей занимали почти целый порядок вдоль одной из первых улиц села. Сегодня сохранилось лишь три дома, построенных семейством Калугиных. Старожилы хорошо помнят, что улица, где находились эти дома, называлась Калугинской или Калугин край. Ключ рядом с улицей — Калугинский [9]. Одними из первых поселенцев села Кхуцин (ныне с. Максимовка) были братья и родственники Давыдовы из Самарской губернии. Дома построили на косогоре. По воспоминаниям старожилов, семья одного из братьев Давыдовых, Степана Лазаревича была большой, «...до 30 человек, но сыновей, хоть и строил им дома, от хозяйства не отделял, землю не отделял. Все вместе делали, строили, с хозяйством управлялись...» [10].

Село Колумбе заселяли семьи Калугиных, Семиных, Нестеровых, Барановых, дома которых по родственному признаку ставились рядом. По такому же принципу располагались дома старожилов в с. Степном: семейный клан Бобыльских занимал целый край села, рядом вдоль улицы ставили свои дома их родственники Фефеловы, Сотниковы, Третьяковы и т. д. На Ефимовском хуторе, представлявшем часть х. Халазы, обосновались близкородственные семьи Ефимовых, Бортниковых, Бутковских. Не менее распространенным способом расселения было расселение по земляческому признаку. Классическим примером может служить расселение выходцев из Самарской, Уфимской губернии на одной улице, выходцев из Сибири, Алтая — на другой улице в с. Кхуцин.

Мы уже отмечали, что для малодворных поселений, хуторов была характерена разбросанная застройка, что было связано с рельефом местности, положением относительно водного источника, наконец, желанием пожить свободно, вольно... Такие деревни возникали чаще всего в местах, выбранных крестьянами самостоятельно и представляли, по словам наших информаторов, беспорядочное расположение домов, изб, хозяева которых старались строиться, конечно, ближе к водному источнику. Такие поселения со временем превращались в более крупные селения, либо умирали, либо были закрыты как неперспективные в советское время в период коллективизации или укрупнения колхозов. Так расположены были дома в с. Колумбе, в с. Алента, где их строили по обоим берегам реки Алента, в с. Алтайское.

Судя по имеющемуся у нас полевому материалу, следует признать уличную планировку селений наиболее распространенной формой. Мы уже отмечали, что такую планировку имели почти все старожильческие села: Красный Яр, Каменка, Кокшаровка, Варпаховка, Подгорное, Степное. Уличная планировка складывалась изначально из двух порядков домов, расположенных «лицом» друг к другу. Часто, как уже отмечалось, первые уличные застройки соединяли водный источник с дорогой. (Кокшаровка, Каменка). Зачастую небольшие поселения также имели уличную планировку: х. Гугуй, х. Ефимовский.

В с. Тахобе (Усть-Соболевка) первая улица села начала формироваться вдоль русла реки. Первые два порядка домов выстраивались вдоль реки, повторяя ее естественные изгибы, затем улица переходила в довольно длинную однорядную застройку. Окна домов обоих порядков были ориентированы на реку (совпадало с южным направлением). Последующие две параллельные улицы застраивались уже в советское время, и это была уже классическая уличная планировка. Они застроены двумя рядами домов, смотрящих окнами на улицу.

Редким примером рядовой застройки может служить расположение домов в с. Самарга. Дома улицы располагались в ряд по узкой полосе суши между морем с одной стороны, лиманом и рекой с другой стороны.

Типично уличную планировку, с фасадами домов, обращенными на улицу, имеют большинство селений края: с. Каменка, Кокшаровка, с. Кхуцин. Обычно длинные порядки улиц разделялись проулками, создающими квартальное членение поселений, более удобное для перехода с одной улицы на другую. Так разделена многокилометровая улица в с. Таежка. Дома перевозили из затопленной Петропавловки и ставили вдоль одной большой сквозной улицы длиной километра в четыре. Так соединялись старожильческие Первая и Вторая улицы в с. Каменка.

На концах старообрядческих улиц селились вновь прибывшие переселенцы-новоселы. Концы улиц отдавались иноверцам. Так, в Калиновке украинцы селились на краю села, так называемой «Отскочихе». В Таежке на краю села жили китайцы.

Интересно отметить, что по ширине улиц старообрядческих селений, можно определить зачастую региональную принадлежность ее засельщиков. Так, старые улицы в Кокшаровке, Каменке, Тахобе, Томская в Кхуцине, в Перетычихе, Единке- широкие, просторные, заселялись сибиряками, привыкшими к просторам. Улица Самара в Кхуцине-совсем другая, узкая. Здесь селились выходцы из малоземельной Самарской губернии.

Дома старообрядцев были ориентированы обычно «на полдня», на южную сторону, сени — с северной стороны.

Типы жилых и хозяйственных построек. Обустраиваясь на новом месте, крестьянин старался окружить себя привычным ему миром. Жилище — тот микрокосмос, где все было понятно, привычно, сподручно. Время отшлифовало его архитектуру, внутреннее убранство, в нем нет ничего лишнего, все функционально и удобно.

Основной и самый простой тип русского жилища — однокамерная постройка, изба без сеней. Когда-то в России эта форма жилья (вплоть до XVIII в) была одной из самых распространенных, но уже в XIX в. встречалась довольно редко [11]. На Дальнем Востоке в начальный период заселения именно эта простейшая постройка становилась первым пристанищем для переселенцев.

Полуземлянка, избушка — эти виды жилищ первыми появлялись на новом месте. «Как приехали в Перетычиху да как разрешили там нам селиться, то сляпали сначала избенку 5х4 м на 25 человек. Перезимовали. Стали строить большой дом. Переселились. Потом Петру стали строить дом: у него уж к тому времени 12 душ было. Дом ставили рядом. В деревню стали новые люди приезжать. Мы нанимались к ним строить. За деньги, за муку. Ну, и себе тоже корчевали и строили. Все расселились, остались одни дед и бабушка» [12].

«В Батюково недолго жили, уехали в Алтайское, оно в 12 верстах. Там сначала маленькую избу построили. Потом отец поехал в Сибирь, привез коней, коров, посеяли гречку. Стали дом строить». По воспоминаниям З. Л. Сандаловой, по приезде в Калиновку Чугуевской вол. брат ее отца, Семен «...сразу отделился от родителей и избу себе срубил без сеней. Крыльцо с одной ступенькой — и сразу порог в дом» [13].

Ошева В. Х., с. Калиновка: «Рассказывали деды, что когда приехали первый год жили в мазанке. Стены из веток и глиной обмазаны. Жили, пока дом не построили. Утром, рассказывали, встанешь — змеи с потолка свисают, на постели... Но не жалили. Ни одного случая не было...» [14].

Для менее зажиточных крестьян такие избушки оставались единственным жильем на долгие годы. По рассказам информаторов, избушки такого типа долго стояли на заимках как временное жилье на период сельскохозяйственных работ.

Однокамерное жилище и сегодня бытует у старообрядцев. Традиционно «досматривать» престарелых родителей выпадало на долю младших детей, которые старались поставить на усадьбе для стариков отдельную небольшую избушку. Здесь, когда все хозяйственные заботы переложены на плечи детей, вдали от суетного мира пожилые люди могли достойно готовиться к смерти, все чаще посвящать себя посту и молитве. Такие избушки нам приходилось видеть в Приморье не раз. Внутреннее обустройство их незатейливо: кровать, кирпичная печь для обогрева, стол и столик или тумбочка для книг.

Старинные однокамерные постройки нам удалось увидеть в Приморье лишь однажды, в Кокшаровке. Изба была построена Цивилевым И. в 20-е гг. XX в. на одной из первых улиц села. Внешне это был вполне добротный дом с резными наличниками. З. М. Ушмаркин объяснил нам, что изба долгое время стояла без сеней, и уже позже к ней были достроены сени.

Одной из самых распространенных построек в крае было двухкамерное жилище: «изба +сени». Среди сохранившихся до сегодняшнего времени крестьянских жилищ нами зафиксировано 11, принадлежащих именно к такому типу. Каких-то региональных предпочтений в пользу такого жилья среди переселенцев мы не увидели. Оно встречается и у крестьян, приехавших с Алтая, Урала, Забайкалья. «Как приехали на хутор, на Бикин, — рассказывала Е. Т. Шарыпова, — построили сначала избу с сенями, даже бани не было сначала: мылись в палатке. Построили — стали жить у Евтифия. Тесно. Всеми силами строили второй дом» [15].

Со временем происходило усложнение планировки крестьянского жилья. По мнению исследователей, это было вызвано расслоением крестьянства, появлением зажиточных и богатых хозяйств [16]. Усложнение происходило, как правило, за счет пристройки дополнительного сруба. Такой тип жилища назывался «изба с прирубом». Новый сруб был по площади несколько меньше основного. Нами зафиксировано 4 жилища такого типа. Малютин А. И.: «Уже после ареста отца, мы в Кузнецово тогда жили, мать сделала к избе прируб в улицу, а северная сторона глухая, без окон» [17].

Наиболее типичный для русского населения тип жилища — трехкамерный «дом-связь» в его классическом варианте «изба+сени+клеть» в Приморье нами не зафиксирован. Воспоминания же о таких домах на родине предков среди старообрядцев сохранились. Так, Е. А. Санникова, переселенка из Уфимской губернии вспоминала: «Дед мой Кузнецов Василий жил на х. Ольшевский. Несколько человек и он тоже выкупили эту землю в собственность. Дом был очень красивый: 2 половны (изба и клеть) были соединены коридором с 2 дверями — в улицу и во двор. Стоял на каменном фундаменте. Весь дом внутри был покрашен. Я заходила в дом, становилась посреди клети и любила смотреть на себя, потому что отражалась на потолке, на стенах, такая краска была...» [18].

Примером современного строительства трехкамерной связи может служить дом семьи Пугиных в с. Максимовка. Семья обосновалась в доме-пятистенке постройки 1907 г. Позднее по одной линии рядом с домом, на расстоянии 5–6 м выстроили небольшой сруб и соединили его с домом коридором-сенями, имеющим выходы во внутренний двор и на сельскую дорогу. Сруб используется круглый год как жилое помещение. В нем есть печь-плита, стол, кровать. Помещение используется как кухня для приготовления пищи для семьи, для скота, для производства мелких хозяйственных работ. Жилое пространство дома в таком случае меньше грязнится, предназначено для отдыха. Нужно отметить, что инициатива такого переустройства дома принадлежала жене И.К. Пугина — Ксении Калистратовне (дев. Шахурина), переселенке из Томской губернии, с. Корчино. Такая планировка пришлась по вкусу односельчанам, и некоторые хозяева ее уже повторили.

Наши полевые наблюдения показали, что наиболее распространенной у старообрядческого населения Приморья была поздняя форма жилища «пятистенок+сени». Именно такой, поздний, тип жилых построек был распространен в кон. XIX — нач. XX в на Урале, в Сибири, Алтае, Забайкалье, откуда приезжали переселенцы в Южно-Уссурийский край. Нами зафиксировано 44 жилища такого типа в Приморье. Внутреннее пространство избы разделялось капитальной стеной на две почти равные половины — кухню, «кут», «куть» с русской печью и горницу. Дома эти по свидетельству односельчан, нынешних хозяев, принадлежали зажиточным хозяевам.

Шестистенная изба, «дом-крестовик», или «круглый» дом был следующим шагом на пути усложнения жилища. Внутреннее пространство такого дома перегораживалось двумя капитальными стенами на четыре комнаты. Этот тип домов, без сомнения, был распространен гораздо меньше, чем пятистенок в связи с тем, что строительство таких домов было под силу не каждой крестьянской семье. Тем не менее, судя по нашим полевым исследованиям, воспоминаниям информаторов, крестовые дома были почти в каждом старообрядческом поселении, да еще и не по одному. Большинство домов подобного типа не сохранилось до сегодняшнего дня. За годы коллективизации, раскулачивания, репрессий и насильственных высылок старообрядческие деревни обезлюдели. Те из построек, что не растащили люди, без ухода во влажном приморском климате сохранялись недолго. Сегодня на месте бывших поселков лишь трава и совсем редко — остовы бывших домов. Некоторые крестовые дома сохранились лишь потому, что в них, как в самых больших и красивых домах, были устроены административные здания: сельсовет, почта, клуб, контора и. т. д. Некоторые дома не однажды меняли место «жительства». Нами зафиксировано 6 сохранившихся крестовых домов.

Память наших информаторов сохранила лишь несколько воспоминаний о существовании в Приморье двухэтажных домов. Такой дом был построен семьей Шишкиных на хуторе Крестовом недалеко от с. Нахтахе. «Дом большущий, Шишкин сам строитель хороший, община помогала. Семья у них большая, семь человек детей. На нижнем этаже все по хозяйству было, готовили, а наверху спали», — вспоминала Семенхина Матрена Филипповна [19]. По воспоминаниям И.И. Гудкова на х. Полыниха, недалеко от Кокшаровки было два двухэтажных дома. «Дед Полынин завзятый старовер, косяк лошадей держал. Пасеку, целых два двуэтажных дома. Пушнину сдавал, богатые были» [20].

Материал и строительная техника. Для переселенцев на Дальнем Востоке проблем с лесом не было. По словам наших информаторов, леса было много, рубили поначалу кому сколько было нужно. «Лес, — как пишет А. Меньщиков, — никем не охранялся, и крестьяне пользуются им для своих надобностей бесплатно и без разрешения общества» (о с. Подгорное, с. Каменка) [21].

Лесные дачи были далеко не всегда одинаково хорошего качества: иногда лес был недостаточно хорош для строительства жилья, старый, более 200 лет, годный разве что только на дрова и хозяйственные постройки. В Лефинском даже не было лесного надела [22]. А вот в Петропавловке отмечалось хорошее качество леса, им пользовались для строительства домов и для дров. Случаи продажи леса Петропавловское общество запретило [23].

Наделы леса на общество были разными. Расчет производился из расчета до 2-х десятин на мужскую душу. Учитывалось, что на каждый крестьянский двор требовалось дров и поделочного леса — 4 куб. сажени. На десятине растет до 20 куб. сажени леса. Следовательно, потребуется вырубать ежегодно 1/5 десятины. Если учесть, что в семье в среднем 4 мужские души, то отсюда леса нужно будет — 2 десятины [24].

«Леса было полно, никто не запрещал брать на дом. Еремушка Белоусов навалил кедрача в „Своей пади", привез и построил дом». (с. Калиновка, Чугуевской вол.); «У староверов лес не делили — все общее. Когда заехали, каждый себе сам решал, сколько брать» [25].

Строительство дома традиционно сопряжено с трудом коллективным. Чаще всего хозяева будущего дома собирали для этой работы ближайших родственников — сыновей, братьев. «Дом в с. Алтайское в 1913 г. строил Логин Федорович Замятин с сыном и племянниками». Не менее редким явлением было строительство дома «помочами», причем, в этом случае помочане не всегда являлись родственниками, а чаще просто соседями, земляками, наконец, просто односельчанами. Готовская А. А., с. Ивановичи: «Дед наш Ермолай Егорович (родом из Волынской губернии) избу решил рубить сам с помочами, все жители села ему помогали» [26]. П. д. № 14. С. 31. Иногда для строительства нанимались плотники или те же односельчане, владеющие ремеслом, за деньги. П.К. Черняева с. Ивановичи: «Дом строил свекор Никита Игнатович, так он специально нанимал людей» [27].

Обычно разговор со старожилами о строительстве дома начинался с одних и тех же слов, произносимых с особой гордостью: «Дом наш был построен без единого гвоздя, одним топором да пилой». Гордиться было чем: почти все дома, уцелевшие от варварского разрушения, до сих пор почти не перестраивались. Вот, разве, нижние венцы да крышу не пощадил влажный приморский климат.

И, тем не менее, кроме топора и пилы нам назвали еще с десяток инструментов, использующихся при строительстве дома: «...половицы сбивали клиньями...»; «...доски стружили рубанком-двуручником. Длина его 40 см, лезвие 8 см...»; «...в матице углубления выдалбливали теслом...»; «...доски готовили маховой пилой...»; «...У нас крыша тесовая была. Доски на крышу пилили пилой — „баян". Желобки выбирали отборником или специально вырубали...», а еще дрели, скобели, молотки, конопатки, рубанки, дорожники, колевки, отвесы, коловороты [28].

Дедовские или отцовские плотницкие инструменты сегодня большая редкость в старообрядческих семьях Приморья. Но если уж сохранились, то дорожат ими хозяева не меньше, чем лошадью или коровой. Знают цену хорошему инструменту. В таких снтуациях мы всегда стоим перед нелегким выбором: во что бы то ни стало уговорить хозяина подарить или продать нам редкий инструмент, тем самым сохранить его для будущих поколений, или же не смущать владельца уговорами и тем самым утратить предмет через какое-то время навсегда. Ах, как трудно бывает бороться с нашими «музейными» желаниями, но не вырывать же в самом деле у человека дорогую, а главное необходимую ему вещь. Мы до сих пор помним, что наш добрейший Ануфрий Андреевич не отдал его собственное изобретение для точки пил, а Соболевы — «колыбь» для отливки пуль... Почаще бы нам делали такие подарки, как Нагорнов Федор Михайлович. У него в с. Горнореченск нам удалось раздобыть прекрасный фуганок с инициалами мастера «М. Ф». — Михаил Филиппович Нагорнов, отец Федора Михайловича.

Традиционным для русского населения Приморья, как и для большей части России, было срубное жилище. Основным строительным материалом в крае, особенно в его центральных и северных районах, служили хвойные породы деревьев — кедр, ель, лиственница. Эти деревья имели несомненный ряд преимуществ перед лиственными деревьями: стволы длинные, прямые, мало подвержены гниению. Нагорнов Ф. М., с. Горнореченск, переселенцы из Уфимской губернии: «Дом в Кхуцине строили из кедра, ели... Доски пилили маховой пилой на козлах»; По поводу строительства домов из лиственницы мы встречали различные мнения старожилов. М. А. Некрасова, с Терней: «Из лиственницы дома холодные, поэтому делали из елки или кедры»; П. К Черняева, с. Ивановичи: «В Ивановичах все строили дома из листвы (лиственницы), а наши Черняевы из кедры...» Главное, в чем сошлись все информаторы: лиственница чрезвычайно сложна в обработке. Есть сведения об использовании в качестве строительного материала для дома осины. Как правило, такой материал шел на первые временные постройки [29].

Большинство увиденных нами домов было построено из круглых бревен: распиливать или как говорили старообрядцы «распускать» бревна было очень долго Дома из бруса строили более состоятельные крестьяне. Р. Я. Сальников, с. Максимовка: «Протесывали, а потом простругивали по чистому с одной стороны, а другая сторона круглая». З. Я. Сандалова, с. Калиновка: «Избу строили из бревен, круглым наружу, а внутри обтесывали». «Из бруса стали строить, когда уж пилорамы начались. Раньше делали продольной пилой. Ставили „козлы" высокие, на них ошкуренное бревно. Один человек внизу, один-наверху. Смазывают шнур керосином с сажей. Натягивают шнур и ударяют им по дереву — остается черная линия. По ней и пилят... Так вот» [30].

Дома строились из крупных бревен в диаметре 25–30 см, бревна брали длиной до 6 м, середину дерева.

Лес обычно заготавливали в осенне-зимний период. И. С. Жданов, с. Калиновка: «Лес пилили загодя осенью»; В. Х. Ошева, с. Калиновка: «Дом строили из кедры. Лес готовили зимой, летом выстоит, высохнет»; Р. Я. Сальников с. Максимовка: «Дом строили из круглого лесу. Зимой кедра, елки, лиственницы нарубишь, летом его ошкуривашь. Летом-то он мягче» [31].

Срубная техника жилых крестьянских построек в Приморье не отличалась особым разнообразием. Об этом свидетельствуют не только сохранившиеся до сегодняшнего дня дома, но также и воспоминания старожилов края. Наиболее древним способом у славян была рубка сруба с остатком. В этом случае в условиях долгой и холодной зимы промерзают выпущенные концы бревен, дом же остается теплым. Такой способ рубки жилища был широко распространен на огромной таежной территории России. Приморье не стало исключением: такие дома встречаются по всей территории края. Из наиболее распространенных видов рубки с остатком — «в угол», «в чашку», «в охряпку». Е. И Малютин., с. Перетычиха: «Дом рубили с остатком. Все дома в Перетычихе, что рубили Малютины — с остатком». По словам И. Е. Фефелова, дома в с. Степное рубили «в охряпку», т. е. «в чашку». Наиболее редко встречающимся видом рубки «с остатком» была рубка «в крюк», зафиксированная нами только на старой фотографии. По полевой информации, дом был построен переселенцами из Уфимской губернии с. Казанчи — Зоринымн. Дом стоял на ул. Самаре в с. Кхуцин., постройка начала XX в. «В Кхуцине жили Александра и Парамон Зорины, они немешанные были, баба Саня очень строгая... Она лечила всех». Такая срубная техника относится к сложной и дорогой технике. Известно, что рубка «в крюк» была доступна лишь зажиточной части крестьян [32].

Рубка без остатка, в лапу, довольно поздний вариант, начавший распространяться лишь с XIX в. Такая рубка увеличивала размеры дома и облегчала обшивку жилища тесом. Она применялась в районах с влажным морским климатом, поскольку предохраняла углы от гниения [33]. Видимо, еще и в силу этих причин именно этот вид рубки домов был наиболее распространен в Приморье. Поскольку такая рубка использовалась только при строительстве домов из бруса, то сначала такие дома появились у зажиточных крестьян: дом Т. Селедкова в с. Петропавловка, дом Л. Ф. Замятина в с. Алтайское. Домов, рубленных в чистый угол (в лапу) сохранилось в крае больше, поскольку были более поздним вариантом строительства.

При строительстве дома сначала возводили временный сруб. Иногда его ставили прямо в лесу. Здесь был свой резон: И. К. Пугин, с. Кхуцин: «Некоторые прямо в лесу сруб делали, он там год выстаивался, потом перевозили в село. Мусор весь там остался. Крышу — времянку делали, чтоб не мок» [34].

Для восточнославянского населения России характерно строительство дома без фундамента, сруб устанавливался прямо на земле без фундамента — поземные избы. Это был наиболее древний способ, но уже с XI в. сруб стали устанавливать на пни больших деревьев или чурки, так называемые «стулья», или камни. Обычно, это были лиственичные чурки [35]. На сегодняшний день за время полевой работы нами не зафиксировано иного способа установки сруба. У переселенцев-старообрядцев независимо от региона выхода был распространен именно такой способ. Наибольшее распространение получил вариант с лиственичными стульями. Юрков И. Е., х Семина на р. Малая Светлая: «Дом строили без фундамента, под углы — лиственичные стулья, вкапывали на 1,5 м»; М. А. Некрасова, с. Верхотуровка: «Дом ставили без фундамента, в углы — чурки, камни, на них — два, три венца из лиственницы»; К. Л. Давыдов с. Единка: «Дом строили без фундамента. В углы ставили просмоленные чурки лиственичные — „стулья"» [36].

По рассказам алтайских переселенцев, они при строительстве дома обходились без «стульев»: выкапывали траншею по периметру дома и укладывали в нее бревна. А. А. Комов, с. Тополевое, переселенцы из Томской губернии, Солонешенский уезд: «Первые бревна клали очень толстые, второй венец тоньше. В углы ничего не клали»; Л. Ф. Замятин, с. Алтайское, переселенцы из Томской губернии, с. Шульгин Лог: «Копали канавы по периметру дома и два венца нижних из просмоленных крупных бревен» [37].

Вариантов названий нижних венцов в полевом материале почти нет И. Е. Фефелов, переселенцы из Сибири: «Самый нижний венец назывался „оклад", остальные нижние венцы, с первого по третий, назывались „подвалинами"»; Р. Я. Сальников, переселенцы из Пермской губернии: «Нижний венец — оклад, а уж на него бревна клали» [38].

Довольно редко встречаются упоминания старожилов об использовании камней в качестве фундамента. Е. Р. Шишкова, х. Халаза: «Фундамент из камней, на них бревна смоляные»; Е. С. Бортникова, с. Таежка: «Дом ставили на камнях и на чурках по углам» [39].

Возведение нового дома было важнейшим событием в крестьянской жизни. Какой будет жизнь в новом доме? Каждому хорзяину хотелось, чтоб в новом доме семью окружало тепло домашнего очага и благополучие. Хорошей приметой будущей счастливой жизни в новом доме была закладка в углы золотых монет. Чем больше, тем лучше. Пугин И. К., с. Кхуцин «Обычай был такой — деньги под углы класть, для богатства. Некрасов когда дом строил, клал деньги. А как узнали-то? Дом подгнил и выпала монета. Так потом дом подняли всю землю просеяли, а четыре монеты всего и нашли. В доме Зориных, когда его перевозили много золотых монет повыпадывало» [40].

Утепление сруба в нижней его части производили за счет завалинок — внутренней и наружиой. Как только уложены нижние венцы, строители приступают к выкапыванию подполья, большой ямы, огороженной срубом меньшего размера, чем

изба. Всю выбранную из ямы землю ссыпают в промежуток между этим меньшим срубом и срубом избы. Благодаря этой искусственно возведенной преграде — внутренней завалинке, жилище защищено от ветра и холода. По сведениям других информаторов, к возведению внутренней завалинки приступали уже только после того, как дом закрывали крышей [41]. Внутренняя завалинка — обязательная часть крестьянского дома. В образовавшемся углублении-яме устаивают подполье, в котором в зимнее время хранят овощи и другие припасы на зиму. Старожилы с. Тополевого, семья А. А. Комова, в остутствие подходящего подсобного помещения или омшанника убирали туда ульи с пчелами на зиму. В подполье можно было попасть только из дома. Вход в подполье в избах приморских старообрядцев располагался на территории кухни, «кута», «кути» в различных местах: перед печью или за печью и сделан был в виде вырезанного в полу отверстия с откидной крышкой или просто убираемых досок. Такой вход назывался — «западня» или «западенка» (переселенцы из Волго-Вятского региона), «голбец» (переселенцы из Сибири). Некоторые информаторы (переселенцы из Пермской губернии) рассказывают и о бытовавшем более раннем способе попадания в подполье через откидную доску «голбца» (так называлась пристройка к русской печи в виде ларя с откидной крышкой. Под ней был ход в подполье по лестнице) [42].

Для лучшего утепления сруба иногда возводили с внешней сороны дома еше одну завалинку- наружную. Ее сооружали, как правило, из широких досок по всему периметру дома. Внутрь засыпают землю. На лето завалинки отваливали для проветривания. По информации И. К. Пугина, в Кхуцине завалинки делали и внутренние, и наружные. А вот сибиряки, по его же словам, не делали наружные, считали, что они мало помогают, скорее для самоуспокоения [43]. Тем не менее, в числе сохранившихся до сегодняшнего времени старожильческих домов немало таких, у которых наружная завалинка отстутствует. Для регулирования температурного режима в нижней части сруба делали продушины. Иногда от них через наружную завалинку выводили коридор из досок. В таких случаях внешнюю завалинку не отгребали, а на зиму продушины затыкали тряпками. У большинства приморских жилых построек н. XX в. внешних завалинок нет, и тем не менее нынешние хозяева их на холодный пол не жалуются.

На третьем-пятом венце начинали укладывать пол. Сначала клали «переводины» или «половые матки» — опора для пола. Их насчитывалось обычно три-четыре. Две из них кладут вдоль входной и противоположной стены, а две другие, или одна в центре, на некотором расстоянии друг от друга. Половые матки устанавливаются на 3–5 венце «вполдерева», до половины толщины бревен, или прорубают стену насквозь. На них укладывались доски пола. Доски крепились чаще всего шкантами, деревянными шипами. Для того, чтобы скрепить доски шкантами, в досках центровкой сверлят отверстия, забивают деревянный шкант, не более пальца толщиной, в одну доску, а другую просто насаживают на шканты, одновременно подбивая. Доски имеют свойство рассыхаться, поэтому, по прошествии времени, между стеной и досками пола, набивали клинья [44].

А. А. Комов, с. Тополевое: «Клали половые матки, три штуки: вдоль стен и посредине. Пол одинарный. В Тополевом второго пола никто не делал. Доски пола крепились шкантами, по 3 шканта по концам и в центре. Сбивали половицы клиньями». И. А. Малютин, с. Кузнецово: «Пол делали из кедры, доски крепили шкантами дубовыми» [45]. Гораздо реже доски пола крепились «в закрой». Таким был дом Л. Ф. Замятина в с. Алтайском.

Половицы укладывали обязательно по ходу от двери. В зажиточных семьях пол старались делать двойным. Он позволял сохранить больше тепла. Нижний пол называли черным, из горбыля. Верхний пол-из широких кедровых досок. Ф. М. Нагорнов с. Кхуцин (переселенцы из Уфимской губерни): «Пол в доме был двойной, богатые всегда не спеша делали второй пол. Черный — снизу. Его делали из горбыля. На него ничего не кладут, просто воздух между вторым и первым полом. Доски пола укладывались на половые балки, крепились шкантами, сверлили дырочки и деревянные штыри ставили. Настилали пол по ходу» [46].

Высота сруба была разной. Число венцов колебалось от 12 до 18. И. Е. Фефелов, с. Степное: «Высота сруба была обычно у нас 18 венцов»; Л. Ф. Замятин, с. Алтайское: «Сруб выше трех метров делали». «У Юрковых на хуторе (р. М. Светлая) дом был высотой четыре метра» [47]. Но это мы назвали самые высокие дома, чаще информаторы называли цифру 15, два с половиной метра высотой.

Утепление самого сруба происходило при его строительстве. В Приморье для этой цели использовались разные материалы. Как правило, односельчане использовали одинаковые приемы утепления. Старожилы с. Калиновка Чугуевской волости использовали для этих целей рубленую солому, которую смешивали с мхом. «Сразу, когда строят, между бревен кладут солому рубленую. Иногда собирали мох, который растет на деревьях с северной стороны. Мы собирали мох осенью, не сушили». И. С. Жданов, с. Калиновка: «Сруб прокладывали рубленой соломой. Паз выбирали и прокладывали. И птицы не вытаскивают, и не проседает. Мохом тоже прокладывали, мешали его с соломой. Изнутри промазывали глиной, прокладывая вместо дранки прутьями» [48].

В том случае, если мох использовался не как добавка, а в качестве основного материала, то собирали для этой цели мох болотный или речной. Болотный мох собирали на моховищах, болотах, около ручьев (около ручьев, по информации старожилов, мох был крепче, чем болотный), озер. Причем, все старожилы отмечали именно это преимущество речного мха и вследствие этого предпочтительность его использования [49].

И. К. Пугин, с. Кхуцин: «Мох собирали в речке, в воде, в заводях. Он под водой растет, длинный. Его много в Нестеровке было, там и готовили. Глубина реки до метра, где нет течения. Моха набирали одного или нескольких видов. Подсушивали во дворе, полусырой в сруб клали»; Ф. В. Караванов, с. Усть-Соболевка: «Мох болотный в срубе быстро высыхает, крошится, а вот речной мох, когда высыхает, становится мягким». Болотный мох нужно было обязательно подсушить на солнце, а вот пересушивать его было нельзя: он начинал хрустеть и ломаться, поэтому заранее мох старались не заготавливать [50].

Заготовка мха была мужским занятием. Мох собирали руками или вилами в мешки. Е. И. Малютин, с. Перетычиха: «Мох собирали на моховищах, болотах, у ручьев. Драли мох согнутыми вилами или на палку набивали гвозди»; Л. Ф. Замятин, с. Алтайское: «Под бревна укладывали мох, который растет на болотах, озерах. Драли граблями». Мха заготавливали разное количество в зависимости от величины сруба и качества мха, но в среднем на сруб шло от 1 до 3 возов [51]. Еще одним материалом для утепления была пакля, смешанная с сеном и соломой.

Интерес представляет свидетельство одного из старожилов с. Амгу, который утверждал, что дом старообрядцев Бортниковых в с. Амгу был срублен из больших плах монолитно: одна плаха к другой была так пригнана, что зазора не видно было, стена казалась сплошной. При такой уникальной рубке не требовалось мшения сруба [52].

Верхний, последний венц сруба назывался «череповым или боевым венцом». Бревна на него шли крупнее остальных в срубе. В него врубалась «матка» или «матица» для крепления на ней досок потолка. А. И. Малютин, с. Кузнецово: «Верхний венец называли череповым. Опорой для потолка была матка. На потолке у нас их было две. Матка укладывается вдоль входа. Если другая комната прирубается, то в ней уже поперек первой... В матке выбираются пазы — череп и вкладываются доски Потолок засыпали землей высотой 15 см. Доски на потолке настилали „в закрой“» [53].

Матка, или 4-х гранная деревянная балка, находится в верхней части сруба и служит опорой для потолочин. «Без матки в доме жить нельзя», — говорят старообрядцы. В обрядах, связанных со строительством дома, существовало обязательное угощение помочан после укладки матицы. Иван Калинович Пугин, с. Кхуцин: «Матку укладывать одному хозяину не положено, обязательно помочи делали, а потом 2 дня медовухой обмывали» [54]. Матка имела в крестьянской избе и утилитарное назначение: к ней прикрепляли очеп для детской люльки, или крюк для зыбки. В нее же вбивали крюки или кольца, необходимые для выделки кожи. С маткой были связаны и некоторые приметы, о которых рассказывали нам старообрядцы. З. Л. Сандалова, с. Калиновка: «Матка недаром посредине избы проложена да поперек входа, чужим за нее нельзя проходить» [55].

Обычно в жилой избе матка выступала вниз под потолок сантиметров на 15. Сальников Родион Яковлевич рассказал о доме, где они с женой живут до сих пор в с. Кхуцин: «Дом наш Лаптев строил. Он его перестраивал из амбара, это сразу видно. Видите, матка амбарная, в дом выдается сильно». В домах зажиточных крестьян матка выдавалась за потолочные доски сантиметров на пять. Современные хозяева сохранившихся старых домов переделывают потолок, стараясь закрыть матку совсем.

Доски потолка делали «из кедры». Наиболее редко встречающийся в Приморье способ укладки потолочных досок — «в закрой». В этом случае одна доска прикрывает своим краем край соседней доски. Также довольно редко нам рассказывали о креплении потолочных досок «в паз», когда доски притесываются друг к другу с полугруглой выемкой. Е. И. Малютин, с. Перетычиха: «Потолок одинарный горбылем кверху. Потолочные доски укладывали „в паз“» [56].

Почти повсеместно использовалось крепление досок «на шкантах», наиболее поздний способ крепления.

После укладки доски промазывались глиной для утепления. Изба непременно утеплялась еще и со стороны чердака. Способы утепления были разными. Основным материалом служила земля. А. А. Комов: «На потолок насыпали сухой лист, сверху немного соломы и земли до 20 см»; И. Е. Фефелов, с. Степное: «Потолок утеплялся слоем овсяной половы, а сверху землей». Л. Ф. Замятин с. Алтайское «Потолок не обмазывали глиной. Землю возили возами, нужно, чтоб земли в колено было, 20–40 см. Мешали с опилками». По поверьям, нельзя было засыпать потолок одной землей. Помимо земли использовалась также глина. Так, жители с. Калиновка Чугуевской волости рассказывали: «Потолок одинарный, засыпали его сухой глиной на 8см. После заливали»; Или: «потолок промазывали глиной, высота слоя 10 см. Очень удобно, можно было все сушить» [57].

Самым распространенным вариантом крыши в Приморье была двускатная крыша на стропильной конструкции. Даже в устной информации, не говоря уже о сохранившихся строениях, мы не зафиксировали ни одного упоминания старожилов о самцовой конструкции. Вероятно, как наиболее архаичная, она уже была вытеснена совершенно более поздней формой крыши — стропильной. Стропильные бревна обрешечиваются, уже на «решетник» кладут покрытие. В Приморье самым распространенным материалом были пиленые доски из кедра: тес-дорожник или тес-желобник. Толщина доски должна быть 2,5 см или приблизительно «в толщину пальца». Тес-желобник назывался так потому, что в центре тесины делали неглубокий желоб для лучшего стекания воды. «Доски на крышу пилили пилой — „баяном“. Желобки выбирали отборником или специально вырубали. Тес для крыши обязательно просушивался с весны до осени». Ф. М. Нагорнов вспоминает: «В Кхуцине у нас крыша была двускатная, крыли тесом — дорожником из кедры. Доски пилили маховой пилой. Клали доски „вразбег“: одну внизу, две на ней». Информаторы вспоминают, что довольно часто покрывали крышу колотой кедровой дранкой [58].

Основными способами укладки досок крыши были традиционные: в два теса и в один тес. По воспоминаниям жительницы х. Халаза Е. Р. Шишковой, крыша на их доме крылась досками из «кедра, доска к доске, в два ряда». Этот способ был более дорогим, так как на крышу уходило много теса: доски набивались двумя сплошными рядами, причем, верхние доски перекрывали щели нижнего ряда. Особенно широко применялся второй способ-в тес, причем, обе его разновидности: с нащельником и «вразбежку». В первой — верхние доски укладываются вплотную, а щели под ними закрывает более узкая доска — нащельник. Во втором случае, напротив, доски верхнего ряда уложены с некоторым расстоянием друг от друга. Они одного размера с нижними досками и также прикрывают щели нижнего ряда. Р. Я. Сальников, с. Кхуцин: «Когда в Беамо жили на доме крыша была как всегда стропильная, тес кедровый, клали вразбежку» [59].

Достаточно часто упоминался нашими информаторами еще один материал для покрытия крыши — кора дерева. Иосиф Ермилович Юрков вспоминал, что у них на хуторе на северном побережье все крыши были крыты досками, только один дом был крыт тополевой корой. «Крышу корой крыли только бедные», — рассказывала нам Христинья Ермиловна Поварницына, «- Пилить у них нечем даже было, вот и крыли. Даже и соломой крыли. А что делать было, если досок нет. Кору нужно снимать по весне: в это время она отстает хорошо. Делают на дереве разрез, а потом деревянной лопатой снимают кору. Укладывают вниз белой стороной. Если белой стороной- к солнцу, то сгниет крыша. После того, как кору сняли, кладут прокладки и придавливают прессом, а потом на крышу. Стропила сначала делают, обрешетку из досок, а потом кору кладут. Сверху — конек из двух досок» [60]. М. А. Некрасова уточняла, что на покрытие крыши хорошо идет и кора березовая, т. к. она лучше расправляется, а лиственичная лопается [61]. Именно такую крышу, крытую корой, нам довелось увидеть на единственных сохранившихся до сегодняшнего дня строениях хутора на северном побережье — хутора Гостюхиных. Крыша самого жилого строения уже не раз переделывалась и была покрыта тесом уже нынешним владельцем, а вот крыша огромного омшанника хоть и плохо, но сохранила остатки корьевого покрытия.

В старообрядческих селах Приморья, особенно на северном побережье, крыши, крытые оцинкованным железом, были не редкость. Старообрядческое население, имевшее дополнительный хороший доход от охоты, могло позволить себе такую роскошь. Доставка такого железа осуществлялась напрямую из Владивостока или Японии морем. На одном из красивейших домов в с. Кхцуцин, бывшем доме Светляковых, до сих пор красуется родное покрытие из оцинкованного железа. Малютин Аким Илларионович вспоминал, что у них в с. Кузнецово так же были дома с подобными крышами. «На решетник из теса кладут сначала доски тесовые. Редко укладывали их, а потом крыли цинковыми листами внахлест, желоб тоже из железа» [62]. В прошлом году я побывала на месте, где когда-то находилось с. Кузнецово. Один из пяти уцелевших домов — дом Паньковых, сиял на зимнем солнце оцинкованной крышей.

Тип крыши в немалой степени зависел от состоятельности хозяев дома. Четырехскатная тесовая крыша с XIX в получила широкое распространение на Урале и Сибири только у очень зажиточных хозяев [63]. Для старообрядческого населения Приморья четырехскатные, или круглые, или шатровые крыши не были редкостью. Так, по северному побережью сохранилось сегодня больше десятка домов с круглой крышей. В основном, этот тип крыш возводился на домах-пятистенках, круглых домах, очень редко на избах. Когда-то имеющие функциональное значение массивные повалы, пропуски, пропуски-кронштейны имели в начале XX в. уже только декоративное значение. Рядами таких кронштейнов были украшены фасадные стороны крыш на домах, Давыдовыми, переселенцами из Самарской, Уфимской губерний в с. Кхуцин.

После сооружения крыши приступали к устройству окон и дверей. Волоковых окон, известных с глубокой древности, в их классическом варианте, в Приморье не сохранилось. В XIX в. такие окна прорубались, как правило, уже только в под-

собных помещениях, сенях, амбарах, скотских сараях, конюшнях. Подобные окна мы встречали и в жилых помещениях, построенных в начале XX в. В этих домах, правда, уже никто не жил (с. Тополевое). Окоица находились на глухой боковой стене справа от печи и служили скорее для проветривания, чем для освещения. Небольшие окна устраивали на фронтонах домов. Такие окна назывались слуховыми.

Основные окна избы — косящатые, были известны на Руси с XVII–XVIII вв. Проемы для таких окон прорезали по-разному. Рассказывает А. А. Комов, с. Тополевое: «Там, где проем наметили, верхнее бревно окна почти распиливаем, но оставляем целым. Когда дом построили, выбиваем эту чурку и по этим размерам выпиливаем окно. Так же и с дверью поступаем». Такой способ был более распространен. О другом способе нам рассказывали старожилы с. Кхуцин (Нагорнов Ф. М.): «Проемы для окон и дверей прорубали сразу, потом выравнивали, окосячивали. Утепляли мохом. Рамы делали двойные. В рамах по 4 или 6 переплетов» [64].

В проем вставлялась коробка из деревянных брусьев — «окосячка». Верхний брус называли «верхняк» (переселенцы из Волго-Вятского региона), или «притолока», «верхняя подушка» (переселенцы из Сибири), боковые — «косяки», нижняя часть — «подушка», «нижняя подушка». Для того чтобы укрепить в такой коробке раму, в косяках вырубался желоб 4 см х 5 см. Размер среднего окна –120 см х 70 см. П. К. Черняева, переселенка из Житомирской губернии, жительница старообрядческого с. Ивановичи со знанием дела сравнивала: «У хохлов окна тоже косящатые, но маленькие, а у нас большие» [65].

Окна со стеклами в старообрядческих домах — явление распространенное. Е. И. Малютин, с. Перетычиха: «Стекла для окон покупали у японцев, корейцев». Двойные рамы в крестьянских старообрядческих домах встречались довольно часто. Е. Шишкова х. Халаза: «Окна в нашем доме были косящатые. Двойные рамы, двухстворчатые». Оконные рамы делали без форточек, чаще всего оконные рамы вставлялись наглухо. Для проветривания открывали дверь. Двухстворчатые, распашные окна уже не были редкостью для старообрядческих домов Приморья. Нами зафиксировано немало свидетельств о таких окнах. Жительница с. Кхуцин М. А. Некрасова рассказала, что оконные рамы в селе были распашные, причем, верхняя их часть крепилась неподвижно [66]. Окна оформлялись ставнями, чаще всего в Приморье можно видеть двухстворчатые ставни. Достаточно часто встречаются в Приморье сдвоенные окна.

Окна утеплялись еще во время строительства: под подоконники подкладывали бересту или мох. Под косяки — паклю изо льна, льняные очески или тот же мох. Мох использовали болотный или тот, что растет на деревьях с северной стороны. Чтобы подоконники дольше сохранить от гниения в связи с оттаиванием окон зимой, в них делали канавку для стока воды — порожек [67].

Число окон в доме различно. Одна из наших знакомых уверяла: «Говорят, на фасадной стене нужно делать было обязательно по три окна: во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Мы встречали и по два и по три окна на узкой торцевой стороне односрубной избы. В домах — пятистенках на главной фасадной стене устраивали по четыре окна и три на торцевой. При таком количестве окон дом был залит светом. И. Е. Фефелов, с. Степное: «Окон в доме было восемь» [68]. В то же время мы не раз слышали и жалобы от тех, кому пришлось жить в таких старообрядческих домах: «Если дом перестраиваешь, то трудно очень. У старых домов все стены изрезаны».

Традиционно для славян окна фасадной сены были ориентированы на юг, на тепло. В. Вялкова, с. Нахтахе: «В 40 км от Нахтахе была деревушка „Новый массив“ (х. Крепостной — авт.). Там подальше от глаз, заладил отец дом большой большой, пятистенок. Окна на солнце и в тоже время на реку выходили. Отец мечтал: поставим граммофон у окна. Будем музыку слушать и смотреть... Не пришлось пожить в нем...»; Р. Я. Сальников: «В Беамо у нас в избе было два окна „на подлня“, на юг» [69].

Входной проем в доме прорубался всегда — на север. Двери в жилище славян в древние времена были ориентированы на юг, ведь первоначально именно дверной проем был единственным источником света в доме. Дверь, закрывающая проем, в крестьянском жилище всегда была одностворчатой. Дверной проем в срубе либо оставляли сразу, либо вырубали уже после того, как был готов сруб. Проем обрамлялся дверной коробкой из бруса. Верхняя сторона коробки называлась притолокой, боковые — косяками, нижняя — нижней подушкой. Полотнище двери сбивали из двух или трех широких плах. Большинство увиденных нами во время полевой работы дверей крепилось с помощью самокованных навесов. Сами доски, из которых состояла дверь, крепились еще и другим способом — «в закрой». Е. Р. Шишкова, х. Халаза: «Двери из досок, „в закрой“, ручка железная. Замков не было, даже на амбарах». Встречались двери, скрепленные с помощью «шконок». А. И. Малютин, с. Кузнецово: «Дверь из трех досок, а доски крепятся деревянными шконками: в досках выбирается зубилом два сантиметра дерева и вбивается деревянная планка-шконка» [70].

Сама дверь к косяку крепилась подвижно «с помощью шалниров или подпятника» [71]. Это наиболее ранний и менее сохранившийся способ крепления. Более часто встречаются крепления с помощью навесов, самокованных или фабричных.

Ручки дверей не отличались большим разнообразием: как правило, это были деревянные или железные самокованные скобы.

Порог в крестьянских избах делали высоким от десяти до двадцати сантиметров: чем меньше тепла уходило из дома, тем лучше. Ф. М. Нагорнов: «Порог делали высокий 15–18 см, чтоб холод не шел». Некоторые наши собеседники объясняли это по — своему. И. Е. Юрков: «Порог высокий делали от маленьких детей, чтоб ребенок до 5 лет не мог выйти на улицу». Традиционно дверь открывалась из избы в сени. В Приморье мы ни разу не встретили иного устройства таких дверей. А вот дверь из сеней на улицу открывалась по-разному, но чаще из сеней — внутрь. Это объяснялось тем, что во время снегопадов, можно было свободно открыть дверь внутрь помещения. В. Х. Ошева, с. Калиновка «Двери открываются из избы на улицу, из сеней тоже. Вот в Сибири-то все двери внутрь открываются: там снега, засыплет — не откроешь» [72].

Зажиточные крестьяне между гориицей и избой или между горницами ставили филенчатые распашные двери. Такие двери сохранились еще во многих старообрядческих домах.

Запоров на дверях, с гордостью рассказывали старообрядцы, раньше почти и не делали. Замятин, с. Алтайское: «Дверь на улицу подпирали коромыслом или веником, из избы в сени от „фунфузоф“ (хунхузов) закладывали на запор, потом и крючок сделали».

Вход в жилище осуществлялся через сени — крытую холодную пристройку. Во второй половине XIX в. сени стали обязательной принадлежностью жилища. Строились они обычно из разного материала: из круглого леса — срубные, из бруса, деревянных плах, из досок. Довольно распространенное мнение о том, что сени строились из более дешевого материала, чем основная постройка не оправдывается на примере сохранившихся жилых построек приморских старообрядцев. Во-первых, нами зафиксировано немало примеров срубных сеней, на которые шли такие же бревна, как и на жилой дом. Нынешние хозяева успешно переделывают их на жилые комнаты. В сенях обязательно устраивались чуланы, кладовки, где хранили съестные припасы, посуду, хозяйственные принадлежности. Есть довольно много свидетельств, когда пространство сеней использовалось для содержания мелкого рогатого скота, домашней птицы. Шарыпова Е. Т. х. Шарыповых: «В сенях половина

пола была деревяиная, половина-земляная. Там держали кур, пчел». Е. Р. Шишкова, х. Халаза: «Сени пристроены из бревен, под полом пустые, там летом держали овец» [73].

В более ранних срубных постройках в сенях прорубались небольшие волоковые окна, позднее они остеклялись и даже снаружи имели небольшие наличники. В более зажиточных домах вместо сеней устраивали веранды или террасы, где в стенах прорезались большие окна. Так, в доме Бортниковых в с. Амгу веранда была очень большой, светлой, со сводчатым потолком. Для построек 30–40-х гг. XX в. это явление стало распространенным. Таким образом, в летнее время года веранды становятся жилым помещением. Сюда выносят кровать, стол, иногда здесь же, в отсутствие летней кухни и готовят пищу, стирают белье, делают заготовки на зиму.

Перед входом в сени устраивали крыльцо. Его высота, зависела от высоты пола жилища. Во время полевой работы нами были зафиксированы разные виды крылец. В основном, бытовало две разновидности крылец: крыльцо в виде площадки на 1–3 ступени, без навеса и крыльцо на 1–5 ступеней под навесом с односкатной или двускатной крышей. Так, первая разновидность зафиксирована у выходцев из Житомирской губернии. Вторая разновидность встречается чаще у выходцев из разных регионов России. Ф. М. Нагорнов, с. Кхуцин (переселенцы из Уфимской губернии): «Сени были с высоким крытым крыльцом и колоннами» И. Е. Фефелов, с. Степное: «Крыльцо открытое, с перилами, двускатная крыша» [74].

Высокие крыльца имели обязательно перила. Иногда такие крыльца зашивались досками в нижней части. Нередки также низкие на 1–2 ступени, зашитые досками целиком.

Внутренняя планировка и обстановка. Одним из самых устойчивых этнических признаков является внутренняя планировка жилища, которая характеризуется положением печи от входа и тем, в какую сторону повернуто ее устье. В отношении внутренней планировки по нашим полевым данным в Приморье наблюдается довольно устойчивое единообразие. В зафиксированных нами сохранившихся жилых постройках, а также по воспоминаниям информаторов, печь располагалась справа или слева от входа. Причем, почти в равных соотношениях. По диагонали от печи, в переднем или красном углу располагались иконы. Такой тип планировки был распространен на огромной территории России: от Севера до восточных ее берегов (северно и среднерусский план).

Если говорить о региональных особенностях, то следует отметить, что уральские переселенцы в этом случае наиболее консервативны: печь размещается в избе слева от входа устьем к фасадной стене, иконы по диагонали от устья печи. У переселенцев из Волго-Вятского региона наблюдается почти равное соотношение примеров установки печи справа и слева от входа, с небольшим преобладанием первой позиции. Переселенцы из Сибири (Томская, Енисейская губернии) отдавали явное предпочтение установке печи справа от входа, устье развернуто к фасадной стене. Южнорусский вариант установки печи преобладал у переселенцев-старообрядцев из Житомирской, Волынской губерний, хотя направленность устья встречалась самая разная: к входной двери (от фасадной стены), к боковой стене, к фасадной стене. Тот же южнорусский вариант очень редко встречается и у переселенцев Волго-Вятского региона и Урало-Сибирского. Нами зафиксировано пока лишь несколько таких примеров: у Рыжаковых (переселенцы из Забайкалья) печь располагалась в глубине помещения по диагонали от «красного угла», находящегося слева между входом и фасадной стеной, устье печь развернута к фасаду. У Селедковых (переселенцы из Волго-Вятского региона) в крестовом доме «красный угол» находился слева от входа, печь по прямой линии от него, устьем к входной двери.

Крестьянский дом не мыслился без русской печи, в домах приморских старообрядцев она сохранялась вплоть до 30–40-х гг. XX в. Отапливание дома, выпечка хлеба и приготовление пищи — все это печь. На печи спят, сушат одежду, зерно, в печи моются и парятся. Одним из более ранних и упрощенных вариантов русской печи была беструбная курная печь. У наших информаторов сохранились лишь воспоминания о бытовании таких печей до переселения на Дальний Восток. «Это еще в Сибири было. Тятя сына отделил старшего, построил ему избу, а трубу не разрешил строить, т. к. дань платили за это. Так они жили года два. Как топят печь-дверь открывают. Стены все черные. Так они перед праздником каким веником по стене тыкали, вроде как цветы получались» [75].

Русские печи в Приморье, за очень редким исключением, были глинобитными. Основной материал — глина, смешанная с солью и песком. Глинобитные печи были прочнее и долговечнее кирпичных. Мы и сами могли удостовериться в этом: печь в доме Комовых ставили вместе с постройкой дома, в 1919 г., а она у него до сих пор живет и прекрасно служит хозяевам. За время экпедиционной работы нам приходилось видеть в полуразрушенных остовах домов совершенно целехонькие русские печи.

В обычае было ставить печи помочами, ведь нужно было успеть поставить ее за один день А. И. Малютин, с. Кузнецово: «Печи ставили помочью, три-четыре человека. За день обязательно делали». Секретами печебитья поделился с нами А. А. Комов: «Сначала делается опечек с опалубкой. В опалубку засыпают глину, свежую, только что взятую из-под земли. Заранее приготовленная глина не годилась. Утрамбовывали ее специальными молотками — „чекмарями“, молоток такой. Один конец у него острый, другой тупой, бьют только острым концом. Бьют, пока глина не станет плотиой, как камень, потом опять подсыпают и уплотняют. Обычно печь сбивали за один день» [76].

Корпус печи со сводом внутри устраивали разными способами. Нам рассказывали об укладке в корпус печи для свода большой чурки или поленьев. Наиболее распространенным способом было сооружение «свинки» или «чушки». Кирьянова Е. Л. вспоминала: «В Алтайском тятя сам печь бил из глины с солью... Били железными пестиками глину сухую с песком... свинку делали из теса... Над свинкой набивали железные обручи. Потом свинку сжигали» [77].

Нижняя часть деревянная часть печи — «опечек» был по размерам больше, чем сам корпус ее. Выступающая часть опечка перед устьем печи называлась «шестком», на котором ставили посуду, чугуны с готовой пищей. В передней стенки печи делали две небольшие ниши — «печурки» (переселенцы из Сибири), «горнушки» (уральские переселенцы). «Горнушка» — углубление в углу печи, имеющее отверстие для выхода дыма в печь. Сюда клали смолье, которое использовалось для освещения избы. В «печурках» сушили спички, рукавицы. «А мы еще клали туда ножи и вилки: они медные были, нужно, чтоб хорошо просыхали» [78].

Я уже упоминала, что в Калиновке Чугуевской волости было месторождение красной глины. Именно там построил небольшой кирпичный заводик Иван Савельевич Кулятин, поэтому не случайно, печи там клали и из кирпича-сырца. В. Х. Ошева, с. Калиновка: «В Калиновке, Кокшаровке печи из кирпичей делал Фомичев. У глинобитных печей — опалубку делали из досок по размеру печи, забивали ее глиной деревянной колотушкой. Сбивают доверху. Для свода чушку ставят, потом поджигают ее» [79].

Занимая правый или левый угол дома, печь находилась либо вплотную к задней и боковой стене, либо на некотором расстоянии от нее (так было безопаснее). Судя по рассказам старожилов, а также личным наблюдениям, печи ставились в до-

мах чаще всего на расстоянии от обеих стен. Пространство между боковой стеной и печью называли — «запечьем». Расстояние от стены до 1 м. Там хранили печную утварь — ухваты, лопаты для хлеба, посуду, кочергу, ведра, противни. Василий Илларионович Деминов рассказал, что при советской власти мама его перенесла туда все иконы: разные люди в дом приходили, опасно было, а там за дверцей не видел никто [80].

Вдоль боковой стены печи от входа пристраивали лавку, неподвижно соединенную с печью. Она служила местом для кратковременного отдыха днем, местом для пришедших гостей ненадолго, местом для работы. Именно такой вариант был наиболее распространен у приморских старообрядцев. Очень редко мы встречали упоминания о том, что устройство такое называлось «голбцем» или «западенкой», верхняя съемная крышка которого открывала ход в подполье [81]. Исследователи полагают, что такую лавку — лежанку можно рассматривать как рудимент прежнего голбца [82].

Более поздний вид печи — так называемая плита, сложенная из обожженного кирпича ставились в домах старообрядцев в более позднее время — 40–50-х гг. XX в. Русскую печь, занимающую большое пространство в доме, заменяли на такие печи. Иногда обе печи существовали в доме одновременно. Так, в избе Комовых русская печь расположена справа от входа, слева от входа — плита, сложенная из кирпича.

В крестовых домах наряду с русской печью ставили для отопления печи — голландки, они устанавливались в центре дома. (термин распространен в северно и среднерусских областях) [83]. Более поздней и сложной их разновидностью были или так называемые печи — «контромарки». Я. Л. Чужеумов, с. Амгу: «Бортниковы на хуторе исмели одну печку ркусскую, а другая была контромарка, в центре дома стояла, на 4 комнаты. Сложена из кирпича, обита железом, круглая, до потолка» [84].

Над входной дверью от печи делали настил из деревянных досок, который назывался у старообрядцев одинаково — полати, «палаци». На них обычно спали дети, неженатая молодежь. Сохранившихся полатей нам, к сожалению, увидеть не удалось. З. Л. Сандалова рассказала: «Полатей у нас в Калиновке уже не было, потому что дом невысокий был. А у сватов полати проложены над входом. В Афонино (на Алтае) были очень высокие полати. Мама сидела и пряла на самопрялке на полатях» [85].

Рукомойник в избе находился справа или слева у входной двери. Верхнюю одежду вешали обычно на крюки, вбитые рядом с входом.

Пространство перед печью называлось «кут», «куть». Такое название использовали почти все наши информаторы, независимо от региона выхода. Здесь была женская половина: хозяйка готовила пищу, занималась другой работой. Все было продумано, и каждой вещи было определено свое место. В пространстве от «запечья» до окна находились предметы мебели, связанные с приготовлением и хранением пищи, посуды. Вариантов расположения их в пространстве «кути» нам называли немного. Обычно вдоль глухой стены от печи стоял шкаф со столешницей и подстольем, где хранилась посуда, на нем готовили пищу — «залавок». В. Х. Ошева, с. Калиновка: «Залавка у нас в Калиновке не было, залавком служил шесток на печке» [86]. Над «залавком»- шкаф или полка для посуды. Верхняя часть передней стены печи оформлялась деревянной полкой — «стамиком», которая шла до стены — черта, характерная для северовеликорусских изб. Нами записана пока единственная информация от З. Л. Сандаловой, переселенки из Алтайского края, более раннее место выхода — Вятская губерния. «От печи идет стомячок, от стомячка до окошка еще полка вверху. Стомячок пристроен к „цело“ до потолка. Квашня стоит за стомячком на печке» [87].

Елизавета Родионовна Шишкова, вспоминая о жизни на х. Халаза, рассказала о том, что вдоль глухой стены кути стояла длинная скамья. «Один конец ее чистый. Садиться на него строго воспрещалось: там ставили противни с хлебом, еду. Бабушка мыла ее как стол, чистой тряпкой» [88]. По видимому, речь идет о кутной лавке, обычно ставившейся рядом с печью. О существовании таких лавок помнит сегодня лишь старшее поколение старообрядцев. С. Л. Гуменная (девичья Бортникова) рассказывала, как ее дочь недавно ездила в гости к родственникам в северный Казахстан. «Дочка полы мыть стала в доме родственников, дошла до места, где лавка длиниая стоит, хотела тряпкой половой ее вытереть, да увидела щель, которая делит лавку пополам. Стоит и думает: „Поди это чистая лавка-то...“ А бабушка увидела, что она стоит, задумалась да так и заплакала: „Так ты понимаешь, что это такое, что это чистая половина...“» [89]. На чистую половину лавки выкладывали испеченный хлеб, иногда ставили квашню. Садиться можно было только на другую половину лавки.

Зинаида Лукинична Сандалова так описывает устройство кути: «В кути на стене небольшой шкаф. В нем посуда: горшки, кринки, чашки, ложки. Между окон стол. В простенке от кута до стены-лавка вдоль стены. От печки до стены-залавок. На нем готовят. Он занавеской прикрыт. Под столешницей залавка полка высотой 40 см и шириной 40 см, другая — 60 см. На них разная посуда стоит, чистые кринки с молоком. Хлеб из печи вытаскивают — сначала на залавок, отдыхает, а утром хлеб складывали в сельницу... Сельница — деревянная коробка. Сколачивается из досок 30х80х60. В сельницу сеяли муку. Хлеба пекли на день 8 булок: детей у нас много было, да и гостей полно...» [90].

Куть или кут иногда отгораживался от остального пространства избы. Иногда это была деревянная «заборка», побеленная или просто покрашенная краской. Только однажды нам довелось увидеть заборку с росписью, в доме настоятеля общины с. Тополевого — Виноградова, переселенца с Алтая... С внешней стороны ее украшал рисунок с очень распространенным мотивом: куст пятилепестковых цветов, колокольчиков, цветов-репейника с завитками. Над ними изображены летящие друг к другу голуби... Специалисты отмечают, что бытование живописи по дереву особенно характерно для районов Енисейской, Иркутской областей, Забайкалья, Северного и Южного Алтая. Особенно часто встречалась роспись на кутных заборках. Чаще кутный угол отгораживался простой занавеской. Сегодня в домах, где живут старообрядцы, мы видим, что обычай такого отделения печного угла от чистой половины сохраняется.

Общий обеденный стол стоял обычно в центре избы перед окном или между окнами. Иногда такой стол называли «ходовым», поскольку его могли двигать по пространству дома. Нередко нам приходилось слышать, что в домах зажиточных старообрядцев для детей делали маленький стол и садили их обедать за отдельный стол. М. А. Некрасова с. Кхуцин: «В доме стол большой, длинные лавки. Дети сидят за отдельным столом». П. А. Поздеева, с. Усть-Соболевка: «Дом у Порфирия Соболева был большой. Как-никак десять сыновей да две дочери. Во время обедов всех детей садили отдельно за маленький стол со стульчиками». М. А. Некрасова, с. Кхуцин: «В доме стол большой, длинные лавки. Дети сидят за отдельным столом» [91].

Стол в старообрядческих домах было принято закрывать скатертью. Во время обеда у некоторых в обычае было снимать скатерть («минусинские» переселенцы). «Мы на голом столе не едали, — рассказывала Х. Е. Поварницына (Пермская губерния), — только на скатерти. Вымоешь руки, берешь скатерку в руки. Помолишься, обращаешься к старшему. „Тятя, благослови меня стол собрать“. „Бог благословит“. Тогда я расстилаю скатерть, ставлю на стол соль, хлеб. У нас строго следили за чистотой. Перед едой тятя командовал: „Все на улицу, нос обихаживайте, руки мойте“. Потом все на молитву вставали. Если раньше поел, нельзя выходить из-за стола — жди всех. Потом опять молитву читаем» [92].

Красный угол находился по диагонали от русской печи. Здесь помещалась божница или полочки для икон. Чаще всего мы видели треугольные полочки в углу дома или две полочки, соединенные под углом. Иногда эти полочки были обрамлены деревянным наличником... Очень редко мы видели специальные шкафы — киоты для икон. Видимо, это объясняется способом крепления свечи непосредственно прямо к полке. Часто божницы были прикрыты нарядными шторками: «от чужих глаз», — объясняли нам старообрядцы. Под божницей находился стол, на котором лежали подставки для книг, стояли свечные ящики, щипцы для снятия нагара со свечей. Стол накрывался длинной скатертью, в подстолье лежали богослужебные книги.

В однокамерных жилищах — избах деревянные кровати ставили обычно в угол, справа или слева от входа, напротив печи. Сегодня в этом же месте стоят уже современные кровати с панцирной сеткой. Кровати стали появляться в крестьянском быту со второй половины XIX в. Деревянные кровати до недавнего времени еще использовались старообрядцами в летних кухнях, в домиках, где жили престарелые родители. Одна из таких кроватей сохраняется до сих пор на заимке Гостюхиных. Такие кровати представляют собой деревянный настил с двумя резными деревянными спинками. Кровати окрашивались краской. Как правило, на кроватях спали только родители. В. И. Деминов: «Тятя с мамой на койке, а мы когда поженились, то делали козлы, на доски укладывали матрас из шерсти. Простыней не было. Подушки перовые. Марина в приданом 5 подушек привезла с собой». О более раннем типе кроватей вспоминает З. Л. Сандалова: «Спали мы на верстаке из досок, где катали валенки (верстак — нары на одной ножке, вся остальная часть врубалась в стену или крепилась к ней неподвижно-авт.). На верстаке, когда тяти не стало, спала мама и бабушка» [93].

Горница от кухни отделялась одностворчатыми или двустворчатыми дверями. Обстановка в горнице, так же как и в избе, не отличалась разнообразием. «Мебели в нашем доме почти не было: одна кровать для родителей, все остальные спали на полу». Обычным набором мебели были деревянные кровати, стол, стулья (только в домах зажиточных крестьян), сундуки... М. А. Некрасова, с. Кхуцин: «В горнице стояла деревянная кровать, стол, шкаф деревянный самодельный, сундуки с приданым. В спальне кровать, зыбки, сундук. На кровати спали тятя с мамой, остальные дети в горнице на войлоках. На печке — кто простынет». А. И. Малютин, с. Кузнецово: «В горнице — одна кровать, лавки, сундуки». З. Л. Сандалова: «Из Калиновки спирт уносили в Китай, а назад — ткани. Семен-то много натаскал, ящик-возовик большой в доме стоял, как диван большой, крышка горбом. У нас был просто покрашен, а у тети жестью крест-накрест обит, а внутри бумагой блестящей выложен» [94].

Убранство в домах крестьян весьма строгое. Единственным украшением были вышитые стеновые полотенца, украшавшие простенки между окон. Е. А. Санникова, с. Кхуцин: «Мама полотенца вышивала очень красивые. Украшала ими дом: повесит на палочку, концы свисают, а палочку сверху обовьет поясом, тоже концами вниз. Красиво! Этим только и украшали дом...» [95].

Дом Порфирия Соболева: «Дом разделялся на куть и горницу. В доме всегда много было народу. Каждая кровать была огорожена ширмой... Стены в доме не украшали, ни занавесок, ни полотенец стеновых не было. Дорожки самотканые кругом. Лавки без половиков. Стол под скатертью, но ели на голом столе. У мамы на стене посудный шкаф под шторкой. Когда ткали — стан ставили в горнице, потом убирали» [96].

Ковры на стенах крестьянского жилища в Приморье были редкостью. Безусловно, все сообщения о таковых относились к семьям зажиточных крестьян. Е. Р. Шишкова, с. Халаза: «У бабушки на стене висел гобелен, она его купила за масло» [97]. Мы уже упоминали о довольно редком для Приморья бытовании росписи жилища. Тем не менее, у нас имеется еще одна, к сожалению, только устная информация Я. Л. Чужеумова, жителя с. Амгу, о том, что в одном из трех домов на х. Бортниковых была нарисована на стене возле кровати картина: лес, олени, фазаны нарисованы [98]. Специалисты также отмечают, что сюжетная роспись встречались довольно редко и на территории Сибири. Кто был автором росписи в доме Бортниковых, вряд ли мы уже узнаем.

Освещение. К моменту заселения края в крестьянский быт уже начинает входить керосиновое освещение жилища. В кон. XIX — нач. XX в. этот вид освещения был распространен уже достаточно широко. В Приморье слабое распространение керосинового освещения было связано, прежде всего, с трудностью его доставки и, опять же, особенному отношению старообрядцев ко всему покупному, машинному. Поэтому вполне обычными и зачастую единственными осветительными приборами были лучина, жирники, свечи.

Некрасова М. А., с. Кхуцин: «В Кхуцине керосиновая лампа была. Лучиной пользовались, когда вечеринка. Берегли керосин. Жирники делали из скотского сала». Малютин Е. И. с. Перетычиха: «Освещали керосиновыми лампами, жирниками. Свечи сами делали из воска» [99].

О довольно редком виде освещения рассказала Х. Е. Поварницына (переселенцы из Пермской губернии): «Дом наш освещался „горнушкой“. На русской печке есть такие маленькие углубления с дырочкой под вьюшкой, положишь туда смолянку (корень смоляной) и поджигаешь. Дым вытягивает в трубу. Горит 20–30 минут. Но бывает, что нет смолья. Тогда готовим лучину. Берестовое полено надо высушить, нащепать лучины, привязываешь к палке, она горит. Горит оиа быстро, поэтому надо часто менять. Если ужинать садимся, кто-то следит, меняет, пока все ужинают. Потом его кормят...» [100]. Способ освещения жилища с помощью смолья ученые считают, наиболее древним по времени возникновения, так как он связан с очагом. Этот способ известен был в Сибири, Енисейском крае [101].

Во время проведения первой международной конференции гостил у меня в доме Прохор Григорьевич Мартюшев (уроженец с Варпаховки, ныне гражданин США). Как-то в один из вечеров в доме погас свет. Свечи в то трудное время тоже были дефицитом. Гость нисколько не растерялся, попросил дать ему какую-нибудь плошку, вату и растительное масло. «Сейчас я вас научу, как жирник делается. Мы такие делали раньше, когда электричества не было. Только фитиль делали из нитей. Это очень просто. Он скрутил из ваты фитиль, прожировал его в масле, один конец утопил в масле, другой- поднял над блюдцем и поджег. Стало довольно светло в комнате. Двух жирников хватило, чтоб осветить комнату». О подобном способе освещения рассказала мне наша дорогая Христинья Ермиловна: «Фитилек делаешь из нитки толстой, обжириваешь его, кладешь на него кусочек сала. Догорит до него фитиль, передвигаешь дальше — „жировня“ называется» [102]. Такой способ с использованием сала наиболее известен на Украине (мама нашего информатора — украинка).

Свечи для освещения жилища делали сальные и восковые. «Редко восковыми — то пользовались, воск берегли. Богу свечку поставить» [103].

Е. Л. Кирьянова, с. Алтайское: «Свечи делали сами из воска. Светильно делали из льняных ниток, кипятим двойную нитку в сале и выправляем. На пол кладут солому, чтоб не накапать. Нить на палку и раз 20 обмакнуть в сало с кипятком. Сало свиное, скотское. На зиму 500–600 светилеи. Затем нужно нарубить воск, подрастопить его, чтоб мягкий был, мять его на доске, положить светильно, защипать и раскатать руками. Готовые на чистую доску, за час — 60 штук» [104].

Изготовление восковых свечей для богослужения — происходит по тому же принципу. Человек, который делает, их обязательно должен получить благословение.

Чистота в доме. Особую склонность старообрядцев к чистоте подчеркивают все исследователи. Вся работа по поддержанию в доме чистоты лежала на женщинах.

Стены срубного жилища внутри были просто оструженны, поэтому обычно во время уборки обметали стены голиком. На праздники мыли стены дома изнутри и снаружи. П. Поздеева, с. Усть-Соболевка: «В доме Порфирия Соболева стены были струганы и помыты. Мыли стены щелоком. Пол не крашен, песком терли».; Е. С. Бортникова, с. Таежка: «Потолок и стены струганые. Мыли хвощом дожелта» [105].

Некрашенные полы терли песком. Обычно женщины очень заботились о сохранности пола, оберегали от лишней сырости. Ценилось умение мыть полы, не наливая много воды. Е. Л. Кирьянова говорила, что для половиц, уложенных способом «в закрой» вода была не страшна. В связи с этим З. Л. Сандалова припомнила историю, произошедшую с ней: «Бабушка вообще очень следила за домом, чтоб не мочили полы сильно, когда мыли. Меня даже за волосы оттаскала: не парь пол! Мама любила цветы в доме. Садила Ваньку мокрого, крапивку, фуксу. А бабушка не любила в доме цветов, говорила, что от них подоконники преют. Я однажды поливала цветы, а бабушка мне и говорит: „Хочешь, чтоб твои цветы красивее были? Так ты полей их соленой водой, да покруче". Мать домой вернулась, удивилась: „Зинка! Чего у тебя все цветы завяли?.." Ну, я ей все и рассказала. Она — к бабушке, а та молится. Мать все же не стерпела: „Мамынька, ты вот молишься, а чему ты ребенка научила? Зачем зло творишь?" Бабушка-то и ухом не повела, все молиться продолжала. А через много лет уж и крыши в доме не было, все разрушено... А подоконники-то как новенькие» [106].

Стены в домах зажиточных крестьян красили краской. По рассказам В. К. Тиунова, нынешнего владельца одного из калугинских домов в с. Кокшаровка, стены в доме и потолок были крашеными. «Стены красили богатые, вот у Столбиковых (с. Тахобе) даже потолок крашеный был». Для этих надобностей сами варили олифу и растирали краски. Об этом вспоминает Е. Р. Шишкова, х. Халаза: «Пол, потолок и стены были крашенными. Краску делали сами. Приносили глину, растирали ее с растительным маслом. Масло кипятят до определенного состояния. Готовность проверяют: сунут перо куриное в масло. Если оно скручивается-значит готово. После этого и растирали глину с маслом» [107].

К. Т. Коробейникова, г. Уссурийск: «Олифу делали для краски из сузы: 1 л масла кипятить на медленном огне. Когда начнет немного дымиться, опустить куриное перышко, твердое от крыла и медленно опускать. Если боковые перья свернуться до стержня, то олифа готова. Это крестьянский вариант. Ей разбавляют краску» [108].

Стены белили глиной. М. А. Некрасова, с. Кхуцин: «Извести мы не знали. В 1933 г. я впервые заварила известь. Очень испугалась, когда она закипела. Раньше белили внутри дома глиной. В Кхуцине красили белой краской, а в Верхотуровке белили глиной» [109].

Стирали белье женщины с помощью вальков и мыла, которое варили сами из кишок животных.

Е. Л. Кирьянова (с. Алтайское) рассказывала, что для стирки женщины варили черное мыло из кишок. Сначала варят сутки золу, потом этим шелоком заливают кишки, ночь простоит все, счерпывают щелок, добавляют соды, варят снова до вечера. После этого все оставляют в котлах, чтоб немного остыло. Потом выливают в противни, режут на куски и складывают в ящик. Варят в апреле до посадки картофеля.

Украшение крестьянских построек. Чрезвычайно редко можно встретить в Приморье деревянные предметы, украшенные резьбой. В музейном хранилище их можно буквально пересчитать по пальцам. Эта же особенность отличает и старообрядческое жилище: традиция украшения его не получила здесь большого развития. В районах раннего расселения старообрядцев старых жилых построек, к сожалению, не сохранилось. Единственный сохранившийся дом с резными наличниками в с. Красный Яр принадлежал очень зажиточному крестьяниу Ф. Д. Ефимову. Судить о внешнем виде остальных построек не приходится. Та же ситуация нас ожидала и в районах более позднего расселения — сс. Архиповка, Варпаховка, Кокшаровка, Таежка, Каменка, Новокаменский хутор, х. Халаза. Здесь сохранилось гораздо больше домов, но архитектурных или росписных украшений встретили очень немного. Чуть большее количество жилых и хозяйственных построек сохранилось на северном побережье края, в районе наиболее позднего расселения старообрядцев. И здесь нас ждал все тот же результат. «Красивых домов особенно-то и не старались делать: жизнь везде временной была. По Писанию гонения ожидались. Вот и мы все ждали постоянно, что выгонят... Поэтому не особенно жизнь себе украшали...», — отвечали на наши недоумения старообрядцы [110].

Полевой материал, которым мы располагаем, свидетельствует, что излюбленным местом украшения дома были окна: наличники, карнизы. Самым распространенным типом декоративной резьбы была пропильная резьба. Это поздний вид резьбы, начавший широко распространяться для украшения крестьянских изб со второй половины XIX в. В Приморье, как районе наиболее позднего заселения, именно он наиболее часто используется мастерами при украшении домов, иногда сочетается с долотной и коловоротной техникой.

Среди образцов украшений наличников, зафиксированных нами, преобладают образцы, сочетающие пропильную ажурную резьбу и накладную.

Ажурной резьбой, как правило, украшалась самая верхняя часть наличников — «кокошники», под ним находилась прямоугольная доска, украшавшаяся накладным пропильным орнаментом. Нижний край наличников — «испод» чаще всего имел просто изогнутый край, либо концы его украшались небогатым геометрическим орнаментом-круги, косые кресты, линии. Концы наличника вырезались в форме прямоугольников с несколькими трапециевидными фигурками, напоминающими полотенце с кисточками, либо в виде сердечка с тем же сквозным изображением. В основе криволинейного орнамента — травиый орнамент, состоящий из изогнутых, волнообразных, переплетающихся стеблей с завитками, расположенных симметрично относительно центральной части.

Редкий для Приморья вариант объемной резьбы обнаружили в с. Максимовка. Такой резьбой был украшен лишь один дом в селе. К сожалению, жители села уже не смогли вспомнить имя мастера. В равной, на наш взгляд, степени это мог быть житель села, волжанин или сибиряк, поскольку, в основном, выходцы из этих регионов проживали в селе.

Геометрический орнамент довольно редко встречается в резных украшениях наличников. Обычно крупные выпуклые детали декора-прямоугольники, ромбы, квадраты прибиваются на центральную доску наличника. Рельефными изображениями крупных прямоугольников украшали внутренние стороны створок ставен.

Накладные деревянные изображения с растительными мотивами, летящими голубками также встречаются в украшении наличников.

Ажурная резьба украшает карнизы крыш домов зажиточных старообрядцев. Край карнизных досок обычно украшался геометрическим орнаментом из сквозных круглых отверстий, сочетающихся с различными зубцами в виде прямых и сту-

пенчатых треугольных, полукруглых фигур. Очень редкий для Приморья орнамент карнизных досок мы обнаружили на крыше одного из домов, стоящих на х. Бортниковых. Карниз крыши был украшен тремя рядами декоративных карнизных досок, каждая из которых имела свой орнамент. На двух из них были вырезаны «карточные» фигуры: трефи, черви, на третьей — пропильные изображения летящих ласточек. Своеобразным украшением всех «давыдовских» (дома строились и принадлежали семье Давыдовых, выходцев из Самарской губернии) домов в с. Максимовка были декоративные пропуски-кронштейны под крышей с фасадной стороны.

Наружная роспись жилища у старообрядцев Приморья не встречается. Единственным опять же исключением служит роспись части стены над входом в дом Виноградовых. На голубом фоне повторен все тот же мотив букета цветов с завитками и летящими голубками. Автор росписи Виноградова Александра Григорьевна (дев. Комова), переселенка из с. Туманово Алтайского края.

Типы крестьянских усадеб. В связи с поздней колонизацией края естественно было бы предположить, что старообрядцы принесли сюда формы жилых и хозяйственных построек, развившихся на огромной территории Зауралья, Сибири, Алтая, Забайкалья. Охарактеризовать устройство усадеб крестьян-старообрядцев Приморья одновременно и сложно и просто. Поначалу нам казалось, что выявить какие-то традиционно-этнические или региональные признаки будет почти невозможно в связи с низким уровнем сохранности традиционной культуры. Усадьбы, хозяйственные дворы, в которых сегодня живут старообрядцы, изменились почти до неузнаваемости. В лучшем случае сохраняются дом, летняя кухня, баня, которой пользуются до сих пор. Остальная же часть участка используется под огород. С течением времени усадьбы не раз перестраивались новыми хозяевами, поновлялся сам дом, изменялась его планировка, достраивались или, напротив, убирались хозяйственные постройки.

Воспоминания старообрядцев и, прямо скажем, небогатый полевой материал стали основой нашего исследования.

Организация крестьянской усадьбы на Дальнем Востоке определялась этническими традициями переселенцев, климатическими условиями.

По мнению исследователей, на большой территории Сибири, начиная с Иркутской обл. по верхней Лене, в Забайкалье и до Тихого океана был распространен тип открытого незамкнутого двора. Такой двор был обнесен невысокой жердяной изгородью, внутри которой хозяйственные постройки расположены в разнообразном порядке. Дом в данном варианте мог быть вынесен к передней стороне двора, к улице, или находиться в глубине усадьбы. Хозяйственные постройки (амбар, сараи для скота, конюшни, пригоны, завозни, бани) были не связаны между собой, каждая постройка имела самостоятельный сруб, крышу. Этот же тип застройки типичен и для Южной Сибири и многих мест Алтая. Признается, что открытый двор с разобщенными постройками был наиболее древней формой [111]. Помещения для содержания скота, как правило, группировались рядом, иногда отделялись изгородью.

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу можно с большой долей уверенности говорить о господствующем в Приморье именно таком плане крестьянской усадьбы. Дом ставился чаще всего (при уличной планировке села) фасадной, иногда боковой стеной к улице на переднем плане усадьбы. Такое редкое расположение дома глухой боковой стеной вдоль улицы зафиксировано нами в с. Усть-Соболевка: дом был построен братьями Губушкиными, переселенцами из Алтая, Змеиногорский уезд, с. Сетисовка. Достаточно редко нам встречались варианты постановки дома внутри усадьбы. Примером может служить усадьба алтайских переселенцев семьи Замятиных с. Алтайское: дом занимал положение в центре двора, хозяйственные постройки группировались вокруг него.

По соотношению в расположении на усадьбе дома и скотного двора можно выделить два варианта: 1 — пригон (скотный двор) расположен позади чистого двора, 2 — пригон находится сбоку чистого двора. Такая планировка усадеб отмечена нами у переселенцев Волго-Вятского региона

Планировка первого типа, по-видимому, сохранялась у приморских старообрядцев и в Китае, Маньчжурии. По рассказам П.Г. Мартюшева (переселенцы из Вятской губернии) мы составили план усадьбы их семьи на время пребывания ее в Китае, с. Аржаны. Скотский двор был расположен позади чистого двора, отделен небольшим садом и забором. Здесь же, недалеко от колодца установлены долбленые поилки (колоды) для скота. На усадьбе семьи Владимировых на х. Халаза скотный двор был также расположен позади чистого, но пространство двора было поделено больше условно. Никаких изгородей не было.

Усадьбы с пригоном, расположенным сбоку и выходящим на улицу, встречаются гораздо чаще. Интересно отметить, что такое расположение нами зафиксировано на северном побережье, где население занималось животноводством (села Усть-Соболевка, Максимовка).

Во время одной из поездок по северному побережью в с. Перетычиха я обратила внимание на нетипичное для Приморья соединение хозяйственных построек и жилья. Дом-пятистенок с сенями и верандой стоит на переднем краю усадьбы параллельно улице. Хозяйственные постройки — конюшня и пригон стоят на одной линии с сенями, вдоль улицы, имеют плоскую крышу. Дом с сенями и верандой соединен с этими хозяйственными постройками навесом, крышей на столбах. Из под навеса два выхода: в огород и в чистый двор (небольшую площадку, покрытую тротуаром и досками). Хозяйка дома, Анна Савельевна Иродова, переселенка из Томской губернии. На наш взгляд, такой тип усадьбы можно рассматривать как разновидность двухрядной связи, характерной для среднерусского и севернорусского типа.

Облик крестьянского подворья определялся направлениями хозяйства русского старообрядческого населения: земледелием, животноводством. Здесь находились самые необходимые постройки: сараи для скота, стайки для домашней птицы, конюшни, завозни — сараи для хранения саней, телег, упряжи, а также различного сельскохозяйственного инвентаря, амбары для хранения и обработки зерновых. На хозяйственных дворах могли находиться и специальные помещения, так или иначе связанные с занятием каким-либо ремеслом: кузницы, мастерские. Ф.М. Нагорнов, с. Кхуцин: «Хомутная: в ней сушили хомуты от пота, зимой пимокаты жили. Амбар и хомутную соединял навес. Под ним отец кузнечил, плотничал, летом сбруя висела». Такие специальные строения ставили крестьяне побогаче, кто победнее приспосабливал для этих нужд уже имеющиеся помещения — летнюю кухню, баню, навесы, сараи. В анкетных данных следственных материалов 1932–1938 гг. среди хозяйственных построек, имевшихся на крестьянских усадьбах до 1917 г., назывались амбар, баня, конюшня, хлев, сараи для скота, стайки для домашней птицы, омшанники. Минимальный же набор таких построек ограничивался амбаром, сараем, конюшней или хлевом, баней.

В тех же анкетах на момент ареста (1932 г.) называются уже только бани, гораздо реже амбары и сараи и почти не упоминаются конюшни, хлевы. Сказывались последствия проведения коллективизации и репрессий: скот в большинстве случае уже обобществлен, усадьбы зажиточных крестьян были разорены. В их домах чаще всего устраивали административные зда-

ния, сельсоветы, детские сады, клубы, отделения связи. Хозяйственные постройки зачастую разбирали и использовали для строительства домов, других зданий. Во время экспедиционной работы на местах бывших богатых усадеб нам чаще приходилось видеть лишь сохранившиеся срубы амбаров: в них доживали свой век изгнанные хозяева. Другие хозяйственные постройки до нашего времени почти не сохранились, либо полуразрушены.

Строительным материалом для хозяйственных построек служили круглые бревна, плахи, доски. На строительство амбаров крестьяне старались использовать лес такого же качества, как и для жилья- круглый кедровый лес. Не случайно, что именно эти постройки и пережили своих хозяев на много лет. Менее ценный материал (более тонкий или худшего качества круглый лес, деревянные плахи) шел на строительство конюшен, хозяйственных сараев, стаек.

Амбар и погреб хозяева старались разместить поближе к дому метрах в 20, на чистой половине двора. Амбар использовался для хранения зернового хлеба, муки, различных припасов. Амбар рубили с особой тщательностью: здесь хранился почти весь семейный продуктовый запас. От сырости, для лучшей вентиляции и от грызунов амбары, как правило, ставили на сваи или стулья различной высоты от 0,5 м до 1 м. Крыши на амбарах ставили двускатные, стропильные.

Внутреннее пространство амбара застраивалось сусеками, закромами и полками. А. А. Комов (переселенцы из Томской губернии): «Дверь в амбаре делали повыше, чем в доме, чтоб с мешком пройти. Внутри — закрома, ссыпали ячмень, просо, пшеницу. Они делались высокие в рост человека, внизу выступ, зерно ссыпается». Сибиряки называли емкости для хранения зерна «сусеками». В. И. Деминов: «Ларь — это яшшык, а сусек — из досок, разгорожен. У Деминовых только сусеки были».

Воровство, по воспоминаниям старообрядцев, было редкостью: «Амбары не закрывали. Переселенцу каждый хозяин давал по 1 мешку зерна, воровства не было». Тем не менее, многие старообрядцы вспомнили и о разных хитроумных замках, на которые запирали амбары [112]. Вблизи жилища и часто рядом с амбаром устраивали погреб, большую яму, куда свозили лед. Он лежал здесь почти все лето, сохраняя продукты [112].

Изгороди, ворота. Усадьбы, хозяйственные дворы, как правило, огораживались. В довольно редких случаях дворы отделялись межой, а между домами близких родстенников иногда не было и межи. Так, например, двор Владимирова Евдокима Ивановича с двором сына Ильи условно был разделен садовыми насаждениями, а с соседом Селедковым Тимофеем — межой. Шишкова х. Халаза. «У нас изгороди не было, мы от соседей отделялись межой — „релкой“» [113].

Широко была распространена изгородь из горизонтальных жердей. Такой изгородью огораживали огороды, дворы, поскотину. Тонкие жерди очишались от коры и крепились на стояках-кольях разными способами. По одному из способов, жерди крепились между двумя кольями с помощью перевясла, вицы.

Поскотину за селом городили так: два кола толщиной 6–8 см, забивают в землю, прутья ивовые или березовые скручивают вокруг кольев, обматывают — «вица», называлась. На нее кладут жердь. В. Х. Ошева, с. Калиновка: «Жерди в изгороди тонкие клали на переплетенные прутья. Прутья из лозы, вербенника красного или лещины»; И. Е. Юрков, х. На р. М. Светлая: «Двор огорожен со всех сторон жердями иа перевяслах». В том случае, если жерди были слишком тонкими, расстояние между ними увеличивали с помощью чурочек. А. А. Комов: «Городили жердями, если они тонкие были, то клали чурочки или с черемуховым перевяслом» [114].

По другому способу в более толстых столбах-стояках выдалбливали пазы и укладывали в них жерди. Вспоминает Е. Л. Кирьянова, с. Алтайское: «Ограда у дома из жердей без перевясла, выдалбливали паз, клали чурочку и жердь». Ф. М. Нагорнов, с. Кхуцин: «Изгородь жердяная. Столбы с пазами делали, в них закладывают жерди, чередуя с чурочками» [115].

Распространенным видом изгороди в старообрядческих дворах был также плетень. И. К. Пугин, с. Кхуцин: «Высоким плетеным тыном из тальника огораживали огороды, чтобы куры не летали, а остальное жердями» [116]. За время полевой работы нам встречался чаще вертикальный плетень. В с. Максимовка, независимо от места выхода, такой забор называют «тыном».

Передняя часть двора, место перед фасадной стеной, дома старались загородить невысоким штакетником. Его изготавливали из колотой дранки, на которую шли доски-горбыль. Р. Я. Сальников: «Забор невысокий — штахетник, дранка из лиственницы, а прибивали самокованными гвоздями». З. Л. Сандалова, с. Калиновка: «Перед домом — цветы. Папа очень любил, называл их „разноцветками“» [117].

Высокий дощатый забор стал распространенным явлением в более позднее время, когда ушла в прошлое проблема заготовки досок.

Изгороди всех названных типов до сих пор бытуют в крестьянских старообрядческих хозяйствах.

Одна из наиболее ранних разновидностей изгороди — «заплот». При такой изгороди звенья представляли собой стену из уложенных друг на друга бревен, концы которых закреплялись в бревнах — стояках. По мнению исследователей, такие изгороди встречались чаще в XVIII в., в XIX в. они встречались чаще у зажиточных крестьян, особенно, у переселенцев северных областей Западной Сибири [118]. Действительно, воспоминания о такой разновидности изгороди и бытовании ее в Приморье мы встречаем у переселенцев-сибиряков. Обычно такой изгородью огораживали домашний скот. Парадоксально, но вживую нам удалось увидеть такую изгородь на скотном, бывшем колхозном дворе с. Максимовки, причем, звенья изгороди были поставлены под углом друг к другу. В частных хозяйствах такой тип изгороди уже не сохранился.

Ворота в их классическом виде были не в каждом крестьянском дворе. Иногда при необходимости отваливали одно из звеньев жердяной изгороди. И все же упоминания и описания ворот встречаются в рассказах старообрядцев довольно часто. Наиболее распространены были однополотные или двухполотные ворота под двухскатной крышей или без нее. Воз с сеном был единицей измерения высоты ворот. Е. Л. Собанина, с. Кхуцин: «Ворота в усадьбу: два больших столба из лиственницы, сверху поперечина, крепилась на шипах. Ворота навесные, внизу подпятник из досок. Ворота высотой делали такой, чтоб проходила телега со снопами» [119].

Иногда в воротах были вырезаны входные калитки, иногда калитки были расположены рядом с воротами. Е. Л. Собанина, с. Кхуцин: «Калитка в ворота была рядом, это „воротички“.» [120].

Колодцы. Традиционно славянские поселения располагались у водного источника — рек, озер. Речная, проточная вода для старообрядческого населения более предпочтительна. Как я уже говорила, иногда даже при наличии колодца во дворе дома, старшее поколение использовало только речную воду... «Христианину всегда лучше брать проточную воду, а не из колодца. Колодец — это как из посудины. Если я болею, мне надо обязательно проточной воды с молитвой принести», — объясняла нам Х. Е. Поварницына.

За время экспедиционной работы нам не раз удавалось наблюдать бережное отношение старообрядцев к естественному водиому источнику: ключу, ручейку. Попав на Гостюхинскую заимку, мы еще раз убедились в этом. Над ключиком был построен небольшой деревянный «срубчик», с двускатной крышей. Перед ключом — деревянный мосток, чтоб не наступать грязными ногами в воду.

Колодцы были обычно на территории каждого двора. Для набирания воды на крышке колодца обязательно стояло приготовленное только для этих целей ведро. Совершенно непозволительно было для старообрядцев нарушить это правило и набрать воду другим ведром. Анна Даниловна Крючкова, вспоминает, что еще будучи совсем небольшой, но очень любопытной девочкой, она смогла открыть низкий небольшой колодец в Самарге, принадлежащий старообрядческой семье (мама А. Д. — удэгейка) и нечаянно упала внутрь. Шум в деревне начался просто невероятный. Старообрядцы сбежались, кричали на нее, ругали. Вытащили ее из колодца и тут же зарыли его [121].

Умение находить воду и копать колодцы было уважаемо в народе. Наиболее распространенным способом установки колодезного сруба было опускание его сверху, наращивая его дополнительными венцами. Оголовок оформлялся деревянным срубом. «Колодец у нас копал приезжий старичок. Он ходил, изучал что-то, потом говорил: „Здесь!“ Копал он сам, ему помогали только. Платили мукой, деньгами. Когда становилось глубоко, ставили деревянные стояки с перекладиной для ведра и ручкой, так землю вытаскивали. Дней 10–15 копал. Выкопает метров 5, ставят туда сруб., под них подкапывают землю, он опускается, а сверху добавляют сруб. Копают, пока не появится вода... Сверху на земле ставят венцов 6–7. Крышку деревянную» [122]. Эта форма колодцев более поздняя.

Колодцы, оформленные выдолбленными колодами, встречаются чрезвычайно редко. Обычно колоды ставят в тех местах, где грунтовые воды находятся близко от поверхности земли. Мы встретили пока один такой колодец с «журавлем» в с. Кокшаровка. Дом когда-то принадлежал Цивилевым, сегодня в нем никто не живет.

Колодцы с «журавлем» известны были с древнейших времен. Они довольно широко бытовали в крае. До сих пор они используются в крестьянских хозяйствах: доставать тяжелые ведра с водой такими устройствами гораздо легче. Устройство самого «журавля» просто: в естественную развилку ствола дерева вставлен горизонтальный штырь, на котором качается длинная жердь — «журавель» с тяжелым нижним комлем. К другому концу жерди крепится веревка с крючком и ведром на ней.

Баня. В обустройстве быта русского человека баня занимала важнейшее место. Не случайно, после того, как дом был готов, сразу приступали к строительству бани. Во избежание пожара бани ставили в самом конце усадьбы либо за усадьбой.

Как вспоминала Е. Т. Шарыпова, до постройки бани при их жизни на хуторе вся семья мылась в палатке, потом построили баню по-черному [123].

Довольно длительный период баня по-черному была самым распространенным типом у приморских старообрядцев. В такой бане дым из печи выходит через двери или небольшие окна. Сруб для бани делали из круглых кедровых бревен. На него настилали потолок из горбыля, крыша двускатная. Внутри складывали печь — «каменку», или топку из крупных камней, позднее из кирпича. Поверх ставили решетку, на решетку — бак или чугун с водой. Парились на полках или широких длинных лавках. Шайки делали из деревянной клепки. Мыло и мочалки для мытья готовили сами. На мочалки шла липовая кора. Ее замачивали на один месяц и затем надирали из нее мочало. Мыло варили тоже сами из кишок животных: кишки промывали, резали, складывали в котел с водой, а потом добавляли соду и долго варили. Когда вода выкипала, массу разливали на листы, остужали и резали на куски. Веники предпочитали заготавливать березовые и дубовые [124].

Часто бани ставили у реки, чтоб напарившись, окунуться в воду. И. Е. Юрков вспоминает, что их баня была поставлена прямо на самом ключике. «Ключик внутри бани был. Моешься, а рыба прямо запрыгивала в баню. Тазиком ее отгоняешь, воду черпаешь» [125].

Помещение бани часто использовалось в качестве подсобного помещения при занятии ремеслами. Здесь также сушили лен, коноплю.

Заготовка дров. Заготовка дров по всем правилам растягивалась на год. Обычно, лес рубили и заготавливали зимой. Оставляли его вылеживаться в лесу до следующей осени. Осенью срубленные деревья пилили в лесу и большими чурками на телегах вывозили в село. Дома снова пилили, кололи и складывали в поленницы. Некоторые семьи заготовку дров производили сразу на месте, в лесу, а потом вывозили на санях-дровнях, розвальнях. Самыми лучшими дровами считались березовые, дубовые, ольховые. Хуже — сосна, ель. Самые плохие — осиновые. Крестьяне были вынуждены заготавливать только те породы деревьев, которые росли в местах их проживания. Так, в с. Кхуцин заготавливали дубовые дрова, в Верхотуровке кедровые, в Перетычихе — из лиственницы, в Таежке брали березу, ильм, ясень, в Тополевом — кедр, ель, ясень, береза, дуб. Для растопки использовали бересту. Заготовка дров была мужской работой.

И. К. Пугин, с. Кхуцин: «У нас привычки не было готовить дрова про запас. Используют, тогда в лес за дровами едут. А вот когда украинцы приехали и началось... У них-то леса нет, они начали запасать и складывать поленницы. Тогда и наши переняли эту моду» [126].

Дрова складывали в поленницы, вдоль забора, но встречается и иная кладка поленницы в виде стога сена.

2. Средства передвижения.

Наш полевой материал позволяет дать лишь общую характеристику средств передвижения у старообрядцев Приморья.

Опираясь на общепринятую классификацию средств передвижения, нужно сказать, что все они носят преимущественно сезонный характер. Так, колесные используются во время бесснежных времен года, полозовые — зимой, волокушные — в любое время года. Средства передвижения подразделяются также на две большие группы: наземные и водные.

Наземные средства передвижения, в свою очередь, делятся на волокушные, полозовые, колесные.

Волокушные средства использовались крестьянами при отсутствии дорог, при перевозке тяжелых бревен, сена из леса в деревню. По рассказам потомков первопоселенцев и основателей х. Соболевка — Соболевых (переселенцы из Енисейской губернии), лес из тайги для строительства домов вывозили на волокушах. Искали в лесу «самородки», природно загнутые у комля березовые стволы. Эти жерди — оглобли крепились более тонкой частью к хомуту лошади. На толстые загнутые концы укладывалась «колодка». Она прикручивалась к оглоблям болтами. На колодку набивали несколько штырей для крепления перевозимых бревен [127].

Сено летом возили на *волокушах* другой конструкции. К концам постромков поперек крепится палка, а к ней вяжут тонкие стволы деревьев, длинные и толстые ветви. При доставке стога сена до места, ветви не обрубались: стог придерживался палкой, поставленной перед ним, а лошадь резко трогалась с места (Информация В. И. Деминова, переселенца из Енисейской губернии) [128].

Одним из древних средств передвижения у славянского населения были сани. Основными конструктивными деталями саней были: два полоза, несколько пар копыльев, вязы, вязовья, нащеп.

Повсеместно использовались в крестьянских старообрядческих хозяйствах *сани-дровни*. Они использовались для изготовления любых грузов: дров, жердей. Полозья саней обычно изготавливались из дуба. «В Нахтахе, Единке нет дуба, там де-

лали полозья из березы» [129]. Копылья и нащеп делали из березы, а вязы, вязья — из ильма. Подполозки подбивались на сани снизу и ковались из металла. Обычный размер саней: высота — 78 см, длина 210 см. За исключения подполозков сани делаются без единого гвоздя. Способ изготовления полозьев саней уже был описан нами ранее.

Более универсальными были *сани-розвальни*, поэтому в крестьянских хозяйствах старались изготавливать или заказывать именно такие сани. Эти сани отличались от дровней наличием в них «отводов». Жерди-отводы крепились к головке и расширялись к задней части саней. Сзади сани были вдвое шире передка. Ширина розвальней сзади составляла 110 см. Такие сани имеют большую устойчивость (информация переселенцев Пермской и Енисейской губ.) [130].

О санях-кошевках рассказывали нам все информаторы, независимо от региона выхода. Они служили выездными, праздничными, гостевыми санями. Конструктивные детали в них были те же, что в розвальнях, за исключением кузова с сиденьем со спинкой, предназначенного для перевозки пассажиров. На полозьях кошевок обычно делали по 5 пар копыльев. Полозья — только из дуба, остальные детали — из березы. Вязки из вяза. По тому, как тщательно была проработана каждая деталь, оценивали работу мастера. И.К. Пугин, с. Максимовка: «Кошевка зимняя очень дорого ценилась, навроде как нынешний „Москвич". Украшали их красиво, расписывали. Полозья тонкие, из дуба. Спинка, сиденье, отводы — все отточено. Вниз в кошевку клали сено, потом медвежью шкуру. Гостевые еще краше: жеребца красивого впрягали, дуга расписная, колокольчики...» В Усть-Соболевке сегодня помнят имена таких мастеров — Ошев Яков, Аликин, сегодня это мастерство еще знает Ф.К. Соболев, в Максимовке — братья Родион и Мина Сальниковы [131].

Есть еще одна разновидность саней, которые используют охотники. *Сани-нарты*. Родион Яковлевич Сальников: «Сани, на которых мясо из тайги вывозят охотники, делали наподобии ороченских». Длина 175 х 40 х 20.

Мастерство изготовления *лыж* ныне почти утрачено в старообрядческих селах Приморья. Их можно купить в магазине. Но охотники и в наше время предпочитают пользоваться лыжами своей работы. Мастеров, владеющих этим ремеслом осталось очень мало. Им сделаны заказы на много лет вперед.

По рассказам мастеров, охотничьи лыжи в крае лучше всего получаются из трески (вереска). «Лыжи делали из трески, она как сирень цветет, но если пчелы ее поедят — умирают. Ее срубают, из сырой делают лыжи и верхний конец загибают между бревнами-„бала". Лыжи служили по 10–15 лет. Нужно знать, когда дерево можно рубить. Обязательно, чтоб новолуние было, и лучше, если четверг или пятница. Иначе дерево разорвет, толку не будет». В.И. Деминов: «Лыжи кататься делали из листвянки или желтотала (талина), она вязкая, а для охоты нужно из трески» [132].

Охотничьи лыжи подбивали камусом — шкурками с ног оленей, имеющих длинную жесткую ость. Можно было прибить камус к лыжам мелкими гвоздями, но большее распространение у охотников получил способ приклеивания камуса с помощью рыбьего клея, поскольку промокший камус, прибитый к лыжам гвоздями, обязательно провисает, а клееный-никогда. Клей варили из кожи красной рыбы и тайменя. Размягчали такие кожи на пару, или распаривали в чугунах в печке. Но самыми ходкими считались лыжи с конским камусом. Охотники считали, что изюбриный и олений камус быстро изнашивается [133].

Длина лыж определялась по росту человека, до 2-х м., ширина — 12 см. Толщина лыж уменьшается от центральной площадки к концам лыж до 0,5 см. Нагорнов Ф.М.: «Обтесал, выстругал и связал их меж собой, в двух местах разводишь концы: баклушки ставишь, в середку тоже закладываешь» [134]. Охотничьи лыжи обязательно подбивались или подклеивались камусом, мехом с оленьих или изюбриных ног с длинной и жесткой остью.

Колесные средства передвижения отличались друг от друга устройством кузова и назначением.

Самой известной и наиболее употребляемой в крае была *телега-площадка*. Отличительной особенностью ее был кузов в виде ровной площадки, сколоченной из досок. Такие телеги были удобны для перевозки любых грузов. В случае необходимости на телегу ставился долбленый короб. Такие телеги используются в деревнях и сегодня. Кузов-площадку делали еще более легкой, из 5–6 круглых жердей, легких, точеных, крашеных. Такой вариант телеги носил название — *«ходок»*. По свидетельству старожилов с. Усть-Соболевка, такие телеги использовали во время конных бегов [135].

Пугин И.К. с. Максимовка: «До хохлов у нас телеги были только с площадкой. У них *„дробины"* переняли, с высоким кузовом» [136]. В такой телеге стенки кузова находятся под тупым углом к дну кузова и составлены из ряда перекладин, скрепленных в верхней части жердью. По внешнему виду они напоминают лестницу. Носят у украинцев и белорусов название «драбина». П.К. Черняева, с. Ивановичи, переселенцы из Житомирской губернии: «У нас в деревне телеги с бортами высокими — „грабарками" назывались» [137].

В Воронежской, Уфимской, Самарской губерниях для перевозки снопов сена, соломы использовалась телега, носившая название «рыдван», «колымага». Кузов ее напоминал корыто. Чтобы увеличить ее грузоподъемность, сверху приспосабливали сооружение из жердей в виде четырехугольника [138]. Интересно, что о телегах такого типа, использовавшихся и в Приморье, рассказывали нам переселенцы из Самарской и Уфимской губерний. Ф.М. Нагорнов: «Телеги с высокими бортами называли у нас „колымагами". Они не у всех были: на них не все можно было возить. Мы возили сено». И. Мокроусова (переселенка из Самарской губернии.): «Летом у нас для работы использовалась телега-рыдван, а для гостей — *тарантас с коляской*» [139]. Чаще всего такой транспорт использовали для поездок в город, на праздниках, в гости. Приобрести его по силам было зажиточным крестьянам, поскольку делали его на железном ходу. Кузов окрашивался или обивался кожей.

Как рабочий вариант телеги для перевозки бревен использовались *роспуска*. Они отличались от обычных телег отсутствием кузова. В.И. Деминов: «В подушке делаем отверстие, вставляем дышло-круглую палку, в ней есть отверстие для чеки, с помощью которой можно регулировать длину роспусков. На них возили лес, жерди» [140].

По полевым материалам, водные средства передвижения не отличались большим разнообразием. Пока нам известны два типа лодок: долбленые и дощатые составные.

Нами записаны всего две информация о бытовании в крае *лодок-долбленок*. Вера Харлмпиевна Ошева рассказывала, что в Калиновке Чугуевской волости долбленые лодки делал ее отец, Харлампий Павлович Копытов (переселенцы из Томской губернии, Бийского округа). На изготовление такой лодки уходил месяц. Нос у лодки острый. Другая информация записана от Кузьминых К.Г. «Тополь сваливают. Нос и корму обработаешь, потом середину начинаешь долбить. Выдолбил — наливай туда воды. Потом разжечь костер и нагреть в нем камни. Бросашь их в ствол. Ствол распаривается, ставим распорки. Потом еще так делать. За 2 дня 3 человека могут сделать лодку. Весла к ней опашные, 2-х лопасное. В Китае только такими пользовались» [141].

Составные дощаные лодки отличались более сложной конструкцией. Жители северного побережья явно отдают предпочтение лодке-шлюпке. Это, пожалуй, единственный вид лодки, использующийся старообрядческим населением на этой территории. У этих лодок острый нос и тупая корма. Размер таких лодок 3–3,5 м, ширина 80–100 см.

Делали лодки обычно из ели или кедра. В. И Деминов: «Сначала сбиваем дно из кедры, кедровых досок. (2–3 доски). Ставим на него кокоры (шпангоуты) из ольхи, дуба, березы, кедры. Кокор не больше четырех. Прибивают кокоры гвоздями.

Нос — „форштейн" (форштевень) делаем из елки, потом прибиваем заднюю доску. К носу пришиваем нижнюю первую тесину, потом другие. Беседка (скамейка) одна». По информации И.К. Пугина, выходили в случае необходимости на таких лодках и в море [142].

Я.Л. Чужеумов: «Я в Сойоне деревянную шлюпку делал под мотор из кедры. Рубить кедр для лодки можно в любое время. Кокоры из корней елки делаю. Корни у нее длинные, от природы прочные. Просушить надо лодку, проконопатить. Конопляю изо льна, потом просмолить снаружи и изнутри» [143].

Другой тип дощатых составных лодок — *плоскодонка* был распространен в центральных таежных районах, на р. Уссури, Улахе. Эта лодка несколько длиннее шлюпки и мельче. Нос и корма у лодки тупые, причем кормовая часть — «санки» должна быть поднята, чтобы при отталкивании шестом не было завихрений воды.

З.М. Ушмаркин, с. Кокшаровка: «Долбленых лодок у нас не было, все на плоскодонках плавали. На сплаву тоже на них же, с багром... Дно делали в широкую доску. Чем шире, тем лучше, можно и из 2 досок. Все доски шкантами крепятся. Толкали лодки шестами или веслами. Весло длиной — 1.80-2 м. Лопатка у весла 60–80 см». В.Х. Ошева, с. Кокшаровка: «Лодки плоскодонки тоже использовались. Если для работы, то брали шест и багор, а если для рыбалки, то шест и весло» [144].

3. Одежда.

Хорошо известно, что именно народная одежда дольше всего сопротивляется влиянию Времени. Одежда старообрядцев сохранила для нас главное — национальные особенности русской культуры. Вместе с тем одежда отразила и особенности жизни старообрядцев на приморской земле. Ей так же, как и людям, пришлось испытать на себе влияние местных климатических, социальных и даже политических условий.

Основой для характеристики традиционной одежды старообрядческого населения края и современного ее состояния послужили материалы полевых исследований музея, а также коллекция традиционной одежды в Приморском государственном музее им. В.К. Арсеньева и музеях края.

Материал одежды. Об одежде старообрядцев начального периода заселения известно чрезвычайно мало. По отрывочным воспоминаниям наших информаторов и немногим архивным документам, возможно пока только в общих чертах восстановить картину утраченного.

Несмотря на то, что в России к середине XIX в. производство фабричных тканей было уже хорошо развито и они вошли в жизнь в качестве основного материала для крестьянской одежды, переселенцы еще долгое время продолжали использовать домотканое полотно, льняное или конопляное. Сказывались и удаленность, и трудности переселения, и отсутствие дорог до крупных центров, и семейный достаток. По рассказам наших информаторов, вплоть до конца 20-х гг. XX в. ткацкие станы продолжали каждую зиму устанавливать в крестьянских домах. Но если в быт зажиточных семей довольно быстро вошли покупные ткани, то одежда из домотканины (праздничная и повседневная) еще долгое время бытовала у наименее состоятельной части старообрядцев. И все же, несмотря на такой продолжительный период бытования домотканой одежды, ни одного предмета из домотканины нам не удалось ни увидеть, ни приобрести в музей: изнашивалась до основания. (Исключение представлял образец комплекта погребальной мужской одежды, привезенный старообрядцами-синьцзянцами из Китая). Мастерство ткачества почти повсеместно утрачено.

Для праздничной одежды полотно отбеливали зимой на снегу. «Трубок потом накрутишь — и в яшшык. Много холстов держали». Тонкое отбеленное полотно использовалось для шитья нарядной одежды. Оно получалось в результате более тщательной обработки. Отходы производства тоже шли в дело. По сообщению А.А. Комова, из очесов льна делали подклад для шабуров или зипунов [145]. В с. Усть-Соболевка в доме замечательного мастера Деминова В.И. мы увидели до сих пор действующий станок для изготовления простеганых деталей одежды, одеял. Очески льна раскладывались на станке между двумя слоями холста и простегивались вручную.

По рассказам женщин, домотканину часто окрашивали в разные цвета. Использовали для этого кору, различные травы. «Есть трава такая „серпуха", она желтый цвет дает. В Ахобе была такая. Нужно в баке напарить травы побольше, убрать ее, потом туда холст бросить, соли немного, чтоб укрепить. Хороший желтый получался. Еще ольховой корой красили, она желтоватенькая получалась. А синюю краску в магазине покупали, ей нитки красили, ткали вперемежку с белыми, делали пестрые скатерти- „сарпинка", или „сарапинка", в клеточку. Мужчинам рубахи шили из них, себе платки.», — вспоминала Х.Е. Поварницына. «Красили холст корой с лиственницы. Кору бросают в чугун с нарубленной корой. Долго варят, потом бросают холст и кипятят не так долго. А зачем нам красить-то было? В лавке в Кхуцине ткань любого цвета» [146]. За все время экспедиционной работы нам не удалось записать никакой информации о изготовлении «набойки».

Фабричные ткани довольно быстро вошли в крестьянский обиход: в крупных населенных пунктах, особенно, в портовых городах, прибрежных населенных пунктах, рынок очень быстро наполнялся фабричными тканями, в том числе иностранного производства. Так, например, крестянам — старообрядцам, живущим на северном побережье горазде проще, дешевле было приобрести товары в Китае или Японии. Уже в 80-хг. XIX в. торговые компании предлагали покупателям довольно богатый ассортимент тканей: бриллиантин стоимостью за аршин 25 коп, бязь белую — соответственно 30 коп., дабу (китайскую) 1 кусок — 3 рубля 60 коп., миткаль — 15 коп., малестин соответственно — 80 коп., нанку — 35 коп., русанет — 25 коп., сукно крестьянское 35 коп., сарпинку — 25 коп., ситец — 18 коп. [147].

Среди старообрядческого населения было много крестьян, занимающихся охотой, корневкой, пантовкой, различными ремеслами. Это позволяло зарабатывать неплохие деньги, поэтому и покупательная способность старообрядческого населения была высока. М.Г. Деминова: «Кто побогаче, покупал одежду в лавке. Брат Филипп продал корову как-то, собрал всех нас младших и повел к Пронину в лавку: „Сейчас всем вам куплю ботинки и чулки". Маме купил резиновые галоши. Отец его дергает за рукав, мол, подожди, надо молотилку покупать. А Филипп: „Подождет молотилка. У Фунтиковых вон все девки в ботинках, а наши девки босиком".» [148]. В с. Кхуцин было две лавки. Одну содержали китайцы, другую — известный по всему побережью купец Пронин. «Этот Пронин и в Японию плавал, и в Америку, американские товары у него были». Из тканей, которые шли на изготовление одежды наши собеседники называли: бязь, грубую, хлопчатобумажную ткань любого цвета. Она шла на изготовление рабочей одежды. Из молескина шили нарядную одежду и мужскую, и женскую. «Я рубаху носил малестиновую. У нее одна сторона блестит, другая — простая. Мужики побогаче и штаны малестиновые шили». (В. И Деминов); «А у меня юбка была малестиновая. Он как сатин, только тяжелый. Мы из него штаны ребятишкам шили, сарафаны. Я в таком до сих пор хожу». (Х.Е. Поварницына) [149]. В обмен на сданные сельхозпродукты можно было также получить деньги и приобрести необходимый товар.: «Мама поехала в Самаргу, сдала лен и привезла на него 10 шалей. Папа повез овес сдавать на мануфактуру. Привез всем материал, шибко красивую ткань на положок у зыбки» [150].

Широко использовалась для изготовления одежды овечья шерсть. Из нее катали валенки, сучили нитки для изготовления шерстяной ткани. Для шитья верхней одежды широко использовалось полусукно, или так называемая пониточина. «Это тоже свойская ткань, основа — холщовая, уток — шерстяной» [151].

Из овечьей шерсти изготавливали также и сукно. К. Ф. Рыжакова: «Шерсть расстилали, поливали горячей водой и катали каталкой и рубелем, пока не закатают сукно». Из сукна домашнего приготовления шили рубахи, охотничью одежду. К. Ф. Рыжакова: «На свадьбу муж был в суконном пинжаке, покупном. А вообще сами били сукно. Шили из него рубахи без ворота, ходили зимой». Сукном покрывали также и шубы, полушубки. А. А. Готовская, переселенцы из Житомирской губернии, с. Ивановичи: «Зимой у мамы была шуба из овчины, крытая сукном, на голове платок. Она так ходила в 30-е гг» [152].

С древнейших времен славянским населением в качестве материала для зимней одежды использовался мех диких и домашних животных. Естественно, что наиболее доступной в крестьянской среде была овчина. У старообрядцев овчина и мерлушка, оставались, пожалуй, единственным мехом, не вызывавшим никаких нареканий. «Овчину носили, ягушки маленькие, у них шерсть черная, курчавая». Мех же диких животных, все более входивший в жизнь крестьянства, особенно на Дальнем Востоке с его богатейшими охотничьими угодьями, вызывал наибольшее количество споров и запретов. Использование меха диких животных строго регламентировалось законодательными актами- соборными уложениями. Так, одна из статей Бикинского соборного уложения гласила: «Шапки из поганого зверя не носить, а кто будет носить-отлучать...» [153]. К поганому зверю, по рассказам наших информаторов, относили «лапчатых» (рысь, енот, медведь, барсук, выдра, соболь, волк), непарнокопытных животных и некоторых птиц (лебеди, голуби, воробьи). Мех «поганых» зверей продавали, обменивали, но для шитья зимней одежды и обуви для себя использовали только мех дикой козы, пятнистых оленей, изюбря.

Женская одежда.

Вплоть до начала XX в. самым распространенной женской одеждой был сарафанный комплекс: рукава-рубаха+сарафан. Такую одежду носили в качестве повседневной, праздничной, обрядовой одежды. Ее носили девочки, девушки, молодые и пожилые женщины. В качестве моленной одежды это был единственный вариант одежды для всех групп старообрядцев, независимо от региона выхода. Традиционный комплекс из сарафана и рубахи дополнялся поясом, передником и головными уборами.

Региональные особенности проявлялись в крое одежды и способах ее ношения.

Женские рубахи. Основной частью традиционного женского комплекса одежды являлась рубаха. Рубахи были цельными или составными, из двух частей (верхней до пояса, чуть выше или ниже пояса) и нижней.

Наиболее распространенным в Приморье видом рубах были рубахи составные. У переселенцев из Житомирской губернии они сохранялись даже в качестве погребальной одежды [155]. Рубахи шились из двух частей. Если обе части были холщовые, то, как правило, верхняя часть шилась из более тонкого холста, нижняя — из более грубого. В конце XIX- начале XX в верхнюю часть шили уже из покупной ткани, а нижнюю, по-прежнему, из холста или уже поношенной фабричной ткани. По мере изнашивания нижнюю часть заменяли на другую. Таким образом, за время жизни рубахи можно было сменить 2–3 стана.

Нижняя часть рубах у подавляющего большинства переселенцев, называлась «стан», «станушка», «становина». Верхняя часть — «рукавами».

Длина стана, станушки была различной. Чаще всего нам рассказывали и показывали рукава с короткой станушкой. «Станушку длинной не делали. Женщины „грязные“ бывают, грязь через голову никак нельзя проносить. С рукавами обязательно носили нижнюю юбку — споднюю»; Переселенцы из Житомирской губернии называли такую юбку — «спидница» К. К. Плешкова (родители-выходцы из южного Урала): «У нас длинные рубахи были. Но под низ тоже надевали нижние юбки — „поднизки“ на резинке или на поясе» [156].

На особый способ соединения верхней и нижней части рубах обратила внимание Фурсова Е. Ф. Края рукавов и стана подрубались каждый в отдельности, укладывались рядом и скреплялись косыми стежками «через край». Все остальные части рубахи сшивались обычным бельевым швом. По ее мнению, это могло свидетельствовать о том, что поликовые рубахи являются результатом слияния в очень отдаленном прошлом набедренной и плечевой одежды [157]. В музейной коллекции такой шов встречается на рубахах алтайского (бухтарминского) происхождения.

Туникообразные рубахи продолжают сегодня сохраняться лишь в погребальном женском костюме (у перселенцев из Житомирской губернии бытовали поликовые составные рубахи) да в немногочисленных воспоминаниях старообрядцев. Почти забыто и название этого древнейшего вида женской одежды. Особенностью таких рубах было перегнутое пополам полотнище без плечевых швов, с двумя или четырьмя «бочками» и втачными рукавами. Алтайские, переселенцы называли такие рубахи (с четырьмя кошеными бочками) — «пропускнухами», уральские — «сквознухами» [158].

Такой вид одежды, по словам некоторых информаторов, в миру уже не носили. «У нас девица жила на Пее в сопках с монахинями. Так у нее рубаха — сквознуха была».

Ученые считают *рубаху с поликами* одним из самых типичных видов рубах для восточных славян. Полики — плечевые вставки соединяют переднее и заднее полотнища рубахи по утку или по основе. Ворот, таким образом, расширялся, и его можно было присобрать. «Ластовки делаем, чтобы ворот насобрать» [159]. Этот тип рубах был наиболее распространен и у приморских старообрядцев независимо от района выхода. Наиболее распространенным названием вставок было «ластовки», «ласточки», «полики».

Самое большое количество женских рубах в музейной коллекции — поликовые (прямые полики). По месту изготовления рубах в коллекции можно выделить три группы: рубахи старожильческого населения края (урало-сибирская группа), рубахи, принадлежавшие старообрядцам-синьцзянцам (бухтарминцы), рубахи, принадлежавшие старообрядцам-харбинцам, ныне живущим в США, шт. Аляска. Как я уже неоднократно отмечала, основу этой группы старообрядцев составили старожильческие семьи Приморья, бывшие жители долины р. Улахе.

По времени изготовления вся коллекция рубах может датироваться 50–60-гг. XX в. Все поликовые рубахи музейной коллекции-составные. Рубахи различаются прежде всего по материалу, из которого они изготовлены. Приморские рубахи сшиты из сатина, ситца, шелка, кашемира (одна рубаха — авт.). Синьцзянские рубахи — из китайского сатина с тканым рисунком, двухстороннего китайского шелка с тканым рисунком. Аляскинские-из шелка и тонкой шерстяной ткани. Две вторые группы одежды отличаются от приморской яркими цветами тканей.

Помимо этого, рубахи отличаются еще и некоторыми деталями кроя. Для приморских поликовых рубах характерна очень небольшая приборенность ворота. Воротник-стойка либо очеиь невысокий, либо ворот собирается под узкую обшивку, застегивающуюся на небольшую пуговицу. Женщины объясняли такую высоту воротника тем, что носили рукава чаще с сарафанами-горбунами, у которых также были воротники, поэтому второй воротник на рубахе был не нужен. Рукав прямой, чаще кошеный, кроится из одного полотнища, обшлага рукавов без манжет.

Синьцзянские и харбинские рубахи по крою не отличаются ничем: очень высокий воротник-стойка, закрывающий шею. Особенностью рубах является большая присборенность ворота и поликов. Рукава широкие, с широким манжетом. Особенностью оформления запястья рукавов синьцзянских рубах является собирание широкого обшлага рубахи в мелкую складку. Поверх складок нашивались манжеты, либо два широких канта.

Если говорить об украшении, вышивке рубах, то следует отметить, что приморские рубахи из нашей коллекции вообще не украшены (большая их часть — повседневные рубахи). Единственная нарядная рубаха украшена машинной строчкой (зигзагообразная линия) по шву проймы, вороту. Цветовая гамма современных рубах приморцев также не отличается яркостью. Яркие сарафаны и рубахи, присланные приморским старообрядцам зарубежными родственниками хранятся скорее как диковинные подарки, которые время от времени вынимаются из сундуков, лишь для того, чтобы полюбоваться ими. Рубахи «американских» старообрядцев из яркой и цветастой ткани украшены нашитой блестящей тесьмой.

Нарядный вид синьцзянским и харбинским рубахам придает декорировка ворота большим количеством мелких боров, мельчайших складок собранных на несколько ниток. Чем больше рядов ниток, тем шире боры, тем искуснее в шитье считалась девушка. Старики советовали молодым парням: «Вот у которой бор на 8 ниток, на той и женись». Кстати, в нашей музейной коллекции есть такие рубахи. Рукава рубах соединены с поликами с помощью «куколок», особым образом собранной ткани. Старообрядцы вспоминают, что старики особенно возражали против украшения одежды этими куколками: «У нас девчонки одни жили, богатые, отец из охотников. Мать им пошила одежду, и рукава сборила такими куколками. Приходят на службу. Дедушка к ним подходит и говорит: „Так больше не приходите. Встаньте в сторонку“. Отмолились. Призвал этот дедушка отца их и говорит: „Давайте решать вопрос, чтоб дети твои на службу с такими уборами не ходили“. Так раньше-то было...» [160].

Рубахи синьцзянцев, сшитые из одноцветной ткани, украшены вышивкой. В вышивке преобладают геометрические мотивы с древними символами плодородия. В вышивке используется традиционный для бухтарминцев декоративный шов — счетная гладь.

По мнению одних исследователей, *«бесполиковые»* рубахи являются более поздним типом рубах. По мнению других исследователей, бесполиковые рубахи являются старинным видом одежды: подобного кроя рубахи встречаются в смертной одежде «полячек» Бийского округа [161].

О бытовании здесь подобной одежды нами зафиксированы только воспоминания старообрядцев. И. И. Кочева, (уральские переселенцы): «Рубахи шили бесполиковые, рукав кроили от ворота» [162].

Вероятно, к наиболее позднему типу одежды относятся несколько *рубах на кокетке*, виденных нами во время полевой работы. Рубахи принадлежали выходцам из урало-сибирского региона (Южный Урал, Томская губерния). Обе рубахи сшиты из фабричной ткани, с плечевыми швами, с кокеткой (пелеринкой) и невысоким воротником-стойкой. Обе рубахи не имеют станушки. Использовались как моленная одежда и, по словам информаторов, сшиты ими в 30–40-х и 60-х гг. XX в. по образцу родительских [163].

Совершенно особый тип одежды — *рубашкообразное платье* носили алтайские старообрядки. Пока нами зафиксирована единственная информация об этом виде женской одежды, бытовавшей и в Приморье. Информация записана от Ксении Калистратовны Пугиной (дев. Шахурина). Мама ее вместе с родителями переселились на Дальний Восток довольно поздно в самом начале 30-х гг. из алтайского с. Корчино, Барнаульского уезда. «На праздники мама надевала платья, кашемировые, красивые. Мама такие платья „кашемирниками“ называла. На моленье ходила в сарафане. Мне такое же платье сшила родственница в 60-х гг. из простого уже материала» [164]. Платье по крою очень напоминало одну из разновидностей рубашкообразных платьев, о которых упоминает в своей монографии Е. Ф. Фурсова. У кержачек Северного Алтая бытовали так называемые «поморники» и «халадаи». Такая одежда кроилась по типу туникообразной одежды, с рукавами, невысоким воротником-ошейником, с застежкой на 3–4 пуговицы. Когда-то такая одежда использовалась как обрядовая, «смертная» или моленная. Но уже давно она носится как повседневная одежда. К началу XX в. поморники шили также и с пелеринкой. Халадаи служили праздничным нарядок кержачек. Общий вид такого платья напоминал рубашкообразные платья романского периода [165]. По воспоминаниям, Ксении Калистратовны, ее мама носила «кашемирник» с небольшим отложным воротником как праздничную одежду, в будни — такое же платье с небольшим воротником-ошейником. Кокетка, по свидетельству информатора, была только на спинке. Термин «поморник» Е. Ф. Фурсова связывает с возможным местом выхода старообрядцев — Поморьем. Наша следующая информация косвенно подтверждает это предположение. О подобном платье рассказывала нам З. Л. Сандалова: «У бабушки нашей платье было с пелеринкой и бориками» [166]. Родители Зинаиды Лукиничны принадлежат к одному из толков поморского согласия, родились на Алтае, прадеды-переселенцы из Вятской губернии, куда они пришли из северных губерний России.

Сарафаны. Не менее важной частью женского комплекса одежды был сарафан. В Приморье бытовало несколько типов сарафанов, которые различались между собой прежде всего по крою: косоклинный сарафан (распашной и глухой), прямой (круглый), сарафан на кокетке.

Косоклинный сарафан — почти не встречается сегодня в Приморье. Воспоминания и редкие образцы таких сарафанов зафиксированы нами преимущественно у уральских старообрядцев. По всей видимости, здесь бытовало два вида таких сарафанов: косоклинный глухой с продольным швом по центру и косоклинный сарафан распашной.

Косоклинный распашной сарафан имел частично зашитый разрез спереди, в верхней части застегивался на пуговицы и петли. Иногда петли нашивались вниз до подола и имитировали застежку по всему шву. Клинья создавали объем. К. К. Плешкова (выходцы из Южного Урала): «Раньше у нас и молитвенные и носильные все косоклинные были, в центре — обязательно шов, на пуговицах. Сильно кошеный был, трубчатый» [167].

Сарафан другого вида имел наглухо зашитый продольный шов по центру. Как известно, косоклинный тип сарафанов был распространен у северных и средних великороссов. Основным центром, откуда распространялся этот тип сарафанов, по мнению Г. С. Масловой, была северо-восточная Русь, и особенно Москва, во времена сложения централизованного государства. Позднее он стал общерусской одеждой [168].

Этот тип сарафана единодушно признается приморским старообрядцами наиболее архаичным типом одежды. Сегодня он уже совершенно вышел из употребления. А. П. Калугина вспоминала, что в годы ее молодости «такой сарафан носили только старухи на моленье...»; К. К. Плешкова: «Сарафаны косоклинные раньше чаще носили, сейчас очень редко встретишь» [169]. Люди же среднего возраста либо вообще не видели таких сарафанов, либо сохранили о них очень смутные воспоминания.

Среди забайкальских старообрядцев упоминаний о таком типе сарафанов чрезвычайно мало. «В Улунге (побережье р. Бикин) жили крепкие староверы. Они косоклинные сарафаны носили, иас они не принимали», — вспоминает Шарыпова [170].

В среде алтайских старообрядцев сохранилось гораздо больше воспоминаний о такой одежде. Переселенка из с. Б. Ануй М.М. Бессонова рассказала, что на родине она видела такие сарафаны — косоклинники только у чалдонов-поморцев, тогда как они предпочитали носить круглые и горбуны [171]. По рассказам наших информаторов, такие сарафаны шили из одноцветной ткани (хлопчатобумажной или шелковой).

В нашей коллекции всего три косоклинных сарафана, все они уральского происхождения. Два сарафана сшиты из шелковой ткани, один из хлопчатобумажной ткани с тканым рисунком. Центральный шов одного из сарафанов украшен широкими позументными лентами и хрустальными пуговицами. Владелицей сарафана была жительница Екатеринбургской губернии, Ирина Буйлова. Сшит сарафан в середине XIX в.

Наиболее распространенными типами сарафанов в Приморье стали круглый прямой сарафан и сарафан — горбач (горбун) — поздние типы сарафанов.

По мнению исследователей, *круглые сарафаны* по крою сопоставимы с западнославянскими рубахами на бретелях или с юбками на лямках, бытовавшими на севере Европы в древности [172]. За время колонизации Приуралья, Сибири эта форма сарафана распространилась и на этих территориях. В немалой степени этому способствовали и старообрядцы. Прямые сарафаны шились из 5–6 полотнищ, собранных в верхней части под узкую обшивку.

«Круглые», «прямые», «лямошные» сарафаны носили в Приморье все группы старообрядцев: старожилов и новоселов. Его использовали и как повседневную, и как праздничную, и как моленную одежду вплоть до 30-х гг. XX в. По свидетельству информаторов, переселенцев из Житомирской губернии, им вообще не известно слово «горбун». Круглые сарафаны как наиболее ранний для них вид одежды сохранен в погребальном комплексе [173]. Сегодня этот тип сарафана почти совершенно не используется в качестве повседневной одежды. Такие сарафаны более молодым поколением надеваются только во время праздников или службы. Исключение составляют несколько семей с. Усть-Соболевки. Нужно сказать, что женщины этих семей переселились в Усть-Соболевку в связи с замужеством из Хабаровского края, с. Березовки, где старообрядческая община проживает компактно и где до сих пор сохраняется обычай ношения традиционной «христианской одежды» в праздники и повседневно.

Некоторые старообрядцы считают именно этот сарафан наиболее ранней формой и единственно «праведной»: «ведь даже лямки на плечах у него там, куда крест кладем...» [174].

М.С. Суковатицина, жительница с. Перетычиха: «Горбуны презираю, их носят больше сибиряки, те, кто выехал оттуда. А в Приморье все носят круглые, я не видела горбуны до приезда в Перетычиху» (родители Марфы Семеновны по женской линии переселились из Поволжья в 1920 г.). Исследователи считают, что круглые сарафаны в Сибири появляются с начала XX в. и распространение их связывают с приездом российских переселенок [175].

Наибольшее распространение в Сибири, действительно, получили горбуны. Бессонова М.М. (Белый Ануй) вспоминала, что в годы ее молодости отношение к круглым сарафанам у стариков было отрицательным: «Все больше горбачи носили... Помню, выбирали нашему Лариону невесту. А она вышла к гостям в круглом сарафане. Дядя как увидел ее, заругался, что вышла она как распутная, гулящая девка и ушел. Свадьба расстроилась. А потом мы все стали носить сарафаны бореные и горбуны» [176].

Музейная коллекция старообрядческих сарафанов представлена в основном круглыми сарафанами. Почти все сарафаны нашей коллекции собраны на территории края. Исключение составляют несколько сарафанов, изготовленных синьцзянскими и харбинскими старообрядцами.

«Приморские» сарафаны принадлежали выходцам из Вятской губернии, уральским и алтайским переселенцам. Наиболее ранний по времени (нач. XX в.) изготовления сарафан принадлежал семье, где по мужской линии-выходцы из Вятской губернии, по женской-забайкальские семейские. Сарафан сшит из розового в узкую полоску кашемира. У сарафана (в коллекции еще четыре таких сарафана) спереди на пояске, по центру имееется разрез с застежкой на пуговицу. По рассказам С.Л. Гуменной, сарафаны специально так разрезали кормящие грудью мамы. Остальные сарафаны сшиты позже, в 30–70 гг. XX в. Сшиты из покупной ткани: сатина, штапеля, ситца. Большинство этих сарафанов являются будничной одеждой и не имеет никаких украшений. Несколько сарафанов — праздничные, сшиты из одноцветной, шелковой ткани. Сарафаны из музейной коллекции ничем не украшены, поскольку принадлежали пожилым женщинам. Молодые, по рассказам информаторов, украшали сарафаны оригинальными сборками-куколками. Сарафаны сшиты из 5–6 полотнищ. По воспоминаниям забайкальцев, они шили широкие сарафаны, до 8 полос. Коллекцию приморских сарафанов отличает опять-таки сдержанность цветовой гаммы, неширокий поясок, небольшая присборенность сарафанов на спинке. Узкие лямки у приморских сарафанов обычно сходятся в одну на спинке Одежда из ярких тканей, по словам информаторов, открыто подвергалась осуждению. «У мамы нашей, — рассказывала М.Г. Пугина, — сарафан был желтого цвета, она его еще из Сибири привезла. Как-то она его дома надела, а Фунтиков увидел ее и отцу пригрозил: отлучу тебя от собора. Тогда отец маме тоже пригрозил: еще раз наденешь, изрублю его на пороге. Так мама его больше и не одела. Потом отдала его мне и Уле. Уля наволочку сделала, а я юбку» [177].

Синьцзянские и харбинские сарафаны более широкие, вследствие этого более бореные. Особенностью этих сарафанов является украшение спинки. Поскольку на спинку приходится большая часть ширины полотнищ, спинка сарафана закладывается в большее количество мелких складок, идущих от пояска. Чтобы закрепить боры, пришивают поверх их несколько рядов красивой тесьмы, вьюнчиков или кантов. Лямки этих сарафанов чаще всего перекрещиваются на спинке.

Не менее распространен в Приморье и другой тип сарафана — *горбун или горбач*. Сегодня такие сарафаны несут информацию о возрасте старообрядцев: их носят, как правило, люди пожилого возраста, молодежь предпочитет круглые. А.А. Комов: «Молодежь носила на лямках, а женщины пожилые — „горбачи“». Такой сарафан распространен как вариант моленной одежды.

Одинаково часто встречаются в Приморье сарафаны двух типов: с кокеткой или пелеринкой и туникообразные.

Зафиксированные нами сарафаны с пелеринкой были сшиты 10–15 лет назад, хотя и по старым образцам. Такие сарафаны имели плечевые швы, невысокий воротник-стойку, или же без воротника. Спереди по центру-разрез, застегивающийся на ряд пуговиц. Обычно эти сарафаны имели одинаковую длину подола.

Среди туникообразных сарафанов чаще встречаются сарафаны с воротником-стойкой. Как поздние, все виденные нами сарафаны этого типа, имели плечевые швы. Над грудью от плеча делали два-три ряда складок, такие же складки делали на спинке. Среди таких горбунов нам встречались сарафаны с небольшими «хвостами».

Женщины упоминали также и о *горбунах-косоклинниках*. «Мама носила горбун косоклинный. И в лямошном ходили молиться. Главное, чтобы он был кошеный», — рассказывала Х.Е. Поварницына. Не следует смешивать настоящие косоклинные сарафаны с «косоклинными» горбунами и круглыми. Такая «косина» достигалась разрезанием сложенных вдвое полотнищ ткани по косой, после чего кромка сшивалась с косиной [178].

Сарафаны — горбуны обоих типов зафиксированы нами у всех групп старообрядцев, но наиболее распространены они у алтайских старообрядцев.

Своеобразной одеждой, которая начала появлятся у приморских старообрядок совсем недавно стали **талички,** платья традиционно бытующие в среде старообрядцев-выходцев из Турции. Этот вид одежды проделал длинный путь во времени и пространстве пока не достиг тихоокеанского побережья России. Их более массовое распространение в Приморье началось с 80-х гг. XX в., когда стала возможна более или менее регулярная связь между старрообряцами-россиянами и их родственниками, волей судьбы оказавшимися за рубежом, в Канаде, Северной и Южной Америке, куда в 60-х гг. XX в. переселилась большая группа старообрядцев-некрасовцев из Турции. Они-то и принесли с собой новый вид женской одежды — таличку, талик. Таличка трансформировалась из двух отдельных частей: безрукавного платья с пелеринкой, горбуна, и рукавов, которые носили под таким платьем. Не было пышной оборки по подолу. Сегодня в таличке рукава пришиты к платью, кокетка же кроится разными способами. Удобство талички было залогом ее быстрого распространения среди зарубежной диаспоры старообрядцев. Но только в быту. Старшее поколение харбинцев и синьцзянцев предпочитает сарафаны, считая их «христианской одеждой» и на молитву таличку не одевают. Через харбинских и синьцзянских родственников, живущих сегодня в Аргентине, Австралии, Бразилии, на Аляске таличка пришла в Приморье. Такие платья — распространенный подарок родственникам. В тех старообрядческих деревнях Хабаровского края, где обосновались сегодня харбинцы — реэмигранты, этот вид одежды весьма популярен среди женского населения. Она используется как праздничная одежда, как свадебная одежда. Если в начале нашей экспедиционной работы в крае талички крайне редко можно было увидеть у приморских старообрядок, то сегодня их стало гораздо больше, особенно в среде синьцзянских старообрядцев Приморья. Женщины гордятся такими красивыми подарками, их надевают в кругу семьи, в гости. И все же относятся к ним одновременно настороженно и снисходительно, как к «американской моде». Их никогда не надевают в качестве моленной одежды. Наша музейная коллекция пополнилась сразу несколькими образцами таличек еще в начале 90-х гг. XX в. Их подарила нашему музею чета Мартюшевых Прохора и Галины, жителей шт. Орегон.

Пояс. Обязательным элементом женской и мужской одежды был пояс. Пояса старообрядцы берегут как особую ценность. С ним связаны представления славян о непрерывном круге жизни, символе жизни. Поскольку с древнейших времен пояс известен как оберег, сакральный предмет, трудно переоценить его значение в семейной обрядности. Крест и пояс надеваются ребенку во время крещения, они сопровождают человека всю его жизнь до последнего дня. Поясом для новорожденного во время крещения служит как правило обычная льняная нить или плетешок из нити — «светиленки».

Не менее важен материал пояса во время обрядов крещения и похорон. Растительное, животное сырье, широко используемое в обрядах, осознавалось как природный материал-символ близости объекта к природе, недаром именно новорожденному и умершему надевали светильно. Символично завязывание и развязывание узла на поясе. Первое символизировало жизненную силу, крепость. На покойнике же узлы развязывали. Одним из обязательных подарков жениху был пояс. Цветные пояса служили и украшением в доме. «Мама полотенца вышивала очень красивые, крестом. Повесит их на палочке в простенок, палочку обовьет поясом, и концы с кистями вниз свисают. Это было единственным украшением в доме. У нас под таким полотенцем иконы висели» [179].

С особым благоговением показывали нам пояса, подаренные родителями как благословение. Вместе с расшитой бисером лестовкой хранится у Евгении Артемовны Сальниковой пояс, оставшийся от ее мамы, известной рукодельницы. Самой известной мастерицей по плетению поясов в г. Арсеньеве была Капитолина Кондратьевна Плешкова (дев. Булатова). Мы получили от нее в подарок для музея два пояса и «карточки» для тканья поясов. В с. Топлевое и Ясное были свои мастерицы — Комова Евдокия Родионовна и Бессонова Мария Матвеевна. Боюсь, что с их смертью ушло из этого района Приморья традиционное женское искусство тканья и плетения поясов. Но есть еще замечательные мастерицы на северном побережье. Анастасия Михеевна Караванова одна из них. Кажется, невозможно придумать такого женского занятия, которым бы она не владела в совершенстве. Свои таланты передает подросшим дочерям. Они умеют прекрасно шить, вязать, вышивать.

В современных общинах часовенных старообрядцев строго соблюдается правило обязательного ношения пояса, хотя носят его по — разному. Уральские старообрядцы больше привычны носить пояс на рубахе под сарафаном. Выходцы из других регионов предпочитают носить пояс поверх сарафана. Иногда это вызывает разногласия, но каждый старается одеваться так, как одевались его предки, как принято было, по их мнению, испокон веку. Так, в обшине токаревцев считают необходимым соблюдение главного правила: христианин должен быть подпоясан, но если нет традиционнго пояса, его может заменить ремень, пояс юбки, платья, брюк.

Мужской и женский пояса различались по ширине, орнаменту. Узким поясом подпоясывали рубаху, сарафан — более широким, опояски носили поверх зимней верхней одежды. Матерчатые пояса также известны с древнейших времен.

У старообрядцев чрезвычайно распространены пояса-именники, пояса с дарственными надписями. Г. К. Зайцев показал пояс жены. По словам Григория Кирилловича, «она шиться умела хорошо». Пояс с надписью выткан ей был еще в Китае, «на кроснах»: «Веселие есть юности премудрость, в ней пребывает, не приемлет скудость». Среди других надписей: «Сей пояс ткан на имя многоуважаемому племяннику Ивану Ефимовичу на память тети Глафиры поздравляю с праздником Хр (истовым)», «Сей пояс следует носить, не терять тому, кто мил сердцу моему», «Сей пояс следует носить Марфе Федотовне госпоже Сотниковой». Вспоминает Соболева Н. Ф., с. Усть-Соболевка: «У бабушки длинный пояс был из розового гаруса, на нем были вытканы слова из песни: „Рекруты, вы рекруты, буйные головушки, не видать вам, рекруты, родимой сторонушки". Она его распустила. Вот только клубок ниток и остался. Молиться, говорит в нем все равно нельзя» [180]. Пояса со словами молитв: «Господи Исусе Христе сыне Божий помилуй нас Аминь. На память Ирине», «Да воскреснет Бог и разыдутся врази его».

Техникой плетения поясов вручную хорошо владеет Е. Р. Шишкова. Несколько таких поясов она подарила музею.

Наиболее распространены в Приморье тканые пояса. Есть несколько способов тканья поясов. В Приморье бытуют способы, не требующие специального ткацкого станка: «на дощечках», на «карточках», на «топках» и на «ниченках». Санникова Е. А., с. Максимовка: «Мама, ох и любила ткать да вышивать. Семья-то у них христианская была, работать все привычные. А на праздник-то нельзя работать, а мама хоть и в девушках еще была, гулять не шла, убежит в сад плетет или вышивает. Пояс шелковый от нее мне достался. Она его еще в девушках плела. Ткала на карточках, они из дерева делаются» [181]. Основывают нитки обычно на длинной лавке. В прежние времена обычно для изготовления поясов использовали гарусные нитки. Этими тонкими нитками можно было выткать любые тончайшие узоры и надписи. Карточки или дощечки изготавливаются из очень плотного картона или дерева. От их количества зависела ширина пояса. Поскольку сведений о владении этим ремеслом по краю немного, определить какие-то региональные предпочтения сложно. Нами записаны сведения о тканье на карточках от уральских и синьцзянских старообрядцев.

Плетение «на ниченках» более распространеио в крае. Такое тканье было прототипом тканья иа станке. Основанные нити прикрепляются к стене, другой их конец закрепляется на поясе ткачихи. Для тканья необходим «навой»- круглая дере-

вянная палочка, на которую наматываются нити, одна сверху, другая снизу. «Ниченки» представляют собой две металлические или деревянные палочки с двумя рядами нитяных петель, продетых одна в другую. Для прибивания нитей необходимо трепало, похожее на небольшой деревянный нож. Нити на поясе крепятся с помощью деревянных рогулек.

Музейная коллекция поясов невелика по объему. Большую часть ее составляют пояса тканые, изготовленные на территории края в период 50–90-е гг. XX в., редким исключением являются несколько образцов начала XX в. Немалую часть в коллекции составляют пояса, изготовленные старообрядцами, живущими сегодня в Америке, Австралии, Боливии и т. д.

Эти две группы поясов различаются прежде всего по колористическому решению.

Яркие краски харбинских, синьцзянских, аляскинских поясов режут глаз. Излюбленные сочетания цветов: ярко-розовый с ярко-зеленым, ярко-желтый с красным и т. д. Цветовая гамма приморских поясов приглушенных, мягких тонов. Отчасти, это можно объяснить скудным ассортиментом ниток в советской торговле в это время. И все же, думается, такое цветовое решение поясов и костюма, в целом, является особенностью приморских старообрядцев.

Орнамент приморских поясов исключительно геометрический, симметричный, повторяющийся: линейный, крестовый, ромб с крючками и т. д. Многие эти мотивы отражают, по мнению исследователей, космогонические представления человека. Пояса, вытканные Капитолиной Кондратьевной Плешковой (родители переселенцы с Алтая), отличаются от других орнаментальным мотивом, который используется ей наиболее часто: отдельные элементы геометрического орнамента, составленного из небольшой цепочки фигур прямоугольника, ромба, треугольников, чередующихся с надписями или отдельными буквами. Как предполагает Л. М. Русакова, такое сочетание геометрических и геометризованных мотивов, наличие надписей, древнейшая техника тканья может говорить о том, что орнамент является текстом, а сами мотивы знаками еще не известного в науке письма., по характеру близкого к идеографическому. Л. М. Русакова анализировала орнамент алтайских старообрядцев, нами такой орнамент зафиксирован у выходцев с Южного Урала [182].

Передники. Передники были составной частью и повседневного и праздничного женского костюма.

За время полевой работы нами было зафиксировано на территории края лишь два типа передников — запон с грудкой и фартук, который носят на поясе. Судя по воспоминаниям старообрядцев, в прежние времена разновидностей передников было больше.

Туникообразные передники, шившиеся из полотнища ткани, перегнутой пополам, бытовали в России довольно широко. По мнению исследователей, по своему происхождению они связаны с туникообразной одеждой и были распространены у южновеликоросов, частично во Владимирской, Московской, Вятской и Новгородской губерниях [188]. В Приморье таких передников нам увидеть, к сожалению, уже не удалось. Мы зафиксировали лишь воспоминания о них старообрядок, переселенцев с Волги. Х. А. Давыдова, с. Единка: «Детьми мы носили накидной запон». М. С. Суковатицына, с. Перетычиха: «Фартук носили — перекидной запон, без рукавов» [189].

Редкий для Приморья тип передника привезли поздние переселенцы — небольшая группа «синьцзянских» старообрядцев, выходцев из района рек Бухтармы, Уймона — передник-нарукавник. Передник изготовлен из черной хлопчатобумажной ткани. Прямоугольный кусок ткани (он же кокетка) перегнут по утку и в центре его вырезано отверстие для головы. Широкий подол пришивают спереди к кокетке, закладывая его одновременно в мелкие складки. Стык пелеринки и полотнища прикрывают прямоугольным пояском, украшенным вышивкой и кантами. Переднее полотнище заходит на спинку, оставляя большую ее часть открытой. В образовавшиеся проймы вшивают прямые рукава, головку рукава закладывают в мелкие складки. Нижнюю часть рукава также закладывают в мелкие складки и обшивают сверху двумя широкими шелковыми кантами, имитируя манжет. По подолу — широкая оборка. Ученые считают, что такой тип одежды свидетельствует о слиянии одежды типа вологодских нагрудников и севернорусских нарукавников [190]. Укороченная сзади часть передников, по сведениям Е. Ф. Фурсовой, имела функциональное значение, поскольку такие передники были предназначены для беременных женщин. Такой крой обеспечивал максимально свободную форму. Наша полевая информация полностью подтверждает сведения Е. Ф. Фурсовой. Е. С. Ошлакова (синьцзянские старообрядцы), Х. Е. Поварницына (переселенцы из Пермской губернии) рассказала, что такие нарукавники носили как праздничную одежду молодые беременные женщины [191]. Нарукавник украшен вышивкой: по пелеринке, оборкой и нашитыми кантами.

У алтайских старообрядцев сохранились воспоминания о ношении на родине передников с лямками. (Белый Ануй). «Нарукавники носили бухтарминцы, а мы носили „рукава“ с лямками». Этот же тип передника известен переселенцам из Пермской губернии [192]. Этот поздний вид передников сменил передник — нарукавник, но продолжал еще сохранять в своем названии память о более архаичной конструктивной особенности.

Передники с отрезной верхней частью — запон с «грудкой», «нагрудкой», распространены среди старообрядцев уралo-сибирского происхождения. Грудка имеет прямоугольную форму, собранную обычно в верхней части и в месте состыковки ее с основным полотнищем. На шее грудка крепится петлей из того же материала или тесьмы. К грудке пришивается широкое полотнище с вязками для крепления на поясе. Такие передники также назывались «запонами». К. К. Пугина (переселенка из Томской губернии с. Корчино: «У нас носили только фартук — передник и запон с нагрудкой. Девушки фартуков не носили» [193]. Грудка в таких передниках в верхней части украшалась полосами кружева.

Поясные фартуки, как поздний тип, в немалой степени испытавший влияние городской моды, широко распространен в Приморье, сохраняет название «запон».

А вот для старообрядцев — переселенцев с Украины, Житомирской губернии такой вид фартуков является традиционным. Он продолжает сохраняться у людей старшего поколения даже среди городского населения.

Головные уборы. Полевые материалы убеждают нас в том, что на территории края сохранились только поздние виды женских головных уборов.

Женские и девичьи головные уборы весьма отличаются друг от друга. Традиционно для славян девушки не закрывали волосы головным убором, в то время как женщины их должны были тщательно скрывать. Это, прежде всего, объяснялось религиозными и этическими воззрениями. Даже во второй половине XIX в. глубочайшим позором и бесчестьем считалась для женщины попытка сорвать с нее головной убор. Вспоминает А. М. Савина: «Как шашмуру одели, когда брачили, так все и ношу не снимая, без нее, как голая» [194]. Очень долгое время сохранялась и продолжает еще сохраняться вера в магическую силу женских волос. Некоторые пожилые старообрядки рассказывали о том, что расчесываясь, женщина не можеть бросить свои волосы нигде, даже сжигать в огне не позволялось. Нужно собирать свои очески всю жизнь. После смерти женщины из ее волос делают подушку и кладут в гроб или просто в могилу [195].

По рассказам старообрядцев — переселенцев из различных регионов России, девушки обычно заплетали косу из трех прядей волос, укладывая каждую снизу наверх. В косу вплетали обычно цветную ленту. О каких-то специальных девичьих головных уборах нам долгое время не удавалось записать никакой информации, пока не познакомились мы с головщицей ар-

сеньевской общины И. И. Кочевой (переселенцы из Пермской губернии). Она и показала нам девичий головной убор- повязку, которую она носит не снимая в течении многих лет: в связи с тяжелейшей простудой и параличом ног она так и не вышла замуж. Ирина Иосифовна рассказала нам, что девушке было положено носить такой головной убор до замужества. «Девственник» (так называют его уральцы и сибиряки) представлял собой широкую ленту из синего бархата с подкладом. Повязка обхватывала голову и спускалась с затылка 3 широкими лентами (2 на грудь, 1 на на спину). Ленты украшены парчовой каймой и тесьмой с позументом [196]. Подобные головные уборы были известны в северовеликорусских губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой. Хоронят девушек в платках или девственниках.

Женские головные уборы были более разнообразны. Наиболее распространен в Приморье поздний вид головных уборов, сшитых в виде шапочек, облегающих голову — повойников, которые больше известны под названием «шашмуры», «чечмуры». Так называют этот головной убор переселенцы с Алтая, Забайкалья.

Переселенцы из Уфимской, Пермской губерний называют такие головные уборы — волосниками, чехлами или чехликами, чепчиками. Е. А. Сальникова, Уфимская губерния: «Мама носила на косах, заплетенных и уложенных короной — „чехол", „чехлик", а у меня нет, я не браченная, не венчанная. Первый раз сама замуж выходила, никого не спрашивала, а во второй только мама благословила, вот и хожу простоволосая» [197].

Переселенцы из Житомирской губернии называют такие головные уборы чепцами. Черняева П. К.: «Мама и свекровь еще носили чепец, мы уже нет. По дому носили чепец и платок. Платок вывязываем так: сначала один платок завязываем назад, сверху другой под подбородок» [198].

Сашмуры шили из мягкой ткани — ситца, штапеля, праздничные — из шелка. По крою они состояли из двух частей: налобника, прямоугольного куска ткани, сложенного вдвое или на подкладе, иногда простеганого, и донышка, овальной или трапециевидной формы. Донышко обшивалось с трех сторон налобником и присбаривалось. В лобную часть головного убора вшивается «рубечик», жгут, валик из материи. Иногда он бывает довольно большим в диаметре и очень заметен под платком. Иногда в это место вшивают только ниточки, льняные или суровые. Поварницына Христинья Ермиловна особо отмечала важность вшивания нитей: «Хоть три ниточки, но нужно вшить. Когда брачат, у тебя обязательно спрашивают. Вшиты ли нити?» [199].

О редком виде женских головных уборов рассказала нам переселенка из Уфимской губернии Е. К. Стулова: «У мамы был такой волосник, с дырочкой на голове, который затягивался веревочкой. Я такого ни у кого здесь не видела» [200]. Возможно, такой головной убор можно отнести к разряду сашмурообразных. Подобный редкий и старинный тип шапочек сохраняется в комплексе погребальных головных уборов в Прибердье и Причумышье на Алтае [201]. По мнению Х. Е. Поварницыной, такие головные уборы носят вдовы. «Волосники с дыркой вдовы носили. Мама как овдовела, пошила себе такой. Донышко не пришивают, а стягиват лоскут с двух сторон» [202] «Шашмуру» обычно носили все время, снимая ее только на ночь. Повседневно по дому носили ее вместе с платком, повязывая его сзади. На моленье, на службе на женщине должно быть 3 покрова, объясняли нам старообрядки, поэтому поверх шашмуры, платка, надевали еще один платок — большой. У алтайских, уральских старообрядок платок повязывался «на роспуск»: подгибалась одна сторона платка, надевалась на голову и закалывалась булавкой. Уалтайских старообрядок (токаревское согласие) платок складывали на угол и закалывали также булавкой под подбородком [203].

О комплексе с кокошником припомнила только одна К. К. Плешкова, переселенка из Южного Урала: «Мама на праздники носила волосник, кокошник и платок» [204].

Кичкообразные сложные головные уборы с твердой основой характерны для великорусов. Они состояли из нескольких частей: собственно **кички,** позатыльника, налобника и большого платка. Одну из таких кичек подарила музею Островская Лилиана Михайловна. Кичка принадлежала ее маме, Спиридоновой (дев) Федосье Ивановне. Кичка сшита в виде шапочки из ситцевой ткани. Передняя часть с твердым гребнем копытообразной формы, сшитым из простеганного холста и обтянутым таким же ситцем, из которого сшита шапочка. По мнению Н. И. Лебедевой, кички такой формы представляли позднейшую модификацию рогатых кичек [205]. Сзади на кичку надевали позатыльник, который крепился на головном уборе с помошью завязок. Подобные узкие позатыльники в виде полосок 2х10см, расшитые золотыми нитями, характерны для Русского севера. По краю кички спереди пришивали узкую полоску — «пояску», обычно расшитую цветным бисером. По рассказам Л. М. Островской, платок надевался непосредственно на саму кичку, два конца перекрещивались на очелье, завязывались сзади, третий конец спускался на плечи.

Подобные головные уборы в крае известны только забайкальским семейским. Сохранились воспоминания переселенцев из Алтая (Белый Ануй) о том, что подобные кички были известны бухтарминским полячкам: «Кичку носили бухтарминские с шалями, концы перевиты на лбу и прячут их на затылке, сзади конец платка закрывает плечи, называется „хлыст"» [206].

Украшения. О женских украшениях сведений сохранилось чрезвычайно мало. Нам ни разу не удалось увидеть вживую ни одного женского украшения. «Украшения носить грех, не по-христиански. Только кольца»... Большинство наших собеседников вспоминало лишь о наличии обручальных колец. Изготавливались они из различного металлла, но чаще из серебра, серебряных двадцатикопеечных монет. Я уже упоминала, что в районе р. Халазы были месторождения рассыпного золота. «В 12 верстах отсюда (от х. Халаза — авт.) была даже деревня „Золотой прииск". Наводнением ее смыло... Многие здесь золото мыли...» [207]. Поэтому в крестьянских семьях в этих местах нередки были обручальные золотые кольца. В. И. Деминов рассказывал, что кольца многие сами делали. Ему, как кузнецу, часто приходилось это делать. Изготавливал он их способом выколотки. Такое кольцо и для жены своей из золота сделал.

Старинные фотографии из нашей музейной коллекции и из семейных альбомов несколько расширили нашу информацию о женских украшениях. Очень часто на них изображены девушки и молодые женщины в красивых ажурных воротниках. Видимо, эти украшения были распространены среди старообрядческого населения, популярны, модны. Наши собеседницы припомнили, что, действительно, такие воротники были у бабушки или мамы. Забайкальские семейские, выходцы с Алтая (Белый Ануй) называли такие воротники — «ряска», «монисто». М. М. Бессонова: «Много бус носили молодые, жемчуг мелкий черный, много ниток, сережки. Из жемчуга низали воротники-ряски, на позатыльник вышивали... Пожилые украшений не одевали»; А. Т. Николаева (забайкальские семейские): «Мама говорила, что у нее раньше много бус было, „монисто" называлось, они из мелкого бисера были». Особая любовь семейских к украшениям не однажды отмечалась многими информаторами: «Семейские бабы все в бусах и сапогах...» [208].

Самарские такие воротники называли — «перединка». Е. Р. Шишкова: «На груди у женщин бисерный воротник, называли его „перединкой"» [209]. Цветной бисер, стеклярус нанизывались на нить сквозной, ажурной сеткой. Готовая работа напоминает кружева, связанные крючком, воздушными петлями. Орнамент чаще всего геометрический. К сожалению, фотогра-

фии черно-белые и говорить о цветовом решении этих украшений не приходится. По мнению исследователей, подобные нагрудные украшения свидетельствуют о наличии в культуре старообрядцев Приморья южнорусских черт [210]. Столь распространенных у семейских старообрядцев янтарных бус мы не увидели, к сожалению, даже на фотографиях... Не сохранили.

Сарафанный комплекс продолжал бытовать на территории края до начала XX в. не только в качестве праздничной и обрядовой одежды, но и повседневной. Носили сарафаны преимущественно уже только с поликовыми рубахами. Выбор типа сарафана определялся прежде всего региональной принадлежностью старообрядцев. Довольно быстро выходят из употребления косоклинные сарафаны, даже в качестве моленной одежды их носят только пожилые женщины. В качестве домашней одежды ношение юбки и кофты наряду с сарафаном отмечено у старообрядцев — переселенцев с Украины [211]. Только у них сохраняется название нижней юбки — «спидница», характерное для украинского населения. Название «понева» нами пока не зарегистрировано ни у одной группы старообрядцев.

Край развивался стремительно, хлынули в старообрядческие деревни новоселы из России и Малороссии. И хотя обживали они пока деревенские окраины, беспокойства приносили старообрядцам немало. Уберечь молодежь от другой жизни с ее новыми обычаями, порядками, школами, верой было невозможно. Особенно сложно приходилось старообрядческим деревням, расположенным в непосредственной близости от городов, волостных центров. Не успели старики оглянуться, а внуки шеголяли уже в сапогах со скрипом и картузах, внучки в городских парочках: юбках и кофтах. Одежду, состоящую из кофты и юбки, сшитую из одинакового, контрастного или сочетающегося по цвету материала, стали называть «парочкой». Эта городская одежда по причине относительной дешевизны, практичности, удобства быстро распространилась среди городского и сельского населения. По новой моде кофты шили прямого или чуть расширенного книзу кроя, с длинным втачным рукавом и воротником-стойкой. Кофты шили короткими. Какое-то время их носили еще, надевая поверх сарафана, но такой вариант все же был быстро вытеснен более практичным вариантом *«кофта поверх юбки»*. На старых фотографиях начала XX в., сделанных в Уссурийске и во Владивостоке, довольно много молодых людей из с. Красный Яр, одетых по-городскому. Видимо, молодые женщины приезжали повидать своих мужей по месту службы и запечатлели встречу. Пожалуй, и не отличишь с первого взгляда модницу от горожанки. В первую очередь такие наряды появлялись у молодых девушек и женщин из зажиточных семей. К началу 30-х гг. XX в. парочка стала весьма распространенным явлением и среди сельского старообрядческого населения. Василий Илларионович Деминов вспоминал, что его мама в 30-х гг. XX в. в с. Усть-Соболевка носила «юбку с кофтой. Кофта поверх юбки, украшена складочками, воротник-стойка, а по центру мелкие пуговицы» [212].

Пожалуй, первой новомодной переменой в женских рубахах и кофтах стал воротник. Теперь его все чаще шили отложным. «Раньше рубахи не шили с отложным воротником, грех было! Отец, если увидит на нас такую рубаху, сильно ругался на маму: „Ты чего нашила? Хочешь, чтобы Фунтиков от собора отлучил?“», — вспоминала М. Е. Деминова [213]. Запреты мало помогали, и единственное, что примиряло стариков с новомодными парочками, так это длинные рукава, воротник-стойка.

Еще одним новшеством стало быстрое распространение юбки. Молодые девушки, женщины из крестьянских, зажиточных, семей, живущих в городе ни за что не хотели носить сарафаны. Юбки шили из самодельного сукна, шерсти. «Мама носила юбки суконные и шерстяные с „уборкой“» [214].

Платью пришлось гораздо дольше завоевывать себе жизненное пространство в старообрядческой среде. Вытеснение традиционной одежды в старообрядчеких общинах происходило с разной скоростью. Так, в селах Западного Синьцзяна (Китай), где старообрядцы долгое время жили компактно и более или менеее изолированно, традиционная одежда сохранялась дольше. Рассказывает Т. М. Выходцева: «Платья в 50-х гг. в моду только начинали входить. Я тайно сговорилась со старшей замужней сестрой и сшила себе платье длинное, рукава длинные, ворот глухой. Так хотелось показать его подружкам. Как старухи отмолятся, молодые гулять шли. Я платье тайно одену в сарае и иду гулять. Темно было, не видно... Ничего! Зато в платье. Кто-то, видно, сказал старикам, что я ношу платье антихристское. Матери молиться со всеми не разрешили и епитимью наложили суровую» [215]. В старообрядческих общинах Приморья этот процесс шел быстрее. «В 1936 г., — вспоминает Х. Е. Поварницына, — тятя сам купил мне платье „в татьянку“» [216]. Старинная одежда, состоящая из сарафана и рубахи, стала со временем знаком, маркирующим конфессиональную старообрядческую группу. Революционные преобразования создали новые социально-политические условия, в которых ношение такого костюма, стало просто опасным. «Когда я стала носить городскую одежду, отец не возражал, — вспоминала А. Т. Николаева (жительница с. Красный Яр), — Он не хотел, чтобы нас замечали как староверов. Единственное просил, чтоб рукава длинные были» [217].

Мужская одежда.

Для музейщиков не секрет, что мужская одежда сохраняется гораздо хуже женской. К началу наших полевых исследований в музее не было ни одного экспоната, характеризующего мужскую одежду старообрядцев Приморья. Но даже по прошествии более чем пятнадцати лет архистарательного комплектования экспонатов по этой теме музейная коллекция по этой теме насчитывает сегодня чуть больше двадцати предметов!

О старинных мужских рубахах сохранились воспоминания лишь у пожилых старообрядцев. «Мама говорила про обычай в Сибири: жених в длинной рубахе, без штанов, завернется в тулуп или шубу и едет свататься к невесте». Х. А. Давыдова, с. Единка: «Штаны мужчины носили из льна. Дед Григорий рассказывал, что жениться пошел, так и штаны надел, а так рубаху длинную носил» [218].

Материалом для мужских рабочих рубах была домотканина, льняная, конопляная. В зажиточных семьях этот материал быстро вышел из употребления. Самым распространенным материалом стал фабричный ситец, сатин, кашемир. Из домашнего сукна шили мужские рубахи без воротников и носили зимой.

К. Т. Коробейникова, с. Кр. Яр: «У отца кашемировые рубахи были, линяли очень. Женщины их стирали в кислом молоке» [219].

Характерной особенностью мужских рубах еще до начала 30-х гг. XX в. была подоплека-подклад в верхней части рубахи, которая предохраняла рубаху от быстрого изнашивания.

Наиболее архаичным кроем мужской одежды считается **туникообразный.** Такой крой нами зафиксирован только в смертной одежде переселенцев из Синьцзяна (по происхождению бухтарминцев). Рубаха была сшита из цельного перегнутого по плечам полотнища (домотканое полотно), без боковых клиньев. Вырез ворота-круглый, без воротника с небольшой прорезью. Рукава прямые без ластовиц.

В музейной коллекции есть еще одна рубаха туникообразного кроя. Рубаха сшита в начале XX в., из кремовой шелковой ткани фабричного производства. Центральное полотнище не имеет плечевых швов. К нему пришито четыре кошеных бо-

чка (по два спереди и сзади). Кошеные рукава вставлены в образовавшиеся отверстия. Рукава без манжет. Воротник-стойка с косым левым разрезом, с вышитым «приполком». Рубаха имеет подоплеку. Принадлежала она семье старообрядцев Кайгородовых-Спиридоновых, жителям с. Красный Яр и г. Владивостока (забайкальские семейские). В мужских рубахах выходцев из Поволжья сохранялся разрез, расположенный справа. Такой разрез был характерен также для выходцев из Вятской и уральских губерний.

Появление фабричной ткани, ее большая ширина способствовало быстрой унификации кроя одежды. Самым распространенным у приморских старообрядцев был поздний тип мужской **рубахи — с плечевыми швами**, воротником-стойкой. Такой тип бытовал у старообрядцев всех регионов: Алтая, Забайкалья, Сибири, Урала.

Судя по рассказам старообрядцев, по старым фотографиям праздничные, свадебные рубахи украшали вышивкой. Располагали вышивку на воротнике-стойке, «приполке», «нахлестке», «ашлагах» и подолу. Орнамент растительный: цветы, листья, виноградные гроздья. Нитки традиционно черного и красного цветов. Чаще всего вышивали мелким «крестиком».

Большую часть музейной коллекции представляют рубахи «харбинцев», обосновавшихся на Аляске в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. и подаренные музею П. Г. Мартюшевым. Эти рубахи (для мальчиков и для мужчин) были сшиты на Аляске в это же время. Крой их соответствует позднему крою рубах с плечевыми швами. Мужские рубахи также, как и женскую одежду харбинцев, отличают яркие тона тканей: ярко-розовый, зеленый, ярко-голубой. Украшением рубах служит вышивка: растительные мотивы. Вышиты рубахи как «крестиком», так и гладью.

С начала XX в. в зажиточных семьях приморских старообрядцев в качестве праздничной мужской одежды быстро входило в обычай, моду ношение «**пинжаков**». Это новомодное явление вызывало обеспокоенность старшего поколения, появилось на этот счет даже особая статья в Бикинских соборных уложениях: «Пинжаки и сапоги со скрипом... не носить, а носить обычную християнскую одежду» [220]. Носили их молодые мужчины. Изготавливали их из сукна домашней работы К. Ф. Рыжакова: «На свадьбу муж был в суконном пиджаке, покупном. А вообще сами били сукно».

Обычной набедренной мужской одеждой были **штаны** из льняного холста, белого или крашеного. К началу XX в. такая одежда сохранялась в старообрядческих семьях в основном как рабочая одежда. Зажиточные семьи покупали фабричную ткань. Говорить о региональных особенностях кроя мужской поясной одежды не приходится, поскольку образцов ее не сохранилось. Единственный виденный нами образец штанов из холста сохранился в комплексе похоронной одежды синьцзянских старообрядцев. Мы отмечали, что появление этой группы старообрядцев в Приморье не случайно, они были связаны с более ранними переселенцами из Бийского округа Томской губернии земляческими и, вероятно, дальними родственными узами. Следовательно, можно предположить, что такой крой одежды бытовал и у части приморских старообрядцев, переселенцев из района Верхнего Приобья. Старообрядцы синьцзянской группы рассказывали о бытовавших у них на родине холщовых штанах- «чембарах». Г. К. Зайцев (родился в Восточном Казахстане, с. Погуляйка): «Штаны холщовые-чембары. Одеваешь их, потом сапоги. Гачи заворачиваешь до колена, подвязкой перетягаешь вместе с голенищем обуток. Вверху „гасник", веревка по-вашему» [221].

Совсем недавно появился в музейной коллекции образец мужских охотничьих штанов из кожи изюбря-«лосинки». Штанины их скроены из двух прямых кусков кожи, соединенных небольшими клиньями-вставками.

Мужские головные уборы. Основным летним, сезонным мужским головным убором остается традиционная **шляпа.** Материалом для ее изготовления служила овечья шерсть, из которой сами катали шляпы. Летом носили «самошитые» холщовые шляпы. «Шляпы катали из войлока на болванку». Довольно быстро в Приморье вошли в обиход покупные шляпы.

Картуз, по мнению исследователей, вошел в состав русского костюма в первой половине XIX в. Особенно широко он был известен в губерниях центральной части Европейской России и на Волге. В середине XIX в. он бытовал уже в уральских и сибирских губерниях России [222]. Старообрядцы-переселенцы из Житомирской губернии считают этот вид головных уборов традиционным для себя. А. А. Готовская, с. Ивановичи: «Наши мужчины носили на голове картуз»; П. К. Черняева: «У нас мужчины ходили в фуражках, и в старые времена тоже» [223].

Приморские старожилы-старообрядцы долго сопротивлялись новой моде. Запрет на ношение такой одежды специально оговаривался в соборных уложениях: «...кепки и картузы не носить...» [224]. Я уже упоминала, что семье Деминовых, приехавших по столыпинскому переселению в Кхуцин, не разрешили там остаться по той лишь причине, что мужчины приехали в картузах.

Традиционной и христианской одеждой считалась зимняя **шапка-папаха**, сшитая из овчины, меха диких коз: «Мама рассказывала, в Сибири еще папахи были, а здесь уже больше шапки-ушанки»; Комов А. А.: «Шапки носили из мерлушки, типа „папахи", без ушей, книзу расширенная». К. К. Плешкова: «Зимой мужики носили шапки из яманов-горалов в форме папахи» [225].

Шапке-ушанке (треуху), как нехристианской и греховной одежде, пришлось перенести немало гонений, прежде, чем занять свои крепкие позиции в традиционном комплексе русской одежды. Такие качества как удобство, простота изготовления решили исход спора однозначно в пользу шапок. Она стала просто незаменимой частью охотничьей одежды. Шапки шили из овчины, козлиного меха. Делали шапки целиком из меха, но чаще тулью шапки делали из сукна. Традиционный крой **шапок-треухов** отличает полусферическая тулья и высокий полукруглый козырек. В. И. Деминов показал традиционный раскрой шапки-ушанки.

Верхняя одежда. Верхняя одежда призвана была защитить человека от воздействия внешней среды: ветра, холода. Ее надевали поверх домашней при выходе на улицу. Известно, что верхняя женская и мужская одежда различались не кроем, а некоторыми деталями или украшениями.

Особым разнообразием верхняя одежда приморских старообрядцев не отличалась. Информаторами было названо лишь три-четыре наименования: шуба, (полушубок, тулуп), зипун, шабур, пониток, доха.

За время полевой работы мы неоднократно замечали, что зачастую региональные названия одного и того же вида одежды не совпадало. «Иногда до того доходило, что совсем не понимали, о чем речь. Знакомая наша из Кошкаровых, из Сибири, ночевала раз в доме сестры моей. Ночью-то ей холодно стало. Она кричит: „Закройте меня лопотиной (обшее название одежды, распространенное на Алтае, Сибири)". Муж сестры ничего не понимет, будит жену: „Галя, проснись, чем ее закрыть-то она просит?"» (информация Х. Е. Поварницыной, переселенцы из Пермской губернии) [226]. М. Е. Деминова (переселенцы из Енисейской губернии) вспоминала: «У нас жили в селе Мокроусовы (более раннее место выхода Мокроусовых — Самарская губерния), все не так как мы называли. Чай по ихнему „шабаган". Мы — шабур, а они говорят: „Надевай зипун". А они такие же, как наши шабуры. Вот и пойми их. Да-а. Это уж какой у кого обычай был, так и называли» [227].

Шабур, зипун, пониток как верхняя одежда были известны и использовались выходцами из всех регионов России.

Шабур в качестве мужской и женской верхней одежды бытовал в Приморье у переселенцев с Урала, из Енисейской и Томской губерний. Материалом для их изготовления служила пониточина: основная нитка — холщовая, уточная-шерстяная, а также сукно («кто побогаче, суконные шабуры носил, кто победнее из понитчины»). О шабурах из исключительно холщовой ткани упоминает М.Е. Пугина. Более раннее место выхода семьи Пугиных — Урал, Невьянский завод. По ее воспоминаниям, шабур преимущественно использовался как сезонная одежда, весенне-осеннего периодов, а также летом. Исследователи отмечают, что шабур как сезонная и летняя одежда наиболее известен на Урале, где его шили исключительно из холщовой ткани [228]. Крой шабура был халатообразный, распашной, прямой, длина до колена. Рукав втачной. Без воротника или с небольшой стойкой. Застежка на пуговицах. Пуговицы делали из небольших деревянных палочек. Для осени шабуры шили на подкладке из оческов льна. Такую одежду, как мы уже говорили, выходцы из Поволжья называли «зипуном». Использовали шабуры в качестве повседневной и рабочей одежды [229].

Пониток имел аналогичный халатообразный крой, распашной. Шили его разной длины, до колен или более коротким, «как пинжак». Рукав втачной. Известны варианты без воротника и с воротником-стойкой. «Короткие понитки, как пинжаки, с пуговизами, а то еще без пуговиц, запахиваться надо, а сверху опояской подвязываться. Опоясок широкий 5–7 см. Это мужчины так носили». Основным материалом для изготовления понитка выходцы из сибирского региона называли сукно и понитчину [230].

Зипун в качестве зимней одежды носили мужчины. Этот вид одежды назывался всеми переселенцами из урало-сибирского региона. Алтайские переселенцы из Барнаульского уезда и Бийского уезда говорили, что зипуны использовались мужчинами как рабочая одежда и изготавливалась из толстого сукна. Уральские же переселенцы рассказывали, что зипуны были принадлежностью только мужской одежды, но изготавливали ее из полусуконной ткани, одна нитка холщовая, другая шерстяная. «Мы звали такую одежду зипун, а другие — пониток, понитчина», — недоумевают уральские переселенцы. Крой, по свидетельству информаторов, преимущественно был кафтанообразный, отрезной по талии, «бореный спереди и сзади», рукава втачные, длина до колен и ниже. Без воротника, с воротником стойкой и даже с отложным воротником (о таком воротнике нами зафиксирована пока единственная информация от переселенцев, в роду которых мать, переселенка из Украины) [231].

Не менее распространенной зимней одеждой, в самое холодное время года были **шуба и полушубок**. Эта одежда использовалась как мужчинами, так и женщинами. Вспоминает Пугина К.К. (дев. Шахурина, переселенцы из Томской губ.): «У нас все дубленки носили, наших барнаульских узнавали по этим шубам. Когда ехали сюда, во Владивостоке мужчина подошел из земляков, по шубам нас узнал» [232]. По рассказам Ксении Калистратовны, шубы на ее родине и здесь алтайцы носили отрезные по талии, бореные.

Сибирскими учеными было отмечено, что горизонтальные членения по талии для распашной одежды русских Алтайского региона не были характерны. Бореная одежда появилась в Приморье не ранее начала XX в. под влиянием украинцев, южновеликорусских переселенцев. Столь позднее ее появление исследователи объясняют активным сопротивлением старообрядцев к таким нововведениям [233]. Нужно заметить, что в распашной одежде приморских старообрядцев также преобладал прямой крой, и только шубы шили преимущественно отрезные бореные [234].

Основным материалом для шитья шубы служила овчина. Повсеместно шили шубы из овчины мехом внутрь. Кожу для шитья одежды крестьяне выделывали сами, дубили, а вот шитьем и выкраиванием занимались люди, обученные этому ремеслу. «Шкуру для шубы нужно продубить обязательно, чтоб она воду не пропускала. Мы дымом дубили. Подвешиваем в бане шкуру к потолку, мехом вниз, пускаем древесный дым. Шкура желтая делается. 3–4 раза за неделю так топят, дерево таловое берем, чтоб не было пламени и жару. За неделю шкура коричневой делается». Шубы шили как нагольные, так и крытые. Одним из самых распространенных материалов для покрытия шуб было сукно. Крытые сукном шубы носили и переселенцы из Житомирской губернии. Мужчины подпоясывались широкими опоясками... «У нас шубы отрезные были, спереди и сзади. У кого крытые, у кого крашеные, черные или коричневые. Были шубы рабочие и выходные». Нами не зафиксировано пока ни одного упоминания о том, что шубы украшали вышивкой. Наличие шубы считалось признаком семейного достатка. «У нас считали, если у жениха нет шубы и шапки — это не жених», — рассказывала М.Е. Пугина [235].

Тулупы шили также из овчины, надевали их только в тех случаях, когда отправлялись в поездку на санях. Воротники у тулупов делали большие отложные.

Еще одной разновидностью верхней зимней одежды была доха. Ее шили из шкур диких животных: козьих шкур, мехом наружу. Использовали также при дальних поездках на санях. Шили ее также, как и тулуп длинной, до пят, с высоким отложным воротником, иногда овчиным. Надевали доху на шабур, куртку... Из шкур диких животных лося, изюбря, пятнистого оленя шили куртки. Носили их мужчины-охотники [236].

В музейной коллекции есть поздний вариант женской верхней одежды. Бывшие владелицы называют эту одежду «зипуном». Одежда сшита из плотной стеганой хлопчатобумажной ткани с наполнителем из льняной кудели и ваты. Стеганая часть покрыта сверху черной диагональю. Крой: халатообразный тип одежды, распашное с застежкой по центру на пуговицы. Рукава втачные. Узкий отложной воротник. Причем, хозяйка пояснила, что зипун был сшит ее мамой в начале 30-х гг. XX в. В это время только начали появляться у старообрядцев отложные воротники, и зипун у мамы был таким первым в селе. Подобную одежду называли еще и «пальтушка» [237].

Обувь. Основным материалом для обуви была кожа и войлок. Обувь из лыка — лапти, были редкостью для приморских старообрядцев. «Лаптей не нашивали, с гордостью говорили они».

Исключение представляли старообрядцы, переселившиеся из Житомирской губернии. Для них такая обувь была традиционной, наиболее удобной и привычной. Л.Л. Бернатович: «Отец очень любил в лаптях ходить с травой. Лапти сам плел из липы. Летом намотает круги из липы, потом размачивает и плетет из них».

Для изготовления летней и зимней обуви использовалась сыромятная кожа крупного рогатого скота и дубленая.

Самой распространенной женской и мужской обувью были **«обутки»**. Женщины носили их дома, по хозяйству, в поле. Такую обувь называли «головками».

Подошва в такой обуви выкраивается отдельно, затем к ней пришивается верхняя часть, которая по краю обшивается «опушкой», «оборкой» из холста. В опушку вдергивается «гасник», с помощью которого обувь удерживается на ноге. К.Ф. Рыжакова: «По дому ходили в головках, зимой вниз надевали вязаные или кошмяные чулки» [238].

В мужской обуви такого типа пришивали к «головкам» голенища из холста или кожи. А.А. Комов: «Обутки носили все. Их шили из коровьих шкур. Подошва у них выкраивается отдельно. Голяшка короткая. В оборку вставлялась веревочка из льна или кожи. Ей голяшка обматывалась два раза вокруг ноги» [239].

Другим, пожалуй, самым распространенным видом мужской обуви были **«ичиги»**. Шили ичиги из лосиной кожи. Рассказывает В.И. Деминов: «Сперва выкраиваешь перед и подошву. Сшиваем передок и задок. Сначала все на левую сторону.

Задок одинарный сшить сначала с передом. Потом второй кусок, задник, для прочности пришивают двумя швами и закрывают по длине первый шов. Подошва выкраивается по длине выкройки, но длиннее и шире. Сшиваем все. Перед натягиванием на колодок наживулим подошву к переду, чтоб она огибала колодку. В вывернутом состоянии шов не должен быть под низом, надо сбоку чтоб был. Ремешок-прошва вшивается по всей подошве с передом и задком, потом выворачивается и обрезается прошва под самый корень. Это чтобы обувь воду не пропускала. А с внешней стороны рубца не будет видно, как приклеено вроде. Шов нужно молотком на колодке по прошве побить, потом скалкой прогладить. Выкроить голяшку, сшить с прошвой. В нижней части голяшки — петельки, их вместе с голяшкой сшиваем с передом и задком. Три петельки сзади, две сбоку. Обулся, притянул веревкой — и дуй, куда хошь» [240].

Ичиги носили все группы старообрядцев, независимо от региона выхода, в том числе и переселенцы из Житомирской губернии. Готовская А.А., с. Ивановичи: «Во все времена все носили ичиги, шитые из кожи. Носили их на охоте, на покосе. Это унты такие голяшка из тряпки, кто побогаче у того целиком из кожи» [241].

Для покосных работ самой распространенной обувью были **моршни.** Для их изготовления использовалась сыромятина. Кушнарев: «Моршни шили из сыромятной кожи, телячьей, коровьей. Выкраивали овальной формы кожу, пробивали дырочки и собирали на кожаный ремешок». Х.Е. Юркова рассказала, как однажды подвела ее на покосе сыромятная кожа, которая в жаркий день начинает сжиматься: «Я на покос моршни одела. Ну, вот, покосили мы, пришли на обед. Я думаю, дай-ка, сниму моршни, ноги подсохнут, а то от росы совсем мокрые. После обеда на работу идти. Кинулась я туда-сюда, а моршней моих нет. Все помогали искать. Потом женщина одна кричит: „А это что за шишечки тут лежат?“ Так это же мои моршни высохли так, и съежились до комочка кожи. Размочила я их и на работу». Алтайские переселенцы называли моршни «журками» [242].

В холодные зимний период крестьян выручали валенки. Только называли их по разному. П.Г. Мартюшев (Вятская губерния): **«Катанки** носили зимой. Мы называли катанки, а сибиряки — **„пимы“**». М.Г. Пугина, (Енисейская губерния): «Зимой носили валенки-пимы» [243].

Катание валенок было одним из самых востребуемых ремесел. Мастера-пимокаты были уважаемыми людьми, имена многих помнят до сих пор: Сандаловы, Копытовы в Чугуевской волости, Полонянкин Фока в Тахобе.

Катали валенки из овечьей шерсти. З.Л. Сандалова, (переселенцы из Алтая): «Шерсть от поярок на валенки не годится, не катается. Только из летней шерсти нужно, от 2-х летней овцы тоже ничего не сделаешь»... Повседневные валенки были коричневого и черного цветов, цветные-большой редкостью, праздничной обувью. Вспоминает К.К. Пугина, с. Максимовка: «Носили валенки до глубокой весны, а деды так и в сухую погоду. Валенки разноцветные — шик! Один дед их на моленье все носил. Придет заранее и сидит на лавочке, чтоб все любовались красотой этой». М.Г. Пугина: «Пимы в Кхуцине все больше носили. Только в них свататься ходили. Идет кто в цветных валенках, все оглядывались: „Ой, кто-то богатый!“» [244].

Другое обувное новшество — **сапоги** с начала XX в. быстро входили в деревенскую жизнь, несмотря на сопротивление стариков. Со временем появились и свои мастера. «Жимики»- так назывались особо модные сапоги. Рассказывает Ф.М. Казанцев: «Отец сапожничал, начал еще в Красном Яре. Шил сапоги — „жимики“ называли. Они как чулок на ногу натягивались, кожаная подошва, каблук. Кожу делали из телят до года. Заказывали богатые для форса перед дамами. Шпильки сам делал из березы. У отца был верстак, специальный кроильный нож». Василий Илларионович Деминов вспомнил другого известного сапожника: «В Кхуцине Пьянков Денис знатным сапожником был. Шил сапоги, ботинки, джимики тоже шил. Надо тебе со скрипом сапоги, сделает со скрипом. А секрет-то простой в этом: подложь под стельку бересто, и будет скрипеть» [245].

Женской обувью уже в начале XX в. были высокие **ботинки со шнуровкой**. Старые фотографии и воспоминания староверов, свидетельствуют, что к началу 30-х гг. XX в. они стали распространенной женской обувью и в деревне.

Приобретенной покупной вещью дорожили, берегли ее. «Мама рассказывала, у них в деревне один мужчина всю жизнь в одних хромовых сапогах проходил. В праздник он садился на завалинку, ему подавали сапоги в окошко. Он сидит весь день, потом снимает и до следующего раза.»; «Бывало, ботиночки поносишь — и в свой сундучок. У меня свой сундучок маленький, у сестры — свой» [246].

В одежде старообрядческого населения Приморья можно выделить несколько комплексов: повседневная (рабочая, промысловая), праздничная, обрядовая (свадебная, погребальная, моленная).

Повседневный комплект состоял из самых необходимых основных элементов одежды. В отличие от праздничной такая одежда шилась из домотканого холста или наиболее дешевой фабричной ткани-сатина, ситца. Такая одежда не украшалась вышивкой. В обычный женский комплект входила рубаха, сарафан, нижняя юбка, пояс, передник, сашмура, платок, обутки. У мужчин: рубаха, штаны, пояс, обутки. «Главное, — рассказывают женщины, — чтобы все чистое было. Наша бабушка на каждый день надевала сарафан лямошный, под сарафан-рубаху. Шашмуру, платок всегда повязывала назад. Дед не любил, когда одежда в заплатках. Увидит — сразу порвет. У нас соседка была, такая грязнуля. Так дед ей подарил сарафан, рубаху, белые платки» [247].

Рабочая одежда была такой же как и повседневная. Сведений о какой-то специальной одежде, в которой выходят в первый день уборки урожая или пахоты, нами пока не зафиксировано. Обычно, все информаторы подчеркивали обязательное условие — чистота одежды. Этот обычай поддерживался и в колхозные времена. «В первый день, как на поле выезжать, дед (а он был председателем колхоза в те времена) собирал мужиков и говорил: „Завтра в поле выходить, чтоб все были помыты и в чистом. Сам дед обязательно перед этим в баню идет, а на поле — в белой рубахе“», — рассказала М.Ф. Семенихина [248].

Более обширный материал собран по **промысловой одежде** приморских старообрядцев. Одежда охотника должна быть прежде всего максимально удобной, не сдерживать движений, швы не должны натирать тело. Она должна быть теплой (для северного побережья, где часты холодные пронизывающие ветра, туманы, дожди, очень важно, чтобы она была непродуваемой и непромокаемой). Хорошо, если одежда охотника обходится семье не слишком дорого, а носится долго, в течение нескольких охотничьих сезонов. За годы жизни на Дальнем Востоке был выработан оптимальный вариант охотничей одежды сохранявшийся длительное время, вплоть до 30-х гг. XX в.

Костюм охотника обычно состоял из теплой суконной рубахи, штанов, поверх которых надевали штаны и распашную куртку из изюбриной кожи. Ф.М. Нагорнов: «Одежда у охотников специальная, из шкуры сохатого-лосинки. Белая, легкая, теплая. Из шкуры шьют рубаху и штаны, вниз теплую рубаху, вязаную из шерсти. Такая одежда не рвется, на всю зиму хватало, а то и больше»; Я.Л. Чужеумов: «Штаны кожаные из изюбриной кожи-лосинки. Ветка за них не цепляет, скользит. Только больно жарко в них было» [249]. В такое время и спасали охотника суконные или шерстяные рубаха и штаны, надеваемые под «лосинку». Охотники оставались только в них, либо комбинировали, надевая кожаные штаны и суконную рубаху, либо наоборот. Комплект из изюбриной кожи или отдельно штаны-лосинки были далеко не у каждого охотника, чаще только у тех,

кто сам мог выделать кожу и сшить костюм. А. И. Малютин: «Выделывали шкуру — „половинку" из изюбрей. Берешь кожу, где потолще. Сначала ее вымачивают, шерсть слезет, соскабливают, просушивают, промазывают жиром и в теплое место на 2 суток, потом хорошо выстирать от жира и вынести на мороз. Кожа делается мягкой. На штаны идет кожа только молодых изюбрей» [250].

Другим не менее распространенным вариантом были суконные штаны, рубаха и куртка. В сильные холода сверху надевали еще и полушубок. Шишкова Е. Р.: «Штаны и куртку тяте мама пряла их овечьей шерсти или из сукна делала. Потом уже из государственного сукна шили. Отец называл ее гимнастеркой» [251]. Охотничья куртка была распашная, прямого покроя, ниже бедер, но не длинная, чтобы не мешать движению. Воротника либо не было, либо пришивали небольшую стойку. Отложной воротник появился позднее в 20–30-е гг. XX в. В это же время появились ватные штаны. Куртку заменял часто овчинный полушубок, длина которого не должна была опускаться ниже колена. Шапки-папахи быстро вытеснялись шапками-треухами из сукна из мерлушки. Иногда шапки шили целиком из холста, обшивали их сукном — «шапки из тряпок» [252].

Дополнительным элементом охотничьей одежды были нарукавники — короткие вязаные из овечьей шерсти детали в виде трубы. Она надевалась на рукав и прижимала рукавицу, чтобы не попадал снег [253].

Рукавицы делали из сукна или вязали из шерсти. Также шили рукавицы из кожи крупного рогатого скота или диких коз. Если выделывали шкуры без меха, то вниз надевали самовязанные шерстяные рукавицы. Такие рукавицы называли «голенки», «верхонки». Пользовались для раскроя как обуви, так и рукавиц особыми лекалами [254]. В краеведческом музее п. Кавалерово есть рукавицы, связанные из овечьей шерсти таким способом, что они не распускаются.

На северном побережье, где староверы жили рядом с коренным населением края — удэгейцами, нанайцами, орочами, «первейшими охотниками», они переняли у них обувь, которая оптимально соответствовала природным, климатическим условиям этой территории. Крой их национальной обуви амурского типа. «Унта» — амурский вариант традиционной обуви коренных народов Дальнего Востока. Такую обувь они шили как из кожи рыбы, так и из звериных кож. Отличительной особенностью такой обуви была высокая головка, густо присборенная в передней верхней части стопы, заостренный носок, короткая голяшка, имеющая разрез спереди. Такая обувь со стелькой из травы была очень удобна, легка. Называли такую обувь старообрядцы уже по — своему: «улы», «олочки», «ольчи». Чужеумов Я. Л. «Обувь на охотнике — улы ороченские, шили из лосиной кожи. Такие сначала ороченам заказывали, потом сами научились. Стелька из травы, она на болоте растет. Ее собирали, мяли, укладывали Носили даже на босу ногу. Я делал стельку из шкуры изюбря с шерстяным носком»;. С. Л. Гуменная: «Обувь — „ольчи" делали из изюбриной шкуры. Внизу теплый шерстяной носок, в олочки — траву-осоку, ноги не потеют. Голяшку делали из грубой льняной ткани или сукна — „коврик" называли, веревки из льна — „оборки"»; Е. Т. Рябчинская: «Олочи ороченские отец умел кроить сам. На Бикине многие такие носили» [255].

Забайкальцы вспоминают еще об одном виде обуви, который носили охотники: бурки, валяные из овечьей шерсти, обшитые сверху кожей [256].

Использовали охотники еще и особую обувь, которую надевали поверх ичигов — «чуня». Вязали чуни из конского волоса, короткие до шиколотки. Такие чуни позволяли охотнику не оставлять запаха при насторожке капканов.

Праздничная одежда. В праздничную одежду входили все те же элементы костюма. Шилась такая одежда из тонкого лучшего холста. Начиная с конца XIX века, праздничную одежду шьют из покупных тканей. Особенно престижной была одежда из тонкой кашемировой ткани. Такую одежду в семьях победнее очень берегли и передавали по наследству. Праздничная одежда украшалась вышивкой. Яркие расцветки кашемира не требовали особых украшений. В 30-х гг. XX в. молодежь в качестве праздничной одежды шила комплект из юбки и кофты, нарядные парочки. Дополнительными украшениями служили кашемировые платки, бисерные плетеные воротники, бусы, броши, искусственные цветы. Обычно украшали вышивкой или полосой пришивного кружева нижнюю юбку. Верхнюю юбку или сарафан подтыкали таким образом, чтобы эта нарядная полоска была видна.

К сожалению, за время полевой работы мы не увидели ни одного праздничного ни мужского, ни женского костюма, сшитых в более ранний период на территории Приморья. Единственный праздничный костюм в музейной коллекции принадлежит синьцзянским старообрядцам. Костюм сшит из хорошо драпирующихся тканей насыщенных цветов (бордовый и изумрудно-зеленый). Яркий цвет тканей, необычное их сочетание придают костюму праздничный вид. Костюм сохраняет все особенности кроя и украшений, присущих старообрядцам южного Алтая.

Мужские праздничные рубахи шили из однотонных кашемировых тканей, шелковых. В семьях победнее — из сатина, ситца, молескина. Традиционно вышивкой украшали воротник-стойку, приполок.

Обрядовая одежда. Помимо своей основной функции, предохранять человека от воздействий внешней среды, одежда служит так же и для передачи информации. Ношение одежды, одетость человека — важнейший признак его включенности в коммуникативные отношения.

Особую знаковость приобретает в традиционных обществах обрядовая одежда, ритуальная, поскольку сам ритуал — высшая форма и наиболее последовательное воплощение символичности. Он высвечивает ту сторону вещей, явлений, которые в обыденной жизни затемнены.

Среди обрядов жизненного цикла особую роль занимают рождение ребенка, вступление в брак, похороны. В них ситуации могут быть охарактеризованы как нарушение соответствия между социальным и биологическим состоянием человека. Для того, чтобы физический акт рождения человека, его брака, смерти стал фактом социальным, необходимо было совершить это социальное преобразование, что и является смыслом ритуала. Человек, предметный окружающий мир, приобретают характер знаковых объектов, происходит семиотическоое удвоение мира, переключение с одного вида реальности на другой. Интенсификация средств выразительности, т. е. более полное по сравнению с повседневным использованием возможностей каждого из применяемых языков, является одной из важных особенностей ритуала. Знаковость одежды возрастает от нулевой отметки (повседневная одежда) до высшей (ритуальная обрядовая одежда) [257].

Свадебная одежда. В предсвадебный период и во время свадьбы привычные в обиходе предметы одежды меняли свою роль и назначение.

Первое «официальное» знакомство с невестой происходит во время сватовства. Во время первого знакомства будущая невеста выходила к гостям в нарядной одежде. Ф. С. Денисов: «Как холостяк решится жениться, тут берут сватов, приходят в дом невесты и начинают разговор со всякими присказульками. Тут договариваются о свадьбе». Е. Л. Кирьянова: «На сватовство никто не приносит никаких подарков. Иногда приходится сватам приезжать и несколько раз, чтоб договориться обо всем. Потом в ближайшее воскресенье приезжают с женихом на рукобитье» [258]. Во время рукобитья у алтайских старообрядцев подводились окончательные итоги всем торгам о выплате денег за невесту. И. Е. Фефелов рассказывал, что договор

во время рукобитья скреплялся перевиванием рук договаривающихся сторон поясом, что символизировало нерасторжимость договора о просватаньи девушки. Е. Л. Кирьянова: «На рукобитье жених дарит подарки. Невеста его стоит, ждет с подносом, с рюмкой». Невеста в качестве подарков жениху, его родне дарит обычно опояски, шали. Т. М. Выходцева: «Невеста дарит жениху опояску как задаток, он ей — шаль, парочку (сарафан, рукава). Опояску и шаль надевали жениху через плечо, или две наперекрест» [259]. По мнению исследователей, подобный обычай сохраняется у старообрядцев Повольжья, Алтая. Они рассматривают его как пережиток традиций надевания особой плащевидной одежды. А тот же обычай дарить платки, шали можно рассматривать как пережиток древнеславянского обычая «покрытия», который со временем развился в своеобразный ритуал подарков со стороны жениха [260].

Готовить приданое девушки начинаю рано, с 12–14 лет. К. Т. Коробейникова: «У мамы было в приданом 40 сарафанов. Было много кашемировых» [261].

Особое время приготовления к свадьбе — девичники. По рассказам старообрядцев, это время занимало от 2 до 3 недель. Во время девичника подруги невесты зачастую и спали в доме невесты, и кормили их там же. Все это время старались успеть дошить приданое. Е. Л. Кирьянова: «Я выткала своему жениху пояс с древочками. А еще сшила ему рубашку алую. Узор на машинке выстрачивала. Брюки у него были, помню, черные в полоску, сапоги хромовые. Как все приготовят, девки крепко зашивают в узел. Приданое обычно большое, постель, ящики с вещами, все это грузят на телегу и везут в дом жениха. Сначала приданое, потом жених с невестой» [262].

Одним из моментов перехода девушки в иной статус являлось смена прически и смена головных уборов. Об особом, последнем девичьем головном уборе, вспоминали старообрядки Урала, Сибири (Енисейская губерния) и Забайкалья.

Головным убором невесты была «кросота». По рассказам переселенцев с Южного Урала, «девью кросоту» надевала невеста на девичниках перед свадьбой. Ее изготавливали наподобие шапочки из лент, сзади к шапочке пришиваются длинные ленты на расстоянии от уха до уха. Сам головной убор расшивался цветами из лент [263]. Такую же «кросоту» в виде шапочки удалось мне увидеть в частном музее на Аляске в г. Хомере, где живут и сегодня семьи наших земляков старообрядцев, переселившихся в Америку из Маньчжурии. Вместе с головным убором менялась прическа девушки: вместо одной косы ей заплетали две косы (их стало двое) прядями вниз. Косы укладывали обычно короной вокруг головы. На голову девушке надевают женский головной убор, символизирующий ее переход в иной статус.

Сама одежда невесты, по рассказам старообрядцев, ничем не отличалась от обычной. Как правило, это новая одежда более яркой расцветки.

Вспоминает А. П. Калугина: «Мне было 16, а жениху моему 18. Меня из Колумбе сосватали, брачили нас тоже там. Мне свекровь подарила рукава из кашемира малинового цвета, сарафан- поле черное по нему алые розы с листьями, тоже кашемировый. Передник кашемировый коричневого цвета с вишенками, полушалок шерстяной, белый» [264].

Е. Л. Кирьянова: «Я одета была в рукава, сарафан цветной сатиновый. На голове полушалок гарусный, венок, цветочки делали из ленточек» [265].

Во время венчания особое значение имел платок или полотенце. «Во время брачения жених с невестой становятся на шаль, меняются кольцами» [266]. Платок в данном случае символизировал некое возвышение, престол, на который становятся брачующиеся.

Во имя мира и согласия будущей семьи, во избежание всякого злого умысла, во время всей свадьбы руки молодых свашки и дружки связываются платками. Платок в данной ситуации выступает как оберег, символизирует звенья цепи, не позволяя никому пройти между женихом и невестой.

Особое значение придавалось невинности, чистоте невесты. Если невеста была «честной», то матери невесты повязывали красный платок. «Рассказывали мне, молодые проспали свою свадебную ночь, а наутро надо же ответ держать, да за тещей ехать. Жених мнется, а свашка не отстает. Ручается молодуха? Что оставалось делать. „Да, ручается“. Свашка всем объявила, честная, мол, невеста. Ну, все радоваться, на тещу красный платок, на бутылку красный бант. Пели, плясали... А невеста-то готовая, не девка была. Вот позору-то было... Так ведь он ее потом выгнал!» [267].

Погребальная одежда. Старообрядцы смертную одежду начинали шить заранее. По рассказам, в старину принимались шить такую одежду вскоре после свадьбы. К. С. Примачева: «Рубаха шьется втайне заранее, чтоб никто не видел. Из свойского полотна... У кого нет своего холста, покупают его»; И. И. Мокроусова: «Мужа хоронила 14 лет назад, в 1978 г., по-старому, Одежду ему шила сразу, как поженились, из домотканого полотна...» [268].

Обычный погребальный комплекс женщины и мужчины должен был включать в себя: рубаху (рукава), сарафан для женщин, штаны для мужчин, чулки, поясок, обутки, подстилку, саван, головной убор («шашмура», два платка), венчик, подручник, лестовку.

Каждый предмет в этом обряде по-своему символизировал близость умершего к природе. Важнейшее значение имел материал, из которого готовили смертное. Он должен быть только домотканым полотном (льняным, конопляным). «Смертное полотно ткали на 2-х подножках, называлось „однозубка“, самое простое, реденькое полотно». Поверх на покойника надевался саван, который перевивиался трижды вокруг тела светильном. Таким образом, внешний вид покойника напоминал спеленутого младенца. Это символизировало чистоту души покойника, также как и белый цвет. Белый цвет преобладал в погребальной одежде славян. Изготовление ткани с помощью прялки, веретена, а не самопрялки, выкраивание одежды без помощи ножниц (ткань рвали руками, «урывали») — все это также символизировало «инакость» покойника, его близость к первоматериалу. Но сегодня домотканое полотно даже в старообрядческих семьях становится редкостью, поэтому хоронят сегодня зачастую и в одежде, сшитой из фабричной ткани [269].

Смертную одежду шили из холста, иглой вперед. Смертную одежду шили без узлов «на живую нитку», иголку держали от себя.

По иному и одевали покойника. Некоторые детали одежды надевали не так, как на живого: чулки закручивали на другую сторону, в руку умершего вкладывалась лестовка, но без бобочков, «ведь душа — то покинула тело». Вместо застежки — завязки.

Архаичный туникообразный крой преимущественно сохранялся в смертной одежде: нельзя было менять ни одной детали в ритуальной одежде

К. К. Плешкова (переселенцы с Южного Урала): «Женские рубахи шили прямые, туникообразные, без шва на плече. Рукава сшивались с основной частью швом-живулька, вырез для ворота, разрез по центру. Полотнище, если хватает материала, то без клиньев. Рукава без ластовиц. Сарафан-горбач, без пелерины, по плечу швы. Чулки. Саван из 3 полотнищ. Левая — кошеная, правая — прямая. Пояс — просто нитка»; Поварницына Х. Е.: «Погребальная рубаха — сквозная, на две точи. Рукава втачные» [270].

У украинских переселенцев рубахи с поликами считались наиболее ранним типом рубах, именно такой крой зафиксирован в смертной одежде выходцев из Житомирской губернии. П.К. Черняева, с. Ивановичи: «Погребальную одежду шили из своего полотна, тонкого, в гроб постилают тоже полотно и кладут подушечку из полотна. Женская одежда: рубаха, рукав длинный с пришивной станухой. Ворот собран, Рубаха с поликами. Сарафан круглый» [271].

В женский комплекс смертной одежды входили сарафаны различного типа. Есть свидетельства о косоклинном, круглом, горбаче. В то же время, от уральских и сибирских старообрядцев нами записаны сведения о том, что сарафан вообще не входит в комплекс похоронной одежды. Женщин хоронили в длинной до пят рубахе. И.И. Кочева (уральские переселенцы): «Рубаха длинная до пола. Бывает, что хоронят без сарафана. Рукава длинные, без шва на плечах»; М.Г. Пугина (переселенцы из Енисейской губернии): «Женскую смертную рубаху шьют до самых пят, на шее разрез с веревочками» [272].

Умершую девушку хоронили в девственнике и платке. Виденные нами женские самшуры имели простейший крой в виде повойника с отрезным налобником либо цельные, с подрезом на лобной части.

Чулки, возможно, были более поздним элементом такой одежды. Обувью как мужской, так и женской служили неглубокие тапочки, шившиеся из домотканины, плели из кудели. Сегодня этот традиционный материал заменяют бинты, вата, шнуры, тесьма. А.К. Гордеева: «На ноги одевали тапочки, плетеные из льна, из веревок или шерсти. На худой конец из бинтов. Надевали на босу ногу...» [273].

У переселенцев из Житомирской губернии напротив, обувь изготавливали из черной ткани. П.К. Черняева вспоминает и об особой обуви для детей: «Обувь так делали: портянки из полотна и в тапки. Тапки из черного сукна, подошва кроится отдельно, шов только сзади. При сшивани подошвы — по краю бейка из любой ткани. Если умер ребенок, то украшают букетиками цветов из ткани. К заднику две веревочки и запутывают ногу так, чтоб три креста до колена» [274].

Мужская смертная одежда состояла из рубахи туникообразного кроя, штанов, чулок и тапочек, пояса. Также зафиксированы нами свидетельства (енисейские переселенцы, более ранне место выхода — Урал) о том, что хоронили мужчин в одних рубахах. «Родился мужик без штанов, без штанов и умереть должен, в рубахе и саване хоронили» [275].

В таежном селе Ясное нам показали мужскую погребальную одежду старообрядцев-синцзянцев. Готовить погребальную одежду себе и мужу жена нашего информатора начала сразу после свадьбы. Хранилась она всегда в специальном сундучке, отдельно от остальной одежды. В сундучке помимо специальной одежды хранились: подушка под голову, сшита из домотканого полотна, 26 х 18, подручник 15 х 15, мешочек с фимиамом (из кипарисовой смолы, куплен еше в Китае), подставка для свечи из жести, пучки льняных ниток для шитья смертной одежды, светильно для пеленания покойника, лестовки (приготовлены были про запас и для детей. Все смертные лестовки отличаются тем, что не имеют в петлях так называемых «бобочков», деревянных вставок. Нам объясняли, что теперь лестовка и должна быть пустой, души нет), мешочек с кресалом и кремнем (Для зажигания свеч при обряде захоронения нужно было воспользоваться только кресалом и кремнем. Добытый таким почти первобытным способом огонь — «добрый огонь». Пользоваться спичками, категорически запрещалось. Все это связано с греховным миром.), покрывало на саван и подстилка из холста, края обметаны через край косым стежком, чулки, саван, рубаха, чашка, ложка для обмывания покойника (приморцы используют для этих целей иногда тыкву, которую потом сжигают в печке), штаны (штаны сшиты из двух полотнищ домотканого холста, перегнутых вдоль между ними — вставка ромбовидной формы. Длина штанов — 100 см), рубаха (рубаха сшита из домотканого полотна, из одного полотнища, крой туникообразный. Длина рубахи 75 см. Вырез ворота круглый с разрезом по центру, завязки из льняных нитей. Рукав прямой, без ластовиц.).

Поверх смертной одежды умершего заворачивали в саван мешкообразной формы. В мужском погребальном комплекте из с. Ясное саван был сшит из цельного куска домотканого полотна в рост человека и сложенного вдоль 1/3 2/3. Согнутые полосы сшиты в верхней части в виде капюшона, у несшитой стороны вырезан прямоугольный кусок ткани, по высоте равный расстоянию от макушки до плеч. Тело обвивается саваном, правая пола сверху, перевязывают покойника в саване светильном так, чтобы на теле нить перекрещивалась трижды: на персях, на пупе, на коленях. Такой крой саванов отмечается у большинства старообрядцев Приморья. Среди переселенцев из Житомирской губернии нами зафиксированы саваны цельнокроенные и с пришивными капюшонами. Правое и левое полотнища в таком саване одинакового размера, все полотнище присобрано по линии соединения с капюшоном. Края капюшона украшены полоской фабричного кружева [276]. По мнению ученых, саван имеет, без сомнения, древнее происхождение и восходит к широко распространенным в прошлом у многих народов плащам [277].

А.А. Комов с. Тополевое (переселенцы из Алтая, Солонешенская волость): «Покойницкая одежда шилась из белой самотканой бязи. Если ее нет, то из простой фабричной ткани. Состояла из „рукавов" или у мужчиин — рубахи, сарафана, чулок. Саван шился по росту, с головой. Саван надевается на лицо человека и закрывает его. Руки покойника складываются под мышками. Тесемками пеленают покойника в 3 креста. Когда кладут в гроб, все узелки развязывают. Гроб внизу застилается холстиной. Когда опускают гроб в могилу, крышку не прибивают. Гроб делают без единого гвоздя. Крест скрепляется деревянными шпильками. Гроб, „домовину", делают из ствола, чурки большой. В гроб кладут лестовку и подручник на левую руку. Крест, когда его несут на кладбище — обернут полотенцем. Если хоронят женщину, то несут икону „Богородицы", мужчину — со Спасителем. Икона не хоронится, возвращается домой. На гробу прикрепляют 4 свечки: в головах, возле правого и левого плеча, в ногах. Если во время шевствия свечи потухнут, то их уже больше не зажигают. Перед закрытием крышки их кладут в те же места, где они горели. Свечи делают из своего воска. На кладбище оставляют носилки-длинные палки. С кладбища все идут на обед» [278].

В домовину, по рассказам старообрядцев, кладут стружки или солому. В с. Усть-Соболевка от переселенцев из Енисейской губернии нами записана информация о том, что подушку в гроб для умершей женщины набивали ее же волосами. По рассказам сибирских переселенцев, «очески от волос собирают всю жизнь. Волосы в печке сжигать нельзя, выбрасывать тоже, а то на том свете в огонь полезешь за ними». По рассказам уральских переселенцев, в гроб класть ничего нельзя лишнего, да и самой подушки у них не было. Тем не менее, нашему информатору приходилось видеть, как в могилу бросали волосы покойной. Вероятно, это было связано с идеей собирания, составления пелого тела. В течение всей жизни волосы и ногти человека должны были собираться, после его смерти они кладутся в гроб умершего [279]. Шьет погребальную одежду человек специально благословленный.

Моленная одежда. В молитве для старообрядца заложен весь смысл жизни. Все житейское, мирское должно отступить там, где происходит диалог с Богом. Мы наблюдали, как совершенно преображаются лица, взгляды, стать, походка, жесты людей, надевших моленную одежду. Несмотря на долгие годы нашего знакомства, у нас, присутствующих на службе, сразу появлялось ощущение границы, мы становились «чужими».

Одежда, предназначенная для богослужения, происходит ли оно в доме или молеиной, называлась моленной одеждой.

Образцом моленной одежды становилась обычно одежда старинная, архаичной формы, та, которую носили предки. Соборные уложения напоминали верующим о важности ношения на богослужение именно такой одежды. Все: цвет одежды, ее крой — должны были подчеркнуть особенность момента общения с Богом и смирения мирского начала в человеке.

Нарочитое украшательство такой одежды, как мы уже знаем, строго пресекалось старейшинами старообрядческих общин. Соборные уложения старообрядцев часовенного согласия неоднократно призывали верующих одеваться сообразно облику христианина: «постановили: одежду носить обычную христианскую... женам и девицам также с нашивками и с многообразными борами и горбами одежду не делать, и не шить и не иосить и особенно к моленью ходить в простой и смиреной одежде... т. к. это не по христиански — снаряжаться девицам многообразною красотою и ходить на моленье, на прельщение юных неутвержденных в разуме» [280]. Предпочтительной цветовой гаммой одежды были темные тона одежды, предпочтительным кроем был свободный, трапециевидный, скрывающий женскую фигуру.

В женский моленный комплекс входит: сарафан, рубаха-рукава, пояс, сашмура, платок, платок «на роспуск». Особых региональных отличий в моленной одежде приморских старообрядцев мы не обнаружили. В основном, как мы уже отмечали, региональные предпочтения проявлялись лишь в выборе типа сарафана, повязывании пояса. Так, для уральских старообрядцев наиболее предпочтителен был косоклинный сарафан, пояс повязывали под сарафаном. Остальные группы старообрядцев предпочитают круглые сарафаны и сарафаны- горбуны. Такие сарафаны носят на моленье пожилые женщины.

К. К. Пугина, (переселенцы из Томской губернии, Барнаульского уезда): «На моленье мама одевала рубаху-рукава и горбун»; П. Храмова (Забайкальские семейские): «Мама одевала на моленье лямочный сарафан, рубаху»; П. П. Некрасова (Алтай, с. Шарчино): «На моленье одевали горбун на кокетке, рукава со станушкой» [281].

Некоторую региональную разницу можно отметить в том, как повязывали верхний платок представительницы разных регионов. Так, выходцы из Урала, Сибири, Алтая носили платок на роспуск, переселенки из Житомирской губернии — на угол. А. А. Готовская, с. Ивановичи: «На моленье ходили в платке, свернутом на угол, старушки закалывали под подбородком, а помоложе завязывали. Все, даже девочки были с покрытой головой. Старушки все в сарафанах. В сенцах жердь, там висели все шмутки» [282]. Обычай покрывать голову платком, сложенным на угол, сохранялся у переселенцев с Поволжья.

П. К. Черняева, с. Ивановичи (переселенцы из Житомирской губернии): «Девушки на службу одевали платок „на угол", узла под шеей нельзя, булавку нельзя, так сшивали ниточкой иголку отрывали... В часовню носили чепец и платок. В часовню украшения нельзя. Грех даже гребешок с собой брать» [283].

Ирина Иосифовна Кочева (переселенцы уральские) рассказала нам еще и о молитвенном девичьем головном уборе. Шили его из светлых тканей (голубые, желтые, однотоннные). Длина до колен, по низу украшен кистями, на лбу лента расшитая позументом, бисером, ширина ленты до 4 см, длина до висков [284].

По рассказам большинства приморских старообрядцев, а мы могли наблюдать это и сами, девушек на службу с непокрытой головой не допускают. На голове должен быть платок, который мог либо повязываться под подбородком, либо закалываться на булавку.

Нужно отметить, что старообрядки, носившие кичку (забайкальские семейские), исключают ее как моленный головной убор. К. Т. Коробейникова, с. Красный Яр: «На моленье мама носила шашмуру и платок на роспуск. Кичка — это праздничная одежда, в церковь не носили» [285].

Особо нужно сказать о старообрядцах-токаревцах. Основную ее часть составляют переселенцы из алтайского села Боронча. У этой группы почти не сохранилась традиционная моленная одежда, хотя они прекрасно знают и помнят еще такую. Во время службы верующим дозволялось приходить в обычной одежде (платье, кофта с юбкой) с длинными рукавами, покрытой головой (женщинам). Обязательным элементом одежды остается пояс. Пояс дозволяется любой: ремень, пояс от платья, просто веревочка.

Традиционной мужской моленной одеждой в Приморье были рубаха-косоворотка, брюки, пояс, подоболочка или кафтан (распашная одежда типа русской поддевки). Термин «подоболочка» употребляется синьцзянскими старообрядцами, остальные группы называют такую одежду «кафтаном». Ткань, из которой шились кафтаны — черная, хлопчатобумажная. В нашей музейной коллекции всего три образца моленных кафтанов. Все они сшиты в 60–70-х гг. XX в. в Приморье. По классификации, предложенной Е. Ф. Фурсовой, два из них принадлежат к кафтанообразному типу одежды. Кафтаны отрезные по талии, распашные. Один из них можно отнести к более раннему типу кроя: лиф скроен из трех частей, причем две передние переходят на спину и, соединяясь с третьей, «с перехватом». Рукава прямые без манжетов. Крой другого кафтана был более поздним: отрезной по талии, с плечевыми швами. Наконец, третий кафтан халатообразного типа с плечевыми швами. Все моленные кафтаны имеют подоплеку. Нами отмечена интересная деталь в мужской моленной одежде: застежка на левую сторону, не характерную для мужской одежды. Сами старообрядцы объяснили нам это тем, что «если необходимо отлучиться во время службы по малой нужде, то правую руку нельзя поганить» [286]. Говоря о символике руки необходимо отметить, что у многих народов правая рука считалась «рукой благодати», поэтому ей можно приветствовать человека, молиться, касаться чистых частей тела. Правая рука обслуживала чистый верх, левая — нечистый низ.

Традиционной мужской моленной одеждой у старообрядцев из Житомирской губернии была рубаха — косоворотка, штаны, пояс. П. К. Черняева: «Подоболочки, кафтанов не знаю, не было» [287].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что старообрядцы принесли в край традиционную для своих родных мест одежду, крой, обычаи ее ношения. В связи с поздним заселением региона здесь бытовали уже только поздние виды одежды. Такая архаичная одежда, как туникообразные женские и мужские рубахи, косоклинные сарафаны зафиксированы только в смертной одежде. В редких случаях такую одежду носили только как моленную пожилые люди.

На территории края до начала XX века в женской одежде был распространен сарафанный комплекс. В качестве основных элементов этого комплекса были распространены поздние виды сарафанов (круглые и горбуны), а также поздние виды рубах с прямыми поликами, рубах с пелеринкой, бесполиковых рубах. Этот комплекс был распространен у всех групп старообрядцев, независимо от мест выхода. Правда, выходцы из европейской части России больше симпатизировали круглым сарафанам, сибиряки, алтайцы- горбунам. Женские поликовые рубахи с неширокими кошеными рукавами наиболее распространены в крае у уральских, сибирских, алтайских переселенцев (великорусская особенность костюма). У забайкальцев и выходцев с юга Алтая, бухтарминцев, распространеи широкий рукав с манжетом (особенность южнорусского костюма). Украинские названия элементов одежды сохраняются у старообрядцев из Житомирской губернии: спидница.

Довольно редким для старообрядческого населения Приморья был такой вид женской одежды как рубашкообразные платья, или поморники, принесенные сюда переселенцами из северного Алтая. Они свидетельствуют о северорусских традициях в одежде.

Традиционный для южных и среднерусских костюмов женский головной убор — кичка, бытовал только у забайкальских старообрядцев.

Южнорусские традиции прослеживаются в обычае украшать одежду всевозможными борами, сборками, вышивкой и характерны для старообрядцев-забайкальцев, украинских переселенцев, а также бухтарминцев. У переселенцев из Житомирской губернии сохраняется даже обычай украшения даже смертной одежды и обуви. В то же время, в вышивке синьцзянцев сохраняются наиболее древние орнаментальные мотивы.

Уже в начале XX века традиционный женский сарафанный комплекс под влиянием городской моды стал вытесняться сначала сарафаном и кофтой, носившейся поверх сарафана, а затем юбкой и кофтой, городской «парочкой». В мужской одежде появился отложной воротник, пиджак, сапоги, картуз.

Традиционный архаичный крой сохраняется в погребальной одежде.

Приспосабливаясь к новым условиям жизни, старообрядцы, несомненно, приглядывались к образу жизни, быту народов, живущих здесь с древнейших времен — удэгейцев, нанайцев, орочей. В результате появилась более приспособленная к приморскому климату, ландшафту промысловая обувь, резинки-нарукавники.

В заключение следует отметить плохую общую сохранность одежды в Приморье. Сегодня мы не обладаем достаточной информацией для того, чтобы более полно представить особенности традиционной одежды выходцев из различных регионов России. Годы социально-политических потрясений почти уничтожили традиционный костюм в крае, он слишком рано ушел из повседневного быта старообрядцев. Возвращающиеся сегодня к вере пожилые старообрядцы в шитье моленной одежды ориентируются на тех, у кого остались образцы родительской. В результате традиционная одежда быстро унифицируется, теряя региональное своеобразие. Сегодня можно говорить о некоем унифицированном костюме приморских старообрядцев, встречающемся на всей территории края: рукава-рубаха или рукава короткие без подставы с плечевыми швами, небольшим вортником-стойкой и неширокими кошеными рукавами без манжета. Сарафан-горбун с пелеринкой и без нее, круглый сарафан. На голове — «шашмура». В повседневной жизни сарафанный комплекс исчез, носят обычную мирскую одежду, за исключением, нескольких семей в с. Усть-Соболевка. Исчезла почти совсем традиционная одежда у старообрядцев-токаревцев, переселенцев из Бийского уезда. Даже в моленной одежде традиция исчезает. Единственным пока еще сохраняющимся комплексом является комплекс погребальной одежды, в котором, правда, домотканое полотно почти полностью вытеснено фабричным. Как свадебную и праздничную одежду молодежь шьет себе талички.

4. Пища старообрядцев.

Окажись вы в глубинке, где живет смешанное население, вы без труда, только по внешнему виду, определите старообрядцев: мужчины, как правило, все как на подбор высокие, статные, с густыми до старости волосами, чистым лицом, ясными, очень живыми глазами. Среди наших знакомых много мужчин, кто давно перешел 70-и даже 80-и летний рубеж. Они ведут активный образ жизни: ходят на охоту, рыбалку, занимаются хозяйством, огородом самостоятельно без помощи детей и внуков. Наш дорогой Ануфрий Андреевич Комов очень легок на подъем, до сегодняшнего дня ездит на велосипеде. Старость, кажется, совершенно не коснулась его умственных способностей: ум, быстрая реакция, сообразительность, сметливость, прекрасная русская образная речь, плутовство так и искрятся в его глазах. Незабываемое зрелище: Филат Семенович Денисов в шлеме, несущийся на мотоцикле с развевающейся бородой. С Ксенофонтом Акиндиновичем Ошлаковым мы познакомились, когда ему было 98 лет. В его фигуре все еще ощущалась былая мощь, стать... Каждое утро часов в 8 мы проезжали мимо их дома, а старики уже давно работали на своем огороде, который, кстати сказать, выглядел как пасхальное яичко, чистенький, ухоженный. Со своим любимым занятием, пчелами, Ксенофонт Акиндинович не расставался даже после юбилейной даты 100-летия. Что помогает сохранять старообрядцам здоровье до самого преклонного возраста?

Безусловно, важное значение для сохранения здоровья имели такие факторы, как запрет близкородственных браков, разумное сочетание труда и отдыха, отказ от злоупотребления алкоголем, запрет на табакокурение. Не менее важным было и сохранение традиционного питания. Еще в XIX в. декабрист А. Е. Розен писал о забайкальских старообрядцах: «...народ сильный и здоровый. Они поддерживают свою крепость, свое здоровье прилежным трудом и здоровою пищею» [288]. Диетологи говорят: «человек есть то, что он ест». Действительно, здоровье, общее состояние человека во многом обусловлены питанием.

Пищевой рацион любой этнической группы определяется природными и социально-экономическими факторами. Изменение их обусловливает некоторые перемены и в традиционном рационе питания. Новые природные условия Приморья, контакты с коренным населением Дальнего Востока весьма расширили круг традиционно используемых в пищу растений и животных. И тем не менее, конфессиональные особенности старообрядчества, многочисленные запреты способствовали консервации основ традиционного питания. К такому источнику ценных продуктов питания как море, старообрядцам приходилось привыкать долго. До сих пор большинство старообрядцев не употребляет в пищу такие морепродукты как крабы, кальмары, трепанги, морскую капусту.

Традиционно основу питания русского крестьянина составляли продукты хозяйственной триады: земледелия, охоты, животноводства. И все же, учитывая длительные посты (около 200 дней в году), можно сказать, что основу пищевого рациона старообрядцев составляли продукты земледелия. Из зерновых готовили все, начиная с хлеба и заканчивая напитками. Филат Семенович Денисов говорил: «Еда у нас однообразная была. Считалось, что поесть нужно, чтоб работать» [289].

Хлебные злаки содержат в себе 70% углеводов. Углеводы являются основным энергетическим источником, обеспечивающим нормальные функции организма, быстро восполняют потерю энергии.

Хлеб был главным компонентом в принятии любой пищи. Хлеб выпекали из ржаной, ячменной и пшеничной, гречишной муки. «Кто что сеял, тот то и ел», — говорили старообряды. Традиционно на столе у крестьян в качестве повседневной пищи использовался хлеб, выпеченный из ржаной муки, пшеничный хлеб — еда праздничная, но в состоятельных семьях предпочитали есть только пшеничный хлеб. «Из ржаной, гречушной и ячменной муки пекли хлеб на каждый день. Из ячменной хлеб пекли ради нужды. Хлеб из нее невкусный, горьковатый. Из гречушной муки надо жидко разводить тесто. У нас все больше хлеб из пшеничной муки пекли, даже и на каждый день», — рассказывала Поварницына Х. Е. (уральские переселенцы, жители северного побережья) [290].

Переселенцы-сибиряки выпекали хлеб и из ячменной муки: «Хлеб из нее белый, но на следующий день уже черствый. У нас его все больше для скота использовали: посыпку коням делали, чушкам запаривали» [291]. Сведений о выпечке хлеба с овсяной мукой нами почти не зафиксировано, за исключением одного упоминания. «В Амгу вдовец один жил, так он все пек овсяный хлеб. Он колючий, есть его нельзя, но у человека на большее, видно, не хватало» [292]. Муку для выпечки хле-

ба делали разного помола. Кто победнее делал крупный помол: здесь все шло в хлеб. При мелком помоле полезный выход муки равнялся 30%, все остальное шло в отходы [293].

Традиционно в хлебопечении в качестве закваски использовались самодельные дрожжи из хмеля. В старообрядческой общине с. Усть-Соболевка хмель, а следовательно и хлеб фабричной выпечки под строжайшим запретом. Считается, что фабричный хлеб изготавливается с помощью дрожжей, а в таких дрожжах обязательно есть хмель. «Мы хмель завиняем. А все от Ноя еще ведь пошло. Когда Ной начал строить свой корабль, он жене своей поначалу еще ничего не говорил. А бес подучил ее: „Свари бражку с хмелем, он запьянеет и все тебе расскажет". Ной выпил бражку, да все и рассказал жене. За это он был сурово наказан: его ковчег сгорел, пришлось новый строить» [294]. Вместо дрожжей старообрядцы этой общины используют самодельную закваску из малины или свеклы. «Сушеную малину заваривают, а потом добавляют этой малиновой воды один стакан в тесто. Оно будет подниматься. Это и есть закваска» [295]. «Свеклу сахарную сварить с картошкой. Одну свеклу средней величины очистить и порезать, бросить в эту же воду и поставить в теплое место. Как забродит, добавить муки, сделать опару. На этой опаре замешивать хлеб» [296]. Так делают закваску, если ее утратили по какой-то причине, но каждая хозяйка старается сохранить старое тесто оставшееся после вчерашней выпечки. «У нас в квашне тесто не выводилось». На ней «творят» тесто для будущей выпечки. Большинство старообрядческих семей в крае сегодня пользуются покупными дрожжами.

Хлеб выпекали в русских печках. «Закваску от старого теста вечером заливаем водой, чтоб размокла. Добавляем сахар и горсть муки. Воду берем комнатной температуры, а муку просеянную. Замесить и поставить в теплое место. Через некоторое время выкатываем с мукой, делаем круглый хлеб — и на противень, смазанный маслом. На противне хлеб должен еще постоять, растронуться. Как печка прогорит, угли — в загнетку, и садим хлеб в печь» [297].

Особое место в кулинарии старообрядцев занимает выпечка из сдобного теста. Рассказывает И. И. Мокроусова, с. Амгу: «Накваску взять свежую, подбить ее, добавить сахар, муки, теплой воды — и на печку. Когда опара поднимется, замесить тесто: молока добавить, сметану, масло, яйца, сахар, немного соли и муки. Все густо замесить. С вечера тесто стоит, утром выпекаешь» [298]. По мнению Х. Е. Поварницыной, масло они в сдобу не добавляли. «Растительного у нас не было, а скотское добавишь-быстро черствеет, поэтому мы добавляли только яйца, сметану, молоко» [299]. Выпекают хлеб по мере надобности, ежедневно или раз в 2–3 дня. У многих сибиряков, уральцев сохранились воспоминания о выпекании хлеба на капустных листах.

Отношение к хлебу в крестьянскимх семьях было очень почтительным. Все, что было связано с его производством, выпечкой также приобретало особое значение. Мы уже упоминали, что место на лавке, где стояла квашня считалось чистым местом. Туда нельзя было садиться, вытирать ее грязной тряпкой, класть посторонние предметы. Такое же значение приобретал «квашенный нож», который нельзя было складывать с остальной посудой. Тряпку «квашенную» нельзя было стирать с другим бельем [300].

Заготовленную разнообразную муку использовали также для выпечки блинов, оладий, пирогов, пирожков.

Блины выпекали как пресные, так и кислые, причем, уральцы были больше склонны к выпечке блинов на кислом молоке. Особенно любимы были блины из гречишной муки. Они отличались от обычных темным цветом и толщиной. Оладьи, оладушки пекли также все группы старообрядцев.

В воскресные дни женщины старались побаловать своих домочадцев сдобной выпечкой. Самыми популярными в крестьянских семьях были пироги. Начинку в скоромные дни делали из мяса, рыбы, в постные дни-из овощей, ягод, грибов. Рыбные пироги были любимым и традиционным блюдом в выходные дни, праздники, как свадебное и поминальное кушанье у старообрядцев-переселенцев из самых разных регионов России... Рецептов существовало множество. До переселения на Дальний Восток эти группы старообрядцев традиционно пекли пироги с белорыбицей, речной рыбой. Спустя некоторое время, кто раньше, кто позднее, стали повсеместно использовать для приготовления первых, вторых блюд и выпечки красную, лососевую рыбу... Помимо рыбы в такие пироги клали еще и другую начинку: рис (более позднее блюдо), картошку, капусту.

Пирог с рыбой и тушеной капустой в Приморье пекли обычно забайкальские старообрядцы. Его так и называли — «забайкальским». Действительно, этот рецепт пирога нами записан только у забайкальских старообрядцев. «Начинку готовим такую: рис отварной смешиваем с тушеной капустой. На противень укладываем и ровняем слой теста, на него ровными слоем этот рис с капустой, потом-слой красной рыбы, потом сверху лавровый лист, лук. Закрываем слоем теста» [301]. В доме Пугиных (переселенцы из Сибири) нас угощали пирогом с рыбой, целиком запеченной в закрытом пироге.

Шаньги-традиционная выпечка с в северных русских губерниях, на Урале. О таком виде выпечки рассказывают и до сих пор пекут их переселенцы из уральских губерний. На круглый тонкий сочень из теста выкладывали разную начинку: картофельную, морковную, капустную, творожную. Наливные шаньги делали без начинки: в таком случае сочень смазывали сметаной.

Муку различных зерновых культур использовали также и для приготовления первых блюд. Из нее готовили так называемые затирухи. В кипящую воду насыпают муку, постоянно размешивая при этом. В такой суп кладут соль по вкусу, растительное (в постные дни) или животное масло.

Как излюбленное и давно забытое лакомство вспоминают старообрядцы приготовленные из муки кулагу и толокно. Любой мукой плотно набивают чугунок, прикрывают шерстяной кудельной — и в печку, до появления красно-коричневой корочки. Утром ставят, вынимают вечером. Перед подачей на стол заливают квасом- так готовят толокно. Для приготовления кулаги муку, замешанную с водой как на оладьи, также ставят в печь до приобретения красно-коричневой корочки. Едят кулагу холодной, добавляя ягоды калины или мед.

Традиционной русской пищей были различные кисели, приготовленные из муки. Для приготовления овсяного или ржаного киселя муку заливают водой. После того, как настой осядет внизу, из него можно варить кисель, добавляя воду в этот настой и постоянно помешивая. Закрашивали такие кисели соком различной ягоды. Уральцы рассказывали другой способ приготовления хлебного киселя. «Мама квашню поставит, не густо сначала. Квашня к утру подойдет. Мама скажет: „Девчонки, подмесите квашню и соберите поварешки две сверху. К этому тесту добавляет воды и свойский крахмал. Вот и кисель. Потом режем его на куски и с медом едим".» [302]. Сладкие кисели делали с медом. «Я гороховый кисель так делаю. В воду кипящую добавляю мед, чтоб сладко было, а потом туда сыплю потихоньку муку гороховую. Такой кисель варится без крахмала», — рассказывала М. Г. Деминова [303].

Традиционным вторым блюдом в рационе старообрядцев были каши, приготовленные из ячменной, пшеничной, гречневой крупы.

«Толстые шти» — блюдо, известное всем группам старообрядцев, представляло собой нечто среднее между первым и вторым блюдами. Предпочтительной крупой для его приготовления была ячменная крупа. «Зерно обрушиваем в ступе — и тут же в чугун и в печку. Когда ели, добавляли квас». По воспоминаниям Н. Ф. Мезис (девичья Соболева), ее бабушка (вы-

ходцы из Вятской губернии) готовила «толстые шти», смешивая два вида крупы: 1 часть ячменной крупы и 2 части гороха заливали водой, соль по вкусу. В такой суп-кашу добавляли немного поджаренных семян конопли [304].

Старинным блюдом было сусло из ячменя. «Сначала мы делаем солод. Ячмень нужно замочить, чтоб ростки дал, потом его сушат и мелют. Это солод. А для того, чтобы сделать сусло, нужно в солод добавить воды, мед и поставить в теплое место. В печку ставим варить брюкву, ягоду, свеклу. Напарили, растолкли и с солодом выливаем на холст, полотно, а полотно само натягиваем на рамку, а под ней тазик. Вот все, что в него стекает и есть сусло. А еще из солода варят брагу» [305].

Крупы обычно дополняли любой суп, постный или молосный. Варили супы с гречневой крупой, перловой крупой.

Привычными и очень распространенными были блюда из бобовых растений: фасоли, гороха. Бобовые растения ценны содержанием углеводов (50%), а также белка (25%), жиров только 2%. Одним из любимых уральских блюд была горошница (гороховое пюре) с медом.

Переселившиеся на Дальний Восток старообрядцы познакомились с непривычными для традиционной кухни большей части переселенцев зерновыми растениями: просом, чумизой, пайзой, сузой. Крупа и мука из этих растений входили в рацион коренных народов, проживающих в Приамурье и Приморье, а также китайцев и корейцев. Впоследствии блюда из этих растений весьма разнообразили стол старообрядцев. «Корейцы из чумизы делали все. А мы кашу хорошую с нее варили», — рассказывает Х. Е. Поварницына [306].

Рацион, в котором преобладали зерновые культуры, сложился у восточнославянского населения с глубокой древности. По всей видимости, такой рацион питания был традиционным для многих крестьянских семей еще до переселения на Дальний Восток. Так, семья Фоминых-Лошкаревых, переселившихся в Приморье из Алтая в 30-х гг. XX в. (более ранним местом выхода предположительно была Вятская губерния) совершенно не употребляла в пищу картофель. «Бабушка привыкла жить на крупе. В войну с крупами плохо было, выживали на картошке. Бабушке трудно приходилось. Она говорила: „Скучаю без крупы. Хоть бы горсточку“. За счастье считала крупу, что по талонам выдавали. Они в горах Алтая до коллективизации только на зерновых и жили» [307].

Продукция животноводства — мясо домашних животных и птиц имела важнейшее значение в рационе питания старообрядцев. В семьях охотников мясо домашних свиней заменяло мясо кабанов, скотское мясо — мясо «зюбрей». Зимняя охота была мясной охотой.

Употребление в пищу мяса ограничивалось не только временем постов, но и конфессиональными запретами. Для того, чтобы не загрязнить себя, не «запоганить», старообрядцы не должны были употреблять в пищу «поганых» животных и растений. Мы уже говорили об одном из таких растений — хмеле. В дальнейшем мы еще неоднократно будем касаться этой проблемы. Существовали особые определения чистых и нечистых животных. В основном, правила эти основывались на библейских преданиях, апокрифах, жизненных наблюдениях. Так, запрещалось использовать в пищу животных, которые едят все без рабора (мусор, мертвых животных и т. д.), лапчатых («у них лапа», «медведь живет с медведихой как человек, сверху»), непарнокопытных («У них копыто, как у черта»). Редко и неохотно едят телятину. Д. К. Зеленин полагает, что это вызвано хозяйственными соображениями: теленка нужно откормить, чтобы он стал большим. Староверы Крайнего севера Олонецкой губ. не едят свинину, считая ее нечистой [308]. По разным причинам не употребляют в пищу мясо хищных птиц, а также лебедей, голубей: «поганые птицы те, которые слепыми родятся» [309]. Кроме того, русские, в первую очередь старообрядцы, избегают какого бы то ни было употребления крови, считая это большим грехом.

По нашим полевым наблюдениям, ни у кого не вызывало нареканий употребление в пищу мяса таких животных как корова, баран, а из диких животных — коза-косуля, изюбрь, лось, кабан.

Мясо домашней свиньи вызывало неоднозначную реакцию у старообрядцев. Кто-то считал, что свинину можно есть, другие говорили: «Можно, но только опаленную древесным огнем» [310]. В 30-х гг. XX в. каждое крестьянское хозяйство обязано было сдавать шкуру домашней свиньи со щетиной. Именно в этот период старообрядцы почти перестали держать в домашнем хозяйстве свиней. В семьях других старобрядцев свиней держали, но кормили их исключительно растительной пищей: картошкой. «Мама сало очень любила. Ей яичко не надо, сала давай. Для себя чушку кормили хлебом. Картошкой если кормить, сало твердое будет» [311]. Домашнюю птицу в пищу употреблять было можно, но резать ее должен был только мужчина. У. В. Рыбак (девичья Малютина): «Скот, телят маленьких поросят, или еще кого, можно резать только после того, как они проживут две недели, раньше, если убьют, есть нельзя» [312].

Готовить домашние колбасы считалось грехом. «Говорят, что в покаянии где-то написано: не ели ли колбас? Колбаса ведь с кровью делается» [313]. Тем не менее, не так просто было отказаться от традиционной пищи. «Мама (по происхождению украинка — авт.) колбасу делала из кишок. Начиняла мясом. В печке пекла на противнях, какая же там кровь?» [314].

В мясоед самыми распространенными и любимыми мясными блюдами были пельмени. Пельмени, как правило, готовили из двух или трех сортов мяса. В семьях охотников одним из компонентов обязательно было мясо диких животных. «Мы сначала на пельмени говядину мешали с диким мясом, кабана, а потом свой скот держали». Мясо рубили в специальных корытцах сечкой. В фарш добавляли лук, 1–2 картофелины, молоко, соль, перец по вкусу. Переселенцы из Уфимской, Самарской губерний рассказывали, что у них пельмени принято было делать большими, похожими на вареники. Края у них заворачиваем красиво, оборочкой. Называются пельмени «писаны» [315]. Традиция совместной лепки пельменей сохраняется и до сегодняшнего времени. «У нас принято все вместе делать. Даже, к примеру, начинаем пельмени стряпать, так у нас вся семья садится, все дети, кучей. А к соседям пришла (они не нашенские): мать одна стряпат, а они три мужика сидят и ждут, пока мать настряпат» [316]. Намораживали пельменей помногу, ведра 3–4.

Пельмени из белорыбицы, красной рыбы были распространенным блюдом. «Мы пельмени делали из тайменя, а потом уж все из красной рыбы. Рыбные пельмени никогда не морозили». Сегодня для дальневосточников пельмени из рыбы — блюдо очень распространенное, во многих старообрядческих семьях такие пельмени делают с начинкой из красной рыбы, селедки [317]. Помимо пельменей готовили еще котлеты, пекли пироги с мясом.

В молосные дни, рассказывали информаторы, суп с мясом готовили постоянно. Самыми распространенными первыми блюдами с мясом была лапша с мясом, супы с различными крупами (гречкой, ячменной крупой, фасоли) и мясом, суп с галушками, щи со свежей или кислой капустой. Зимним мясным блюдом был холодец. В традиции переселенцев из Поволжья было есть холодец с квасом [318].

Мясо заготавливали впрок. Зимой морозили и хранили туши в погребах, засаливали в бочках. Копчение не было традиционным способом заготовки питания впрок. Старообрядцы рассказывали, что у них больше принято было вялить мясо или рыбу. Такой способ заготовки использовался уже в более поздний период, начиная с 20–30-х гг. XX в. «Когда колхозные времена наступили, стали ругать за добытое на охоте мясо. Приноровились так делать, коптили немного. Там, где убьют, там и оприхо-

дуют дичь. Отец наш собирал нас всех помогать. Приходим мы на место, там мясо лежит. Разводим костер, а мы режем мясо на дольки и на дыму коптим. Это дикое мясо так. Суетно. Отходы надо запрятать. Мясо это на чердаке хранили» [319].

Редкая крестьянская семья обходилась без коровы в хозяйстве. Молоко, сметана, творог, масло — без этих продуктов невозможно представить рацион питания русского человека. Мы уже отмечали, что растительное масло было не очень распространено в старообрядческих крестьянских семьях. В мясоед использовали скотское масло, а во время поста не пользовались маслом совсем, либо заправляли каши жареными и истолчеными кедровыми орешками, жареным конопляным семенем.

Из накопленной сметаны делали коровье масло в деревянных маслобойках. Летом масло часто пропадало из-за высокой температуры, поэтому масло перетапливали и летом пользовались топленым маслом. Хранили такое масло в погребах на холодных ключах. Из досок делали небольшой срубчик, без пола, с крышей-крышкой, которая могла открываться. По стенкам делали небольшие полки, куда ставили продукты. Сам срубчик устанавливали на ключе. Продукты ставили как в воду, так и на полки. В самом срубчике даже в очень жаркие дни сохранялась низкая температура.

Творог ели со сметаной. Многие информаторы отмечали, что творог ели не сладкий, не добавляли даже меда. «Мы даже и не знали, что его можно есть с сахаром» [320]. Переселенцы из северного Алтая рассказывали, что у них на Рожество разговляться принято было сырчиками: замороженная смесь творога, сметаны, меда. По внешнему виду напоминали лепешки. Творог отцеживали с помощью холщовых мешочков. Переселенцам из под Бийска такое блюдо также было известно, но под названием творожников. «У нас было принято творожников много наготавливать. Мы творожники делали не сладкие, просто смешивали со сметаной и морозили. Потом складывали в большие берестяные туески» [321]. Некоторые алтайские старообрядцы массу для творожников готовили из творога, голубицы, смешивая все это с медом. Замораживали впрок.

Рыба — еще одно важное составляющее в рационе питания русского человека. Речную рыбу использовали в пищу с древнейших времен. Богатство дальневосточных рек, озер весьма расширили список рыб, традиционно добывавшихся в родных местах. Более молодому поколению старообрядцев кажется, что морская рыба также, как и речная, всегда употреблялась в пищу. Но как нам известно, это было не всегда. Повторюсь, что к морю долго привыкали, поначалу никак почти не используя его богатства. Это была «чужая» территория. В пищу употребляли только проходную и полупроходную рыбу: она очищалась от погани в проточной речной воде. Нельзя было есть крабов, ракообразных, они похожи на самое поганое существо — паука, «тенетника». Есть можно было только ту рыбу, у которой насчитывалось семь плавников. Многие из старообрядцев отказывались есть сомов за их неразборчивость в еде. «Отец их (сомов) не брал, брезговал. Он однажды увидел, как китайца утонувшего затянуло под „карчи“ и его объедали сомы. Их в реке тучи было. Сомы в пироге сильно вкусные, но когда отец рассказал про этот случай, все сомов есть перестали» [322].

Главным первым блюдом из свежей рыбы считалась уха «шерба». Ее варили из белорыбицы (гольянов, пеструшков, форели). Алтайские переселенцы рассказывали о приготовлении еше одного первого блюда супа-икрянки. Варишь в кипящей воде картошку, добавляешь лук, соль, икру. Такое блюдо можно есть даже в постные дни, когда рыбу есть нельзя, а икру есть дозволялось [323]. Таким же любимым блюдом были и пироги из рыбы. Икра лососевых рыб стала употреблятся старообрядцами в пищу довольно давно. Традиционным блюдом стала запеканка из яиц с лососевой икрой. Красную икру солили в ястыках, в бочке. При необходимости доставали, вымачивали, варили суп, тушили с картошкой.

Обычно рыбу в больших количествах заготавливали на зиму. Основным способом заготовки была засолка рыбы. Засаливали в деревянных кадках, бочках. Рассказывает З. Л. Сандалова (переселенцы из Алтая): «Свежую рыбу чистим. Разрезаем (лососевая) по хребту и солим. Икру, молоки, жабры солим отдельно. Складывали рыбу в колоды или ящики. Рыба лежит там, а сок вытекает на пол. Весной выполаскивают ее новым непаренным березовым веником. Растягиваем тушку каждую на лучики и вялим. Бывало весь чердак увешаем» [324]. Главным в засолке была соль, ее хватало не всегда. Умельцы научились выпаривать соль из морской воды «Отец у меня сам добывал соль, — вспоминает В. И. Деминов, — Из железа делал большие противни. На огонь ставил их с водой. Вода выкипает, а он ее постоянно подливает. Днями сидит, бывало. Слой большой сделает, сгребает. Соль мелкая. В пищу ее хорошо, для засолки слабовата. Раньше соли дефицит был» [325].

«Положено было все только солить и вялить», — утверждают старообрядцы. Обычай коптить рыбу появился позднее. На подворье Сальникова Р. Я. стоит отстроенная им самим коптильня, представляюшая собой шкаф из досок, где внутри, на крючках развешивается рыба. Под ней стоит металлическая решетка. Нижняя часть коптильни соединена трубой с металлической печью. Топят печь ольховыми чурочками. «Чурочки потихоньку шают суток трое. Дым поступает в коптильню под решетку и к рыбе», — рассказывал нам сам Родион Яковлевич [326].

Переселенцы из Самарской, Уфимской губернии готовили пельмени из красной рыбы или тайменя: к фаршу из тайменя добавить по вкусу перец, соль, сало, яйцо. Удивительный рецепт холодной окрошки из красной рыбы рассказала нам Х. А. Давыдова (переселенцы из Самарской губернии): «В окрошку нужно покрошить голову и хвосты красной вареной рыбы, яйца, добавить кислой капусты, сметаны и залить квасом» [327].

Овощные растения известны человеку с древнейших времен. Большим разнообразием овощей вряд ли могли похвалиться крестьянские хозяйства старообрядцев. Традиционно выращивалась репа, морковь, капуста, брюква, свекла, редька, укроп. Картофель появился в России только при Петре I, но лишь со второй половины XVIII в. его стали выращивать в Сибири. К началу массового переселения славянского населения на Дальний Восток, картофель занял прочные позиции в крестьянских хозяйствах России. К этому времени, кажется, ушли в прошлое и картофельные бунты, и горячие споры об этом овоше. Статистика начала XX в. фиксирует стабильные посевы картофеля в старообрядческих хозяйствах края. Отрывочные воспоминания о семьях, не употреблявших картофель в пищу, сохранились у старообрядцев. Для большинства наших информаторов смысл этого явления давно забыт и не понятен. Тем не менее, и сегодня есть в крае семьи, не употребляющие в пищу картофель, продолжая традиции своих старших родственников.

И все же, для большинства старообрядческих семей картофель стал вторым после хлеба по значимости продуктом питания. Картофель — обязательное дополнение ко всем первым блюдам. Едят картофель, в основном, в вареном и тушеном видах, как фарш в различных пирогах. В уральских семьях распространены и любимы были закрытые пироги с сырой картошкой, картофельные шаньги.

У переселенцев из Житомирской губернии картофель в рационе питания занимал важнейшее место. Соседство с Белоруссией отразилось на традиционной кухне старообрядцев даже в названии блюд. «Из сырой картошки драники делаем. Нужно сначала натереть картошку. Муки добавить 1 стакан, 2–3 яйца, соль и жарить». Делали еще и пирожки из сырой картошки. Трем картошку, отцеживаем, добавляем соль. Из этой массы делаем пирожки, начинка капуста, творог и садят в печку. Эти же пирожки можно и жарить. Отцеженный крахмал отстоять, слить воду, залить другой водой, так несколько раз, чтоб белый был. С этого крахмала сделать блинчики, вбить туда яйцо, потом порезать как лапшу. Молоко вскипятить и бросить в него лапшу [328].

Репа — один из любимых в России овощей. Еще в 30-х гг. XX в. репу сеяли в поле и широко использовали в пищу. «Репу под борону сеяли, не грядками, как теперь». Сегодня этот овощ утратил свое значение, выращивается в небольших количествах на огородных участках. Из репы делали паренки, а также кашу. Брюква была не менее популярна у старообрядцев, чем репа. «Брюкву чистят, режут, ставят в чугун, немного воды — в печь. Томят до коричневого цвета. Куски вынуть и сушат на противне. Потом можно использовать для кваса, компота» [329]. Сегодня брюкву выращивают на огородах, но используют, в основном, как корм для скота.

Морковь использовалась как добавка к различным блюдам, а также для приготовления запеканок с яйцом, начинок для пирогов. Уральские старообрядцы и сибиряки делали морковную солянку. «Морковь сварить, тяпкой истяпать в корытце, потом опять в чугун с молоком да яичком потомить в печке». Сибиряки называли такое блюдо морковной кашей. Подобное же блюдо изготавливали из репы.

Свекольники были традиционным блюдом у всех групп старообрядцев. Свеклу варили, резали, заливали водой и ставили в теплое место. Для закваски бросали кусочек хлеба. Готовый свекольник ели холодным, с медом.

Если огурцы были вполне привычными и давно используемыми овощами, то с помидорами большая часть старообрядческого населения познакомилась довольно поздно, а употреблять в пищу начали повсеместно уже с 20–30-х гг. XX в. Вспоминает Х.Е. Поварницына: «Мы тогда в х. Семинском жили, помидоры садили не рассадой, а семечками. Так они только буреть начинали, мы их срывали — в бочку. А красные-то только в сельхозе и увидела. Сельхоз-то посадил помидоры, сторожей поставил. Один из сторожей мой жених и был. Принес он мне в подарок один красный помидор. Я ему: „Ну не мог ты мне розоватенького принести. Этот я не хочу, он не вкусный...“ Так и не съела. А потом это уж в 1956 г. в Комсомольске было, знакомая меня просто заставила съесть красный помидор. Мне понравилось. Я купила тогда два килограмма себе и маме» [330].

Капусты садили много, чтобы хватило на всю семью и на всю зиму. «Капусты садили много, постом все, бывало, жмешь ее, помидоры только зелеными солили...», — вспоминает П.П. Некрасова. З.Л. Сандалова поделилась своим секретом засолки огурцов: «Мы огурцы солили всегда. Пласт свеклы, пласт оурцов, потом капуста». Соленья делали в больших деревянных бочках. Бочки обычно оставляли на ключах или у реки. «Как помидоры только белеть начинали, мы их срывали — и в бочку. Зимой чашку из ямы: огурцы, соленые помидоры, капусту с картошкой! В Филипповки особенно. Только хрускоток стоит. Нам пост ни при чем...» [331].

Тыква — незаменимый для крестьянского стола овощ, особенно выручала тыква во время постов, поэтому садили тыквы помногу. До сих пор ей отдают предпочтение при посадках в огородах старообрядцы. По осени у нашего знакомого Ануфрия Андреевича огромный урожай красивых ярко-оранжевых тыкв уже был распределен по избе: в запечье, под печкой, под кроватями и ждал своего часа. В основном, тыквы употребляли запеченными, варили из них и тыквенную кашу с добавлением какой-нибудь своей любимой крупы (пшена, риса) или без нее.

Среди бахчевых культур любили арбузы. На зиму обязательно солили арбузы в бочках. Большие-резали пластами и пересыпали сахаром, а маленькие укладывали целиком.

Обязательно на огородах выращивали зеленые овощные культуры — укроп, петрушку, а из пряных растений черный и красный перец. Лук широко использовали в пище, а вот с чесноком опять были сложности. Его почти никогда нельзя было увидеть на огородах старообрядцев. «Чеснок не ели. Нельзя. Это еше когда Моисей удалился на 40 дней для беседы с Господом, евреям быстро надоела эта манка, и они нашли чесноковидный лук, чтоб разнообразить себе еду. А от него смрад великий распространился. Господь разгневался, проклял эту траву и тех, кто ел и ест ее» [332].

Редька среди обязательных и любимых блюд особенно часто называлась старообрядцами уральцами и сибиряками. «Редька — это первое дело. В яму не пошла бы, да за редькой надо. У Устиньи Муровой все есть, что поесть. А парню ее только редьку давай. Она ему целую чашку сделает, он все съест. Морда красная, горит аж!» [333]. В постные дни редьку подавали на стол каждый день, делали «тюрю». Заливали редьку квасом со сметаной.

Таежные богатства Дальнего Востока значительно расширили и обогатили рацион питания старообрядцев. Ягоды, грибы, орехи...

Из ягод варили кисели, замораживали на зиму в бочках, делали ягодные соки. Черемуху сушили, мололи. Эту черемуховую муку использовали как начинку для пирожков. «В муку эту добавить немного воды, меду, тесто как на оладьи и внутрь пирожков эту начинку». «Мы с черемухой пекли „опекыши“, шанежки такие маленькие (алтайские переселенцы)». Из малины и другой ягоды какой, голубики, делали «леваши». «Заливаем немного медом, пусть постоит, потом добавляем немного муки, на капустный лист — и в печь. Сильный жар не нужен. Подсушиваем и складываем на зиму. Много заготавливали. Зимой можно из них и пироги делать, да и так таскали», — рассказывала М.Ф. Семенихина (алтайские переселенцы). Лимонник, как непривычную ягоду поначалу не собирали. «Нашему папе есть его понемногу от головной боли посоветовала знахарка бабушка Гуляева. Папа его медом заливал и ел, легче становилось» [334].

«Дикий виноград мы ели только свежим, не заготавливали, а вот киш-мыш мешками носили, сушили, компоты делали»; «Виноград натаскивали, промывали, потом в липовку медом заливали... Из такого винограда пироги делали, кисель варили» [335].

Грибы использовали как начинку в пирожках, курниках. На зиму грибы солили, особенно мокрые грузди, белянки... «Вот ведь странно, мы раньше знали одни грузди. Я до 1952 их только и ела, а ведь у нас росли и маслята, и опята. Сейчас то я знаю, какие они вкусные, почему раньше мы их ногой пинали не ели», — недоумевают алтайские старообрядцы [336]. Обабки, маслята сушили и жарили.

Орехи маньчжурские и кустовые волоцкие орехи стали собирать позднее. Маньчжурский орех использовался только как лекарство.

Орехи использовались для приготовления масла, орехового молока. Е.С. Кузьминых: «Очищенные орехи поджаривали, толкли в ступах и высыпали в воду, потом ее недолго кипятили. Это и есть ореховое молоко. Вкусное. Жареные орехи толкли в ступе и выжимали. Это масло так делали, а иногда и просто поджаренные орехи бросали сразу в кашу. Из лещины делали ореховую халву. А еще для блинов делали „потолкушку“: толкли жареный орех лещины с сахаром, потом блины макали» [337].

«Орехи просто так не ели. В воскресенье выдавали всем по кружечке. В будни некогда орехи щелкать» [338]. Хранили орехи в мешках, бочках в сухом месте, на чердаке

Черемшу заготавливали в больших количествах и использовали как приправу или закуску. Традиционную окрошку делали также и с черемшой. Х.А. Давыдова: «Черемшу соленую или свежую резали, заливали ее квасом. Туда же резали яйца, заправляли сметаной» [339].

Из съедобных растений в пищу использовали щавель-«кислицу», пучки (борщевик), корни саранок. Сладкий корень сараны был лакомством для детей. Разнообразили пищу молодыми побегами полевого хвоща. «Только вылезет из земли, его срывали и ростки эти отваривали». «Стебель у пучек срезают, режут черешки снизу, отваривают в воде, сливают воду. Это называется пеканы, их солят. Из них делают борщ, салат». Лепестки цветов, особенно шиповника, также употребляли в пищу... «Мы как идем гулять, так бабушка нам наказывает: „Ешьте, ребятишки, лепестки цветов, там витамины". Ревень собирали в лесу, позднее выращивали у себя в огороде, делали из него варенье, сушили» [340].

Березовый сок по весне был излюбленным лакомством и напитком. «Делали у дерева надрез, ставили бутылку и таз. С ведро насачивали» [341]. Сок заготавливали на все лето. Заготавливают березовый сок и до сих пор, используют забродивший березовый сок для приготовления окрошки.

Традиционным напитком в старообрядческих семьях был квас. Квас в доме должен быть всегда. Им запивали любую еду, пили вместо чая. «Бабушка без кваса за стол не садилась. Она все ела только с квасом и говорила, что если хоть два дня без кваса приходилось быть, то нарушалось пищеварение» [342]. Квас делали из сушеной тыквы. Добавляли воду, сухари, и получался квас без дрожжей.

Чай был довольно редким явлением в старожильческих семьях старообрядцев. В уральских семьях горячую воду или настой из чаги забеливали молоком. Чай становится более распространенным явлением уже после 30-х гг. XX в. В качестве заварки использовали листья малины, или использовали смесь листьев смородины, малины, земляники, белоголовника, ягод шиповника, боярышника, морковной ботвы.

Еще одним распространенным напитком был брага. Солод с квасом в чугуне должен упреть, затем его доливают водой в корчагу через сито. Такая брага не была хмельной. Другой вид браги делали на меду. «Отец в бочку меда добавлял закваску и закапывал в землю на пасеке. Осенью, как пчел убирать в омшанник, так сзывает соседей, родню: „Мне пчел ставить надо. Помогите Христа ради". После помочей — поил брагой» [343].

Важную регулятивную роль в рационе питания играл церковный календарь, где большую часть года составляли посты. В году насчитывалось четыре основных поста: Великий пост, Петро-Павловский пост, Успенский пост и Рождественский. Помимо них есть еще специальные дни поста в честь святых, а также каждая среда и пятница недели. Указания по употреблению тех или иных продуктов питания даются в Уставе. Существуют также и различные уровни строгости постов. В дни строгого поста запрещается употребление в пищу животных продуктов: мяса, яиц, молока, вина и разрешалось употребление только растительной пищи. В менее строгие дни дозволяется употребление масла растительного, вина, иногда рыбы. По рассказам одних информаторов, к посту приучали с самого раннего возраста в 1–3 года: «как только от груди отлучают, так и на пост...»; Е. Т. Рябчинская: «Во время строгого поста даже 3-летнему ребенку не давали 6 недель молока» [344].

Во время религиозных праздников пища была особенно разнообразна. Главным блюдом на всех праздниках были пироги со всевозможными начинками. Переселенцы северного Алтая (более раннее место выхода Вятская губерния) разговлялись в Рожество сырчиками. «На Рожество обычно скот резали, поэтому пирожки делали с осердием, мясом, холодец и курник» (уральские старообрядцы) [345] «Мы бедно жили. На Рожество мама посадит нас детей за стол, поставит каждому по чашке пельменей, стакан молока и хлеба кусок» [346].

Традиционной пасхальной едой были крашеные луковой шелухой яйца. Нами не была зафиксирована информация о выпечке куличей в старообрядческих семьях. У многих наш вопрос вызывал удивление. Очень редко рассказывали и о приготовлении творожной пасхи. Чаще рассказывали об употреблении просто творога, смешанного со сметаной. По информации М. Ф. Семенихиной (переселенцы из-под Бийска, более раннее место выхода, предположительно Вятская губерния), в их семье делали творожную массу, смешанную с изюмом (для многих старообрядческих семей изюм все же относился к разряду редких продуктов, многие познакомились с ним по приезде в город). «Папа сделал из жести такие формочки как стаканы. Маслом промазывали внутри, набивали массой. Она постоит немного. На Пасху на тарелку переворачивали, чтоб этот стаканчик на тарелке оказался» [347]. Главным угощением этого праздника были пироги (у уральских старообрядцев-шаньги и творог со сметаной).

По правилам (строгий Великий пост продолжался до утра) заранее готовить праздничный стол было нельзя, грех. Для многих общин это было серьезной проблемой. Каждый по-своему выходил из этой ситуации. Вспоминает Х. Е. Поварницына: «Мама моя задала этот вопрос о. Кирилле. Он подумал и говорит: „Хорошо, если ты сейчас не напечешь, а утром молиться надо, а потом семье есть надо... Когда же делать?.. Конечно, вкусно пахнет, но и искушение перебороть надо будет, это еще и испытание. Делайте с вечера". Так он разрешил. Мы готовили с вечера» [348]. В других семьях оставляли кого-нибудь готовить, а семья уходила на службу. Особым блюдом, которым выходцы с Урала после яиц разговлялись на Пасху, была окрошка. (информация К. К. Плешковой, Южный Урал) «На Пасху разговлялись обязательно окрошкой (яйца, картошка, лук зеленый, кислая капуста, квас» [349].

На Троицу алтайские старообрядцы обычно готовили пироги с маком [350]. Уральские, чаще отмечали этот день уже с окрошкой.

В одну из поездок меня пригласили на поминальный обед. После молитвы в комнату внесли столы и расставили угощение. Первым блюдом, которое должен был отведать каждый по 3 ложки, была кутья — сваренные зерна пшеницы с медом. Кутья во время общей молитвы стояла под иконами. Затем на стол подали окрошку из забродившего березового сока, затем лапшу с курицей, пироги с рыбой, кашу. На столе из напитков стояли квас и компот. Под конец обеда принесли сладкие ватрушки с творогом и густой кисель в тарелках.

Одна из наших информаторов рассказывала мне о поминальной пище: «Первое, это кутья. Когда мы молимся, свечи на нее ставим, кадим кутью. Я тут где-то видела, что одна женщина принесла ту бедную кутью на могилку и дает ее одной и той же ложкой всем в рот. Ну, скажи, ты будешь ту кутью есть? На могиле есть нельзя, у нас не положено. Похоронили — иди с Богом. Потом, конечно, посещаем могилу. Во время обеда у нас принято готовить лапшу. Постную и мясную, в какой день угадает. Пироги обязательно. В пост-то капустные, ягодные. Кисель на поминанье делается густой и режется на кусочки с медом» (уральские переселенцы) [351]. В приготовлении кутьи особых сложностей, по словам информаторов, не было. «Нужно было пшеницу залить кипятком ровно настолько, сколько пшеницы. Хорошо развариваем. Кутьи делали из расчета 3 ложки на каждого присутствующего. Ее обязательно кадят и должны съесть всю, оставлять нельзя. Уж если не съели, то в печь остатки выбросить» [352].

Итак, в число обязательных поминальных блюд входили кутья (пшеница, очень редко рис, с медом), лапша с мясом, курицей или постная, окрошка, каша двух-трех видов, пироги с рыбой, пироги с разной начинкой в зависимости от того, какой день, постный или мясоед, кисель, реже компот. Спиртное строго запрещено употреблять во время поминального обеда. По информации уральских старообрядцев, картошку на поминальный обед никогда не готовили [353].

У переселенцев из Житомирской губернии поминальное меню несколько отличалось. Здесь в качестве первого поминального блюда появляется борщ. П. К. Черняева, с. Ивановичи: «У нас на поминках готовят борщ, суп с курицей, пироги капустные, каша рисовая, кисель синий с ягодами, молочный кисель. Кисель готовят, компот. Кутью делают из пшеницы с медом» [354].

Свадебная пища старообрядцев очень обильна и разнообразна. К этому дню обязательно выпекали праздничный белый хлеб-каравай. Сведений о каких-то особых блюдах нам записать пока не удалось. Информаторы из разных мест выхода вспоминали, что традиционными блюдами на свадьбах были пельмени (готовили их очень много), мясные блюда (тушеное мясо, холодец), в большом количестве разные пироги. Уральские старообрядцы обязательно пекли большие сладкие шаньги, шаньги поменьше размером делали с картофельным фаршем. На праздничных столах отсутствовали такие привычные сегодня салаты, их заменяли соленья.

Традиционно принимали пищу в старообрядческих семьях, как правило, 1–2 раза в день. В обычные дни в 11 часов и в 18 часов, во время Великого поста один раз в 15 часов. Для тех, кто был на тяжелых работах, устраивали паужин, в перерыве от 13 до 16 часов. Некоторые семьи продолжают сохранять такой режим приема пищи и сегодня. Помню, как удивлялся наш гость из старообрядческой семьи из Кемерова, когда я с дочерьми садилась завтракать перед работой в 7 часов утра. «Нет, мы так рано не обедаем, — говорил он, — все внутри вас еще спит». Не однажды нам приходилось наблюдать, как пожилые супруги Ошлаковы приступали к еде, уже поработав на огороде.

В других старообрядческих семьях ели три раза в день: утром в 7–8 часов, обед в 12 часов и ужин, как стемнеет. «Тятя наш так время определял. В подоконник втыкал палочку и по тени определял, когда пора обедать» [355].

Еду готовили обычно один раз, утром, на весь день. Вся еда оставалась на печке и до вечера не остывала.

Нами было записано несколько меню постной и обычной недели с двухразовым и трехразовым питанием в день у сибирских и уральских старообрядцев.

I. Обычная неделя, двухразовое питание. Обед в 10–11 часов, ужин в 18–19 часов. (переселенцы из Сибири).

ПОНЕДЕЛЬНИК:

1. Обед. Похлебка (в кипящую воду бросить вымоченную соленую капусту, затем картошку. Туда же бросаем лук, морковку). Хлеб крошим в похлебку. Чай. Завариваем горстку шиповника, боярки, малины и смородины. Не кипятить. Пьем вместо кваса. Иногда добавляем мед.

2. Ужин. Доедаем все, что остается от обеда.

ВТОРНИК.

1. Обед. Похлебка с мясом. Бульон варится с говядиной или бараниной. Остальное также. Чай готовим также.

2. Ужин. Доедаем все, что остается от обеда.

СРЕДА (Постный день).

1. Обед. Похлебка с галушками. Тесто делаем пресное, без яиц. Горсть муки и вода. Варим бульон с картошкой. Из теста делаем жгутик и режем на кусочки. В бульон добавляем лук, морковь.

Каша пшеничная на воде. Едим без масла. С соленой капустой, огурцами.

Кисель. Крахмал свой, разводим и добавляем сок ягоды

2. Ужин. Каша и кисель.

ЧЕТВЕРГ.

1. Обед. Суп с мясом и капустой.

Каша рисовая на молоке.

Чай с травами. Чаще всего чай не пьем, не привычные мы чай пить.

2. Ужин. Доедаем все, что осталось от обеда. Суп поешь да кашу, а больше ничего и не надо.

ПЯТНИЦА (Постиый день).

1. Обед. Рыбный суп. Сначала варим картошку, потом рыбу красную, лук. Иногда добавляем соленую капусту.

2. Ужии. Поджариваем соленую рыбу. Накрошить на сковородку картошки, сверху-куски соленой рыбы, лук. Доливаем воды, немного растительного масла, сверху закрыть чашкой. Когда картошка готова, ставим в печку, чтоб рыба подвялилась, подсохла.

СУББОТА.

1. Обед. Суп с мясом.

Каша гречневая или гороховая.

2. Ужин. Доедаем, что останется.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

1. Обед. Суп с мясом и с капустой. Пироги рыбные. Зимой из соленой рыбы, летом из свежей. Пироги делаем закрытые.

2. Ужин. Тыквенная каша. Тыкву режем, добавляем воды. Когда тыква сварится, толчем ее с молоком, добавляем соли и масло коровье [356].

II. Неделя постная. Трехразовое питание (переселенцы из Сибири).

ПОНЕДЕЛЬНИК.

1. Завтрак. Суп с гречневой крупой (бросаем в кипящую воду картошку, капусту, лук не зажариваем, морковь. В последнюю очередь бросить крупу). Картофель отварной с солеными огурцами. Чай (листья малины, земляники, ягоды боярки, чабреца, морковная ботва) с вареньем.

2. Обед. Суп едим тот же. Каша гречневая с медом. Чай.

3. Ужин. Чай с хлебом.

ВТОРНИК.

1. Завтрак. Суп гороховый (без мяса и масла). Каша пшеничная без молока. Кисель (крахмал свой, варенье)

2. Обед. Суп едим тот же. Картошку почистить, порезать на сковородку, сверху покрошить лук, укроп, добавить воды и закрыть крышкой. Есть с огурцами, капустой.

3. Ужин. Доедаем все, что остается, пьем чай.

СРЕДА (едят два раза).
1. **Завтрак.** Суп картофельный с укропом, луком, морковью.
2. **Обед.** Каша рисовая на воде, заливаем вареньем.
3. **Ужин.** Картошка в мундирах с соленой капустой.

ЧЕТВЕРГ.
1. **Завтрак.** Суп картофельный с соленой капустой.
2. **Обед.** Тот же суп и горошница.
3. **Ужин.** Пельмени с капустой соленой (тесто постное).

ПЯТНИЦА.
1. **Завтрак.** Суп перловый.
2. **Обед.** «Толстые шти» с квасом.
3. **Ужин.** Редька с квасом и картошкой.

СУББОТА.
1. **Завтрак.** Суп с фасолью, постный.
2. **Обед.** Суп тот же. Овощи вареные: капуста, свекла, морковь.
3. **Ужин.** Тыквенная каша.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.
1. **Завтрак.** Суп с грибами. Сушеные грибы вымочить, порубить, варитьс картошкой и луком.
2. **В обед и ужии** — пироги с капустой соленой, вареньем [357].

III. Обычная иеделя. Трехразовое питание. Завтрак –10 часов, паужин в 13 часов, ужин в 8 часов вечера. В Великий пост питаемся 2 раза, обед не раньше 10 утра, ужин в 16 часов (уральские старообрядцы).

ПОНЕДЕЛЬНИК.
1. **Обед.** Суп картовный (картошка, капуста, лук и морковь).
2. **Паужин.** Тот же суп.
3. **Ужин.** Картошку чистим и режем пластами, крошим капусту пластами и ковш воды. Парим все в русской печке. Запиваем травяным настоем с медом (травы лабазник, белоголовник).

ВТОРНИК.
1. **Обед.** Суп мясной (картошка, горсточку ячменя, лук, морковь).
2. **Паужин.** Суп и каша ячменная на молоке и с коровьим маслом.
3. **Ужин.** Доедали все, что оставалось. Если не хватало, то можно редьку с квасом и хлебными крошками.

СРЕДА (постиый день).
1. **Обед.** Суп картофельный с фасолью и луком. (Лук мы не жарим)
2. **Паужии.** Суп тот же с кашей гречневой на воде
3. **Ужин.** Толченая картошка с квасом.

ЧЕТВЕРГ.
1. **Обед.** Суп мясной — лапша.
2. **Паужин.** Суп тот же. Запеканка. Вареную резаную картошку заливаем яйцом и в русскую печь.
3. **Ужин.** Картошка вареная с тыквой паренкой с хлебом.

ПЯТНИЦА (постиый деиь).
1. **Обед.** Суп с галушками (картошка, крупа любая и галушки из пресного теста).
2. **Паужин.** Суп тот же. Каша чумизная (она как просо, тягучая. Из нее можно потом оладушки сделать и утором пожарить на коровьем масле).
3. **Ужин.** Варенники капустные или картовные.

СУББОТА.
1. **Обед.** Суп рыбный.
2. **Паужин.** Суп тот же. Пирожки капустные печеные.
3. **Ужин.** Пельмени рыбные.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.
1. **Обед.** Суп мясной с капустой.
2. **Паужин.** Суп тот же. Котлеты рыбные или мясные. Пироги с рыбой и капустой.
3. **Ужин.** Тушим картошку с мясом [358].

Непременной принадлежностью крестьянского быта была посуда. По назначению она подразделялась на посуду столовую, для употребления пищи, посуду для приготовления пищи, посуду для хранения продуктовых запасов, посуду для молочного хозяйства и т. д.

Самыми простыми и наиболее дешевыми материалами для производства посуды были глина и дерево. В связи с поздним заселением Дальнего Востока в крестьянских хозяйствах наблюдалось большее разнообразие посуды. Покупная посуда из металла и фарфора, фаянса становится привычной в домах зажиточных крестьян.

Посуда для приготовления пищи в печи обычно была покупной и состояла из необходимого набора разных по размеру чугунов, с крышками и без них, сковородками из чугуна, большими и маленькими. В больших старообрядческих семьях в ход шли большие чугуны, «жарехи», большие и высокие чугунные сковороды. В них свободно умещались для приготовления одномесячные поросята.

Посуда для еды была более разнообразна. Безусловно, большинство старообрядческих семей было вынуждено обходиться простой посудой, изготовленной из дерева и глины. К концу XIX в. даже в более бедных семьях появилась металлическая эмалированная посуда. По словам М.Ф. Семенихиной, их семья была среднего достатка, но посуда в семье была и фарфоровая, и металлическая. Детям помладше давали металлические тарелки, чтоб не разбили. «Папа не любил „дорожек“ (потеков) на столе, поэтому у каждого была своя тарелка, или одна на двоих» [359]. На северном побережье с его торговыми связями с Японией покупная посуда распространилась быстрее. С глиняной посудой было сложнее, поскольку умельцев изготавливать ее кустарным способом было не так много. Чаще такую посуду производили кустари-украинцы. Встреча-

ется довольно много упоминаний о том, что посуду покупали у таких мастеров. «Глиняную посуду в Нахтахе никто не делал, а в 11 км от нас жили украинцы. Мы к ним за посудой ходили» [360]. Чаще всего в крестьянском хозяйстве можно было видеть посуду, изготовленную из дерева: долбленая, бондарная, плетеная. Ложки для еды были самодельными из дерева, большие — половники и маленькие для еды. Вилки, если они были в крестьянской семье, то были покупными, изготовленными из меди.

Различные корытца: сельница для просеивания муки, корытце для приготовления мясного фарша, резки овощей выдалбливали из дерева и изготавливали их разных размеров. Для заквашивания теста традиционно использовалась квашонка. За время полевой работы мы видели, и глиняные, и долбленые квашонки, и из клепки. Причем две последние гораздо чаще. Тесто замешивали мутовкой, веселкой, деревянной лопаточкой с длинной ручкой. Особым спросом всегда в деревне пользовался труд бондаря. Заготовок на зиму делали помногу: большие семьи. Бочки и кадки делали всевозможных размеров, но бочки или кадки для солений, квашеной капусты, соленой рыбы, ягодных запасов делали большими. Кадки для солений старались делать из осины. Большой делали кадку для воды.

Для домашнего кваса делали бочки ведра на 3–5. На семью хватало его дня на три. «Обычно, кто дома оставался в субботу, наказывали: полы помыть, баню истопить, квас развести» [361]. Делали часто такие бочки для кваса с краником. Уральские переселенцы называли такие бочки для кваса, браги «логунами», маленькие — «логушок».

Из клепки делали маслобойки, приспособления для изготовления коровьего масла. Они представляют из себя довольно узкий цилиндрической формы сосуд из клепки, в котором двигался поршень (на длинной палке горизонтально насажен деревянный диск), взбивая сметану.

В крестьянском домашнем быту незаменима была посуда из дерева, бересты. Туеса делали различных размеров: от десяти сантиметров до ведра. Анна Яковлевна Сальникова вспоминает, что туески в их семье умел делать дед — Пермяков Роман Ермолаевич (переселенец из Пермской губ. в Кхуцин). Он научил делать их всех своих внуков. В июне, когда заканчивается сокодвижение, начинает нарастать камбий — слой под корой, мягкий он в это время. Срубаем березу и тонкой заостренной палочкой — сочалом, чтоб оно легко под кору входило, запускаем и потихоньку подсекаем кору. Потом снимаем кору, бересту, ее можно разрезать вдоль, чтобы снять. На березе остается остается коричневая кора, а дальше слой камбия. «Рукав» — внутренняя часть, ее не разрезают, а подсачиваюти снимают чулком. Вставляют рукав, надевают верхнюю рубашку, внизу поясок загибают. Дно вырезают по размеру циркулем, рашпилем. Окунают днище в кипяток, вставляют дно, береста его обхватывает и дно не выпадает. Верхннюю часть тоже окунают в воду и большую часть рукава заворачивают, подгибают и оставляют [362].

Кажется, в берестяной посуде можно хранить все, и сыпучие продукты, и напитки. Все, за исключением меда. «Мед ни в какой посуде не удержать, он везде дырку найдет, — говорила М. Ф. Семенихина, — его держали только в долбленой посуде» [363]. Для этой цели делали бочки долбленки из липы или осины. Дно в таких липовках старались делать цельным.

Осознание своей исключительной роли в сохранении истинной веры накладывало на старообрядцев громадную ответственность за неукоснительное соблюдение правил по сохранению ее чистоты во всем, начиная от религиозной сферы и заканчивая бытовой. «Свое», чистое пространство строго отделялось от «чужого», грязного, мирского пространства. Помимо общих правил, выработанных за столетия существования старообрядчества и направленных на сохранение «чистого» пространства, в соответствии постоянно меняющейся социально-политической, религиозной ситуацией, в общинах появлялись новые правила, позволявшие верующим идти на вынужденный компромисс с остальным миром.

Для современного старообрядческого сообщества очень важным остается проблема приобретения продуктов питания в магазинах. Первый вопрос, который задал мне при знакомстве известный сегодня всем, кто интересуется старообрядчеством, Ананий Клеонович Килин, покупают ли наши приморские старообрядцы продукты в магазине. На мой утвердительный ответ, он неодобрительно покачал головой: «Не крепки». (Сам Ананий Клеонович, приехав на несколько дней в Москву с Кубани для участия в конференции, привез с собой все продукты питания, даже воду).

В приморских старообрядческих общинах к покупкам в магазине вынуждены прибегать все: «Покупную еду крестом ознаменываем, а на торжище все ангелом освящается, это же по нужде...», — знают они [364]. Дома такую покупную еду обязательно дополнительно «ознаменуют с молитвой». В деревнях, глубинке, где есть возможность обзавестись скотом, есть силы и возможность заниматься хлебопашеством, старообрядческие семьи предпочитают использовать в пищу только свои продукты питания. Поэтому в таких семьях начинает развиваться комплексное хозяйство: хлебопашество, животноводство, пчеловодство. Дополнительным источником питания продолжают пока еще служит тайга и реки Приморья. И все же, и в этом случае сегодня без магазина не обойтись. Возникает проблема выбора продуктов. В этом случае старообрядцы предпочитают покупать продукты, произведенные в России. «Чужое нельзя брать, особенно у тех, кто с Востока. Корейский чугун даже в баню не берут. Можно купить у русских, но только не у армян, т. к. армянский князь ввел в честь сдохшей собаки недельный пост». Особо настороженно относятся старообрядцы к продуктам китайского происхождения. «В Китае до сих пор идоложертвенное окропление. Когда Апостолы проходили вокруг земли, они до Японии и Китая не дошли. Там веру Христову не приняли. Другие все белые народы приняли, только некоторые из них уклонились в католичество. Мы окропленное идолом не берем» [365]. Категорически не принимаются продукты, произведенные в Америке. «У нас Америка считается самой поганой страной, это даже где-то в книгах записано. Она даже хуже Китая. Может оттого, что оттуда первый разврат пошел?» [366]. Сегодня среди ярких этикеток, иностранных надписей бывает чрезвычайно трудно разобраться, где произведен продукт, но первым знаком, что продукт покупать нельзя, является штрих-код на упаковке — «антихристов знак».

Несмешение в еде и посуде с остальным миром и сегодня продолжает соблюдаться в старообрядческих общинах края. Во время полевой работы нас частенько подкармливали гостеприимные и хлебосольные старообрядцы. Мы ели из особой посуды, предназначенной специально для гостей. К слову сказать, нас это не унижало и никогда не оскорбляло. В старообрядческих семьях, где молодое поколение «мирское», также существут разделение посуды на чистую и мирскую.

Внутри старообрядческого общества существуют правила, касающиеся разделения посуды. «У нас посуда разная: чистая для еды, стряпчая, поганая для скота, мытья полов, банная» [367]. Случайное смешение чистой посуды с поганой невозможно. Если оно происходит, то в зависимости от ситуации решают, возможно либо ее исправление, либо посуду нужно выбросить. «На первый Спас пойду на речку посуду, исправлять, которую измирщила. После кошки можно исправить. После собаки и мыши — нет. Если кошка в доме есть, а мышь все-таки испогагнила посуду, то ее исправить можно. Я положим, ведро купила для мусора или полы мыть. Я еще ничего с ним не делала, а оно уж поганое» [368]. Детей с самого раннего возраста приучали к строгому соблюдению гигиенических правил: «в общий чугун со своей ложкой не лезь, воду набирать можно только ковшом». Для старовера это как «Отче наш». «Мне мама в школе не разрешала пить из общей кружки. И в Совете (сельсовет) когда я работала, никогда не пила, 21 год домой пить ходила. У нас в доме водянка (бочка или ведро для воды)

всегда с крышкой и с ковшом стоит...». Вспоминает А. Ф. Новожилова: «Я маленькая была тогда. Помню, набегалась на улице, пить захотела. Дед в это время воду в кадку носил. Я забежала, да лицом-то прямо в кадку, чтоб напиться. Дед сзади по затылку: „Ты что наделала! Быстро лицо утри, чтоб бабушка не видела, а то мне придется кадку на реку нести чистить да снова воды таскать...“» [369].

Пища всегда должна быть закрыта крышкой. Если нет крышки, то хоть двумя щепочками, уложенными крест-накрест, необходимо было закрыть. Кажется, нехитрое правило, несоблюдение его строго наказывалось. Удивительную историю по этому поводу рассказали нам старообрядцы: «Мама у нас украинкой была, многое не знала, как правильно делать, не привыкла еще. Посуду не закрывала. Тятя сильно переживал по этому поводу. Вот ее и послали на весь пост в Инбаши на обучение христианскому обычаю. Там крепкой веры жили старики. Трудно ей все давалось. Вот как-то легла она отдыхать после еды, но еще и не уснула. Вдруг дверь открылась, зашло страшилище. Все в коростах. А на кухне вся еда скатеркой покрыта. Так он ходил, ходил, видит нож лежит не закрытый, схватил его. Жевал, жевал, зеленая пена пошла у него, выплюнул. Вдруг видит водянку. Она тоже не закрыта была, залез туда и давай мыться. Всю кросту в водянке оставил, сам чистый вышел. Тут мама очнулась, поняла, как важно все накрывать» [370].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что переселившимся на новые земли старообрядцам удалось максимально сохранить основы традиционного питания родных мест. Обычай селиться вместе родственными и земляческими группами в немалой степени только способствовал сохранению традиций в выборе продуктов, технологии приготовлении пищи. В начальный период обмен информацией происходил, скорее всего, внутри старообрядческого сообщества между выходцами из разных регионов. Конфессиональная замкнутость, многочисленные пищевые запреты, отделение собственного «чистого» пространства от «чужого» ограничивали проникновение культур других народов в такую интимную сферу как пища. И, тем не менее, проживание на одних и тех же территориях с коренным населением, китайцами, корейцами, частые контакты старообрядцев с ними способствовали в основном расширению ассортимента продуктов питания и знакомству со способами их кулинарной обработки. Можно отметить в целом очень медленную динамику этого процесса: съедобные, вкусные или целебные дальневосточные дикоросы (грибы, ягоды), морская рыба, другие морепродукты не употреблялн в пищу на протяжении многих и многих лет. Вплоть до 30-х гг. XX в. продолжали сохраняться региональные традиции питания различными старообрядческими группами, а также ритуальная, обрядовая пища.

Революционные, социально-политические перемены в стране, войны, голод, разрушили замкнутость натурального хозяйства и быстро привели к унификации питания рядовых советских тружеников.

Сегодня традиции питания пытается сохранить лишь пожилое население в сельских местностях. Молодое поколение, оторвавшееся от родителей, как правило, уже не знает этих традиций, и пользуются даже во время проведения обрядов (свадьба, похороны), церковных праздников неким общепринятым в современной городской среде вариантом.

Заключение

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал показал, что массовое переселение старообрядцев на Дальний Восток было связано с процессом присоединения, заселения и хозяйственного освоения этого региона. Совпадение по времени таких значительных исторических фактов как присоединение к России огромных территорий Дальнего Востока и отмена крепостного права повлияло на динамику процесса заселения дальневосточных окраин. Среди основных причин, побудивших многие сотни семей старообрядцев двинуться в столь дальнее путешествие были и экономические, социальные и религиозные: получение крупного земельного надела, хозяйственная независимость, желание освободиться от постоянного надзора властей и официальной церкви. Мечта о религиозной свободе находит у старообрядцев воплощение в реально-фантастическом образе Беловодья, поиски которого продолжались и на Дальнем Востоке вплоть до начала XX в.

В ходе поэтапного заселения сформировалось старообрядческое население края, представленное тремя основными группами выходцев из Европейской России: 1 — Волго-Вятский регион, Житомирская, Волынская губернии; 2 — Урало-Сибирский регион (преимущественно из Пермской, Томской, Енисейской губерний); 3 — Забайкалье.

К началу 30-х гг. XX в. определились основные районы расселения старообрядцев, локализация населения в которых происходит на основе семейно-клановых, земляческих и конфессиональных признаков.

Неоднородным было старообрядческое население в конфессиональном отношении. Здесь были представлены оба направления в старообрядчестве: поповское, первоначально существовавшее в форме беглопоповщины, и беспоповское. Большая часть сторонников старой веры принадлежала к часовенному согласию. Беспоповское старообрядческое население было сосредоточено преимущественно в сельских районах края, представители белокриницкого согласия — в областных и уездных центрах.

В условиях освоения новых территорий хозяйство старообрядческого населения носило многоотраслевой характер, основу его составляли земледелие, охота, животноводство, рыболовство, пчеловодство, оленеводство. Старообрядческим группам (забайкальским семейским и выходцам из лесной зоны Европейской России, Урала, Сибири) удалось сохранить свойственный им тип хозяйства. Местные природные условия продолжали способствовать развитию выбранного направления хозяйства: земледельческо-животноводческое и земледельческо-промысловое. Развитие получили ремесла, непосредственно связанные с основными крестянскими занятиями: смолокурением, изготовлением дуг, колес, санный промысел, тележный промысел, бондарный и т. д.

Занятие такими доходными промыслами как охота, пчеловодство, оленеводство способствовало быстрому превращению крестьянских хозяйств в хозяйства мелкотоварного типа.

На начальном этапе заселения края был распространен речной тип поселений, который, в связи с прокладкой дорог, соединивших поселения, сменился на не менее распространенный — притрактовый. Уличная планировка селений, представляющая собой два порядка домов, повернутых лицом друг к другу, была наиболее характерна для старообрядческих поселений в Приморье. Самым распространенным типом жилых построек был «пятистенок + сени» с двускатной крышей. Внутренняя планировка относится к северно и среднерусскому плану жилищ (печь расположена справа или слева от входа). Наиболее распространенным в Приморье был тип открытого незамкнутого двора, наиболее ранней формы застройки усадьбы.

Одежда приморских старообрядцев свидетельствует о их неоднородном этническом составе и сохраняет как североеликорусские черты, так и южновеликорусские. Североеликорусские особенности костюма (туникообразная одежда, косоклинные сарафаны, поликовые рубахи с кошеными рукавами, бесполиковые рубахи, ношение платка на роспуск и. т. д.) мо-

жно обнаружить в одежде выходцев из Вятской, Пермской, Енисейской губерний, северной, центральной части Томской губернии. Южновеликорусские особенности (широкие сильно присборенные рубахи, яркие цвета ткани и обильное украшение одежды кружевом, вышивкой, бусами, цветами, способ повязывания платка, мужские головные уборы, кичка, терминология названия предметов одежды) сохраняются преимущественно у выходцев с Украины, забайкальских семейских, выходцев с южной части Алтая (бухтарминцы). Влияние одежды коренного населения на старообрядческую произошло только в области промысловой одежды. Размывание традиций и утрата региональных особенностей в костюме старообрядцев усиливаются в связи с городским влиянием, а также неплохой покупательской способностью населения. У молодежи самым распространенным становится комплект из кофты и юбки-парочки. Довершили разрушение традиционного костюма старообрядцев революционные преобразования и репрессии. Архаичный крой одежды продолжает сохраняться в обрядовом костюме.

В пище старообрядцам длительное время удавалось сохранять традиционные особенности питания родных мест. Расширение круга продуктов питания, и их кулинарной обработки происходило благодаря контактам с местным населением.

Проведенное исследование показало, что старообрядцы сохранили общерусские черты традиционной национальной культуры. Их «консервации», особенно на бытовом уровне, в немалой степени способствовали конфессиональные особенности. Географическая удаленность от городских центров также влияла на динамику их изменения. В то же время, в процессе адаптации к новым природно-климатическим, социальным условиям традиционная культура начала приобретать новые специфические черты. Процесс формирования регионального варианта культуры старообрядческого населения Приморья был слишком рано прерван революционными преобразованиями и социальными потрясениями. Возможно, отчасти, и этими причинами объясняется общий низкий уровень сохранности культуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Охотничьи байки

**Сальников Родион Яковлевич, родился в 1929 г.
на х. Некрасовка, ныне Тернейский р-н,
родители переселились из Пермской губернии,
профессиональный охотник.**

1. Года три назад мы на охоте были с деверем. Смеркалось уже, как к избушке пришли. А он вернулся ружье положить. До ружья было вот как до этого забора, близко. Ушел. Минут десять прошло. Нету его. Уже темнеет. Куда делся? Я вышел, давай кричать — не отзывается... А-а-а, думаю, это — тигра его... Он и крикнуть не успел. Собака залаяла, а то молчала... Я два выстрела сделал. Она, наверное, задавила его и бросила, потом вернулась тащить, а собака-то и залаяла. Ну, утра дождался, пошел к соседям. Охотники-то километров шесть от нас жили. Так и так, Володю, мол, тигра задавила. Ну, пойдем, может, мы ее убьем там. А потом после один подумал и говорит: «Нет, я не пойду, холера ее знает... Надо больше народу, а то с нашими ружьями...» Я поехал в деревню. Ну, еше день прошел. На другой день поехали, много нас было. Он в чапыжнике лежал, она ему уж ноги отгрызла... Забрали его, схорнили...

Вот сколько я в тайге, но никогда не вижу ее. Иду капканы проверять, обратно иду-смотрю: следы уж ее тут! А ведь не трогала никогда... А эта-то, оказалось, раненая была. Кто-то ее стрелил в лапу. Ее уж в Пожарском районе убили... М-м-м... Страшное дело!

2. Раньше пасек много было. Пасеки стали пропадать. Списывать надо: инвентарь там был, инструмент всякий, улики. Вот поехали мы: булгахтер, бригадир, я, значит, и агроном. Н-да. Ну, поехали. Они вперед на конях поехали. А мы с дедом идем. Снежок такой посыпал. Вдруг собаки залаяли. Дед говорит: «Что-то двигается впереди? Может зверь какой непонятный. Смотри, ты моложе... Зубряк не зубряк... Че-то шея короткая. Из-за полыни не видать. Она туда должна выйти. Пойдем, посмотрим, чё за зверь». Подошли. Вот, где сказал дед, что выйдет, там и вышла. метров 30 до нас. Тигра!!! Как ощерилась на нас. Он сразу ее — хлоп из ружья. Она брык — и упала туда, в канаву-то. Ждем! Холера ее знает, может и схватить! Собака залаяла дальше, дальше, значит, ранили ее только. Мы за ней пошли, а там речушка такая. Она ее перешла, легла за колодину и лежит. Мы стояли, ждали, собака лает, а мы-то ее не видим. А тогда охота запрещёна была. «Пошли-ка отсуда», — решили мы. А на другой день идем мимо. Дай-ка, зайдем, там ли она? Нашли, где она лежала, потом ишо одно место, но ее там уж не было. Так и не знаем, жива ли она, нет ли?

2. Я шел на солонец, караулить зубрей. Вдруг медведица с двумя медвежатами мне навстречу. Ну, оне-то уж большие. И на меня. Я ее стрелил, да плохо. Она сразу упала, а я затвор не могу открыть у ружья. Я, значит, чё, а она — «ого!», ко мне. Я ее из ума-то вышибил, видать. Я — куда? Дерево стояло метров пятьдесят, наверное. Как мотанул туда. Возле дерева стал, подбором сапога ударил, и затвор выбил. А медведица уж на том месте, где я стоял. Если б не убежал, там бы она меня и кончила. Я оттудова тогда стрелил — и все! Насмерть! Один медвежонок еще на меня кинулся, ну так я сразу выстрелил. Он и не дрыгнулся...

**Пугин Иван Калинович, родился в 1928 г. в с. Кхуцин,
Родители переселились из Енисейской губернии.**

1. Мне рассказывали случай один про медведя. На охоте одни были. Раз видят: медведь стоит на краю сопки. А внизу там — обрыв. А он деревья катает вниз... Потянет бревно — вниз его толканет. И смотрит туда, а сам орет: «О-о-о!» Ему, видать, интересно. Ну вот, все бревна вытаскал, осталось одно большое бревно, и оно не скатывалось никак. Вот он стал его промеж ног пропускать. Пропускал, пропускал, а бревно-то и перетянуло его. И туда, вниз! Ох, шибко долго орал...

2. Шли раз Бартенев и Давыдов. Семен-то, отец его деготь гнал. Смологонка-то недалеко от деревни километра два. Вот они идут по просеке, видят, медведь перед ними лежит и их не видит. Они не испугались, потихоньку отошли, палку схватили, да как палкой хватили по медведю... У-у-у... Медведь так испугался, что прохватил его понос... 200 метров пробежал и умер.

**Ушмаркин Александр Мелентьевич,
родился в 1932 г. в с. Кокшаровка,
Родители переселились из Амурской области,
охотник по призванию**

1. Мама рассказывала. Раз приехали к ним орочены. У них картошки своей не было. Отец и говорит одному орочену: «Данила, продай мне твоего тайменя. Сколько ты за него хочешь?» Тот говорит: «Пуда картошка». Отец: «Данила, я тебе за такого тайменя полтора пуда дам!» Данила думал, думал...: «Не надо мне полтора, мене надо пуда». Отец тогда объяснил ему: «Да нет, я тебе дам пуд и еще полпуда». Тот долго еще думал, потом засмеялся...

Сначала-то наши приехали, семена картошки с собой привезли. Ну, и садили, как положено, целой. А там недалеко (от Кокшаровки) китайцы жили: «Ваша зачем так делай? Надо глазками садить. Сколько глазков-столько картошки». А мама плачет, думает: «Они хотят уморить нас голодом». Отец утешает мать: «Ты им верь. Они не соврут». Вылезла картошка все-таки, а ростки тонюсенькие...

2. Отец один охотился на медведя, с собаками. Раз его медведица сильно порвала. Собаки нашли ее берлогу и выгнали. Она вылезла, огромная! И на отца! Повалила и мнет. А собаки-то на нее и навалились, сзаду повисли. Оне ее так рвали, что она бросила отца. Отец-то в себя пришел, видит, собаки рвут ее. Только она отмахнется, они опять на ней. Отец думает: «Чего это я лежу, а ружье-то где?» А медведица-то, когда его дернула, ружье отлетело метров на пять в снег и воткнулось.

Она увидела, что он побежал к ружью — и к нему, а собаки — на нее. Он схватил ружье и стрелил ее. Она — от него, он ее еще раз стрелил. Он ее 4 раза стрелил. Она в дупло залезла. А порвала-то она его сильно, руку сильно искусала, телогрейку порвала. Ну, он палку тогда срубил, да ей в дупле дыру поболе выломал, подозвал собак... Как звали-то их? Шарик что ли? Черт их знает... Вот он им на дыру-то показывает: «Ну-ко, ну вот тут, вот она!». Те как зубами схватятся, как упруться, как дернут... и выломали дыру большую. Она там внутри-то согнулась. Он етой палкой голову-то ей приподнял, топориком ишо прорубил больше и собакам: «Ну, берите ее оттэда». Они вчетвером уцепились за нее, ка-а-к дернули, она оттэда вылетела, как пуля. Вот какие умные! А у отца кровь течет рекой, чё он сделает с одной-то рукой? Он другой рукой прикрыл то, что она порвала, прижал, как смог. Уж стемнело... Домой, домой... А собаки ни один никуда не убегает далеко. Вот ведь какие умные! Две впереди, две-взади охраняют. Пришел домой. Мама пошла к Шмакову, он с ним охотничал. Так, мол, и так. Тот утром пошел, освежевал медведя, шкуру кто-то забрал. Ох, и здоровая же была!..

3. Отец наш жил рядом с Токаревым Федором. Они рыбачили как-то вместе на щуку. Федор ударил ее острогой, она как крутнула и острогу из рук у него вырвала и поперла... Така большая была. Они развернулись и домой пошли до Полынихи. А осторогу она утащила, щука эта...

Харин Александр Макарович,
родился в на Алтае в Колывановском районе,
охотник.

1. Пошли мы на охоту, на сохата, трое. Было одно нарезное у нас и два гладкоствольных, 2 собаки с нами. Идем. Вдруг собаки: «Гав-гав!», наверх чё-то смотрят. Мы смотрим на елку, думали, белка, а там-медведь-белогрудка. Они на него гавкают, а он смотрит вниз. Мы подошли. Один говорит: «Давайте шлепнем его». Я: «Да зачем он нам нужен. Мы пошли за сохатым, ну и пошли. Ну его.». «Нет, давай стрелим!» «Ну стреляй!» Вот у него-то нарезное и было. Он, значит, патрон закладывает. Прицелился. Шлеп!.. Только выстрелил, а медведь уж на земле и как даст лапой! Винтовка у него вылетела. А второй, с двухстволкой, «Стреляй», — кричит. Собаки на медведя, за зад. Он — на собак. Тот второй-то промахнулся и кричит мне: «Стреляй!» Я, значит — «бах»! Бью, другой бьет. А медведь только злее становится. Тут уж он на меня. Я задом зацепился за коряжку, упал, ружье развалилось, цевье отлетело. Собаки грызут. Тут уж тот очухался, что с нарезным. Раз его! он только ревнул — и к нему, но уже ползком. Второй, что с двухстволкой-то, два заряда в него влепил. Он уже упал. А я хожу цевье ищу, кругом хожу. Те-то думали, что я чокнулся, так меня медведь цапнул. Мы все белые, как молоко были... Потом мы сильно удивлялись, когда медведя обдирали. Все выстрелы в него попали! Все до одного! Вот до чего зверюга живучая... Вот так мы поохотились.

Михайлов Андрей Кирьяиович,
родился в 1924 г. в с. Амгу,
Герой Социалистического Труда, профессиональный
рыбак, охотник по призваиию.

1. Ларивон у нас в Алунге охотник был, по Бикину. Я к нему ездил. Он рассказывал, что 60 медведей убил, а один его сильно изодрал. Это давно было, он на пасеке перед пенсией работал. Осенью было это. Улики так поздно уже не охраняют. Ну, он наведывался туда дней через пять, проверял. Раз приходит: «Ага! Медведь здесь побывал!». Он улики все поперевораивал, мед съел. А он с собачкой на пасеку пошел. Собака залаяла, медведь-то, видать, и убежал. Ну, думает, раз убежал, значит, сегодня уже не придет. Он уж знал их повадки. На другой день собачку не взял, а пошел на пасеку под вечер. Смотрит — медведь идет. Ларивон стрелил. Медведь крутнулся- и в кустарник. Ларивон побоялся за ним идтить, раненый-то мог и напасть. Утром пойду. Утром встал, печку затопил, чай вскипятил. Ну, думает, дай пойду, посмотрю. Пошел. Метров 100 прошел-медведь лежит. Ларивон и подумал: «Раз он тут всю ночь пролежал, значит, мертвый, и не стал остерегаться, хотел уж его освежевать». А медведь-то живой! Вскочил да подмял его под себя. Ларивон сунул ему левую руку в пасть. Пусть уж лучше руку грызет, чем голову. Он руку-то начал жавать и так его придавил, что никак Ларивон ножа не вытащит. Потом изловчился, правой рукой выташшыл нож да на себе его и зарезал.

Кузьминых Калиник Григорьевич,
родился в 1936 г. с. Вознесеновка Тернейского района,
родители переселились из Пермской губернии в Сибирь,
затем в с. Варпаховку.

1. Иду я по тайге. Вижу, кто-то сидит на кедре. Думал, что человек. А собаки мои две убежали вниз под гору. Как же понять, кто сидит на самой макушке, ведь не разгляжу из кустов. А у меня всего одна пуля оставалась, просто так для всякого случая взял. Я, значит, выстреливаю. Он — медвежонок это был — упал. Собаки сразу же туды-сюды прибежали. Потянули его, задергали. Он бежать уже не может, только шавелится. Килограмм на 40 медвежонок-то был. Собакам надоело его дергать, я его на плечи и поташшыл домой, ободрал. Он очень был жирный. Тут переселенцы были, они попросили меня мяса им дать, сала. Я дал и сам у них тоже тайком мясо попробовал. Мясо молоденькое было, вкусное...

2. Трое мы ребят на волков взяли ружье и пошли. А у нас было там гнездо волчат, оно было глубокое. Метра четыре нора такая. А волчица куда-то ушла. Мы волчат хотели сдать в колхоз, колхоз за это давал по 10 кг муки и денег сколько-то, не помню уже. Ну вот, пришли мы туда, шестом там внутри пошевелили. Пищат там. Ну чё? Кто полезет? Я говорю: «Давай я полезу» Привязали меня на ногу веревкой, и я полез туда. Они остались. Ружье было у них. Ну, я тогда рукавицы одел, они ж укусят. Залез туда, схватил их за лапы. Они давай тащить меня за ногу. Тащат, а тут волчица... Ну чё? Ребята давай стрелять, отгонять. Волчат в мешок — деру. Выстрелим — она отбежит, и мы бежим в это время. Во так и спаслись. Хорошо, что там остался еще один волчонок, и она побежала туда. А волчат мы сдали, муку и деньги разделили на троих.

3. У нас дядя охотничал на свиней. Собака у нас была домашняя, двор охраняла. Ну, и дядя попросил нас взять эту собаку на охоту. А собаку Орлом звали. Он хотел посмотреть, пойдет ли она на охоту. Мы стадо свиней обнаружили, подстре-

лили вожака, а собаки погнали стадо свиней. Дядя еще выстрелил в этого вожака и попал. Орел услышал выстрел, бросил стадо свиней — и на выстрел. А кабан этот, вожак, выбил у дяди ружье. Дядя — за кусты прячется. Если бы не Орел, он бы разорвал дядю. Орел подлетел и на этого кабана, рвет его сверьху... Дядя смог до ружья дотянуться. И стрелять боится, чтоб Орла не загубить, но приспособился все же и выстрелил, убил этого кабана. Вот какая понятливая. Дядя уехал потом, вернулся только через год, а Орел-то его узнал! Узнал!

4. Мужики нашли дупло, дерево пустое. Собака учуяла там медведя, он там зимовал. Но он не шевелится там в дупле, не скребется, не слышно ничего. Иван Данилович Цыганцев был молодой тогда, силен. Руку-то туда в дыру сунул, а медведица там его и схватила за руку. Он кричит напарнику: «Схватила меня медведица!» Пока его вызволяли, он ему всю руку искусала. Руку ему потом в городе отрезать пришлось...

5. Брат перевез пасеку в Заами. Ну, коней на улце оставил. Ночью кони стали волноваться, биться, отрываться. Он вышел на улицу посмотреть, что с конями случилось. Коней привязал, опять лег спать. Слышит, по окну шума какие-то... Он выглянул в окно, а там медведь стоял на дыбах и шебаркал по стеклу. Тогда брат ружье схватил и выстрелил ему в грудь. Когда вышел на улицу, тот уже был мертвый. Медведь тот тощий и голодный был, шатающий. Он уже обессилел и вышел на человеческий запах подкормиться. Вот такая история.

Ошлаков Ксеиофонт Акиндинович,
родился в 1896 г. в с. Владимировка Восточно-Казахстанской области,
с 1912 г. по 1858 г. прожил в Китае, пров. Западный Синьцзян.

1. Я ходил охотнищал белок и вижу берлогу. Заглядываю туды и увидал тамо-ка медведя. Он уже зарылся на зимовку. А товарыщ мой в другим месте. Я подальше отошел и стал свисток ему давать. Крищать не стал. Я громко свистел, кода зубы были у меня. Щас нету у меня зубов-то. Он меня услышал и пошел ко мне. Я рассказал, так и так, мол, медведя нашел. Пойдем охотнищать. Он молодой парень-то, охотник, товарыщ-то у меня. Да только женился он, первый год, наверное, лет двадцать ему. «А он нас не задерет?» Я говорю: «Так чё, мы живы, у нас ружье». Топора-то с собой нет, топор на стану. Там у нас и балаган был. Товарыщи наши колмаки были. Два колмака. Они тоже охотнищали. Надо, говорят, две палки жерди, чтоб запустить туда. Я ему рассказал: «Вот с этой стороны тихонько подойдем, и ты тихонько туды ему просунешь эту жердь». Я ишшо не успел отойти, а он уж ево разбудил. Он ево ткунул туды, а он как: «А-а-а-...». Как выскощил и меня за ногу... Да... но там у нево, видно, зубы сорвались. Он у меня обдрал голенишше-то...А товарыщ мой стрелил и убежал. Стрелил-то шею ему хватил тольке маленьке. Я схватил ружье, и стрелил тоже... Потом мы пошли добили медведя этова. Он отошел маленьке да на засаду. Оне хитрые, медведи-то. Он пройдет, обойдет это место и на засаду сядет и схватит человека. Это я знал все уловки яво. Я говорю: «Пойдем, да будь готовый». Впереде большое дерево лежит, пало. Толсто вот такое. Он через яво перелез, мы видели след, а он отошел дальше и сбоку пришел и туто-ка карулит нас, медведь-то. Мы яво сразу из двух ружей убили.

2. Мы выехали с поселка на хутор. Усмотрели, что там удобнеее жить. Пщеловодство хорошее, пасека у нас там была. Три семьи выехали. И вот сразу 3 мущщины как раз все сразу уехали по делам. Я приежаю вещером домой, мне жена говорит: «Медведь 2 улья разрушил». Теперь я схватил ружье, а поздно было. Жена: «Садись, поешь». «Нет, некогда, надо бежать, а то медведь придет, я хоть напужаю его там». Собаки привязаны. Два пса у нас было: волка схватят, не упустят. Такие псы были у меня. Я схватил ружье, а ружье-то незаряженное. Заряжал своюк на чё-то. Я не посмотрел, капсюль-то не до места был. А раз не до места, то он не выстрелит, может осещкя быть. А там у нас река-то большая, рыба всякая. Остроги всякие были у меня, на тайменя — то вот такие пальсы. Я скорее острогу-то натощил напильником. «Пойду», — говорю жене, — я и острогу взял, и ружье взял. Наказал жене. Если что тамо-ка полущится, выпускай собак, а щас пока не надо. Я пошел, прихожу и слушаю... Ничё не слыхать вроде. А медведь-то уже пришел, улья раскрыл и кушат. Да меня слушат. Слышу, я натягат он воздух. А когда он полностью-то меня понял: «А-а-а» — и на меня. Поднялся на дыбы, на задних лапах ко мне походит. А собаки-то услышали уж это, рвуться, а она не может их отпустить. Я три раз щакнул — и осещка. Я бросил ружье-то, острогу уже взял, думаю, подойдет только поближе — всажу в него. А тут собаки подбежали и сразу его ухватили, медведя-то. Он уж меня бросил и за собаками... Но потом я все же схватил ружье-то, щакал, щакал, и он все же воспламенился патрон. Ранил я его, он убежал. Ну потом я нашел его уже сдохлого, шерсть облезла на нем. Вот так!

Комов Ануфрий Аидреевич,
родился в 1913 г. в с. Туманово Солонешеиского р-на,
Томской губернии, рыбак и охотиик по призванию.

1. Встретил зюбряка-самса. Он был с рогами. Ну и вот. Пуля ему попала в рог. Ево сразу из ума вышибло, он сразу упал. Я подхожу к нему... Лежит. Так, посмотрел, куда ему попало... Я не мог определить, куда ему попало... А он поднял голову, передними ногами встал, а задними еще лежит. Так. Мне надо сволочить его книзу, а он встал, качается. Я думаю: «Чево я тебя буду ташшыть, везти. Чичас я на тебя сяду». Сял на него и держу за рога. Держу маленько ево ногами, подшавеливаю. Он это шагает книзу. Я ево подгоняю. Вот он быстрее, быстрее пошагал, потом бегом. Я держусь. А потом уже прыжками. А там валежина. Он-то поднырнул, а меня валежина в грудь. Я упал на снег и лежу, а он как попер... И убежал. Вот этот случай я запомнил.

2. 29 ноября мы с Родивоновной (жена) ишли с охоты в зимовье, на ночлег ишли. Когда ишли мы с горы, я оглядывался все, как бы какого зверя увидать. Когда близко к зимовью стали подходить, мне Родивоновна говорит: «Да брось ты уж рассматривать-то по сторонам, дров еще в зимовье заготовить надо, пойдем быстрее». Я тогда карабин за плечо одел и пошел. А косогор крутой. Я поскользнулся, упал. Вижу, медведь галопом на нас летит. А я — на спине, а затвор-то снегом забило. Я карабин успел сорвать, хотел стрелить, а ружье осечку дало. А он вот уже лапы на меня сложил, рот разинул. И я ему ружье в рот воткнул. Он меня давит, ружье жует, меня вот так ловит, ловит и не может достать, потому что я держу ему во рту ружье и отталкяваю ево. Он жевал, жевал... Тут дерево. Он меня к дереву-то прижал, плечом навалился, думает, меня давит, а он дерево давит. Мне тогда слободнее стало. Я тогда за курок, раз-на боевой взвод ставлю. Думаю: «Щас я тебя в рот

стрелю», а он мотнул головой и выдернул ствол из рта. Не понравилось ему жалезо, и он от меня галопом. Тогда я прикладаюсь и ево в задницу стрелил. Он как поволок по чаще по этой, только трескотка одна стоит. Ну а потом чё? Я ево еще раз стрелил, не попал. Пуля прошла лехкие и остановилась внутре. Ну и пошли мы ево уже следить. Крови было мало, но она все же мазала кусты. А потом когда он сбежал книзу, стал, то крови много на снегу было, примерно с шапку, весь снег вытаял до самой земли, пока он стоял. Потом он видать пошел, пошел. И так кровь ручьем и льется. Ну мы ево не стали в тот вечер следить. Темнять стало. Доследили на следующий день...

3. Отец у нас охотником был. На белку как-то охотился. Осенью, снежок уж выпал небольшой... Охотился до самого вечера. Ну, вечер подошел, он раскладает костер. Подобрал такое место возле валежины, убрал снег, нарубил дров, разложил костер, веток наломал пихтовых. Они мяхкие, такие лапки, хорошие, насыпал их около костра, поужинал и лег спать. Костер ево подогревает, он спит. В ноябре морозы еще слабые. Подходит тигра к нему, а он спит, не знает, что тигра подошла. Она не с этой стороны подошла, откуда костер, а оттудова, с той стороны и на эту валежину лапами передними стала, а он храпака дает. Она стоит и смотрит на нево... Што она думала, смотрела на нево... Но факт тот, что на валежине-то был снег, а под лапами он у нее протаял до самой валежины. Думала: или тебя съесть, или замучать... Что она думала, не знаю, но решила уйти... Повернулась и ушла. А он проснулся, смотрит на восток. Ага. Начинает отсвечивать с востока. Все. Позавтрикал и на полурассвете подался от своево ночлега. Отошел немного — тигриный след. Куда же она пошла?.. Ну-ка, думает, дай посмотрю, куда она пошла. Вот он пошел по этому следу, ишел, кругом... и когда он дошел до той самой валежины, где она стояла на ней... Он все понял. У нево шапка стала подыматься. По коже мороз пошел, как же она меня не схватила?.. Как не съела меня?.. Потом немного прошел в ту сторону, куда она пошла... Нет, иди ты в свою сторону, а я пойду в другую...

4. Родионовна ишла на рыбалку, рыбачить ишла. А как раз был ветер. Трава уже посохшая шумит от ветра, а ветер ей встречный. Она идет сама себе по берегу и думает: «Вот сейчас будет идти мне навстречу медведь, он не будет знать, что здесь иду, потому что ветер встречный для меня». И он с ней повстречался ведь... Когда они увидели друг друга, он вот так вот на дыбы встал, передние лапы вот так повесил, и смотрит на нее. А она на него смотрит да как закричит: «А что ты мигаешь? Ты что боишься что ли? А я тебя нисколько не боюсь!» Как он мотнул головой-то и попер. А она: «Беги, беги и чтоб больше на мою тропу не ходил». И пошла своим путем.

5. Я раз ехал по берегу на велике. Там когда-то возли лес по берегу на машинах, так дорога осталась. Едешь себе: ни стуку, ни бряку... А медведь только что перешел через реку, а берег там высо-о-кий. Он только вышел из лесу на дорогу, а тут я. Он меня увидел, и я ему закричал: «Что же ты, падла паскудный, переходишь дорогу?» Он как бросился бежать через эту воду... Не побрел, а прыжками, бух- бух... Перебухал на ту стророну, а там залив, так он вплавь через этот залив...

Юрков Иосиф Ермилович,
Родился в с. Светлая, родители переселились из
Пермской губерии.

1. На медведя ходил с отцом, опосля зарекся. Напугался сильно. Мы одно время ходили кататься с пацанами. Сопка тут, а тут распадок такой... Катались мы, вдруг гул такой вроде пошел, собаки залаяли. Вечером мы пришли домой, отцу говорим: «Так и так, собаки чё то...». Ага! Отец: «В каком месте?» Расспросил все. Потом утром пришел ево сосед. Переговорили. Он говорит соседу: «Пойдем со мной». Ну и мы стали проситься. «Ну, пошли». Когда приходим, собаки сразу раз — слушают. Покханькает кто-то. Отец говорит: «Ну, оставайтесь здесь внизу, а мы пойдем». Ну, мы думали, что убьют да и все сразу. А ключ-то был, ни одного дерева нет. Распадок такой. Вот ждем, когда будут стрелять. Ждали, ждали- нет выстрела. Потом слышим, один выстрел, второй. А медведь как вылетел с — под дерева... Он под сломанным деревом, понимаешь, вырыл себе берлогу. И оставил себе дырку, только чтоб залезть. Почему они долго не стреляли, потому что он не показался. Он как вылетел, как заорал. А погода пасмурная была, снежок начинался, тихо в лесу. А он орет, так в лесу так раздается, ты понимаешь, ведь страшно... Я кинулся сразу вниз. А было 5 собак. Четыре собаки бросили медведя да к нам под ноги, воют. Ну, один-то кобель остался. Тот все ж не не пускает, взади хватает... А медведь все-ж идет вниз. А тем стрелять нельзя: богул, кустарник такой. Мы уже видим, он к нам идет. Что делать? Я говорю: «Петь, давай на эту елку заберемся» Ну, забрались. А собак-то не отгонишь, а он идет на крик... Ну все ж успели, отец подбежал, убили ево. Вот я с тех пор и напугался. И такой здоровый, ты понимаешь. Ну, отец пошел, сани привез, на сани ево завалили, ободрали. Ох и жирный такой, ты понимаешь... Ну, кедрачи наелся... Конешно, пацанами были...

2. У отца на Светлой пасека небольшая была. Отец говорит деду: «Дак пчел забирай с пасеки». «Да пусть еще постоят». «Да ладно, пусть постоят еше». А тут обратно медведь. Эти шатуны-то, их как с места сгонят, они уже не ложатся... Так он один вулик утащил ночью. Ага. Ну дед приходит и отцу говорит: «Увози пчел». Ну, отец пошел, пчел увез, а дед там еще остался. Ну вечером стемнялось, часов где-то в 11 он приходит, медведь-то. Меду снова захотелось. Походил, пчел нету, подошел к окошку, раму ударил, выбил окно в избушке. Дед лежал в кальсонах и рубашке. Ружье весилося на дверях, а пантронтаж... где-то был. Он, медведь-то, — в избу. Дед с кровати выскочил на улицу, а он — за дедом... А дед уж в годах был, старый, вкрух избушки бегает босый. Потом дед рассказывал: «Мне как лет 17!». А избушка жердями загорожена, чтоб скот не ходил. Так он через етот забор махнул, как молодой! Откуда чё берется, так и молодому не приходилось прыгать. А в конце забора, там колодец был. Медведь-то видать, хотел ево обогнать, как рванул — и в этот колодец. Дед говорил, что обежал он еще пару раз вокрух избы, остановился, медведя нет. «Боюсь», — говорит туда и поворачиваться. Уже ноги стали окончательно примерзать. Вернулся в избу. Слышит: орет в колоде-то. Ну, тода он уже оделся и застрелил медведя... Вот не смерть тогда ему была. Все удивлялся он потом: откуда ж такая быстрота берется...

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

[1] Поздеева И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества. // Мир старообрядчества. Вып. 5. М., 1999. С. 3–29; Она же Русское старообрядчество конца XXв. Задачи и перспективы исследования. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток — Большой Камень, 1997. С7–13.

[2] Дударенок С.М., Сердюк М.Б. Очерк религиозной ситуации в Приморье. // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 205.

[3] Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества. Сочинения в 3-х томах. СПб, 1906; Мельников П.И. (Печерский). Очерки поповшины // Собр. Соч. в 8 т. М., 1976, Т. 7.

[4] Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русско-народной жизни. М., 1905; Он же Старообрядчество во второй половине XIXв. Очерк из новейшей истории раскола. М., 1904;. Костомаров Н.И. Собр. Соч. Т. 12, СПб., 1904.

[5] Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII вв. М., 1914.

[6] Кириллов И.А. Правда старой веры. М., 1917.

[7] Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1931.

[8] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1985.

[9] Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1978; Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР.Т. 35. Петрозаводск, 1962.; Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIIв // Крестьянство Сибири XVIII-начала XX вв. (Классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975; Он же. Урало-сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1977.; Он же. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Он же. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Вып. IX. Новосибирск, 1999.; Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX-начало XXв.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Липинская В.А. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края. // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

[10] Покровский Н.Н. Археографические экспедиции и проблемы изучения народной культуры // Проблемы полевой археографии. М., 1979; Он же. Путешествие за редкими книгами. М., 1988; Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации. // Вопросы истории. 1978.№2; Она же Традиционная книжная культура русского старообрядчества сегодня // Мир старообрядчества. Вып. 1. Личность. Книга. Традиция. М; СПб, 1992; Она же. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции. М., 1998.; Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.; Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

11. Morris R.A. Old russian ways. Cultural variation among three russian group in Oregon. AMS Press. New York 1991; Накамура Е. Староверы в Японии.; Он же Староверы Южного Сахалина; Он же. Романовка — поселок староверов в Маньчжурии (1936–1945). Он же. Японец в Московии. Возможный источник легенды о Беловодье // Незримые мосты через Японское море. СПб, 2003; David Scheffel. In the shadow of Antichrst. The Old Beievers of Alberta. Canada. 1991.

[12] Покровский Н.Н. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Вып. IX. Новосибирск, 1999; Поздеева И.В. Русское старообрядчество в акватории Тихого океана // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Владивосток, 2001; На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989.; Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX вв. Пермь, 1995.; Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996; Она же Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XXвв.) М., 1987; Она же. Заимки Западной Сибири конца XIXв как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства. М., 1979; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX вв). Новосибирск, 1975; Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири. (XVIII-первая половина XIX в.) Новосибирск, 1979; Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989; Она же. Крестьянская заимка в Сибири в дореформенный период // Земледельческое и промысловое освоение Сибири: XVII-начало XX вв. Новосибирск, 1985; Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994; Он же Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2001; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX-начало XX вв) Новосибирск, 1997;

[13] Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1896; Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг СПБ., 1896; Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Крюков Н.В. Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб., 1893; Приамурье: Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909; Меньщиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств приморской области. Саратов, 1912.

[14] Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. № 1, 1905.

[15] Арсеньев В.К. Собр. Соч. Т. 4,5,6. Владивосток, 1948; Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток, 1928

[16] Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929

[17] История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.) М., 1991; Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. (очерки истории). Владивосток, 1991; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. М., 1985; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990

[18] Лобанов В.Ф. Новый список «Путешественника» инока Михаила. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980; Он же Старообрядчество на Дальнем Востоке // Очерки родного

края. Хабаровск, 1993; Сельский мир и конфессия у крестьян-старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX вв. // Этнос и культура. Владивосток, 1994; Он же Формирование и деятельность старообрядческих общин в Приамурском крае во второй половине XIXв. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток-Большой Камень, 1997; Бянкин В.П. В дальневосточных морях. Владивосток. 1981.

[19] Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000; Она же Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XXв) М., 1997; Сердюк М.Б. Сектантство и старообрядчество в Приморье (1860–1917) // Краеведческий вестник. Вып. 3. Владивосток, 1994; Она же. Переселение старообрядцев на Дальний Восток. Проекты и их осуществление // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток-Большой Камень. 1997; Религиозные переселения на юг Дальнего Востока России // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997; Она же Становление Белокриницкой иерархии на российском Дальнем Востоке // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 3. Владивосток 1998; Осипов Ю.Н. Один из первых опытов фермерского хозяйства в Приморье // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1995; Керчелаева Н.Б. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2000;

[20] Кирпикова Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора. // Алтарь России. Владивосток — Большой Камень, 1997; Она же. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2000; Семенова И.В., Семенов О.В. Святочные игрища и увеселения у синьцзянских старообрядцев. Там же; Святуха О.П. Иконы из собрания А. Поносова в коллекции древнерусской живописи Приморской картинной галереи. Там же; Беляева Н.П., Белошицкая Е.Н. Дальневосточный экземпляр Острожской Библии. Там же; Беляева Н.П. Издательская деятельность православной старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии начала и конца XX столетия. Там же; Фетисова Л.Е. Календарная обрядность амгунских староверов. // Алтарь России, Владивосток-Большой Камень 1997; Дударенок С.М., Сердюк М.Б. Очерк религиозной ситуации в Приморье. // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток. 2000;

[21] Грабовенко И.Н., Бутковская Н.В. Бутковские. 300 лет преданности старой православной вере. Родословная. Записки клуба «Родовед». Вып. 8. Владивосток, 2003.; Бутковская Н.В. К родословной старообрядцев Бутковских. // Арсеньевские чтения. 2000.; Грабовенко И.Н. Николаевы. (рукопись); Бадюк Л.В. Первые поселенцы с. Каменка Чугуевского района (по документам, находящимся в фондах музея А.А. Фадеева с. Чугуевка // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Влдадивосток, 2000; Васильева Т.А. К истории старообрядцев Ошлаковых. Там же; Сальникова Е.Н. Из родословной семьи Кайгородовых. Там же; Тюнис Т.А. Иван Ульянович Басаргин в родственном окружении. Там же; Хохлов В.П. Опыт исследования старообрядческих родословий. Там же; Соболев Г.Ф. Старообрядческий род Соболевых. Там же.

ЧАСТЬ I

Глава первая

[1] Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 132.

[2] На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 6–7.

[3] Там же. С. 15.

[4] Черных А.В. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории. // Старообрядческий мир Волго — Камья. Пермь, 2001. С. 134, 135.

[5] Покровский Н.Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 40.

[6] Там же. С. 80.

[7] Там же. С. 313.

[8] Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2001. С12.

[9] Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII- начале XX вв. М., 1985. С. 35

[10] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 47.

[11] Там же. С. 54.

[12] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. (очерки истории). Владивосток. 1991. С. 38.

[13] Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке. М., 1983. С. 67.

[14] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 48.

[15] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. (очерки истории). Владивосток. 1991. С. 40, 99.

[16] Сергеев О.И. Социально- экономическое положение Забайкальского и Дальневосточного казачества на рубеже XIX–XX вв. // Крестьянство Дальнего Востока (XIX–XX вв). Владивосток. 1979. С. 105–123,108

[17] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. (очерки истории). Владивосток. 1991. С. 40,44

[18] Там же. С. 45.

[19] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 48.

[20] Там же. С. 20.

[21] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. (очерки истории). Владивосток. 1991. С. 31

[22] Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII- начале XX вв. М., 1985. С. 62.

[23] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7364. Л. 14; Д. ПУ-7048. Т. 13. Л. 16; Д. ПУ-7048. Т. 10. Л. 16; Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 93.

[24] Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII- начале XX вв. М., 1985. С. 65

[25] Там же. С. 66.

[26] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока. С. 50.

[27] Кабузан В.М. Дальневосточный край...С. 87.

[28] Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XXвв. Новосибирск, 1994. С. 65–79.

[29] Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг СПБ., 1896. С. 27; Кабузан В.М. Дальневосточный край.....С. 87; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы .... С. 60;

[30] Кобко В. В. Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ. 2001. С. 267
[31] Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян... С. 27.
[32] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы — стодесятинники. Т. 4. Саратов, 1912. С 389.
[33] РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1389. Ч. 1. Л. 291–292
[34] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 389.
[35] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы .... С. 42.
[36] Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян... С. 27.
[37] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Ч. 1. Л. 179–180; Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян...С. 27; Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 67.
[38] ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л 66–67,70–71,72–73.
[39] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 299; Кабузан В. М. Дальневосточный край...С. 87; Полевой дневник Приморского государственного музея им В. К. Арсеньева (в дальнейшем — П. Д). № 15. С. 70
[40] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. ч. 1. Л. 179–180; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1369. Л. 132–141.
[41] Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 65,66.
[42] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы С. 25,62. Поскольку автор исследования не оговаривает конфессиональной принадлежности самарцев — основателей с. Ильинки, а первопоселенцами края считает забайкальских семейских, переселившихся в 1870–1871 гг. и подселившихся в Ильинку, то, это дает основание считать, что основателями Ильинки, по ее мнению, были приверженцы официального православия.
[43] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35188. Л. 74.
[44] П. д. № 7. С. 14.
[45] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. ч. 1. Л. 291–292.
[46] П. д. № 15. С. 50.
[47] Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской обл. М., 1896. С. 54. Заимка принадлежала Калугину, купившему в свою собственность 300 десятин земли на полуострове, вдающемся в о. Ханка. А находилась эта заимка недалеко от селения Астраханка.
[48] РГИА ДВ. Ф2. Оп. 5. Д. 481. Л. 3; Там же Ф. 1 Оп. 1. Д. 1379. Л. 233
[49] Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 87.
[50] Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян...С. 26–27
[51] Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 65; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. С. 91.
[52] В Петропавловке родились: Андреев Петр Савинович. в 1861 г., Селедков Трофим Степанович 1862 г., Мамонт Васкович Селедков в 1866 г. Справедливости ради, нужно отметить, что Петропавловка названа в анкете арестованного в 1937 г. Петра Савиновича Андреева «Платоново- Александровкой», а у Селедкова Мамонта — «Платоновкой». Эта казачья станица появились совсем рядом с Петропавловкой в уже более позднее время, с конца 70-х гг. XIXв. Скорее всего Андреевым и Селедковым вместо уже несуществующей к 1932 г. Петропавловки (Ханкайской) названа занявшая ее место Платоново-Александровская. Подобная запись сделана и в анкете Селедкова Трофима Степановича «родился в 1862 г. в Петропавловке Анучинского р-на» Такие записи довольно часто встречаются в анкетах арестованных.: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35188. Л. 67; Там же. Л. 59; Д. П-35065. Л13; Д. 35188. Л. 67; Д. П-35196. Т. 1. Л. 96.
[53] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 22,об.
[54] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы .... С. 40.
[55] Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян...С. 25.
[56] Там же. С. 25
[57] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 21; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.
[58] Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 88.
[59] «С. Осиновка Никольск-Уссурийского уезда, Осиновской волости. было основано в 1879 г. 9 семьями староверов». Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 16.
[60] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1731. Л. 3; Ф. 1. Оп. 5. Д. 1557. Л. 139–148;
[61] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 26, 29–30
[62] П. Д. № 13. Л. 114.
[63] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 541. Л. 472.

Глава вторая

[1] Покровский Н. Н. К постановке вопроса о Беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX. Бахрушинские чтения 1980 г. Новосибирск, 1980. С. 116.
[2] Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб., 1903 г.
[3] Покровский Н. Н. К постановке вопроса.....С. 121.
[4] П. д. № 12. 1996. С. 36.
[5] Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 133–134
[6] Письмо Нагорнова К. Ф. к Горкавцевой Л. Н. МПК 17213–5.
[7] Чистов К. В. Легенда о Беловодье .... С. 157.
[8] Там же. С. 158,159.
[9] Накамура Е. Староверы в Японии // Skupiska staroobrzedowcow w Europe, Azii i Americe. Polska akademia nauk, Institut slawistyki. Warsawa, 1994. С. 218
[10] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 7048. Т. 3. Л. 227–236.
[11] П. д. № 18. Л. 17.
[12] П. д. № 4. С. 17
[13] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 239.
[14] Чистов К. В. Легенда о Беловодье .... С. 148–149.
[15] П. д. № 3. Л. 78.
[16] Чистов К. В. Легенда о Беловодье .... С. 147.
[17] Покровский Н. Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 336.
[18] П. д. № 14. С. 54
[19] Подосинов А. В. Ориентация по сторонам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования. // Одиссей. М., 1994. С. 37–53.
[20] Чистов К. В. Легенда о Беловодье .... С. 139.
[21] Там же. С. 137.
[22] Там же. С. 170.
[23] Успенский Б. А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: почему дьявол может говорить по- сирийски // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 49–50.
[24] П. д. № 14. С. 10–11.
[25] Алексинский Г. Из деревни российской в «город Ассирийской». // Современный мир. СПб., 1914. С. 73.
[26] Там же. С. 74.
[27] Там же. С. 74.

Глава третья

[1] П. д. № 15. С. 70.

[2] там же. С. 71
[3] Там же. С. 73
[4] РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1389. Л. 207–208.
[5] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1514. Л. 80.
[6] П. д. № 15. С. 72.
[7] РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 5. Д. 841. Л. 11
[8] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1514. Л. 80.
[9] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1226. Л. 10–11.
[10] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы — стодесятинники. Т. 4. Саратов, 1912. С. 381.
[11] ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–73.
[12] Там же. Л. 18,19,32,33,12–17.
[13] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7411. Л. 5.
[14] П. д. № 5. С. 41.
[15] Покровский Н. Н. К постановке вопроса о Беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и массовые отношения в Сибири в XIX–XX. Бахрушинские чтения 1980 г. Новосибирск, 1980. С. 115–133.
[16] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7411. Л. 5,об., 6.
[17] П. д. № 5. С. 41–43.
[18] Меньщиков А. Материалы...С. 381.
[19] П. д. № 15. С. 74.
[20] Меньщиков А. Материалы...С. 380.
[21] П. д. № 15. С. 76.
[22] Меньщиков А. Материалы...С. 380.
[23] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 863. Л. 38–39.
[24] Меньщиков А. Материалы...С. 384.
[25] ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–17.
[26] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1497. Л. 16–17.
[27] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 711. Л. 12.
[28] Меньщиков А. Материалы...С. 383.
[29] П. д. № 15. С. 77.
[30] Там же. С. 77–78.
[31] РГИА ДВ, Ф. 702. Оп. 5. Д. 25. Л. 81.
[32] Там же. Л. 100,107.
[33] П. д. № 15. С. 79–80.
[34] Там же. С. 78–79.
[35] РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 2. Д. 1801. Л. 111.
[36] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 243. Л. 37.
[37] РГИА ДВ. Ф. 702,Оп. 3. Д. 99. Л. 129.
[38] П. д. № 14. С. 131.
[39] Музей благодарит жительницу г. Владивостока Идею Назаровну Грабовенко (урожденная Бутковская), в течение нескольких лет занимающуюся реконструкцией родословных Бутковских, Николаевых, Ефимовых, Спиридоновых, за предоставленную информацию. Личный архив И. Н. Грабовенко.
[40] РГИА ДВ, Ф. 702. Оп. 3. Д. 99. Л. 129.
[41] Там же Л. 131.
[42] Там же. Л. 130.
[43] Там же. Л. 131.
[44] Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы. М., 1996. С. 301–306.
[45] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 99. Л. 129.
[46] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2281. Л. 9.
[47] Там же. Л. 13.
[48] Личный архив Грабовенко И. Н. (письмо Перловской И. В., октябрь 1999 г).
[49] П. д. № 14. С. 70
[50] Там же. С. 74–76.

Глава IV.

[1] Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII- начале XX вв. М., 1985. С. 124.
[2] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX — XX вв. (очерки истории). Владивосток. 1991. С. 37.
[3] Кабузан В. М. Дальневосточный край... С. 100.
[4] Личный архив автора (Письмо Селедкова Н. И, февраль 2001 г.)
[5] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы — стодесятинники. Т. 4. Саратов, 1912. С. 229.
[6] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 783. Л. 2; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 3. Л. 119.
[7] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 77,84,85.
[8] Личный архив автора (Письмо Шарова А, 1999 г.)
[9] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 857. Л. 114.
[10] Там же. Л. 75.
[11] Там же. Л. 77,85
[12] Там же. Л. 85.
[13] Там же Л. 85.
[14] Там же. л. 90.
[15] Там же. Л. 90.
[16] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 517. Л. 375.
[17] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1557. Л. 141,об.
[18] П. д. № 7. С. 16.
[19] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 346.
[20] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1389. Ч. 1. Л. 291–292.
[21] П. д. №.7. С. 37. Долгое время настоятелем в селе был Трофим Степанович Селедков. Его же упросили жители села остаться настоятелем и после переселения в Таежку. Он смиренно и честно выполнял свои обязанности вплоть до ареста в 1937 г. Соборная служба была прервана на долгие годы.
[22] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп 5. Д. 711. Л. 2, 15об.
[23] П. д. №.20. С. 126.
[24] П. д. № 20. С. 129.
[25] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 528.
[26] П. д. № 13. С. 118.
[27] П. д. № 13. С. 114; П. д. №.20. С. 124.
[28] П. д. № 20. С. 110.
[29] П. д. № 20. С. 125–126.
[30] Кресс К. Ф. Пропаганда историко-культурных традиций старообрядчества на музейных коллекциях. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 99.
[31] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 15. Л142,об.
[32] П. д. № 10. С. 41,39,40.
[33] П. д. № 20. С110.
[34] Кресс К. Ф. Пропаганда историко-культурных традиций... С. 100.
[35] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 360.
[36] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 235. Л. 3–4.
[37] П. д. № 13. С. 45.
[38] П. д. № 15. С. 50–51.
[39] П. д. № 13. С. 123, 122–123.
[40] П. д. № 13. С. 122; П. д. № 15. С. 56–57.
[41] П. д. № 15. С. 48–66.
[42] П. д. № 15. С. 66.
[43] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 572. Л. 73.
[44] Там же. Л. 68, 73.
[45] Михайлов Г. П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. № 1, 1905. С. 7.
[46] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию ...С. 108.
[47] Личный архив автора (письмо И. Е. Фефелова, 1995 г.)
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2069. Л. 320, 336.
[52] ДМФ 758. Ф. 5. Д. 5. Л. 1.
[53] ДМФ. Там же. Л. 2–4.
[54] П. д. № 1А. С. 2.

[55] П. д. № 1А. С. 2.
[56] П. д. №.3. С. 79.
[57] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2069. Л. 321.
[58] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2069. Л. 322–323 с об, 334–335.
[59] П. д. №.3. С. 81.
[60] П. д. №.3. С. 81.
[61] П. д. №.8. С. 38.
[62] П. д. № 11. С. 70.
[63] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 631.
[64] Там же. Л. 662.
[65] Там же.
[66] П. д. № 3. Л. 77–78.
[67] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000. С. 220,221
[68] Арсеньев В. К. «По Уссурийской тайге». Соб соч. в 6 т. Владивосток, 1949. С. 104.
[68] П. д. № 16. С. 71–72.
[70] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 47,49,54; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-29937. Л. 125; П. д. № 19. С. 85.
[71] П. д. № 2. С. 46–47.
[72] П. д. № 15. С. 47.
[73] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2069. Л. 38–39.
[74] П. д. № 3. С. 80.
[75] П. д. № 16. С. 56.
[76] См. «Приложение» в конце части I
[77] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-.20287. Л. 10.
[78] См. «Приложение» в конце части I.
[79] См. «Приложение» в конце части I.
[80] Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX-начало XXвв). Новосибирск, 1997. С. 15; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири...С. 43–61; Лебедева А. А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX- начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 205.
[81] Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских...С. 17.
[82] Цитируется по Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII-начало XXвека. М., 1996. С. 18.
[83] Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII-начало XX века. М., 1996. С. 56.
[84] Там же. С. 53–54.
[85] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири...С. 36, 50, 54.
[86] Булыгин Ю. С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество. История и культура. Барнаул, 1999. С. 12.
[87] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири...С. 43,48,54,55.
[88] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 76; П. д. № 13. С. 67–68.
[89] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири... С. 51.
[90] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.
[91] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 142.
[92] ДМФ. 1624/107. Ф. 1. Д. 7. Л. 16.
[93] П. д. № 15. С. 101.
[94] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... Т. 5. С. XIII.
[95] П. д. № 16. С. 101.
[96] П. д. № 13. С. 97; П. д. № 11. С. 74–76.
[97] П. д. № 13. С. 100–101.
[98] П. д. № 11. С. 73.
[99] П. д. №.3. С. 65.
[100] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 94,100,101,104,106,121; Т. 3. Л. 46; Т. 4. Л. 74; Там же. Оп. 2. Д. П-34332. Л. 2,5, об, 6; Там же. Оп. 2. Д. П-34752. Л. 9; П. д. № 3. С. 66
[101] П. д. № 3. С. 65.
[102] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-354343. Л. 2.
[103] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3 Д. ПУ- 6656. Т. 1. Л. 109–117.
[104] Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток. 1975. С. 150.
[105] П. д. №.20. С. 115.
[106] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 1,об.
[107] П. д. № 3. С. 58.
[108] П. д. № 1. С. 18.; Личный архив Примачевой К. С. (письмо И. А. Реутова, Боливия). Его мать — Анастасия Григорьевна Орлова.
[109] П. д. № 13. С. 24.; П. д. № 19. С. 62.
[110] П. д. № 2. С. 8.
[111] П. д. № 3. С. 62, 58, 57.
[112] П. д. № 7. С. 91;
[113] П. д. № 3. С. 65.
[114] П. д №.9. С. 13.
[115] П. д № 2. С. 31.
[116] П. д. № 2. С. 5–6.
[117] П. д. № 1. С. 17.
[118] П. д. № 13. С. 31.
[119] Личный архив автора. (письмо И. Евсеева, 1999 г.)
[120] П. д. № 12. С. 29.
[121] П. д. № 19. С. 16.
[122] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-34332. Л. 10,об.
[123] Мотузная В. Н. Свадебный обряд староверов Алтая. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток-Большой Камень. 1997. С. 90.
[124] Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С 161.
[125] Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 22,24.
[126] Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX- началоXX вв.) Новосибирск, 1997. С. 17.
[127] Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 26.
[128] Кобко В. В. Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ. 2001. С. 268.
[129] П. д. №.3. С. 64; П. д. № 8. С. 76.
[130] П. д. № 8. С. 52.
[131] Липинская В. А. Старожилы и переселенцы... С. 26.
[132] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-3723. Л. 6.
[133] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 72.
[134] П. д. № 8. С. 46.
[135] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири... С. 36.
[136] П. д. № 8. С. 67.
[137] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 6656. Т. 2. Л. 106.
[138] П. д. № 8. С. 33.
[139] П. д. № 8. С. 61–62.
[140] П. д. № 8. С. 77.
[141] П. д. № 8. С. 62.
[142] Кобко В. В. Судьбы репатриации: Синьцзянские старообрядцы в Приморье // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы Первой международной научно. — практической конференции. Владивосток, 1999. Кн. 2; Она же. Старообрядцы в Синьцзяне. // Миграционные процессы в Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток. 1994.
[143] П. д. № 8. С. 58.
[144] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 872. Л. 4.

[145]На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 29,52,55.
[146]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-28155. Л. 30; 53; Оп. 3. Д. ПУ-8161. Л. 10,об; Оп. 1. Д. П-21873. Л. 10; Оп. 2. Д. П-33229. Л. 8,об.; П. д. № 7. С. 55.
[147]Из жизни окраины. Хутор Сион. // Дальний Восток 1893. 20 мая.
[148]«Рыбопромышленный вестник». СПб., 1900. № 11. С. 570–572.
[149]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1190. Л. 1.
[150]Главная инвентарная книга ПГОМ. № 1. С. 41.
[151]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2104. Л. 127; Ф. 702. Оп. 5. Д. 481. Л. 5об.
[152]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2104. Л. 127.
[153]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-3248. Л. 10.
[154]П. д. № 12. С. 11.
[155]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 15. Л. 200.
[156]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л. 130.
[157]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 154. Л. 444, 445.
[158]РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 555.
[159]П. д. № 19. С. 80.
[160]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 1по 260.
[161]Там же. Т. 1. Л. 1по 260,Т. 2. Л. 58, Т. 5. Л. 111,131, Т. 8. Л. 35,об.
[162]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 6656. Т. 5. С. 66, Т. 4. Л. 212.
[163]П. д. № 11. С. 51.
[164]П. д. № 7. С. 26–27.
[165]Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... Т. 5. С. XV.
[166]П. д. № 7. С. 25.
[167]Там же.
[168]П. д. № 7. С. 27.
[169]Личный архив автора (письмо Кочева К. И. 2000 г.)
[170]П. д. № 12. С. 102.
[171]Личный архив автора (письмо Шарова В. П., 1999 г.)
[172]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Л. 3–96.
[173]П. д. № 15. С. 60–61.
[174]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 1. Л. 187, 192.; Т. 4. Л. 16–17.
[175]Там же. Т. 1. Л. 3–96, 121,122,137,221,об.

Глава V.

[1] Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Москва, 1996. С. 85.
[2] Там же. С. 296.
[3] Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIIв // Крестьянство Сибири XVIII-начала XXв. (Классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975. С. 12.
[4] Старообрядчество..... С. 62–63.
[5] Покровский Н. Н. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Вып. IX. Новосибирск, 1999. С. 11.
[6] Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири периода феодализма. М., 1973. С. 406.
[7] Стахеева Н. Н. Автореферат диссертациионного сообщения. Старообрядчество Восточной Сибири в XVII начале XXв. Иркутск, 1998. С. 15.
[8] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000. С. 54.
[9] РГИА ДВ. Ф1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 113.
[10] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 34.
[11] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 34; П. д. № 12. С. 65.
[12] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 59; П. д. № 14.
[13] Васильева С. В. Автореферат диссертационного сообщения. Старообрядчество Западного Забайкалья и вероисповедная политика государства (XVII — начало XX вв). Улан — Удэ, 2000. С. 13.
[14] П. д. № 16. С. 98.
[15] П. д. № 16. С. 99.
[16] Музей благодарен за помощь Е. А. Агеевой, А. Безгодову.....
[17] Деяния Перваго Всероссийскаго Собора христиан-поморцев, приемлющих брак. М., 1905. С. 3.
[18] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, сентябрь 2001 г.).
[19] Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви. М., 1997. С. 441–493,474.
[20] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, сентябрь 2001 г.).
[21] П. д. № 16. С. 103.
[22] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, декабрь 2001 г.)
[23] Там же.
[24] П. д. № 16. С. 93–95; П. д. № 16. С. 21.
[25] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, сентябрь 2001 г.).
[26] По воспоминаниям Ермилы Матвеевича, Шведчиков был знатоком Святого Писания. Репрессирован, отбывал наказание в Бийске или Барнауле, где и скончался. Митрофан Фотеевич Рехтин также был репрессирован, «за веру хотели его в прорубь бросить, но убеждением его слов смягчились и оставили его в живых. Умер он на Востоке где-то в ваших краях».
[27] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, декабрь 2004 г.)
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] П. д. №.3. С. 86.
[31] О семье Копытовых тогда мы узнали не очень много. Сам Харлампий Павлович — 1909 г. р., родился в Алтайском крае, Солтонском районе д. Афонино. Родители его, Павел Иванович Копытов и Дарья Никифоровна Перетягина, в Калиновку приехали уже в 30-х гг. XX в. с сыном, остальные дети родились уже здесь. У самого Харлампия Павловича родилось 11 детей, в их числе уже знакомые нам Мария, Ульяна, Вера, Иван.
[32] П. д. № 16. С. 6, 53.
[33] Кулятин Иван Савельевич р. 1897 г. в Боронче, жили в Белокурихе, откуда и переехали на Дальний Восток, сначала жили на р. Нота, п. Заветный, потом в Калиновке. С началом коллективизации попытались переехать севернее, в Тетюхе, но не понравилось там и вскоре вернулись в Калиновку. Иван Савельевич умел развернуться и при советской власти: наладил производство кирпича — сырца. Работал от сплавной конторы. При подготовленной глине в сутки делали до 1000 кирпичей. Приходило судно, забирало кирпичи, развозило по селам. Со своих денег Иван Савельевич не брал. Все печи в Калиновке были сделаны из кулятинского кирпича. На навесе, где сушили кирпичи висела табличка: «Кулятина Ивана Савельевича кирпичный завод». Другая линия — Ждановы. На поиски лучшей жизни приехали на Дальний Восток из Солтона три брата Ждановых Семен, Моисей, Никита Степановичи. П. д. № 16. С. 109.
[34] П. д. № 16. С. 14.
[35] П. д. № 16. С. 100.
[36] Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, март 2003 г.).
[37] П. д. № 16. С. 69.
[38] П. д. № 16. С. 38, 55; Личный архив автора (Письмо Е. М. Пермякова, март 2003 г.).

[39] П. д. № 16. С. 37,64.
[40] П. д. № 16. С. 39, 4.
[41] П. д. № 16. С. 54,5.
[42] П. д. № 16. С. 101–102.
[43] Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1985. С. 477; Ageeva E.A., Robson R.R., Smilljanskaja E.B. Старообрядцы-спасовцы: Пути народного богословия и формы самосохрванения традиционных обществ в России Xx века // Revue des etudes slaves. Tome soixante-neuvieme. Fascicule1–2. Vieux-croyants et-sectes russes du XVIIe siecle a nos jours. Paris. 1997. С. 101–117; Клочкова Е.С. Пути самоопределения Нижегородской спасовщины конца XIX — начала XXвв.: самокресты. // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999.217–243.
[44] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5
[45] Соболев Г.Ф. Старообрядческий род Соболевых. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2000. С. 314.
[46] Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Желтые. Инородцы. (перепись населения 1–20 июня 1915 г.). Владивосток. 1915. С50.
[47] РГИА ДВ.Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 202,228,230, 233,234.
[48] П. д. № 4. С. 63.
[49] П. д. № 15. С. 91.
[50] Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 26.
[51] П. д. № 15. С. 103.
[52] Клочкова Е.С. Пути самоопределения Нижегородской спасовщины... С. 223–224.
[53] П. д. № 16. С. 56.
[54] П. д. № 15. С. 92–93,101.
[55] П. д. № 15. С. 92–93.
[56] П. д. № 15. С. 95–97.
[57] П. д. № 17. Ч. 2. С. 26–27.
[58] П. д. № 17. Ч. 2. С. 43.
[59] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 65.
[60] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801, л. 69.
[61] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 59.
[62] П. д. № 14. С. 18.
[63] П. д. № 14. С. 54.
[64] П. д. № 14. С. 10–11.
[65] Кобко В.В. К вопросу о бытовании легенды о Беловодье у приморских старообрядцев (по материалам полевых исследований Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева). // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2000. С. 90–98.
[66] П. д. № 14. С. 30.
[67] Там же. С. 24.
[68] Там же. С. 13, 14, 33.
[69] Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930. С. 181–183.
[70] Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. М., 1996. С. 287–289. Позднее были обнаружены архивные документы, подтверждающие правильность наших предположений: «Деревня Стольное основана в 1907 г. исключительно старообрядцами Волынской губернии». Здесь же дан список домохозяев д. Стольное, состоящий из 71 фамилии. Среди них и те, что были указаны нашими информаторами: Босаковы, Григорьевы, Даниловы, Денисовы, Слепченко. РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 155–187.
[71] П. д. № 14. С. 55.
[72] Там же. С. 56, 28–29.
[73] Там же. С. 21.
[74] Там же. С. 20,53,42.
[75] Там же. С. 3,36, 51.
[76] Поздеева И.В. Книга-личность-община-инструменты воспроизводства традиционнной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Верхокамья. Проблемы комплексного изучения. Пермь, 2001. С. 9.
[77] П. д. № 7. С. 27.
[78] П. д. 5. С. 35.
[79] П. д. № 13. С. 6.
[80] П. д. № 13. С. 8.
[81] П. д. № 16. С. 114–115.
[82] П. д. № 13. С. 76. Кстати, недавно нам сообщили радостную весть: после долгих мытарств и перемены месторасположения моленной, она вновь вернулась на старое место.
[83] П. д. № 13. С. 68,74.
[84] П. д. № 11. С. 37.
[85] П. д. № 11. С. 37; П. д. № 13. С. 76.
[86] П. д №.9. С. 9.
[87] П. д. № 13. С. 135,136.
[88] П. д. № 13. С. 72–73, 75.
[89] П. д. № 13. С. 78.
[90] П. д. № 11. С. 66.
[91] П. д. № 20. С. 113.
[92] П. д. № 16. С. 4.
[93] Поздеева И.В. Книга-личность-община-инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. Пермь. 2001. С. 26.

Глава VI.

[1] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. (очерки истории). Владивосток, 1991. С. 76.
[2] Сердюк М.Б. Переселение старообрядцев на Дальний Восток: проекты и их осуществление // Алтарь России. Владивосток-Большой Камень, 1997. Вып. 1. С. 44–47; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. Москва, 2000. С. 45–48; Ермацанс И.А. Переселение в Амурскую область старообрядцев из Австрии в начале XX в. // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ. 2001. С. 260–261.
[3] Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России.....С. 48.
[4] Крестьянство Дальнего Востока.... С. 31.
[5] Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 58
[6] Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII- начале XX вв. М., 1985. С 138.
[7] Арсеньев В.К. Русское население. Собрание сочинений в 6 т. Владивосток, 1949. Т. 5. С. 72,70.
[8] Там же. ...С. 71–72.
[9] Там же. ...С. 73.
[10] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 2. Д. 22. Л. 20.
[11] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 36.
[12] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 36.
[13] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 1. Д. 517. Л. 46.
[14] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 33. Д. 307. Л. 310–311.
[15] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 555.
[16] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 34.
[17] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 2341. Л. 85.
[18] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 154. Л. 444.
[19] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2281. Л. 9.
[20] Там же. Л. 15.
[21] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2265. Л. 155.
[22] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 115,116.
[23] П. д. № 7. С. 47.

[24] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 11. Л. 71.
[25] Там же. Л. 71.
[26] Там же. Л. 116,119,171,190.
[27] Там же. Л. 71.
[28] Там же. Л. 71.
[29] Там же. Л 71.
[30] Там же. Л. 71, Т. 4. Л. 19; П. д. № 12. Л. 25.
[31] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 12. Л. 257.
[32] П. д. № 17. Ч. 2. С. 63.
[33] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 13. Л. 277,280, 299,302.
[34] П. д. № 7. С. 47; Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Желтые. Инородцы. (перепись населения 1–20 июня 1915 г.). Владивосток. 1915. С. 48.
[35] П. д. № 17. Ч. 2. С. 43–44.
[36] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 9. Л. 125; П. д. № 17. Ч. 2. Л. 10.
[37] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 155,161; Т. 8. Л. 416; Т. 9. Л. 4,51,125,252,268; Т. 10. Л. 20,32,73,107,111,117,119,183,195.
[38] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 10. Л. 116.
[39] П. д. № 4. С. 67.
[40] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 127–128.
[41] Личный архив автора (письмо Матвеева А. К. февраль, 2004 г.)
[42] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 199.
[43] П. д. № 17. Ч. 2. С. 5.
[44] П. д. № 17. Ч. 2. С. 5.
[45] П. д. № 17. Ч. 1. С. 42–43.
[46] П. д. № 15. С. 25,44; П. д. № 17. Ч. 1. С. 11.
[47] П. д. № 15. С. 3–6.
[48] П. д. № 15. С. 6.
[49] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.
[50] Давыдовы (Самарская губ) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 79; Т. 3. Л. 62; П. д. № 12. С. 36; Заглядины (Самарская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 188–189,226; Нагорновы (Уфимская губ) П. д. № 7. С. 72; Токаревы (Уфимская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 271.; Санниковы (Уфимская губ.) П. д. 17. Ч. 1. С. 7,41; Светляковы (Уфимская губ., более раннее место выхода Самарская губ.) П. д. № 15. С. 25,44; П. д. № 17. Ч. 1. С. 11.
[51] Пугины (Енисейская губ.) П. д. № 17. Ч. 1. С. 42; Попковы (Енисейская губ.) П. д. № 17. Ч. 1. С. 93; Могильниковы (Енисейская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л. 130; Соболевы (Енисейская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 308,326; Семещовы (Енисейская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 323.
[52] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.
[53] П. д. № 17. Ч. 1. С. 9.
[54] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.
[55] П. д. № 17. Ч. 2. С. 33.
[56] П. д. № 12. С. 12.
[57] П. д. № 17. Ч. 1. С. 21
[58] П. д. № 17. Ч. 1. С. 23.
[59] П. д. № 17. Ч. 2. С. 5.
[60] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 440.
[61] Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIIв // Крестьянство Сибири XVIII — начала XXв. (Классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975. С. 27; Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 29.
[62] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 3. Л. 49,21,101–102.
[63] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 445, 440,150.
[64] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 75; П. д. № 12. С. 103об.
[65] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 78,117,53,43,122,123.
[66] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 113,457; Т. 5. Л. 52.
[67] П. д. № 3. С. 79; № 9. С. 22.
[68] П. д. № 17. Ч. 1. С. 94–96; № 5. С. 39.
[69] Бочкаревы (Томская губ. Более раннее место выхода Вятская губерния) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 460; П. д. № 15. Л. 90,91. Лошкаревы (Енисейская губ. Более раннее место выхода Вятская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 259; Плотниковы (Томская губ) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 53; Широносовы (Томская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л. 153; Килины (Томская и более раннее место выхода Пермская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 113, Т. 1. Л. 288; Пермяковы (Пермская губ.) П. д. № 3. С. 57; Матвеевы (с. Красный Яр) РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 2281. Л. 22; Черепановы (Вятская губ.) РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 33. Л. 5,6; П. д. №.5. С. 40.
[70] П. д. № 17. Ч. 1. С. 21–22.
[71] ГАХК. Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 228; П. д. № 17. Ч. 1. С. 99.
[72] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 168,164,223,152,210.
[73] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 253–258, 274.
[74] Липинская В. А. Старожилы и переселенцы...С. 26, 39.
[75] Там же.; Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 153.
[76] Липинская В. А. Старожилы и переселенцы...С. 38–39.
[77] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 253–255.
[78] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири... С. 45.
[79] Могильниковы, Пермяковы, Килины, Бочкаревы см. выше; Бочкаревы, Огневы, Макаровы. Агаповы, Субботины, Черновы (Айротская обл. д. Верх-Уймон) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 250,258,271,274,286. Ильины, Смольниковы (Вятская и Пермская губ) Там же. Т. 5. Л. 210,215,223.
[80] П. д. № 17. Ч. 1. С. 22.
[81] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Т. 5.97.
[82] П. д. № 18. Л. 32.
[83] П. д. № 18. С. 33.
[84] П. д. №.19. С. 72.
[85] П. д. № 8. С. 28.; Столбиков Семен Иванович род в Тахобе в 1911 г. Домовая книга с. Усть-Соболевки. 1940–1941 гг. С. 18; «Я проживаю в Тахобе с 1910 г.», — вспоминал Губушкин Иван Осипович. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 273.
[86] Корень рода Губушкиных — Иосиф Ефимович родился в 1849 г. в Томской губ. д. Осиновка. (Домовая книга 1934 г. колхоз «Огни», с. Усть-Соболевка. С. 1.), а его сыновья Иван и Поликарп родились в Томской губ, Змеиногорский у., д. Сетисовка (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 270). Более раннее место выхода Губушкиных документально пока не удалось подтвердить, по косвенной информации, Губушкины переселились с Урала (жена из рода Чепкасовых, переселенцев из Пермской губ.).

Корень рода Столбиковых — Иван Иванович родился в Екатеринбургской губ., завод Касли 1867 г. р. (Домовая книга с. Усть- Соболевка 1934 г. С. 22). Видимо, их семья переселилась в Томскую губ, Бийский у. с. Покровка, где родились его дети, переселившиеся на Дальний Восток. (Домовая книга 1934 г. с. Усть-Соболевка С. 19).

[87] Домовая книга с. Усть- Соболевка 1934 г. С. 16; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 76.

[88] Из Енисейской губернии: Третьяковы (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т4. Л. 349); Соболевы (Там же. Т. 4. Л. 333); Кузнецов Савелий Куприянович (Там же. ЛТ. 4. Л. 342); Фоминых, Лошкаревы (П. д. № 18. С. 28,45).

[89] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 258,302.

[90] Из Пермской губернии переселились: Зайковы (П. д. № 18. С. 59); Поносовы (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1190. Л. 1); Пугины (Рассказывая о семейных корнях, Марина Егоровна Пугина вспоминала: «Бабушка Вера часто говорила: „Мы из Рассеи. Пугинский род оттуда, где башня наклонная стоит. Слыхали вы про такую? Кто ее знает, где она стоит.....“». Совершенно очевидно, что местом выхода Пугиных был Невьянский завод, сердце Демидовских владений. П. д. № 18. С. 50); Немкины (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 302); Полонянкины (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 258,266); Губушкины, Столбиковы (см. выше); Из Вятской губернии: Лошкаревы (см. выше), Соболевы (Соболев Г. Ф. Старообрядческий род Соболевых // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 303)

[91] П. д. № 18. С. 24.

[92] Соболев Г. Ф. Старообрядческий род Соболевых.... С. 312–313.

[93] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 331.

[94] Домовая книга с. Усть- Соболевка, 1934 г. С. 16.

[95] П. д. № 18. С. 60–61.

[96] Арсеньев В. К. Краткий географический очерк Уссурийского края (1901–1911). Собрание сочинений в 6т. Владивосток, 1948. Т. 6. С. 73. Все известные мне по полевым и архивным источникам Долгановы — переселенцы из Томской губ. Бийского окр. д. Белая Лунь, Шульгин Лог. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 101; П. д. № 7. С. 26.

[97] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.

[98] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Т. 1. Л. 4, 13, 18, 22, 27,31, 36, 51, 57,67,89, 109, 114, 118, 124, 132, 137.

[99] П. д. № 18. С. 17.

[100] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.

[101] П. д. № 18. С. 17.

[102] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1557. Л. 269об.

[102] П. д. № 18. С. 16.

[103] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 94.

[104] П. д. № 13. С. 105, 106.

[105] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 100,64, 137,149,162.

[106] П. д. № 18. С. 29,58.

[107] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.; П. д. № 13. Л. 140.

[108] П. д. № 18. С. 36.

[109] Пугины, Третьяковы, Килины (см. сноски выше). Борисовы (Пермская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Т. 1. Л. 41; Санниковы Е. У. (Енисейская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 321.

[110] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.

[111] П. д. № 18. С. 36; П. д. № 17. Ч. 1. С. 44.

[112] П. д. № 18. С. 34–35.

[113] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 327–328.

[114] П. д. № 17. Ч. 1. С. 52–53.

[115] Быков Сергей Устинович, Плотников Петр Алексеевич, Шишерина Акулина Варфоломеевна (Томская губ) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 76,53,224; ЩелкановФилимон Анистифорович (Енисейская губ.) Там же. Л. 78, Попов Верепсав Яковлевич, Дерешов Миней Евлантьевич. (до 1930 г. жил в Енисейской губ.) Там же. Т. 15. Л. 238, ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-17923. Т. 1. Л. 28; Поварницын Леонтий Сысоевич, Семенов Сергей Дмитриевич (Пермская губ.) Там же. Л. 13,52; Лобов Архип Ерастович и его отец Ераст Павлович (Самарская губ.)) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 7. Л. 64.

[116] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 8. Л. 80; П. д. №.8. С. 20.

[117] П. д. № 17. Ч. 1. С. 37–38.

[118] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 8. Л. 76,80.

[119] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 557.

[120] П. д. № 12. С. 97–98.

[121] П. д. № 12. С. 25.

[122] П. д. № 15. С. 37.

[123] П. д. № 12. С. 25–27.

[124] П. д. 15. С. 83.

[125] Иродов Семен Игнатьевич (Томская губ Бийский окр. с. Уймон, с сыновьями Семеном и Антоном) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 385; Новожилов Емельян Наумович (Енисейской губ. Минусинский окр.) П. д. № 12. С. 25.; Суковатицын Венедикт Терентьевич (родители родом из Пермской губ, Шадринского у.) П. д. № 12. С. 50; семья Шабуровых переселилась с р. Чулым. П. д. № 12. С. 42.

[126] Акуловы, Кочевы, Антроповы, Токмаковы, Басаргины, Щербаковы — родственники. Наиболее раннее, известное нам, место их выхода Урал. (Шадринск, Большая Уса). Среди остановок на пути миграции на Дальний Восток- Томская губ. (Боготол), Тува, Иркутск. П. д. № 15. С. 82–83,85. П. д. № 5. С. 12. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 364–381.

[127] П. д. № 12. С. 26.

[128] П. д. № 12. С. 26.

[129] П. д. № 12. С. 93.

[130] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 159,325.

[131] П. д. № 17. Ч. 2. С. 56

[132] П. д. № 12. С. 26,37.

[133] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 234.

[134] П. д. № 12. С. 66.

[135] П. д. № 12. С. 67.

[136] П. д. № 12. С. 65.

[137] П. д. № 12. С. 58,69; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 161; П. д. № 12. С. 111об., 112об.

[138] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 161,197.

[139] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 234–235.

[140] П. д. № 12. С. 67.

[141] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 143,159,411,419.

[142] П. д. № 12. С. 74–75.

[143] П. д. № 12. С. 73–74.

[144] П. д. № 12. С. 82.

[145] П. д. № 12. С. 86–87.

[146] П. д. № 12. С. 71.

[147] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 106.

[148] Там же. Т1. Л. 107; Т. 2. Л. 35; Т. 6. Л. 7.

[149] Там же Т. 1. Л. 105, 106, 107.

[150] Там же. Т. 1. Л. 313.151 Рудаковы, Ломаевы (Пермская губ.) Там же. Т. 3. Л. 92; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. Д. ПУ-8889. Л. 69; Фунтиковы (Томская губ.) ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 312, Т. 6. Л. 452; Кузнецовы (Енисейская губ.) Там же. Т. 3. Л. 16; Герасимовы (Енисейская губ.) Там же. Т. 2. Л. 173; Семешовы (Енисейская губ.) Там же. Т. 1. Л. 323.

Наиболее ранним местом выхода рода Юрковых можно назвать Поволжье и Вятскую губернию. Следующим этапом, по — видимому, стала Пермская губ. Родом отсюда сразу несколько известных нам линий рода Юрковых.: Пермская губ. Осинский у. деревни-Фокино, Малые Кусты, Кирилловка.

Один из братьев Юрковых, Феодот Павлович, род. в 1892 г. в Вятской губ. Сарапульского у. с. Фоки (Фокино?), младший его брат- Феоктист Павлович род. в 1904 уже в Пермской губ. Осинского у. д. Фокино. Позднее, опасаясь преследований, братья перебираются с родителями сначала в Томскую губернию, потом — в г. Иркутск, в район, где локально проживала группа старообрядцев, переселенцев из урало-сибирского региона. на Дальний Восток эта ветвь Юрковых перебралась поздно, уже в 30-х гг. XXв. (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 2. Л. 64, 74,79.)

Юрков Кирилл Парфенович из Пермской губ. был мобилизован в армию Колчака в егерский полк, после ранения комиссован и уезжает к брату в Томскую губ, д. Бенжалек а от него в б. Джигит (п. Духово). В 1920 г. занимается крестьянством, в 1921 г. переехал в б. Амга на заработки, работал у японца Сибадо сплавщиком леса 3 месяца, потом снова возвратился в Духово, крестьянствовал (Там же. Т. 4. Л. 5,19.)

Еще одни Юрковы отец и сын Моисей Родионович и Вонифатий Моисееевич (Пермская губ. с. Малые Кусты) поселяются в Нахтахе.).....

[151] Пермяков Ф.Р., уроженец Пермской губ. ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 3. Л. 57.
[152] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. С. 94–95; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 365; Т. 3. Л. 124;
[153] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7411. Л. 5.
[154] П. д. № 7. С. 2.
[155] П. д. № 7. С. 3,6; П. д. № 18. С. 50.
[156] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7411.
[157] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 271.
[158] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. Д. ПУ-8889. Л. 7–18.
[159] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 105,238.
[160] Там же. Т. 1. Л. 358,370; Т. 3. Л. 166.
[161] Там же. Т. 14. Л. 391–399; Т. 2. Л. 72.
[162] Там же. Т. 15. Л. 228,230; Т. 1. Л. 210–211.

Глава VII.

[1] П. д. № 7. С. 57–86.
[2] П. д. № 13. С. 17–23.
[3] П. д. № 5. С. 12; П. д. № 13. С. 59–62.
[4] П. д. № 15. С. 83.
[5] Там же. С. 82.
[6] Нам, к сожалению, не известно точное места выхода семьи Щербаковых, но на том основании, что Щербаковы являются родственниками Акуловых, Антроповых, Токмаковых, можно с большой долей уверенности сказать, что они начали свое движение на восток из Пермской губернии Большеусинской волости. (ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 361, 365, 366, 381,383; Т. 1. Л. 114.)
[7] Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIIв // Крестьянство Сибири XVIII-начала XXв. (Классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975; Он же. Урало-сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества // Крестьянская община в Сибири XVII- начала XXв. Новосибирск. 1977.; Он же Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Он же. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Вып. IX. Новосибирск, 1999; Он же. Скитские биографии // Новый мир. № 8.1992. С192–210; Он же. За страницей «Архипелага Гулаг». // Новый мир. 9.1991. С. 77–103; Мамсик Т.С. Крестьянская среда и беглец. // Крестьянство Сибири XVIII-начала XXв. (Классовая борьба, общественное сознание, культура). Новосибирск, 1975; Зольникова Н.Д. Современный старообрядец-писатель с Енисея. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.
[8] Покровский Н.Н. Крестьянский побег... С. 29.
[9] Там же. С. 22.
[10] Покровский Н.Н. Духовная литература староверов... С. 21–22.
[11] Собрание института истории СО РАН. № 4/90-г. «Повести чюдесных событий». Ч. 1. С. 75, 79.
[12] П. д. № 13. С. 19–21.
[13] П. д. № 10. С. 47, 50.
[14] П. д. № 12. С. 41–42.
[15] П. д. № 15. С. 87.
[16] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 79.
[17] Там же.
[18] Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы.... С., 1996. С. 167.
[19] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 83.
[20] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 94–95; ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 364; Там же. Т. 3. Л. 124; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2478. Л. 81; Там же. Л. 79.
[21] Там же. Л. 92.
[22] Там же. Л. 97.
[23] П. д. № 12. С. 61.
[24] П. д. № 12. С. 61–63.
[25] П. д. № 4. С. 29.
[26] Собрание института истории СО РАН. № 4/ 90 — г. Ч. 1. Л. 74.
[27] Покровский Н.Н. Духовная литература староверов...С. 112.
[28] Собрание института истории СО РАН. № 4/ 90 — г. Ч. 1. С. 75.
[29] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 35–37об.
[30] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 81.
[31] Там же.
[32] Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир. № 8.1992. С. 198.
[33] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. П-20739.
[34] П. д. № 18. С. 39.
[35] П. д. № 8. С. 11–12.
[36] П. д. № 18. С. 39.
[37] П. д. № 11. С. 54.
[38] П. д. № 8. С. 13; П. д. № 11. С. 55.
[39] П. д. № 12. С. 41.
[40] П. д. № 11. С. 65.
[41] П. д. № 12. С. 64–65.
[42] Собрание института истории СО РАН. № 4/ 90 — г. Ч. 1. С. 74.
[43] Там же. С. 80.
[44] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л37об.
[45] Там же. Л. 36.
[46] Там же. Л. 42,об.
[47] Там же. Л. 37,об.
[48] Там же. Л. 40.
[49] Там же. Л. 40,об.
[50] П. д. № 19. С. 17.
[51] П. д. № 4. С. 21; П. д. № 11. С. 53–54
[52] П. д. № 19. С. 35.
[53] П. д. № 12. С. 62.
[54] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-31504. С. 6; Личный архив автора (письмо Г.Ф. Соболева, апрель, 2004 г.)
[55] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7360. Л. 13.

[56] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 13.
[57] П. д. № 12. С. 6.
[58] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7360. Л. 13.

Глава VIII.

[1] Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 7.
[2] Деревянко А. П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. 1858–1998 гг. Владивосток. 1999. С. 72.
[3] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. (очерки истории). Владивосток, 1991. С. 148–149, 161.
[4] Брянский А. М. Сельское хозяйство Дальневосточной области в годы революции. 1917–1923 гг. Хабаровск., 1925. С. 7.
[5] Крестьянство Дальнего Востока...С. 155.
[6] Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока... С. 74.
[7] Там же. С. 75.
[8] Проскурина Л. И. Репрессии в дальневосточной деревне в конце 20-х — первой половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке. (20–50-е гг). Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 123.
[9] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 115.
[10] П. д. № 10. С. 28.
[11] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 5.
[12] ПГОМ. Документальный фонд. МПК 17213–5.
[13] Подсчитано по: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048; Д. ПУ-6656.
[14] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 12.
[15] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П- 35196. Т. 4. Л. 6.
[16] П. д. № 14. С. 91.
[17] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 178; Т. 3. Л. 223,224,225.
[18] Там же. Т. 1. Л. 178; Т. 3. Л. 223, 227.
[19] Лесные концессии. Владивосток, 1925. С. 116–117.
[20] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 12.
[21] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 4. Л. 127,об.
[22] П. д. № 13. С. 142; П. д. № 7. С. 73.
[23] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 367.
[24] Там же. Т. 6. Л. 454–457.
[25] Там же. Т. 10. Л. 7.
[26] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. Д. ПУ-9322. Л. 93.
[27] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 9. Л. 125.
[28] Там же. Т. 6. Л. 120.
[29] Проскурина Л. И. Репрессии в дальневосточной деревне... С. 121–122.
[30] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 161,177.
[31] Там же. Т. 7. Л. 9об.
[32] Там же. Т. 9. Л. 76.
[33] П. д. № 4. С. 15.
[34] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-33287. Л. 33.
[35] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 370.
[36] П. д. № 4. Л. 14–15.
[37] П. д. № 14. Л. 86.
[38] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 121.
[39] Там же. Л. 122.
[40] П. д. № 4. С. 23.
[41] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 85.
[42] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 4. Д. ПУ- 8889. Л. 15.
[43] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 76,78.
[44] П. д. № 4. С. 16.
[45] П. д. № 4. С. 17.
[46] П. д. № 15. С. 28–29.
[47] Покровский Н. Н. Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 10.
[48] Существующее в христианстве учение о конце света, царстве антихриста и втором пришествии Христа называется эсхатологией. В XVIII в. происходит окончательная разработка этого идеологического учения. Об этом свидетельствует большое количество сочинений старообрядческих писателей. Все они исходили из главного утверждения-последние времена уже наступили, и антихрист пришел и царствует в мире. Этим тезисом в основном и отличалось эсхатологическое учение старообрядцев от учения официальной церкви. Старообрядцы считали себя не только вправе рассуждать о пришествии антихриста, но и необходимости говорить о наступлении последних времен, ведь историческое время, раскрывающее людям сущность Бога, остановилось с реформой Никона. Все, что происходит после по сути своей антиисторично, следовательно антихристово
[49] П. д. № 11. стр. 61.
[50] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 58,66,71, 77.
[51] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. ПУ-6656. Т. 4. Л. 212.
[52] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 40–41.
[53] Там же. Л. 46.
[54] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-33287. Л. 33.
[55] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 46.
[56] Там же. Л. 47.
[57] Покровский Н. Н. Антифеодальный протест...С. 390.
[58] П. д. № 11. С. 35.
[59] П. д. № 12. С. 68.
[60] П. д. № 4. С. 23.
[61] П. д. № 17. Ч. 1. Л. 102.
[62] П. д. № 4. С. 15.
[63] Там же. С. 15.
[64] П. д. № 4. С. 23.
[65] Покровский Н. Н. Антифеодальный протест.... С. 338; Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 129–130.
[66] Цитируется по: Покровский Н. Н. Антифеодальный протест.... С. 6.
[67] Солженицын А. Архипелаг Гулаг. М., 1991. С. 27.
[68] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ- 8161.

Глава девятая.

[1] Тэруока Гито. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942; Фудзияма Итиро. Деревня Романовка. Чаньчунь. 1941.
[2] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 8. Л. 25.
[3] П. д. № 10. С. 26,27,28.
[4] Текущий архив. Мартюшев П. Г. Старообрядцы в Приморском крае после революции. (рукопись). С. 6.
[5] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Л. 195.
[6] Басаргина О. Как мы бежали с России. Николаевск. 1989. С. 1,10.
[7] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 142.
[8] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-35196. Т. 2. Л. 159–168.
[9] Мартюшев П. Г. Старообрядцы в Приморском крае ... С. 2,3.
[10] Басаргина О. Как мы бежали с России... С. 12.
[11] Там же. С. 13.
[12] Там же. С. 15.
[13] П. д. № 10. С. 29.
[14] БРЭМ — бюро русских эмигрантов, создано под протекторатом японской армии в 1935 г.
[15] Накамура ". Романовка-поселок староверов в Маньчжурии. (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск., 1992. С. 249.

[16] Там же. С. 250.
[17] Накамура ¨. Романовка-поселок староверов в Маньчжурии. (1936–1945 гг.) // Незримые мосты через Японское море. СПб., 2003. С. 122.
[18] Личный архив автора. (Письмо Селедкова Н. И, 2001 г.).
[19] П. д. № 9. Л. 29.
[20] Morris R. A. Old russian ways. Cultural variation among three russian group in Oregon. AMS Press. New York 1991; David Scheffel. In the shadow of Antichrst. The Old Beievers of Alberta. Canada. 1991.
[21] Бабич С. Староверы с Аляски // Эхо планеты. № 16. 1992. С. 29.
[22] П. д. № 9. Л. 29.
[23] Личный архив Примачевой К. С. (Письмо И. А. Реутова, Боливия).
[24] Там же.
[25] Там же.

Глава X.

[1] Аргудяева Ю. В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000.; Сердюк М. Б. Становление старообрядческой белокриницкой иерархии иа Российском Дальнем Востоке. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 3. Владивосток, 1998.; Она же. Переселение старообрядцев на Дальний Восток. Проекты и их осуществление. // Алтарь России. Владивосток-Большой Камень, 1997.; Лобанов В. Ф. Формирование и деятельность старообрядческих общин в Приамурском крае во второй. половине XIXв. // Алтарь России, Владивосток, 1997.; Шевнин И. Л. К вопросу о существовании старообрядческого храма во имя Успения Пресвятые Богородицы в г. Хабаровске в 10–20 гг. XX в. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000.; Кобко В. В Старообрядческие общины белокриницкого согласия на территории Приморья. // Старообрядчество. История, культура, современность. М., 1996.; Керчелаева Н. Б. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000.
[2] Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. М., 1996. С. 44–47.
[3] Кобко В. В. Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ. 2001. С. 266–273.
[4] РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 546. Л. 18.
[5] РГИА ДВ. Ф. 1. ОП. 1. Д. 1153. Л. 230.
[6] Там же. Л. 484–485.
[7] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 334.
[8] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 42а.
[9] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1801. Л. 65.
[10] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243 Л. 21,37,85.
[11] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2487. Л. 3.
[12] РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 3. Д. 7. Л. 1об. –2.
[13] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2487. Л. 3.
[14] РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 3. Д. 7. Л. 2об. –3
[15] Сальникова Е. Н. Из родословной семьи Кайгородовых // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 270–275.
[16] РГИА ДВ. Ф. 1Оп. 4. Д. 2281. Л. 20.
[17] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2487. Л. 3.
[18] П. д. № 14. С. 57.
[19] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2487. Л. 3. сс. Джигит, Филаретовка — места компактного проживания забайкальских старообрядцев на побережье.
[20] ГАПК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 8. Л. 31–38.
[21] Керчелаева Н. Б. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 70–75.
[22] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 641. Л. 46об-47.
[23] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 618. Л. 46–47.
[24] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1557. Л. 139–148.
[25] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1731. Л. 1.
[26] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 641. Л. 46об-47.
[27] ПГОМ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2. Л. 6. (МПК 15490–47).
[28] Там же.
[29] П. д. № 14. С. 57.
[30] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2487. Л. 3.
[31] П. д. № 14. С. 63.
[32] ГАПК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 8. Л. 56.
[33] Там же. Л. 55.
[34] Там же. Л. 8.
[35] Там же. Л. 14.
[36] Там же. Л. 10.
[37] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2243. Л. 18.
[38] Подробнее о причинах раскола см.: Кобко В. В. Забайкальцы на Дальнем Востоке. // Старообрядчество. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Улан-Удэ. 2001.
[39] Личный архив Грабовенко И. Н. (письмо А. И. Спиридоновой)
[40] РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 3. Д. 8. Л. 18.
[41] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1196. Л. 151.
[42] Там же. Л. 152
[43] Там же. Л. 152.
[44] Старообрядчество. Лица, события.....С. 118.
[45] Дальневосточный старообрядец. Харбин. 1935. С. 8.
[46] РГИА ДВ Ф. 1Оп. 2 Д. 1801 Л. 153
[47] РГИА ДВ Ф. 1 Оп. 2 Д. 2329 Л. 144
[48] РГИА ДВ, Ф. 1646. Оп. 3. Д. 7. Л. 4об. –5.
[49] РГИА ДВ, Ф. 1646. Оп. 3. Д. 7. Л. 7об. –8; Л. 11об. –12.
[50] Старообрядчество. Лица, события.....С. 294.
[51] Дальневосточный старообрядец. Харбин. 1935 г. С. 8
[52] РГИА ДВ. Ф. 1646. Оп. 3. Д. 7. Л. 3об. –4.
[53] Дальневосточный старообрядец. Харбин 1935. С. 10–11.
[54] Церковь. № 13 1983 г. С. 27–28
[55] N.A. Halfter. Адмирал Колчак. Изд-во университета Мельбурна. 1998 г. С. 74
[56] Дальневосточный старообрядец. Харбин. 1935 г. С. 13–14
[57] ГАПК Ф. 25 Оп. 4. Д. 8. С. 62; ГАПК Ф. 25 Оп. 4. Д. 8Л. 7
[58] П. д. № 14. С. 70.
[59] Там же. С. 74–76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев

Глава первая

Хозяйственная деятельность старообрядцев

[1] Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XXвв. (очерки истории). Владивосток, 1991. С. 31.
[2] Грибоедов С. Д. В чем будущность Уссурийского края? // Приморский хозяин. Владивосток, 1916. С. 2.; Приамурье: Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909. С. 338...
[3] Там же. С. 339.

[4] Там же. С. 339.; Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1928 г. М., 1928. С. 38.
[5] П. д. № 17. Ч. 1. С. 37.
[6] П. д. № 17. Ч. 1. С. 53.
[7] П. д. № 17. Ч. 2. С. 49–50.
[8] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 690. Л. 1, 2.
[9] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83–84.
[10] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 857. Л. 76,85.
[11] Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 247–258.
[12] Грибоедов С.Д. В чем будущность...С. 2.
[13] Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. С. 7; Лебедева Н.М. Психологические аспекты этнической экологии. // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 103.
[14] Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ., 1999. С. 57–58.
[15] Мурашова Н.С. О певческой культуре старообрядцев Рудного Алтая. // Алтарь России. Владивосток — Большой Камень, 1997. С. 88.
[16] Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 25–28.
[17] Брянский А.М. Сельское хозяйство Дальневосточной области в годы революции 1917–1923 гг. Хабаровск., 1925. С. 31,33.
[18] П. д. № 17. Ч. 1. С. 102.
[19] П. д. № 8. С. 20.
[20] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-5792. Л. 75.
[21] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 339,374.
[22] Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке в период капитализма. // Известия РГИА ДВ Т. 6. Владивосток. 2002. С. 67.; Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XXвв. (очерки истории). Владивосток, 1991. С. 46.
[23] Осипов Ю.Н., Сергеев О.И. Сельскохозяйственное освоение Приамурья и Приморья во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток. 1989. С. 70–71.
[24] Приамурье...С. 371; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб. 1896. С. 94.
[25] Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Т. 2. С. 17–18
[26] П. д. № 12. С. 25–26.
[27] П. д. № 14. С53,55
[28] Липинская В.А. Заимки Западной Сибири конца X1Xв как сезонные поселения // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства. М., 1979. С. 147–148.
[29] П. д. № 12. С. 26.
[30] П. д. № 7. С. 56.
[31] Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке. М., 2000. С. 32.
[32] Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. СПБ., 1896. С. 26).
[33] П. д. № 15. С. 71,72.
[34] Меньщиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Саратов., 1912. С. 381.
[35] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 572. Л. 73.
[36] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 114.
[37] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 358
[38] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т3. Л. 107–108; Там же. Д. П-34332. Л. 2–3.
[39] П. д. № 17. Ч. 1. С. 72.
[40] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 160.
[41] См. Кобко В.В. Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ. 2001.
[42] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 199,454.
[43] Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке России в период капитализма // Известия РГИА ДВ.Т. 6. Владивосток, 2002. С. 70.
[44] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 141.
[45] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 481. Л. 2об., 3, 5,об.
[46] РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 235. Л. 3–4.
[47] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2211. Л. 15.
[48] Меньщиков А.А. Материалы по .... С. 360.
[49] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 235. Л. 5–6.
[50] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2211. Л. 7об.
[51] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 49. Л. 14; РГИА ДВ.Ф. 28. Оп. 1. Д. 268. Л. 22.
[52] РГИА ДВ, Ф. 1. Оп. 4. Д. 1221. Л. 231; ГАХК.Ф. И-210. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–17.
[53] Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской области // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 2. Вып. 2. М., 1896. С. 54.
[54] РГИА ДВ.Ф. 2. Оп. 5. Д. 481. Л. 3.
[55] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 225–226.
[56] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 1. Д. 1193. Л. 73.
[57] П. д. № 13. С. 120.
[58] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 541. С. 181.
[59] ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 457,494; Т. 10. Л. 114.
[60] Вестник рыбопромышленности. СПб., 1900.№ 11. С. 570–571.
[61] Там же. С. 571
[62] Бянкин В.П. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С. 61–62
[63] Вестник рыбопромышленности. СПб. 1900.№11. С. 572
[64] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 272. Л. 80,96.
[65] ГАПК Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 149об, Л. 70,об.
[66] П. д. № 19. С. 7.
[67] Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке ...С78.
[68] РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 2281. Л. 7–24.
[69] ДМФ. 1624/107. Ф. 1. Д. 7. Л. 16.
[70] Миронов Г.Е. История Государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX в. М., 1995. С. 460.
[71] Кириллов И.А. Правда старой веры. М., 1917. С. 382,384.
[72] Там же. С. 384.
[73] Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке... С. 83.
[74] П. д. № 15. С. 1–2.
[75] А.В. Ефременко Агрономический аспект столыпинской аграрной реформы // Вопросы истории 11–12. 1996. С. 4,6.
[76] Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 87.
[77] ДМФ КП 1624/18. Ф. 1. Д. 1. Л. 9.
[78] Там же.
[79] Миронов Г.Е. История Государства Российского ...С 453.
[80] Искандеров А.А. Российская монархия, реформы и революция. // Вопросы истории № 1.1994. С. 113.
[81] Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке ...С. 88.
[82] Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 86.
[83] Приамурье...С. 360.

[84] Там же. С. 346.
[85] Там же. 383–384.
[86] Власова И. В. Источники для изучения земледельческого опыта русского населения Сибири XVII–XVIII вв. (методика и результаты картографирования // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII-начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства.). Новосибирск. 1985. С. 28.
[87] Брянский А. М. Сельское хозяйство Дальневосточной...С. 22.
[88] Лыкова Е. А. Земледельческая культура крестьянства Дальнего Востока в начале XXв. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1999. С. 165.
[89] Приамурье...С. 400, 402.
[90] П. д. № 17. Ч. 1. С. 65,66.
[91] П. д. № 13. С. 118.
[92] Шликевич С. П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. // Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. С. 13.
[93] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 430.
[94] П. д. № 1. С. 5–6.
[95] П. д. № 19. С. 25.
[96] П. д. № 17. Ч. 1. С. 51; П. д. № 17. Ч. 2. С. 9.
[97] Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 53.
[98] Там же.
[99] Приамурье... С. 396.
[100] П. д. № 1. С. 5.
[101] П. д. № 14. С. 40.
[102] П. д. № 14. С. 53.
[103] П. д. № 17. Ч. 1. С. 15.
[104] П. д. № 17. Ч. 1. С73; П. д. № 17. Ч. 1. С. 95.
[105] П. д. № 19. С. 26.
[106] П. д. № 10. С. 26.
[107] П. д. № 17. Ч. 1. С. 73.
[108] Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири... С. 105.
[109] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 169. Л. 41–45.
[110] ПГОМ. Методический архив. Л-72. Воложенин Л. Г. Земледелие в Приморье. Владивосток. 1973. С. 6.
[111] П. д. № 17. Ч. 2. С. 49.
[112] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 169. Л. 40.
[113] П. д. № 14. С. 18.
[114] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 430.
[115] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 169. Л. 41–45.
[116] П. д. № 14. С. 23.
[117] П. д. № 16. С. 18.
[118] П. д. № 17. Ч. 1. С. 73.
[119] П. д. № 19. С. 24
[120] П. д. № 13. С. 44.
[121] П. д. № 15. С. 50.
[122] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 130,об, 430.
[123] П. д. № 17. Ч. 2. С. 9–10.
[124] П. д. № 13. С. 119
[125] П. д. № 19. С. 97.
[126] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 169. Л. 41–45
[127] П. д. № 19. С. 58.
[128] П. д. № 15. С. 58–60.
[129] П. д. № 16. С. 18.
[130] П. д. № 14, С. 49; П. д. № 13. С. 119.
[131] П. д. № 17. Ч. 1. С. 14,72,52,49,50.
[132] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 307. Л. 430
[138] П. д. № 12. С. 23.
[139] П. д. № 19. С. 79.
[140] П. д. № 13. С. 118.
[141] П. д. № 17. Ч. 1. С. 15.
[142] П. д. № 19. С. 78.
[143] П. д. № 7. С. 83.; П. д. № 17. Ч. 2. С. 69.
[144] Похозяйственные книги Архиповского сельсовета. Ф. 25. Оп. 1-. Д. 2,8,10,11,14.
[145] П. д. № 14. С. 18.
[146] П. д. № 17. Ч. 1. С. 14.
[147] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Л. 113об.
[148] Воложенин Л. Г. Земледелие в Приморье...С. 5.
[149] Личный архив автора. (письмо Денисова Ф. С., 2002 г.)
[150] П. д. № 16. С. 20.
[151] П. д. № 19. С. 24.
[152] П. д. № 17. Ч. 1. С. 71, 74,76.
[153] П. д. № 17. Ч. 1. С. 17.
[154] П. д. № 17. Ч. 1. С. 72.
[155] П. д. № 17. Ч. 1. С. 51.
[156] П. д. № 19. С. 7.
[157] П. д. № 19. С. 26.
[158] Островский И. В. Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма // Земледельческое освоение Сибири в к. XVII- нач. XXв. Новосибирск, 1985. С. 87–98,89.
[159] Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 54
[160] Подсчитано автором по: Меньщиков А. А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств приморской области. Саратов., 1912. Т. 3.
[161] П. д. № 14. С. 54
[162] П. д. № 19. С. 23.
[163] П. д. № 17. Ч. 2. С. 9.
[164] П. д. № 17. Ч. 1. С. 75.
[165] П. д. № 17. Ч. 1. С. 15.
[166] П. д. № 13. С. 120.
[167] П. д. № 17. Ч. 2. С. 9; П. д. № 17. Ч. 1. С. 15.
[168] Меньщиков А. А. Материалы по обследованию... С. 383.
[169] П. д. № 14. С. 54.
[170] Личный архив автора (Письмо Денисова Ф. С, 2000 г.); П. д. № 17. Ч. 1. С. 76.
[171] П. д. № 17. Ч. 2. С. 9.
[172] П. д. № 17. Ч. 2. С. 48.
[173] П. д. № 7. С. 83.
[174] П. д. № 17. Ч. 1. С. 51.
[175] П. д. № 17. Ч. 1. С. 16
[176] П. д. № 17. Ч. 1. С. 74.
[177] П. д. № 19. С. 23.
[178] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 159 об., 160.
[179] П. д. № 12. С. 30.
[180] П. д. № 4. С. 46.; П. д. № 7. С. 83.
[181] П. д. № 10. С. 26–27.
[182] Текущий архив ПГОМ (Анкета-вопросник Комова А. А.)
[183] П. д. № 14. С. 32.
[184] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 247; Там же. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 193,196об., 197, 494,550; Т. 10. Л. 107.
[185] П. д. № 17. Ч. 1. С. 71
[186] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 494; Оп. 3. Д. ПУ-6656. Т. 1. Л. 247.
[187] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 268. Л. 22–26.
[188] Подсчитано по: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048; Д. ПУ-6656.
[189] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-6656. Л. 1–91об.
[190] Приамурье.....С. 513.
[191] РГИА ДВ Ф. 1,оп. 1, д. 1153, Л. 257.
[192] Приамурье...С. 515.
[193] П. д. № 18. С. 29.
[194] П. д. № 15. С. 44.
[195] Личный архив автора (Письмо Казанцева Ф. М, 2002 г.).
[196] П. д. № 19. С. 29
[197] П. д. № 18. С. 29.
[198] П. д. № 19. С. 57.
[199] П. д. № 14. С. 76.
[200] ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. ПУ-7048. Т. 6. Л. 194.
[201] П. д. № 18. С. 50; П. д. № 19. С. 25.
[202] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 25. Л. 219,232.

[203]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 508; Т. 7. Л. 412.
[204]П. д. № 17. Ч. 1. С. 77; П. д. № 18. С. 58; П. д. № 19. С. 57.
[205]П. д. № 14. С. 23,33.
[206]П. д. № 13. С. 35.
[207]П. д. № 18. С. 24.
[208]П. д. № 13. С. 84.
[208]П. д. № 19. С. 27.
[209]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 257.
[210]П. д. № 14. С. 23.
[211]Опыты коннозаводства в Южно-Уссурийском крае на хуторе М. И. Янковского 1879–1896 гг СПб., 1896. С. 19–20.
[212]Там же. С. 20.
[213]П. д. № 18. С. 21.
[214]П. д. № 19. С. 28.
[215]РГИА ДВ Ф. 702,оп. 5, д. 25, л. 81.
[216]Там же. Л. 107.
[217]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 272. Л. 96.
[218]Опыты коннозаводства... С. 10–11.
[219]П. д. № 19. С. 57.
[220]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 199.
[221]П. д. № 18. С. 58.
[222]П. д. № 19. С. 26
[223]РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 268. Л. 22–26.
[224]Подсчитано по: ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048; Д. ПУ-6656.
[225]Там же.
[226]П. д. № 19. С. 7; П. д. № 19. С. 57.
[227]П. д. № 16. С. 17–18.
[228]Личный архив автора (Письма Казанцева Ф. М, Пугина И. К. 2002 г.).
[229]П. д. № 13. С. 120.
[230]Личный архив автора (Письмо Казанцева Ф. М, 2002 г.).
[231]П. д. № 19. С. 29.
[232]П. д. № 18. С. 10.
[233]П. д. № 7. С. 79.
[234]П. д. № 19. С. 28.
[235]Личный архив автора (Письмо Казанцева Ф. М. 2002 г.).
[236]П. д. № 19. С. 28.
[237]П. д. № 19. С. 8.
[238]П. д. № 19. С. 8.
[239]П. д. № 16. С. 106.
[240]П. д. № 12. С. 30.
[241]Текущий архив ПГОМ (Анкета-вопросник Комова А. А).
[242]П. д. № 17. Ч. 1. С. 80–81.
[243]Личный архив автора (Письмо Казанцева Ф. М. 2002 г.).
[244]П. д. № 7. С. 82.
[245]Плотников М. П. Северное и пантовое оленеводство в Дальневосточном крае. Москва-Хабаровск. 1933. С. 78; Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья. Опыт сравнительной характеристики. Барнаул. 2001. С. 14.
[246]Плотников М. П. Северное и пантовое... С. 79–80.
[247]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 272. Л. 96.
[248]РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 5. Д. 422. Л. 4,29.
[249]П. д. № 7. С. 25.
[250]П. д. № 14. С. 66.
[251]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 131об., 199.
[252]П. д. № 17. Ч. 1. С. 19
[253]Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение южной Сибири... С. 109.
[254]П. д. № 13. С. 46.
[255]Перетц В. Н. Легенда о происхождении картофеля.//Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1992. С. 98.
[256]П. д. № 10. С. 27.
[257]Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. С. 35–36
[258]П. д. № 12. С. 38.
[259]П. д. № 20. С. 116
[260]П. д. № 17. Ч. 2. С. 49.
[261]П. д. № 19. С. 98.
[262]П. д. № 10. С. 27.
[263]П. д. № 14. С. 84.; П. д. № 17. Ч. 1. С. 52.
[264]П. д. № 16. С. 20.; П. д. № 17. Ч. 1. С. 17.; П. д. № 19. С. 27.
[265]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 25. Л. 120.
[266]Васьковский И. И. Индийские пчелы на Дальнем Востоке // Уссурийское садоводство и огородничество. № 5. Владивосток, 1928. С. 23–24.
[267]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 25. Л. 120; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 575. Л. 8.
[268]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 575. Л. 2–24.
[269]Там же. Л. 4.
[270]П. д. № 13. С. 62.
[271]П. д. № 13. С. 63.
[272]П. д. № 13. С. 91–92.
[273]П. д. № 13. С. 124–125.
[274]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 575. Л. 24.
[275]РГИА ДВ Ф. 1 Оп. 5 Д. 1497. Л. 488–491.
[276]Аргудяева Ю. В. Старообрядцы... С. 129.
[277]РГИА ДВ Ф. 702. Оп 5. Д. 25. Л. 120.
[278]Там же.
[279]Меньщиков А. А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 362,375.
[280]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 423,424,об.
[281]П. д. № 1. С. 81.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 225–226.
[282]П. д. № 15. С. 52.
[283]Личный архив автора (Письмо Кочева К. И, 2001 г.).
[284]Меньщиков А. А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 362.
[285]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Т. 1. Л. 424об.
[286]Меньщиков А. А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 342, 362.
[286]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-33700. Л. 13об.
[287]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 494, 199; Т. 10. Л. 107; Т. 4. Л. 104,114.
[288]Личный архив автора (письма Ф. М. Казанцева и Кочева К. И., 2001,2002 гг.).
[289]П. д. № 15. С. 4, 19; П. д. № 18. С. 61.
[290]П. д. № 19. С. 29; П. д. № 18. С. 10.
[290]Личный архив автора (письмо Пугина И. К., 2002 г.)
[292]П. д. № 19. С. 30.
[293]П. д. № 19. С. 30
[294]П. д. № 19. С. 10.
[295]Личный архив автора. (Письмо Денисова Ф. С.) к Кобко В. В.
[296]П. д. № 7. С. 87.
[297]РГИА ДВ, Ф. 702. Оп. 1. Д. 1193. Л. 102.
[298]РГИА ДВ. Оп. 2. Д. 255. Л. 1
[299]Шликевич С. П. К вопросу об охотничьем промысле на Дальнем Востоке. // Труды Амурской экспедиции. Вып. 13. СПб. 1911. С. 2.
[300]Приамурье...С. 296.
[301]П. д. № 13. С. 40.
[302]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 18. Л. 42,58.
[303]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. ПУ-6656. Т. 8. Л. 86.
[304]П. д. № 12. С. 44.
[305]Приамурье...С. 260.
[306]П. д. № 17. Ч. 1. С. 28; П. д. № 7. С. 84; П. д. № 19. С. 45.
[307]Шликевич С. П. К вопросу об охотничьем промысле.... С. 7.
[308]П. д. № 18. С. 20: П. д. № 17. Ч. 2. С. 13.

[309]Шликевич С.П. К вопросу об охотничьем промысле... С. 17.; Рубинский В.И. Соболиный промысел на Дальнем Востоке. С. 25–59.
[310]Арсеньев В.К. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае. // Русское Приморье. № 3. 1922. С. 2.
[311]К вопросу об охотничьих промыслах на Дальнем Востоке. // Труды Амурской экспедиции, Вып. 13. СПб., 1911. С. 5.
[312]П. д. № 16. С. 76.
[313]Рубинский В.И. Соболиный промысел... С. 37.
[314]П. д. № 17. Ч. 2. С. 13.
[315]П. д. № 19. С. 47; П. д. № 17. Ч. 1. С. 26.
[316]В.И. Рубинский «Соболиный промысел...» С. 25–59.
[317]Там же. С. 37.
[318]П. д. № 17. Ч. 1. С. 25.
[319]П. д. № 18. С. 20,40.
[320]П. д. № 17. Ч. 1. С. 27; П. д. № 16. С. 76.
[321]Паничев А.А. Самарга. Прошлое, настоящее, будущее. Владивосток, 1998. С. 93.
[322]Шликевич С.П. К вопросу об охотничьем промысле... С. 13.
[323]П. д. № 13. С. 93.
[324]П. д. № 17. Ч. 2. С. 13.
[325]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7371.
[326]Рубинский В.И. «Соболиный промысел...» С. 25–59.
[327]П. д. № 17. Ч. 2. С. 14.
[328]П. д. № 13. С. 92.
[329]П. д. № 19. С. 49.
[330]ПГОМ. Фонофонд. НВ 6592–8.
[331]П. д. № 19. С. 48.
[332]П. д. № 13. С. 41.
[333]Рубинский В.И. «Соболиный промысел...» С. 40.
[334]П. д. № 17. Ч. 2. С. 12.
[335]П. д. № 17. Ч. 2. С 26; П. д. № 13. С. 138
[336]Рубинский «Соболиный промысел...» С. 37.
[337]П. д. № 16. С. 79,111; П. д. № 17. Ч. 1. С. 78.
[338]П. д. № 13. С. 48–49.
[339]П. д. № 16. С. 111; П. д. № 13. С. 13; П. д. № 17. Ч. 1. С. 78.
[340]П. д. № 17. Ч. 1. С. 26; П. д. № 19. С. 48.
[341]ПГОМ. Фонофонд. НВ 6592–14.
[342]П. д. № 13. С. 12; П. д. № 13. С. 64.
[343]П. д. № 17. Ч. 2. С. 13.
[344]П. д. № 17. Ч. 1. С. 77–78; П. д. № 7. С. 48,84.
[345]П. № 17. Ч. 1. С. 54,79; П. д. № 13. С. 39.
[346]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 62–64
[347]П. д. № 15. С. 26.
[348]П. д. № 17. Ч. 1. С. 77.
[349]П. д. № 17. Ч. 1. С. 78.
[350]П. д. № 17. Ч. 1. С. 19.
[351]Яковлев С.И. Братья Худяковы. Хабаровск — Владивосток. 1928. С. 77.
[352]П. д. № 13. С. 49.
[353]П. д. № 17. Ч. 1. С. 19.
[354]П. д. № 16. С. 81.
[355]П. д. № 17. Ч. 1. С. 19.; П. д. № 13. С. 37.
[356]П. д. № 19. С. 49; П. д. № 18. С. 20; П. д. № 12. С. 32.
[357]П. д. № 17. Ч. 1. С. 78.
[358]П. д. № 19. С. 49.
[359]П. д. № 13. С. 94.
[360]П. д. № 19. С. 47. П. д. № 19. С. 49.
[361]П. д. № 16. С. 81; П. д. № 17. Ч. 1. С. 78.
[362]П. д. № 19. С. 46.
[363]П. д. № 13. С. 46; П. д. № 18. С. 20; П. д. № 17. Ч. 1. С. 26.
[364]П. д. 13с. 40
[365]П. д. № 12. С. 94
[365]П. д. № 13. С. 138–139
[366]П. д. № 18. С. 20. П. д. 17юЧ. 1. С. 27.
[367]П. д. № 16. С. 80.
[368]П. д. № 13. С. 46; П. д. № 17. Ч. 1. С. 27.
[369]П. д. № 15. С. 63.
[370]П. д. № 13. С. 38.
[371]П. д. № 13. С. 125,126.
[372]П. д. № 15. С. 62.
[373]П. д. № 13. С. 94.
[374]П. д. № 19С. 46.
[375]П. д. № 13. С. 41.
[376]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 255. Л. 5.
[377]Там же. Л. 3.
[378]Арсеньев В.К. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае // Русское Приморье. № 3.1922. С. 1.
[379]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 255. Л. 4.
[380]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 422. Л. 1–29.
[381]П. д. 17. Ч. 1. С. 75–76; П. д. 18. С. 59; П. д. № 19. С. 36–37.
[382]П. д. 17. Ч. 2. С. 17. (п. д. 17ч2с16).
[383]П. д. № 14. С. 91. П. д. № 6. С. 37.
[384]П. д. № 13. С. 128.
[385]П. д. № 17. Ч. 1. С. 28,55.
[386]«Вестник рыбопромышленности». СПб., 1900.№11. С. 570–572; Бянкин В.П. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С. 61–62.
[387]Керчелаева Н.Б. Предприниматель Ефрем Власов // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 82.
[388]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 4. Л. 228.
[389]РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153 Л. 257.
[390]Там же.
[391]РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 22. Л. 22
[392]П. д. № 8. С. 21.
[393]П. д. № 16. С. 90–92.
[393]П. д. № 16. С. 90–92.
[395]П. д. № 16. С. 8–10.
[396]П. д. № 7. С. 44.
[397]П. д. № 19. С. 42.
[398]П. д. № 16. С. 73–74
[399]П. д. № 19. С. 38.
[400]П. д. № 19. С. 43.
[401]П. д. № 1. С. 3.
[402]П. д. № 1. С. 72; П. д. № 16. С. 90–92.
[403]П. д. № 16. С. 74; П. д. № 13. С. 42–44
[404]П. д № 13. С. 14.
[405]П. д. № 19. С. 42. 3.Л.
[406]П. д. № 16. С. 8–9
[407]П. д. № 17. Ч. 2. С. 16.; П. д. № 18. С. 23
[408]П. д. № 16. С. 74,90–92.
[409]П. д. № 16. С. 87.
[410]П. д. № 19. С. 44. П. д. № 13. С. 51.; П. д. № 19. С. 39
[411]П. д. № 19. С. 44
[412]П. д. № 19. С. 38
[413]П. д. № 13. С. 144.
[414]П. д. № 16. С. 8–10; П. д. № 13. С. 42–44, 49–50.
[415]П. д. № 16. С. 8–10; П. д. № 17. Ч. 1. С. 28.
[416]П. д. № 13. С. 137.
[416]П. д. № 1. С. 4; П. д. № 13. С. 53–54.
[417]П. д. № 8. С. 21,24.
[418]П. д. № 16. С. 73–76; П. д. № 17. Ч. 1. С. 28–29.
[419]П. д. № 13. С. 42–44
[420]П. д. № 13. С. 53–54.
[421]П. д. № 13. С. 128.
[422]П. д. № 16. С. 104.
[423]П. д. № 1. С. 3.
[424]П. д. № 12. С. 38; П. д. № 13. С. 42–44; П. д. № 16. С. 90–92; П. д. № 15. С. 65; П. д. № 16. С. 8–10.
[425]П. д. № 1. С. 72.
[426]П. д. № 16. С. 90–92.; ПГОМ. Фонофонд. НВ 6592–4.

[427]П. д. № 13. С. 28; П. д. № 13. С. 42–44; П. д. № 16. С. 75
[428]П. д. № 19. С. 38,43; П. д. № 16. С. 8–10.
[429]П. д. 1. С. 3. П. д № 16. С. 90–92
[430]П. д. № 1. С. 69.
[431]Рыбное хозяйство Дальнего Востока. Доклад Дальневосточного экономического совещания Уполнаркомпрода и Главрыбы т. Андрианова. Владивосток. 1923. С. 8.
[432]П. д. № 13. С. 49–50.
[433]Рыбное хозяйство Дальнего Востока...С. 9.
[434]П. д. № 7. С. 13; П. д. № 17. Ч. 1. С. 20. П. д. № 19. С. 99.
[435]П. д. № 16. С. 26, 82.
[436]П. д. № 12. С. 20; П. д. № 7. С. 48; П. д. № 17. Ч. 1. С. 18; П. д. № 14. С. 22. П. д. № 17. Ч. 1. С. 53
[437]П. д. № 12. С. 38–39.
[438]П. д. № 7С. 48; П. д. № 13. С. 126.; П. д. № 17. Ч. 1. С17.
[439]П. д. № 16. С. 81.
[440]П. д. № 15. С. 71.
[441]Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755.; Бонишко С.П. Кедровый промысел в лесах Прибайкалья и Забайкалья и его перспективы в будущем. Чита. 1923.
[442]П. д. № 13. С. 14–15,30; П. д. № 16. С. 25.
[443]П. д. № 19. С. 61
[444]П. д. № 8. С. 26.
[445]П. д. № 13. С. 14–15,30; П. д. № 17. Ч. 2. С. 16
[446]П. д. № 16. С. 25.
[447]П. д. № 13. С. 30.
[448]П. д. № 7. С. 84–85.
[449]П. д. № 13. С. 14–15.
[450]П. д. № 8. С. 26–27.
[451]П. д. № 12. С. 19; П. д. № 17. Ч. 2. С. 16.
[452]РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 572. Л. 46–48.
[433]РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 690. Л. 2–3.
[454]П. д. № 19. С. 34.
[455]Меньщиков А.А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 411.
[456]ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 1. Л. 324; Т. 3. Л. 107–108; Т. 3. Л. 234; Т. 5. Л. 3; Т. 6. Л. 194
[457]РГИАДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 872. Л. 134,140,212; Ф. 1. Оп. 2. Д. 1982. Л. 23,26; Там же. Д. 1196. Л. 6,148.
[458]РГИА ДВ.Ф. 1. Оп. 2. Д. 1196. Л. 148.
[459]РГИАДВ.Ф. 1. Оп. 4. Д. 872. Л. 134
[460]ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 5. Л. 127–128.
[461]ГАПК.Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Т. 6. Л. 550
[462]ГАПК.Ф. 1588. Оп. 2. П-35188. Л. 26.
[463]П. д. № 7. С. 55.
[464]П. д. № 12. С. 32–33.
[465]П. д. № 19. С. 31.
[466]Личный архив автора. (письмо Денисова Ф. С, 2002 г.)
[467]Краткий очерк кустарного лесного промысла в с. Ширяевка Ивановской волости Приморской области. // Приморский хозяин. № 9. 1916. Владивосток. С. 37,40.
[468]П. д. № 18. С. 53; П. д. № 7. С. 77
[469]П. д. № 19. С. 32.
[470]П. д. № 18. С. 21–23
[471]П. д. № 8. С. 82.
[472]П. д. № 19. С. 32.
[473]П. д. № 18. С. 27. П. д. № 19. С. 31.
[474]П. д. № 16. С. 104
[475]П. д. № 16. С. 108–109.
[476]П. д. № 18. С. 39.
[477]П. д. № 18. С. 27–28.
[478]П. д. № 17. Ч. 1. С. 39.
[479]П. д. № 12. С. 54.
[480]П. д. № 12. С. 32.
[481]Личный архив автора. (Письмо Денисова Ф. С, 2003 г.)
[482]П. д. № 8. С. 83.
[483]Меньщиков А.А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 411.

Глава II.

[1] Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII-начало XX века. М., 1996. С. 88
[2] П. д. № 12. С. 25.
[3] Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1975. С. 54, 55, 57, 89.
[4] Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев. Историко-этнографические исследования по материалам XIX–XX вв. Владивосток, 1998. С. 215
[5] П. д. № 19. С. 50.; П. д. № 18. С. 60.
[6] Меньщиков А.А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 229, 347.
[7] П. д. № 17. Ч. 1. С. 21.
[8] П. д. № 17. Ч. 2. С. 44–45.
[9] П. д. № 16. С. 50.
[10] П. д. № 17. Ч. 1. С. 40.
[11] Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С136.
[12] П. д. № 12. С. 27.
[13] П. д. № 16. С. 15; П. д. № 7. С. 24–25
[14] П. д. № 16. С. 106.
[15] П. д. № 7. С. 5.
[16] Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 145.
[17] П. д. № 7. С. 42
[18] П. д. № 17. Ч. 1. С. 55.
[19] П. л. № 15. С. 96.
[20] П. д. № 16. С. 47
[21] Меньщиков А.А. Материалы по обследованию ...Т. 3. С. 110,342.
[22] Там же. С. 231,300.
[23] Там же. С. 349.
[24] РГИА ДВ.Ф. 702. Оп. 5. Д. 572 С. 7.
[25] П.Д. № 16. С. 15, 110.
[26] П. д. № 14. С. 31.
[27] П. д. № 14. С. 42.
[28] П. д. № 16. С. 105–106; П. д. № 7. С. 43; Текуший архив ПГОМ. (анкеты — вопросники Комова А.А., Нагорнова Ф.М.)
[29] П. д. № 3. С. 72. П. д. № 7. С. 78. П. д. № 12. С. 16. П. д. № 14. С. 42
[30] П. д. № 19. С. 51. П. д. № 17. Ч. 1. С. 23. П. д. № 16. С. 17.
[31] П. д. № 17. Ч. 1. С. 23; П. д. № 16. С. 105,110.
[32] П. д. № 17. Ч. 1. С. 58. П. д. № 12. С. 28; П. д. № 3. С. 72.
[33] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 70.
[34] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83.
[35] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 76.
[36] П. д. № 8. С. 27; П. д. № 12. С. 16.,
[37] Текущий архив ПГОМ. (анкеты-вопросники А.А. Комова и Замятина Л.Ф.).
[38] П. д. № 17. Ч. 1. С. 23; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Фефелова И.Е.)
[39] П. д. № 13. С. 33.; П. д. № 7. С. 18.
[40] П. д. № 17. Ч. 1. С. 84.
[41] Текущий архив ПГОМ. (анкета-вопросник Комова А. А).
[42] П. д. № 13. С. 34.; П. д. № 19. С. 88; Текущий архив ПГОМ. (анкета Кушнаревой Е.С.)
[43] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83.

[44] П. д. № 19. С. 52.
[45] П. д. № 7. С. 43
[46] П. д. № 7. С. 78.
[47] П. д. 8. С. 28; Текуший архив ПГОМ (анкеты-вопросники Фефелова И.Е., Замятина Л. Ф).
[48] П. д. № 16. С. 105,110.
[49] П. д. № 12. С. 29.
[50] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83.; П. д. № 12. С. 17; П. д. № 18. С. 37.
[51] П. д. № 12. С. 29., Текущий архив ПГОМ. (анкета — вопросник Малютина А.И.)
[52] П. д. № 17. Ч. 2. С. 8.
[53] П. д. № 7. С. 43; Текущий архив ПГОМ. (анкета. — вопросник Комова А.А.)
[54] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83
[55] П. д. № 16. С. 17.
[56] П. д. № 12. С. 29.
[57] П. д. № 13. С. 35. П. д. № 16. С. 105–106,111; Текущий архив ПГОМ. (анкеты-вопросники Комова А.А., Замятина Л.Ф.)
[58] П. д. № 3. С. 72. П. д. № 16. С. 105–106
[59] П. д. № 17. Ч. 1. С. 23 П. д. № 13. С. 35
[60] П. д. № 19. С. 53; П. д. № 8. С. 28–29.
[61] П. д. 12. С17.
[62] П. д. № 12. С. 17.; Текущий архив ПГОМ (анкета — вопросник Малютина А.И.)
[63] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 102.
[64] П. д. № 7. С. 78; Текуший архив ПГОМ (анкета-вопросник Комова А.А., Нагорнова Ф.М.)
[65] П. д. № 14. С. 42; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Бортниковой Е., Малютина А.И., Фефелова И.Е.)
[66] П. д. № 12. С. 17. П. д. 12,с. 29; П. д. № 13. С. 35
[67] П. д. № 13. С. 35; П. д. № 7. С. 78; П. д. № 16. С. 111
[68] П. д. № 17. Ч. 1. С. 88; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Фефелова И.Е.)
[69] П. д. № 17. Ч. 1. С. 23. П. д. № 17. Ч. 2. С. 28
[70] П. д. № 13. С. 35.; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Малютина А.И.)
[71] П. д. № 7. С. 79.
[72] П. д. № 8. С. 29. П. д. № 7. С. 79.
[73] П. д. № 13. С. 35. П. д. № 7. С. 5.
[74] П. д. № 14. С. 44.; П. д. № 7. С. 77.
[75] П. д. № 19. С. 55.
[76] П. д. 1. С. 6–7. П. д. № 7. С. 44.
[77] Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Кирьяновой Е.Л.)
[78] П. д. № 19. С. 54.
[79] П. д. № 16. С. 105.
[80] П. д. № 19. С. 54.
[81] П. д. № 19. С. 88.
[82] Липинская В.А. Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (сер. XIX- начало XXв) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 170–201,188.
[83] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 265.
[84] П. д. № 17. Ч. 2. С. 8.
[85] П. д. № 16. С. 15... [86] П. д. № 16. С. 106.
[87] П. д. № 16. С. 15.
[88] П. д. № 13. С. 34.
[89] П. д. № 20. С. 127
[90] П. д. № 16. С. 15–17.
[91] П. д. № 12. С. 14; П. д. № 18. С. 40
[92] П. д. № 19. С. 94.
[93] П. д. № 16. С. 17. П. д. № 19. С. 54
[94] П. д. № 7. С. 42.; П. д. № 12. С. 14. П. д. № 3. С. 72; П. д. № 16. С. 28.
[95] П. д. № 17. Ч. 1. С. 12.
[96] П. д. № 18. С. 41.
[97] П. д. № 13. С. 35
[98] П. д. № 17. Ч. 2. С. 8.
[99] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 406.
[99] П. д. № 12. С. 30. П. д. № 12. С. 15
[100] П. д. № 19. С. 87.
[101] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 274.
[102] П. д. № 19. С. 87.
[103] П. д. № 19. С. 87.
[104] Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Кирьяновой Е.Л.)
[105] П. д. № 7. С. 18. П. д. № 18. С. 41
[106] П. д. № 16. С. 19–20
[107] П. д. № 13. С. 34; П. д. № 19. С. 54.
[108] П. д. № 15. С. 60.
[109] П. д. № 12. С. 15.
[110] П. д. № 19. С. 89.
[111] Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 208; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — сер. XIX в. М., 1981. С. 104.
[112] П. д. № 19. С. 56; П. д. № 7. С. 82; П. д. № 8. С. 29–30; П. д. № 12. С. 30; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Комова А.А.)
[112] П. д. № 13. С. 35
[113] П. д. № 13. С. 36.
[114] П. д. № 16. С. 106; П. д. № 8. С. 29.
[115] П. д. № 7. С. 79
[116] П. д. № 17. Ч. 1. С. 76.
[117] П. д. № 16. С. 17; П. д. № 17. Ч. 1. С. 24.
[118] Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры М., 1959, С. 167
[119] П. д. № 7. С. 81.
[120] П. д. № 16. С. 17.
[121] П. д. № 12. С. 87.
[122] П. д. № 19. С. 56
[123] П. д. № 7. С. 5.
[124] Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Комова А.А., Малютина А.И.
[125] П. д. № 8. С. 24.
[126] П. д. № 17. Ч. 1. С. 83; П. д. № 12. С. 29; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Комова А.А., Малютина. А.И.)
[127] П. д. № 19. С. 59.
[128] П. д. № 19. С. 63.
[129] П. д. № 19. С. 58
[130] П. д. № 17. Ч. 1.32; П. д. № 18. С. 53
[131] П. д. № 17. Ч. 1. С. 79
[132] П. д. № 18. С. 53. П. д. № 17Ч. 1. С. 80
[133] П. д. № 19. С. 86; П. д. № 18. С. 61.
[134] П. д. № 7. С. 86.
[135] П. д. № 17. Ч. 1. С. 80; П. д. № 19. С. 63.
[136] П. д. № 17. Ч. 1. С. 80
[137] Зеленин. Д. К Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 169.
[137] П. д. № 14. С. 39
[138] Хозяйство и быт русских крестьян.... С. 214,216
[139] П. д. № 4. С. 60
[140] П. д. № 19. С. 63
[141] П. д. № 16. С. 88; П. д. № 13. С. 11.
[142] П. д. № 17. Ч. 1. С. 31. П. д. № 18. С. 53; П. д. № 19. С. 58
[143] П. д. № 17. Ч. 2. С. 12.
[144] П. д. № 16. С. 88.
[145] П. д. № 1. С. 10 П. д. № 19. С. 67.
[146] П. д. № 19. С. 68
[147] РГИА ДВ Ф. 704. Оп 1. Д. 190. Л. 3.
[148] П. д. № 19. С. 66.
[149] П. д. № 19. С. 83 П. д. № 19. С. 66.
[150] П. д. № 19. С80.

[151]П. д. № 1. С. 42.
[152]П. д. № 14. С. 36. П. д. № 7. С. 39 П. д. № 7. С. 39
[153]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 41.
[155]П. д. № 14. С. 46
[156]П. д. № 5. С. 9. П. д. № 19. С. 83 П. д. № 14. С. 35.
[157]Фурсова Е. Ф. Поликовые рубахи крестьянок Южного Алтая второй полвины XIX-начала XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII-начала XXвв. Новосибирск, 1985. С. 184; Она же. Традиционная одежда русских крестьян — старожилов Верхнего Приобья (конец XIX-начало XX вв, Новосибирск, 1997. С. 34.
[158]П. д. № 19. С. 84; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Кирьяновой Е. Л.)
[159]П. д. № 19. С. 85.
[160]П. д. № 19. С. 90.
[161]Черных А. В. Традиционный костюм старообрядческого населения юго-западного Прикамья в конце XIX–XX в. // Старооообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001. С. 195; Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 45.
[162]П. д. № 8. С. 4.
[163]П. д. № 17. Ч. 1. С. 46.
[164]П. д. № 17. Ч. 1. С. 46.
[165]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 49.
[166]П. д. № 16. С. 27.
[167]П. д. № 2. С. 42
[168]Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 642.
[169]П. д. № 5. С. 9. П. д. № 8. С. 19
[170]П. д. № 7. С. 7.
[171]П. д. № 8. С. 69.
[172]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С59.
[173]П. д. № 14. С. 35, 46.
[174]П. д. № 4. С. 36.
[175]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 59.
[176]П. д. № 8. С. 69.
[177]П. д. № 19. С. 68.
[178]П. д. № 19. С. 85
[179]П. д. № 17. Ч. 1. С. 12
[180]П. д. № 18. С. 46.
[181]П. д. № 17. Ч. 1. С. 12
[182]Русакова Л. М. Узоры поясов: к проблеме дешифровки (по материалам старообрядцев Алтая) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск. 1992. С. 234–235.
[188]Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 650
[189]П. д. № 12. С. 40,54.
[190]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 61.
[191]Там же. С. 61.; П. д. № 8. С. 93.
[192]П. д. № 19. С. 90 П. д. № 8. С. 68.
[193]П. д. № 17. Ч. 1. С. 47.
[194]П. д. № 18. С. 31.
[195]П. д. № 19. С. 65.
[196]П. д. № 4. С. 15.
[197]П. д. № 17. Ч. 1. С. 56–57.
[198]П. д. № 14. С. 49.
[199]П. д. № 19. С. 89.
[200]П. д. № 17. Ч. 2. С. 70.
[201]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 71.
[202]П. д. № 19. С. 91
[203]П. д. № 16. С. 112.
[204]П. д. № 2. С. 42
[205]Восточнославянский этнографический сборник. ...С. 674
[206]П. д. № 8. С. 68.
[207]П. д. № 20. С. 112
[208]П. д. № 19. С. 50; П. д. № 8. С. 68; П. д. № 14. С. 78
[209]П. д. № 13. С. 59.
[210]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 113
[211]П. д. № 14. С. 34; П. д. № 19. С. 86
[212]П. д. № 19. С. 70.
[213]П. д. № 19С. 67.
[214]П. д. № 19. С. 86.
[215]П. д. № 9. С. 18.
[216]П. д. № 19. С. 86.
[217]П. д. № 14. С. 81.
[218]П. д. № 12. С. 40. П. д. № 19. С. 69
[219]П. д. № 15. С. 65.
[220]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 63.
[221]П. д. № 8. С. 50.
[222]Русский традиционный костюм. СПб. 1998. С. 104
[223]П. д. № 14. С. 36,49.
[224]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 63.
[225]П. д. № 1. С. 10,42; П. д. № 19. С. 69
[226]П. д. № 19. С. 82
[227]П. д. № 19. С. 68.
[228]На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XXVII–XXвв. М., 1989. С. 152.
[229]П. д. № 1. С. 10, 42, 74; П. д. № 19. С. 68.
[230]П. д. № 18. С. 42. П. д. № 18. С. 36. П. д. № 19. С. 67.
[231]П. д. № 13. С. 65; П. д. № 17. Ч. 1. С. 48; П. д. № 18. С. 36; П. д. № 19. С. 81.
[232]П. д. № 17. Ч. 1. С. 48.
[233]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян .... С. 100
[234]П. д. № 8. С. 3; П. д. № 14. С. 80.
[235]П. д. № 19. С. 68,69. П. д. № 18. С. 37,42; П. д. № 1. С. 10; П. д. № 14. С. 36.
[236]П. д. № 19. С. 82; П. д. № 13. С. 65. П. д. № 19. С. 69
[237]П. д. № 19. С. 82. П. д. № 13. С. 65.
[238]П. д. № 7. С. 38.
[239]П. д. № 1. С. 11.
[240]П. д. № 19. С. 33–34.
[241]П. д. № 14. С. 34.
[242]П. д. № 16. С. 83. П. д. № 18. С. 49
[243]П. д. № 9. С. 31.; П. д. № 19. С. 72.
[244]П. д. № 19. С. 72; П. д. № 16. С. 29; П. д. № 17. Ч. 1. С. 50.
[245]П. д. № 19. С. 33. П. д. № 14. С. 69.
[246]П. д. № 18. С. 37; П. д. № 19. С. 66.
[247]П. д. № 15. С. 102.
[248]П. д. № 15. С. 102.
[249]П. д. № 17. Ч. 2. С. 14–15. П. д. № 7. С. 85.
[250]П. д. № 7. С. 45
[251]П. д. № 12. С. 42.
[252]П. д. № 13. С. 127; П. д. № 14. С. 34.
[253]П. д. № 15. С. 63.
[254]П. д. № 1. С. 10 П. д. № 13. С. 127.
[255]П. д. № 7. С. 8. П. д. № 17. Ч. 2. С. 14–15 П. д. № 13. С. 127.
[256]П. д. № 14. С. 81.
[257]Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993 С. 16,38.
[258]П. д. № 7. С. 29 П. д. № 1. С. 26.
[259]П. д. № 9. С. 17 П. д. № 7. С. 29.
[260] Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян ...С. 118
[261]П. д. № 15. С. 64.
[262]П. д. № 7. С. 30.
[263]П. д. № 6. С. 32.; П. д. № 8. С. 18.

[264]П. д. № 7. С. 49.
[265]П. д. № 7. С. 30.
[266]П. д. № 7.31.
[267]П. д. № 19. С. 93.
[268]П. д. № 4. С. 6–7 П. д. № 1. С. 36–37.
[269]П. д. № 19. С. 64.
[270]П. д. № 19. С. 93. П. д. № 5. С. 10.
[271]П. д. № 14. С. 46.
[272]П. д. № 6. С. 35; П. д. № 5. С. 15; П. д. № 19. С. 64.
[273]П. д. № 6. С. 35.
[274]П. д. № 14. С. 46
[275]П. д. № 19. С. 64.
[276]П. д. № 14. С. 27
[277]Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян ...С. 125.
[278]П. д. № 1. С. 11–12.
[279]П. д. № 19. С. 93. П. д. № 19. С. 65; Байбурин А. К. Ритуал...С. 108.
[280]ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. С. 36.
[281]П. д. № 17. Ч. 1. С. 46; П. д. № 17. Ч. 2. С. 33, 52.
[282]П. д. № 14. С. 36.
[283]П. д. № 14. С. 49.
[284]П. д. № 6. С. 21.
[285]П. д. № 15. С. 64.
[286]П. д. № 7. С. 63. П. д. № 9. С. 19
[287]П. д. № 14. С. 50.
[288]Розен Е. Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 253
[289]П. д. № 1. С. 24.
[290]П. д. № 19. С. 93.
[291]П. д. № 19. С. 73.
[292]П. д. № 19. С. 74.
[293]П. д. № 19. С. 73.
[294]П. д. № 18. С. 19
[295]П. д. № 19. С. 6.
[296]П. д. № 19. С. 57.
[297]П. д. № 19. С. 5.
[298]П. д. № 4. С. 63.
[299]П. д. № 19. С. 94
[300]П. д. № 19. С. 94.
[301]П. д. № 4. С. 71
[302]П. д. № 19. С. 96.
[302]П. д. № 19. С. 74.
[304]П. д. № 19. С. 18. П. д. № 19. С. 75
[305]П. д. № 19. С. 74.
[306]П. д. № 19. С. 97.
[307]П. д. № 19. С. 18.
[308]Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 147
[309]П. д. № 1о. С. 49
[310]П. д. № 19. С. 20
[311]П. д. № 19. С. 81.
[312]П. д. № 15. С. 43.
[313]П. д. № 19. С. 21.
[314]П. д. № 19. С. 81.
[315]П. д. № 7. С. 81
[316]ПГОМ. Фонофонд. НВ. 6592–13
[317]П. д. № 19. С. 101. П. д. № 15. С. 105
[318]П. д. № 15. С. 43.
[319]П. д. № 19. С. 101.
[320]П. д. № 19. С. 95.
[321]П. д. № 19. С. 19; П. д. № 15. С. 105.
[322]П. д. № 16. С. 10. П. д. № 19. С. 21.
[323]П. д. № 16. С. 9
[324]П. д. № 16. С. 9.
[325]П. д. № 19. С. 45.
[326]П. д. № 17. Ч. 1. С. 30.
[327]П. д. № 12. С. 39.
[328]П. д. № 14. С. 45.
[329]П. д. № 12. С. 39. П. д. № 19. С. 97
[330]П. д. № 19. С. 98–99.
[331]П. д. № 19. С. 98. П. д. № 16. С. 19.
[332]П. д. № 19. С. 20.
[333]П. д. № 19. С. 99
[334]П. д. № 15. С. 106.; П. д. № 16. С. 82; П. д. № 15. С. 107
[335]П. д. № 16. С. П. д. № 15. С. 107
[336]П. д. № 15. С. 106.
[337]П. д. № 13. С. 15.
[338]П. д. № 19. С. 99.
[339]П. д. № 12. С. 29.
[340]П. д. № 19. С. 20; П. д. № 15. С. 16; П. д. № 19. С20
[341]П. д. № 19. С. 76.
[342]П. д. № 19. С. 18.
[343]П. д. № 19. С. 76. П. д. № 19. С. 76.
[344]П. д. № 7. С. 8. П. д. № 19. С. 21
[345]П. д. № 19. С. 95.
[346]П. д. № 15. С. 43.
[347]П. д. 315. С. 104
[348]П. д. № 19. С. 96.
[349]П. д. № 5. С. 6.
[350]П. д. № 15. С. 104
[351]П. д. № 19. С. 96.
[352]П. д № 7. С. 13.
[353]П. д. № 1. С. 30.
[354]П. д. № 14. С. 45.
[355]П. д. № 19. С. 77.
[356]П. д. № 19. С. 5–6
[357]П. д. № 19. С. 13–14.
[358]П. д. № 19. С. 40–41.
[359]П. д. № 15. С. 107
[360]П. д. № 15. С109.
[361]П. д. № 15. С. 108
[362]П. д. № 17. Ч. 1. С. 73.
[363]П. д. № 15. С. 108
[364]П. д. № 16. С. 39.
[365]П. д. № 18. С. 19.
[366]П. д. № 18. С. 54
[367]П. д. № 16. С. 62.
[368]П. д. № 15. С. 109.
[369]П. д. № 18. С. 9. П. д. № 17. Ч. 1. С. 57
[370]П. д. № 19. С. 81, 119.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

ГАПК — Государственный архив Приморского края.

ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.

ДМФ — Литературно-мемориальный дом-музей А. А. Фадеева п. Чугуевка.

МПК — Музей Приморского края

ПГОМ — Приморский государственный музей имени В. К. Арсеньева.

П. д. — полевой дневник.

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВВЕДЕНИЕ 4

ЧАСТЬ I. История формирования старообрядческого населения Приморья. 7

Глава I. «...в восточные пределы...» 7
Глава II. «Из деревни российской в город Ассирийскай...» 12
Глава III. Забайкальцы в Южно-Уссурийском крае 15
Глава IV. «...охотно в дебри уходили...» 19
Глава V. Поиски истинной веры 37
«Разожгите сердце свое к познанию истины...»
(старообрядцы-токаревцы Приморья) 38
Общины старообрядцев — самокрестов в Приморье 42
Общины старообрядцев-федосеевцев в Приморье 43
Общины старообрядцев часовенных в Приморье (Арсеньевская община) 44
Глава VI. «...на открытое море...» 49
Глава VII. «Пустынюшка родная,
Остаешься ты пустая,
Любимых чад
Тебе больше не видать...» 65
Глава VIII. «...смятение великое...» 73
Глава IX. «Кругосветное блужение»... 80
Глава X. Общины старообрядцев белокриницкого согласия г. Владивостока 82

ПРИЛОЖЕНИЕ. Старообрядческие роды Приморья 89

ЧАСТЬ II. Хозяйственная деятельность и материальная культура старообрядцев ... 109

Глава 1. Хозяйственная деятельность старообрядцев 109
Глава 2. Материальная культура старообрядцев. 146

Заключение 187
ПРИЛОЖЕНИЕ 189
Охотничьи байки 189
Примечания 193